

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2019

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю. А. Борисёнок, кандидат исторических наук, доцент
Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор
Н. Н. Запольская, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (главный редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
А. А. Плотникова, доктор филологических наук
Н. Н. Станков, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенёва, кандидат филологических наук, доцент

РЕДСОВЕТ:

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия
Д. Дзиффер, профессор, Университет Удине, Италия
Л. Димич, академик САНИ, профессор, Белградский университет
П. Женьох, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия
А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия
М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония
В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария
А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

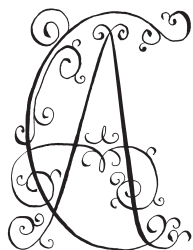
РЕДАКЦИЯ:

А. К. Александрова, кандидат исторических наук
М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Л. А. Кирилина, кандидат исторических наук
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук
М. М. Макарецев, кандидат филологических наук
О. В. Трефилова
Е. В. Шатько

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2·2019

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2019

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2019. — Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2019. — 584 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2019 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории культуры, языкознания, этнолингвистики и литературоведения. Отдельный тематический блок номера посвящен военно-политической истории Польши и Украины в 1660–1670-х гг. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2019. Issues 1–2 /
ed. K. V. Nikiforov. — Moscow: Indrik, 2019. — 584 p.

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2019) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on topical problematics from the history of Slavic people, history of culture, linguistics, ethno-linguistics and literary studies. The special topic of the issue is military and political history of Poland and Ukraine in the 1660s and 1670s. The chronological span of the publications is between the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Индрик», 2019

Содержание

История

<i>Ридэль И. П. (Москва). Идея богоизбранности чехов в «Чешской хронике» Джованни Мариньолы</i>	13
<i>Стыкалин А. С. (Москва). Венгерская революция 1848–1849 гг.: взгляд через 170 лет</i>	29
<i>Гимадеев Т. В. (Казань). Отклик на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии и публицистике (до 1918 г.)</i>	46
<i>Тимиряев Д. О. (Белгород). Отношение в отечественной публицистике к австрийскому опыту административно-политической интеграции польских территорий (1881–1914 гг.)</i>	59
<i>Станков Н. Н. (Москва). Повседневная жизнь в Чехословацкой республике начала 1920-х годов в письмах служащего советской миссии Красного Креста в Праге И. И. Левина</i>	72
<i>Баринев И. И. (Москва). Обреченный альянс: балтийские немцы и белорусские националисты, 1914–1941 гг.</i>	85
<i>Рыбалка А. А. (Пенза). Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича</i>	109
<i>Ганин А. В. (Москва). «В настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно»: Военспецы Киевской объединенной школы командиров РККА имени С. С. Каменева под надзором органов госбезопасности в 1924–1926 гг.</i>	134

Польша и Украина в XVII веке

<i>Великанов В. С. (Москва). Чигиринский поход кн. Г. Г. Ромодановского в 1676 г.: низложение гетмана П. Д. Дорошенко и установление формального контроля над Правобережьем</i>	156
<i>Хундерт З. (Варшава). Военно-политическая деятельность коронного хорунжего и воеводы киевского Анджея Потоцкого в 1667–1673 гг.</i>	178
<i>Бабулин И. Б. (Москва). Оборона Глухова против польской армии короля Яна Казимира в 1664 г.</i>	213

История культуры

<i>Щавинская Л. Л. (Москва)</i> . «Белорусское» прошлое, настоящее и будущее в представлениях католического митрополита Станислава Богуш-Сестренцевича	237
<i>Лабынцев Ю. А. (Москва)</i> . Историограф белорусского национального движения в Костеле ксендз Адам Станкевич	254
<i>Янчаркова Ю. (Прага)</i> . Николай Окунев и самая большая выставка русского искусства в Чехословакии	271

Лингвистика

<i>Грищенко А. И. (Москва)</i> . Названия благовоний, специй и сладостей в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века	282
<i>Теуш О. А. (Екатеринбург)</i> . Апеллятивные номинации болотистой местности в диалектах Европейского севера России	305

Этнолингвистика

<i>Гура А. В. (Москва)</i> . Символика кошки в славянской народной традиции	335
<i>Плотникова А. А. (Москва)</i> . Балканославянская специфика рождественского диалога-ритуала на Пчине (Сербия)	371

Литературоведение

<i>Чепелевская Т. И. (Москва)</i> . Художественное историческое время в творчестве Ивана Цанкара	383
<i>Бодрова А. Г. (Санкт-Петербург)</i> . Загадка Ивана Цанкара: множественность интерпретационных кодов	400
<i>Лунькова Н. А. (Москва)</i> . Поэтика пространства в цикле рассказов «Одинокие ветряные мельницы» С. Стратиева	420
<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . «Мой триестский адрес»: этнокультурная самоидентификация писателя в условиях словенско-итальянского пограничья	434
<i>Байдалова Е. В. (Москва)</i> . О специфике постколониальных исследований в современном украинском литературоведении	446
<i>Широкова Л. Ф. (Москва)</i> . Отражение феномена полиэтничности в словацком романе XXI в.	462

- Адельгейм И. Е. (Москва).* Имагологические исследования
В. А. Хорева и проблема восприятия России в (межвоенной)
Польше [в связи с варшавской конференцией
«Русская литература и культура в межвоенной Польше»] 472

Публикации

- Ганин А. В. (Москва).* «Идея большевизма обгоняет красную
украинскую армию»: донесение белого разведчика
о состоянии украинских советских войск. 1919 год 484
- Селиванов И. Н. (Курск).* Из истории русской эмиграции
межвоенного периода: письмо П. Н. Краснова югославскому
королю Александру (июль 1930 г.) 493
- Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. (Москва).* «Обстановка у них
складывается такая, что на т. Свободу... дают»: советское
руководство и урегулирование взаимоотношений
с Чехословакией. Май 1969 г.512

Рецензии и обзоры

- Добычина А. С. (Москва).* «Болгария после Болгарии»: новая книга
о влиянии болгарской государственности на территории
Молдавии и Валахии (XIV — начало XVIII в.) 520
- Борисёнок Ю. А. (Москва).* Белорусские земли в составе
Российской империи (1772–1917 гг.):
поиск новых научных подходов 525
- Пилипенко Г. П. (Москва).* Новые учебные пособия по русинскому
языку 536
- Бодрова А. Г. (Санкт-Петербург).* Поэтика плюрализма:
литература независимой Словении 541
- Виноградова Л. Н. (Москва).* Женские образы
украинской мифологии 547

Хроника

- Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва).* Международная научная
конференция «Могилевская римско-католическая
архиепархия: свидетельства живой памяти (1783–1939 гг.)» 555
- Седакова И. А., Валенцова М. М. (Москва).* Круглый стол
«Взгляд на славянскую аксиологию» 558

<i>Шатько Е. В. (Москва). Дискуссионный клуб литературоведов. Встречи 2018</i>	568
<i>Кожина С. А. (Москва). Круглый стол «Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы XX–XXI вв.: структура, типология, социокультурный контекст»</i>	572
Сведения об авторах	576

Content

History

<i>Riedel I. P. (Moscow)</i> . The idea of God's chosenness of the Czechs in the "Annals of Bohemia" by Giovanni de' Marignolli	13
<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . The Hungarian Revolution of 1848–1849 in the historical retrospective after 170 years	29
<i>Gimadeev T. V. (Kazan)</i> . The feedback on the Slavophile theory of the Hussite movement in the Czech non-fiction historical literature (before 1918)	46
<i>Timiryayev D. O. (Belgorod)</i> . The attitude of the Russian political writers to the Austrian experience of the administrative-political integration of the Polish territories (1881–1914)	59
<i>Stankov N. N. (Moscow)</i> . The everyday life in the Czechoslovak Republic at the beginning of 1920s in the letters of Red Cross mission's official I. I. Levin	72
<i>Barinov I. I. (Moscow)</i> . The Failed Alliance: The Baltic Germans and the Belorussian Nationalists, 1914–1941	85
<i>Rybalka A. A. (Penza)</i> . The last years of N. V. Savelyev-Rostislavich	109
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . "Currently it is in general risky to be friends with anybody": The military specialists of Kiev United school of commanders of the Red army named after S. S. Kamenev under the supervision of state security agencies in 1924–1926	134

Poland and Ukraine in the 17th century

<i>Velikanov V. S. (Moscow)</i> . Chigirin campaign of 1676 by G. Romodanovskiy: The dethronement of Hetman P. D. Doroshenko and the establishment of the formal control on the Right-bank Ukraine	156
<i>Hundert Zbigniew (Warszawa)</i> . The political and military activity of the Crown Chorąży and Kiev Voivode Andrzej Potocki in 1667–1673	178
<i>Babulin I. B. (Moscow)</i> . The defense of Glukhov against the Polish army of king John Casimir in 1664	213

 History of culture

- Shchavinskaja L. L. (Moscow)*. The “Belarusian” past, present and future in the representations of the Catholic Metropolitan Stanisław Bohusz Siestrzeńcewicz 237
- Labyntsev Ju. A. (Moscow)*. Adam Stankevich, a historian of the Belarusian national movement in the Catholic Church and a catholic priest 254
- Jančárková Julie (Prague)*. Nikolay Okunev and the biggest exhibition of Russian art in Czechoslovakia 271

Linguistics

- Grishchenko A. I. (Moscow)*. Names of fragrances, spices, and sweets in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the 15th century 282
- Teush O. A. (Yekaterinburg)*. Appellative nominations marshland in the dialects of the European North of Russia 305

Etnolinguistics

- Gura A. V. (Moscow)*. The symbolism of cat in the Slavic folk tradition 335
- Plotnikova A. A. (Moscow)*. The Balkan Slavic specificity of a Christmas dialogue ritual in Pčinja (Serbia) 371

Studies of literature

- Chepelevskaya T. I. (Moscow)*. Art historical time in the works of Ivan Cankar 383
- Bodrova A. G. (Saint Petersburg)*. Ivan Cankar’s mystery: The multiplicity of interpretation codes 400
- Lunkova N. A. (Moscow)*. The poetics of space in the short stories cycle “The Lonely Windmills” by S. Stratiev 420
- Starikova N. N. (Moscow)*. “My Trieste address”: The ethno-cultural self-identification in the conditions of the Slovenian-Italian borderlands 434
- Baydalova E. V. (Moscow)*. On the specifics of postcolonial research in the contemporary Ukrainian literary studies 446
- Shirokova L. F. (Moscow)*. A reflection of the polyethnic phenomenon in the Slovak novel of the 21st century 462

<i>Adelgym I. E. (Moscow)</i> . Viktor A. Khorev's imagological research and the problem of the reception of Russia in (the interwar) Poland [in connection with the Warsaw conference "Russian literature and culture in the interwar Poland"]	472
---	-----

Publications

<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . "The idea of Bolshevism is in advance of the Ukrainian Red Army": A report of a White scout on the situation of the Ukrainian Soviet troops in 1919	484
<i>Selivanov I. N. (Kursk)</i> . From the history of the Russian emigration in the interwar period: The letter of P. N. Krasnov to the Yugoslav King Aleksandar (July, 1930)	493
<i>Dzhalilov T. A., Pivovarov N. Yu. (Moscow)</i> . "There is such a situation that Comrade Svoboda is under pressure". The Soviet leadership and the settlement of relations with Czechoslovakia. May 1969	512

Reviews

<i>Dobychina A. S. (Moscow)</i> . «Bulgarie après Bulgarie»: A new book about the influence of Bulgarian statehood on the Moldavian and Wallachian Lands (14 th — beginning of the 18 th c.)	520
<i>Borisyonok Yu. A. (Moscow)</i> . The Belarusian territories in Russian Empire (1772–1917): In search of new academic approaches	525
<i>Pilipenko G. P. (Moscow)</i> . New phrasebooks on the Rusyn language	536
<i>Bodrova A. G. (Saint Petersburg)</i> . Poetics of pluralism: The literature of independent Slovenia	541
<i>Vinogradova L. N. (Moscow)</i> . The female characters in the Ukrainian mythology	547

Chronicle

<i>Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)</i> . The international academic conference "The Mogilev Roman Catholic Archbishopric: Testimonies of the living memory (1783–1939)"	555
<i>Sedakova I. A., Valentsova M. M. (Moscow)</i> . The round table "A View on the Slavic Axiology"	558
<i>Shatko E. V. (Moscow)</i> . The meetings of the Discussion club of the specialists in literature, 2018	568

<i>Kozhina S. A. (Moscow)</i> . The round table “Literary and critical periodicals in the countries of Central and South East Europe in the 20 th and 21 st centuries: Their structure, typology, and sociocultural context”	572
About the Authors	580

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)

И. П. Ридэль
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Идея богоизбранности чехов в «Чешской хронике» Джованни Мариньолы

Статья посвящена анализу написанной кардиналом Джованни Мариньолой «Чешской хроники» — выдающегося памятника хронистики эпохи императора Карла IV, в котором чехи впервые изображаются как богоизбранный народ. Цель хроники — вписать историю чешского народа во всемирный исторический процесс. Основываясь на собственных этимологических и этногенетических предположениях, хронист изображает славян как «солнечный и славный народ», который призван к тому, чтобы превратить Священную Римскую империю в рай на земле. При этом из всех славян автор особо выделяет чехов, противопоставляя их полякам и славянским народам, исповедующим православие. Император Карл в хронике изображен как «новый мессия», глава всех настоящих христиан, в личности которого во всей полноте реализуется сам смысл существования чешского народа. Данному памятнику ранее не уделялось заслуженного внимания в связи с его исторической недостоверностью, но его главная сторона вовсе не фактологическая, а идеологическая. Хроника Мариньолы представляет большой интерес для исследователя, поскольку она оказала сильное влияние на чешскую придворную интеллектуальную среду рубежа XIV–XV вв. и через это на идеологию гуситов. Столь концентрированный мессианизм не характерен для более ранней чешской общественной мысли.

Ключевые слова: *Чехия, Священная Римская империя, Карл IV, идеология, позднее Средневековье, чешский мессианизм, богоизбранность, Джованни Мариньола.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.01

Итальянский монах-францисканец Джованни Мариньола¹ (приблизительные годы жизни 1290–1357 гг.) — выдающийся католический миссионер и дипломат, достойный сана кардинала. Он оставил

¹ В отечественной историографии также распространен вариант «де Мариньолли», более близкий к итальянскому оригиналу.

после себя описания своих миссионерских путешествий и небольшое, но чрезвычайно интересное сочинение, известное под названием «Чешская хроника»². Она была написана около 1353 г. по личному заказу чешского короля Карла I, более известного как император Священной Римской империи Карл IV.

Цель хроники Мариньолы — вписать историю Чехии во всемирный исторический процесс. На ее идеологическую программу оказал влияние сам император, написавший предисловие к сочинению францисканца. В нем он показывает глубокое знание отцов Церкви и дает обширную ссылку на книгу блаженного Августина «О граде Божием» («De civitate Dei»): «Не думайте, что отцы наши создали из маленького государства большое лишь силой оружия. Если бы это было так, мы бы стали гораздо сильнее их, [...] но у них были другие качества, которых мы вовсе не имеем: дома — трудолюбие, вне дома — справедливое управление, дух, свободный для размышления, не подверженный разврату или жадности»³.

Слова Августина о Римской империи Карл переносит на Чешское королевство и проводит прямую параллель между Римской империей, которая выросла из одного города, и Чешским королевством, которое выросло из маленького княжества и стало первенствующим в империи. Именно праведность отцов Чешского королевства, по мнению императора, и является залогом его процветания и величия.

Карл формулирует для хрониста следующее задание: «по образу Святой Троицы» в трех частях изложить историю чехов «от Адама до нашего счастливого времени». Троичная форма для человека Средневековья имела колоссальное символическое значение: уподобляя историю чешского народа Святой Троице, император и сам этот народ представляет богоподобным. Не может не обратить на себя внимания и формулировка, характеризующая эпоху Карла, — «наше счастливое время». Император явно указывает, что считает время своего правления золотым веком. Отметим, что указанное словосочетание затем использует и

2 Об идейной атмосфере, в которой была написана хроника Мариньолы, подробнее см.: Мельников Г. П. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого Средневековья. М., 2014. С. 355–430.

3 Marignola G. Česká kronika // Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 448. Сама хроника написана на латыни, однако ее оригинальный текст для российского читателя труднодоступен, поэтому мы использовали ее чешский перевод.

Мариньола в ответном предисловии к тексту хроники. Это говорит как о его распространении при дворе Карла, так, вероятно, и о существенной роли подобных представлений в самосознании чехов середины XIV в.

В согласии с условием, выдвинутым императором, Мариньола делит историю мира и чешского народа на три (весьма условные) части:

1. «Теологическая» часть охватывает историю человечества «от Бога до Вавилонской башни». Допотопное человечество Мариньола называет «Царством Божиим» и пишет, что до потопа в мире царил теократия, а после него началась эпоха монархии, «тирании светских правителей». Тот факт, что допотопное человечество было уничтожено Богом именно за отступление от Него, хронист парадоксальным образом игнорирует.

2. «Монархическая» часть охватывает историю народа «франков или галлов», к которым автор причисляет чехов, а также историю Римской империи и «царств всех главных народов». Эту часть хронист отсчитывает от «первого франка» Немпрота⁴ и доводит до «нашего счастливого времени».

3. «Иерархическая» часть книги излагает историю Церкви и священства. Мариньола проводит связующую линию от Мельхиседека, Моисея и Аарона к римским папам и святым патронам чешского королевства, а от них — к своему современнику, первому пражскому архиепископу Арношту из Пардубиц, который, таким образом, изображается как наследник святых.

В полном согласии с августирианской концепцией «града Божия и града земного» Мариньола строит свою историософию вокруг двух «родов» — рода грешного Каина и рода праведного Авеля. Речь здесь идет вовсе не о физическом происхождении, ведь все потомки Каина согласно Библии погибли в водах потопа, а у Авеля не было детей⁵. Род Авеля — это все святые, независимо от их происхождения и времени жизни, а род Каина — это все нечестивцы и грешники в мировой истории. Всех героев своей хроники Мариньола сознательно разделяет на злых и добрых — на избранных Богом и проклятых Им. Богоизбранный род, таким образом, — это «род святых» от Адама до современности.

4 По-видимому, он имеет в виду библейского Нимрода — правнука Ноя, внука Хама, сына Хуша. Он был царем Вавилона и (по одному из преданий) автором Вавилонской башни. Однако непонятно, как Нимрод может быть родственником чешскому народу, если по версии самого Мариньолы славяне происходят от Иафета, а не от Хама. Подробнее об этом см. далее.

5 Ной был потомком Сифа, третьего сына Адама и Евы.

Параллельно хронист развивает и идею этнической богоизбранности племени славян. Основа его концепции — этимология и этногенетический миф. Запутанные и совершенно неправдоподобные с точки зрения современной науки, человеку Средневековья они казались научным и богословским откровением. Хронист пишет, что никак не мог приступить к изложению истории чешского народа, смущаясь непонятностью языка чехов и недостаточностью источников. Лишь когда его «осенило», что значит слово «славяне» «на самом деле» и откуда произошло это племя, он смог начать работу над хроникой. Мариньола откровенно пишет, что подбирает факты и источники на основе «осенивших» его выводов⁶.

Латинское название славян «Sclavi» он связывает со словом «Solaris» (солнечный). Переведя это слово на греческий, он получает форму «Гелиос»⁷, которую отождествляет с созвучным именем библейского персонажа Элисы⁸. Согласно Библии, Элиса — правнук Ноя, внук Иафета, сын Иавана. Многие хронисты Средневековья, основываясь на словах Иосифа Флавия, считали его предком греков (эллинов), Мариньола же причисляет к числу его потомков и «солнечный народ» славян. Хронист считает Элису основателем «города Солнца» Гелиополя, упоминаемого в книге пророка Исаии⁹. По его мнению, «элисане» (славяне) обитали в этом городе и были избраны Богом, чтобы подобно Солнцу светить всему миру. Эта избранность многие столетия была лишь потенциальной и нашла свое воплощение в матери короля Карла, Элишке Пршемысловне. Ее имя «Elisabeth» автор складывает из двух частей — «Elisa» и «beth», что на иврите означает «дом». Elisabeth — «дом Элисы», и именно в ней максимально раскрывается замысел Божий о чешском (и шире — славянском) народе.

Однако на этом Мариньола не останавливается и приводит другую концепцию имени Elisabeth, взятую, по его утверждению, у блаженного Иеронима: Elisabeth якобы переводится как «моя княжна». «Уже из имени [Элишки] мы понимаем, что она получила *княжение от Бога* (здесь и далее в цитатах выделено автором статьи. — *И. Р.*)»¹⁰.

6 *Marignola G. Česká kronika. S. 456.*

7 *Мельников Г. П. Чешская общественная мысль... С. 415.*

8 В русскоязычной историографии встречается три варианта прочтения этого имени: Элиса, Елиса и Хелиса. Мы выбрали первый вариант как наиболее соответствующий современному русскому произношению.

9 *Marignola G. Česká kronika. S. 459.*

10 *Ibid. S. 457.*

Мать императора Карла — богоизбранная правительница Чехии, подобная ветхозаветной Ревекке, праматери народа Израиля.

Мариньола сравнивает Элишку не только с Ревеккой, но и с пророчицей Либуше, легендарной основательницей чешского государства, праматерью Пршемысловцев. Как Элишка, так и Либуше были младшими дочерьями своих отцов, но обе стали «старшими по мудрости». Пророческий дух Либуше, жившей еще в языческую эпоху, Мариньола считает даром истинного Бога. Бог избрал язычницу Либуше и ее супруга Пршемысла для управления чешским государством. «Как Либуше приобрела [...] чешское княжество не только для себя, но и для мужа, которого выбрала, так и Элишка получила упомянутое королевство не только для себя, но и для мужа, *предопределенного для нее не человеком, а Богом*». Таким образом, не только сами Либуше и Элишка становятся для Мариньолы богоизбранными, но и их мужья и потомки. По-видимому, Мариньола пользуется этим образом с целью легитимизировать на чешском троне новую династию Люксембургов. Если Либуше могла выбрать себе мужа и тот стал основателем легитимной династии, значит, то же самое могла сделать и Элишка.

Брачный союз Элишки и Иоганна Люксембурга изображается как «Божий дар». Иоганн, имя которого Мариньола по не вполне ясным причинам связывает со словом «милость», вошел в «дом Элисы» («дом Солнца» и «дом славы»), благодаря чему слава соединилась с милостью и родился Вацлав, сын, «превышающий славу». Здесь Мариньола отсылает читателей к древнему пророчеству Либуше о том, что из корня Пршемысла родится лоза, «превышающая славу». Традиционно это пророчество относили к святому Вацлаву, Мариньола же переносит его на «нового Вацлава» — Карла IV, который был назван так при крещении, а затем при конфирмации во Франции получил имя Карл в честь дяди, при дворе которого воспитывался.

Затем следует обширный панегирик императору: «Кто бы мог быть большею славой славянского племени, чем славный... Карл, римский император и вечный преумножатель, наследник Чешского королевства». Даже императоры Древнего Рима не идут ни в какое сравнение с Карлом по его благородному происхождению и нравственной высоте, которые являются для хрониста важнейшими показателями избранности Богом. Карл — христианин, верный своему императорскому долгу, который «через троянцев по прямой линии происходит от... Сатурна и Юпитера, и через посмертного сына Энея от Лавинии, дочери... Яна, князя этрусков и отца римского народа, ведет свой род от Юлия Цезаря из славного дома Юлиев». С точки

зрения современной науки подобного рода генеалогия не выдерживает никакой критики, но в XIV в. подобные фантастические родословия воспринимались как норма.

После восхваления императора хронист вновь прославляет его мать, заслужившую от Бога милость своей праведностью, мудростью и чистотой, благодаря чему на «земном полушарии»¹¹ восстал из столь счастливого брака «славный потомок солнечного света в Божьей Церкви... на троне римских императоров, ясный император Карл, любимый Богом, сильный могуществом, сияющий всеми добродетелями». Таким образом, Элишка Пршемысловна уподобляется и Деве Марии, ведь ее евангельские эпитеты «благословенна ты между женами» и «Ты обрела благодать у Бога» вполне подходят и образу Элишки, созданному Мариньолой.

Сам же Карл изображается подобным Христу, как некий «basileos» — вселенский князь, который, по словам Псалтири, «будет опорой на земле, будет возвышен над Ливаном»¹². Эти слова Мариньола считает прямым пророчеством о Карле. Он утверждает, что Ливан в Писании — «символ храма Господня», а значит, Карлу суждено воцариться над храмом Господним в Иерусалиме. Мариньола пишет, что «весь мир» ждет, что «плод Элишки будет возвышен над Ливаном, когда Карл славно перейдет море и с победой воссядет в Иерусалиме, да исполнится пророчество Сивиллы. У ног Господа Христа будет ему надгробие уготовано».

Хронист приписывает императору «данную Богом» миссию — освобождение Гроба Господня от власти неверных. Причем излагается она подобно предсказанию, так что у читателя создается впечатление,

11 Мариньола считает Землю полушарием — об этом он несколько раз упоминает в тексте хроники. Для XIV в. это весьма распространенная точка зрения.

12 В синодальном переводе Библии (основанном на масоретском тексте Ветхого Завета) эти слова переданы совсем по-другому: «Будет обилие хлеба на земле, наверху гор; плоды его будут волноваться как лес на Ливане» (Пс 71: 16). Однако в переводе П. А. Юнгера с греческого языка (1915 г.) текст псалма почти дословно совпадает с цитатой Мариньолы: «Будет Он утверждением на земле, на верху гор; поднимется выше Ливана плод Его». Из этого следует, что актуальный для Мариньолы мессиянский характер данного пророчества сохранился в тексте Вульгаты, на который он ссылается, и в тексте Септуагинты, на основе которой были сделаны церковнославянский перевод и перевод Юнгера; масоретский же текст Библии (а следовательно, и синодальный) этого смысла не передает.

будто именно о Карле и говорили древние пророчества, причем не только ветхозаветные, но и языческие. Мариньола говорит о предсказании Сивиллы о наступлении золотого века, изложенном римским поэтом Вергилием в четвертой эклоге¹³. Это пророчество было широко известно в Средние века и трактовалось как пророчество о Христе, Мариньола же переносит его исполнение на время правления Карла IV. Таким образом христоподобие Карла только усиливается.

В заключение предисловия Мариньола пишет, что через рассказ об истории Чехии он хочет достигнуть райских елисейских полей: «От Элисы-начала мы через Элишку вышли к елисейским цветам, погалльски называемым “*flor de helis*”, чтобы, вновь приведя конец к его началу, сплести венец из цветов, диадему из дорогих камней и корону для твоей главы, [...] вселюбимейший господин император»¹⁴.

Мариньола и самого себя считает избранником Божиим, ведь ему довелось в качестве миссионера побывать при дворе «хана, высшего императора всех татар»¹⁵, посетить Индию и остров Шри-Ланка, который по средневековому преданию находился напротив райских врат. Мариньола считал, что ему (одному из немногих европейцев) довелось видеть реки и источники, истекающие из рая, что цветы и виноградные лозы, увиденные им на Шри-Ланке, принесены из Эдемского сада, и поэтому он верил, что именно он (как человек, видевший преддверия рая) имеет моральное право сравнивать с ним величие империи Карла. По этой причине Чешское королевство середины XIV в. он называет ни много ни мало «раем всех земных раев»¹⁶, а между легендарным родоначальником славян Элисой и райскими «елисейскими» цветами проводит прямую связь, тем самым указывая, что славяне — это «райский народ». Чехи выступают как избранный народ, способный превратить Священную империю в рай на земле.

«Искупитель своей прозорливой милостью решил смиловаться над жителями Чехии [...] и дать возникнуть на полушарии воинствующей Церкви двум великим светилам [...] славным мученикам, яснейшему князю Вацлаву и епископу Войтеху. Сотворил Он также две сияющие звезды, утреннюю и вечернюю, чтобы разрушить ночную тьму заблуждений: Людмилу, жену первого чешского князя Борживоя, извест-

13 *Вергилий*. Эклоги / пер. и вступительное слово Г. Стариковского // Новая юность. 2010. № 6 (99). С. 77–79.

14 *Marignola G.* Česká kronika. S. 456–457.

15 *Ibid.* S. 449.

16 *Ibid.* S. 457.

ного мученика¹⁷, скончавшегося в вере Христовой, и княжну Марию (Младу)»¹⁸. В этом перечне святых хронист перечисляет представителей правящего рода Пршемысловцев (не считая св. Войтеха, происшедшего из рода Славниковцев). Это дает основания для параллели с сербским культом богоизбранной «лозы Неманичей», основанным на почитании святых представителей правящей династии¹⁹.

Обращает на себя внимание также употребленное хронистом выражение «жители Чехии». Если брать его в отрыве от остального текста хроники, может показаться, что идея богоизбранного народа в хронике Мариньолы относится ко всем жителям Чешского королевства, безотносительно к их этническому происхождению. Однако это, безусловно, не так. Хронист неоднократно говорит именно о славянском характере чешского государства, о «солнечном народе» славян и постоянно акцентирует внимание на преемственности Карла от славянской, чешской династии. То есть избранным народом в «Чешской хронике» предстают именно чехи, славяне, а вовсе не все обитатели Чешского королевства.

Мариньола отмечает, что решение об учреждении в Праге архиепископства принято не по воле людей, а по воле Бога: «Христос многими знаменами указал учинить архиепископство в этой славнейшей и известнейшей земле, которую Он сделал славной на небесах». Сама чешская земля избрана Богом и (в согласии с более древней чешской

17 Остается неясным, почему хронист называет Борживоя мучеником, ведь тот умер своей смертью и никогда не подвергался гонениям, в отличие от своей супруги, княгини Людмилы, убитой язычниками. Вероятно, слова о мученичестве должны относиться именно к ней, но из-за ошибки хрониста или переписчика они оказались обращены к ее мужу.

18 *Marignola G.* Česká kronika. S. 456. Княжна Мария (Млада) (X век) — дочь чешского князя Болеслава I, основательница и аббатиса первого женского монастыря на территории Чехии, монастыря святого Иржи (Георгия) на Пражском граде. Млада сыграла ведущую роль в создании Пражского епископства, лично ездила в Рим, чтобы уговорить папу дать чешской Церкви независимого от Регенсбурга епископа.

19 К XIV в. в Сербии культ благословенной династии «лозы (древа) Неманичей» оформился почти окончательно. В начале века возникло и получило распространение фресковое изображение генеалогической «лозы Неманичей», параллельной «древу Иессееву» (царскому роду, к которому евангелисты возводили происхождение Иисуса Христа). См.: *Джурич В.* Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000. С. 165–169.

хронистикой) представляет собой землю обетованную. Мариньола вкладывает в уста праотца Чеха следующие слова: «Эта лучшая земля вам предопределена». Чешскому народу Бог предопределил во владение «лучшую землю» — параллель с ветхозаветным избранным народом здесь более чем очевидна.

Приводимая в хронике речь пророчицы Либуше являет собой любопытный парадокс: с одной стороны, она говорит, что «оставление свободы» и принятие над собой «порабощения» от руки князей противоречит воле Божией, а с другой стороны, утверждает, что «Пршемысл с неба предопределен быть будущим князем» и его потомки «будут править вечно»²⁰. Божий замысел о чешском народе, хотя и излагается в понятиях предопределения, одновременно с этим имеет некоторую вариативность. Либуше говорит, что, согласно воле Божией, лучше народу оставаться свободным, но если народ «не умеет жить свободно» (из-за чего он «достоин сожаления больше всех народов мира»), то Бог предопределит ему князя в управление²¹.

О Праге Либуше пророчествует, что «слава ее достигнет небес», а две маслины, выросшие в ней, достигнут седьмого неба и «чудесами и знаменами весь свет будут удивлять» так, что «им будут дивиться [...] остальные народы»²². Имя одной лозы — Войтех, а другой — «*Vincens laudem*» (превосходящий славу). Речь явно идет о святом Вацлаве, при этом одна из славянских форм его имени (Венцеслав) остроумно превращается в латинское выражение. Сама форма этого предания взята из «Чешской хроники» Козьмы Пражского, но именно Мариньола наполнил ее вселенским содержанием: Вацлав теперь не просто локальный чешский святой, а чудо и знамение для всех народов мира. Это очень хорошо соотносится с концепцией политического универсализма Карла IV, который стремился объединять религиозные культы разных народов империи: в Чехии насаждал культ императора Карла Великого²³, а в немецких землях — культ святого

20 *Marignola G. Česká kronika. S. 460.*

21 Согласно преданию и хроникам, Либуше была языческой прорицательницей, следовательно, приписанное ей хронистом (так же как и в хронике Козьмы Пражского) обращение к авторитету единого Бога является ретроспективизацией христианских представлений.

22 *Marignola G. Česká kronika. S. 461.*

23 Интересно, что культ Карла Великого, созданный императором Фридрихом Барбароссой, так и не был признан католической церковью, однако был принят при дворе Карла IV и активно насаждался последним.

Вацлава (Венцеля)²⁴. Вацлав и Войтех, таким образом, выходят за рамки локального почитания и становятся небесными патронами всей христианской империи.

Даже в языческую эпоху чехи оказываются богоизбранными: так, в войне с лужичанами, по словам Мариньолы, чехи побеждают именно потому, что их «маги сильнее». Странное утверждение для христианина, весьма органично вписывающееся, однако, в концепцию чешской избранности, созданную Мариньолой. В этой же войне показано и моральное превосходство еще языческого племени чехов. Важно отметить, что чехи противопоставлены здесь не немцам или венграм, а лужичанам, родственному славянскому этносу. Это еще раз подтверждает, что божественная избранность в хронике Мариньолы относится только к чехам, а вовсе не ко всем славянам.

Мариньола неоднократно противопоставляет чехов и другим славянским этносам. Болгар и русских он называет сектантами и схизматиками²⁵, а с поляками на страницах хроники чехи ведут перманентную войну, так что, описывая события 1110 г., когда Польша была уже христианским государством, хронист называет поляков «язычниками»²⁶. Князь Владислав обращается к войску, на которое внезапно напали поляки: «О, чехи, некогда славные, выдающиеся своими мужественными добродетелями и победами! [...] Почему вас не трогает женский плач, жалобный стон младенцев, ваши жены, плененные *язычниками*? [...] если кто-то из вас имеет боязливую мысль, пусть отойдет от нас, поскольку ничтожнее морской росы тот, кто не знает, как сладостно *в битве умереть за Отчизну*». Этнопатриотизм в этой части хроники достигает высокой степени выразительности. Смерть за Родину провозглашается сладостной, а ее враги теряют даже имя христиан.

Победы чехов в битвах Мариньола вполне в духе средневековых хроник часто объясняет божественным покровительством. В одной из битв с саксонцами капеллан видит в воздухе белого всадника на белом коне, копьём атакующего саксонцев, а также белого орла, летающего над чехами и пугающего противников своим криком²⁷. По-видимому, этим всадником является святой Вацлав, ведь орел — это символ, изображавшийся на его щите. Часто победа чехов носит такой характер, что хронист затрудняется вспомнить что-либо подобное:

24 Мельников Г. П. Чешская общественная мысль... С. 394.

25 Marignola G. Česká kronika. S. 466.

26 Ibid. S. 484.

27 Ibid. S. 487.

«Чехи нанесли саксонцам такое поражение, какого ни один человек не может вспомнить до того»²⁸.

Даже территориальный состав Чешского королевства, согласно хронике, определен Богом. Мариньола пишет, что князь Владислав отказался ослепить своего брата Оту, так как хотел показать потомкам, «что моравский князь должен быть под властью князя чешского»²⁹. Вечное, благословленное Богом единство чешской и моравской земель под властью чешского князя (а затем короля) — важная составляющая идеологической программы Мариньолы. Данная концепция соответствует внутренней политике Карла IV, окончательно юридически оформившего нахождение маркграфства Моравия в составе земель Чешской короны.

Описание войны Пршемысла Отакара II с Венгрией, традиционно изображавшейся в чешской хронистике в мессианистических тонах, у Мариньолы приобретает еще больше мессианских черт. Хронист сообщает, что венгерский король Бела и его сын Иштван вторглись в Моравию, Австрию и Штирию (принадлежавшие королю Пршемыслу Отакару II) «с почти бесконечным войском куманов (половцев) и бесчеловечных народов, сжигали соборы, оскверняли алтари, насильствовали монахинь, вдов и девиц, не щадя ни возраста, ни пола»³⁰. Чешские и бранденбургские войска Мариньола называет христианскими (более того, «войском Господним»), а венгерские (в связи с наличием в них язычников) — «неверными»: чешский король убеждает свое войско «положить души за христианство против неверных». Помощь Божия проявляется в действиях сил природы: «Моравские реки наводнились, будто отверзлись хляби небесные, очень много врагов утонуло», «когда противники остановились и ровняли шеренги, наступили такая великая темнота, град, молнии и громы, что все враги обратились в бегство, хотя их никто не преследовал».

В объяснительном письме папе Александру IV Пршемысл II пишет, что воевал против «славных венгерских королей Белы и его сына Иштвана, и против Даниила, русского короля, и его сыновей, и остальных руссов, и татар, которые пришли ему на помощь, [...] герцогов ленчицких и неисчислимого множества бесчеловечных народов, куманов, венгров и разных славян, сикулов и валахов, басурман и исмаилитов, а также схизматиков, таких как греки, болгары, рас-

28 Ibid. S. 482.

29 Ibid. S. 483.

30 Ibid. S. 495.

цы (сербы), еретичествующие боснийцы». Таким образом, чешский король хочет показать понтифику, что в битве у реки Моравы на него восстал весь некаатолический мир. Язычники, православные раскольники, мусульмане — все нехристианские (с точки зрения Рима) силы объединились, чтобы противостоять чешскому войску, но Бог даровал чехам «победу с небес». В том же письме читаем: «Если бы нам не помог Бог, нас бы заживо поглотили», что является скрытой ссылкой на 123-й псалом. Именно Богу король приписывает то, что враги ударились в панику и бегство: «Бог их напугал и поразил, и обратил в бегство, так что упомянутая река Морава в согласии со своей этимологией стала им дорогой смерти»³¹.

Далее Пршемысл еще сильнее развивает мессианистические аспекты: «Мы могли после такой великой победы, *которая была нам дана с небес*, полностью подчинить венгерское королевство нашему государству, но, однако же, рассудили, что лучше иметь доброго соседа, чем истребить противника». То есть Бог даровал чешскому войску такую силу, что оно не только способно было победить в битве, но и всё королевство венгров могло бы без труда завоевать, если бы король этого захотел. Пршемысл показывает себя мудрым правителем, так как не желает «опустошением великого венгерского королевства открыть путь для татар». Он предстает заботливым защитником не только чешского королевства, но и всего христианского мира.

Затем Мариньола пишет уже от себя: «Столь великая победа может быть присвоена только одному Богу и молитвам святых патронов, [...] люди [...] видели, как белый орел с золотой головой своими огромными крыльями покрывает *всё чешское войско, то есть христиан*». Чешское войско приравнивается к общехристианскому, небесная помощь подана «христианам» по молитвам святого Вацлава. Война за территории между двумя католическими королевствами приобретает в хронике характер защиты веры, что, естественно, не соответствовало исторической действительности.

Король Пршемысл Отакар II, по словам Мариньолы, — «золотой король», ведь само имя «*Ottocarus*» значит «золотой»³². Однако парадоксальным образом слава и благословение этого короля заканчива-

31 В оправдательном письме римскому папе Пршемысл связывает славянское слово «Морава» с латинским «*mortis*» (смерть), тем самым он хочет показать понтифику, что гибель венгерского войска на берегах этой реки была предначертана Богом.

32 *Marignola G. Česká kronika. S. 498.*

ются для чешского народа страшным поражением и позором: «С чешским народом при этом его короле, прозванном “золотым”, случилось согласно пророчеству: “вскоре после славы пришло его поношение” (1 Мак 1:40)». Мариньола пишет, что после поражения войск Отакара от императора Рудольфа и гибели короля чешский народ постиг Божий суд в такой мере, «о какой нет свидетельства ни в истории, ни в Писании, ни во времена Маккавеев, ни в языческую эпоху. Потому что тогда верующие за праведность были гонимы врагами, а теперь — брат напал на брата, отец — на сына, ближний — на друга». Немцы наводнили Чехию «подобно мухам», их войска изображаются схоже с неверными: «оскверняют святые мощи, унижают церкви, всё грабят, мучают простых людей, тиранят невинных»³³.

Более того, не только немцы с неопишуемой жестокостью обрушились на Чешское королевство, но и сама природа восстала на прежних «избранников Божиих»: бури крушили здания и дома, наводнение уничтожило все запасы. Мощи святых, с точки зрения средневекового человека защищавшие королевство от всех бед, были украдены немцами, а папа римский наложил на Чехию почти полный интердикт. Таким образом, Чехия была фактически стерта с лица земли и как государство, и как центр христианского мира. Даже мощи святого Вацлава были украдены и увезены в Бранденбург.

Каковы причины столь резкого поворота в исторической судьбе народа? Мариньола отвечает: все дело в гордыне чехов. Господь наказал их, чтобы научить смирению: «Когда была наказана гордость чехов, *смиловался Бог над своим народом...* В день святого Стефана [...] на серпе Луны можно было увидеть висящую звезду, которая предвещала возвращение молодого князя». «Казалось, что чешскому народу явилось новое светило, потому что *Господь Бог наш помиловал свой народ*»³⁴. Хронист без всякого прикрытия называет чехов «народом Божиим», уподобляет их ветхозаветному народу Израиля. Чехи становятся «избранными» не только в славе, но и в поношении, ведь по аналогии с Ветхим Заветом христианская мысль Средневековья полагала, что Бог сильнее наказывает те народы, которые особенно любит.

Что же за «светило» воссияло в чешском народе? Это король Вацлав II, дедушка императора Карла по материнской линии. Мариньола вновь подчеркивает благословенное происхождение императора, но о самом Карле отказывается писать, «чтобы не оказалось, что я что-то

33 Ibid. S. 499.

34 Ibid. S. 501.

уменьшил из его заслуг и славы»³⁵. В связи с этим вторая часть хроники завершается стихом-пророчеством о Карле, об авторстве которого Мариньола говорит только, что он написан «более ранним автором». В стихе Карл вновь показан как богоизбранный император, задача которого освободить Святую землю и воссоединить христианский мир, и тогда «у ног Господа будет усыпальница его».

Таким образом, «Чешская хроника» Джованни Мариньолы, созданная при непосредственном участии императора Карла IV, умело вписала историю Чешского королевства в систему средневековых представлений о всемирной истории. Именно в этой хронике впервые в истории чешского летописания отчетливо прослеживается идеология богоизбранности чешского народа, государства и монарха. При этом с точки зрения достоверности изложенных в ней фактов хроника не выдерживает никакой критики. Это свидетельствует о том, что ее задача была чисто идеологической, и, по-видимому, от автора не требовалось точности в изложении исторических событий.

Глубочайший интерес для исследователя представляет вопрос: в какой мере идеи Мариньолы свойственны самому императору Карлу? Судя по тому, что Карл IV был непосредственным заказчиком хроники и принимал активное участие в ее редактировании, вполне допустимо предположение, что «Чешская хроника» Мариньолы является не просто остроумным изложением истории чешского народа, но важнейшим документом, выражающим идеологическую и историософскую концепцию самого императора. Конечно, Карл не является автором (или соавтором) хроники, однако в направлении мысли Мариньолы, образах, на основе которых строится повествование, явно прослеживается влияние императора и придворной идеологии. Первый чешский король, ставший императором Священной Римской империи, считал, что не только он сам, но и подвластное ему королевство избраны Богом для величайшей миссии — спасения христианского универсума, находящего свое политическое выражение в идее Священной империи. Эта идея Карла стала зерном, из которого выросла идеологическая концепция Мариньолы, расширившего роль Чешского королевства до всемирных масштабов и превратившего его в «рай всех раев».

Идеологическая концепция Мариньолы оказала непосредственное влияние на чешских придворных интеллектуалов и, следовательно, на гуситский мессианизм XV в., имеющий в идеологии двора Карла IV одно из важнейших своих оснований. Тем самым роль «Чешской

35 Ibid. S. 502.

хроники» Джованни Мариньолы ни в коем случае не следует уменьшать, как это было принято в чешской и отечественной историографии, основываясь лишь на недостоверности изложенных в ней данных³⁶, ведь реальное идеологическое и культурное значение этого памятника науке еще только предстоит оценить.

Источники и литература

Marignola G. Česká kronika // Kroniky doby Karla IV. Praha: Svoboda, 1987. S. 446–515.

Вергилий. Эклоги / пер. и вступительное слово Г. Стариковского // Новая юность. 2010. № 6 (99). С. 77–79.

Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония / пер. с сербского Г. С. Колпаковой, Е. А. Озерской и Д. Ф. Поплыко; науч. редактор русского издания Э. С. Смирнова М.: Индрик, 2000. 588 с.

Лантева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 199 с.

Мельников Г. П. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого Средневековья. М.: Индрик, 2014. С. 355–430.

References

Đurić, V. *Vizantijske freske. Srednevekovna Serbija, Dalmacija, slavianskaia Makedonija*. Per. s serbskogo G. S. Kolpakovoi, E. A. Ozerskoj i D. F. Poplyko; nauch. red. russkogo izdaniia E. S. Smirnova, Moscow: Indrik, 2000, 588 s.

Lapteva, L. P. *Pis'mennye istochniki po istorii Chekhii perioda feodalizma (do 1848 goda)*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985, 199 s.

Marignola, G. "Česká kronika." *Kroniky doby Karla IV*, Praha: Svoboda, 1987, s. 446–515.

Mel'nikov, G. P. "Cheshskaia obshchestvennaia mysl' XIV v." *Obshchestvennaia mysl' v Rossii i drugikh slavianskikh stranakh v epokhu razvitogo Srednevekov'ia*. Moscow: Indrik, 2014, s. 355–430.

Vergiliĭ [Publius Vergilius Maro]. "Ėklogi, perevod i vstupitel'noe slovo G. Starikovskogo." *Novaia iunost'*, no. (99), 2010, s. 77–79.

36 *Лантева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 64–65.

Ivan P. Riedel

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The idea of God's chosenness of the Czechs in the "Annals of Bohemia"
by Giovanni de' Marignolli

The article is devoted to the analysis of the «Annals of Bohemia» written by the cardinal Giovanni de' Marignolli, an outstanding literary monument of the Charles IV era, in which the Czechs are first portrayed as God's chosen people. The goal of the chronicle is to write the history of the Czech people in the world historical process. Based on his own etymological and ethnogenetic assumptions, the chronicler calls the Slavs «a sunny and glorious people», who are called upon to turn the Holy Roman Empire into a paradise on Earth. At the same time, the author singles out the Czechs of all the Slavs, setting them in opposition to the Poles and the Slavic peoples professing Orthodoxy. The emperor Karl is portrayed in the chronicle as «the new Messiah», the head of all real Christians, in whose person the Czech people's sense of existence is fully realized. This monument has not been previously paid deserved attention, due to its historical unreliability, but its main side is not factual, but ideological. The de' Marignolli's chronicle is of great interest to any researcher, since it had a strong influence on the Czech court intellectual environment of the turn of the 14–15th centuries and through this on the ideology of the Hussites. Such concentrated messianism is found in the Czech chronicles for the first time.

Keywords: Bohemia, Holy Roman Empire, Charles IV, ideology, later Middle Ages, the Czech messianism, God's chosen people, Giovanni de' Marignolli.

Венгерская революция 1848–1849 гг.: взгляд через 170 лет¹

Венгерская революция 1848–1849 гг. означала серьезный вызов европейскому миропорядку, установленному на Венском конгрессе по итогам наполеоновских войн в 1815 г. На неблагоприятном исходе революции сказалась незаинтересованность больших европейских держав, в том числе России, в разрушении монархии Габсбургов, воспринимавшейся как гарант европейского равновесия в силу своего срединного положения на континенте. Главный урок событий 1848–1849 гг. в монархии Габсбургов (включая Венгрию) заключался в том, что они впервые в европейской истории столь явно показали разрушительную силу национализма. Несовпадение целей национальных движений, выступавших со своими специфическими программами, вело к их острым столкновениям. Этот опыт впоследствии был разносторонне осмыслен идеологами национальных движений разных народов Дунайского региона. В настоящем сообщении не только оценивается международное значение венгерской революции 1848–1849 гг. в 170-летней ретроспективе и определяется ее место в венгерской исторической памяти, но и предпринимается попытка развенчать некоторые стереотипы, касающиеся политики Российской империи. На основе документов показано, что невмешательство во внутренние дела соседней империи носило для России принципиальный характер из опасений создать новый «европейский вопрос». Выбор в пользу военной акции был сделан только после долгих колебаний из опасений краха Габсбургской империи.

Ключевые слова: *венгерская революция 1848–1849 гг., Габсбурги, Австрийская империя, Франц Иосиф, Николай I, Лайош Кошут, Карл Маркс, национализм, Дунайский регион, национальные движения.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.02

1 В основе статьи лежит выступление на международной конференции к 200-летию со дня рождения Карла Маркса, состоявшейся в Государственной публичной исторической библиотеке в апреле 2018 г.

13 августа 1849 г. у села Вилагош в комитате Арад (на крайнем западе современной Румынии) 30-тысячная венгерская революционная армия сложила оружие, безоговорочно капитулировав перед семикратно превосходившим ее 200-тысячным русским войском². Ее командующий, талантливый полководец генерал Артур Гергей, на всю оставшуюся жизнь пожертвовал своей репутацией, пошел на унижительный акт во избежание бессмысленного кровопролития и истребления самого цвета своей нации. Альтернативы у него не было: с запада революционную армию теснили австрийские императорские войска во главе с генералом Гайнау, сторонником беспощадной расправы над мятежной Венгрией³. В тот же день российский фельдмаршал И. Ф. Паскевич приказал доложить императору Николаю I: «Венгрия у ног Вашего Величества!»

Закончившись поражением, революция 1848–1849 гг., однако, продолжает восприниматься в Венгрии как одно из культовых событий в истории страны, предмет национальной гордости, что находит отражение и на законодательном уровне. День начала революции — 15 марта — отмечается в качестве национального праздника наряду с другим национальным праздником (23 октября), связанным со столь же значимым событием венгерской национальной истории — днем начала антигиталитарной революции или восстания 1956 г., поднятого против диктатуры сталинского типа. В последнем случае речь идет о событиях, долгие годы (вплоть до конца 1980-х годов) преподносившихся и отечественной, и венгерской коммунистической пропагандой как контрреволюция, однако в сегодняшнем венгерском историческом сознании связь между обеими культовыми датами ощущается довольно явно, они воспринимаются как два звена в единой национальной революционной традиции, причем события более поздние подтверждают хорошо известные высказывания К. Маркса о том, что революции и их творцы зачастую предстают перед современниками в одеждах минувших эпох, чтобы, апеллируя к исторической памяти нации, легитимизировать себя в ее глазах.

В самом деле, драматические события осени 1956 г. сопровождались масштабным возрождением революционной символики 1848–1849 гг.

2 См. из новейшей литературы: *Рошонци И.* Венгерская кампания российских войск в 1849 году // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели.* Вып. 5 / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь, 2014. С. 48–56.

3 См.: *Коллин А. И., Стыкалин А. С.* Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца // *Славянский альманах.* 2013. М., 2014. С. 511–528.

Так, перезахоронение главной жертвы тоталитарной диктатуры Ракоши, видного коммунистического политика Ласло Райка, казненного в октябре 1949 г. на основании сфальсифицированных обвинений, состоялось 6 октября, в день, когда австрийские власти после подавления в 1849 г. революции казнили 13 военачальников венгерской революционной армии (так называемых «арадских мучеников»). Массовые действия, с которых и началось венгерское восстание 23 октября 1956 г., были сознательно организованы революционно настроенной молодежью в памятных местах, связанных с революцией 1848 г., причем сама эта молодежь открыто позиционировала себя продолжательницей тех революционных традиций — первый митинг прошел у памятника Шандору Петёфи, где великий национальный поэт читал 15 марта свои стихи, а митинг польско-венгерской солидарности состоялся у памятника польскому генералу Юзефу Бему, в 1848–1849 гг. командующему венгерским революционным войском в Трансильвании. Лозунги студенческой демонстрации 23 октября под броским заголовком «16 пунктов» вызывали в исторической памяти венгров ассоциации с «12 пунктами», с которыми молодежь Пешта выступила 15 марта 1848 г. против власти Габсбургов. В число программных требований инициаторов этой массовой манифестации входили восстановление герба страны, утвержденного в 1849 г. тогдашним харизматическим лидером нации Лайошем Кошутом (главой первого республиканского правительства, порвавшего с венским двором), и провозглашение 15 марта национальным праздником (кстати, одна из возникших на новой революционной волне газет так и называлась — «15 марта»). Эти требования поддержало в конце октября и правительство Имре Надя, намереваясь поставить их на рассмотрение венгерского Госсобрания. 1 ноября 1956 г. оно также одобрило использование формировавшейся на новой основе Национальной гвардией воинских званий и знаков отличия образца 1848 г. Примеры можно продолжать. Происходившее в Венгрии осенью 1956 г. воспринималось современниками прежде всего в революционных категориях, что нашло выражение в публицистике и программах различных сил, вышедших в течение считанных дней октября-ноября на политическую арену. В венгерском общественном сознании того времени под контрреволюцией понимали только стремление к реставрации реакционного режима Хорти, но отнюдь не возврат к ситуации 1945 г., сложившейся в результате победы над нацизмом во всемирном масштабе, и не поиски новых форм общественного устройства, призванных прийти на смену свергнутой сталинистской диктатуре.

Существуют, однако, и немалые различия в том, как воспринимаются и отмечаются сегодня в Венгрии оба национальных праздника.

15 марта воспринимается в массовом общественном сознании как праздник, объединяющий нацию на основе незыблемых патриотических идеалов, и это даже несмотря на различия в трактовках событий 1848–1849 гг. разными политическими силами — так, либералы и социалисты делают акцент на демократическом или либеральном содержании революционных программ 1848 г., тогда как консервативные, националистические силы сознательно избегают слова «революция», не вызывающего в этих кругах позитивных коннотаций, и трактуют те события почти исключительно как антигабсбургскую национально-освободительную борьбу.

В отличие от 15 марта, символическая дата 23 октября со времени падения в 1989–1990 гг. государственного социализма не столько объединяет, сколько разделяет венгров, и это несмотря на то, что сегодня фактически ни одна политическая сила в Венгрии не считает оправданным советское силовое вмешательство в дела страны в октябре-ноябре 1956 г. Разделяет потому, что некоторые участники тех событий живы до сих пор или, по крайней мере, активно участвовали в политической жизни посткоммунистической Венгрии вплоть до начала XXI в. и противоборствовали между собой, при этом не устывая декларировать свою преемственность тем или иным политическим силам 1956 г., по-своему апеллировавшим и к традиции 1848 г. и по-разному ее трактовавшим.

Вместе с тем венгерская революционная традиция 1848 г. не была достоянием одних лишь венгров, о чем свидетельствуют огромный международный отклик на ход событий в Венгрии в 1848–1849 гг. и осмысление уроков венгерской революции наиболее выдающимися умами эпохи, включая Маркса, Герцена (много общавшегося с Л. Кошутом в эмиграции), Бакунина. Рассматривая международное значение венгерской революции 1848 г., полной ярких эпизодов⁴, надо заметить, что это было не только одно из наиболее значительных событий в общеевропейском революционном процессе 1848 г., она продержалась дольше революций в других землях и явилась заключительным аккордом в череде европейских революций, достигнув своего апогея в апреле 1849 г., когда национальное собрание в г. Дебрецене провозгласило лишение

4 Литература, посвященная венгерской революции 1848–1849 гг., весьма велика, однако синтетических работ на русском языке, дающих целостное представление о ходе событий во всей его динамике, не так уж много. См. монографию, до сих пор в определенной мере сохраняющую свое научное значение: *Авербух Р. А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии (1848–1849 гг.). М., 1965.

прав Габсбургов на венгерский престол, и потерпев поражение в августе того же года, капитулировав перед многократно превосходившей венгерское революционное войско военной силой. По всей Европе (а не только в других частях Габсбургской монархии) к 1849 г. революционная волна пошла на спад, тогда как в Венгрии она именно к этому времени достигла кульминации. Учитывая статус монархии Габсбургов как средневропейской великой державы и ключевое положение Венгрии в системе габсбургских владений, ее декларированный выход из империи означал серьезный вызов всему европейскому миропорядку, установленному на Венском конгрессе по итогам наполеоновских войн в 1815 г. Ведь с выходом Венгрии реально обозначилась угроза разрушения империи, которая контролировала огромные территории (от Кракова до Дубровника с севера на юг и от Тироля до Буковины с запада на восток) и была одним из ключевых звеньев в «европейском концерте». Это прекрасно осознавалось и в Петербурге — Николаем I и его окружением, которые после долгих колебаний (об этом речь пойдет ниже) решились всё же на военное вмешательство в дела соседней державы. Это осознавалось и в Англии, чье правительство отказалось принять эмиссаров революционной Венгрии и признать правительство Кошута. Как не признало его и правительство Второй французской республики. Венгерская революция не могла победить (и стать первой победоносной демократической революцией в Средней Европе, открывающей перспективы новых преобразований в регионе) прежде всего потому, что главы больших европейских держав не были заинтересованы в разрушении монархии Габсбургов, воспринимавшейся как гарант европейского равновесия в силу своего срединного положения на континенте, к тому же в преддверии балканских османских владений, где уже попахивало нестабильностью, которая могла быть легко перенесена вглубь Европы.

В отличие от французской революции 1848 г., которой больше занимался и с которой связывал большие надежды Карл Маркс⁵, революция в Венгрии (и — шире — в пределах Габсбургской монархии, включая ее чешские земли) носила ярко выраженный национальный характер. При этом дело не ограничивалось национальными задачами, венгерская революционная программа включала в себя требования далеко идущих социальных, экономических реформ, превращения абсолютистской монархии в конституционную. Нисколько не утрачивая

5 Достаточно вспомнить его известную работу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».

своего национального характера, венгерская революция совершалась во имя фундаментальных интересов всех народов, проживавших на «землях венгерской короны» (в границах средневекового «королевства святого Стефана-Иштвана») и шире — в Австрийской империи. Не удивительно, что ее первые программные документы были с неподдельным интересом встречены и по достоинству оценены в либеральных, демократических кругах не только всей монархии Габсбургов, но и за ее пределами. Демократизация гражданского и избирательного права, провозглашение равноправия христианских конфессий, введение всеобщего налогообложения (упразднявшее средневековые привилегии дворянства), отмена крепостной зависимости крестьян, введение свободы печати — эти меры были полезны для национального развития всех народов земель «венгерской короны»⁶. Причем от отмены крепостничества и от всеобщего налогообложения особенно выигрывали именно сербы, словаки, румыны — преимущественно крестьянские по своей социальной структуре народы полиэтничной в то время Венгрии. Их национальные движения весной 1848 г. в целом развивались в русле общедемократической, антифеодальной и антиабсолютистской революции. Однако это было лишь начало широко развернувшегося демократического процесса, народы же ждали продолжения. Национальные элиты ожидали от революционного венгерского правительства закрепления за всеми народами, проживавшими в стране, специфических коллективных прав, создания условий для полноценного национального развития. Уже в первые месяцы революции они формулируют собственные программы. Речь в них шла не только о расширении сферы применения языков, создании культурных институтов, но и о политическом представительстве, о полноценной защите национальных интересов на разных уровнях власти.

Венгерское революционное правительство не было готово пойти на встречу специфическим (и справедливым!) требованиям национальных меньшинств. Оно исходило из принципа единой венгерской политической нации (включающей в себя людей разных национальностей, говорящих на разных языках) и полагало, что предоставление всем гражданам

6 См. подробнее об этом в выступлении Т. М. Исламова, крупнейшего российского знатока австро-венгерской истории, на конференции конца 1990-х гг., посвященной 150-летию венгерской революции 1848 г. См.: *Исламов Т. М.* Венгерская революция 1848–1849 гг. в контексте европейских революций 1848 г. // Научные издания московского Венгерского колледжа. Вып. 1. М., 2001. С. 9–45.

независимо от их национальной принадлежности политических свобод и освобождение крестьян без выкупа автоматически решат все проблемы, удовлетворив основные чаяния национальных меньшинств и сделав их союзниками революционной Венгрии. Однако политические элиты славянских народов, а также румын смотрели иначе. Сталкиваясь с неуступчивостью венгерских лидеров, они радикализировали свои требования, все чаще заговаривали о территориальной автономии, а иногда и о федерализации Венгрии. Однако венгры решительно отстаивали целостность своего государства. В условиях существования на Балканах независимой Сербии предоставление автономии граничащей с ней Воеводине (с большим удельным весом сербского населения) действительно могло стать первым шагом к ее отделению от Венгрии, и лидер венгерской революции Лайош Кошут никак не хотел идти здесь на компромисс. Не мог он согласиться и с претензиями хорватского движения, быстро взявшего на вооружение требование полного отмежевания от земель «венгерской короны», превращения Хорватии в самостоятельный политический субъект в рамках Габсбургской монархии. Вызывали озабоченность и тесные связи трансильванских румын со своими соплеменниками, проживавшими по другую сторону Карпат, в Дунайских княжествах. В стремлении к построению своего национального государства венгерские лидеры действительно были склонны игнорировать политические устремления других народов, и это привело в конечном итоге к серьезным конфликтам, вплоть до вооруженных столкновений на национальной почве, особенно острых в Трансильвании между венграми и румынами⁷.

Как бы там ни было, участие национальных меньшинств в подавлении венгерской революции не соответствовало по большому счету подлинным интересам этих народов. Ведь на первый план в это время вышли лозунги, отнюдь не ориентировавшие на модернизацию. Как справедливо отмечал в свое время Т. М. Исламов⁸, не столько хорватская национальная идея, находившаяся еще на довольно ранних стадиях своего формирования, сколько австрийская охранительная имперская идеология определяла, например, взгляды бана Хорватии Елачича, который, как и другие южнославянские лидеры, оказался неспособен дать адекватные ответы на вызовы времени в интересах собственного народа. В свою очередь абсолютистская реакция Вены

7 *Виноградов В.Н.* Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 422–448.

8 *Исламов Т. М.* Венгерская революция 1848–1849 гг. ...

меньше всего была озабочена национальными чаяниями сербов и других югославян, хотя и сумела использовать энергию высвободившегося национализма в целях реставрации дореволюционных порядков⁹. Только за считанные дни до поражения революции, 28 июля 1849 г., венгерское государственное собрание приняло (впервые в Европе!) закон о равноправии национальностей. Венгерская политическая элита впервые признала, что национальные меньшинства могут иметь и коллективные права, не угрожающие территориальной целостности страны. Венгерский характер государства сомнению не подвергался, в законе не было речи не только о федерализации многонациональной Венгрии, но и о предоставлении меньшинствам территориальной автономии. Можно спорить о том, был ли закон о равноправии национальностей только тактическим маневром или свидетельствовал о действительном повороте в венгерском политическом мышлении. Очевидно лишь, что он появился слишком поздно, чтобы переломить ход событий: для создания единого фронта сопротивления Габсбургам и их союзникам уже не было ни времени, ни условий.

Все-таки главная линия водораздела в монархии Габсбургов пролегла в 1848–1849 гг. не столько между отдельными народами, сколько между феодально-абсолютистским режимом и постепенно вызревающим в недрах австрийской монархии новым гражданским обществом. Но как бы там ни было, обострившиеся межэтнические противоречия так и не нашли своего разрешения. Это в корне перечеркнуло заманчивую перспективу, открывавшуюся перед венгерской революцией, полный успех которой (в условиях революционного подъема во Франции и Германии) был бы сопряжен с уничтожением венского абсолютизма и исчезновением самой империи, а потому неминуемо должен был привести к не менее радикальному, чем это было в эпоху наполеоновских войн, геополитическому сдвигу в средневропейском регионе, к кардинальной перестройке международных отношений и системы союзов во всей Европе¹⁰. Можно, впрочем, говорить и о реальных пло-

9 См. также: Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2001; *Желючки Ч.* Национальный вопрос в венгерской революции 1848–1849 гг. // Научные издания московского Венгерского колледжа. М., 2001. Вып. 1.

10 Проблема, о которой идет речь, не раз обсуждалась в ходе российско-венгерских конференций историков. См., например: Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // *Славяноведение*. 2003. № 5.

дах венгерской революции. Габсбурги, подавив ее, все же не решились пойти на восстановление крепостничества, и это позитивно сказалось на развитии экономики, не в последнюю очередь на национальных окраинах земель «венгерской короны». Позже, в начале 1860-х гг., ослабленный венский двор, столкнувшись с новыми вызовами (движение за объединение Италии, усиление Пруссии как потенциального центра объединения германских земель), согласился на некоторые конституционные реформы, осуществление которых входило в программы революционных сил, выступивших против абсолютизма в 1848 г.

Если в 170-летней ретроспективе говорить об уроках событий 1848–1849 гг. в Венгрии, то они нам видятся в том, что эти события впервые в европейской истории столь явно показали разрушительную силу национализма. Несовпадение целей национальных движений, выступавших со своими специфическими программами, вело к их столкновениям, приобретавшим драматический характер, невиданный доселе по своему разрушительному потенциалу. Факт остается фактом: венгерским революционерам поколения 1848 г. так и не удалось примирить интересы венгров с интересами славян и румын, и этим воспользовались Габсбурги, всегда умевшие играть на межэтнических противоречиях и успешно разыгравшие в целях подавления венгерской революции карту национализма.

Впоследствии это часто давало марксистской историографии основания критиковать вождя венгерской революции Лайоша Кошута за национальную ограниченность, присущую пусть даже выдающимся буржуазным революционерам. Нельзя, однако, забывать, что Кошут позже в эмиграции критически осмыслял уроки 1848 г., выдвинув идею Дунайской федерации, впрочем, весьма утопическую. Более того, он даже вступал в контакты с лидерами национальных движений других народов монархии Габсбургов, разрабатывал планы общей борьбы и проявлял при этом готовность к компромиссам, которой ему так не хватило в 1848–1849 гг., что явилось едва ли не главной причиной поражения революции, имевшей шанс на реформирование империи на более конституционных и федеративных основаниях. Судя по тому, как развивалась в эмиграции венгерская политическая мысль после поражения революции, действительно можно говорить не о тактической уловке, а о принципиальных подвижках во взглядах части венгерской элиты на межэтнические отношения в Дунайском регионе, на возможности согласования общих и частных, узконациональных интересов. В свою очередь и лидеры движений национальных меньшинств проявляли определенную готовность к возобновлению диалога с венгерски-

ми политиками. Сказалось, впрочем, и их разочарование в Габсбургах, отнюдь не пошедших после разгрома венгерской революции на удовлетворение чаяний тех или иных народов монархии.

Л. Кошут до конца жизни сохранял непримиримость к Габсбургам, категорически отказывался вернуться на родину, пока они пребывают у власти, и умер в возрасте 92 лет в 1894 г. на чужбине, в Турине, оставаясь харизматическим лидером вполне легально функционировавшего в Венгрии в условиях австро-венгерского дуализма оппозиционного антигабсбургского крыла в венгерской политической жизни. Его тело было привезено для захоронения в Будапешт, и похороны превратились в грандиозную манифестацию. Однако важно иметь в виду, что уже в 1867 г., когда окрепшая венгерская (не эмигрантская) политическая элита во главе с Ференцем Деаком подписала соглашение с домом Габсбургов о введении дуалистической формы управления империей, нация сделала иной выбор, и в том числе участники революции 1848 г. В отличие от своего национального героя Л. Кошута венгерская нация волею собственной новой элиты примирилась с венским двором. Показательна в этом смысле политическая эволюция другого великого венгра XIX в. графа Дюлы Андраши. Человек, который в 1849 г. был заочно приговорен молодым императором Францем Иосифом к смертной казни, в 1871 г. был назначен им же министром иностранных дел дуалистической Австро-Венгерской монархии, причем он был по сути вторым по своему реальному влиянию человеком империи и едва ли не наиболее выдающимся министром иностранных дел в ее истории, одним из творцов Берлинского конгресса 1878 г., человеком, сменившим приоритеты и вектор внешней политики Дунайской державы — в сторону Балкан. Конечно, это привело к столкновению геополитических интересов Австро-Венгрии и России, повлияло на усиление напряженности в Средней Европе и не спасло в конечном итоге монархию Габсбургов, однако ее существование как одной из великих европейских держав было продлено еще на полстолетия. Сегодня в Венгрии чтут и Кошута, и Андраши, и тот и другой относятся к пантеону великих национальных политиков, и всем, кто был в Будапеште, известно, что венгерский парламент находится на площади Кошута, тогда как главной магистралью города можно по праву считать проспект Андраши. Все это лишний раз свидетельствует о том, что историческая память о событиях 1848 г. уже не разделяет сегодня граждан страны. Можно с уверенностью также утверждать, что к настоящему времени наследие 1848 г. утратило для венгров и свой революционизирующий потенциал, в эпоху государственного

социализма сохранявшийся. В десятилетия правления Яноша Кадара, когда во главе страны стоял довольно прагматичный и даже не чуждый некоторым реформаторским веяниям коммунистический политик, культивирование традиций 1848 г. ставилось в очень узкие рамки и всецело контролировалось. Власти понимали, что этой революционной традиции легко можно придать антиправительственное и антироссийское звучание. Еще в 1951 г., в период, предшествующий революции 1956 г., 15 марта было объявлено рабочим днем и оставалось им до 1989 г. Коммунистическая власть, хотя и не отмежевывалась от наследия 1848 г., пошла на это, резонно опасаясь, что в этот день пройдут оппозиционные митинги; они все равно происходили, в том числе и в эпоху Кадара, в 1973 г., в день 125-летия начала революции, когда пришлось силой разгонять вышедшую на улицы молодежь.

Особая тема — участие России в подавлении венгерской революции. На протяжении многих десятилетий оно оставалось грузом, мешавшим историкам (особенно в эпоху социализма, когда такая задача считалась политически актуальной), создавать картину безоблачных российско-венгерских отношений на протяжении веков. Иногда для того, чтобы рисовать более благостную картину, чем она была на самом деле, приходилось прибегать к мифологизации, поощряя создание мифов о русских солдатах и офицерах, переходивших на сторону революционной Венгрии¹¹. Что же было на самом деле? Многим памятно определение России времен Николая I как «жандарма Европы», как известно, к этому жесткому определению неоднократно прибегал и Маркс, так что некоторые его сочинения, где содержалась особенно острая критика царской политики, не публиковались или публиковались в очень ограниченных масштабах в советское время. Однако если обратиться к документам, картина окажется сложнее. Документы показывают предельную осторожность царского двора, когда вставал вопрос о военном вмешательстве в дела соседней державы. Весьма показательна в этом смысле депеша военного министра А. И. Чернышева от 31 декабря 1848 г., адресованная генералу А. Н. Лидерсу, командующему корпусу российской армии, дислоцированного по согласованию с Османской империей в зависимых от нее Дунайских княжествах, неподалеку от Трансильвании, где разгорелись межэтнические распри и встал вопрос о вводе русских

11 См.: *Стыкалин А. С.* Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // *Историческая экспертиза.* 2014. № 1. С. 38–54.

войск для защиты части населения, в первую очередь экономически влиятельной немецкой диаспоры городов Херманштадта (Сибиу) и Кронштадта (Брашова)¹². В документе отмечается, что «Государь Император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, тем более что они клонятся по-видимому к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств»¹³. Нежелание вмешиваться во внутренние дела соседней державы носило, таким образом, концептуальный характер. В Петербурге явно опасались, что перемещение части российских войск из Дунайских княжеств, где они находились с согласия осман в целях наведения порядка и пресечения революционных выступлений (и куда они также были введены лишь после долгих колебаний), в Трансильванию по просьбе Вены может привести к нежелательному возникновению нового «европейского вопроса», т. е. международных осложнений. Только реальная угроза полного краха Дунайской империи побудила Петербург сначала к краткосрочной отправке отрядов корпуса генерала Лидерса из Валахии в Южную Трансильванию, а затем и к согласию на большее — на направление в пределы Австрийской монархии через Галицию и словацкие земли 200-тысячной армии фельдмаршала Паскевича, перед которой, осознав неравенство сил, и сложила, как отмечалось выше, оружие венгерская революционная армия. Для того чтобы убедить Николая I в необходимости этого шага, юный Франц Иосиф, как известно, сам ездил в Варшаву, чтобы встретиться с российским императором. Опубликована и переписка Николая I, относящаяся к 1848–1849 гг.¹⁴

12 См.: *Колин А. И., Стыкалин А. С.* «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо, необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Вып. 6: К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь, 2018. С. 149–178.

13 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 2. Д. 5332. Л. 208.

14 См., в частности: «Буде можно, без пролития дорогой русской крови». Венгерский поход 1849 г. в переписке великого князя Константина Ни-

Насколько сложнее подчас бытующих в историческом сознании стереотипов были реальные мотивы и конкретные обстоятельства подключения России к урегулированию тех или иных межэтнических споров и внутренних конфликтов за пределами своего государства!

Каковы были мотивы ввода русских войск на территорию соседней империи? Широко распространенные среди западных наблюдателей и комментаторов тех событий (включая Карла Маркса) ссылки на панславистские устремления российской внешней политики не находят подтверждения в документах, отражающих обоснование официальным Петербургом своей политики. Речь шла не о защите родственных по языку или вере народов, чьи движения также не всегда сохраняли лояльность своему законному императору, а о принципе монархической солидарности и о заинтересованности в поддержании определенных общеевропейских устоев, в формировании которых была велика роль России. Венгерское восстание было воспринято в Петербурге как составная часть всевропейского заговора против существующего миропорядка. Решающим аргументом в пользу вмешательства явились участие в венгерском движении польских революционеров и, более того, присутствие польских военачальников на командных должностях в венгерской революционной армии. Поляки воспринимались как главная центробежная сила в Российской империи. Что же касается поляков, стоявших во главе венгерских войск, то они продолжали оставаться деятелями собственного национально-освободительного движения, направленного на восстановление независимой Польши, разделенной между тремя империями. Как читаем в одном из военных донесений, генерал Юзеф Бем, по представлениям российских военных экспертов, планировал, «утвердив свою власть в Трансильвании», двинуть затем армию в другие земли, находившиеся под скипетром Габсбургов, — сначала в Буковину, а оттуда «перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию»¹⁵. Очевидно, он мыслил полное и окончательное решение польского вопроса не иначе как на руинах Габсбургской

колаевича с императором Николаем I и цесаревичем Александром Николаевичем / публикация И. С. Чиркова // Исторический архив. 2011. № 3, 4. Из более ранних документальных публикаций см. подготовленные еще в 1930-е гг. Р. А. Авербух: Николай I и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. 1931. № 4–5; Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. № 4–5.

15 См. подробно документы: *Коллин А. И., Стыкалин А. С.* «Пребывание наших войск...»

империи. А учитывая международный статус польского вопроса, это затронуло бы и две другие монархии, разделившие Польшу. При этом заезжий польский революционный романтик Бем, судя по всему, недооценивал глубину венгеро-румынских противоречий, надеясь все-таки сделать если не основную массу трансильванских румын, то румынское революционное движение в Дунайских княжествах союзником в борьбе против Габсбургов и каждый раз посрамляясь в своих ожиданиях.

В мемуарах российских офицеров — участников кампании 1849 г., даже в наиболее верноподданнических из них, где истоки венгерской революции виделись не в последнюю очередь в польском интриганстве, зачастую находит отражение уважительное отношение к революционным венграм как к достойному противнику¹⁶. Николай I, честно выполнивший свои союзнические обязательства, по отзывам, рассчитывал на то, что храбро сражавшиеся венгерские офицеры будут амнистированы¹⁷. Однако этого не произошло. Примерно 140 участников событий, включая нескольких плененных генералов и весьма умеренного премьер-министра первого революционного правительства графа Л. Баттяни, были казнены. Это не только вызвало крайне негативный резонанс в мире (организатор казней генерал Гайнау стал невъездным в Англию и Францию), но и бросило тень на российское правительство как на косвенного соучастника расправы. Никакого политического выигрыша эта кампания России не принесла. Николай I после этого очень долго не принимал австрийского посла. А через считанные годы, с началом Крымской войны, когда Австрия заняла недружественную России позицию, оккупировав Дунайские княжества, она, по выражению одного из современников, удивила весь мир своей неблагодарностью, поскольку Франц Иосиф был обязан российскому вмешательству сохранением своей династии на престоле. Согласно одной красивой, но при этом вполне правдоподобной легенде, российский император, предчувствовавший резкое обострение отношений с монархией Габсбургов, разглядывая при посещении Варшавы памятник польскому королю Яну Собескому, снявшему осаду турками Вены в 1683 г., якобы изрек: «Собеский и я были самыми большими ослами в истории, поспешив на спасение Габсбургов, так и не пожелавших потом их по достоинству отблагодарить».

16 Характеристика некоторых тенденций русской мемуаристики дается в публикации: *Коллин А. И., Стыкалин А. С.* Сдача революционной венгерской армии...

17 См.: Там же.

Источники и литература

Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

Авербух Р. А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии (1848–1849 гг.). М.: Наука, 1965. 406 с.

Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. М.: Госоцэкономиздат, 1938. № 4–5. С. 155–207.

«Буде можно, без пролития дорогой русской крови». Венгерский поход 1849 г. в переписке великого князя Константина Николаевича с императором Николаем I и цесаревичем Александром Николаевичем / публикация И. С. Чиркова // Исторический архив. 2011. № 3. С. 119–157; № 4. С. 167–181.

Виноградов В. Н. Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. С. 422–448.

Желицки Ч. Национальный вопрос в венгерской революции 1848–1849 гг. // Научные издания московского Венгерского колледжа. М.: Научный, культурный и информационный центр Венгрии в Москве, 2001. Вып. 1. С. 46–59.

Исламов Т. М. Венгерская революция 1848–1849 гг. в контексте европейских революций 1848 г. // Научные издания московского Венгерского колледжа. М.: Научный, культурный и информационный центр Венгрии в Москве, 2001. Вып. 1. С. 9–45.

Колин А. И., Стыкалин А. С. «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо, необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 6: К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь: СКФУ, 2018. С. 149–178.

Колин А. И., Стыкалин А. С. Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 511–528.

Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение. 2003. № 5. С. 63–72.

Николай I и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. М.; Л.: Госиздат, 1931. № 4–5. С. 3–49.

Рошонци И. Венгерская кампания российских войск в 1849 году // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 5 / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь: СКФУ, 2014. С. 48–56.

Стыкалин А. С. Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 38–54.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Moscow.

Averbukh, R. A. *Revoliutsiia i natsional'no-osvoboditel'naia bor'ba v Vengrii (1848–1849 gg.)*. Moscow: Nauka, 1965, 406 s.

“Avstriiskaia revoliutsiia 1848 g. i Nikolaĭ I.” *Krasnyiĭ arkhiv*, № 4–5, Moscow: Gossoetsĕkonomizdat, 1938, s. 155–207.

“Bude možno, bez prolitiia dorogoĭ rusскоi krovi’. Vengerskiĭ pokhod 1849 g. v perepiske velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I i tsesarevichem Aleksandrom Nikolaevichem”, publikatsiia I. S. Chirkova. *Istoricheskii arkhiv*, no. 3, 2011, s. 119–157, no. 4, s. 167–181.

Islamov, T. M. “Vengerskaia revoliutsiia 1848–1849 gg. v kontekste evropeiskikh revoliutsii 1848 g.” *Nauchnye izdaniia moskovskogo Vengerskogo kolledzha*, vyp. 1, Moscow: Nauchnyiĭ, kul'turnyiĭ i informatsionnyi tsentr Vengrii v Moskve, 2001, s. 9–45.

Kolin, A. I., and Stykalin, A. S. “‘Prebyvanie nashikh voĭsk v Germanshtadte i Kronshtadte teper' bolee, chem kogda-libo neobkhdimo’. Mezhĕtnicheskie raspri v Transil'vanii v usloviakh vengerskoĭ revoliutsii 1848–1849 gg. i rossiiskoe voennoe prisutstvie v Dunaĭskikh kniazhestvakh.” *Rossiisko-avstriiskiiĭ al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli*, vyp. 6, *K 150-letiiu obrazovaniia Avstro-Vengerskoĭ imperii*, otv. red. I. V. Kriuchkov, O. V. Pavlenko. Stavropol': SKFU, 2018, s. 149–178.

Kolin, A. I., and Stykalin, A. S. “Sdacha revoliutsionnoĭ vengerskoĭ armii russkim voĭskam pod Vilagoshem v avguste 1849 g. Vospominaniia ochevidtsa.” *Slavianskiĭ al'manakh*, 2013, Moscow: Indrik, 2014, s. 511–528.

“Mezhdunarodnye nauchnye konferentsii, posviashchennye istorii Vengrii i rossiisko-vengerskikh otnosheniiĭ.” *Slavianovedenie*, no. 5, 2003, s. 63–72.

“Nikolaĭ I i evropeiskaia reaktiia 1848–1849 gg.” *Krasnyiĭ arkhiv*, no. 4–5, Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1931, s. 3–49.

Rosonczy, I. “Vengerskaia kampaniia rossiiskikh voĭsk v 1849 godu.” *Rossiisko-avstriiskiiĭ al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli*, vyp. 5, otv. redaktory I. V. Kriuchkov, O. V. Pavlenko, Stavropol': SKFU, 2014, s. 48–56.

Stykalin, A. S. “Pravda i vymysel o reaktsii rossiiskogo obshchestva na vengerskiuiu revoliutsiiu 1848 g. Vengerskaia kampaniia 1849 g. i kapitan Gusev.” *Istoricheskaia ĕkspertiza*, no. 1, 2014, s. 38–54.

Vinogradov, V. N. “Transil’vanskaia tragediia.” *Evropeiskie revoliutsii 1848 g. ‘Printsip natsional’nosti’ v politike i ideologii*, otv. red. S. M. Fal’kovich, Moscow: Indrik, 2001, s. 422–448.

Zselicky, Cs. “Natsional’nyĭ vopros v vengerskoĭ revoliutsii 1848–1849 gg.” *Nauchnye izdaniia moskovskogo Vengerskogo Kolledzha*, vyp. 1, Moscow: Nauchnyĭ, kul’turnyĭ i informatsionnyĭ tsentr Vengrii v Moskve, 2001, s. 46–59.

Aleksandr S. Stykalin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The Hungarian Revolution of 1848–1849
in the historical retrospective after 170 years

The Revolution of 1848–1849 in Hungary was a serious challenge to the entire European order established at the Congress of Vienna in 1815 as the result of the Napoleon wars. The unfavorable outcome of the revolution was first of all a result of the lack of interest of the major European powers (Russia including) in destroying the Habsburg monarchy, which was a guarantor of stability on the continent due to its middle position in Europe. The main lesson of the events in the Habsburgs monarchy (including Hungary) in 1848–1849 is seen in the fact that for the first time in the European history, they showed so clearly the destructive power of nationalism. The mismatch of the goals of the national movements with their specific programs led to the sharp collisions. Later this experience was taken into consideration by the ideologues of the national movements of various peoples of the Danube region. This report not only evaluates the international significance of the Hungarian revolution of 1848–1849 in a retrospective after 170 years and assesses its place in the Hungarian historical memory. An attempt is made to dispel some stereotypes concerning the policy of the Russian Empire in the region. It is established that its non-interference in the internal affairs of the neighboring empire was of a fundamental nature due to the fear of creating a new “European question”. The choice in favor of the military action was made only after long hesitations for the fear of the collapse of the Habsburg Empire.

Keywords: *the Hungarian revolution of 1848–1849, the Habsburgs, the Austrian Empire, Franz Joseph, Nicholas I, Lajos Kossuth, Karl Marx, nationalism, Danube region, national movements.*

Отклик на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии и публицистике (до 1918 г.)

В настоящей статье рассматриваются отзывы чешских историков и публицистов на работы русских историков славянофильского направления о гуситском движении. Апологеты славянофильской концепции (такие как Е. П. Новиков и А. Ф. Гильфердинг) отстаивали положение о преемственности гуситства и православия, полагая, что православие принесли в Чехию Кирилл и Мефодий. В чешской литературе сторонников у данной концепции практически не нашлось. Профессиональные историки во главе с Я. Голлом и Й. Калоусеком указали на то, что сведения о сохранении восточной обрядности в Чехии предгуситского периода впервые появляются в источниках лишь с середины XVI в., а также отметили, что причащение мирян чашей было распространено и на Западе. Авторы, писавшие о русской мысли XIX в., такие как П. Дурдик и Й. Первольф, видели в этой концепции лишь перенос современной славянофильской идеологии в прошлое. Католические авторы, ведущим из которых был А. Ленц, исходили из того, что гуситское вероучение не согласуется с доктриной православной церкви. Защищал славянофильскую концепцию лишь Й. В. Калаш, русофил и переводчик русской классики, некритично воспринимавший положения и эмоциональные аргументы славянофилов. Остальные же чешские авторы были едины в критике работ славянофилов, что было вызвано как национальной солидарностью в среде чешской интеллигенции, так и научной слабостью данной теории.

Ключевые слова: *история Чехии, гуситское движение, славянофильство, русско-чешские связи, чешская историография.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.03

Славянофильское направление было одним из крупнейших в до-революционной русской историографии гуситского движения. Доминируя в научной литературе в период 1840-х — середины 1870-х годов, на этапе становления отечественного исторического славяноведения, славянофильское направление частично сохраняло свои позиции и в

дальнейшем, особенно в публицистике. Деятельность историков этого направления была детально проанализирована в трудах Л. П. Лаптевой, равно как и вся досоветская отечественная гуситология¹.

В основе славянофильской концепции гуситского движения лежало представление о том, что гуситское движение, будучи одним из крупнейших эпизодов многовековой борьбы славянской и романо-германской цивилизаций, выражало осознанное или неосознанное стремление чешского народа к «возвращению к православию», якобы к принесенному в Чехию святыми Кириллом и Мефодием².

Интерес к славянофильской концепции гуситского движения начинает проявляться в Чехии на рубеже 1860–1870-х годов. В этот период в Чехии усиливается интерес к России и русской культуре в целом, что отчасти было спровоцировано недовольством чешской общественности Австро-Венгерским соглашением³. Начиная с конца 1870-х годов русской гуситологией (а вместе с ней и ее славянофильским направлением) начали интересоваться историки новой, позитивистской школы в чешской историографии, представители которой стремились рассматривать историю Чехии в общеевропейском контексте и следили за достижениями историографии зарубежных европейских государств, в том числе и России⁴.

Вольно или невольно, старт дискуссиям о славянофильской концепции гуситского движения в Чехии дал Франтишек Палацкий, «отец нации» и патриарх чешской научной историографии. В первом издании третьего тома «Истории чешского народа», который был посвящен гуситской эпохе, Палацкий называл утверждения о возможном сохранении элементов «греко-славянской» церковной традиции в догуситской Чехии необоснованными, базирующимися лишь на бездоказательных заявлениях поздних ангажированных авторов⁵. Во втором же, переработанном издании, он изменил свое мнение по вопросу о возможной

1 См.: *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.). М., 1978; *Она же.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.

2 *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения. С. 98–100.

3 *Kořalka J.* Češi v Habsburské Říši a v Evropě 1815–1914. Praha, 1996. S. 37.

4 *Лаптева Л. П.* Русско-чешские научные связи во второй половине XIX — начале XX в. (по данным переписки). М., 2016. С. 44.

5 *Palacký F.* Dejiny národu českého w Cechách a w Morawě. Díl 3, částka 1. Praha, 1850. S. 7.

связи между проповедью Кирилла и Мефодия и гуситством, допустив, что славянский обряд, принесенный святыми, «пустил корни более глубокие, чем казалось еще недавно», и это могло служить источником постоянного несогласия с авторитетом католической церкви в чешском обществе на протяжении всего Средневековья⁶.

Эта смена позиции повлияла на французского богемиста Эрнеста Дени, который уже прямо утверждал, что отголоски православной традиции повлияли на развитие антикатолических религиозных течений в Чехии, в том числе и гуситства⁷. Этому тезису оппонировал Ярослав Голл, основатель позитивистской «школы Голла» в чешской историографии. Всю рецензию на работу Дени он посвятил разбору именно этого вопроса. Аргументация Голла сводилась к тому, что в источниках предгуситской эпохи не содержится упоминаний о существовании в Чехии XI–XV вв. каких-либо элементов православия (в том числе и причисляемого к таковым причащения мирян вином). Самые же ранние донесения об этом содержатся лишь в сочинениях Богуслава Билейовского, ангажированного утраквистского автора XVI в., на труды которого опирался протестантский писатель Павел Странский, выстроивший на их основе теорию о непрерывном продолжении православных традиций в догуситской Чехии со времен Кирилла и Мефодия. Таким образом, и построения русских авторов славянофильского направления, таких как Е. П. Новиков и А. Ф. Гильфердинг, не выдерживали критики⁸. В своей работе «Братская община в XV в.» Голл также затронул эту тему: здесь он утверждал, что попытки увидеть в гуситстве «что-то вроде возрождения православия» представляют собой либо «тенденциозные иллюзии», либо «обман и самообман», а впервые симпатии к православию в Чехии проявил лишь Иероним Пражский после поездки на Русь⁹. В целом Голл выступал последовательным критиком славянофильской концепции.

Со схожих с Голлом позиций критиковал славянофильскую концепцию Йозеф Калоусек, либеральный историк и один из инициато-

6 *Palacký F. Dějiny národu českého w Cechách a w Morawě. 2. vydání. Díl 3, částka 1, 2. Praha, 1870. S. 15.*

7 *Дени Э. Гус и гуситские войны / пер. с фр. А. Б. Ванькова. М., 2016. С. 13.*

8 *Goll J. Huss et la guerre des Hussites par E. Denis // Časopis Musea království Českého. 1878. Roč. 52. S. 589–592.*

9 *Goll J. Jednota bratrská v XV. století // Goll J. Chelčický a jednota v XV. století. Praha, 1916. S. 153.*

ров спора о пересмотре приговора Констанцкого собора Яну Гусу¹⁰. В своей брошюре 1881 г. «Об истории чаши в предгуситские эпохи» он сосредоточился на вопросе о причащении мирян вином в предгуситской Чехии, хотя и упомянул о том, что у славянофильской концепции есть и другие слабые места¹¹. Проанализировав как чешские, так и западноевропейские источники по церковной истории догуситского периода, Калоусек заключил, что причащение мирян под обоими видами не является сугубо православным или восточным обычаем, а было распространено повсюду в католической Европе до XIII в., сообщения же о причащении под обоими видами в Чехии XIV в. восходят к Билейовскому, который, по мнению Калоусека, просто сфальсифицировал их¹².

В 1882 г. в «Музейнике» вышла еще одна работа Калоусека: статья «Русские исследования о причинах и целях гуситского движения», представлявшая собой развернутый разбор работ русских церковных историков П. П. Васильева и И. С. Пальмова, относимых Л. П. Лаптевой к «религиозно-критическому направлению» в русской историографии¹³. Калоусек поддержал большинство выводов Васильева и Пальмова, критиковавших славянофильскую концепцию гуситского движения. Он согласился с предложенной первым трактовкой гуситского движения как предреформационного, однако, говоря о степени его знакомства с современной научной литературой, предположил, что Васильев «никогда не держал в руках написанную по-чешски книгу»¹⁴. Работу Пальмова «Вопрос о чаше в гуситском движении» он оценил более высоко, разойдясь, однако, с русским исследователем в трактовке описания церемонии коронации Карла IV чешским королем и предположив, что монарх на самом деле не принимал причастия вином¹⁵.

Рецензия Голла и работы Калоусека оказали решающее воздействие на восприятие славянофильской концепции гуситского движения, равно как и всей русской историографии гуситства, в среде профессиональных чешских историков. В дальнейшем они будут в

10 *Nodl M.* Spor o Husa a české katolické dějepisectví přelomu 19. a 20. století // *Dějiny — Teorie — Kritika*. 2013. Roč. 10. Č. 2. S. 213.

11 *Kalousek J.* O historii kalicha v dobách predhusitských. Praha, 1881. S. 7.

12 *Ibid.* S. 9–19.

13 *Лантвева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.). С. 183–206.

14 *Kalousek J.* Ruské bádání o příčinách a účelích hnutí husitského // *Časopis Musea království Českého*. 1882. Roč. 56. Č. 1. S. 95–96.

15 *Ibid.* S. 102.

основном ориентироваться на эти труды. Историк литературы Йозеф Влчек включил в первый том своей «Истории чешской литературы» краткую справку обо всей литературе по истории гуситского периода. Не обошел он вниманием и современную ему русскую историографию. Говоря о ней, он в основном касается славянофильской концепции гуситского движения и ее опровержения П. П. Васильевым и И. С. Пальмовым. При этом он ссылается на труды Калоусека и Голла, приводя обширные цитаты из них¹⁶.

Историк «школы Голла» Ярослав Бидло в своей рецензии на работу И. С. Пальмова «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия» заимствует позицию Голла и Калоусека. Бидло, вслед за Калоусеком, в основном позитивно характеризует предыдущие труды Пальмова¹⁷. Новую же его работу, однако, он осторожно критикует за предпринимаемые Пальмовым попытки «примирить», по выражению Л. П. Лаптевой¹⁸, славянофильскую концепцию с современными достижениями в области изучения истории гуситства. Бидло утверждает, что в поздних трудах Пальмов «значительно приблизился к взглядам тех своих соотечественников, которые стремились как можно теснее сблизить гуситство с православием», и заключает, что с этой точки зрения больший интерес представлял бы некий философский трактат о сущности православной церкви, на основании которого было бы можно предметно сравнивать гуситство и православие¹⁹.

Еще один историк «школы Голла», Камилль Крофта, на раннем этапе своей деятельности активно занимавшийся историей гуситского периода, осветил основные направления русской гуситологии в своей работе «Новейшие исследования о Гусе и гуситском движении». Он отмечал, что славянофильская теория, включая и позднее сближение с ней позиций И. С. Пальмова, была «единогласно отвергнута всеми нашими исследователями гуситской эпохи во главе с Голлом и Калоусеком»²⁰.

16 *Vlček J. Dějiny české literatury. Díl 1, část 1. Praha, 1897. S. 110.*

17 *Bidlo J. Ivan Pal'mov, Češskie brat'ja v svoich konfessijach do načala sbliženija ich s protestantami v konce pervoj četverti XVI stolétija // Český časopis historický. 1905. Roč. 11. S. 203–204.*

18 *Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. С. 199.*

19 *Bidlo J. Ivan Pal'mov, Češskie brat'ja v svoich konfessijach... S. 208–210.*

20 *Krofta K. Novější badání o Husovi a hnutí husitském // Český časopis historický. 1915. Roč. 21. S. 76–77.*

В целом в работах чешских профессиональных историков доминировал критический взгляд на славянофильскую концепцию как основанную на недостаточно глубокой критике исторических источников, а также тесно связанную со славянофильской идеологией. Примечательно, что начиная с работы Калоусека «Об истории чаши в предгуситские эпохи» чешские историки неизменно употребляли термин «славянофильство» и его производные применительно к этой концепции русских ученых. Данный термин получил весьма широкое распространение благодаря работе чешских авторов, предметно рассматривавших данное направление русской мысли.

В журнале «Освета» («Просвещение») в 1873 г. вышла статья работавшего в России чешского врача, известного путешественника и переводчика с русского языка²¹, Павла Дурдика, под названием «Славянофильская партия на Руси». Она была написана в духе критики славянофильства как великодержавного движения узкой прослойки столичных интеллектуалов, стремившихся «обрусить остальных славян»²². Критиковал Дурдик и славянофильскую концепцию гуситского движения, утверждая, что гуситы «и сами не знали», что стремятся к православию. Он призывал рассматривать гуситское движение в контексте истории всей Европы, считая, что схожие процессы в более слабой форме проявились и на русской почве в виде старообрядчества²³.

В 1879 г. в том же журнале появился цикл статей «Славянская мысль на Руси», автором которого был Йозеф Первольф²⁴, чешский славяновед, перебравшийся в Россию и часть своих трудов посвятивший также и истории гуситского движения²⁵. Собственно о славянофильской концепции гуситского движения Первольф говорил немного, отсылая читателей к работе Я. Голла, характеризуя сами поиски связей между гуситством и православием, предпринимаемые

21 *Veselý J.* MUDr. Pavel Durdík, lékař, etnograf, cestovatel, překladatel a publicista. [Электронный ресурс]: http://www.rozhlas.cz/toulky/vysila_praha/_zprava/955-schuzka-mudr-pavel-durdik-lekar-etnograf-cestovatel-prekladatel-a-publicista--1265263 (дата обращения: 08.03.2019).

22 *Durdík P.* Slavjanofilská strana na Rusi // *Osvěta*. 1873. Roč. 3. S. 81–82.

23 *Ibid.* S. 86–87.

24 Примечательно, что Й. Калоусек упоминает о том, что именно Первольф рассказал ему о работах П. П. Васильева и И. С. Пальмова. См.: *Kalousek J.* Ruské bádání o příčinách a účelích hnutí husitského // *Časopis Musea království Českého*. 1882. Roč. 56. Č. 1. S. 90–91.

25 *Лангева Л. П.* Русская историография гуситского движения. С. 168–182.

русскими авторами, как проявление славянофильской идеологии, к которой он также относился скептически²⁶.

Однако не все чешские авторы, интересовавшиеся русской литературой, столь критически смотрели на славянофильскую концепцию. Знарок русской словесности, многолетний редактор газеты «Народни листы» («Национальная газета»), переводчик сочинений И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого на чешский язык Йозеф Вацлав Калаш²⁷ опубликовал в 1887 г. брошюру «Каково историческое происхождение гуситского движения?». Во введении он писал, что целью его работы является «указать на то, что не все историки, судящие о самом значимом вопросе чешской культурной истории, идут дорогой, проложенной немцами», то есть связывают историю гуситского движения с Реформацией²⁸. Основным тезисом брошюры Калаша было предположение, будто православная традиция в сохранялась в Чехии с кирилло-мефодиевских времен вплоть до XV столетия²⁹. В доказательство он приводил ссылки на поздних ангажированных авторов, таких как Вацлав Гаек и Павел Странский, а также на работы русских историков славянофильского направления: Е. П. Новикова и А. Ф. Гильфердинга³⁰. Позже он защищал славянофильскую концепцию (равно как и всю идеологию славянофильства) в своей заметке в газете «Народни листы» за 30 сентября 1889 г. Здесь он утверждал, что «гуситство само по себе не стремилось ни к какой “реформации”», имея целью лишь вернуться к началам кирилло-мефодиевского христианства³¹. В целом работы Калаша по данному вопросу носили скорее пропагандистско-публицистический характер, и большее влияние на них оказали его политические взгляды и любовь к русской культуре, а не исследовательский поиск. Критику со стороны оппонентов славянофильской концепции Калаш попросту не воспринимал.

Взгляды Калаша не нашли широкой поддержки среди чешских историков и публицистов, и он остался одним из очень немногих сторонников славянофильской концепции. Его позицию, равно как и по-

26 *Perwolf J.* Slovanská myšlenka na Rusi // *Osvěta*. 1879. Roč. 9. S. 712.

27 *Trnka M.* O redaktorů Josefu Kalašovi, rodáku z Dráchova. [Электронный ресурс]: <http://rodopisna-revue-online.tode.cz/2016-3/08-kalass.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

28 *Kalaš J. V.* Jaká jest dějinná půda hnutí husitského? Praha, 1887. S. 2–3.

29 *Ibid.* S. 42.

30 *Ibid.* S. 2, 32, 39, 42, 44.

31 *Kalaš J. V.* Slovanská filosofie // *Národní listy*. 1889. 30. srpna. S. 5.

зицию остальных ее приверженцев, критиковал упоминавшийся выше Я. Влчек в своей «Истории чешской литературы»³². Работу Калаша упоминает в своем труде «Чешский вопрос» и Томаш Гарриг Масарик, будущий основатель Чехословацкого государства. Он также отвергал и славянофильскую концепцию гуситства³³.

Славянофильская концепция, в том числе ее апология в труде Калаша, вызвала критику и католических авторов. Церковная католическая среда весьма нервно реагировала как на обращение в православие представителей узкой прослойки образованных чехов-националистов (самым известным из которых был Карел Сладковский)³⁴, так и на попытку организации среди чешских переселенцев на Волыни «гуситской» церкви, в итоге закончившуюся массовым переходом волыньских чехов в православие³⁵.

Известный католический публицист и историк Антонин Ленц посвятил сравнению учения Яна Гуса и современной православной церкви статью в седьмом номере за 1868 г. журнала «Часопис католического духовенства» («Журнал католического духовенства»), в которой заключил, что православная церковь не согласилась бы с Гусом в таких важных вопросах, как учение о предопределении и чистилище, а также о роли церковной иерархии³⁶. Йозеф Мрштик, профессор гимназии в Градец-Кралове, в четвертом номере того же журнала за 1891 г. опубликовал статью «О современных гуситах на Руси», где утверждал, что российское правительство использует новое «гуситство», распространившееся среди волыньских чехов, для того, чтобы обратить их в православие³⁷.

Среди религиозных католических авторов наиболее значительной работой, посвященной славянофильской концепции, стала брошюра публициста Зденека Бретшнайдера (Яна Гендриха)³⁸ под явно отсыла-

32 *Vlček J.* Dějiny české literatury. Díl 1, část 1. S. 110.

33 *Masaryk T. G.* Česká otázka. 2. vydání. Praha, 1908. S. 166–182.

34 *Kořalka J.* Češi v Habsburské Říši a v Evropě 1815–1914. S. 86–88.

35 *Птицын А. Н.* «Религия из канцелярии»: создание чешскогуситской церкви в России в конце XIX века // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 184–197.

36 *Lenz A.* Učení Husovo a církev pravoslavná // Časopis katolíckého duchovenstva. 1869. Roč. 10. Č. 7. S. 511–525.

37 *Mrštlík J.* O moderních Husitech na Rusi // Časopis katolíckého duchovenstva. 1891. Roč. 32. Č. 4. S. 193–199.

38 *Osobnost: Zdeněk Bretšnajdr.* [Электронный ресурс]: http://www.prijmeni.cz/osobnost/3500/zdenek_bretšnajdr (дата обращения: 09.03.2019).

ющим к работе Й. В. Калаша названием «Каким было историческое происхождение гуситства?». Работа Бретшнайдера также носила публицистический характер, однако была написана с широким привлечением научной литературы: во введении дан анализ работ русских славянофильских авторов (В. А. Елагина, Е. П. Новикова, А. Ф. Гильфердинга) и их критиков (П. П. Васильева и И. С. Пальмова), указывалось, что при написании брошюры использовались также работы Я. Голла и Й. Калоусека³⁹. Аргументы Бретшнайдера были схожи с доводами Калоусека: принятие чаши под обоими видами прекратилось в Чехии задолго до гуситства, а единственным контраргументом являются поздние донесения Билейовского и Странского⁴⁰. Кроме того, Бретшнайдер считал гуситское движение предтечей будущего протестантизма. Святые Кирилл и Мефодий же были, по мнению автора, «правоверными католиками», в связи с чем продолжением истинной кирилло-мефодиевской традиции в Чехии ему виделся католицизм⁴¹.

Анализ откликов чешских авторов на работы русских историков, поддерживавших славянофильскую концепцию гуситского движения, позволяет сделать два вывода. Во-первых, данная концепция, равно как и вся русская историография гуситства, была достаточно хорошо знакома чешским авторам и находилась в объективе критического изучения не только профессиональных историков, но также и общественных деятелей, публицистов. Во-вторых, отношение к данной концепции среди чешских авторов было на удивление единодушным и не зависело от религиозных и политических взглядов, степени научной и профессиональной подготовки. Антонин Ленц и Йозеф Калоусек, главные оппоненты в споре о деле Яна Гуса, были едины в критике славянофильских авторов. Славянофильскую концепцию критиковали представители всех ведущих научных и общественных направлений, а случай Й. В. Калаша, согласившегося с русскими славянофилами, был единичным. Это было вызвано как национальной солидарностью в среде образованных чехов, в целом отвергавшей славянофильскую идеологию из-за ее великодержавного характера, так и объективной слабостью основных тезисов славянофильской концепции, которая была отмечена и большинством русских гуситологов.

39 *Bretšnajdr Z. Jaká byla dějinná půda hnutí husitského? // Husitství ve světle pravdy. 1908. Roč. 5. Č. 1. S. 5–7.*

40 *Ibid. S. 18–21.*

41 *Ibid. S. 29–32.*

Источники и литература

Дени Э. Гус и гуситские войны / пер. с фр. А. Б. Ванькова. М.: Клио, 2016. 424 с.

Лантева Л. П. Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 340 с.

Лантева Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX — начале XX в. (по данным переписки). М.: ПОЛИ-МЕДИА, 2016. 652 с.

Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.

Птицын А. Н. «Религия из канцелярии»: создание чешско-гуситской церкви в России в конце XIX века // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 184–197.

Bidlo J. Ivan Pal'mov, Češskie brat'ja v swoich konfessijach do načala sblíženiya ich s protestantami v konce prvej četverti XVI stolétija // Český časopis historický. 1905. Roč. 11. S. 203–213.

Bretšnajdr Z. Jaká byla dějinná půda hnutí husitského? // Husitství ve světle pravdy. 1908. Roč. 5. Č. 1.

Durdík P. Slavjanofilská strana na Rusi // Osvěta. 1873. Roč. 3. Č. 2. S. 81–104.

Goll J. Huss et la guerre des Hussites par E. Denis // Časopis Musea království Českého. 1878. Roč. 52. S. 589–592.

Kalaš J. V. Jaká jest dějinná půda hnutí husitského? Praha: Jos. R. Vilímek; Vysoké Mýto: Fr. Čermák, 1887. 48 s.

Kalaš J. V. Slovanská filosofie // Národní listy. 1889. 30. srpna. S. 5.

Kalousek J. O historii kalicha v dobách predhusitských. Praha: Knihhtiskárna “Politiky”, 1881. 24 s.

Kalousek J. Ruské bádání o pricinách a účelích hnutí husitského // Časopis Musea království Českého. 1882. Roč. 56. Č. 1. S. 90–102.

Kořalka J. Češi v Habsburské Říši a v Evropě 1815–1914. Praha: Argo, 1996. 354 s.

Krofta K. Novější badání o Husovi a hnutí husitském // Český časopis historický. 1915. Roč. 21. S. 40–77.

Lenz A. Učení Husovo a církev pravoslavná // Časopis katolického duchovenstva. 1869. Roč. 10. Č. 7. S. 511–525.

Masaryk T. G. Česká otázka. 2. vydání. Praha: Pokrok, 1908. 264 s.

Mrštlik J. O moderních Husitech na Rusi // Časopis katolického duchovenstva. 1891. Roč. 32. Č. 4. S. 193–199.

Nodl M. Spor o Husa a české katolické dějepisectví přelomu 19. a 20. století // Dějiny — Teorie — Kritika. 2013. Roč. 10. Č. 2. S. 209–220.

Osobnost: Zdeněk Bretšnajdr. URL: http://www.prijmeni.cz/osobnost/3500/zdenek_bretšnajdr (дата обращения: 09.03.2019).

Palacký F. Dejiny národu českého w Cechách a w Morawě. Díl 3, částka 1. Praha: Knihkupectví J. G. Kalve, 1850. 543 s.

Palacký F. Dějiny národu českého w Cechách a w Morawě. 2. vydání. Díl 3, částka 1, 2. Praha: F. Tempský, 1870. 428 s.

Perwolf J. Slovanská myšlenka na Rusi // *Osvěta*. 1879. Roč. 9. Č. 9. S. 709–720.

Trnka M. O redaktoru Josefu Kalašovi, rodáku z Dráchova. URL: <http://rodopisna-revue-online.tode.cz/2016-3/08-kalass.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

Veselý J. MUDr. Pavel Durdík, lékař, etnograf, cestovatel, překladatel a publicista. URL: http://www.rozhlas.cz/toulky/vysila_praha/_zprava/955-schuzka-mudr-pavel-durdik-lekar-etnograf-cestovatel-prekladatel-a-publicista--1265263 (дата обращения: 08.03.2019).

Vlček J. Dějiny české literatury. Díl 1, část 1. Praha: Jednota českých filologů, 1897. 436 s.

References

Bidlo, J. “Ivan Pal’mov, Češskie brat’ja v svoich konfessijach do načala sbliženija ich s protestantami v konce pervoj četverti XVI stolétija.” *Český časopis historický*, roč. 11, 1905, s. 203–213.

Bretšnajdr, Z. “Jaká byla dějinná půda hnutí husitského?” *Husitství ve světle pravdy*, roč. 5, č. 1, 1908

Durdík, P. “Slavjanofilská strana na Rusi.” *Osvěta*, roč. 3, č. 2, 1873, s. 81–104.

Goll, J. “Huss et la guerre des Hussites par E. Denis.” *Časopis Musea království Českého*, roč. 52, 1878, s. 589–592.

Denis, E. *Gus i gusitskie vojny [Huss et les Hussites]*. Per. s fr. A. B. Van’kova, Moscow: Klio, 2016, 424 s.

Kalaš, J. V. *Jaká jest dějinná půda hnutí husitského?* Praha: Jos. R. Vilímek; Vysoké Mýto: Fr. Čermák, 1887, 48 s.

Kalaš, J. V. “Slovanská filosofie.” *Národní listy*, 30. srpna 1889, s. 5.

Kalousek, J. *O historii kalicha v dobách predhusitských*. Praha: Knihotiskárna “Politiky”, 1881, 24 s.

Kalousek, J. “Ruské bádání o pricinách a účelích hnutí husitského.” *Časopis Musea království Českého*, roč. 56, č. 1, 1882. s. 90–102.

Kořalka, J. *Češi v Habsburské Říši a v Evropě 1815–1914*. Praha: Argo, 1996, 354 s.

Krofta, K. “Novější badání o Husovi a hnutí husitském.” *Český časopis historický*, roč. 21, 1915, s. 40–77.

Lapteva, L. P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX veke*. Moscow: Indrik, 2005, 847 s.

Lapteva, L. P. *Russkaia istoriografiiia gusitskogo dvizheniia (40-e gg. XIX v. — 1917 g.)*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978, 340 s.

Lapteva, L. P. *Russko-cheshskie nauchnye sviazi vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (po dannym perepiski)*. Moscow: POLI-MEDIA, 2016, 652 s.

Lenz, A. "Učení Husovo a církev pravoslavná." *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 10, č. 7, 1869, s. 511–525.

Masaryk, T. G. *Česká otázka*. 2. vydání, Praha: Pokrok, 1908, 264 s.

Mrštlik, J. "O moderních Husitech na Rusi." *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 32, č. 4, 1891, s. 193–199.

Nodl, M. "Spor o Husa a české katolické dějepisectví přelomu 19. a 20. století." *Dějiny — Teorie — Kritika*, roč. 10, č. 2, 2013, s. 209–220.

Osobnost: Zdeněk Bretšnajdr. URL: http://www.prijmeni.cz/osobnost/3500/zdenek_bretsnajdr. Accessed 09.03.2019.

Palacký, F. *Dějiny národu českého w Cechách a w Morawě*, díl 3, částka 1. Praha: Knihkupectví J. G. Kalve, 1850, 543 s.

Palacký, F. *Dějiny národu českého w Cechách a w Morawě*, díl 3, částka 1, 2. vydání, Praha: F. Tempský, 1870, 428 s.

Perwolf, J. "Slovanská myšlenka na Rusi." *Osvěta*, roč. 9, č. 9, 1879, s. 709–720.

Ptitsyn, A. N. "Religiia iz kantseliarii: sozdanie cheshsko-gusitskoj tserkvi v Rossii v kontse XIX veka." *Dialog so vremenem*, vyp. 37, 2011, s. 184–197.

Trnka, M. *O redaktorovi Josefu Kalašovi, rodákovi z Dráčkova*, <http://rodopisna-revue-online.tode.cz/2016-3/08-kalass.pdf>. Accessed 09.03.2018.

Veselý, J. *MUDr. Pavel Durdík, lékař, etnograf, cestovatel, překladatel a publicista*, http://www.rozhlas.cz/toulky/vysila_praha/_zprava/955-schuzka-mudr-pavel-durdik-lekar-etnograf-cestovatel-prekladatel-a-publicista-1265263. Accessed 08.03.2019.

Vlček, J. *Dějiny české literatury*, díl 1, část 1. Praha: Jednota českých filologů, 1897, 436 s.

Timur V. Gimadeev
Kazan Federal University (Kazan)

The feedback on the Slavophile theory of the Hussite movement in the Czech non-fiction historical literature (before 1918)

This article deals with the reflection of Czech historians and political writers on the works of Russian Slavophile historians about the Hussite movement. The apologists of the Slavophile concept (such as P. Novik-

ov and A. Th. Hilferding) defended the idea of the succession between Orthodoxy and the Hussite movement, supposing that Orthodoxy was brought to Czechia by Cyril and Methodius. This conception remained highly unpopular among the Czech authors. The professional Czech historians, such as J. Kalousek and J. Goll indicated that the information on such continuity is first found in the sources only starting from the mid-16th century, and noted that the communion in both forms was also spread in the West. The Czech authors that were studying the Russian Thought of the 19th century, such as P. Durdík and J. Perwolf, saw this concept as a mere transplantation of the contemporary Slavophile ideology into the past. The Catholic authors headed by A. Lenz revealed numerous differences between the Hussite and Orthodox creeds. It was only J. V. Kalaš to advocate the Slavophile concepts, but this was caused by his uncritical acceptance of Russian Slavophile literature. The rest of the Czech authors were united in the criticism of the Slavophile publications that was caused by the national solidarity of the Czech intelligentsia and by the weak academic grounds of this theory.

Keywords: *the Czech history, the Hussite movement, Slavophilia, the Russo-Czech relations, the Czech historiography.*

УДК 94(438).073 + 94(47).082 + 94(47).083
ББК 63.3(2)53

Д. О. Тимирязев
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
(Белгород, Россия)

**Отношение в отечественной публицистике к австрийскому
опыту административно-политической интеграции
польских территорий
(1881–1914 гг.)**

В статье исследуются взгляды консервативных и либеральных публицистов на политику Австро-Венгрии на территориях, населенных поляками и украинцами (русинами). Данные территории достались Австрии после первого раздела Речи Посполитой. Ответственная полемика по этой проблеме являлась одним из сюжетов так наз. польского вопроса. Под устоявшимся в литературе термином «польский вопрос» понимается комплекс проблем нахождения Польши и поляков в составе Российской империи. В качестве источников привлекаются публицистические тексты в российских изданиях. Определяется круг публицистов, активно высказывавшихся по данной проблематике. Выявляются сюжеты, которые служили местом совпадения и расхождения точек зрения публицистов. Изучаются аргументы и оценочные суждения публицистов в области межнациональных и межконфессиональных отношений в Австро-Венгерской империи. У ряда либеральных публицистов обнаружена апология польской политики Габсбургов. По их мнению, применявшуюся Веней политику по решению польского вопроса необходимо было применить в Российской империи. Консервативная мысль относилась к действиям австрийского правительства отрицательно. Им не импонировала политика колонизации восточнославянского (в их терминологии «русского») населения в Галиции.

Ключевые слова: *публицистика, польский вопрос, Австро-Венгрия, Галиция, консерватизм, либерализм, межэтнические и межконфессиональные отношения.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.04

По результатам трех разделов (1772, 1793, 1795) и решений Венского конгресса (1815) территория Речи Посполитой была разделена

между Австрией, Пруссией и Россией. К началу Первой мировой войны у каждой из стран — участниц разделов был свой оригинальный опыт по интеграции присоединенных территорий. Российское общество интересовалось австрийским и прусским опытом управления польскими землями.

Самой лояльной по отношению к полякам в заявленные хронологические рамки была политика, проводимая правительством Австро-Венгрии на территории Галиции. Ее сутью было предоставления региону широкой автономии, ведущую роль в котором играли прежде всего, польская аристократия и дворянство. Со времени разделов и до 1860-х гг. Австрия проводила политику централизованного управления и германизации администрации и образования, не пытаясь вести диалог с польской общественностью¹. До 1848 г. на должности высшего римско-католического духовенства в Галиции назначались немцы и чехи². Ситуация изменилось после поражений Австрийской империи в Австро-итало-французской (1859) и Австро-прусской (1866) войне.

С 1867 г. Габсбурги пытались сплотить империю, сделав ставку на венгерский и польский национализм. Идя на уступки венгерской и польской элите, Вена тем самым ослабляла оппозиционное правительству движение в империи. В расчет также бралось негативное отношение поляков к чехам из-за их русофильства³. В качестве противовеса польскому доминированию в регионе Вена поощряла польско-украинский антагонизм⁴. Галиция существенно отставала в экономическом развитии от польских земель в Германии и России⁵.

Традиционно принято разделять отечественную публицистику на проправительственную и антиправительственную. По нашим наблюдениям, в оценке ситуации в Галиции сходились оба течения публицистики с начала 80-х гг. до конца XIX века. Только на рубеже веков взгляды на австрийскую политику по отношению к полякам стали противоположными.

1 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. T. 1. 1864–1914. Gdańsk, 1991. S. 35.

2 *Kumor B.* Historia Kościoła. Lublin, 2001. T. 7. S. 401.

3 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia... S. 37.

4 *Касьянов Г. В.* «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства... С. 93. *Kumor B.* Historia Kościoła. Lublin, 2001. T. 7. S. 406.

5 Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 19; *Czubiński A.* Historia Polski XX wieku. Poznań, 2003. S. 12.

Один из крупнейших представителей консерватизма М. Н. Катков (1818–1887) с сарказмом относился к идее перенести на российскую почву австрийский опыт предоставления полякам автономии⁶. По мнению публициста, следствием предоставления полякам автономии в Галиции стало усиленное угнетение местного украинского (в его терминологии, русского) крестьянства⁷. Польская элита Галиции, утверждал Катков, получив власть в регионе, стремится к возрождению польского государства, пусть и в отдаленном будущем⁸.

Представитель либерального лагеря общественной мысли, историк, в будущем член Конституционно-демократической партии Н. И. Кареев (1850–1931) также критично смотрел на политику Австро-Венгрии в польском вопросе. Описывая экономическое положение Галиции, он утверждал, что этот регион является аграрным и ситуация в нем все ухудшается, в отличие от русской Польши, промышленность которой развивается благодаря обширному внутреннему рынку сбыта⁹. Публицист подчеркивал, что в Галиции существует межэтнический конфликт между поляками и украинцами (русинами)¹⁰. По его мнению, уже само польское общество Галиции недовольно положением дел в регионе и готово перейти под покровительство России¹¹. Он считал, что только польские либералы смогут стать надежными партнерами в сотрудничестве с российской властью, консерваторы слишком держатся за идею Польши в границах 1772 года¹².

В сентябре 1886 г. в либеральном журнале «Вестник Европы» появилась статья о Галиции неизвестного автора, подписавшегося «Кн». Публицист утверждал, что австро-венгерское правительство желало

6 [Катков М. Н.] Московские ведомости. № 116. 1883 // Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1883. М., 1898. С. 213.

7 [Катков М. Н.] Московские ведомости. № 243. 1884 // Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1884. М., 1898. С. 452.

8 [Катков М. Н.] Московские ведомости. № 109. 1886 // Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1886. М., 1898. С. 212.

9 Кареев Н. И. Письмо первое [Русская мысль. 1881, май] // Кареев Н. И. Polonica: сб. статей по пол. делам. (1881–1905). СПб., 1905. С. 26.

10 Там же.

11 Кареев Н. И. Письмо шестое [Русская мысль. 1882, июль] // Там же. С. 78.

12 Там же.

и желает провести такую же политику, что и Германия в Познани, т. е. германизировать славян¹³. Он полагал, что для достижения своей цели австрийцы, особенно местные органы власти, искусственно раздувают польско-русинский конфликт¹⁴. Публицист подмечал своеобразную черту политики Вены: обвинения в нелояльности поочередно адресовались то полякам, то русинам¹⁵.

По его мнению, Вена решила предоставить власть в регионе исключительно полякам, тем более что местная элита была сплошь польской и римско-католической¹⁶. Равноправие народов, записанное в конституции Австро-Венгрии, не соблюдалось в Галиции, в которой даже избирательная система играла на руку полякам¹⁷. Он считал, что неграмотное крестьянство и униатское духовенство не могут противостоять полонизации¹⁸.

Мысль «Кн» об угрозе полонизации и германизации «малороссов» Галиции разделял К. А. Скальковский (1843–1906)¹⁹. Он указывал читателям, что даже этнонимы «русины» или «рутены» специально употребляются Веней для отделения этих восточных славян от русских²⁰. Публицист обозначал проблему утраты своей славянской идентичности русинами в «Угорской Руси» и Буковине. Не забыл публицист упомянуть политику Австро-Венгрии, которая, предоставив полякам автономию, создавая привилегированное положение полякам, поддерживает в них иллюзии о воссоздании польского государства²¹.

Критику политики Вены в национальном вопросе продолжил обозреватель либерального журнала «Русская мысль» В. А. Гольцев (1850–1906). Он сообщал о сознательной дискриминации славян немецким меньшинством путем уменьшения представительства депу-

13 *Кн.* Галичина и русины. Из дорожных заметок и наблюдений // Вестник Европы. 1886. Кн. 9. Сентябрь. СПб., 1886. С. 114.

14 Там же. С. 114–115.

15 Там же. С. 115.

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же.

19 *Скальковский К. А.* Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни: в 2 т. СПб., 1890. Т. 2: Сепаратизм и инородцы. Евреи. Финансы. Статистика, съезды и комиссии. Народное здоровье. Суд. Школа. Печать. Наука и искусство. Театр. С. 5.

20 Там же.

21 Там же. С. 10.

татов-славян в рейхсрате²². По его мнению, Вена проводит политику раскола славян в империи, предоставляя полякам больше привилегий, чем другим славянам²³. Он констатировал, что поляки-депутаты идут навстречу правительству, отказывая в поддержке чехам, которые добиваются такой же автономии, как у поляков в Галиции²⁴. Гольцев писал, что кроме желания вырвать у правительства новые привилегии, руководство польской секции в парламенте испытывает раздражение из-за хорошего отношения чехов к России²⁵.

Публицист был убежден, что в случае солидарности политических устремлений всех славянских народов Австро-Венгрии удалось бы преодолеть дискриминацию славян немецким и венгерским меньшинствами страны и унификаторские и централизаторские идеи Вены и Будапешта²⁶. По мнению Гольцева, польская аристократия как главный политический представитель польского населения Галиции продолжает свою традицию подавления демократических требований низших слоев польского народа, «галицийских русских», а также предавая братьев-славян — чехов²⁷. Он полагал, что причина такой политики польской аристократии — ее приверженность к сословным и конфессиональным идеям²⁸.

Гольцев приводил мнение либеральных немецких газет Австро-Венгрии, в которых выражалось сочувствие политике германизации поляков в Пруссии. По его мнению, у австрийских либералов есть неразрешимые противоречия в программных установках, ведь они, будучи либералами, борются против достижения равноправия с немцами другими народами Цислейтании²⁹. Гольцев считал, что исключение для поляков продиктовано исключительно целью либералов создать мощную фракцию в парламенте, так как без поляков они не смогут набрать большинство. Таким образом, союз с поляками — исключительно ситуативный и временный³⁰. Публицист считал, что

22 Гольцев В. А. 1893 год в политическом отношении // Русская мысль. 1894. Кн. 1. М., 1894. С. 222.

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

26 Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. Кн. 2. М., 1894. С. 218.

27 Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Там же. Кн. 5. М., 1894. С. 207.

28 Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Там же. Кн. 8. М., 1894. С. 198.

29 Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Там же. Кн. 10. М., 1894. С. 212.

30 Там же.

польская элита это понимает, но не желает изменять свой политический курс, направленный на дискриминацию русинов в Галиции³¹. Политику поляков в отношении них Гольцев называл «ошибочной и несправедливой», а позицию сотрудничества с немцами и венграми за счет чехов — «безнравственной»³².

Развернутая критика польской автономии в Австро-Венгрии была представлена общественности в опубликованной в 1897 г. работе В. И. Гурко (1862–1927) «Очерки Привислянья». Автор отмечал, что, в отличие от России, Австрия и Пруссия сразу же по итогам разделов предприняли политику германизации этих территорий, заменив в суде, в школе, администрации польский язык немецким³³. По его мнению, положение дел стало меняться только в середине XIX в., когда империя Габсбургов зашаталась под ударами национально-освободительных движений венгров, чехов и других народов Австрийской империи³⁴. При этом, как указывал Гурко, в качестве противовеса полякам Вена стала поощрять украинское национальное движение, не гнушаясь методов разжигания межэтнических конфликтов в Галиции³⁵.

Он подчеркивал, что политика империи состоит в лавировании между элитами семнадцати народов, стравливая одних и сотрудничая с другими против третьих, так как без этого империя обречена на развал на несколько государств³⁶. Идеологией Австро-Венгрии, как полагал публицист, стал страх перед Российской империей, якобы жаждущей присоединить все славянские земли Габсбургов³⁷. На почве нелюбви к России, по мнению Гурко, и сошлись поляки и австрийское правительство, которому выгодно было эксплуатировать негативные чувства польской элиты к русским и вообще к славянам³⁸. Более того, как утверждал публицист, польская элита возлагает на Габсбургов надежду на воссоздание польского государства, естественно, под их скипетром³⁹.

Гурко усматривал любопытный парадокс в развитии разделенных польских земель: Галиция, которая пользовалась автономией, была аграрным регионом, тогда как Познань, жестко управляемая Пруссией, и При-

31 Там же.

32 Там же. С. 212, 213.

33 Гурко В. И. Очерки Привислянья. М., 1897. С. 140.

34 Там же. С. 141.

35 Там же. С. 141–142.

36 Там же. С. 143.

37 Там же.

38 Там же. С. 144.

39 Там же. С. 145.

вислинский край, который находится под прямым управлением коронной администрации, активно превращались в промышленные районы⁴⁰.

В своей публицистике негативное отношение поляков к иноэтничному населению Галиции крайне правый В. А. Грингмут (1851–1907) использовал в качестве иллюстрации их истинного восприятия России и русских⁴¹. Он сообщал читателям, что «русский народ» в Галиции подвергается поляками явной дискриминации, свидетельством чему служат итоги местных выборов и уголовные суды над пророссийски настроенными галичанами⁴². Публицист утверждал, что религиозная толерантность поляков существует только на бумаге, а на деле в Галиции православных усиленно агитируют переходить в католицизм⁴³. По мнению Грингмута, положение дел здесь доказывает, что поляки воспользуются властью даже на местном уровне для полонизации польского населения⁴⁴. Автор убеждал российское общество, что полякам доверять нельзя⁴⁵.

Публицист был уверен, что раздача автономий по примеру Австро-Венгрии лишь приведет Россию к итогу развития самой Австрии, которая, по его мнению, «находится накануне полного государственного разложения»⁴⁶. Грингмут, как и М. Н. Катков, был уверен, что австрийские поляки демонстрируют истинное отношение поляков к России, не скрывая свое злорадство по поводу поражений, неудач и проблем Российской империи, радуясь антиправительственной деятельности маргинальных групп общества⁴⁷.

В 1898 г. известный деятель либерального движения Б. Н. Чичерин (1828–1904) издал третью часть своей работы «Курс государственной науки». В ней он изложил и свое видение ситуации в Галиции. Для Чичерина образцом решения польского вопроса была польская автономия в Австро-Венгерской монархии⁴⁸. Он отмечал возможность для поляков осуществления карьерного роста на государственной

40 Там же. С. 176.

41 *Грингмут В. А.* Чехи и Россия [1897] // *Грингмут В. А.* Собрание статей В. А. Грингмута: [политические статьи]: 1896–1907. М., 1908. Вып. 1. С. 58.

42 *Грингмут В. А.* Ответ Польского публициста [1897] // Там же. С. 60.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же.

46 *Грингмут В. А.* Минувший год [1898] // Там же. С. 105.

47 *Грингмут В. А.* Наши друзья и враги [1904] // Там же. Вып. 3. М., 1908. С. 19.

48 *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Ч. 3. М., 1898. С. 100.

службе и получения таким способом, по его мнению, успешного опыта для восстановления в будущем своего государства⁴⁹.

Апологетика Чичериным австрийской модели решения польского вопроса вызвала скепсис у профессора Киевского университета Н. К. Ренненкампа (1832–1899)⁵⁰. Он резко отрицательно относился к политике Габсбургов в Галиции, и качестве аргумента отмечал доминирование польского меньшинства над украинским большинством, которое считал частью русской нации⁵¹. Ренненкампа осуждал политику культивирования особой украинской идентичности путем создания украинского литературного языка⁵². Подчеркивал он и экономические проблемы в Галиции, которые не могла решить польская администрация края⁵³.

В своем ответе Ренненкампу Чичерин все же признавал, что основа лояльности поляков Австро-Венгрии — это предоставление власти для них в масштабах всей империи⁵⁴.

В годы революции 1905–1907 гг. и после нее полемика о польской автономии в Галиции не утихала. Славист П. А. Кулаковский (1848–1913) считал привилегированное положение поляков в Австро-Венгрии искусственным. По его мнению, поляки играют важную роль в парламенте только благодаря сотрудничеству с австрийской властью⁵⁵. Численно их намного меньше, чем чехов или венгров⁵⁶. Кулаковский, как и В. А. Гольцев, приводил факты сотрудничества поляков с австрийским правительством ради блокирования требований автономии чехами и другими славянскими народами, демонстрируя на этих примерах истинное отношение польской политической элиты к славянству вообще⁵⁷.

Ученый подчеркивал ситуативность для Вены сотрудничества с поляками⁵⁸. По его мнению, увлеченность польской элиты политикой и идеей полонизации «русского» населения, а не экономикой, приве-

49 Там же.

50 *Ренненкампа Н. К.* Польский и еврейский вопросы. (Открытые письма Б. Н. Чичерину). Киев, 1898. С. 21.

51 Там же.

52 Там же. С. 22.

53 Там же.

54 *Чичерин Б. Н.* Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампа. Берлин, 1901. С. 27.

55 *Кулаковский П. А.* Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб., 1906. С. 11.

56 Там же.

57 Там же. С. 13, 13–14.

58 Там же. С. 30–31.

ла к экономическому порабощению региона евреями, при мизерных результатах колонизации, поощрения украинского национализма и пропаганды неславянского происхождения великороссов⁵⁹.

Апологетом результатов политики Австро-Венгрии в польском вопросе был либерал и правый кадет П. Б. Струве (1870–1944). Он полагал, что российское правительство должно брать пример с Австрии, которая смогла, по его мнению, сформировать у поляков чувство привязанности к этой империи. В результате этого поляки стали «твердой опорой ее государственного бытия»⁶⁰. С ним был согласен либерально настроенный А. Л. Погодин (1872–1947), историк, филолог-славист. Он безапелляционно заявлял: «Австрия дает пример того, что народности, даже различные по своему племенному происхождению, могут быть проникнуты одним национальным чувством, известным у нас под неправильным названием австро-славизма»⁶¹.

Подводя итоги, можно отметить, что консервативная националистическая часть публицистов воспринимали австрийское решение польского вопроса негативно. В этом с консерваторами соглашались авторы либеральных изданий 1881 – первой половины 1890-х гг. По их мнению, отрицательными издержками автономии поляков были угнетение русинов Галиции и предательство чешского (и шире – славянского) движения за равноправие с немцами. Консерваторы считали, что привилегированное положение поляков в Галиции вызвано лишь желанием Вены привлечь симпатии российских поляков.

Либеральные публицисты отмечали несоответствие декларируемых либеральных принципов с их реализацией в политике Австрии. Также они наблюдали нежелание польской элиты Галиции найти компромисс с другими этносами региона. Ситуация в либеральном лагере изменилась с середины 1890-х гг. Единственными апологетами австрийской модели интеграции поляков являлись Б. Н. Чичерин, П. Б. Струве и А. Л. Погодин, заявившие о своих взглядах в период с 1898 по 1914 гг. По их мнению, австрийская модель решения польского вопроса могла служить образцом для Российской империи. Российским полякам следовало предоставить автономию. Наличие выборных органов законодательной власти импонировало внутренним либераль-

59 Там же. С. 40.

60 *Струве П. Б.* Два национализма. «Русская мысль», 1910 г., июнь // *Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 172.

61 *Погодин А. Л.* К вопросу о национализме [«Слово», № 737, 1909] // Национализм. Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. 2-е изд. М., 2015. С. 159.

ным установкам этих публицистов. Их воззрениям была свойственна не критичность восприятия положения дел в Галиции, недооценка усиливающегося конфликта между поляками и восточными славянами.

Источники и литература

Гольцев В. А. 1893 год в политическом отношении // Русская мысль. 1894. Кн. 1. С. 222–231.

Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. Кн. 2. С. 215–221.

Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. Кн. 5. С. 204–210.

Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. Кн. 8. С. 193–200.

Гольцев В. А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. Кн. 10. С. 206–215.

Грингмут В. А. Собрание статей В. А. Грингмута: [политические статьи]: 1896–1907. М.: Унив. тип., 1908. Вып. 1. 322 с.

Грингмут В. А. Наши друзья и враги. 1904 // *Грингмут В. А.* Собрание статей В. А. Грингмута: [политические статьи]: 1896–1907. М.: Унив. тип., 1910. Вып. 3. С. 18–20.

Гурко В. И. Очерки Привислянъя. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1897. 337 с.

Кареев Н. И. Письмо первое [Русская мысль. 1881, май] // *Кареев Н. И.* *Polonica*: сб. статей по пол. делам. (1881–1905). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. С. 20–32.

Кареев Н. И. Письмо шестое [Русская мысль. 1882, июль] // *Кареев Н. И.* *Polonica*: сб. статей по пол. делам. (1881–1905). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. С. 76–95.

Касьянов Г. В. «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства. Сборник статей / под ред. И. В. Герасимова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 81–108.

[*Катков М. Н.*] Московские ведомости. № 116. 1883 // *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1883. М.: Типография В. В. Чичерина, 1898. С. 212–214.

[*Катков М. Н.*] Московские ведомости. № 243. 1884 // *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1884. М.: Типография В. В. Чичерина, 1898. С. 452–455.

[*Катков М. Н.*] Московские ведомости. № 109. 1886 // *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1886. М.: Типография В. В. Чичерина, 1898. С. 212–214.

Кн. Галичина и русины. Из дорожных заметок и наблюдений // *Вестник Европы.* 1886. Кн. 9. С. 111–139.

Кулаковский П. А. Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1906. 24 с.

Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 287 с.

Погодин А. Л. К вопросу о национализме [«Слово», № 737, 1909] // *Национализм. Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров.* 2-е изд. М.: Модест Колеров, 2015. С. 158–160.

Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 949 с.

Ренненкамф Н. К. Польский и еврейский вопросы. (Открытые письма Б. Н. Чичерину). Киев: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К, 1898. 82 с.

Скальковский К. А. Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни: в 2 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. Т. 2: Сепаратизм и инородцы. Евреи. Финансы. Статистика, съезды и комиссии. Народное здоровье. Суд. Школа. Печать. Наука и искусство. Театр. 363 с.

Струве П. Б. Два национализма [«Русская мысль», 1910 г., июнь] // *Струве П. Б.* *Patriotica.* Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова. М.: Республика, 1997. С. 164–172.

Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 3. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К, 1898. 556 с.

Чичерин Б. Н. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н. К. Ренненкамфа. Берлин: Г. Штейниц; Тип. Rosenthal, 1901. 64 с.

Czubiński A. Historia Polski XX wieku. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 502 s.

Kumor B. Historia Kościoła. Т. 7. Lublin: KUL, 2001. 523 s.

Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. Т. 1. 1864–1914. Gdańsk: Graf, 1991. 416 s.

References

Chicherin, B. N. *Kurs gosudarstvennoĭ nauki*, ch. 3. Moscow: Tipo-litografiia tovarishchestva I. N. Kushnerev i Co, 1898, 556 s.

Chicherin, B. N. *Pol'skiĭ i evreĭskiĭ voprosy. Otvet na otkrytye pis'ma N. K. Rennenkamfa.* Berlin: G. Shteĭnits: Tip. Rosenthal, 1901, 64 s.

Czubiński, A. *Historia Polski XX wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003, 502 s.

Gol'tsev, V. A. "1893 god v politicheskom otnoshenii." *Russkaia mysl'*, kn. 1, 1894, s. 222–231.

Gol'tsev, V. A. "Inostrannoe obozrenie." *Russkaia mysl'*, kn. 2, 1894, s. 215–221.

Gol'tsev, V. A. "Inostrannoe obozrenie." *Russkaia mysl'*, kn. 5, 1894, s. 204–210.

Gol'tsev, V. A. "Inostrannoe obozrenie." *Russkaia mysl'*, kn. 8, 1894, s. 193–200.

Gol'tsev, V. A. "Inostrannoe obozrenie." *Russkaia mysl'*, kn. 10, 1894, s. 206–215.

Gringmut, V. A. *Sobranie statei V. A. Gringmuta: [politicheskie stat'i]: 1896–1907*. Moscow: Univ. tip., 1908, vyp. 1, 322 s.

Gringmut, V. A. "Nashi druž'ia i vragi. 1904." *Sobranie statei V. A. Gringmuta: [politicheskie stat'i]: 1896–1907*, by V. A. Gringmut, Moscow: Univ. tip., 1910, vyp. 3, s. 18–20.

Gurko, V. I. *Ocherki Privisljan'ia*. Moscow: Tipografia V. V. Chicherina, 1897, 337 s.

Kareev, N. I. "Pis'mo pervoe [*Russkaia mysl'*, 1881, maï]." *Polonica: sbornik statei po pol. delam (1881–1905)*, by N. I. Kareev, Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1905, s. 20–32.

Kareev, N. I. "Pis'mo shestoe [*Russkaia mysl'*, 1882, iul']." *Polonica: sbornik statei po pol. delam (1881–1905)*, by N. I. Kareev, Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1905, s. 76–95.

Kas'ianov G. V. " 'Piknik na obochine': osmyslenie imperskogo proshlogo v sovremennoi ukrainskoï istoriografii." *Novaia imperskaia istoriia postsovetskogo prostranstva, sbornik statei*, pod red. I. V. Gerasimova i dr. Kazan': Tsentr issledovaniï natsionalizma i imperii, 2004, s. 81–108.

[Katkov M. N.] "*Moskovskie vedomosti*, № 116, 1883." *Sobranieпередovykh statei "Moskovskikh vedomostei", 1883*, by M. N. Katkov, Moscow: Tipografia V.V. Chicherina, 1898, s. 212–214.

[Katkov M. N.] "*Moskovskie vedomosti*, № 243, 1884." *Sobranieпередovykh statei "Moskovskikh vedomostei", 1884*, by M. N. Katkov, Moscow: Tipografia V.V. Chicherina, 1898, s. 452–455.

[Katkov M. N.] "*Moskovskie vedomosti*, № 109, 1886." *Sobranieпередovykh statei "Moskovskikh vedomostei", 1886*, by M. N. Katkov, Moscow: Tipografia V. V. Chicherina, 1898, s. 212–214.

Kn. "Galichina i rusiny. Iz dorozhnykh zametok i nabliudenii." *Vestnik Evropy*, kn. 9, 1886, s. 111–139.

Kulakovskii, P. A. *Poliaki i vopros ob avtonomii Pol'shi*. Saint Petersburg: Tipografia V. D. Smirnova, 1906, 24 s.

Kumor, B. *Historia Kościola*, t. 7. Lublin: KUL, 2001, 523 s.

Mikhutina, I. V. *Ukrainskii vopros v Rossii (konets XIX — nachalo XX veka)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2003, 287 s.

Pobóg-Malinowski, W. *Najnowsza historia polityczna Polski, t. 1: 1864–1914*. Gdańsk: Graf, 1991, 416 s.

Pogodin, A. L. "K voprosu o natsionalizme [*Slovo*, № 737, 1909]." *Natsionalizm. Polemika 1909–1917*, sost. M. A. Kolerov, 2-e izd., Moscow: Modest Kolerov, 2015, s. 158–160.

Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii. Otv. red. A. F. Noskova, Moscow: Indrik, 2012, 949 s.

Rennenkampf, N. K. *Pol'skii i evreiskii voprosy*. (*Otkrytye pis'ma B. N. Chicherinu*). Kiev: Tipo-litografiia tovarishchestva I. N. Kushnerev i Co, 1898, 82 s.

Skal'kovskii, K. A. *Sovremennaia Rossiia: ocherki nashei gosudarstvennoi i obshchestvennoi zhizni*, 2 t. Saint Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 1890, t. 2: Separatizm i inorodtsy. Evrei. Finansy. Statistika, s'ezdy i komissii. Narodnoe zdorovie. Sud. Shkola. Pechat'. Nauka i iskusstvo. Teatr, 363 s.

Struve, P. B. "Dva natsionalizma [*Russkaia mysl'*, 1910, iiun']." *Patriotica. Politika, kul'tura, religii, sotsializm*, by P. B. Struve, sost. V. N. Zhukova, A. P. Poliakova, Moscow: Respublika, 1997, s. 164–172.

Denis O. Timiryayev

Belgorod National State Research University (Belgorod, Russia)

The attitude of the Russian political writers to the Austrian experience of the administrative-political integration of the Polish territories (1881–1914)

The article examines the views of conservative and liberal publicists on the policy of Austria-Hungary in the territories inhabited by Poles and Ukrainians (Ruthenians). These territories went to Austria after the first partition of the Commonwealth. Public debate on this issue was one of the subjects of the so-called Polish question. The term «Polish question» in the literature is understood as a complex of problems of the existence of Poland and Poles within the Russian Empire. Newspaper and magazine articles in Russian publications are used in the current article as sources. It determines the number of publicists actively addressing this issue. The subjects that served as a place of coincidence and divergence of publicists' points of view are revealed. Arguments and evaluative judgments of publicists in the field of interethnic and interreligious relations in the Austro-Hungarian Empire are studied.

Keywords: *journalism, the Polish question, Austria-Hungary, Galicia, conservatism, liberalism, interethnic and interfaith relations.*

**Повседневная жизнь в Чехословацкой республике
начала 1920-х гг. в письмах служащего советской миссии
Красного Креста в Праге И. И. Левина**

В Архиве внешней политики Российской Федерации сохранились письма сотрудника советской миссии Красного Креста в Чехословакии И. И. Левина народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину. В письмах содержится описание межнациональных отношений и общественных настроений в Чехословацкой республике в начале 1920-х годов. Левин подробно излагает, как в повседневной жизни в ЧСР проявлялись чешско-немецкие противоречия. Он также указывает на сложности в отношениях чехов со словаками и русинами. Отмечая широкое распространение антибольшевистских взглядов в чешском обществе и приводя в доказательство этому ряд примеров, автор писем в то же время подчеркивает прагматизм чешских деловых кругов, их заинтересованность в развитии торговых отношений с Советской Россией. Значительное внимание в письмах уделено литературной, театральной и музыкальной жизни Чехословакии, которая крайне критически оценивается Левиным: ничего нового не создано, а если что-то и создано, то пропитано чувством шовинизма. При этом вне поля зрения автора писем остались новые явления и достижения в области чешской литературы и искусства того времени. С максималистских позиций Левин рассматривает повседневную жизнь и быт пражан, обвиняя их в мещанстве, провинциализме, в отсутствии стремления к возвышенным идеалам. Письма Левина являются интересным источником для исследования как повседневной жизни в Чехословакии в первые годы независимости, так и восприятия ее представителями Советской России.

Ключевые слова: *И. И. Левин, Г. В. Чичерин, чешско-немецкие отношения, антибольшевистские настроения, повседневная жизнь, культура.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.05

Советская миссия Красного Креста была первым представительством РСФСР в Чехословацкой республике. Ее деятельность продол-

жалась с июля 1920 г. по июнь 1921 г. В переписке миссии с Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР, посвященной преимущественно двусторонним отношениям, внутренней и внешней политике ЧСР, коммунистическому движению, выделяются письма сотрудника миссии Ильи Исаковича Левина, адресованные Г. В. Чичерину. Во-первых, они носят явно личный характер, на них не стоит подпись руководителя миссии С. И. Гиллерсона, который, как правило визировал всю переписку сотрудников миссии. Во-вторых, письма главным образом посвящены культурной и повседневной жизни в ЧСР.

К сожалению, не удалось обнаружить каких-либо сведений о самом Левине, кроме упоминания о нем в воспоминаниях Р. О. Якобсона, также бывшего несколько месяцев сотрудником миссии. Он вспоминал, как летом 1920 г. накануне отъезда миссии из Эстонии в Прагу «приехали в Ревель двое мужчин — совсем мальчики: один был Левин, который потом, много лет спустя, по возвращении домой, погиб, а другой был дипломатический курьер Теодор Нетте»¹. В штатном расписании миссии Левин вначале числился делопроизводителем². Очевидно, после того, как секретарь миссии Н. А. Кузьмин в феврале 1921 г. из-за семейной драмы покинул службу³, Левин и занял его должность. Во всяком случае, весной 1921 г. он подписывал письма как секретарь миссии⁴. В отличие от Кузьмина, который «никаких тайн миссии не знал», Левин с самого начала ее деятельности в июле 1920 г. был наряду с главой миссии С. И. Гиллерсоном и агентом Коминтерна В. Вишневым посвящен во все ее секреты. Он хранил шифры, шифровал и расшифровывал телеграммы и депеши⁵, копировал документы⁶.

1 Якобсон Р. О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подг., вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М., 2012. С. 96.

2 Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 58. (Чичерин — Гуковскому в Ревель. 29 мая 1920 г.)

3 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 10. (Гиллерсон — Карахану. Прага, 31 марта 1921 г.)

4 См., например: Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha (далее: AMZV). II. Sekce. 1918–1939. Kr. 563. Ruské sovětské misse politické a obchodní. (Левин — в шифровальный отдел МИД ЧСР. Прага, 13 мая 1921 г.)

5 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 24. (Гиллерсон — Чичерину. 1 октября 1920 г.)

6 Там же. П. 274. Д. 53934. Л. 1. (Левин — Чичерину. Прага, 3 апреля 1921 г.)

Когда миссия Гиллерсона завершила свою деятельность, Левин был в числе немногих сотрудников, которых оставил в Праге вновь назначенный глава торговой делегации РСФСР в ЧСР П. Н. Мостовенко: «Левина я оставил бы на работе в делегации в качестве своего личного секретаря. Он, кажется, не прочь поехать в Москву, но он человек дисциплины и особого рыпанья в этом отношении не проявил»⁷. Но в Праге Левин оставался недолго. В конце сентября 1921 г. Чичерин настоял на его возвращении в Москву, ссылаясь на «тяжелое положение» в канцелярии Наркоминдела⁸.

Неизвестно, что связывало Левина и Чичерина. Но именно ему нарком поручил установить отношения со своим университетским товарищем, известным историком-славистом профессором Н. В. Ястребовым, преподававшим историю России в Карловом университете. Чичерин намеревался использовать Ястребова, обладавшего связями в политических кругах ЧСР, в качестве источника сведений, поскольку после уличения сотрудников советской миссии в причастности к подрывной деятельности против чехословацкого государства и скандалов в прессе осенью 1920 г. круг источников информации резко сузился. Донесения Гиллерсона в Москву основывались преимущественно на материалах печати. Ястребов же, вращаясь в кругу профессоров, принадлежавших к Национально-демократической партии, бывая у лидера партии К. Крамаржа, по мнению Левина, мог бы дать Чичерину «подробный, ясный доклад, основанный не только на газетных фактах и сведениях, но и на иногда правильных сведениях из кругов Крамаржа». По свидетельствам Левина, Ястребов крайне негативно относился к политике Бенеша и к Антанте. В попытке заключить под покровительством Франции румыно-итальянский и польско-румынский союзы он видел «измену и предательство по отношению к России». Левин полагал, что ему самому было «не совсем удобно» просить Ястребова написать Чичерину, поэтому он предлагал наркому написать Ястребову «пару слов», сообщить ему «некоторые взгляды нашей политики» и попросить ответить. Письмо Левин советовал наркому направить в адрес миссии в Праге, обещая передать его адресату⁹.

7 Там же. Д. 53929. Л. 35. (Мостовенко — П. П. Горбунову. Прага, 27 июня 1921 г.)

8 Там же. Д. 53933. Л. 28 об. (Чичерин — Мостовенко. Прага, 28 сентября 1921 г.)

9 Там же. Д. 53929. Л. 5. (Левин — Чичерину. Прага, 8 февраля 1921 г.)

Описывая положение в ЧСР, Левин подчеркивает, что не зря Чехословакию называют «Австро-Венгрией в миниатюре». «Разлад жизни чувствуется во всем». Не вдаваясь в детали, он отмечает трудности в экономике. Более подробно он останавливается на межнациональных противоречиях, особенно на чешско-немецких. В первом письме, которое не датировано, но, судя по содержанию, относится к концу 1920 г., Левин писал: «Антагонизм между чехами и немцами ужасный, прямо до глупости». На Пршикопе чехи и немцы гуляют по разным сторонам улицы. Поэтому, чтобы никого не обидеть, сотрудники советской миссии идут в город по одной стороне, а возвращаются по другой. В качестве примера антинемецких настроений среди чехов Левин приводит забавный случай, о котором он прочитал в газете, как на одном из вокзалов у киоска вывесили объявление, что говорят по-французски, по-английски, по-итальянски. Один приезжий американец обращается на всех этих языках, но не может добиться ответа. Наконец, выйдя из терпения, начинает ругаться по-немецки. Оказывается, все знают немецкий язык, но не хотят в этом признаваться¹⁰. На то обстоятельство, что чехи, даже значительная часть политической элиты, не знали никаких иностранных языков, кроме немецкого, но стеснялись в этом признаться, указывал в своих мемуарах и американский посланник в Чехословакии в 1921–1930 гг. Льюис Эйнштейн¹¹.

Левин подчеркивает, что чехи не могут наладить мирной жизни не только с немцами, но и со словаками и русинами (последних он называет угрорусами). «Словаки и угрорусы относятся к чехам так же, как чехи относились к австрийцам».

Левин указывает на широкое распространение в чешском обществе антибольшевистских настроений: «Нас, например, чешское общество не принимает, боясь нашей пропаганды»¹². Он приводит случай, который произошел с Р. О. Якобсоном, когда он подал заявление о поступлении в Карлов университет. На заседании совета факультета разразился скандал. Многие профессора считали, что подлинная цель поступления Якобсона в университет — ведение большевистской пропаганды, что выданные ему рекомендации А. А. Шахматова и М. Н. Сперанского подложные или же написаны по принуждению

10 Там же. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

11 *Einstein L. A Diplomat Looks Back*. New Haven; London, 1968. P. 186.

12 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

большевиков. Конец этим придиркам положило только энергичное вмешательство профессора Н. В. Ястребова¹³.

Другой пример проявления антибольшевизма и «национального шовинизма» Левин приводит в письме наркому от 8 февраля 1921 г., ссылаясь на выступление Крамаржа в парламенте, когда тот заявил, что если бы в свое время его послушались, то могли бы «занять Москву, прогнать большевиков, “водрузить наш чешский флаг в Кремле” и играть первую роль в Европе и в объединении славянства»¹⁴.

В то же время Левин отмечает прагматизм чехов. Несмотря на широко распространенные антибольшевистские настроения, в советскую миссию приходили «разные комиссионеры, спекулянты и солидные фабриканты» с целью возобновления торговых отношений с Россией. Как писал Левин, чехи судили о богатстве России и возможности легкой наживы по вернувшимся из Сибири легионерам, которые привезли с собой множество разных вещей. Поэтому было немало желающих завязать торговые отношения с Россией или хотя бы на время туда съездить¹⁵.

Значительное внимание в письмах Левина уделяется культурной жизни Чехословакии, что, очевидно, объясняется рекомендациями Чичерина шире познакомиться с чешской литературой, современной театральной и музыкальной жизнью Праги. На это Левин отвечал, что сами чехи за два года свободной жизни ничего своего не создали ни в литературе, ни в музыке. По его мнению: «Научная жизнь здесь влачит жалкое существование». Новых книг издается мало, но зато много переводной литературы. «Переводы со всех языков появляются каждый день», — сообщает Левин наркому в конце 1920 г.¹⁶ В письме от 8 февраля 1921 г. он вновь пишет: «Литература вся п е р е о д н а я (разрядка автора письма. — Н. С.), да и то большей частью переводятся бульварные романы»¹⁷.

13 Там же.

14 Там же. П. 274. Д. 53929. Л. 5. (Левин — Чичерину. Прага, 8 февраля 1921 г.) О политике К. Крамаржа в отношении советской России, о его попытках организации антисоветской интервенции в период работы Парижской мирной конференции подробнее см.: *Серационова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 281–285.

15 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

16 Там же.

17 Там же. П. 274. Д. 53929. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, 8 февраля 1921 г.)

В чешской литературе XIX — начала XX вв. познания Левина были не слишком глубоки. Он признавался, что с творчеством Я. Неруды мало знаком. Из произведений Й. С. Махара ему понравились только те, в которых высмеиваются клерикалы. Но сейчас Махар на военной службе и за последние годы ничего нового не написал. Левин сообщал, что А. Ирасека выдвинули кандидатом на Нобелевскую премию в 1921 г. Он отмечал, что в прошлом эти писатели хорошо писали и возбуждали чешский народ освободиться от ига чужеземцев, но почему жизнь 1918–1920 гг. не дала им новых тем, почему они не почерпнули ничего нового за прошедшие два года¹⁸? «Новых писателей, поэтов у них мало, — писал Левин. — Самым выдающимся поэтом считается Нейман, напоминающий наших футуристов». Левин подчеркивает, что С. К. Нейман является руководителем местной коммунистической группы, но не пролетарской, а состоящей из интеллигентов и бывших анархистов. Они издают свой журнал, но «активно себя не проявляют»¹⁹.

С удивлением Левин отмечает большую любовь чехов к Ф. М. Достоевскому: «Почти все знают его и часто цитируют его»²⁰. О популярности произведений Достоевского в Чехословакии в 1920-е годы упоминается во многих мемуарах и дневниках чешской интеллигенции. Объяснение этому можно найти в воспоминаниях известного журналиста Ф. Пероутки — Достоевский предостерегал о русской революции²¹. Очевидно, стремление разобраться, что же происходило в русском обществе в конце XIX в., что привело к катастрофе 1917 г., было одной из причин популярности Ф. М. Достоевского в Чехословакии, что, однако, ускользнуло от внимания Левина.

О музыке Левин не решался судить. Но он был почти на всех представлениях в пражских театрах, когда давались произведения чешских авторов. «Нового очень мало, да и то, что создано, это что-то исключительное по своему шовинизму». В частности, Левин был на спектакле, поставленном по пьесе современного чешского драматурга-коммуниста,

18 Там же.

19 Там же. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты). О С. Н. Неймане и его коммунистической группе подробнее см.: *Cabada L. Intelektuálové a idea komunismu v českých zemích 1900–1939. Praha, 2000. S. 48–53.*

20 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

21 *Peroutka F. ...deníky ...dopisy ...vzpomínky. Praha, 1995. S. 89.*

где все действие состояло из издевательств над австрийским генералом. Чехам очень понравилось, но Левину и другим зрителям, «далеким от желания новой жизни», эти издевательства «резали ухо»²².

Что же касается восхищения Чичерина чешской культурой, свободолюбием чехов (об этом мы можем догадываться из ответов Левина, поскольку писем наркома обнаружить не удалось), то Левин писал, что Б. Сметана и А. Дворжак творили в то время, когда у чехов была одна цель — освободиться. «Эта цель служила им путеводной звездой, а также и тем чехам-революционерам, которых Вы, должно быть, имели в виду, когда писали о революционном настроении чехов». Теперь чехи переменились, писал Левин, трудно найти «тот революционный пыл, с которым они боролись за свою свободу»²³. Он описывает выступление легионеров во время правления красно-зеленой коалиции, когда толпа подошла к парламенту и чуть было не ворвалась в здание, требуя председателя правительства В. Тусара. Выбежали депутаты социал-демократы, стали успокаивать легионеров, а тем временем наступил полдень, время обеда, и толпа, пропев «Kde domov můj», разошлась на полявку²⁴. Антиправительственное выступление завершилось без эксцессов. «Они даже порядочного погрома устроить не могут», — сказал один товарищ Левину после антинемецких выступлений осенью в Праге 1920 г.²⁵

Левин писал Чичерину, что старую Прагу и пражан трудно узнать: «На Вацлавском намести»²⁶ большое движение, много народу, но, странно, с первого же раза чувствуется, что это не столица, где жизнь бьет ключом, а провинция, подкрашенная под большой город. Да и чехи, кажется, неспособны на большую жизнь. Слишком они безжизненны»²⁷. Левин отмечает разницу между громкими словами президента Т. Г. Масарика о великом будущем чехословацкого народа и мелочной будничной жизнью: в бытовой жизни чехи слыш-

22 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, 8 февраля 1921 г.)

23 Там же. Л. 6об.

24 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

25 Там же. П. 274. Д. 53929. Л. 6об. (Левин — Чичерину. Прага, 8 февраля 1921 г.)

26 *Náměstí* (чеш.) — площадь.

27 Там же. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

ком мещане²⁸. Левин описывал один день из жизни «представителя интеллигентного среднего класса»: «Чем он живет, что он делает». Отработал несколько часов, пообедал — и в каварну²⁹. Там разговоры со знакомыми: сначала цитирует несколько слов из газеты, которую читает, затем — о вреде большевизма, а в конце — сплетни. «А сплетничать они мастера». Это — интеллигент-мужчина. А участь женщины, по мнению Левина, и вовсе незавидна. Если женщина замужем, то сидит дома на кухне, ничем не интересуется. Не сядет за стол, пока не пообедают муж. Если есть дети, то часа в три отправляется с колясочкой на прогулку. Когда сотрудники советской миссии в четвертом часу возвращаются со службы, то вся улица наводнена этими «кочарками»³⁰. «Никакого участия в жизни», — сокрушается Левин. Даже в семье сознательного рабочего «царят старые традиции»³¹.

Повседневная жизнь пражан далека от идеалов Левина. Везде и во всем он отмечает изменения в худшую сторону. По уверениям знающих людей, писал Левин, даже пиво в несколько раз хуже довоенного. Поэтому в миссии по русскому обычаю пьют чай, тем более что сахара в Чехословакии много. Но и с сахаром есть проблемы. «С сахаром здесь тоже скандалят», — писал Левин наркому. Чехословакия обязалась поставлять сахар Франции по установленной цене, и в связи с подорожанием цена на сахар повышается только в Чехословакии³².

Наблюдения Левина об экономических и межнациональных проблемах в Чехословакии, настроениях и быте пражан в первые годы после распада империи и провозглашения республики представляют известный интерес. Многие из них дополняют свидетельства других источников — дипломатических документов, прессы, мемуаров современников. Заслуживает внимания и оценка советским дипломатом положения в культурной жизни молодой республики. Удивляет неосведомленность Левина о новых явлениях в области литературы и искусства в ЧСР. Тем более, что представители культуры, в частности чешского авангарда, проявляли большой интерес к Советской России, к новому

28 Там же; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 6–6 об.

29 Kavárna (чеш.) — кафе.

30 Kočárek (чеш.) — детская коляска.

31 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 6 об. (Левин — Чичерину. Прага, 8 февраля 1921 г.)

32 Там же. П. 273. Д. 53923. Л. 6. (Левин — Чичерину. Прага, без указания даты).

советскому искусству³³. Поэты В. Незвал, Я. Сейфер, К. Библ, Й. Гора, прозаик В. Ванчура, теоретик авангарда К. Тейге, художник Й. Шима в 1920 г. основали группу «Деветсил»³⁴. С ними был близко знаком Якобсон, который хотя в октябре 1920 г. и оставил службу в миссии, но, тем не менее, поддерживал отношения с Левиным и Нетте³⁵.

Не может ускользнуть от внимания исследователя некая предвзятость автора писем по отношению к чехам, национальной культуре, в целом к Чехословакии. Следует отметить, что эта черта присуща не только письмам Левина из Праги, но и другим источникам личного характера, вышедшим из-под пера советских деятелей, побывавших за границей в начале 1920-х годов. Например, много схожего мы обнаружим в записках В. В. Маяковского о поездке в Париж в 1923 г. «Сейчас Париж для приехавшего русского выглядит каким-то мировым захолустьем, — писал Маяковский. — Все черты бывшей нашей провинции налицо... страшно куцее, ограниченное поле зрения, узкий круг интересов, ... провинциальная, самая затхлая сплетня...»³⁶ Французская культура, по его мнению, «выродилась в истребляющую пропаганду империализма»³⁷. Во время поездок по другим европейским столицам Маяковского поражает «кладбищенская тишь» Берлина³⁸, провинциальность Варшавы, которую поляки с любовью называли «маленьким Парижем». Но, по мнению поэта, «Варшава на Париж похожа так, как киоск Моссельпрома на Сухареву башню»³⁹.

Возникает вопрос: с чем сравнивали Левин Прагу, Маяковский Париж и другие европейские столицы? Со столицей Советской России Москвой? Но жизнь в Советской России в условиях военного коммунизма была чрезвычайно тяжелой. Р. Я. Райт-Ковалева, приехавшая в Москву

33 См., например: *Незвал В.* Из моей жизни / пер. с чеш. // Иностранная литература. 1975. № 3. С. 177; *Вашкова Л.* Тема России в творчестве Ярослава Сейферта [Радио Прага, 20 ноября 2004] // *Noblit.ru* (дата обращения: 20 ноября 2018 г.).

34 *Якобсон Р. О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. С. 232.

35 См.: *Якобсон Р. О.* Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. С. 98–100.

36 *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 254.

37 Там же. С. 255.

38 Там же. С. 254.

39 *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1958. Т. 8. С. 344.

летом 1920 г. и начавшая осенью работать в Российском телеграфном агентстве (РОСТА), вспоминала, что столица была «безтрамвайной, безмагазинной». После дождя — непролазная грязь. В Охотном ряду торговали «горячей пшениной кашей на воде и мутным сладковатым пойлом, называвшимся по старинке “сбитнем”». На Сухаревке у красной квадратной башни продавали горсточками сахар и пачками — валюту⁴⁰. В то время как в советской миссии в Праге пили чай с сахаром, в Москве «кормились неважно». Райт-Ковалева писала, что на завтрак у нее был кусок хлеба и кипяток с сушеными вишнями и яблоками. Узнав о ее рационе, В. В. Маяковский выхлопотал для нее карточку на обед в закрытой столовой РОСТА. Там был «настоящий суп и настоящий чай с сахаром», — с благодарностью много лет спустя вспоминала Райт-Ковалева⁴¹.

И. Г. Эренбург в качестве дипкурьера осенью 1920 г. доставил дипломатическую почту из Тбилиси в Москву. Его вместе с женой разместили в неотапливаемой комнате в третьем общежитии Наркоминдела на Волхонке, в бывших меблированных комнатах «Княжий двор». По утрам им выдавали паек: двести граммов хлеба, крохотный кусочек масла и два куса сахара. Днем получали кашу — пшеничную или ячневую. «Конечно, древние князья ели лучше, но в Москве 1920 года такой паек был воистину княжеским», — вспоминал несостоявшийся дипломат⁴². Зимой 1920/21 года москвичи страдали от недостатка продовольствия, топлива, одежды, предметов первой необходимости. «Московское потребительское общество», — ведомство, которому было поручено снабжать население продовольствием и одеждой, — было не в состоянии обеспечить всех нуждающихся даже самым необходимым⁴³.

Трудности в экономике большевистской России не могла утаить и советская пресса. 15 февраля 1921 г. Гиллерсон писал Чичерину из Праги: «Ссылаясь на официальные сообщения советских газет, здешняя печать утверждает, что экономическая разруха в России достигла ужасающих размеров»⁴⁴. Во время встреч с бывшими российскими военнопленными, призывая их вернуться на родину, Гиллерсон вынужден был отвечать

40 Владимир Маяковский глазами современниц / сост. В. Н. Терехина. СПб., 2014. С. 402–403

41 Там же. С. 416.

42 *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 324.

43 Там же. С. 337.

44 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 42. (Гиллерсон — Чичерину, Прага, 15 февраля 1921 г.)

на вопросы о голоде, постигшем Советскую Россию, о котором писала чехословацкая печать. Он говорил, что население городов испытывает недостаток в продовольствии и «частично голод». Но власти предпринимают усилия для решения этой проблемы. Что же касается сельской местности, убеждал Гиллерсон, то там «всего достаточно»⁴⁵. Поэтому он писал Чичерину, что «к публикуемому фактическому материалу необходимо самое строгое отношение, имея в виду заграницу»⁴⁶.

Разлад в экономической жизни и в быту советской столицы во много раз превосходил те проблемы и неурядицы в Праге, которыми так возмущен был Левин. Он сравнивал положение в Чехословакии не с советской действительностью, а с коммунистическими идеалами, которые большевикам только предстояло воплотить в жизнь, их представлениями о культуре, о досуге, о семье, о роли женщины при коммунизме. Как вспоминал Эренбург, люди его поколения «жадно всматривались в будущее»: «Мировая революция казалась нам не смутным идеалом, а делом завтрашнего дня»⁴⁷. Отсюда столь критическое отношение к реалиям жизни за границей.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации.

Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. II. Sekce. 1918–1939.

Вашкова Л. Тема России в творчестве Ярослава Сейферта [Радио Прага, 20.11.2004] // *Noblit.ru* (дата обращения: 21.11.2018).

Владимир Маяковский глазами современниц / сост. В. Н. Терехина. СПб.: Росток, 2014. 604 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961.

Незвал В. Из моей жизни / пер. с чеш. // *Иностранная литература*. 1975. № 3. С. 154–202.

Сератионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

⁴⁵ AMZV. II. Sekce. 1918–1939. K. 30. *Návštěva předsedy sov. Červeného Kříže v Brně.* (Brno, dne 18. října 1920).

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 42. (Гиллерсон — Чичерину. Прага, 15 февраля 1921 г.).

⁴⁷ *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 1. С. 344.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 1. 640 с.

Якобсон Р. О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подг., вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с.

Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011. 280 с.

Cabada L. *Intelectuálové a idea komunismu v českých zemích 1900–1939*. Praha: Inst. pro středoevrop. kulturu a politiku, 2000. 197 s.

Einstein L. *A Diplomat looks back*. New Haven; London: Yale University Press, 1968. 269 p.

Peroutka F. *...deníky ...dopisy ... vzpomínky*. Praha: Lidové noviny, 1995. 320 s.

References

Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha, II. Sekce, 1918–1939.

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. Moscow.

Cabada, L. *Intelectuálové a idea komunismu v českých zemích 1900–1939*. Praha: Inst. pro středoevrop. kulturu a politiku, 2000, 197 s.

Einstein, L. *A diplomat looks back*. New Haven, London: Yale University Press, 1968, 269 p.

Эренбург, И. Г. *Лиуди, гody, zhizn': vospominaniia*, 3 t. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990, t. 1, 640 с.

Jacobson, R. O. *Budetlianin nauki: vospominaniia, pis'ma, stat'i, stikhi, proza*. Sost., podg., vstup. stat'i i komment. B. Iangfel'dta, Moscow: Gileia, 2012, 306 с.

Jacobson, R. O. *Formal'naia shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie*. Moscow: LRC Publishing House, 2011, 280 s.

Maiakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow: Goslitizdat, 1955–1961. 13 t.

Nezval, V. "Iz moei zhizni," per. s chesh. Inostrannaia literatura, no. 3, 1975, s. 154–202.

Peroutka, F. *...deníky ...dopisy ...vzpomínky*. Praha: Lidové noviny, 1995, 320 s.

Serapionova, E. P. *Karel Kramarzh i Rossiia. 1890–1937 gody: Ideinye vozzreniia, politicheskaia aktivnost', sviazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deiateliami*. Moscow: Nauka, 2006, 512 с.

Vashkova, L. "Tema Rossii v tvorchestve Iaroslava Seiferta" [Radio Praga, 20.11.2004], *Noblit.ru*. Accessed 21.11.2018.

Vladimir Maiakovskii *glazami sovremennits*. Sost. V. N. Terekhina, Saint Petersburg: Rostok, 2014, 604 s.

Nikolaj N. Stankov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The everyday life in the Czechoslovak Republic at the beginning of 1920s
in the letters of Red Cross mission's official I. I. Levin

The Archive of International Politics of the Russian Federation keeps the letters of the Soviet Red Cross official in Prague I. I. Levin to the people's commissar of foreign affairs of the RSFSR G.V. Chicherin. The letters contain the description of the cross-cultural relations and the social attitudes in the CSR in the beginning of the 1920s. Levin writes in detail how Czech-German contradictions were manifested in the everyday life in the CSR. He also points out the problems in the relations between the Czechs and Slovaks and Rusyns. While noting the widespread antibolshevik views in the Czech society and providing a series of examples for that, at the same time the author of the letters underlines the pragmatism of the Czech businessmen, their interest in developing the trade relations with the Soviet Russia. In the letters a significant attention is dedicated to the literary, theatrical, and musical life of Czechoslovakia. It is evaluated very critically. I. I. Levin said that nothing new was being created, and even it were, it was soaked with a chauvinist feeling. At the same time, new phenomena and achievements of the Czech literature and art of the time are outside of the author's focus. Levin is treating the everyday life of the inhabitants of Prague from the maximalist position, accusing them of philistinism and provincialism, of the lack of aspirations to lofty ideals. Levin's letters are a peculiar source for the study of the everyday life in the Czechoslovakia during the first years after the independence and of its perception by the representatives of Soviet Russia.

Keywords: I. I. Levin, G. V. Chicherin, the Czech-German relations, antibolshevik attitudes, everyday life, culture.

УДК 9(94)
ББК 63.3(0)53, 63.3(0)61

И. И. Баринов
Институт мировой экономики
и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН
(Москва, Россия)

Обреченный альянс: балтийские немцы и белорусские националисты, 1914–1941 гг.

С началом оккупации территории России в ходе Первой мировой войны «узнавание» белорусов стало одной из текущих задач германских властей. Свое содействие оккупационной администрации в этом вопросе предложили балтийские немцы, традиционно рассматривавшие себя как элиту для местных нерусских и непольских общностей. На правах экспертов они стремились выступить для властей Германии своего рода посредниками в ходе взаимодействия с местными сообществами. Тем не менее, как показала практика, эта деятельность была нацелена скорее на сохранение собственного статуса, чем на повышение аналогичного у белорусов. После окончания Первой мировой войны часть политиков и интеллектуалов из числа балтийских немцев примкнула к национал-социалистическому движению и попыталась применить старые модели для возрождения прежней системы взаимоотношений на северо-западе бывшей Российской империи. Эти идейные концепции оформились в «умеренную» линию политики на Востоке, которой противостояла «радикальная» линия, сформированная самим характером нацистского государства. Пытаясь выступить идеологами германской политики по отношению к Белоруссии и белорусам, российские немцы выпускали из внимания, что сами белорусские националисты фактически связывали реализацию своих текущих задач с «радикальной линией».

Ключевые слова: *Германия, Белоруссия, балтийские немцы, белорусское национальное движение.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.06

В начале 1942 г. барон Ойген фон Энгельгардт, сотрудник Министерства по делам оккупированных восточных областей, недавно получивший назначение в захваченный Минск, писал, что «по своей

расовой сущности белорусы и сегодня являются восточнославянским народом, наиболее близко стоящим к преимущественно нордическому древнеславянскому типу»¹. Для сотрудника указанного ведомства подобная оценка была достаточно нетривиальной. Более того, в это же время работавший с Энгельгардтом в одном ведомстве специалист по «расово-политическим» вопросам Эрхард Ветцель указывал в своих замечаниях к Генеральному плану «Ост», что «четкая картина расового формирования белорусского населения» по-прежнему отсутствовала. Более того, по мнению Ветцеля, те «чистые нордические типы», которые можно было обнаружить среди белорусов, необходимо было отделить от общей массы и отправить в рейх, чтобы сделать их вновь способными к германизации. Без этого, по словам эксперта, нельзя было начинать планомерное заселение белорусского пространства собственно немцами².

Обозначенные траектории будущего Белоруссии явились выражением двух идейных направлений, господствовавших в интеллектуальной части нацистской бюрократии. Первое, которое при известном упрощении можно обозначить как «умеренное», в принципе допускало для местных сообществ определенную степень самостоятельности, в том числе и в политической сфере. Второе же, которое с той же степенью условности можно назвать «радикальным», исходило из представления о том, что ко всем советским оккупированным территориям и их населению следовало относиться одинаково, а они сами должны были служить исключительно военным и экономическим интересам рейха³.

Следует отметить, что вторая концепция в том или ином виде сохранялась до самого конца оккупации. Даже в условиях постепенного ухудшения военного положения на Востоке отношение Берлина к «восточным народам» оставалось сугубо инструментальным. Реальные подвижки, в частности попытки боевого применения Русской освободительной армии и организации Украинской национальной армии, произошли лишь зимой–весной 1945 г., когда поражение Третьего рейха уже было очевидным. Представители второго направления

1 Engelhardt E. v. Weißruthenien: Volk und Land. Berlin, 1943. S. 246.

2 Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan. München, 1994. S. 66.

3 Методологическое разделение на «радикалов» и «умеренных» применительно к нацистской оккупации Белоруссии см.: Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944. Hamburg, 1999. S. 94ff.

периодически пытались продвинуть свои предложения, объясняя их пользой для Германии, однако непредсказуемость местных националистов, на которых планировалось делать ставку, приводила к блокированию этих инициатив со стороны высших властей рейха.

Ощутимые различия двух течений во многом были обусловлены принципиально разным восприятием их носителями как себя, так и Германии как государства. В противоположность «радикалам», облик лагеря «умеренных» в значительной мере определялся «русскими» немцами. Считая себя главными специалистами по Восточной Европе, они всерьез рассматривали знакомые им со времен Российской империи немецкие сообщества в качестве реальных союзников Третьего рейха. По мысли вчерашних российских подданных, германский патронат, выраженный через национал-социализм, мог бы стать для них реальным интегрирующим нарративом. При этом основной акцент со стороны «экспертов» в данном случае делался даже не на идеологической близости, а на саморепрезентации националистами своей исторической особенности, противопоставленной «русскому империализму».

Настоящее исследование оставляет за скобками вопрос жизнеспособности «белорусского проекта» на оккупированной советской территории и тем более в рамках гитлеровской «новой Европы». Речь скорее идет о том, насколько идеи «умеренных» применительно к Белоруссии и белорусам были политически и идейно релевантными. В этой связи представляется важным понять, могли ли сторонники «умеренной» партии, претендовавшие на роль идеологов восточной политики рейха, стать «крестными» модерного белорусского национализма.

Белоруссия и белорусы: взгляд с двух сторон

Истоки обеих концепций во многом определялись психологией их носителей. Образ Востока, характерный для «радикалов», произрастал из сложного комплекса представлений, сложившегося в Германии к началу XX в. Столкновение с огромной в глазах обычного немца массой славянского населения в ходе выявления четкой восточной границы Германии способствовало появлению пространственных, демографических, политических и иных аффектов Востока, зачастую негативных по своей сути⁴. При этом объектом отрицательной стереотипизации становилось именно поляки и территория их традиционного

4 Paddock T. *Creating the Russian Peril: education, the public sphere, and national identity in imperial Germany, 1890–1914*. Rochester (N.Y.), 2010. P. 3–29.

расселения⁵. На этом фоне германские власти с интересом открывали для себя иные, непольские сообщества, которые, как представлялось, были более восприимчивы к немецкой культуре. «Обнаружение» белорусов уже в ходе оккупации российской территории в годы Первой мировой войны и размышления на предмет их дальнейшей инструментализации как раз стали закономерным явлением.

До начала войны с Россией в германоязычных публикациях Белоруссия редко упоминалась за рамками специализированных работ по славистике и тем более не выделялась как отдельная этноязыковая и культурная область⁶. Даже в преддверии войны на Востоке белорусская тематика находилась на глубокой научной периферии. Так, в служебной библиографии, составленной, очевидно, накануне вторжения на советскую территорию, из 173 позиций только 22 были на немецком языке⁷. В этом смысле неудивительно, что в страноведческой литературе времен Первой мировой войны белорусы зачастую шли в паре с другим, более знакомым для немцев народом — литовцами⁸.

Устоявшегося этнонима для обозначения белорусов также не было: равное хождение имели как *Weissruthenen* (очевидно, калька с польского *bialorusini*), так и *Weissrussen* (позаимствованное из русского языка). Насколько можно предполагать, первый термин позаимствован из работ Леона Василевского, одного из наиболее известных польских публичных интеллектуалов того времени, много писавшего о польских «кресах». Для выделения восточнославянского населения Белоруссии Василевский применял понятие *Bialorusini*, образованное, видимо, от названия самой территории (*Bialoruś*). Однако в немецком языке данное обозначение было передано с оглядкой на официальное

5 Orłowski H. Z modernizacją w tle. Wokół rodowodu nowoczesnych niemieckich wyobrażeń o Polsce i Polakach. Poznań, 2002. S. 9–16.

6 Bieder H. Białoruś w niemieckojęzycznych publikacjach w latach 1910–1930 // Białorutenistyka Białostocka. 2015. T. 7. S. 333.

7 Forschungsbibliothek des Herder-Instituts Marburg (FB Marburg). Bibliographie des Weissruthenien betreffenden Schrifttums. [Berlin-Dahlem], [1941]. Bl. 1–10. Очевидно, это материалы нереализованного проекта библиографического справочника по Белоруссии, см.: Tagung deutscher wissenschaftlicher Ost- und Südostinstitute. Breslau, [1942]. S. 48.

8 Gaigalat W. Litauen: das besetzte Gebiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen. Frankfurt/M., 1917. S. 131–133; Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig, 1917. S. 85–87; Listowsky P. Neu-Ost. Unser Zukunftsgrenzgebiet um Ostpreussens Ostrand. Königsberg, 1917. S. 7.

именование русинов австрийской Галиции (*Ruthenen*)⁹. Так появилось обозначение *Weissruthenen*, причем, скорее всего, эта абберация произошла неосознанно. Вероятно, ощущая искусственность слова, по крайней мере до 1917 г. собственно германские авторы предпочитали использовать переводное *Weissrussen*.

Вопрос словоупотребления не был прояснен и в годы нацистской оккупации. Официально следовало использовать как более верное польское (!) наименование, то есть *Weissruthenen*. Это мотивировалось тем, что русскоязычный термин был введен с целью представить местное население одной из ветвей русского народа и таким образом лишить белорусов равноправия. Однако как в обиходе, так и в научной литературе продолжал употребляться термин *Weissrussen*¹⁰. Идея некоторых белорусских националистов вернуть «подлинное» самоназвание «кривичи»¹¹ серьезно не воспринималась даже белоусофилами из числа немецких экспертов¹².

Восприятие белорусов немцами с самого начала было достаточно амбивалентным. С одной стороны, сложная этнокультурная картина пограничья подталкивала не только военных, но и специалистов к использованию удобных и понятных дефиниций. Выраженное польское культурное наследие городов северо-западной окраины России, которые служили для немцев узловыми точками познания края, подвигало их мысленно расширять границы хорошо знакомой Польши далеко на восток — на территорию не только Гродненской, но и Минской губерний¹³. Даже на исходе оккупации для выделения собственно белорусской территории активно использовался географический принцип, причем белорусский ландшафт сравнивался опять же с польским, а не с литовским, украинским или тем более русским¹⁴.

Тем не менее стремление к позитивной дискриминации белоруса для его дальнейшего противопоставления поляку, «который держится строго

9 *Wasilewski L.* Die Ostprovinzen des alten Polenreichs. Krakau, 1916. S. 77–78; *Idem.* Kresy Wschodnie. Warszawa; Kraków, 1917. S. 53.

10 *Rhode G.* Die Weissruthenen // Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau. 1941. Bd. 2. S. 53; *Findeisen H.* Volkstumsverhältnisse der Weißruthenen. [Berlin], [1942]. S. 1.

11 *Станкевіч Я.* Крыўя-Беларусь у мінуласці. Менск, 1942. С. 8.

12 *Engelhardt E.* v. Weißruthenien... S. 19.

13 *Neumann-Frohnau J.* Das Wirtschaftsleben der westrussischen Grenzländer. [Leipzig], 1915. S. 12.

14 *Brandt B.* Geographischer Bilderatlas des polnisch-weißrussischen Grenzgebietes. Berlin, 1918. S. 1–3.

своей общности и охотно полонизирует других»¹⁵, заставляло немцев искать новые методы разграничения Польши и Белоруссии. Воображая незнакомую территорию, немцы стали пользоваться русскими имперскими моделями, в том числе материалами Московской диалектологической комиссии. Ревизия этой методологии произошла после поражения Германии в Первой мировой войне. Травматическая реакция на него способствовала абсолютизации понятий нации и границы и стремительному отходу от идеи инкорпорации местных сообществ в немецкую культуру. Домодерные элементы, которые до этого еще могли сохраняться, стали вытесняться идеей о поддержании «расовой ценности пограничья»¹⁶. Так начинала формироваться упомянутая «радикальная» концепция.

Что касается «умеренной» партии, то она, в свою очередь, в значительной степени была представлена выходцами из старой России, прежде всего балтийскими немцами (или балтийцами, как они сами себя называли). Практически до самого конца существования Российской империи они сохраняли широкую административную автономию и выраженное этнокультурное своеобразие. В их сознании империя представляла чем-то вроде наднациональной федерации, где различные сообщества были сцементированы династической лояльностью. Будучи традиционной элитой региона, балтийцы относились к своим ненемецким соседям снисходительно и покровительственно¹⁷.

Нужно отметить, что носители подобных представлений, вероятно, сами того не осознавая, стремились, прежде всего, удержать и закрепить стремительно уходящую в прошлое историческую роль германо-балтийского сообщества. Для них артикуляция своей (равно как и чужой) национальной принадлежности во многом была вторична по отношению к сохранению своей культурной особенности. С целью подчеркнуть свой элитный статус балтийцы, в условиях затяжного конфликта с имперским центром, стали экстраполировать идею «русского империализма» на все без исключения невеликорусские сообщества страны. При этом, если речь заходила об их соседях, то балтийские немцы стремились позиционировать себя как главных экспертов в вопросах этнографии и политического будущего западной окраины Российской империи.

До начала Первой мировой войны белорусы не оказывались в фокусе внимания балтийских политиков. Это объяснялось как минимум

15 *Listowsky P. Neu-Ost... S. 7, 47.*

16 *Zoch W. Neuordnung im Osten. Berlin, 1939. S. 124.*

17 *Engelhardt E. v. Weißruthenien... S. 9.*

двумя причинами. Во-первых, даже в начале XX в. белорусы в массе своей продолжали жить в обществе, где категория «национальность» почти не имела смысла в повседневной жизни. Само понятие «белорусы» практически всегда обозначало крестьян, которые представлялись центру пассивной массой, неспособной к самостоятельному развитию. Правительство обращало внимание на осознание белорусским населением собственной идентичности в двух случаях — чтобы подтолкнуть его к осознанию своей «русскости» и одновременно воспрепятствовать полякам использовать ситуацию в своих интересах¹⁸. Во-вторых, если балтийцы не соприкасались с белорусским населением в районах его компактного проживания (как Энгельгардт), то сведения о белорусах они могли черпать только из вторичных источников и к тому же не имели иных инструментов для реального познания этой общности, кроме имперских (в гораздо меньшей степени — польских).

Более того, еще один парадокс был связан с тем, что чем меньше балтийский немец был связан с культурной традицией своей исторической родины, тем больше он разбирался в проблеме. Это правило действовало и в обратную сторону — если балтиец отрицал имперские инструменты познания, он чаще всего оказывался в плену измышлений. В этом смысле восприятие реальности балтийскими немцами Николаем Шухардтом и Валентином Дитманом, жившими в Гродненской губернии, которая в то время уже воображалась центром как (бело)русская, оказывается весьма показательным. Хотя Шухардт был воспитан в русской имперской культуре и отрицал любое национально-политическое наполнение термина «белорус», он понимал, что речь идет о местном сельском населении¹⁹. Напротив, поселившийся в Гродно присяжный поверенный Дитман, имевший, судя по всему, русско-балтийскую идентичность, проникся настроениями белорусской интеллигенции и впоследствии посвятил очерк белорусской национальной истории, где, в духе романтического национализма, отождествлял ее сперва с историей Киевской Руси, а затем Великого княжества Литовского²⁰.

18 Викс Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 591–595.

19 Шухардт Н. Г. Возвращение домой с войны // На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963. С. 506–508, 511.

20 Weißruthenien: Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung. Hrsg. v. W. Jäger. Berlin, 1919. S. 33–43. Критику этого подхода см.: Lindner R. Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1999. S. 145–146.

Таким образом, насколько можно видеть, позиция балтийских немцев по отношению к белорусам отличалась внутренней противоречивостью. С одной стороны, они стремились подчеркнуть своеобразие белорусов, чтобы еще рельефнее показать свое. Кроме того, их отличия от великорусов становились для балтийцев тем более очевидными, чем сильнее становилась экспансия общеимперских порядков в Остзейский край. Вместе с тем балтийцы продолжали оставаться в рамках имперской модели, отвергая великорусский характер империи, но не ее саму как организационную форму. Несомненно, балтийские политики, подобно имперским властям, продолжали весьма скептически воспринимать потенциал национального развития белорусов, рассматривая их как пассивную податливую массу, которая нуждается в руководстве собой²¹. В условиях Первой мировой войны они стремились выступить покровителями «нерусских народов» западной окраины России в глазах кайзеровской Германии и, с другой стороны, проводниками немецкой культуры на местах. Именно из этой среды впоследствии вышли многие нацистские «эксперты по Востоку».

От Бреста до Берлина

В марте 1918 г. после длительных и трудных переговоров в Бресте между Германией и Россией, где у власти уже находились большевики, был заключен мирный договор. С ним германское командование связывало определенные надежды по достижению стратегического превосходства на Западном фронте. Ухудшавшееся военное положение и непростые взаимоотношения с Советской Россией подтолкнули Берлин обратить внимание на региональных акторов на Востоке. В период между Брестским миром и Ноябрьской революцией в Германии на бывшей территории Российской империи от Балтийского до Черного моря под покровительством Германии возник ряд местных администраций, каждая из которых претендовала в будущем на формирование полноценной государственности. В настоящем контексте нас будут интересовать Балтийское герцогство и Белорусская народная республика (БНР).

Эти образования, появившиеся в зоне германского влияния самыми первыми (провозглашены соответственно в марте и апреле 1918 г.), на первый взгляд не имели между собой ничего общего. Балтийское

21 *Revelstein H. v. Die Not der Fremdvölker unter dem russischen Joch. Berlin, 1916. S. 73–75; Eckhardt J. v. Die Weißrussen // Osteuropäische Zukunft. 1918. № 15. S. 168–169.*

герцогство по идее должно было стать политическим выражением видения будущего Остзейского края по версии местных консерваторов и одновременно попыткой внутреннего компромисса в германо-балтийском сообществе. Наряду с этим балтийские элиты стремились закрепить за собой желанную административную автономию и в условиях распада Российской империи искали того, кто мог бы обеспечить им такую привилегию²².

Следует отметить, что в Берлине изначально шли серьезные дискуссии о будущем Остзейского края и его отдельных регионов. Высшее руководство Германии осознавало, что выстраивание стратегии исключительно с опорой на местных немцев противоречило объективной реальности. В этой связи политика оккупационных властей оказалась не такой дружественной, какой ее изначально представляли себе германо-балтийские политики. Так, зона «старой» оккупации (оформившейся до начала переговоров с большевиками в ноябре 1917 г.), осталась под контролем Германии. Это означало, что за границами герцогства оказалась вся Курляндия и часть Лифляндии со столицей края — Ригой. В остальных районах местным немцам были переданы лишь некоторые полицейские и административные функции²³.

Похожая ситуация наблюдалась в Белоруссии. Германское командование сперва отнеслось к провозглашению БНР достаточно пассивно. Белорусские политики, пользуясь этим, на символическом уровне обозначили свои претензии на организацию национального государства, что вызвало, как и в случае с балтийцами, негативную реакцию немцев. Впоследствии, правда, они несколько смягчились и позволили белорусским структурам реализовать посреднические функции во взаимоотношениях оккупационных властей и населения²⁴. Здесь, однако, возникла проблема другого рода. Если у балтийских немцев была своя историческая территория, то границы белорусского государства только предстояло определить.

Именно вопрос доказательства существования отдельной белорусской нации, как отмечает историк Дорота Михалюк, занимал делегацию БНР на Парижской мирной конференции, тогда как вопрос существова-

22 *Taube A. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19 // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg, 1977. S. 119–120.*

23 *Ibid. S. 71–72, 84–85, 96.*

24 *Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня; Менск, 1998. Т. 1. С. 228–231.*

ния и реального функционирования государства оставался на втором плане²⁵. Лидер делегации Антон Луцкевич передал в распоряжение конференции ряд материалов, где подробно описывалось, что основы для государственной самостоятельности «покоятся как на историко-этнографическом, так и языковом и хозяйственном своеобразии» белорусов, а стремление к независимому государству и демократической конституции всегда было их неизменным качеством²⁶.

Антанту, однако, интересовали совершенно другие вещи. Для лидеров стран-союзниц было важным установление в Восточной Европе дружественных, не ориентированных на Германию правительств, которые имели бы в своем распоряжении социальную поддержку и регулярные вооруженные силы, чтобы организовать стабильную администрацию на той или иной территории. Очевидным образом БНР не подходила к этой классификации. Балтийские немцы, еще меньше вписывавшиеся в логику Антанты, после прихода к власти в Эстонии и Латвии национальных правительств превратились из элиты в проблемное меньшинство.

Насколько можно видеть, в определенном смысле и белорусское, и германо-балтийское сообщество становились маргинальными группами в тех национальных государствах, в которых они оказались в ходе событий 1919–1920 гг. На этом фоне начали развиваться два параллельных процесса. В случае с белорусами вокруг идеи БНР стали объединяться националисты²⁷. Балтийские немцы в изменившихся условиях все больше стремились соотносить себя с рейхом как с «германским отечеством»²⁸, в котором видели (или хотели видеть) «новую старую империю». Многие из них таким образом постепенно попадали под влияние национал-социалистической идеологии.

Приход к власти в Германии Гитлера дал новый стимул для традиционного германского «изучения Востока». В основном фокусе их исследований находились идейные противники нового рейха — Польша и Советский Союз, то есть те страны, во взаимоотношениях

25 *Михалюк Д.* Попытки добиться признания независимости БНР в период Парижской конференции // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. М., 2011. С. 171.

26 *Downar-Zapolski M.* Les Bases de l'Etat de la Ruthénie Blanche. Grodno, 1919. S. 4.

27 *Михалюк Д.* Попытки добиться признания независимости БНР.. С. 176–177.

28 *Wittram R.* Geschichte der baltischen Deutschen. Stuttgart, 1939. S. iii.

которых белорусская тематика была одной из наиболее проблемных. Тем не менее в самой Германии сюжеты, связанные с актуальной ситуацией в Белоруссии, на время выпали из поля зрения специалистов. Последние публикации немецких авторов на эту тему появились по горячим следам, вскоре после ухода германских войск с оккупированной территории. Как таковых специалистов по Белоруссии в Германии на тот момент не было. Единственными, кого можно назвать в этой связи, были молодые ученые из Кёнигсбергского университета Вернер Конце (1910–1986) и Петер Шайберт (1915–1995), однако первый занимался больше историей Великого княжества Литовского, а для другого Белоруссия была побочной специализацией.

В этой ситуации Энгельгардт решил, что пришел его звездный час. Высланный из Латвии в 1934 г. за участие в национал-социалистическом движении, он переехал в Берлин, где начал работать в структурах Министерства пропаганды. Сперва карьера недавнего эмигранта шла в гору: начав работать референтом, он некоторое время был директором организованного Геббельсом Института по изучению еврейского вопроса. В 1935 г. Энгельгардт начал сотрудничать с берлинским «Институтом пограничных и заграничных немцев» (*Institut für Grenz- und Auslandsstudien*). В этой организации, занимавшейся изучением положения немецкого населения за пределами рейха, недавний функционер надеялся реализовать себя как эксперт по «белорусскому вопросу». Сперва он, подобно другим своим коллегам, занимался изучением положения белорусов в польском государстве²⁹, а после поражения Польши в 1939 г. переключился собственно на Белорусскую ССР³⁰.

Рассматривая Энгельгардта в качестве белорусиста, следует отметить, что у него действительно существовали определенные задатки для исследований данной проблематики. В его родных местах — Илукстском уезде Курляндии — белорусы по переписи 1897 г. составляли вторую по численности группу населения после латышей, обгоняя поляков, русских и литовцев. Почти полвека спустя после переписи этнограф Сергей Сахаров, выпуская сборник фольклора «илукстенских белорусов», отмечал их выраженный локальный колорит и даже

29 Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem Nahen Osten. Berlin, 1940. S. 31–64.

30 Engelhardt E. v. Die Weißrussische Sozialistische Sowjet-Republik. [Berlin], [1940]. Справочник без опознавательных знаков. Скорее всего, подготовлен Энгельгардтом для служебного пользования.

предлагал называть этот маленький район «Иллукустенщиной»³¹, по аналогии с более крупными историко-культурными регионами, такими как Витебщина или Гродненщина. Годы, проведенные в родительском доме и на военной службе на территории Белоруссии, дали Энгельгардту неплохое представление о предмете изучения. Кроме того, он свободно владел белорусским языком: после войны из-под его пера вышел немецкий перевод стихов Максима Богдановича³², а в архиве сохранились обработки белорусского фольклора³³.

На почве интереса к указанной теме Энгельгардт познакомился с еще одним специалистом, занимавшимся изучением «восточных народов». Это был уроженец Риги Герхард фон Менде, профессор Берлинского университета. Под его редакцией в 1938 г. был выпущен справочник «Народы Советского Союза», который стал своего рода настольной книгой для ученых, работавших в данной сфере. Хотя Менде не занимался белорусами напрямую, он посвятил им отдельный очерк, где положительно оценил деятельность и перспективы белорусского национального движения³⁴.

Следует отметить, что для подобного рода экспертной деятельности существовали определенные предпосылки. Несмотря на наличие польско-германского договора 1934 г., в рейхе активно разрабатывались элементы вероятной экономической и демографической стратегии в отношении как Польши, так и ее отдельных «непольских» территорий и сообществ. Помимо прочего в зоне внимания оказывался и «белорусский вопрос». Среди служебных материалов по «исследованию Востока» сохранился меморандум, подготовленный в начале 1935 г. в кёнигсбергском Институте экономики Восточной Европы, в котором подчеркивалось, что в силу экономико-географических причин и непосредственного соседства с белорусами «возникает повод почаще, чем это было прежде, интересоваться Белоруссией», безотносительно того, в чьих руках она находится. Более того, как подчеркивал автор меморандума, географ Бруно Плечке, белорусская интеллигенция в Польше якобы одинаково негативно относилась и к полякам, и к возможности объединения с русскими, а белорусские

31 Сахарав С. П. Народная творчасць латгалскіх і ілукстэнскіх беларусаў. Рыга, 1940. С. 3.

32 Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim, 1949.

33 Dokumentensammlung des Herder-Instituts (DSHI). 110 Engelhardt 68.

34 Mende G. v. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1938. S. 55–62.

студенты, учившиеся в Германии, возвращались обратно «вдохновенными провозвестниками национал-социализма»³⁵. Материалы по истории и страноведению Белоруссии собирались профильными немецкими структурами вплоть до начала 1945 г. Тем не менее, значительная их масса так и осталась на уровне разработок³⁶.

Рассматривая этот фон как благоприятный для своей работы и желая дать своим идеям практическое выражение, Энгельгардт и Менде стремились стать кураторами белорусских националистов. Тем не менее ситуация осложнялась сразу двумя моментами. Во-первых, выводы «специалистов по белорусскому вопросу» из балтийской диаспоры существенно отличались от позиции собственно немецких авторов, которым была поручена разработка белорусской тематики. Если к деятельности национальной интеллигенции они относились скорее скептически³⁷, то лидеров БНР оценивали однозначно негативно, считая, что идеи «горстки мелкобуржуазных политиков с социалистическим налетом» не являются репрезентативными для понимания устремлений целой нации³⁸. Отношение к самим белорусам тоже не было однозначным, колеблясь от нейтрального до презрительного³⁹.

С другой стороны, проблема разделения «национального» и «националистического» сразу обозначила слабое место в построениях балтийцев. Образно говоря, Энгельгардт считал «нашанивцев», представителей различных течений в Раде БНР и белорусских радикалов проявлениями одного и того же национального движения. Свою роль здесь сыграло то, что, в отличие от аналогичных украинских, белорусских организаций различной политической и идейной направленности в Германии фактически не существовало, а Берлин стал местом притяжения прогермански настроенных эмигрантов, с которыми и контактировали Энгельгардт и Менде. Анализ *opus magnum* Энгельгардта, книги «Белоруссия: территория и люди, ее населяющие», демонстрирует заметное влияние на выводы автора мифологии националистов, а не традиционного романтического нарратива, как у

35 FB Marburg. Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen. [Königsberg], 1935. Bl. 5–6, 9.

36 Publikationsstelle Berlin-Dahlem 1931–1945: Bestand R 153. Koblenz, 2003. S. 60, 104, 112, 200–201.

37 Conze W. Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938. S. 7.

38 Scheibert P. Der Weg der Weißruthenen zur Weißruthenischen Sowjetrepublik // Jomsburg. 1940. Bd. 4. S. 194–195.

39 Ibid. S. 195–196; Rhode G. Die Weissruthenen. S. 59–61.

его предшественников⁴⁰. Таким образом, у «экспертов» в принципе не могло сложиться полного понимания тех настроений, которые господствовали в среде белорусской эмиграции.

Война на Востоке

Как уже отмечалось, задолго до Второй мировой войны в нацистском публичном дискурсе стала активно использоваться идея о «возвращении на Восток» с целью его повторной колонизации «расово ценным элементом». В рамках этой парадигмы возникли понятия «немецкая общность» (*deutsches Volkstum*) и «ненемецкие народы» (*fremdes Volkstum*). В свою очередь, от «восточных экспертов» требовалось внутренне упорядочить вторую категорию на предмет возможного соотнесения ее элементов с первой. В этой связи среди специалистов балтийского происхождения обсуждались две концепции «восточного пространства», которые условно можно назвать «федералистской» и «унитарной».

Первое течение во многом стало отражением традиционной балтийской консервативной модели, где лояльность имперскому центру сочеталась с принципом локальной автономии. Необходимость соотнесения этого дискурса с действующей идеологией порой давала жизнь причудливым теориям. Так, близкий сотрудник Энгельгардта, уроженец Эстляндии Вернер фон Гарпе отмечал, что большевизм по сути продолжил прежнюю русификаторскую политику на западной окраине. В противоположность ему национал-социализм подразумевал объединение разных народов в одно сообщество по принципу расы, исходя из их «сущности и естества»⁴¹. Примечательно, что впоследствии Гарпе занимался подготовкой для служебного пользования немецкого перевода советских материалов по Белоруссии⁴².

Сам Энгельгардт выражался еще конкретнее, активно обращаясь к идеям белорусских националистов о том, что белорусы являют собой «наиболее расово чистое племя» из всех славян, обладавшее высокой

40 Ср. *Bakatsch P., Rusak V.* Bielarus / Weißruthenien. Prag, 1939. S. 11; *Engelhardt E. v.* Weißruthenien... S. 238–246.

41 *Harpe W. v.* Die Grundsätze der Nationalitätenpolitik Lenins. Berlin, 1941. S. 131–132, 147–148.

42 *Ignatowskij V., Smolitsch A.* Weißruthenien: Territorium, Bevölkerung, Wirtschaft, wichtigere historische Ereignisse; wirtschaftlicher Abriss Sowjetweißrutheniens und seine Bezirke. Dienstliche Übersetzung ausgeführt von W. von Harpe und M. Liebelt. Berlin, 1942.

культурой еще до принятия христианства⁴³. Для него (этно)-расовый регионализм белорусов, которые могли бы «под опекой великогерманского рейха занять свое заслуженное место под солнцем»⁴⁴, был вполне допустим и становился неким компромиссом с национал-социалистической идеологией. При этом цементирующая и направляющая роль Германии оставалась для Энгельгардта неоспоримой.

Вместе с тем подобное мировидение присутствовало далеко не у всех балтийцев. Наследники ультраконсерваторов по-прежнему рассматривали себя как своего рода эмиссаров германского государства на Востоке. В этом смысле чем больше немец осознавал свою принадлежность к «большой», а не «малой», «балтийской» нации, тем сильнее он отталкивался в своих рассуждениях от государственной, а не этнокультурной логики. В принципе одна позиция не исключала другой, однако вопросы расовой «ценности» отступали на второй план, отводя главное место реализации государственных интересов рейха. Таким образом, дебаты вокруг концепции «восточного пространства» были, помимо прочего, отражением непростой общественной дискуссии внутри германо-балтийского сообщества.

Насколько можно судить, и кураторы белорусской диаспоры из числа балтийцев, и сами националисты неверно оценивали ситуацию с самого начала. В представлении «восточных экспертов» следовало привлечь местные сообщества к сотрудничеству, дав им определенную долю политической самостоятельности. Белорусские националисты, в свою очередь, представляли себе, что окказиональная поддержка их инициатив являлась выражением государственной стратегии Германии в отношении Белоруссии. Во многом это представление проистекало из исторической памяти о Первой мировой войне, когда германская администрация в целом не была настроена враждебно к белорусскому национальному движению, особенно в условиях противодействия полякам. Заблуждение лидеров белорусской диаспоры подкреплялось тем, что куратором германской восточной политики изначально считался партийный идеолог Альфред Розенберг, тоже балтиец по происхождению, поддерживавший своих земляков. Симптоматично, что в националистической белорусской прессе подчеркивалось, что своей вестернизацией Белоруссия обязана балтийским немцам, а не полякам⁴⁵.

43 *Bakatsch P., Rusak V.* Biélarus / Weißruthenien. S. 11.

44 *Engelhardt E.* v. Weißruthenien... S. 12.

45 *Космач Г. А.* Из истории берлинского центра белорусской политической эмиграции (весна 1939 — июнь 1941 гг.) // Европа во

Ошибочность этой стратегии явственно проступила после начала Второй мировой войны. Ключевым моментом здесь стало назначение в октябре 1939 г. рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера «имперским комиссаром по консолидации немецкой общности». Это фактически легитимизировало террор, который его службы осуществляли на территории оккупированной Польши, и в конечном счете сделало СС главным куратором собирания «германской нации». Средством поддержания военного превосходства в представлении рейхсфюрера становилась именно «консолидация немецкой общности», предполагавшая обширную реколонизацию на Востоке. Так оформились две концепции «восточного пространства» — «радикальная» и «умеренная», которые персонифицировались соответственно Гиммлером и Розенбергом.

Противостояние этих концепций в полной мере развернулось уже после начала войны против Советского Союза. Для «умеренных» Третий рейх по-прежнему предстал своеобразной федерацией «расово полноценных» сообществ, где верность национал-социалистической идеологии была тождественна имперской лояльности. Стоит ли говорить о том, что это противоречило самому характеру гитлеровской Германии, где региональные различия немцев подчеркивались пропагандой исключительно для демонстрации объединяющей силы национал-социализма. Справочник СС, посвященный народам Советского Союза, неслучайно называл главной задачей Германии упорядочение «человеческого хаоса» на Востоке⁴⁶. Представители «умеренного лагеря», в свою очередь, могли лишь предоставить рассуждения о «ясной расовой картине» белорусского населения и традиции германского присутствия на белорусских землях со времен варягов⁴⁷. Неудивительно, что «радикалы» быстро перехватили инициативу, и именно их деятельность по «обеспечению интересов Германии» стала выражением нацистской оккупационной политики.

Второй мировой войне: история, уроки, современность. Витебск, 2005. С. 182–185. Любопытно, что из двух базовых немецких работ с одинаковым названием *Weissruthenien*, которые создавали дискурс восприятия Белоруссии в Германии как до 1945 г., так и во многом после, первая создавалась при непосредственном участии балтийца, а вторая была полностью написана выходцем с Балтики.

46 Die Sowjet-Union: Raum und Völker. Berlin, [1942]. S. 90.

47 Die Sowjet-Union: Gegebenheiten und Möglichkeiten des Ostraums. Berlin, 1943. S. 20.

* * *

Несмотря на события, происходившие на территории оккупированной Белоруссии между 1941 и 1944 гг., критики радикализации оккупационного режима до последнего рассчитывали мобилизовать белорусов для службы «великой Германии». Этот кажущийся однозначным подход в реальности имел сложную природу. Домодерные представления сочетались в нем с положениями нацистской расовой теории. С одной стороны, «восточные эксперты», в значительной мере балтийские немцы по происхождению, воспринимали национал-социализм как форму имперской идеологии, включающую наднациональную систему лояльности. Кроме того, представители «умеренного» лагеря допускали диверсификацию «арийскости» и готовы были рассматривать ненемецкие сообщества как «свои». В рамках этой концепции белорусы представляли как «расово полноценная» общность, пусть и с региональными особенностями⁴⁸.

Подобный принцип сильно напоминал методологию «старых» империй по интеграции культурно и исторически близких сообществ. В таком случае подчеркивалось изначальное родство, а уже имевшиеся различия либо сознательно минимизировались, либо вообще отменялись. Стоит отметить, что в подобном подходе отразилось внутреннее нежелание балтийцев лишиться своего исторического статуса. Примечательно, что их не останавливало даже то, что нацисты последовательно боролись с германо-балтийскими (да и другими немецкими) земляческими организациями на территории рейха. Этой особенностью мировоззрения во многом объясняется тот факт, что балтийцы всеми силами пытались втиснуть модерный белорусский национализм в узкие домодерные рамки.

Подобная шаткая концепция имела и другие изъяны. Уже после начала кампании на Востоке обнаружилось, что общей стратегии взаимоотношений с Белоруссией и белорусами так и не было выработано. В самом балтийском сообществе, представители которого стремились стать главными экспертами по этой тематике, мнения на этот счет заметно разнились. На практике это имело двоякий эффект. С одной стороны, германские службы вновь, как и в прошлую войну, были вынуждены обратиться к польским и русским/советским моделям «узнавания» Белоруссии. Любопытно, что в последнем случае интерес вызывали не только информативные, но и официозные публикации, перевод которых осуществлялся без купюр и с минимальными редакторскими правками⁴⁹.

48 Engelhardt E. v. Weißruthenien... S. 311.

49 Ср.: Sowjet-Weißruthenien. Berlin, 1943; Советская Белоруссия. Минск, 1938.

С другой стороны, сторонники «умеренной» партии так и не смогли вынести свои идеи за стены «мозговых центров», в которых они разрабатывались. Интеллектуальное и политическое наследие времен Первой мировой войны практически не оставило следа в головах широкой массы «имперских немцев». Важным отличием от Первой мировой при этом было то, что негативные стереотипы теперь распространялись на все «восточное пространство», а не только на отдельные сообщества. Пропагандистская волна, которая накрыла Германию после прихода к власти нацистов, смыла остатки реальных знаний о Восточной Европе. Для солдат вермахта, перешедших советскую границу летом 1941 г., Советский Союз предстал скорее мозаикой из пропагандистских штампов и отдельных, мало связанных между собой образов. Само же «экспертное сообщество» по Белоруссии в ходе экспансии «радикалов» фактически прекратило свое существование. Ответственным за разработку белорусской темы предполагалось сделать «имперского немца», унтерштурмфюрера СС Петера Шайберта, который, в отличие от балтийцев, был скорее функционером, чем идеологом.

Подобная ситуация стала несомненно выигрышной с точки зрения «радикалов», для которых «узнавание» Востока было факультативным и относилось скорее к разряду идеологических и пропагандистских мероприятий. В рамках этих представлений главенствующая идеология позволяла применять для организации «германского превосходства» не только и не столько политико-культурные, сколько демографические практики. Так, на экземпляре меморандума Энгельгардта о белорусах, в котором он писал о возможности использования их трудолюбия и позитивного отношения к немцам, сохранились рукописные пометы другого лица, свидетельствующие, по словам Кристиана Герлаха, о «конкретизации программы голода для Белоруссии»⁵⁰.

На этом фоне примечательно, что «умеренные» в какой-то момент перестали быть интересны националистам. Более того, идеи радикального крыла белорусской эмиграции по определению противоречили национально-консервативной модели, которую стремились продвинуть балтийцы, и были гораздо ближе к построениям их идейных оппонентов. Так, уже после начала войны на Востоке белорусскими радикалами был развит аналогичный нацистскому тезис о тысячелетней государственности белорусов, которые в «новой и самой справедливой Европе» должны были бороться за «подобающее им место», пока «не добудут себе свободу или не погибнут до по-

50 *Gerlach Ch. Kalkulierte Morde...* S. 57.

следнего человека»⁵¹. Вскоре после начала кампании на Востоке лидеры белорусских националистов постепенно приняли правила игры «радикалов», которых белорусское национальное движение опять же интересовало исключительно в инструментальном ключе.

Источники и литература

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Вільня; Менск: Наша Ніва, 1998. 850 с.

Викс Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // Российская империя в зарубежной историографии / отв. ред. О. Лентьева, М. Долбилев. М.: Новое издательство, 2005. С. 589–609.

Космач Г. А. Из истории берлинского центра белорусской политической эмиграции (весна 1939 — июнь 1941 г.) // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность. Витебск: Издательство Витебского гос. ун-та, 2005. С. 179–184.

Михалюк Д. Попытки добиться признания независимости БНР в период Парижской конференции // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. М.: Издательство ИВИ РАН, 2011. С. 169–179.

Сахараў С. П. Народная творчасць латгалскіх і лўкстэнскіх беларусаў. Рыга: Latvijas Baltkrievu biedrības izdevums, 1940. 160 с.

Советская Белоруссия. Минск: ГИЗБЕЛ, 1938. 117 с.

Станкевіч Я. Крыўя-Беларусь у мінуласці. Менск: Беларуская народная самапомач, 1942. 67 с.

Шухардт Н. Г. Возвращение домой с войны // На службе Отечества. Сан-Франциско: Изд-во Объединения Виленцев, 1963. С. 504–511.

Abramčyk N. Historyja Bielarusi u kartach. Berlin: Vydańnie Bełaruskaha Kamitetu Samapomačy, 1942. 62 s.

Bakatsch P., Rusak V. Bielarus / Weißruthenien. Prag: Iskry Skaryny, 1939. 19 s.

Bieder H. Białoruś w niemieckojęzycznych publikacjach w latach 1910–1930 // Białorutenistyka Białostocka. 2015. T. 7. S. 333–343.

Brandt B. Geographischer Bilderatlas des polnisch-weißrussischen Grenzgebietes. Berlin: Gea, 1918. 124 s.

Conze W. Die weißrussische Frage in Polen. Berlin: Bund Deutscher Osten, 1938. 12 s.

51 *Abramčyk N.* Historyja Bielarusi u kartach. Berlin, 1942. S. 38, 49, 52.

Die Sowjet-Union: Gegebenheiten und Möglichkeiten des Ostraums. Berlin: Stollberg, 1943. 64 s.

Die Sowjet-Union: Raum und Völker. Berlin: SS-Hauptamt/IV, [1942]. 91 s.

Downar-Zapolski M. Les Bases de l'Etat de la Ruthénie Blanche. Grodno, 1919. 24 p.

Eckhardt J. v. Die Weißrussen // Osteuropäische Zukunft. 1918. № 15. S. 168–169.

Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem Nahen Osten. Berlin: Institut für Grenz- und Auslandstudien, 1940. S. 31–64.

Engelhardt E. v. Die Weißrussische Sozialistische Sowjet-Republik. [Berlin], [1940]. 75 s.

Engelhardt E. v. Weißruthenien: Volk und Land. Berlin: Volk und Reich, 1943. 358 s.

Findeisen H. Volkstumsverhältnisse der Weißruthenen. [Berlin]: Reichskommissar für die Festigung des Deutschen Volkstums, [1942]. 53 s.

Gaigalat W. Litauen: das besetzte Gebiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen. Frankfurt/M.: Frankfurter Vereinsdruckerei, 1917. 179 s.

Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 s.

Harpe W. v. Die Grundsätze der Nationalitätenpolitik Lenins. Berlin: Publikationsstelle, 1941. 176 s.

Ignatowski V., Smolitsch A. Weißruthenen: Territorium, Bevölkerung, Wirtschaft, wichtigere historische Ereignisse; wirtschaftlicher Abriss Sowjetweißrutheniens und seine Bezirke / dienstliche Übersetzung ausgeführt von W. von Harpe und M. Liebelt. Berlin: Publikationsstelle, 1942. 77 s.

Lindner R. Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert. München: Oldenbourg, 1999. 536 s.

Listowsky P. Neu-Ost. Unser Zukunftsgrenzgebiet um Ostpreussens Ostrand. Königsberg: Hartung'sche Zeitung, 1917. 57 s.

Mende G. v. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau: Schneider, 1938. 124 s.

Neumann-Frohnau J. Das Wirtschaftsleben der westrussischen Grenzländer. [Leipzig], 1915. 16 s.

Orlowski H. Z modernizacją w tle. Wokół rodowodu nowoczesnych niemieckich wyobrażeń o Polsce i Polakach. Poznań: PTPN, 2002. 141 s.

Paddock T. Creating the Russian Peril: education, the public sphere, and national identity in imperial Germany, 1890–1914. Rochester (N.Y.): Camden House, 2010. 263 p.

Publikationsstelle Berlin-Dahlem 1931–1945: Bestand R 153. Koblenz: Bundesarchiv, 2003. 334 s.

Revelstein H. v. Die Not der Fremdvölker unter dem russischen Joche. Berlin: Reimer, 1916. 100 s.

Rhode G. Die Weissruthenen // Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau. 1941. Bd. 2. S. 52–77.

Scheibert P. Der Weg der Weißruthenen zur Weißruthenischen Sowjetrepublik // Jomsburg. 1940. Bd. 4. S. 191–196.

Sowjet-Weißruthenien. Berlin: Publikationsstelle, 1943. 79 s.

Tagung deutscher wissenschaftlicher Ost- und Südostinstitute. Breslau: Nischkowsky, [1942]. 133 s.

Taube A. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19 // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg: Herder-Institut, 1977. S. 70–236.

Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan. München: Saur, 1994. 576 s.

Wasilewski L. Die Ostprovinzen des alten Polenreichs. Krakau: Zentral Verlagsbureau des Polnischen Obersten Nationalkomitees, 1916. 364 s.

Wasilewski L. Kresy Wschodnie. Warszawa; Kraków: Tow. Wydawnicze, 1917. 68 s.

Weißruthenien: Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung / hrsg. v. W. Jäger. Berlin: Curtius, 1919. 144 p.

Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič / übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim: Lax, 1949. 13 s.

Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig: Teubner, 1917. 296 s.

Wittram R. Geschichte der baltischen Deutschen. Stuttgart: Kohlhammer, 1939. 245 s.

Zoch W. Neuordnung im Osten. Berlin: Deutsche Landbuchhandlung, 1939. 161 s.

References

Abramčyk, N. *Historyja Bielarusi u kartach*. Berlin: Wydawnie Bełaruskaha Kamitetu Samapomačy, 1942, 62 s.

Arkhivny Belaruskaj Narodnaj Respubliki, t. 1. Vil'nia, Mensk: Nasha Niva, 1998, 850 s.

Bakatsch, P., and Rusak, V. *Bielarus / Weißruthenien*. Prag: Iskry Skaryny, 1939, 19 s.

Bieder, H. "Białoruś w niemieckojęzycznych publikacjach w latach 1910–1930." *Białorutenistyka Białostocka*, t. 7, 2015, s. 333–343.

Brandt, B. *Geographischer Bilderatlas des polnisch-weißrussischen Grenzgebietes*. Berlin: Gea, 1918, 124 s.

Conze, W. *Die weißrussische Frage in Polen*. Berlin: Bund Deutscher Osten, 1938, 12 s.

Die Sowjet-Union: Gegebenheiten und Möglichkeiten des Ostraums. Berlin: Stollberg, 1943, 64 s.

Die Sowjet-Union: Raum und Völker. Berlin: SS-Hauptamt/IV, [1942], 91 s.

Downar-Zapolski, M. *Les Bases de l'Etat de la Ruthénie Blanche*. Grodno, 1919, 24 p.

Eckhardt, J. v. "Die Weißrussen." *Osteuropäische Zukunft*, no. 15, 1918, S. 168–169.

Engelhardt, E. v. "Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten." *Aus dem Nahen Osten*, Berlin: Institut für Grenz- und Auslandstudien, 1940, s. 31–64.

Engelhardt, E. v. *Die Weißrussische Sozialistische Sowjet-Republik*. [Berlin], [1940], 75 s.

Engelhardt, E. v. *Weißruthenien: Volk und Land*. Berlin: Volk und Reich, 1943, 358 s.

Findeisen, H. *Volkstumsverhältnisse der Weißruthenen*. [Berlin]: Reichskommissar für die Festigung des Deutschen Volkstums, [1942], 53 s.

Gaigalat, W. *Litauen: das besetzte Gebiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen*. Frankfurt/M.: Frankfurter Vereinsdruckerei, 1917, 179 s.

Gerlach, Ch. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944*. Hamburg: Hamburger Ed., 1999, 1231 s.

Harpe, W. v. *Die Grundsätze der Nationalitätenpolitik Lenins*. Berlin: Publikationsstelle, 1941, 176 s.

Ignatowskij, V., and Smolitsch, A. *Weißruthenen: Territorium, Bevölkerung, Wirtschaft, wichtigere historische Ereignisse; wirtschaftlicher Abriss Sowjetweißrutheniens und seine Bezirke*. Dienstliche Übersetzung ausgeführt von W. von Harpe und M. Liebelt, Berlin: Publikationsstelle, 1942, 77 s.

Kosmach, G. A. "Iz istorii berlinskogo tsentra belorusskoj politicheskoj émigratsii (vesna 1939 — iun' 1941 g.)." *Evropa vo Vtoroi mirovoi vojne: istoriia, uroki, sovremennost'*, Vitebsk: Izdatel'stvo Vitebskogo gos. universiteta, 2005, s. 179–184.

Lindner, R. *Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert*. München: Oldenbourg, 1999, 536 s.

Listowsky, P. *Neu-Ost. Unser Zukunftsgrenzgebiet um Ostpreussens Ostrand*. Königsberg: Hartungsche Zeitung, 1917, 57 s.

Mende, G. v. *Die Völker der Sowjetunion*. Reichenau: Schneider, 1938, 124 s.

Mikhaliuk, D. "Popytki dobit'sia priznaniia nezavisimosti BNR v period

Parizhskoï konferentsii.” *Versal'sko-Vashingtonskaia sistema: vzniknoenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg.*, M.: Izdatel'stvo IVI RAN, 2011, s. 169–179.

Neumann-Frohnaу, J. *Das Wirtschaftsleben der westrussischen Grenzländer*. [Leipzig], 1915, 16 s.

Orłowski, H. *Z modernizacją w tle. Wokół rodowodu nowoczesnych niemieckich wyobrażeń o Polsce i Polakach*. Poznań: PTPN, 2002, 141 s.

Paddock, T. *Creating the Russian Peril: education, the public sphere, and national identity in imperial Germany, 1890–1914*. Rochester (N.Y.): Camden House, 2010, 263 p.

Publikationsstelle Berlin-Dahlem 1931–1945: Bestand R 153. Koblenz: Bundesarchiv, 2003, 334 s.

Revelstein, H. v. *Die Not der Fremdvölker unter dem russischen Joche*. Berlin: Reimer, 1916, 100 s.

Rhode, G. “Die Weissruthenen.” *Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau*, Bd. 2, 1941, s. 52–77.

Sakharaū, S. P. *Narodnaia tvorchasts' lathal'skikh i ilukstenskikh belarusaiū*. Ryha: Latvijas Baltkrievu biedrības izdevums, 1940, 160 s.

Scheibert, P. “Der Weg der Weißruthenen zur Weißruthenischen Sowjetrepublik.” *Jomsburg*, Bd. 4, 1940, s. 191–196.

Shukhardt, N. G. “Vozvrashchenie domoi s voïny.” *Na sluzhbe Otechestva*, San-Frantsisko: Izd-vo Ob'edineniia Vilentsev, 1963, s. 504–511.

Sovetskaia Belorussiia. Minsk: GIZBEL, 1938, 117 s.

Sowjet-Weißruthenien. Berlin: Publikationsstelle, 1943, 79 s.

Stankevich, Ia. *Kryūia-Belarus' u minulastsi*. Minsk: Belarускаia narodnaia samapomach, 1942, 67 s.

Tagung deutscher wissenschaftlicher Ost- und Südostinstitute. Breslau: Nischkowsky, [1942], 133 s.

Taube, A. v. “Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19.” *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten*, Marburg: Herder-Institut, 1977, s. 70–236.

Viks, T. “My ili oni? Belorusy i ofitsial'naia Rossiia, 1863–1914.” *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii*, otv. red. O. Leont'eva, M. Dolbilov, Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005, s. 589–609.

Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan. München: Saur, 1994, 576 s.

Wasilewski, L. *Die Ostprovinzen des alten Polenreichs*. Krakau: Zentralverlagsbureau des Polnischen Obersten Nationalkomitees, 1916, 364 s.

Wasilewski, L. *Kresy Wschodnie*. Warszawa, Kraków: Tow. Wydawnicze, 1917, 68 s.

Weißruthenien: Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung. Hrsg. v. W. Jäger, Berlin: Curtius, 1919, 144 p.

Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt, Hildesheim: Lax, 1949, 13 s.

Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig: Teubner, 1917, 296 s.

Wittram, R. *Geschichte der baltischen Deutschen*. Stuttgart: Kohlhammer, 1939, 245 s.

Zoch, W. *Neuordnung im Osten*. Berlin: Deutsche Landbuchhandlung, 1939, 161 s.

Igor I. Barinov

(Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

The Failed Alliance: The Baltic Germans and the Belorussian Nationalists,
1914–1941

Since the beginning of the occupation of the Russian territory during the First World War, the “discovering” of the Belarusians became a current task of the German authorities. The Baltic Germans, who traditionally considered themselves as elite for the local non-Russian and non-Polish communities, offered their assistance to the occupation forces. As experts, they strove to provide some kind of mediation to ensure the positive encounter of German authorities in the interaction with local communities. Nonetheless, this activity initially sought to preserve the higher status of Baltic Germans rather than to raise a similar one among Belarusians. After the end of the First World War, some politicians and intellectuals of Baltic German origin joined the National Socialist movement and tried to apply the old models to revive the old style of life on the north-west borders of the former Russian Empire. These ideological concepts became known as a “moderate” line of the Eastern policy of the Reich, opposed by the “radical” one formed by the very nature of the Nazi state. Pretending to be the ideologues of the German policy towards Belarus and the Belarusians, the Russian Germans did not understand the fact that the Belorussian nationalists, on the contrary, develop their agenda within the “radical line”.

Keywords: *Germany, Belarus, Baltic Germans, Belorussian national movement.*

УДК 929.52.
ББК 63.3(2)521

А. А. Рыбалка
независимый исследователь
(Пенза, Россия)

Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича

Николай Васильевич Савельев-Ростиславич (1815–1854) — известный в 40-е гг. 40-е гг. XIX в. и весьма плодовитый русский публицист, поклонник, единомышленник и последователь всеславянских идей Юрия Венелина и Федора Морошкина, доведший в своих работах эти идеи до совершенного гротеска. Но не этой, основной, теме занятий публициста посвящена статья, а забытому ныне родословному проекту Савельева-Ростиславича, мнившего себя потомком патриарха Иоакима и предпринявшего некоторые усилия для презентации этого мнения в печати от чужого имени. Несмотря на явную фантастичность и отсутствие свидетельств-первоисточников, проект этот оказал известное влияние на русскую и болгарскую историографию, сказывающееся по сей день. Иных исследователей соблазняет возможность порассуждать о «втором Тырновском восстании» против османской власти в 1686 г. под руководством боярина Ростислава Стратимировича, претендента на княжеский престол Болгарии, хотя другие описывают версию о происхождении Савельева от болгарских царей как «курьезный факт». В статье приводятся малоизвестные сведения о последних годах Савельева, сохранившиеся в работе болгарского слависта Ивана Шишманова, собранные им во время Гражданской войны в Одессе и, отчасти, объясняющие причины, по которым Савельев столь рано и внезапно прекратил свою довольно активную публицистическую деятельность. Ключевые слова: *Иоаким, Болгария, славяне, борьба с турками, болгарская история, Ростиславич, родословная.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.07

«По свидетельству покойного Савельева-Ростиславича, мы, русские, под именем вандалов и готов завоевали Италию, под именем саксов завоевали Британию».

Н. Г. Чернышевский. 1862¹

1 Чернышевский Н. Г. [Библиография 1862 г.] // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1951. Т. 10: Статьи и рецензии 1862–1889 гг. С. 487.

В какой момент своей недолгой, но заметной литературной карьеры Николай Васильевич Савельев надумал реконструировать прадеда своего, асессора Акима Савельева, в святейшего патриарха Иоакима Савелова, установить сложно. Выраженное недовольство своим происхождением из «осьмиклассных дворян» (III ч. Московской ДРК 1794) юный критик и публицист открыто демонстрировал уже в самом начале творческой жизни. Очевидным, если не вопиющим, примером этого является его полное имя, которое приводится в словаре Плюшара в разделе «Сокращения имен гг. редакторов и сотрудников, которых статьи помещены в IX томе» к криптонуиму Н. В. С.: Николай Васильевич Савельев (Александр Непомук Николай Мария Буриовой Венцеслав Светомир князь Ростиславич)².

Замечу, что среди иных «гг. редакторов и сотрудников» в списке криптонимов — П. А. Плетнев, В. Ф. Одоевский, Д. И. Языков и прочие литераторы, мнение коих могло быть для 22-летнего вчерашнего студента небесполезным, а посему такая решительность Савельева несколько обескураживает и вынуждает думать о нем совершенно определенным образом. Нетрудно представить, какие мысли должны были обуревать человека, рискнувшего именовать себя «Мария Буриовой», и надо признать, что дальнейшая деятельность молодого журналиста эти представления полностью оправдывает. Однако, публикация означенного выше «титула», полагаю, осталась единственной — то ли Савельеву кто-то посоветовал поубавить прыти, то ли другие редакторы подобных словарей были более внимательны и ответственны — в дальнейшем, до середины 1840-х гг., в Военно-энциклопедическом лексиконе, где Николай Васильевич активно сотрудничал, криптоним его раскрывался обычным его именем, так же подписывались и публикации в периодических изданиях.

Лишь с 1845 г., с публикации «Славянского сборника», Савельев стал везде решительно добавлять к своей фамилии «когномен» Ростиславич и изменил криптоним на Н. В. С.-Р. Публикации 1845 г. маркируют середину творческого пути Савельева и апогей его литературной известности. Некогда приятель В. Г. Белинского и Н. А. Полевого, Савельев к тому времени был, образно говоря, лицом «Маяка» и оценивался теми и другими весьма эмоционально и прямо противоположно³.

2 Стетина М. Ю. Н. А. Некрасов в русской критике 1838–1848 гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 28.

3 Белинский В. Г. Славянский сборник Н. В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. Т. 41, № 8; Об исторических трудах

Мотив, названный Савельевым в качестве побудительной причины к написанию сочинения о Дмитриии Донском, — «смыть пятно, несправедливо наложенное» может, с известной долей условности, быть распространен и на мотивацию его творчества как такового, в коем предметом «смывания пятен» выступали как славяне вообще, так и их конкретные известные представители, включая весьма почитаемого Савельевым Петра Великого, которому «Мария Буривой» имел прихоть приписывать нелюбовь к иностранцам. Лиц, «пятнающих» объекты поклонения Савельева, он, год от года, карал словом все строже и строже, ибо, по словам А. Н. Пыпина, «школы, подобные школе Савельева, имели всегда дурную замашку давать литературным вопросам полицейский оборот и, выдавая свои мнения за патриотические, представлять мнения противников как недостаток патриотизма, а то и как прямую измену»⁴.

Кроме апогея «литературной борьбы», 1845 год был ознаменован другим замечательным событием в жизни 30-летнего публициста — в октябре месяце «учитель 3-го р[азря]да Пажескаго Е. И. В. корпуса»⁵ Николай Васильевич Савельев женился. Избранницей его стала Любовь Ильинская, сирота, дочь умершего еще за двадцать лет до того надворного советника Авенира Яковлевича Ильинского, внука тайного советника Александра Ивановича Арсеньева, также уже покойного. В метрической записи о венчании, несомненно с собственных слов жениха, записано, что он не Савельев, а «Ростиславич». Это свидетельствует в пользу того, что «Мария Буривой» перманентно пребывал в мыслях Николая Васильевича, хотя до времени и в латентном виде.

Создание своей семьи, получение имени в наследство за женой, предстоящее рождение детей подвигли Савельева на актуализацию его «родовой памяти» в печатной форме. Он, однако, интуитивно по-

(1837–1845) Николая Васильевича Савельева-Ростиславича, состоящего при Военно-учебных заведениях. [Б. м., б. г.]; Материал для биографии Савельева-Ростиславича в разборе Е. И. Соловьевым его книг: Тертулиан и его век, Болгарин Вас. Евстафьевич Априлов // Сын Отечества. Апрель 1849. Кн. 4.

4 Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 366.

5 Сразу после выхода из университета действительным студентом в 1836 г., Савельев преподавал историю в частном мужском благородном пансионе Франца Кистера и Екатерининском институте благородных девиц. В 1839 г. он переехал в столицу и поступил на службу в ведомство Военно-учебных заведений, став учителем в Пажеском и Павловском кадетском корпусах.

нимал, что легализация подобных сведений будет более успешна, если выполнить ее через посредника, и обрел такового в лице Н. В. Елагина, бывшего кавалерийского офицера, а в то время сотрудника Археографической комиссии, еще не успевшего прославиться как цензор-обскурант, но уже подававшего надежды. Летом 1847 г. тот опубликовал под криптонимом Н. Е-нъ в нескольких выпусках «Северной Пчелы» (№ 133–136)⁶ обширный очерк-панегирик о патриархе Иоакиме, в начале коего, сетуя на то, что его герой доньше не предстал еще в том блеске и славе, которых заслуживает, добавлял, что «долг сей лежит на потомке святейшего Иоакима, нашем известном писателе Н. В. Савельеве-Ростиславиче, уже восемь лет занимающемся историею первых трех государей из дома Романовых, собравшем весьма много чрезвычайно важных памятников той эпохи и сообщившем автору сей статьи некоторые весьма любопытные и доньше неизвестные акты XVII и XVIII веков»⁷. Сам Савельев несколько лет спустя писал про сотрудничество с Елагиным, что сообщил ему «из нашего фамильного архива материал для описания последнего восстания болгар против турок в жизни патриарха Иоакима»⁸.

Описание это⁹, на мой взгляд, представляло собой типичную родовую легенду о происхождении предков некоей благородной семьи, которую Елагин разве что разбил на фрагменты между основным текстом и примечаниями. Поскольку судьба ее, особенно в части «описания последнего восстания болгар», была несравнимо более благоприятной, чем судьба иных литературных трудов Савельева, позволю далее пересказать ее своими словами.

Итак, «спала князю на ум охота» соединить под властью патриаршего престола Московского всех православных единоплеменников. Вдохновленный полным успехом перевода Киевской митрополии под свою юрисдикцию, что было, разумеется, исключительно его заслугой, Иоаким возжелал большего. Потворствовал сему находившийся в Москве молодой болгарин Ростислав, аттестовавший себя единственным

6 [Елагин Н. В.] Патриарх Иоаким и заслуги его Отечеству в гражданском, политическом и религиозном отношениях // Северная Пчела. 1847. № 133–136. С. 531–532, 535–536, 539–540, 544.

7 Там же. С. 531.

8 Шишманов И. Д. Априлов и Н. В. Савельев-Ростиславич // Сборник на БАН. София, 1926. Кн. 21: Нови студии из областта на българското въззраждане: В. Е. Априлов, Неофит Рилски, Неофит Бозвели. С. 29.

9 [Елагин Н. В.] Патриарх Иоаким... С. 539–540.

потомком государей болгарских, а именно царя Ивана Страшимира, чему патриарх, человек опытный, но добрый, тут же и поверил настолько, что помолвил с «царевичем» свою племянницу, Марью Владимировну Дубровскую. Ростислав сулил привести под благословенную патриаршую длань не только болгар, волохов и молдаван, но и сербов с черногорцами, на что владыка его и благословил.

Вместе с Ростиславом, весной 1686 г., на Балканы отправился брат его невесты, Савелий Дубровский, коему предписывалось выяснить у патриарха Константинопольского степень готовности передать под юрисдикцию московского коллеги православные Балканы. По всему, грек бы и не стал упрячиться, ибо известна особая теплота восточных патриархов друг к другу в этом отношении, ярко проявившаяся и в истории с Киевской митрополией¹⁰. Однако вмешались Софья с Голицыным¹¹, заключившие 26 апреля 1686 г. «Вечный мир» с Польшей, из-за чего Москве пришлось рвать мир Бахчисарайский с турками и готовиться к войне¹².

Дубровский прибыл в Константинополь как раз тогда, когда там узнали об этом, и, не добравшись до дома патриарха, едва спасся от разъяренной черни, которая преследовала его едва ли не до Адрианополя. Между тем Ростиславу тоже не везло. Некий грек продал туркам тайну его прибытия и намерения, в результате чего сторонники потомка царя Страшимира свернувшей с дороги на Польшу турецкой армией были перебиты, Тырново разрушено и заселено греками. Ростислава это не остановило, он пробрался в тырновский кремль и поднял там восстание, которое, по очевидным причинам, не задалось, и через некоторое время «царевич» с остатками своих людей эвакуировался оттуда в Рильский монастырь, чему турки не препятствовали, видимо, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Тем временем, Савелий Дубровский, отчаявшись стать дипломатом, решил проявить себя как воин, собрал отряд в четыре тысячи человек (у стен Адрианополя, где находились двор султана и янычары) и по горным

10 Апогей ее, на самом деле, пришелся как раз на начало экспедиции Ростислава и Савелия. Основным инструментом достижения успеха было давление турецкого правительства, а также обильный поток золотых монет и соболей.

11 См., например: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

12 Турки узнали об этом только осенью 1686 г., когда договор ратифицировал вернувшийся из похода на них же Ян Собеский. Тогда же русские открыто начали готовить военную кампанию против Крыма.

тропам (250 км) пробрался в Габрово¹³, где тоже поднял восстание, завершившееся аналогично выступлению самого Ростислава, после чего с останков в Средеце, где состоялась последняя битва с турками, израненный Дубровский был доставлен в тот же Рильский монастырь и воссоединился со своим будущим зятем. Оправившись от ран и избежав множества опасностей оба родственника патриарха Иоакима вернулись в 1689 г. в Россию, сообщить святейшему, что Балкан православных он не получит.

Тут-то и произошло то, ради чего писалось все предыдущее, — бывший князь Тырновский женился на племяннице патриарха, получил по его ходатайству село Толочаново в Смоленской губернии, после чего он (как водится на Руси) принял фамилию жены, потомки же его именовались Ростиславичи-Дубровские. Савелий, шурин его, получил деревню Юрьево под Москвой, сыновья его (что во времена Петра было обычным делом среди служилых «по отчеству») взяли себе в честь отца фамилию Савельевы.

И самое главное, сто с лишним лет спустя, в 1814 г., браком Василия Степановича Савельева с Екатериной Ивановной Дубровской (последней представительницей рода Ростислава) вновь соединились две линии потомков святейшего патриарха Иоакима. Собственно же фамилия Савелов уцелела в «боковой отрасли Иоакимовой» (т. е. среди многочисленных потомков трех его родных братьев — двух окольных и думного дворянина).

Как уверял Елагин со слов Савельева, «источником всего выше» изложенного был Хронограф, сиречь Временник, собранный повелением Всероссийского патриарха Иоакима и жалованные грамоты царей Петра и Ивана Алексеевичей на поместья в Толочаново и Юрьево». Этот хронограф в основании почти одинаков с летописью Никоновской, хотя во многих местах гораздо кратче; но любопытны тут разные дополнения, заимствованные составителем из рукописей, привезенных бывшим князем Тырновским из Рильского монастыря. Ни хронографа, ни грамот никто никогда (включая, полагаю, и Елагина) не видел.

Опубликованный Елагиным¹⁴ и Савельевым сюжет приобрел ста-

13 Повествование можно понять и так, что у Габрово Дубровский нагнал отступавших защитников тырновского кремля, сопровождавших раненого Ростислава. Габрово — родина В. Е. Априлова (см. ниже), и этим, видимо, мотивировано его появление в рассказе.

14 Это тот самый Елагин, под редакцией которого в 1864 г. в Санкт-Петербурге вышло историческое описание Валаамского монастыря, легализовавшее выдумки А. И. Сулакадзева о Сергии и Германе.

тус достоверного постепенно. Поначалу читатели, особенно специалисты, высказывали очевидную осторожность и скепсис. Так, В. И. Ламанский двадцатью годами позднее писал: «Относительно разгрома, или, по крайности, сильного удара, постигшего Болгарскую иерархию, собственно в Терновской митрополии, имеется другое известие, более любопытное и важное, но к сожалению, поныне, сколько мне известно, совершенно не разъясненное. Разумею известие, сообщенное Н. В. Савельевым-Ростиславичем в его статье о патриархе Иоакиме, в которой он говорит об участии последнего в любопытном болгарском заговоре и о восстании, произведенном в Тернове около 1686 года каким-то болгаринном, выдававшим себя за потомка болгарских царей и у нас в Москве принятом за такового. Нельзя не пожелать, как в интересах русской, так и болгарской истории, и вообще истории восточного вопроса, чтобы кто-нибудь из наших ученых в Москве занялся разысканием подлинных документов и вообще разъяснением этого темного дела¹⁵ [...] У Соловьева («История России», т. XIV) мы

15 Нелепость самой постановки проблемы в версии Елагина следует из его же собственного текста, поскольку несколькими абзацами ранее он справедливо указал, что грамоты восточных патриархов о передаче Киевской митрополии в юрисдикцию патриарха Московского были получены только в начале 1687 г. Савельев, похоже, отождествлял дату поставления Гедеона Четвертинского в митрополиты в ноябре 1685 г. с этим событием. Между тем поставление Гедеона осуществилось по инициативе московского правительства (а, разумеется, не по личному почину Иоакима) только после неудачного посольства к Константинопольскому патриарху зимой 1684/1685 г. Тогда же, в ноябре 1685 г., в Турцию отправились царский гонец Никита Алексеев и гетманский посольщик Иван Лисица с целью легализации уже принятого решения. Весной 1686 г. они добрались до Адрианополя, в апреле добились согласия верховного визиря, после чего, в мае, свое согласие дали и восточные патриархи, что было подтверждено собором в июне того же года, и московские посланцы получили соответствующие грамоты, с которыми отправились обратно, причем были задержаны ханом в Очакове с августа до ноября. Вся более чем годовая экспедиция Алексеева и Лисицы подробно документирована. История, рассказанная Савельевым, должна была развиваться параллельно ей, что представляется совершенно абсурдным. Не обсуждая странность самой идеи о передаче под церковную юрисдикцию Москвы обширных территорий соседнего, обычно враждебного ей, государства, отмечу, что Иоаким никак не мог начать свой проект до завершения предыдущего, т. е. до начала 1687 г. А к этому времени по-

не находим об этом ни слова; если бы почтенный автор встретился с документами относительно плана Иоакима о подчинении Терновской митрополии Московскому патриаршеству, то он, конечно, не преминул бы сказать об этом, по важности дела самого по себе и по вероятной в таком случае связи его с делом о таком же подчинении Киевской митрополии (т. XIV, стр. 26 и сл.) и даже с Крымским походом князя Голицына»¹⁶. Однако, «церковные писатели», вроде М. В. Толстого (1870) и архимандрита Арсения Иващенко (1871), отнеслись к сообщению с полным доверием, пересказывая его без оговорок.

В 1882 г. сообщение мельком пересказал известный славист М. С. Дринов, а в 1899 г. так же без оговорок история про тырновское восстание была изложена в серьезном исследовании П. А. Сырку¹⁷. В самой Болгарии сообщение Елагина, кажется, стало известно существенно позже, когда Иван Шишманов привел его в статье о Василии Априлове и Савельеве-Ростиславиче¹⁸, с явно выраженным скепсисом охарактеризовав утверждение о происхождении Савельева от патриарха Иоакима и болгарских царей как «курьезный факт» и сославшись на В. Н. Златарски, вообще не признававшего тогда возможность особого восстания в Тырново в указанное время и находившего имя Ростислав несуразным для болгарина. Тем не менее следующие за Шишмановым болгарские авторы цитировали историю вполне сочувственно (их, понятно, интересовал не Иоаким и его планы, а описание самого восстания в Тырново), а после 1945 г. история стала общим местом и в болгарских, и в советских исследованиях. После того, как Н. С. Держа-

добная идея была бы совершенно бессмысленной, поскольку на Украине уже открыто собирались войска для крымского похода и турки пеняли константинопольскому патриарху на собственное же решение. Очевидно, что восточные патриархи согласились на передачу Киевской митрополии Москве под жестким давлением турок, искавших в сложной для себя ситуации сохранения мира с Русским государством. (см. *Кантевер Н. Ф.* Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891; *Терновский С.* Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату. Киев, 1872).

16 *Ламанский В. И.* Болгарская словесность XVIII века // Журнал министерства народного просвещения. 1869. Т. 145, [№ 9], сентябрь. С. 118–119.

17 К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке / исследование П. Сырку. СПб., 1898. Т. 1: Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. С. 392–393.

18 *Шишманов И. Д.* Априлов и Н. В. Савельев-Ростиславич...

вин поместил ее в «Краткой истории Болгарии», все советские авторы «историй Болгарии» (П. Н. Третьяков, Г. Г. Литаврин) неизменно делали то же самое, «второе Тырновское восстание 1686 г.» вместе с Ростиславом попало в БСЭ, СИЭ, множество научных монографий. В 1979 г. в справочнике о славяноведении в императорской России Савельев был прямо назван потомком Ростислава Страшимировича¹⁹.

Определенный скепсис, конечно, имел и имеет место, прежде всего у болгар. В 1963 г. Иван Снегаров прямо называл Ростислава «мнимым» потомком царей и сомневался в реальности самой истории, указывая, что прототипом ее могли послужить события Тырновского восстания 1598 г. под предводительством Тодора Балины, когда восставшие действительно водили с собой человека, которого выдавали за потомка болгарских царей. Другие исследователи, сомневаясь в достоверности рассказа, рассматривают события в Тырново, как «красивую легенду», служившую политическим интересам России в XIX веке, и предлагают в качестве возможного прототипа иные выступления болгар против турок, близкие по времени (например, Марино восстание 1700 г. с центром в Лясковском монастыре близ Арбанеси, относительно недалеко от Тырново). Наконец, и российские исследователи признают легендарный характер сообщения о Тырновском восстании 1686 г., поскольку оно «основывается на не слишком достоверном российском источнике — статье дальнего потомка патриарха Иоакима из дворянского рода Савельевых-Ростиславичей, занявшегося генеалогическими изысканиями». Уточню, выдуманно не только «восстание», выдуман и сам род «Савельевых-Ростиславичей» и его происхождение от патриарха Иоакима.

Прослеживаемый по источникам родоначальник семьи Н. В. Савельева, прадед его, Правительствующего Сената канцелярист Еким (Аким, Иоаким) Савин сын Савельев²⁰, купил летом 1733 г. у стряпчего Степана Прасолова двор «в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Песках», «в переулке, которым ездят в Трубники», где и жил в дальнейшем с супругой своей, Анной Ивановой дочерью. К концу карьеры, в 176,3–1770 гг., А. С. Савельев занимал относительно заметную должность коллежского асессора Розыскной экспедиции

19 Славяноведение в дореволюционной России: библиографический словарь. М., 1979. С. 299.

20 Поскольку имя Сава может быть производным от имени Савелий, нельзя исключить, что Аким Савин сын был первым носителем фамилии Савельев в своем роду.

при Московской губернской канцелярии. Статус канцеляриста, в коем Аким Савельев показан в начале своей карьеры, не свидетельствует в пользу принадлежности его к потомственным дворянам, что подтверждает и запись сына его Степана с семьей в III часть ДРК в 1794 г. Степан Акимович пошел по стопам отца — в 1780-е он показан секунд-майором в Московской полицмейстерской канцелярии, а в 1790-е коллежским асессором и заседателем Верхнего земского суда во 2-м департаменте. Отец Н. В. Савельева, Василий Степанович, продолжил семейные традиции — в 1811–1813 гг. он был заседателем в Дмитровском земском суде, в 1822–1824 — надзирателем Клинского уездного правления питейного сбора, в 1829–1830 г. вновь служил заседателем Дмитровского земского суда.

Родившийся 14 мая 1815 г. Николай был старшим сыном В. С. Савельева и его супруги Екатерины Ивановны Дубровской, которая (вопреки утверждениям сына²¹) и была владелицей деревни Юрьево на Клинском тракте в Дмитровском уезде. Это небольшое, в семь душ, имение было продано И. М. Снегиреву в середине 1820-х гг. Е. И. Савельева скончалась в 1832 г., когда ее старший сын Коля еще учился в 1-й Московской гимназии, а второй сын — Володя — в кадетском корпусе.

Десять лет спустя после смерти жены, в 1842 г. отставной коллежский советник В. С. Савельев жил в приходе храма Николая в Плотниках, в Кривоарбатском переулке, в доме Ильиной.

Вернемся к «Ростиславичам». Понятно, что все предки Н. В. Савельева по линии отца были просто «Савельевы», на звучный постфикс — Ростиславич — Николай Васильевич претендовал, ссылаясь на происхождение своей матери от потомка болгарских царей. Однако никакого рода Ростиславичей-Дубровских ни в Смоленской губернии, ни где бы то ни было еще не прослеживается, матушка Савельева была просто Дубровской и происходила не из столбовых гербоносных носителей этой фамилии, а, надо полагать, от одного из многочисленных поздних семейств этого наименования. В настоящее время, благодаря упомянутой выше работе И. Шишманова, опубликовавшего

21 Согласно рассказу Н. В. Савельева, потомки Ростислава (т. е. предки его матери) должны были владеть селом Толочановым в Смоленской губернии. Единственное Толочаново, которое удалось обнаружить, находилось к югу от Москвы, на Каширском тракте. Вне всякого сомнения, название села происходит от известных в XVII в. служилых «по отчеству» Толочановых, которые, видимо, были основателями и владельцами села. В 1812 г. село принадлежало Шелиховым.

восходящее генеалогическое древо Н. В. Савельева, полученное от его внука²², мы знаем несколько больше о гипотетических предках Савельева, чем было написано у Елагина. Так вот, приведя всех своих показанных выше предков по линии отца, Савельев не указал даже деда своего по линии матери, между «князем Терновским» и «последней в роде» зияет дыра. Это говорит о том, что либо Савельев действительно не знал имена этих людей, либо статус их был таков, что он предпочел о нем умолчать.

Связующим звеном между ассессором Акимом Савельевым и Савелием Дубровским на древе показан «Савва сын Савельев». Такой человек, несомненно, существовал, но именовался ли он «Савельевым сыном» и имел ли какое-то отношение к Савелию Дубровскому — вопрос. Проблема в том, что сам С. В. Дубровский на данный момент представляется виртуальным персонажем, равно как и его отец Владимир, и мать, показанная на древе как Мария²³.

Отмечу, что как брат²⁴ и племянники Николая Васильевича, так и жена и дети его равно именовались Савельевыми. Наконец, очевидно, что и сам Н. В. Савельев в официальных документах до самого конца служебной деятельности оставался просто Савельевым, хотя с середины 1840-х неизменно подписывался везде Савельевым-Ростиславичем. Но и в это время даже близкие к Савельеву люди продолжали называть его обычной фамилией, воспринимая «Ростиславича» как литературный псевдоним. Так он именуется в панегирической рецензии А. В. Александрова в «Маяке» в 1845 г., так называет его единомышленник, приятель и поклонник В. Е. Априлов, как в письмах, так и в

22 Шшиманов И. Д. Априлов и Н. В. Савельев-Ростиславич... С. 31.

23 Пара «Владимир Дубровский и Маша» у меня навязчиво ассоциируется с романом Пушкина, опубликованным в 1841 г. и в то время популярным. Л. М. Савелов, положивший много труда на сбор и обобщение материалов о своем роде, составивший родословие фамилии Савеловых, упомянул безымянную сестру патриарха Иоакима в браке с «Влад. Дубровским» со ссылкой на «Северную пчелу».

24 Отставной штабс-капитан Владимир Савельев, будучи по жене помещиком Вязниковского уезда Владимирской губернии, был вписан в 1850 г. во II «военную» часть Владимирской ДРК. Не далее как в декабре 1849 г. В. В. Савельев похоронил отца, и различные семейные бумаги в это время, несомненно, находились в его руках, поскольку старший брат уже полгода лежал в Университетской клинике Дерпта (см. далее). Очевидно, что, если бы среди бумаг были жалованные царские грамоты 1690 г., Савельев был бы записан в VI часть ДРК, у него не было никаких причин избегать этого.

двух завещаниях, исполнение которых душеприказчиками и вызвало переписку, которая позволила прояснить обстоятельства последних лет жизни Савельева, ибо он исчезает с литературного горизонта после 1848 г. вплоть до своего некролога.

Эту переписку обнаружил в архиве Одесской болгарской общины известный литературовед Иван Шишманов, в бытность свою послом Болгарии на Украине в 1918–1919 гг. Шишманов, среди прочего, занимался изучением судьбы и деятельности известного «будителя» Василя Евстатијева Априлова (1789–1847), в миру одесского купца, а по статусу «нежинского грека», одного из главных деятелей болгарского национального возрождения, инспирированного в значительной степени сочинениями Юрия Венелина. Став горячим последователем «этого странного человека»²⁵, Априлов, разумеется, охотно сближался со всеми единомышленниками и поклонниками Венелина, а посему юный действительный студент юрфака Московского университета, резвым и бойким пером легко возводивший в квадрат самые смелые и необдуманные идеи их кумира, сразу вызвал у него симпатию.

Безвременная смерть Венелина в марте 1839 г. сблизила их еще больше, и Априлов перенес на личность годившегося ему в сыновья Савельева свои надежды на разработку полноценной и полновесной истории болгар, призванной вернуть им должное место в истории славянства. Несколько лет молодой журналист претендовал на архив покойного, в чем Априлов пылко его поддерживал, ссылаясь на то, что сам Юрий Иванович неоднократно говорил, что «из всех нынешних изыскателей один только Савельев может продолжить начатое мною преобразование истории». Хотя Венелин при жизни имел возможность познакомиться только с двумя обширными критическими статьями Савельева, разбирающими труды М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова, а также книгой его, смывающей пятно, наложенное Н. А. Полевым на Дмитрия Донского, человеком Юрий Иванович был эмоциональным, потому вполне возможно, что именно так он при случае и говорил. Тем более что, в известном смысле, эта оценка полностью соответствует действительности.

Но вот умирать он не собирался, а посему уверенность Априлова, что Венелин Савельеву «завещал свои бумаги», основана, видимо, только на словах самого Савельева. Тот уверял, что кузен Венелина врач И. И. Молнар, на руках которого осталось все имущество покойного, еще в год смерти своего брата обещал Савельеву «передать все

25 Выражение В. Г. Белинского.

труды [...] для издания в свет», однако «почему-то» этого не сделал, благо Савельев еще при жизни Венелина уехал служить в столицу. Полагаю, Молнар, который на момент смерти брата был совершенно не в курсе его дел, мог поначалу говорить все что угодно, но затем он, разумеется, посоветовался со знающими людьми, прежде всего с Погодиным, и наверняка получил от последнего совершенно определенные рекомендации. Издание «Влахо-болгарских или дако-славянских грамот» год спустя осуществил сам Погодин, написавший в предисловии от имени Молнара, что «материалы для продолжения пошлются к достойным ревнителям славы болгарской», то есть в Одессу, Априлову с компанией. Савельев пожаловался Априлову, и тот в 1840–1842 гг. регулярно пересылал Молнару через Савельева письма, убеждавшие доктора, что болгары охотно уступают свое право на бумаги Венелина достойному наследнику, который берется продолжать и т. п., развивая в завуалированных упреках Молнару апокалиптический сценарий гибели всего венелинского наследия. Действия это не возымело, а упреки были совершенно беспочвенны — в 1840–1849 гг. Молнаром, Погодиным и П. А. Бессоновым было издано множество работ Венелина, в том числе и весьма объемных. Вообще идея передать его архив молодому человеку, без средств и какого-либо ученого статуса, сама по себе была странной.

Хотя в случае с архивом Венелина Априлов и не добился желаемого, он до конца своих дней продолжал видеть в Савельеве будущего автора истории болгар, к чему, вероятно, склоняли его и новые работы Николая Васильевича. Осенью 1844 г., впервые составляя завещание, Априлов записал на Савельева проценты с части своего капитала в течение пяти лет, если тот возьмется за написание болгарской истории. В январе следующего года, в подкрепление этого решения, одесские болгары во главе с Априловым направили Савельеву адрес, в котором патетически писали: «Видя в Вас достойного последователя незабываемого Венелина, болгары [...] покорнейше просят Вас уделить часть Вашего времени для написания полной болгарской истории и принять титул историографа болгарского народа»²⁶.

Савельев был польщен и от титула отказываться не стал, но в то время его занимали более важные дела. В 1844 г. он подал по начальству «Подробную записку публичного курса русских и болгарских древностей, объясняемых всеславянскими и общеевропейскими».

26 *Генчев Н.* Одесското българско настоятелство // *Годишник на Софийския университет. История.* София, 1970. Т. 44, кн. 3, ч. 1. С. 112.

Предлагаемый им курс имел целью «познакомить любителей отечественных древностей с периодом бытия русского народа и походами его до времен Рюрика», и таковой, действительно, был разрешен 28 сентября того же года под названием «О русской истории с III-го века до половины IX-го», как ни странно, в качестве дополнения к курсу С. П. Шевырева по русской словесности²⁷. Надо полагать, что Савельев читал его в корпусах пажам и кадетам до своей отставки.

Кроме этого, Савельев тогда же готовил сборник своих ранее изданных статей, на ту же, строго говоря, тему, которому суждено было увековечить его имя как Савельева-Ростиславича, в немалой степени благодаря резкой рецензии В. Г. Белинского²⁸. Осенью, как уже было сказано, он женился, и новые заботы на некоторое время понизили тонус его литературных занятий²⁹.

Между тем весной 1847 г., уезжая по делам в Болгарию, Априлов составил новое завещание, в котором уже прямо назначил автору «Истории болгар» 2000 рублей серебром, после получения душеприказчиками первых десяти экземпляров издания, авторство же душеприказчики в первую очередь должны были предложить Савельеву³⁰. Завещание оказалось кстати — возвращаясь в октябре обратно, Априлов скоропостижно скончался в Галаце. Душеприказчики, М. П. Милованов и Н. С. Палаузов, занялись исполнением завещания, в связи с чем дважды, весной и осенью 1848 г., обращались к Савельеву с письмами, ответы на которые Шишманов не обнаружил. Савельев сам в том же году напечатал первый биографический очерк Априлова, по сию пору используемый болгарами в исследованиях об этом

27 Мохначева М. П. Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета // Археографический ежегодник за 1997. М.: Наука, 1997. С. 135.

28 Рецензия Белинского замечательна, но стоит отметить, что между двумя критиками существовала и личная неприязнь, возникшая осенью 1839 г., вслед за переездом Белинского в столицу, после нескольких лет лояльных, если не приятельских, отношений в московский период их жизни. Причины как-то связаны с «Отечественными записками» А. А. Краевского, который в то время также резко изменил отношение к Савельеву, до этого бывшему его активным сотрудником.

29 В 1846–1847 гг. он, тем не менее, напечатал обширные критические статьи на новые сочинения Погодина и магистерскую диссертацию молодого С. М. Соловьева. О характере его критики можно судить по тому, что за пару лет до этого он аттестовал Соловьева как *пигмея*.

30 Шишманов И. Д. Априлов и Н. В. Савельев-Ростиславич... С. 10.

деятеле болгарской культуры, и очерк оказался одним из последних произведений автора. Савельев исчез после 1848 г. из всех столичных журналов, и причины этого обнаруживаются в его письме душеприказчикам Априлова от 15 августа 1852 г., которое обнаружил и опубликовал Шишманов.

Николай Васильевич, в частности, писал:

«Милостивые государи Николай Степанович и Матвей Петрович! Давно уже, очень давно, я не имел удовольствия ни получать от Вас писем, ни сам писать к Вам. Причиною моего молчания была тяжкая хроническая болезнь, которая быстро развилась осенью 1848 года, в такой степени, что я должен был оставить и службу в Пажеском Его И. В. корпусе и занятия литературные [...] Все усилия петербургских медиков остались тщетны; наконец, весною 1849 года решено было отправить меня в Дерпт, славящийся медицинским факультетом университета.

Не могу без чувства признательности вспомнить о том приеме, с каким встретили меня в Дерпте. В уважение ученых трудов моих меня приняли в университетскую клинику как гостя, предложив мне помещение и все средства к пользованию на счет университета [...] В декабре 1849 года успели, наконец, совладеть с главною болезнью, параличным состоянием ног и мочевого пузыря: остался только ревматизм, и я уже собирался ехать из Дерпта, как вдруг, в январе 1850 года, открылось воспаление в груди, эта новая болезнь совершенно уничтожила возрождавшиеся мои силы. Было время, что все медики лишились надежды на мое выздоровление; Богу было угодно чудесно сохранить мне жизнь. Мало-помалу я начал оправляться, и в мае 1850 года мне позволили оставить гостеприимный Дерпт; но для укрепления физических сил мне предписано было отправиться куда-либо в теплый край. После различных переверотов в состоянии моего здоровья, выдержав новое воспаление в груди (летом минувшего 1851 года), я поселился на несколько времени в Курской губернии в деревне жены моей слободке Дьяковке, Льговского уезда»³¹.

Подтверждая свою готовность заняться теперь «прежде всего» болгарской историей и далее высказывая несколько просьб и вопросов, Савельев добавил еще, что «в декабре 1848, не будучи в состоянии сам писать, я надиктовал к Вам письмо» и т. д.³² Таким образом, осенью 1848 г. 33-летний публицист оказался полностью физически недееспособен, и на его возвращение к относительно нормальной жиз-

31 Там же. С. 21.

32 Там же. С. 22.

ни ушло почти полтора года. Как бы там ни было, Николай Васильевич вынужден был прекратить профессиональную деятельность до конца своих дней. Полагаю, что душеприказчики Априлова в общих чертах были осведомлены о проблемах Савельева и никаких писем от него уже не ждали³³. На мой взгляд, письмо Савельева было обусловлено серьезными материальными проблемами, что стало вполне ясно из его второго письма в Одессу.

Среди прочего Савельев в августовском письме просил прислать ему печатное завещание Априлова, что душеприказчики и сделали в ноябре, сопроводив брошюру с завещанием сочинениями Палаузовых и вновь попросив в своем письме уточнить намерения Савельева относительно болгарской истории. В ответном письме, от 10 января 1853 г., Савельев, на мой взгляд, раскрывает истинные причины, по которым он решился возобновить переписку с душеприказчиками: «Продолжительная болезнь заставила меня в 1848 г. выйти в отставку и прекратить литературные занятия, служившие главным источником моих доходов. Лечение в Петербурге, потом удаление в Дерпте, где я хотя и находился в университетской клинике, однако ж, живя между чуждыми, нуждался во многом, наконец переселение в Курскую губернию, в деревню, где пришлось нам поселиться в пустой усадьбе, построить домик и обзавестись хозяйством, — все это требовало значительных издержек, которые не покрывались доходами с небольшого имения жены моей и потому вынудили меня войти в долг. А совершенный неурожай прошедшего года, бывший следствием беспрерывных дождей летом и осенью, вконец расстроил и запутал мои дела [...]

В силу дополнения по 4-му § априловского завещания в виде вознаграждения за труды мои по составлению Истории мне назначено из отдельного капитала две тысячи рублей серебром, по доставлении Вам десяти экземпляров напечатанной моей Истории Болгарского государства. Нельзя ли же Вам, милостивые государи, устроить так, чтобы мне выдать половину назначенной суммы, то есть тысячу серебром, теперь же, в обеспечение чего я могу Вам представить сообразное с суммой количество имения жены моей»³⁴.

33 В те же годы болгары обращались к профессору О. М. Бодянскому с просьбой написать «хотя бы краткую» историю болгар, завлекая его 2000 руб. серебра вознаграждения и здраво указывая, что он явно имеет больше знаний и способностей к этому делу, чем Савельев. Но Бодянский не заинтересовался. Много позже историю болгар написал чех К. Й. Иречек.

34 Там же. С. 23–24.

Разумеется, Савельев блефовал, и не менее ясно, что рассчитывать на наивность ушлых одесских купцов, какими бы болгарскими патриотами они ни были, у него не было ни малейших оснований. Душеприказчики затруднились ответить ему сразу, а затем, 1 июля 1853 г., умер Н. С. Палаузов, почему их ответ задержался до осени и был отправлен лишь 12 октября. Не отказывая Савельеву прямо, душеприказчики долго извинялись за задержку, апеллируя к смерти Палаузова, информировали своего корреспондента о новом составе душеприказчиков, а затем покорнейше попросили «в непродолжительном времени, буде возможно, известить нас: пишете ли Вы Историю болгарского народа, коей составление Вы взяли на себя, и если пишете, не благоугодно ли Вам будет прислать краткую выписку из нее». И далее:

«Так как завещатель в своей духовной не выразился положительно о том, чтобы именно Вы взяли на себя этот труд, и, с другой стороны, потребность в Болгарской истории так необходима для наших задунайских земляков, то [...] желая [...] подвинуть вперед столь доброе дело, мы желаем положительно знать, что именно сделано по этому предмету и когда выйдет в свет Ваше творение.

Изъявляя Вам при сем наши общие желания, мы вполне убеждены получить от [Вас] в непродолжительном времени ответ, и также просим и конспект Вашего исторического труда, из которого мы бы могли видеть и судить и о Вашем взгляде на этот предмет, и об источниках и пособиях, которыми Вы пользуетесь, и том размере, который будет иметь сочинение, Вами предпринятое»³⁵.

При всей подчеркнутой вежливости Милованова и молодого К. Н. Палаузова, смысл письма более чем прозрачен, и неудивительно, что Савельев им оскорбился. Он ответил душеприказчикам 12 февраля 1854 г., разочарование его и оскорбленное самолюбие сквозят почти в каждой фразе, хотя он и старался быть корректным.

Высказав дежурные соболезнования по поводу смерти Палаузова, Савельев добавил: «Между тем и меня посетило несчастье: 7-го мая поутру у нас в Дьяковке вспыхнул пожар, и менее чем в три часа огонь истребил половину деревни, жаль погорельцев, но слава Богу и за то, что никто из людей не сделался жертвою пламени. Конечно, трудно прокормить народ, особенно после неурожая в предшествовавшем году, но как-нибудь Бог поможет устроиться: он, милосердный, никогда не оставлял нас». Далее он вежливо пеняет душеприказчикам на слишком

35 Там же. С. 26–27.

долгое ожидание, при том что он ясно изложил свое крайнее положение, и указывает, в какую трудную ситуацию поставил его их ответ: «Увидав же из октябрьского письма Вашего, милостивые государи, косвенный отказ на мое предложение, я отправился в Курск, жестоко простудился на обратном пути и проболел три месяца. Теперь, благодаря Богу, я начал оправляться после воспаления груди — и вот почему только теперь могу отвечать на октябрьское письмо Ваше»³⁶.

Высказав эти завуалированные упреки, Савельев далее настаивал на том, что болгарской историей он активно занимается, но никого не считает вправе оценивать промежуточные результаты его труда: «Вполне сознаю справедливость мысли Вашей о настоятельной потребности болгарской Истории в настоящее время и употребляю все силы для скорейшего окончания ее. Ученое сочинение — не роман, и часто иной вновь возникающий вопрос требует довольно времени для обсуждения и правильного решения, я в моей болгарской Истории принял себе за постоянное правило — критически взвешивать все мнения предшествовавших мне писателей, как то: Раича, Стриттера, Энгеля, Венелина, Буткова, Шафарика, Черткова, Уварова и других рассуждавших о событиях болгарской истории. Один петербургский литератор, занимающийся славянскими древностями, отнесся ко мне прошлою весною, прося одолжить его конспектом моего труда и указанием источников; но посудите сами, не все ли это равно, как если бы золотопромышленник указал другому лицу место золотой руды и легчайший способ разработать ее? А со мною был в сороковых годах подобный случай, научивший меня осторожности [...] Сообразив все это, милостивые государи, Вы извините меня, если я и для Вас не могу нарушить моего правила благоразумной осторожности — не сообщать никому ни конспекта ни указания источников моих трудов, чтобы чрез то не повредить впоследствии собственно себе, тем более, что покойный Василий Евстафьевич Априлов, переписываясь со мною о Болгарской истории, не стеснял меня никаким условием решительно, вследствие чего и в духовной своей он отменил § 12 (о пятилетнем сроке для окончания Болгарской истории) и как себе, так и никому после себя не предоставил права судить и оценивать мое сочинение»³⁷.

Савельев, видимо, отнес намек душеприказчиков на то, что автором «Истории» может быть и не только Савельев, на счет Константина Палаузова и настойчиво проводил в письме мысль, что автором он

36 Там же. С. 28.

37 Там же. С. 29.

стал «по воле» покойного Априлова, дав ему обещание еще при жизни, а о вознаграждении и не спрашивал «из деликатности», намерения свои своевременно душеприказчикам подтвердил и смена душеприказчика никак не может изменить последней воли завещателя, высказанной вполне определенным образом. Николай Васильевич и тут не удержался от гиперболы: «Итак, милостивые государи, исполняя волю покойного завещателя, я тружусь по мере сил над Болгарской историей, чтобы под новым сочинением мне не стыдно было выставить свое имя и поднести мой труд тому, кто в состоянии облегчить участь несчастных болгар»³⁸. Эта попытка подчеркнуть статус, которого на самом деле не было, довольно наивна.

В заключение Савельев попытался вызвать практический интерес К. Н. Палаузова к своей особе, побуждая его выполнить перевод нескольких французских авторов, писавших о тяжелой участи болгар под османским владычеством, которых раньше цензура бы не пропустила, а сейчас (шла Крымская война) вполне пропустит, и он, Савельев, готов в этом помочь (вероятно, посредством ставшего цензором Н. В. Елагина).

Ответа на письмо Шишманов не нашел, иных писем Савельева тоже. Строго говоря, с болгарской «Историей» все было понятно и более наивным людям, чем одесские купцы. 14 октября 1854 г. Николай Васильевич умер, судя по метрической записи, «от чахотки».

Любовь Авенировна осталась вдовой с двумя детьми — дочерью Верой, восьми лет, и сыном Рафаилом, трех лет. Имение было невелико, и предположу, что супруги Савельевы не были особо успешными хозяевами. После отмены крепостного права, летом 1861 г., в уезде возникли беспорядки, и управляющий имением в слободе Дьяковке доносил губернатору: «Крестьяне оброк не платят, самовольно запахивают господскую землю, оказывают буйство и вышли из повиновения»³⁹. В уезд прислали драгун, но случившееся Л. А. Савельеву сильно смутило — она поторопилась продать имение и вернулась с детьми в столицу, имея целью дать им образование. Рафаил, по примеру многих детей небогатых дворян, поступил в военизированный Институт инженеров путей сообщения, что, в свете проходящих в империи реформ, оказалось как нельзя кстати. Выпущенный в 1872 г. «сверхштатным инженером» в МПС, Р. Н. Савельев сделал заметную карьеру, завершившуюся должностью профессора геодезии Киевского технологического института. Савельев-младший прославился как геодезист и

38 Там же. С. 30.

39 Государственный архив Курской области. Ф. 68. Оп. 1. Д. 161.

метеоролог, опубликовав несколько прикладных научных работ в этой области, организовав первую метеорологическую станцию в Москве и изрядно продвинув инструментальное оснащение этой отрасли знаний. Профессор Савельев относительно рано умер от болезни сердца, в 1903 г., оставив сиротой 10-летнего сына Андрея.

Внук Н. В. Савельева Андрей Рафаилович Савельев, родившийся и выросший в Киеве, где служил его отец, воспитывался в столице, в Александровском кадетском корпусе, а затем в Училище правоведения, откуда вышел X классом в составе 73-го выпуска в мае 1912 г. Он служил помощником столоначальника департамента общих дел МВД, а в 1916 г. окончил ускоренные офицерские курсы при Пажеском корпусе и отправился на фронт с гвардейской артиллерийской бригадой. После 1917 г. со своей бригадой Савельев прошел Гражданскую войну в армиях Деникина и Врангеля, а осенью 1920 г. в чине штабс-капитана прибыл из Крыма в Галлиполи. Разносторонний человек, А. Р. Савельев был не только юристом и артиллеристом, но имел еще и музыкальное образование, увлекаясь хоровым пением, что позднее и стало его основным родом деятельности.

Обучаясь в Петербурге, юный Андрей Савельев часто бывал у своей тетки Веры Николаевны, от которой узнал о чудесном происхождении их семьи от болгарских царей, к чему покойный отец его, профессор Р. Н. Савельев, практически не помнивший своего отца, был совершенно равнодушен. Молодой человек искренне увлекся дедовыми фантазиями, кажется, подкрепленными и какими-то собственноручными записями Н. В. Савельева⁴⁰, но актуализировать их смог только в эмиграции, когда в составе одного из отрядов бывшей армии Врангеля прибыл из Галлиполи в Болгарию.

В начале 1922 г. ловечская газета «Стремление» писала по поводу прибытия в город отряда русской пехоты и артиллерии из состава старой императорской гвардии: «На Божественной литургии на 25 декабря 1921 г. в церкви Св. Троицы, проведенной русским священником из отряда Михаила Попова, при стечении многих граждан-

⁴⁰ Если судить по избыточной, относительно публикации Елагина генеалогической информации. Архива Н. В. Савельева у его дочери точно не было — А. Р. Савельев позднее рассказывал И. Шишманову, что писал в Львовский уезд приходскому священнику и соседним помещикам, но безрезультатно. По его мнению, архив в любом случае не пережил погромов во время революции — несчастная гибель, как известно, — обычная судьба документов, содержащих подобные сведения.

богомольцев, пел хор гвардейской артиллерии, которым дирижировал молодой и симпатичный штабс-капитан Савелиев-Ростиславич, потомок болгарского царя Ивана Александра, хор оставил незабываемое впечатление у присутствующих»⁴¹.

В дальнейшем гвардейский хор под управлением А. Р. Савельева регулярно выступал на различных культурных мероприятиях, проводимых русскими и болгарскими, в Ловече, позднее в Софии, а дирижер его неизменно представлялся как «Савельев-Ростиславич». В феврале 1923 г. Савельев стал секретарем Комитета по делам русских беженцев бывшей Русской миссии, в 1925 г. был принят в члены вновь созданного РОВС. Он женился, но брак, кажется, оказался бездетен.

В 1925 г. с ним познакомился Шишманов, получивший от Савельева различные полезные сведения о его деде и их семье. На основании личного общения и публикаций в прессе Шишманов, не без некоторого удивления, констатировал, что штабс-капитан Савельев с полной серьезностью относился к своему «царскому» происхождению.

В 1926 г. настоятель русской церкви в Софии Серафим Соболев назначил Савельева помощником Николая Панина — дирижера церковного хора, а два года спустя Андрей Рафаилович сменил Панина в роли дирижера, оставаясь руководителем хора вплоть до отъезда из Болгарии в 1944 г.⁴²

Как пишет Н. Л. Пашенный, Савельев, «покинув Болгарию в 1944 г., так же деятельно работал в открытом в городе Линдау Бюро Русского Красного Креста⁴³, главной задачей которого являлась в то время помощь новым русским эмигрантам и их спасение от насильственной репатриации».

Переехав затем в Аргентину, Андрей Рафаилович и здесь все свободное от добывания насущного хлеба время отдавал посильной по-

41 *Шишманов И. Д.* Априлов и Н. В. Савельев-Ростиславич... С. 32.

42 Вероятно, в сентябре, после государственного переворота, формирования правительства Отечественного фронта и объявления Болгарией войны Германии. Многие русские эмигранты, связанные с РОВС и РПЦЗ, предпочли покинуть страну.

43 Эта информация, повторяемая в разных источниках, видимо, не точна. Бюро Красного Креста с названными целями было создано в Линдау генералом А. А. фон Лампе только после того, как 30 апреля 1945 г. город заняли французы. Бюро функционировало до осени 1945 г., когда было расформировано французской оккупационной администрацией по настоянию советской стороны. Надо полагать, после этого Савельев и отправился в Аргентину.

мощи соотечественникам, кому добывая визы, кому стипендии, кому помогая найти заработок. Наконец, благодаря его хлопотам и трудам, была создана церковь при русском общежитии в пригороде Буэнос-Айреса и сформирован хор, которым он управлял до самой своей кончины»⁴⁴. А. Р. Савельев-Ростиславич умер 23 августа 1956 г. и был похоронен на кладбище Сан-Мартин на окраине Буэнос-Айреса. Он был вторым и последним Ростиславичем в своем роду, а пришедшая на ум его деду фантазия продолжала жить уже своей жизнью, независимо от них...

Источники и литература

Государственный архив Курской области. Ф. 68. Оп. 1. Д. 161.

Белинский В. Г. Славянский сборник Н. В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. Т. 41, № 8. Отд. 5: Критика. С. 23–48.

Генчев Н. Одеското българско настоятелство // Годишник на Софийския университет. История. София, 1970. Т. 44, кн. 3, ч. 1. С. 99–222.

[*Елагин Н. В.*] Патриарх Иоаким и заслуги его Отечеству в гражданском, политическом и религиозном отношениях // Северная пчела. 1847. № 133–136. С. 531–532, 535–536, 539–540, 544.

К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке / исслед. П. Сырку. СПб.: Тип. Акад. наук, 1898. Т. 1: Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. 231 с.

Кантерев Н. Ф. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891. 362 с. + 93 с. прил.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 503 с.

Ламанский В. И. Болгарская словесность XVIII века // Журнал министерства народного просвещения. 1869. Т. 145, [№ 9], сентябрь. С. 107–123.

Материал для биографии Савельева-Ростиславича в разборе Е. И. Соловьевым его книг: Тертулиан и его век, болгарин Вас. Евстафьевич Априлов // Сын Отечества. Апрель 1849. Кн. 4. С. 5–32.

Мохначева М. П. Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997. С. 128–139.

⁴⁴ *Пашенный Н. Л.* Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. С. 384.

Об исторических трудах (1837–1845) Николая Васильевича Савельева-Ростиславича, состоящего при Военно-учебных заведениях. [Б. м., б. г.] 21 с.

Пашенный Н. Л. Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты / сост. Н. Л. Пашенный (78-го вып.). Мадрид: Комитет праведческой кассы, 1967. 457 с.

Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. 424 с.

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. 430 с.

Степина М. Ю. Н. А. Некрасов в русской критике 1838–1848 гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 450 с.

Терновский С. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату. Киев, 1872. 172 с.

Чернышевский Н. Г. [Библиография 1862 г.] // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. Т. 10: Статьи и рецензии 1862–1889 гг. С. 480–517.

Шиманов И. Д. Априлов и Н. В. Савельев-Ростиславич // Сборник на БАН. София: Печатница и букволеярница П. Глушков, 1926. Кн. 21: Нови студии из областта на българското възраждане: В. Е. Априлов, Неофит Рилски, Неофит Бозвели. С. 5–32.

References

Gosudarstvennyĭ arkhiv Kurskoĭ oblasti, fond 68, opis' 1, delo 161.

Belinskiĭ, V. G. "Slavianskiĭ sbornik N. V. Savel'eva-Rostislavicha." *Otechestvennye zapiski*, t. 41, № 8, otd. 5, Kritika, 1845, s. 23–48.

Chernyshevskii, N. G. *Polnoe sobranie sochineniĭ*, 15 t, t. 10, Stat'i i retsenzii 1862–1889 gg. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1951, s. 480–517.

Genchev, N. "Odeskoto bŭlgarsko nastoiatelstvo." *Godishnik na Sofiĭskiiia universitet*, Istoriiia, Sofia, 1970, t. 44, kn. 3, ch. 1, s. 99–222.

[Elagin, N. V.] "Patriarkh Ioakim i zaslugi ego Otechestvu v grazhdanskom, politicheskom i religioznom otnosheniakh." *Severnaia Pchela*, no. 133–136, 1847, s. 531–532, 535–536, 539–540, 544.

Kapterev, N. F. *Snosheniia Ierusalimskogo patriarkha Dosifeia s russkim pravitel'stvom (1669–1707)*. Moscow, 1891, 362 + 93 s. app.

Kochegarov, K. A. *Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire*. Moscow: Indrik, 2008, 503 s.

Lamanskiĭ, V. I. "Bolgarskaia slovesnost' XVIII veka." *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, t. 145, [no. 9], sentiabr', 1869, s. 107–123.

“Material dlia biografii Savel'eva-Rostislavicha v razbore E. I. Solov'evym ego knig: Tertulian i ego vek, Bolgarin Vas. Evstaf'evich Aprilov.” *Syn Otechestva*, kn. 4, aprel' 1849, s. 5–32.

Mokhnacheva M. P. “Avtografy programm publichnykh lekt^ŭ siĭ uchenykh Moskovskogo universiteta.” *Arkheograficheskiĭ ezhegodnik za 1997 god*. Moscow: Nauka, 1997, s. 128–139.

Ob istoricheskikh trudakh (1837–1845) Nikolaia Vasil'evicha Savel'eva-Rostislavicha, sostoiashchago pri VoЕННО-uchebnykh zavedeniiah. [S. 1., s. a.], 21 s.

Pashennyĭ, N. L. *Imperatorskoe Uchilishche Pravovedeniia i Pravovedy v gody mira, voĭny i smuty*. Sost. N. L. Pashennyĭ (78-go vyp.), Madrid: Komitet pravovedskoĭ kassy, 1967, 457 s.

Pypin, A. N. *Istoriia russkoĭ ětnografii*, t. 1. Saint Petersburg, 1890, 424 s.

Shishmanov, I. D. “Aprilov i N. V. Savel'ev-Rostislavich.” *Sbornik na BAN, kn. 21, Novi studii iz oblasti na bŭlgarskoto vŭzrazhdane: V. E. Aprilov, Neofit Rilski, Neofit Bozveli*, Sofiia: Pechatnitsa i bukvoleiarnitsa P. Glushkov, 1926, s. 5–32.

Slavianovedenie v dorevoliutsionnoĭ Rossii, bibliograficheskiĭ slovar'. Moscow: Nauka, 1979, 430 s.

Stĕpina, M. Iu. *N. A. Nekrasov v russkoĭ kritike 1838–1848 gg.*, PhD dissertation. Saint Petersburg, 2013, 450 s.

Syrku, P. *K istorii ispravleniia knig v Bolgarii v XIV veke, t. 1, Vremia i zhizn' patriarkha Evfimiia Ternovskogo*. Issled. P. Syrku, Saint Petersburg: Tipografiia Akademii nauk, 1898, 231 s.

Ternovskii, S. *Issledovanie o podchinenii Kievskoĭ mitropolii Moskovskomu patriarkhatu*. Kiev, 1872, 172 s.

A. A. Rybalka

Independent researcher (Penza, Russia)

The last years of N. V. Savelyev-Rostislavich

Nikolay Vasilyevich Savelyev-Rostislavich (1815–1854) was a well-known in the 1840s Russian political writer, a follower and an accomplice of the Pan-Slavic ideas of Yuri Venelin and Fedor Moroshkin. In his works, he developed these ideas to somewhat grotesque forms. The article is dedicated to the genealogical project of Savelyev-Rostislavich, today forgotten. He considered himself a descendant of Patriarch Joachim and made some effort to present this idea in print under a pseudonym. In spite of the fantasticality of the whole idea and the lack of original evidence, this project somehow influenced Russian and Bulgarian historiography until today.

Some researchers are tempted to discuss the “second Turnovo uprising” against the Ottomans in 1686 under the guidance of the boyard Rostislav Stratimirovich, a pretender to the princely throne of Bulgaria, though others describe the version of the Bulgarian royal descent of Savelyev as a “funny fact”. The article provides some less known data on Savelyev’s last years that were kept in the materials of the Bulgarian slavist Ivan Shishmanov. He had collected them during the Civil War in Odessa. These data partially explains why Savelyev so early and unexpectedly quitted his very active publicational activity.

Keywords: *Joachim, Bulgaria, Slavs, struggle with the Turks, Bulgarian history, Rostislavich, genealogy.*

«В настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно».

**Военспецы Киевской объединенной школы
командиров РККА имени С. С. Каменева
под надзором органов госбезопасности
в 1924–1926 гг.***

Статья посвящена анализу материалов агентурного наблюдения за бывшими офицерами, служившими в середине 1920-х гг. в Киевской объединенной школе командиров РККА имени С. С. Каменева. Эти документы хранятся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины и до сих пор не подвергались глубокому изучению специалистами. Между тем материалы агентурного наблюдения представляют собой достаточно объективный исторический источник о настроениях бывших офицеров. Анализ данных наблюдения позволил сделать выводы о настроениях военспецов школы имени Каменева и их отношении к Советской власти. Изучение материалов агентурного наблюдения в перспективе позволит составить разностороннее представление о настроениях и повседневности командного состава Красной армии. В центре внимания наблюдателей находился бывший генерал-майор Владимир Александрович фон Ольдерогге, а также его окружение. Агентурное наблюдение показало, что преподаватели антисоветской подпольной работы не вели, приказы не саботировали, но были нелояльны Советской власти, а по высказываниям прямо ей враждебны. Враждебности к белым военспецы не испытывали. Наоборот, поддерживали связи с белой эмиграцией и сравнивали, чье положение лучше. Не имея возможности выступить открыто против происходящего в стране, военспецы вынужденно ограничивались пассивным сопротивлением.

Ключевые слова: *Красная армия, ОГПУ, военспец, Украинская ССР.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.08

* Выражаю благодарность к. и. н. М. А. Ковальчуку за помощь в подготовке статьи.

Тема взаимодействия командного состава вооруженных сил и органов госбезопасности всегда привлекает особый интерес. К сожалению, в силу закрытости значительной части источников по этой тематике полноценное ее изучение даже в отношении событий довоенной советской истории еще невозможно. Затрудненность такой работы не позволяет всесторонне изучать проблематику истории политических репрессий в армии, что порождает многочисленные домыслы и спекуляции.

Тем не менее даже при ограниченной источниковой базе существует достаточно большой объем документов, доступных для изучения. Настоящим прорывом в этом отношении стало масштабное рассекречивание архивов органов госбезопасности на Украине. Благодаря этому появилась возможность помимо прочей документации изучать такой труднодоступный для исследователей вид источников, как материалы агентурного наблюдения за военнослужащими¹.

Автору этих строк удалось ознакомиться с документами такого наблюдения в отношении бывшего генерал-майора Владимира Александровича фон Ольдерогге (1873–1931) и его окружения, в основном состоявшего на службе в киевской объединенной школе командиров РККА имени С. С. Каменева². Речь идет о деле-формуляре объемом 100 листов. Эти материалы присоединены к документам по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» начала 1930-х гг., поскольку тома с документами Ольдерогге по этому делу и дело-формуляр имеют сплошную нумерацию. Отрывки из этого дела были опубликованы в историческом альманахе Ведомственного архива Службы безопасности Украины³. Однако эти документы, насколько известно, за 16 лет с момента их публикации никто не проанализировал. Тем более никто не анализировал то, что осталось за рамками публикации. Между тем они позволяют составить представление о том, как велось агентурное наблюдение за командирами РККА, какие вопросы интересовали наблюдающих и какова роль этих материалов в последовавших репрессивных акциях 1930-х гг.

1 См., например: *Тинченко Я. Ю.* Агенты и сексоты карательных органов среди бывших офицеров // Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2012. Т. 4. С. 3–24.

2 Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Д. С-4526. Т. 40.

3 Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 111–150.

Положение Советской России и СССР после Гражданской войны было крайне тяжелым. Несмотря на убедительную победу в войне, говорить о завершении борьбы большевикам не приходилось. Крайне напряженной оставалась международная обстановка. СССР находился в международной изоляции и недружественном окружении. Планы реванша вынашивали разбитые белые, оказавшиеся в эмиграции и сохранившие свою военную организацию. Страна жила в постоянном ожидании новой войны, о чем свидетельствовали военные тревоги 1923, 1924, 1926–1927 и 1930 гг.⁴ Внутренняя ситуация в стране также не отличалась стабильностью: после смерти В. И. Ленина в январе 1924 г. обострилась борьба в партийном руководстве, никуда не исчезло множество недовольных Советской властью⁵, по стране прокатилась череда крестьянских выступлений. Новая экономическая политика несколько улучшила положение интеллигенции, но экономическое положение населения в целом оставалось тяжелым.

В непростой обстановке 1920-х гг. органы госбезопасности уделяли особое внимание контролю над командным составом Красной армии, в котором оставалось более 10 000 бывших офицеров — то есть лиц, потенциально нелояльных. Оперативные мероприятия органов ГПУ–ОГПУ отличались размахом, в силу чего чекисты обладали исчерпывающей информацией о деятельности, настроениях и взаимоотношениях представителей этой группы.

Начальник контрразведывательного отдела ОГПУ А. Х. Артузов 15 апреля 1924 г. подготовил докладную записку об активизации бывших офицеров и чиновников, в которой обратил внимание на то, что в условиях НЭПа офицерство от прежней «безответственной болтовни и фразерства» перешло к обсуждению «конкретных мер для ниспровержения Советской власти»⁶. Наиболее активные элементы пришли к выводу,

4 Подробнее см.: *Великанова О. В.* Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017; *Мельтюхов М. И.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000 и др.

5 Подробнее см.: *Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК–ОГПУ. М., 2012.

6 *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 575.

что ввиду слабости власти успех возможен в случае сочетания внешнего удара и внутреннего взрыва в результате восстания в Красной армии, подготовленного военной организацией⁷. Обращалось внимание и на возрождение корпоративного духа офицерства⁸. Традиционно консолидация офицеров развивалась под вывеской материальной взаимопомощи, ОГПУ считало необходимым ликвидировать нарождавшиеся группировки.

В среде военспецов активно внедрялась секретная агентура. В конце 1924 г. развернулось агентурно-наблюдательное дело «Военные круги», затем переименованное в дело «Генштабисты» и направленное на контроль над бывшими генштабистами, оставшимися в РККА. Многие военспецы, их родные и близкие стали секретными сотрудниками органов госбезопасности. Достаточно отметить, что на 109 фигурантов дела приходилось 30 секретных сотрудников (сексотов)⁹. Органами госбезопасности для служебного пользования издавались книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения о 21 тысяче офицеров и военных чиновников¹⁰).

В целях повышения квалификации командного состава в Киеве была открыта объединенная школа командиров РККА имени С. С. Каменева. В это военно-учебное заведение направлялись на переподготовку командиры со всей страны. Преподавателями школы в разное время являлись, в основном, бывшие кадровые офицеры, в том числе с академическим образованием (например, А. И. Батрук, И. Г. Баконец, Н. Н. Берман, А. И. Вольский, Е. С. Гамченко, В. И. Кедрин, С. Н. Кравцов, М. В. Лебедев, В. А. Ольдерогге, Д. Н. Сокира-Яхонтов). Некоторые преподаватели школы оказались в РККА после службы в белых и национальных армиях, причем среди них были и те, кто служил противникам большевиков по идейным соображениям и активно участвовал в борьбе с красными (например, полковник князь И. Н. Сумбатов, участвовавший в работе белого подполья в Киеве, служивший у Деникина и в грузинской армии). К этому следует добавить, что в июне 1923 г. XII съезд РКП(б) взял курс на «коренизацию», представлявшую собой на территории Украинской ССР украинизацию. Политика принудительной украинизации усложняла обстановку

7 Там же. С. 575–576.

8 Там же. С. 577.

9 Там же. С. 383.

10 Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1.

ку и порождала конфликты¹¹. Разумеется, за большим скоплением бывших офицеров требовалось осуществлять тщательный надзор, и такая работа велась. Агентов было достаточно много, в донесениях они фигурировали под псевдонимами, но из приведенных данных можно установить, о ком шла речь.

Один из основных объектов наблюдения, В. А. Ольдерогге, родился в 1873 г., был выпускником Николаевской академии Генерального штаба, в старой армии дослужился до чина генерал-майора. В Гражданскую войну служил в Красной армии, с августа 1919 г. по январь 1920 г. командовал советским Восточным фронтом и был награжден орденом Красного знамени за разгром Колчака. После Гражданской войны Ольдерогге служил инспектором пехоты войск Украины и Крыма, затем его направили в постоянную командировку в Киев от Главного управления военно-учебных заведений, где он значился инспектором¹². Параллельно с его переназначениями пересылались в соответствующие органы госбезопасности и его анкеты.

С 6 февраля 1924 г. Ольдерогге занимал должность начальника школы, а с 3 мая 1924 г. должность помощника начальника школы по учебной части. Казалось бы, лояльность Ольдерогге не подлежала сомнению, однако наблюдение за ним велось в рамках агентурного дела «Объединение» по подозрению в причастности к некоему «Союзу кадровых офицеров» в Киеве¹³. Кроме того, Ольдерогге, по данным на март 1925 г., проходил в ОГПУ по разработке «Белые»¹⁴. Ольдерогге фигурировал и в разработке «Мечтатели», поскольку помог недовольному своей жизнью в СССР ветеринарному врачу В. Д. Дроботову получить загранпаспорт для выезда в Новую Зеландию¹⁵.

Дело-формуляр открывается анкетой Ольдерогге с указанием установочных данных: примет (рост ниже среднего, худощавого телосложения, стрижен под машинку, борода клинком), домашнего адреса, социального происхождения, образования, семейного положения¹⁶. Есть в деле и собственноручная анкета Ольдерогге.

11 Смирнов А. От червонных старшин к красным лейтенантам. Украинизация Красной армии в 1923–1938 годах // Родина. 2015. № 1. С. 81–83.

12 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 6.

13 Там же. Л. 22об., 73.

14 Там же. Л. 26.

15 Там же. Л. 71.

16 Там же. Л. 1.

Агентурные донесения подробно отражали личные качества Ольдерогге и его окружения, а также характер взаимоотношений бывших офицеров. Агент-сослуживец характеризовал его как в высшей степени выдержанного и тактичного человека, ценного и хорошего работника, приводил примеры из различных эпизодов по службе¹⁷.

На провокации военспец старался не поддаваться. Агент описал следующий случай: «Когда у нас организовали новый арт[иллерийский] отдел, привезли пушки, говорил я с ним об артиллерии: спрашивал, как-де побьют нас. Ольдерогге ответил, что, конечно, наша техника невысока по сравнению с европейскими армиями, но мы не уступим другим; чем, он не сказал»¹⁸. Ольдерогге оценивался агентом как пунктуальный, точный, деятельный работник, пользующийся большим авторитетом среди преподавателей, имеющий положительные характеристики. По мнению другого осведомителя, бывший генерал смотрел на массу свысока, хотя был специалистом, но работал не от души, а для отбытия номера¹⁹.

Наблюдение показало, что бывший генерал жил широко, принимал дома сослуживцев, устраивал карточную игру²⁰. По данным на март 1925 г. считалось, что он жил шире получаемого оклада, но источник побочных доходов установлен не был²¹. Один из осведомителей, побывавших у Ольдерогге в гостях, отметил, что тот жил в трех шикарно обставленных комнатах²². Вероятным источником благосостояния являлась коммерция, получившая распространение в период НЭПа. Надо сказать, что еще до революции Ольдерогге имел склонность к коммерческим делам и злоупотреблениям, за что пострадал по службе²³. Теперь же он создал в Киеве военно-скаковое общество, куда вошли многие бывшие офицеры. Дочери генерала на киевском ипподроме открыли тотализатор. Через начальника штаба Киевского военного округа (позднее — района) бывшего подполковника И. Х. Пауку, близкого видному советскому военно-политическому деятелю М. В. Фрунзе, Ольдерогге договорился с представителями

17 Там же. Л. 9.

18 Там же.

19 Там же. Л. 12.

20 Там же. Л. 18.

21 Там же. Л. 22.

22 Там же. Л. 24.

23 Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 42–43, 578–579.

кавалерийских корпусов о выезде лошадей, за что получал крупные суммы денег²⁴. В 1923 г. Пауку перевели на службу в Сибирь, что, видимо, ослабило позиции Ольдерогге. Известная нам его агентурная разработка как раз относится к периоду с 1924 г. После этого Ольдерогге помимо работы на ипподроме зарабатывал на домашних концертах, поскольку супруга бывшего генерала являлась оперной певицей. На этих вечерах бывала самая разнообразная публика, не исключая иностранцев.

Чекистами изучались контакты военспеца, с кем он близок, кто бывает у него в гостях, агентура подслушивала разговоры наблюдаемого, перехватывала корреспонденцию. Как отмечал один из агентов, «среди наших преподавателей чувствуется много всякой сволочи, но дело свое они, очевидно, знают и делают хорошо»²⁵. Наиболее близким по службе к Ольдерогге считался бывший капитан Л. С. Карум — прототип Тальберга из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» и муж старшей сестры писателя Варвары. Карум занимал должность помощника начальника учебной части школы имени Каменева. Агент характеризовал его как ненадежного, подбирающего соответствующий командный состав и не могущего сдержать язвительной улыбки при разговорах о политработниках и с политработниками.

Постоянно общался с Ольдерогге его зять, бывший корнет и преподаватель школы А. А. Мармылев, заведовавший психотехническим кабинетом и характеризовавшийся отрицательно (халатно относился к службе, посещал азартные игры, лото, скачки)²⁶.

Еще одним близким Ольдерогге человеком являлся начальник кавалерийского отделения школы Ф. Т. Субботовский (как оказалось, осведомитель госбезопасности под псевдонимом «Сокол»²⁷).

Общался Ольдерогге и с бывшим капитаном А. И. Батруком, ветераном гетманской и деникинской армий. Преподаватель тактики кавалерийского отдела бывший полковник В. В. Ржевский также дружил с Ольдерогге, причем имел родственников в Польше. Видимо, в 1926 г. в круг общения Ольдерогге вошел помощник начальника учебного отдела эскадрона школы бывший полковник Барсов, с которым бывший

24 Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 169.

25 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 9.

26 Там же. Л. 13.

27 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3151а. Л. 163об.

генерал закрывался в комнате и подолгу беседовал; когда входили близкие, бывшие офицеры переходили на французский язык²⁸.

Агентура докладывала о связях преподавателей с представительницами противоположного пола, не исключая случаи адюльтера. Не гнушались и непосредственным вступлением в личные отношения ради пользы осведомления. Такую акцию предпринял командир взвода школы Каменева Середа (агент «Красный») в отношении дочери Ольдерогге Лидии (Ляли) 1909 года рождения. В одной из сводок описывался разговор Середы с этой еще совсем юной девушкой на прогулке в Царском саду 11 августа 1925 г. Тогда дочь бывшего генерала поведала спутнику о своем крайнем недовольстве обстановкой в СССР, что агент незамедлительно доложил руководству: «Она говорила, что если бы это было старое время, то теперь бы она уже окончила институт благородных девиц и вообще жила бы в несомненно лучших условиях, нежели сейчас, так ей приходится бедствовать в отношении нарядов и пр[очего]. Далее она сообщила, что папа ее успокаивает тем, что СССР это тоже временно[е] правительство, но более продолжительное, что крах жидовской власти, несомненно, будет, и потому положение “всех бывших людей” (нужно понимать офицерских семей) улучшится»²⁹. Советская действительность неизбежно сравнивалась «бывшими» с их прежней жизнью, и сопоставления были не в пользу послереволюционного положения.

Дочь Ольдерогге поведала о том, что и ее отец недоволен советской жизнью, в которой приходилось подчиняться новому начальнику школы «проходимцу-латышу [Я. Я.] Лацису»³⁰, и что не раз бывший генерал ставил в упрек себе и окружающим, почему и зачем он остался в СССР, когда «все его товарищи занимают хорошие должности в Болгарии и живут там, как жили и до военного времени»³¹. Такая оценка крайне любопытна, поскольку демонстрирует полное отсутствие какой-либо неприязни военспеца к прежним товарищам, оказавшимся в рядах белых, а затем в эмиграции.

Неудивительно, что воспоминания о «добром старом времени» стали лейтмотивом рассуждений дочери Ольдерогге. Например, при прогулке с агентом по Аскольдовой могиле 7 сентября 1925 г. она заявила, что в прежние времена здесь хоронили порядочных людей высших кругов, а теперь хоронят коммунистов, с чем она не может примириться,

28 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 82.

29 Там же. Л. 44.

30 Там же.

31 Там же.

так как это «кощунство»³². После этого разговор зашел на религиозную тему, причем выяснилось, что она с отцом часто ходит во Владимирский собор. Предложение сходить туда получил и агент.

В дальнейших доверительных беседах Л. В. Ольдерогге не раз высказывалась агенту в антисоветском духе. Например, по поводу смерти М. В. Фрунзе она заявила, что «такие события, как смерть какого-то вождя, кроме приятного, ничего не приносят ее отцу»³³. В деле сохранились копии перлюстрированных особистами писем Ляле от другого ее поклонника, некоего А. Яковлева из Проскурова, ранее обучавшегося в школе Каменева³⁴. При личном общении агент попытался выгащить одно из писем из кармана Ляли³⁵. Остается только догадываться, не использовались ли возможности органов госбезопасности агентом для устройства своих личных дел. В разговоре с Середой Ляля заявила, что выйти замуж за коммуниста, писавшего ей письма из Проскурова, она не может, так как это означало бы полный разрыв с ее родными³⁶.

К концу 1925 г. роман дочери Ольдерогге с агентом Середой прогрессировал. В январе 1926 г. агент смог побывать уже на квартире бывшего генерала. Середа избрал беспроегрышную тактику — упирал на ностальгические воспоминания о старой России, чем произвел впечатление на супругу Ольдерогге. Последняя даже прослезилась, «вспоминая ту роскошь и прелесть, в какой они были тогда и как живут теперь», и заявила, что «ей очень жаль теперь ту молодежь, которая когда-то имела светлое будущее, а теперь прозябает, служа каким-то жидам, лишившись того светлого, что их ожидало, вспомнив условия офицерства»³⁷.

Политические взгляды самого Ольдерогге первоначально известны наблюдению не были, отмечалось лишь, что он проявлял «мещанские уклоны»³⁸. Понятно, что со временем о нем сложилось вполне определенное представление как о человеке с дореволюционной офицерской психологией, лишь внешне сочувствующем Советской власти, а в действительности с нетерпением ожидающем ее падения.

Выяснились и другие интересные подробности. Наблюдение установило, что Ольдерогге и его окружение поддерживали регулярные

32 Там же. Л. 49.

33 Там же. Л. 61.

34 Там же. Л. 55, 56, 68.

35 Там же. Л. 60.

36 Там же. Л. 65.

37 Там же. Л. 77.

38 Там же. Л. 22.

контакты с белой эмиграцией. Так, одному из знакомых Ольдерогге рассказал о своем брате Алексее, который жил в Париже и с которым бывший генерал вел переписку³⁹. Кроме того, во время боевых стрельб эскадрона на Дарницком полигоне 24 июля 1925 г. Ольдерогге рассказал сослуживцам Н. И. Минину, Серede и Ф. Т. Субботовскому, что переписывается с товарищем из Константинополя, который командовал там полком (очевидно, у белых). После этого все участники беседы начали сожалеть, что упустили момент уехать за границу. В особенности сильно сожалел об этом Субботовский⁴⁰. Бывший сослуживец Ольдерогге А. О. Эйгер, живший в Париже, прислал осенью 1925 г. наблюдаемому посылку и деньги на выкуп из таможни. Сам же Ольдерогге, со слов дочери, опасался получать корреспонденцию из-за границы на свой домашний адрес, справедливо полагая, что, несмотря на орден Красного знамени, ему не доверяют⁴¹. Супруга Ольдерогге Клеопатра Александровна писала в Париж некоей Ольге Шкиль⁴². Наконец, дочь Ольдерогге в феврале 1926 г. конфиденциально призналась своему ухажеру агенту Серede, что отец через Москву получил из-за границы посылку, причем запретил дочери кому-либо об этом рассказывать⁴³.

Контакты с контрреволюционерами имел помощник командира эскадрона школы П. А. Кирсанов, сообщивший Серede в Пролетарском саду, что он учился в кадетском корпусе и дружен с бывшими офицерами братьями Чемодановыми, которые организовали восстание в Сумах. Кирсанов жил вместе с преподавателем В. А. Подчекаевым, был связан также с преподавателями Н. П. Блаудзевичем и Субботовским⁴⁴. Серede попытался внедриться в эту группу, причем заслужил от Кирсанова характеристику честного человека, чуждого СССР⁴⁵.

Сохранились нуждающиеся в проверке данные об антисоветском подполье в киевских военных кругах. Бывший полковник В. П. Белавин якобы состоял в организации кадровых офицеров. В июне 1924 г. он был арестован, а в 1925 г. расстрелян. На допросе 11 июня 1924 г. он показал, что получил вместе с Ольдерогге костюм от организации в Варшаве при помощи сотрудника польского консульства в Киеве

39 Там же. Л. 24.

40 Там же. Л. 42.

41 Там же. Л. 62.

42 Там же. Л. 69.

43 Там же. Л. 79.

44 Там же. Л. 42.

45 Там же. Л. 52.

С. Павловского⁴⁶. Позднее отмечалось, что костюм Ольдерогге пересылался от организации в Харькове⁴⁷. Возможно, речь шла о провокации чекистов или польской разведки. После расстрела Белавина и проходившего с ним по делу А. П. Иванова Ольдерогге в беседе с начальником административного отдела школы А. С. Глинским сожалел о случившемся, хвалил Белавина как достойного, умного человека, преданного интересам освобождения России от гнета. Иванова же Ольдерогге считал шкурником⁴⁸. Как оказалось, Белавин дружил с Ольдерогге.

Агент монархической организации некто К. С. Голубев-Сиверский приехал в Киев из-за границы с заданием разведывательного характера и указанием выйти на Ольдерогге и преподавателя Б. О. Комаровского⁴⁹. Осенью 1925 г. Голубев дал показания, что завербован в Ровно офицером И. Н. Орловым с целью вербовки Ольдерогге как «идеологически ихнего»⁵⁰. Отметим, что Ровно в тот период находилось в составе Польши. Вербовка Ольдерогге, однако, не состоялась, поскольку в период пребывания Голубева в Киеве Ольдерогге уехал в отпуск. Из ГПУ УССР сообщали в Особый отдел 14-го стрелкового корпуса в Киев 17 октября 1925 г.: «Есть основание предполагать, что Ольдерогге, хорошо известный Орлову, является одним из работников к[онтр]р[еволюционной] организации, просим срочно сообщить, имеются ли у вас компрометирующие данные на Ольдерогге. В противном случае необходимо через вашу агентуру повести разработку вокруг последнего для выяснения сущности его политической физиономии»⁵¹.

Интересны разговоры преподавателей, демонстрировавшие их отношение к широкому спектру вопросов советской жизни. Так, 12 июня 1925 г. на обеде у Субботовского хозяин заявил Середе, что скоро ожидается война, и положение Красной армии окажется печальным. Субботовский также заявил, что служба в старой армии была хороша и красива, воспоминания о ней — одни из самых приятных, а служба в РККА таких воспоминаний оставить не может⁵². Впрочем, в свете негласного сотрудничества Субботовского с ГПУ такие речи можно рассматривать как намеренную провокацию.

46 Там же. Л. 33.

47 Там же. Л. 45.

48 Там же. Л. 40.

49 Там же. Л. 32.

50 Там же. Л. 57.

51 Там же.

52 Там же. Л. 35.

Помощник начальника учебной части по эскадрону школы Каменева бывший полковник Н. Н. Берман заявил 20 июня 1925 г., что недоволен дисциплиной в Красной армии, а когда начнется война с Антантой, Красная армия перестанет существовать⁵³. Берман находился в дружеских отношениях с Ольдерогге. Дружил он также с преподавателями В. А. Ильиным, Л. С. Карумом, В. В. Ржевским, Г. М. Сокальским, Субботовским и другими.

Ржевский, Кирсанов, Берман в частном разговоре отрицательно отнеслись к приезду в школу китайских командиров как к засорению русской армии «грязным хламом»⁵⁴. Бывшие офицеры и в советских условиях сохранили традиционный националистический менталитет.

Ольдерогге, со слов дочери, был обижен понижением по службе и недоволен кадровыми переменами в руководстве школы, так как «все равно теперь такие порядки, и назначают людей не по заслугам и знаниям, а скорее по протекции»⁵⁵.

Любопытны наблюдения агента за разговорами военспецов при встрече Нового 1926 года по старому стилю на квартире Мармулева, где собрались Ольдерогге с дочерью, Середа, Карум, Берман и В. И. Кедрин. Был накрыт роскошный стол. Ольдерогге и Карум, изрядно выпив, стали обсуждать международное положение. Из их разговора агент сделал вывод, что собеседники «очень хорошо знают экономику страны, разногласия 14-го партсъезда и пр[очее]. Взвесив и оценив все это, Ольдерогге в заключение сказал, что 14-й партсъезд резко подчеркнул, что Сов[етская] власть недолговечна и в скором будущем должен быть крах. За границей уже усиленно говорят о том, что 1926 год есть и должен быть годом знаменательным, что в этом году участь Сов[етской] власти должна решиться и решится в окончательном смысле. Самое благоприятное для СССР может быть лишь то, что СССР очутится в таком же закабаленном положении, как и Германия. Карум, подтвердив все это, сказал, что Америка определенно решила СССР переименовать в другую страну, в которой диктатуры пролетариата не будет (вкратце, вскользь заметив, что в Америке даже строится район Ленинграда, точно копия). Авторитетные же страны определенно решают СССР аннулировать. Берман держится политики Карума и Ольдерогге, Кедрин также, поддакивая, так как были очень пьяны и самостоятельно связывать и высказывать свои мысли были

53 Там же. Л. 37.

54 Там же. Л. 54.

55 Там же. Л. 61.

не в состоянии. Ровно в 1 час ночи уже 14/1 за столом Ольдерогге поднял бокал вина и сказал: «Пьем за светлое будущее, которое должно свершиться в этом году»⁵⁶.

Агент Середа завязывал контакты с интересовавшими его лицами, в том числе путем демонстративного выражения опасений в безопасности каких-либо контактов. Так, на выпивке у некоего Хорошилова 17 ноября 1925 г. он заявил хозяину дома, что находится в Киеве уже около трех лет, но не имеет никаких друзей, поскольку «в настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно, так как на каждом шагу видишь врага-сексота и малейшее твое неосторожное слово по отношению к власти или к порядку нашему в армии может быть передано куда следует»⁵⁷. Эти слова являлись чистой правдой. Разумеется, в ответ Середа получил доверительный и сочувственный комментарий, что его собеседник «рад видеть в лице т. Середы близкого товарища, так как сам придерживается такого же мнения и весьма осторожен в своих словах в беседе, даже с хорошими друзьями по службе, так как знает, что почти в каждой воинской части, а тем паче в ВУЗах, как у нас в школе, по крайней мере есть человек 5–6, которые занимаются исключительно осведомительной работой и каждый неосторожный шаг, неосторожное слово уже бывает известно почти на другой же день в ГПУ»⁵⁸. Хорошилов поведал Середе, что среди сексотов есть даже бывшие офицеры, работающие за деньги. Таким образом, представление о том, что многие военспецы занимались тогда такой деятельностью, распространено не было. В этом отношении Хорошилов полагал, что следует особенно опасаться женщин, служащих в воинских частях. Когда Середа указал ему на сотрудницу хозяйственной канцелярии школы Кирснговскую как возможного осведомителя, Хорошилов удивился непроницательности агента, поведав, что Кирснговская как раз одна из противниц Советской власти и из порядочной семьи. Провокация увенчалась успехом.

На Пасху 1926 г. застолье проходило у С. Д. Матвеева, где собрались Булла, В. В. Ржевский, Середа, И. Н. Сумбатов, слушатель эскадрона Назаров. На столе была водка, привезенная знакомым хозяина из Польши. Зашел разговор о дороговизне, а затем о политике. Назаров как член ВКП(б) объяснял, что причина дороговизны в товарном голоде. Булла и Сумбатов заявили, что все это приведет к краху СССР. В разговор вмешались и остальные, а Назаров оказался в меньшинстве.

56 Там же. Л. 74.

57 Там же. Л. 64.

58 Там же.

Ржевский тогда заявил: «Зачем людям сознательным затуманивать глаза, неужели не понятно, к чему все это клонится, можем ли мы существовать дальше, если наш рубль за границей доходит чуть ли не до 25 копеек, можно ли СССР конкурировать, имея несчастное тряпочное изделие, с капиталистическими державами, неужели Германия глупее нас, что пришла к такому соглашению, что Советская власть — глупая выдумка, абсурд, точно так же должны прийти к соглашению и мы, тем паче, что идеи коммунизма у нас нет и быть не может»⁵⁹. В качестве примера Ржевский привел киевскую губернскую милицию, где члены партии грабили население, и нельзя было исключать похожих случаев. Резюмировал он тем, что большевиков постигнет участь А. Ф. Керенского, бежавшего за границу. В конце обсуждения Матвеев сказал, что он с сослуживцами — люди иных убеждений, «СССР нам платит деньги, мы работаем»⁶⁰. Агент от вовлечения в спор устранился, чтобы не испортить дело (поддерживать бывших офицеров в присутствии партийного слушателя его взвода было неудобно, а поддержка слушателя могла бы испортить доверительное общение с «бывшими»), и беседовал с хозяйской.

3 мая в гостях у Ольдерогге преподаватели обсуждали революцию. Матвеев и Барсов говорили о том, что революция влечет за собой жертвы. Сумбатов и Субботовский заявили, что офицерство при новой революции пострадает мало, а основные потери понесут евреи и коммунисты. Убежденный антисемит Сумбатов заявил, что готов лично как восточный человек перерезать сотню⁶¹. Далее разговор зашел о хранении секретных данных. Ольдерогге ехидно заявил, что «если мы знаем некоторые секретные проблемы польской армии, то, безусловно и даже больше чем несомненно, наши секретные военные преднамерения по всем отраслям военного дела известны польскому командованию, хотя органы ГПУ по своей работе чисто агентурной во многом превосходят старые сыскные отделения и жандармские⁶² управления, но все же, несмотря на то, что здесь у нас в Киеве почти на каждом шагу снуют представители дефензивы, угнаться за ними и переловить всех трудно и невозможно»⁶³. Эти слова произвели тяжелое впечатление на присутствующих. Карум, Барсов и Матвеев согласились со сказанным.

59 Там же. Л. 88.

60 Там же.

61 Там же. Л. 90.

62 В документе — жандармского.

63 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 90.

На документе имелась резолюция сотрудника ОГПУ: «Не понимаю, о каком секрете здесь шла речь. По-видимому, это были частные разговоры и суждения. Нам надо подготовить материал завербовать кого-либо из этой компании, иначе ничего не выйдет»⁶⁴.

Польский вопрос в связи с возможным приходом к власти Ю. Пилсудского обсуждали и 24 мая 1926 г. на квартире Матвеева. Ольдерогге и Кирсанов заявили, что Пилсудский станет польским президентом, что приведет к улучшению положения в Польше. Барсов подтвердил это. В ходе разговора выяснилось, что Матвеев и Барсов имеют контакты с польскими офицерами⁶⁵.

Как и белые эмигранты, поднадзорные военспецы каждый год надеялись, что произойдет свержение большевиков. 18 августа 1926 г. на квартире Матвеева вновь откровенно говорили о перспективах в случае падения Советской власти. Участники обсуждения ждали войны, которая бы привела к падению режима. В этом смысле их надежды совпадали с аналогичными ожиданиями белых эмигрантов. Военспецы считали своей задачей «оставаться пока в стороне, ожидать и делать, готовясь к предназначенному»⁶⁶. Во время конной поездки за город 3 октября 1926 г. и пикника сотрудники школы вновь обсуждали текущее положение. Барсов тогда поднял бокал за последнюю золотую осень при Советской власти⁶⁷.

Органы госбезопасности вели постоянную работу по нейтрализации неудобных командиров. В феврале 1926 г. произошел арест начальника административно-хозяйственного отдела школы А. Н. Глинки. Весной 1926 г. Ольдерогге интересовался процессом киевской губернской милиции, а дочь военспеца даже ходила на судебные заседания⁶⁸. Киевская милиция пользовалась ипподромом, работой которого заведовал бывший генерал. Возможно, интерес к делу был обусловлен именно этим. Будучи в командировке в Москве, Ольдерогге узнал еще об одном аресте, что вызвало у него тревогу за себя⁶⁹. Усилились и меры предосторожности. Бывший генерал всегда при серьезных беседах просил близких выйти в другую комнату⁷⁰.

64 Там же.

65 Там же. Л. 91.

66 Там же. Л. 92.

67 Там же. Л. 95.

68 Там же. Л. 82.

69 Там же. Л. 85.

70 Там же. Л. 86.

В том же году у ряда преподавателей школы прошли обыски (В. А. Кожин, А. А. Луганин, Н. И. Минин, Ржевский), а на следующий год некоторых уволили (Баковец, Батрук, Блаудзевич, Минин, Ржевский) по предельному возрасту, либо за службу у белых⁷¹.

В Особом отделе Украинского военного округа в июле 1925 г. считали, что учебой в школе Каменева заведовал Карум, много времени уделявший работе на стороне (читал лекции в гражданских ВУЗах, жил в 7 верстах от школы). Ольдерогге якобы в работе не чувствовался и поддавался влиянию военспецов. Требовалось оживление работы школы, для чего особисты добивались замены Ольдерогге⁷². Убрать Ольдерогге из школы имени Каменева действительно удалось, хотя и через год с лишним.

В связи с проведением военизации гражданских ВУЗов в 1926 г. преподавателей школы Каменева распределили по учебным заведениям украинской столицы. Осенью ожидался перевод школы имени Каменева на новый штат, что вызвало некоторую обеспокоенность преподавательского состава. Военспецы не знали, кого оставят на службе в школе, а кого переведут в другие места. Должность Ольдерогге упраздняялась, а сам он покидал школу, поскольку в сентябре стал главным военным руководителем Киева. Кроме того, он занял пост военрука Политехнического института. Преподаватели сожалели об этом, но надеялись поддерживать с ним связь⁷³.

Проводы Ольдерогге, Карума и Бермана в конце октября 1926 г. прошли в торжественной обстановке. Присутствовало около 30 человек, «политической окраски разговор совершенно не носил, так как присутствовали некоторые преподаватели обществоведения... была устроена грандиозная выпивка... разошлись рано утром (часов около 4–5)»⁷⁴. В связи с увольнением Ольдерогге из армии оперативная разработка в его отношении со стороны Особого отдела 14-го стрелкового корпуса завершилась 11 декабря 1926 г.⁷⁵ Наблюдение продолжалось и после того, как Ольдерогге оставил школу. Скорее всего, другими подразделениями ГПУ УССР велось агентурное наблюдение и за самим Ольдерогге.

7 декабря 1930 г. В. А. Ольдерогге был арестован по делу «Весна», а 27 мая 1931 г. расстрелян. Обвиняли его в том, что с 1924 г. он якобы

71 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3151а. Л. 171.

72 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 41.

73 Там же. Л. 92.

74 Там же. Л. 96.

75 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3151а. Л. 246.

являлся руководителем киевской офицерской организации. Как фабриковалось обвинение на основе собственных признательных показаний арестованного, видно из составленной в период реабилитации жертв политических репрессий обзорной справки по делу Ольдерогге.

Отмечалось, что на допросе 24 декабря 1930 г. арестованный показал, что «в 1921 году он получил назначение на службу в военно-учебные заведения города Киева и пробыл там безвыездно до дня ареста.

С назначением его в 1924 г. на должность начальника школы Каменева он стал группировать вокруг себя бывших офицеров под видом игры в карты и скакового общества. В указанное общество входили бывшие офицеры: Минин, Сокольский, Иванов, Дмитриевский и другие, представлявшие из себя крепко спаянную контрреволюционную группу, “поставившие⁷⁶ себе целью уже активной борьбой с Советской властью способствовать ее свержению”. Таким образом, к 1925 году сложилось ядро контрреволюционной организации в Киеве во главе с Ольдерогге. Как показал Ольдерогге, была необходимость установить связи с организациями бывших офицеров в других городах и эмиграцией. Попытку установить связь с белоэмиграцией Ольдерогге предпринял на концерте артистки оперы Абелит, которой он порекомендовал пригласить на концерт польского консула, однако связь с консулом ему установить не удалось ввиду сложившейся неблагоприятной обстановки. Других попыток, как показал Ольдерогге, он не предпринимал, и участники организации решили устанавливать связи внутри СССР.

Находясь в 1925 г. в Москве на съезде представителей УВУЗ ГУРККА⁷⁷, он имел беседы с Суворовым, Никитиным и другими, пытаясь выяснить наличие в Москве контрреволюционной организации, однако установить ему организации из этих разговоров не удалось. К началу 1926 года, указывает Ольдерогге, в деятельности организации почувствовался спад и растерянность участников, и сам лично Ольдерогге стал отходить от организации, будучи захвачен новой работой по линии гражданских ВУЗов. В 1927 году связь с московской организацией установил Минин через Кононович-Горбацкого и Бонч-Бруевича, однако он лично (Ольдерогге) от руководства своей организацией отошел ввиду ощущения ее “беспочвенности” и занятости по службе. В числе

⁷⁶ В документе — поставившая.

⁷⁷ Управления военно-учебных заведений Главного управления РККА. На самом деле такая структура существовала с июля 1926 г. по февраль 1931 г.

руководства московской организации Ольдерогге назвал Кононович-Горбацкого, Бонч-Бруевича, Какурина, по Ростову — Верховского, по Ленинграду — Шатунова, Сокольского, по Житомиру — Штрombaха и других. Однако откуда и при каких обстоятельствах Ольдерогге стало известно об этих лицах, он не показал.

На допросе 25 декабря 1930 г. Ольдерогге назвал в числе руководства московской офицерской организации также Верховского, Лигнау, Снесарева и показал, что впервые об этой организации он узнал в 1925 году (на первом допросе показал, что в 1927 г., противоречие это не устранено).

Как на этом допросе, так и на последующих Ольдерогге дал обширные показания о деятельности киевской, московской контрреволюционных организаций бывших офицеров и их филиалов в других городах, назвал большое число участников этих организаций.

Однако в показаниях Ольдерогге отсутствует конкретность, и в большей части он ограничивается общим рассуждением о целях, деятельности и участниках организаций, ссылаясь на сведения, полученные им якобы от третьих лиц...

В приобщенных к делу Ольдерогге оперативных материалах данных о причастности Ольдерогге к контрреволюционной организации до его ареста не имелось»⁷⁸.

По делу «Весна» проходили многие лица, в разное время служившие в школе имени Каменева, в том числе объекты наблюдения 1920-х гг. Помимо Ольдерогге это А. И. Батрук, Н. П. Блаудзевич, К. В. Гаевский, Е. С. Гамченко, Г. И. Иванов, И. В. Иванов, В. А. Ильин, Л. С. Карум, В. И. Кедрин, В. А. Кожин, С. Н. Кравцов, М. В. Лебедев, А. А. Мармылев, С. Д. Матвеев, М. С. Матиясевич, Н. И. Минин, Н. Л. Мянковский, В. А. Подчекаев, И. Н. Полозов, В. В. Ржевский, В. Ф. Ржечицкий, Ф. Т. Субботовский, К. В. Толмачев, Л. У. Чижун и другие⁷⁹. Всего — более двух десятков человек, имевших отношение к школе имени Каменева. Из них помимо Ольдерогге расстреляли Батрука, Гамченко и Г. И. Иванова.

При реабилитации Ольдерогге материалы наблюдения и другие документы были проанализированы сотрудниками Комитета государственной безопасности. Состав преступления в действиях представителей школы Каменева обнаружено не было. Реабилитировали В. А. Ольдерогге определением военного трибунала Киевского военно-

78 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 59 (77). Л. 264–266.

79 Там же. Л. 248.

го округа 30 апреля 1974 г. К этому можно добавить, что через обучение в школе имени Каменева прошла целая плеяда будущих советских военачальников, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны, то есть слушатели получали качественную подготовку.

В отличие от материалов дела «Весна», которые фальсифицировались следствием, документы агентурного наблюдения представляют собой в целом объективное свидетельство о настроениях бывших офицеров. Если там и существуют искажения, то лишь в связи с возможными попытками самих агентов представить ложные сведения в личных целях. Кроме того, нельзя исключать и провокационных действий. Глубокое изучение материалов агентурного наблюдения в перспективе позволит составить разностороннее представление о настроениях и повседневной жизни командного состава Красной армии. Немаловажно и установление судеб секретных сотрудников, в том числе вопрос применения к ним репрессий.

Агентурное наблюдение за группой преподавателей школы имени Каменева было достаточно плотным. По всей видимости, изученные нами документы не отражают всей полноты осуществлявшегося надзора. Проанализированные материалы наблюдения свидетельствуют о том, что преподаватели антисоветской подпольной работы не вели, приказы не саботировали, но были нелояльны Советской власти, а по высказываниям прямо ей враждебны. Это можно понять — военспецы сформировались и достигли карьерных высот еще до революции, большевистской идеологии не приняли и не разделяли. Их возмущала чуждая интернациональная риторика новой власти, попрание национальных традиций, агрессивное выкорчевывание русской истории, религии и культуры, засилье инородцев в партии власти.

Наблюдение показало, что, несмотря на Гражданскую войну, разделившую офицеров (впрочем, часто не стремившихся участвовать в братоубийственном конфликте), враждебности к белым поднадзорные военспецы не испытывали. Наоборот, поддерживали связи с белой эмиграцией и сравнивали, чье положение лучше. Не имея возможности выступить открыто против происходящего в стране, военспецы вынужденно ограничивались критическими разговорами и пассивным сопротивлением.

При внешней дряблости и инертности этой группы «бывшие» держались достаточно сплоченно, обладали боевым и организационным опытом (в том числе опытом вооруженной борьбы с большевиками), способствовали восстановлению в РККА офицерского духа, поддерживали связи с заграницей, в том числе с иностранными военными и, как уже отмечалось, с белоэмигрантами. Такие группировки

по всей стране таили потенциальную опасность для власти. Память об изломе Гражданской войны никуда не делась, «бывшие» «ничего не забыли». Очевидно, что никакой пощады партийным деятелям в случае обострения ситуации от офицерства ждать не приходилось. Многие военспецы в разговорах и не скрывали того, что ожидают начала внешней войны и надеются на освобождение от большевиков, причем готовы в случае войны поддержать даже противника.

Разговоры оставались разговорами, но в 1930-е гг. бывшие офицеры, продолжавшие служить в РККА, массово попали под каток репрессий. На основе изученных данных можно сделать вывод о том, что материалы оперативных разработок 1920-х гг. использовались при фабрикации дела «Весна» 1930–1931 гг., когда оказались арестованы многие из наблюдаемых. Самого Ольдерогге, несмотря на заслуги перед Советской властью и наличие ордена Красного Знамени, тогда расстреляли. Во второй половине 1930-х гг. «невычищенные» из РККА ранее попали под маховик «Большого террора». В конечном счете после нескольких волн репрессий многие потенциально нелояльные офицеры оказались уничтожены или изгнаны из армии. Однако массовые репрессии в отношении квалифицированных кадров обернулись проблемами с качеством командного состава Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны, а следовательно, дополнительными потерями населения СССР.

Источники и литература

Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ, Киев).

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.

Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Прометей, 2012. 332 с.

Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. 800 с.

Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков: Сага, 2011. Т. 1. 484 с.

Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М.: АИРО-XXI, 2013. 216 с.

Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел: Орелиздат, 2000. 560 с.

Смирнов А. От червонных старшин к красным лейтенантам. Украинизация Красной армии в 1923–1938 годах // *Родина*. 2015. № 1. С. 81–83.

Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ (Київ). 2002. № 1 (18).

Тинченко Я. Ю. Агенты и сексоты карательных органов среди бывших офицеров // Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков: Сага, 2012. Т. 4. С. 3–24.

Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

References

Vedomstvennyĭ arkhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy (GASBU, Kiev).

Ganin, A. V. *Povsednevnaia zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 680 s.

D'iakov, Iu. L., and Kolodnikova, L. P., and Bushueva, T. S. *Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931 gg.). Monarkhicheskie, natsionalisticheskie i kontrrevoliutsionnye partii i organizatsii v SSSR: ikh deiatel'nost' i otnosheniia s vlast'iu (1920–1931 gg.). Po dokumentam VCHK — OGPU*. Moscow: Prometeĭ, 2012, 332 s.

Kniga ucheta lits, sostoiavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrainy, t. 1. Khar'kov: Saga, 2011, 484 s.

Mel'tiukhov, M. I. *Krasnaia armiia i nesostoiavshaiasia revoliutsiia v Germanii (1923 g.)*. Moscow: AIRO — XXI, 2013, 216 s.

Minakov, S. T. *Sovetskaia voennaia ėlita 20-kh godov*. Orĕl: Orĕlizdat, 2000, 560 s.

Smirnov, A. "Ot chervonnykh starshin k krasnym leĭtenantam. Ukrainizatsiia Krasnoi armii v 1923–1938 godakh." *Rodina*, no. 1, 2015, s. 81–83.

"Sprava 'Vsesoiuznoi viis'kovo-ofitser's'koĭ kontrrevoliutsiĭnoi organizatsiĭi' (sprava 'Vesna', 1930–1931 rr.) za dokumentamy Derzhavnogo arkhivu Sluzhby bezpeky Ukraĭny'." *Z arkhiviv VUCHK — HPU — NKVD — KHB*, no. 1 (18), Kyĭv, 2002.

Tinchenko, Ia. Iu. "Agenty i seksoty karatel'nykh organov sredi byvshikh ofitserov." *Kniga ucheta lits, sostoiavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrainy*, t. 4, Khar'kov: Saga, 2012, s. 3–24.

Tinchenko, Ia. Iu. *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930–1931 gody*. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2000, 496 s.

Velikanova, O. V. *Razocharovannyye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg*. Moscow: ROSSPĖN, 2017, 295 s.

Zdanovich, A. A. *Organy gosudarstvennoĭ bezopasnosti i Krasnaia armĭia: Deiatel'nost' organov VCHK — OGPU po obespecheniiu bezopasnosti RKKK (1921–1934)*. Moscow: Kuchkovo pole, 2008, 800 s.

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“Currently it is in general risky to be friends with anybody”: The military specialists of Kiev United school of commanders of the Red army named after S. S. Kamenev under the supervision of state security agencies in 1924–1926

The article is devoted to the analysis of the materials of agent monitoring on former officers who served in the mid-1920s in the Kiev United school of commanders of the Red army named after S. S. Kamenev. These documents are stored in the Departmental archive of the Security Service of Ukraine and have not yet been subjected to an in-depth study by specialists. Meanwhile, the materials of intelligence surveillance are a fairly objective historical source about the moods of former officers. The analysis of the observation data allowed to draw conclusions about the mood of military experts of the Kamenev school and their attitude to the Soviet power. The study of the materials of agent surveillance in the future will make a comprehensive view of the moods and everyday life of the Red army commanders. The focus of the observers was the former major general Vladimir Alexandrovich von Oldergogge, as well as his entourage. Intelligence surveillance showed that the professors did not conduct anti-Soviet underground work, but were disloyal, and in their statements directly hostile to the authorities. Hostility toward the White military experts was not experienced. On the contrary, former officers kept in touch with the white emigration and compared whose situation was better. Not being able to speak openly against the situation in the country, the military experts were forced to passive resistance.

Keywords: *Red Army, Joint State Political Directorate (OGPU), military specialists, the Ukrainian SSR.*

УДК 94(47).04; 94 (477).
ББК 63.3(2)45

В. С. Великанов
Журнал «Старый Цейхгауз»
(Москва, Россия)

Чигиринский поход кн. Г. Г. Ромодановского в 1676 г.: низложение гетмана П. Д. Дорошенко и установление формального контроля над Правобережьем

К началу 1676 г. правобережный гетман П. Д. Дорошенко находился в сложных отношениях с Османской империей, верховенство которой он признавал, а также потерял поддержку большей части старшины и казачества. Однако несмотря на его очевидную слабость российское правительство некоторое время не решалось прибегнуть к силовому установлению своей власти на Правобережье. Лишь убедившись, что основные силы турецко-татарской и польско-литовской армии летом 1676 г. были связаны боями на Днестре, белгородскому воеводе кн. Г. Г. Ромодановскому в июле был дан указ двинуться к Чигирину и, по возможности, бескровно принудить П. Д. Дорошенко к капитуляции. Дорошенко, чьи войска уступали численностью объединенной группировке Ромодановского и левобережного гетмана Ивана Самойловича, был вынужден принести присягу на верность царю и сложить с себя полномочия гетмана. В его столице Чигирине был размещен царский гарнизон, а сам бывший гетман отправлен в почетную ссылку в Россию. Низложение Дорошенко и занятие Чигирина привело к непосредственному вооруженному противостоянию между Россией и Османской империей в 1677–1678 гг.

Ключевые слова: *Правобережная Украина, Русско-турецкая война 1672–1681 гг., Польско-турецкая война 1672–1676 гг., гетман П. Д. Дорошенко.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.2.01

Политические обстоятельства низложения правобережного гетмана П. Д. Дорошенко и занятия гетманской столицы Чигирина в сентябре 1676 г. хорошо освещены в отечественной историографии¹. Однако детали

1 Костомаров Н. И. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича // *Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования*. СПб., 1882. Т. 15; Ходырева Г. В. Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турци-

похода царских войск под командованием кн. Г. Г. Ромодановского в августе — октябре 1676 г., получившего в делопроизводстве последней четверти XVII в. название «Первого Чигиринского», до настоящего времени слабо изучены, и ввод в научный оборот дополнительных источников позволяет уточнить и дополнить имеющиеся сведения об их составе и действиях. Необходимо заметить, что в числе участников Чигиринского похода 1676 г. был и полковник полка комарицких драгун Петр (Патрик) Гордон, известный своими подробными дневниками, описывающими события российской истории второй половины XVII в., однако, к сожалению, его дневниковые записи за 1676 г. не сохранились².

В соответствии с Андрусовским договором 1667 г., завершившим войну 1654–1667 гг. между Речью Посполитой и Россией, территория Украины оказалась фактически разделенной между двумя государствами по Днепру. Левобережье вместе с Киевом отошло под царскую власть, а Правобережье — осталось за Речью Посполитой. И если на Левобережной Украине подписание в марте 1669 г. Глуховских статей и избрание гетманом Д. И. Многогрешного принесли мир и спокойствие, то на Правобережье с 1669 г. началась борьба за контроль над регионом между Речью Посполитой и Османской империей. Гетман Правобережной Украины Петр Дорофеевич Дорошенко в том же марте 1669 г. признал себя вассалом турецкого султана и принес ему присягу. Речь Посполитая не признала потерю сюзеренитета над подвластной гетману территорией Украины, и с 1672 г. конфликт перешел в полномасштабную войну между Польшей и Турцией.

Первая война 1672 г. закончилась неудачно для Речи Посполитой. Она оказалась не готова к боевым действиям и 18 октября была вынуждена подписать Бучачский мирный договор, по которому Подольское воеводство становилось турецкой провинцией, на территории которой создавался новый Каменецкий эялет, а Брацлавское и южная часть Киевского воеводств оставались под властью гетмана П. Д. Дорошенко, который официально признавался вассалом султана³. Этот

ей в 1666–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 3 (65), и мн. др.

2 *Гордон П.* Дневник 1677–1678 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. редактор М. Г. Рыженков. М., 2005. С. 100.

3 *Kolodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th centuries): an annotated edition of *Ahdnames* and other documents. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 147–148, 496–514.

договор не был ратифицирован польским сеймом, и в апреле 1673 г. было принято решение о продолжении войны.

В свою очередь российское правительство решило воспользоваться моментом и попыталось воссоединить обе части Украины, правобережную и левобережную, под своей властью. В Москве считали, что после принесения П. Д. Дорошенко присяги турецкому султану и подписания Бучачского договора Варшава потеряла какие-либо права на Правобережную Украину, и российские претензии на эти территории не нарушают Андрусовский договор 1667 г.⁴ И 30 ноября 1672 г. в Москве было официально объявлено о начале войны с Турцией для возврата Правобережья «из-под ига агарянского»: «И ныне мы, великий государь [...] изволил на оборону святыя церкви и православных христиан на избавление [...] идтить своею государскою особою против неприятеля своего, турецкого салтана»⁵. Однако в 1672–1675 гг. российское правительство старалось избегать прямых военных действий против турок, предпочитая дипломатическими методами и военными демонстрациями добиваться добровольного принятия правобережными казаками царского подданства. В марте 1674 г. в Переяславле состоялась рада казаков «обоих сторон Днепра» (Левобережной и Правобережной Украины), на которой новым гетманом был избран левобережный гетман Иван Самойлович. Но приход в августе 1674 г. на Правобережье турецко-татарской армии и отступление царских войск обратно на левый берег Днепра привело к восстановлению в этом регионе власти П. Д. Дорошенко⁶.

Однако уже к середине 1675 г. позиции Дорошенко серьезно ослабли. Северо-западные регионы Правобережья находились под контролем поляков, а центральные и восточные — смотрели в сторону Москвы и гетмана И. С. Самойловича. Его власть еще формально признавали Чигиринский, Каневский и Черкасский полки, но фактически он контролировал лишь свою столицу Чигирин и сравнительно небольшую территорию с городами Богуслав, Тарговица, Корсунь, «а козацтва в них мало, только одни мещане», и те постоянно уходили

4 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АЮЗР). СПб., 1879. Т. 11. 1672–1674. Стб. 370.

5 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1857. Т. 6. 1670–1675. С. 253–254.

6 *Флора Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 77–83.

за Днепр, и у Дорошенко «никакова войска в зборе нет»⁷. Старшина и казаки во многих городках и местечках занимали выжидательную позицию, ожидая, кто же в итоге станет господином Правобережья: турки, поляки или россияне. При этом крестьянство массово переселялось на Левобережье, надеясь найти там защиту от бесконечных татарских набегов и внутренних междоусобиц. Уход подавляющей массы населения привел к тому, что польский посланник на переговорах с турками Ян Гиза в 1676 г. вообще предложил прекратить бессмысленную борьбу за Правобережье, так как оно почти полностью обезлюдело: одних «всех в плен [...] побрали», а другие «сами добровольно вышли все на московскую сторону»⁸.

В этой ситуации П. Д. Дорошенко собрал 10 октября 1675 г. в Чигирине Раду, на которой присутствовали запорожский кошевой атаман Иван Серко и донской атаман Фрол Минаев, где принес присягу на верность царю: «Присягу нашу со всем старшим и младшим Войска Запорожского товариством и посполством на вечное подданство его царскому пресветлomu величеству и на неразорванную дружбу и любовь брацкую... учинили есмы»⁹. Однако многие современники считали, что данный шаг со стороны П. Д. Дорошенко был не более чем попыткой выиграть время и дожидаться завершения польско-турецкого противостояния, после чего вновь присягнуть выигравшей стороне. В Москве это также хорошо понимали и не доверяли гетману, поскольку постоянно получали известия о его переговорах с поляками и турками¹⁰. Тем не менее царское правительство согласилось принять Дорошенко в свое подданство и предложило ему прибыть в Батурин для принесения повторной присяги. Дорошенко в свою очередь уклонился от личного приезда и отправил в Москву своего тестя П. Яненко, который доставил туда полученные от султана гетманские клейноды.

Известие о принесенной царю присяге и выдаче султанских клейнодов лишило П. Д. Дорошенко турецкой поддержки. Султанское правительство расценило этот шаг как измену и решило весной 1676 г. назначить новым правобережным гетманом сына Богдана Хмельниц-

7 Там же. С. 85. О массовом уходе населения на Левобережье см.: *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Нью-Йорк, 1985. С. 550–553.

8 *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 86.

9 АЮЗР. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 274.

10 *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 87–88. См. также письмо Ивана Самойловича от 19 октября 1675 г.: АЮЗР. Т. 12. Стб. 280–282.

кого Юрия (Юрася), который с 1669 г. содержался «на всякий случай» в Османской империи в одном из монастырей (официально назначен гетманом в феврале 1677 г.). После этого П. Д. Дорошенко окончательно остался в одиночестве, так как в Москве и Варшаве ему не доверяли, и вопрос отныне состоял лишь в том, кто (Польша, Россия или Турция) и когда лишит его остатков власти.

Первым к активным действиям перешел И. С. Самойлович. Зная, что войска у Дорошенко имеется не более 2–3 тыс. чел., он в середине марта 1676 г. направил к Чигирину черниговского полковника Василия Борковского (Бурковского) со сборным отрядом из выборных казаков нескольких полков (Черниговского полка полковника В. Борковского, Переяславского — Войцы Сербина, Прилуцкого — Лазаря Горленко, Гадячского — Федора Криницкого, Миргородского — Григория Гладкого, Сумского — Герасима Кондратьева и Кумпанейского полка Федора Молчана)¹¹. Однако в конце марта гетман получил известия, что турки планируют в этом году напасть на Киев («услышав, что царское величество московское от Дорошенко присягу, санжаки и алмут принял, възъярился зело, и для того болши войска под Киев посылать хочет») и 40-тысячная крымская орда под командованием сына султана Девлет-Гирея и нуррадин-султана Сафа-Гирея уже прибыла в низовья Днестра для совместного похода с турками на российские владения¹². Гетман П. Д. Дорошенко, узнав о скором подходе турецко-татарских войск, поспешил забыть о присяге, принесенной царю, и подтвердить свою верность султану и готовность к участию в совместном походе на Киев и Левобережье. В свою очередь в Стамбуле решили пока отложить вопрос о смещении «переменчивого» гетмана (в 1676 г. их основные планы были связаны с продолжением войны с Речью Посполитой) и дать ему возможность своей службой доказать верность султану. Получив эти известия, И. С. Самойлович тут же отозвал обратно отряд В. Борковского и сообщил о турецких планах в Москву.

Царское правительство всерьез восприняло угрозу турецко-татарского наступления и для предстоящей кампании 1676 г. планировало направить на Украину почти 70-тысячную армию. Общее командование было поручено боярину князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому, который на тот момент уже почти два десятка лет практически бессменно руководил в должности воеводы Белгородского разрядного полка (с

11 АЮЗР. Т. 12. С. 596–598.

12 Там же. С. 570–571.

1669 г. также и Севского разрядного полка)¹³ российскими силами на южном (украинском) направлении. Главная армия (55–60 тыс. чел.) под его непосредственным командованием должна была собраться в Курске. В ее состав первоначально были назначены в полном составе Белгородский и Севский разрядные полки, 4 полка рейтар из центральных регионов, оба московских выборных солдатских полка (полк А. Шепелева в полном составе и 1200 чел. полка М. Кровкова), 8 приказов московских стрельцов, рязанские дворяне и дети боярские «всех станов» (2572 чел.), смоленские шляхта и рейтары и тысяча башкир¹⁴. Товарищами кн. Г. Г. Ромодановского стали его сын князь Михаил Григорьевич Ромодановский, окольный Петр Дмитриевич Скуратов и генерал-поручик Венедикт Андреевич Змеев¹⁵. Планировалось, что еще два отряда будут прикрывать великороссийские рубежи и служить в качестве резерва для главной армии: в Путивле — боярина князя Василия Васильевича Голицына, в Рыльске — его сходного воеводы стольника Михаила Львовича Плещеева. Отряд Голицына должен был насчитывать 8,9 тыс. чел.: 623 московских чина, 3704 городских дворянина и детей боярских, 885 смолян (смоленской, бельской и рославской шляхты и смоленских рейтар полковника Ивана Полуехтова), 2343 рейтара и драгуна в рейтарских полках Федора Андреевича Зыкова и Степана Епифановича Уварова, а также 1390 московских стрельцов приказов Дмитрия Лаговкина и Якова Лутохина¹⁶. В товарищи Голицыну были назначены окольный князь Григорий Афанасьевич Козловский и думный дворянин Андрей Васильевич Толстой. Отряд сходного воеводы Голицына, М. Л. Плещеева, должен был состоять из всего около 2,5 тыс. чел.: 1894 городских дворянина и детей боярских и 600 московских стрельцов приказа Аксентия Писарева¹⁷. В. В. Голицын 14 мая был «у великого государя у руки», а на службу из Москвы выехал 28 мая, прибыв в Севск 26 июня¹⁸. Ромодановский был «у царской руки» 15 мая и уже на следующий день отбыл к месту службы. В начале мая П. Д. Скуратов получил указ идти «в сход»

13 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. № 250. Л. 114.

14 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 827. Л. 1011–1014.

15 Там же. № 848. Л. 2.

16 Там же. Л. 606–607.

17 Там же. Л. 607–608.

18 Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М., 1791. Ч. 17. С. 293.

к Г. Г. Ромодановскому¹⁹, но уже 20 мая он был «по болезни» отпущен в Москву, а на его место назначен думный дворянин Иван Иванович Ржевский и его сын стольник Алексей Ржевский²⁰.

Полученные весной Самойловичем сведения о концентрации под Чигирином татар и их планах нападения на Левобережье оказались сильно преувеличенными, и основные боевые действия развернулись в 1676 г. на Днестре между турками и поляками. В июле крымские татары вместе с турецкой армией Ибрагим «Шайтан»-паши двинулись в Подолию и на Львов, где их готовились встретить польско-литовские войска короля Яна III Собеского. Боевые действия сложились неудачно для поляков. Их армия была блокирована в сентябре в лагере у Журавно на правом («турецком») берегу Днестра²¹, и 17 октября 1676 г. король Ян III Собеский был вынужден подписать мирный договор, который подтверждал практически все условия Бучачского соглашения 1672 г. и по которому вся Правобережная Украина (кроме Белоцерковского и Паволочского округов) переходила под власть Турции, при этом Брацлавское и южная часть Киевского воеводств оставались под властью Дорошенко²².

В Москве весной — летом 1676 г. внимательно следили за развитием событий на Правобережье, ожидая, когда окончательно определятся планы турок и крымских татар. Параллельно продолжались переговоры с польскими посланниками о возможном антитурецком союзе. 10 июля 1676 г. королевский посланник К. Чихровский предложил направить одну царскую армию на помощь войскам короля Яна III Собеского, а другую — «воевать Дорошенко, чтоб конечно его разорить»²³. В Москве не до конца доверяли полякам и были не готовы вступить в прямое столкновение с турками на стороне Речи Посполитой, но посчитали текущий момент удобным для смещения П. Д. Дорошенко. 19 июля Г. Г. Ромодановскому был отправлен царский указ идти из Курска со своими войсками на правый берег Днепра «со всякою осторожностью разведывая о неприятельских людях» и «над Дорошенко промысл учинить», заставив его вернуться в цар-

19 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 827. Л. 631–632.

20 Там же. № 848. Л. 3.

21 О кампании 1676 г. см: *Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. Т. 2. S. 230–287.*

22 *Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations... P. 515–527.*

23 *Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 88.*

ское подданство и подтвердить принесенную ранее присягу. Причем действовать надлежало по возможности бескровными методами, в частности, Чигирин предлагалось принудить к сдаче голодом, не дав собрать урожай хлеба в окрестностях города²⁴.

Получив царский указ, Г. Г. Ромодановский отправил 25 июля к гетману Ивану Самойловичу стольника и полковника Григория Косагова для выработки совместного плана действий²⁵. Косагов вернулся обратно 6 августа вместе с гетманским бунчужным Леонтием Полуботком, привезя письмо гетмана с подтверждением о готовности к походу за Днепр на Дорошенко и предложением соединить царские и гетманские войска между Ромнами и Гадячем. Также Самойлович сообщал последние известия, полученные из Польши: король Ян Собеский отправил в Стамбул гонцов с извещением о готовности заключить мир на условиях уступки османам Каменец-Подольского, а также Подолии и Украины. Гетман писал, что если поляки договорятся с турками о мире, то существует опасность их совместного наступления на Киев и Левобережную Украину уже в августе 1676 г. В этой связи Ромодановский сообщал 10 августа в Москву, что в случае подтверждения этих известий он и гетман готовы защитить Киев («против тех неприятелей стоять и чинить отпор будем»). Если же эти известия окажутся ложными, то он и Самойлович пойдут на правый берег Днепра «над Дорошенко промысл чинить», для чего он просил прислать из Киева к Каневу 30 больших судов для организации переправы²⁶.

Это были не единственные тревожные сообщения. 10 августа в Москве получили пересланное В. В. Голицыным сообщение от лубенского полковника Ивана Федорова и гетмана Ивана Самойловича о том, что крупные силы крымских татар подошли к дорошенковской столице и готовятся к рейду на Левобережье: «Орда не в малых силах, будто и сам хан с двумя салтаны к Чигирину идет, а уж один салтан под Чигирин пришел и на урочище Иркля близ Чигирина тому несколько дней стоит; а самого хана сказывают от салтана в 5 верстах от Ирклии, а в Чигирин для запасов многие приезжают татаровя [...] а замысл де их бусурманской подлино будто на сю сторону Днепра [...] на три части под наши великого государя города подступити». Также к П. Д. Дорошенко пришли отряды запорожцев, но сам кошевой атаман И. Серко от объединения с гетманом и ханом уклонился. Тот же источник сообщал, что турки

24 АЮЗР. Т. 12. Стб. 716.

25 Там же. Стб. 720.

26 Там же. Стб. 722–723.

настаивали на скорейшем совместном походе Дорошенко и хана на Левобережье, но гетман просил дать ему еще время на подготовку и сбор войск, хотя и дал приказ своим сердюкам быть готовым к выступлению в течение недели²⁷. В середине августа крымские татары ушли на Днестр для участия в совместных с турецкой армией боевых действиях против польско-литовских войск короля Яна III Собеского, и совместный поход дорошенковцев и татар на Левобережье так и не состоялся.

В связи с этим уже 11 августа из Москвы к Ромодановскому был послан указ совместно с Самойловичем внимательно следить за обстановкой и самостоятельно действовать по обстоятельствам («...чинили в ратных делах раденье и промысл [...] применяясь к тамошним делам и по своему размотрению, как вас Господь Бог вразумит»)²⁸. Этот указ был доставлен в действующую армию 19 августа, когда войска Ромодановского были уже на пути к Чигирину²⁹. Опытный воевода решил, с учетом ранее полученных вестей о возможном совместном нападении крымских татар и дорошенковцев на Левобережье, как можно скорее выйти к Днепру в районе впадения в него реки Сулы и помешать противнику переправиться через реку. 11 августа он выступил из Курска, 30-го соединился с войсками Самойловича в районе Лохвиц (между Ромнами и Гадячем) и ускоренным маршем двинулся дальше к Днепру, куда передовые отряды подошли уже 1-го сентября.

2 сентября, не доходя несколько верст до Днепра, кн. Г. Г. Ромодановский провел смотр своей армии (см. *Приложение, Таблицу 1*). По сравнению с первоначальными планами в составе его войск произошли небольшие изменения, и всего у него в наличии имелось (с учетом «нетчиков» и отставших) 32,3 тыс. царских ратных людей (включая 16,9 тыс. конных, 11,4 тыс. пеших и 4 тыс. слободских казаков) при 4 мортирах («верховых пищалях») и 121 полковом орудии (37 — в московских выборных полках, 80 — в белгородских и 4 — в севских)³⁰. Войска гетмана Самойловича насчитывали около 15–20 тыс. казаков. Таким образом, всего под командованием Ромодановского находилось около 50 тыс. чел. Кроме этого, в Путивле и Рыльске находился резервный корпус В. В. Голицына, насчитывавший около 9–10 тыс. чел.

27 Там же. Стб. 717.

28 Там же. Стб. 717–718.

29 *Новохатко О. В.* Разряд в 185 году / отв. ред. Н. Ф. Демидова. М., 2007. С. 114.

30 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 848. Л. 608–623, 637.

К этому моменту П. Д. Дорошенко остался практически без войск и средств к обороне. Почти все набранные Дорошенко вербованные полки (сердюки) из-за отсутствия оплаты пришли в полное расстройство, в них началось массовое дезертирство. Ушедшие со службы сердюки занимались разбоем на Правобережье либо уходили на левый берег Днепра. В частности, в двух сердюцких полках, бывших в Чигирине, по словам киевского жителя Александра Гурского, побывавшего в городе в начале августа 1676 г., имелось в наличии всего несколько сотен человек: «В то время Дорошенко был в Чигирине, а при нем сердюков человек с 200, и те голодны и наги, и многие пошли для прокормления на переяславскую сторону в разные города, а иные сердюки по десяти и по двадцати человек пошли по разным дорогам для разбою, для того что Дорошенко им платы не дает и дать нечево [...], у него хлеба мало и голодно»³¹. В самой гетманской столице не имелось достаточно артиллерии и припасов для обороны. Всего в Чигирине имелось 59 пушек, в том числе 55 в замке («В верхнем городе по городу и по сараям и в погребе медных и железных 29 пицалей, да пушка медная верховая, 4 пицали железных гранатных, да 18 пушек медных лучших, а у них запалы рассечены, да 3 пушки медные раздуваны») и 4 — в «Нижнем городе» («по нижнему городу и по [городским] башням 3 пушки медные» и одна железная пушка на городском рынке)³². У 18 крупнокалиберных пушек, собранных еще Богданом Хмельницким со всех захваченных польских крепостей, были «рассечены запалы» (т. е. запальные отверстия были значительно расширены, что делало практически невозможным их использование), а еще у трех взрывами раздуты стволы. Впоследствии царские власти подозревали, что эти орудия были сознательно приведены в негодность дорошенковцами перед сдачей города, но Самойлович смог убедить российскую сторону, что повреждения связаны с их длительной эксплуатацией и старостью: «Никто де их не россекал, а паче ж сами от пороху, что давно деланы и часто из них стреливали — порозорвались». Гетман напомнил, что у Дорошенко было еще больше таких «рваных» пушек, которые он частично «перелил в колокола»³³. В любом случае, из 59 пушек 21 (в том числе все крупнокалиберные) была непригодна к употреблению. Кроме этого, к оставшимся орудиям фактически отсутствовали боеприпасы. В местном цейхгаузе после

31 АЮЗР. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 714. Указание на два сердюцких полка, бывших в Чигирине: АЮЗР. Т. 12. Стб. 750.

32 РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 5. № 139. Л. 1–2.

33 АЮЗР. Т. 13. Стб. 28, 38.

взятия крепости было обнаружено всего 60 пустых гранатных ядер, 55 пустых ручных гранат, 17 бочек пороха, 4 бочки селитры и 10 — серы³⁴. Отсутствие ядер к пушкам дополнялось ветхостью их лафетов: «А пушечные станки и колеса огнили, станков и колес оковать нечем, и к городovým воротам затворы зделать и замкнуть пробоев и запопов не в чем — железа нет»³⁵. Состояние городских укреплений также оставляло желать лучшего: «Верхний город рублен в тарасы, и обламы и мосты огнили и опали, в приход неприятельских людей по городу и по выводам по причинным местам пушек поставить и людей развести немочно. А Нижнего города от Наугольной башни от болоты и от реки Тясмины до Верхней город 632 сажени, и острог и замет худ, в иных местах обвалился, а инде и нет. А как река Тясмин станет льдом, и от болота и от реки никакие крепости нет, и в приход неприятельских людей сидеть не в чем»³⁶. Кроме этого, в замке отсутствовали запасы продовольствия и фуража. В этих условиях Дорошенко понимал, что у него нет сил и возможностей к сопротивлению, и был вынужден терпеливо ожидать подхода Ромодановского, надеясь либо в ходе переговоров как-то облегчить свою дальнейшую участь, либо затянуть время и дожидаться помощи от турок и крымских татар. Оставшаяся при нем казацкая старшина и чигиринские мещане также выступали против вооруженного сопротивления царским войскам.

Еще не доходя до Днепра, Ромодановский и Самойлович отправили из Лохвиц на правый берег отряд полковника стольника Г. И. Косогова (1,5 тыс. копейщиков и рейтар) и гетманского бунчужного Леонтия Полуботка (Гадяцкий, Миргородский и Лубенский полки, конный наемный полк И. Новицкого и надворная хоругвь самого гетмана), общей численностью около 8–10 тыс. чел. Сам воевода вместе с гетманом встали лагерем на левом берегу Днепра у местечка Городище напротив Крылова, при этом жители Крылова и соседнего местечка Вороновка переправились через Днепр и встретили их за 5 верст от реки и «великому государю в винах своих добили челом и на верное и вечное подданство веру чинили»³⁷.

34 РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 5. № 139. Л. 3–4.

35 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 529. Столп. I. Л. 10–11; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин // *Гордон П.* Дневник 1677–1678... С. 193.

36 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 529. Столп. I. Л. 4; *Малов А. В.* Московские выборные полки... С. 193.

37 АЮЗР. Т. 12. Стб. 729.

Косагов вместе с Полуботком подошли к Чигирину 12 сентября, и после устроенной им вооруженной демонстрации («подступили под город и учинили бой»)³⁸ отправили Дорошенко царскую грамоту с указанием сдать булаву добровольно, «не допуская себя до разорения и напрасно невинных христианских крови пролития»³⁹. 14-го числа из города вышла делегация местных жителей, торжественно присягнувших на верность царю («на верное и вечное подданство Дорошенко со всеми чигиринскими жителями веру учинили и в винах своих добились челом»)⁴⁰. Вместе с чигиринцами царским войскам сдался и сам Дорошенко, у которого уже не было сил и возможностей для сопротивления. Тем не менее он направил к Ромодановскому и Самойловичу своего двоюродного брата Т. Дорошенко и войскового писаря М. Вуяхевича в попытке договориться о приемлемых условиях капитуляции. Формально на переговорах речь шла о сохранении «прав и вольностей войсковых», но на самом деле гетмана беспокоила исключительно собственная судьба. Посланникам Дорошенко были даны гарантии сохранения гетманом и его приближенными личной свободы и всего имущества, а также выделения ему «на кормление» трех городков на Левобережье: Сосницы, Мены и Березны⁴¹.

Получив необходимые обещания относительно собственной дальнейшей судьбы, Дорошенко 19 сентября переправился через Днепр и вместе с многочисленной свитой («со всею старшиною своею и с товариством и с серденятами» — всего около двух тыс. чел.) приехал в лагерь к Ромодановскому и Самойловичу у местечка Городище, где торжественно принес присягу на верность царю и передал царскому воеводе символы гетманской власти: «Петр Дорошенко ис Чигирина со всею старшиною и с пехотными сердюцкими полками приехал к ним в обоз сентября в 19 день и пред святым христовым евангелием [...] веру учинили на том, что ему, Петру, з чигиринскими жителями и со всем городом и землями и с мести и с местечки быть под его, великого государя, самодержавною рукою в вечном подданстве, и клейноты войсковые им он, Петр, отдал»⁴². Фактически с юридиче-

38 Там же. Стб. 749.

39 *Ходырева Г. В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины... С. 129.

40 АЮЗР. Т. 12. Стб. 729; *Смолий В., Степанков В.* Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011. С. 602–603.

41 АЮЗР. Т. 12. Стб. 795; *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко... С. 608.

42 *Петровський М.* Нариси історії України XVII — початку XVIII століть. (Досліди над Літописом Самовидця). Харків, 1930. С. 325.

ской точки зрения речь шла о низложении Дорошенко и признании им решения Переславской рады 1674 г. об избрании Самойловича гетманом «обеих сторон Днепра».

Через несколько дней состоялось торжественное вступление царских войск в Чигирин. Князь Ромодановский от себя отправил своего сына Михаила (с ним «великого государя ратных людей тысяч с 10000: рейтарские полки, генерал поручик Венедихт Змеев (4 рейтарских полка воеводского полка В. А. Змеева. — В. В.), да генерал маеор Афонасей Траурнихт с полками (два рейтарских полка Севского разрядного полка. — В. В.), да драгунские полки»)⁴³. Гетман Самойлович принял участие в церемонии лично: его сопровождали около 8 тыс. левобережных казаков: Черниговский, Гадячский, Миргородский и Лубенский полки, охочеконный полк Ильи Новицкого и гетманская надворная хоругвь⁴⁴. Теперь уже бывший гетман Дорошенко с небольшой свитой в 70 человек встретил М. Г. Ромодановского и Ивана Самойловича в 3 верстах от Чигирина и проводил в город. После торжественной церемонии в соборной церкви, с молебным пением и пушечным салютом, он передал своим победителям ключи от города и казну.

Всех дорошенковских сердюков и значительную часть старшины (включая И. Мазепу, М. Вуяхевича, Я. Лизогуба, И. Скоропадского и многих других лиц, которые еще сыграют значительную роль в истории Украины) гетман Самойлович взял на службу, дав высокие должности в своей администрации. Данное решение может показаться странным, но на тот момент молодому гетману (по данным А. С. Алмазова он родился в январе 1642 г. в семье священника в волыньском местечке Ходоркове, и в 1676 г. ему было чуть меньше 35 лет)⁴⁵, не имевшему широкой поддержки среди левобережной старшины и казачества, необходима была собственная группа сторонников, не имеющая «корней» на Левобережной Гетманщине и зависящая лично от него. Кроме этого, наличие в его администрации выходцев с Правобережья позволяло ему в перспективе претендовать на роль объединителя Украины «обеих сторон Днепра». Примечательно, что именно бывшие «дорошенковцы» составили в 1687 г. костяк заговора, приведшего к смещению и аресту И. С. Самойловича.

43 АЮЗР. Т. 12. Стб. 747.

44 Там же. Стб. 748.

45 Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 30.

В занятом Чигирине был оставлен гарнизон из царских ратных людей и левобережных казаков. В «Верхнем городе» (замке) разместились российские войска, а казаки — в «Нижнем городе». Первым комендантом города стал подполковник Первого московского выборного полка Иван Кириллович Захаров. Вместе с ним в гарнизон Чигирина в 1676 г. была назначена его «тысяча» (шквадрона), насчитывавшая около 1200 чел. Иван Самойлович от себя оставил 1000 казаков Черниговского полка под командой своего наказного гетмана Василия Борковского, которых уже 1 ноября должна была сменить тысяча казаков Гадячского полка Федора Криницкого. Их, в свою очередь, в конце декабря должны были сменить казаки Миргородского полка Павла Апостола⁴⁶.

Сам П. Д. Дорошенко до конца октября оставался в Чигирине как частное лицо, после чего с семьей и свитой выехал на Левобережье. Позднее, в марте 1677 г., бывший гетман был отправлен в Москву, где проживал на казенном содержании и в 1682 г. был назначен воеводой в Вятскую землю. В 1684 г. Дорошенко получил в вотчину село Ярополец под Волоколамском, где и прожил до самой своей смерти в ноябре 1698 г.⁴⁷ Больше в политической жизни Украины он уже не участвовал...

Разместив в Чигирине царский гарнизон, Г. Г. Ромодановский отвел свои войска на левый берег Днепра, так как Правобережье было сильно разорено и там было невозможно найти необходимое продовольствие и конские корма. 27 сентября в Москве была получена отписка воеводы о том, что с наступлением осени («пришла ныне пора осенняя») его войска начали испытывать недостаток в снабжении. Поскольку задача по приведению под царскую руку Дорошенко успешно решена, а Киеву и Левобережью не угрожают неприятельские нападения, Ромодановский просил разрешения распустить своих ратных людей по домам. Уже 30 сентября воеводе был отправлен царский указ с разрешением отвести войска «в прежние места» и, проведя итоговый смотр, отпустить их со службы⁴⁸. Получив царское разрешение, глав-

46 АЮЗР. Т. 12. Стб. 734, 746, 748, 753, 811.

47 *Кочегаров К. А.* К истории пребывания в России гетмана П. Д. Дорошенко в 1677–1685 годах // Славяноведение. 2013. № 2. С. 17–33; *Таурова-Яковлева Т. Г.* Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // Terra cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. Київ, 2007. С. 223–232.

48 *Новохатко О. В.* Разряд в 185 году. С. 189.

нокомандующий не стал медлить и уже в середине октября увел свои войска в великороссийские пределы, где распустил их по домам.

Успешное завершение Чигиринского похода позволило отпустить со службы и остальные царские отряды. Аналогичный указ со стольником М. А. Толстым был отправлен 29 сентября В. В. Голицыну, который со своими войсками в 1676 г. простоял в Путивле, где занимался починкой и строительством городских укреплений. Воеводе предписывалось провести смотр своих войск и, оставив в Путивле на всякий случай («по вестям») на зиму отряд окольничего князя Г. А. Козловского (5 приказов московских стрельцов, городовые дворяне, дети боярские, казаки 4 северских городов и комарицкие драгуны полка Андрея Гамолтона), отпустить остальных ратных людей своего воеводского полка по домам. Проведя смотр и оставив на службе полк Козловского, 10 октября В. В. Голицын выехал в Москву⁴⁹.

Капитуляцию Дорошенко и занятие столицы правобережных гетманов Чигирина царское правительство рассматривало как важную военно-политическую победу, которая должна была закрепить Правобережье за Российским государством. Все участники похода получили различные награды. Князь Г. Г. Ромодановский за многочисленные походы на Правобережье в 1672–1676 г. и победный финальный аккорд получил в вотчину село Ромодановское с 285 дворами, прибавку в 100 рублей денежного оклада и богатые подарки (этому предшествовала долгая переписка между ведомствами, для того чтобы определить достойный размер награды, соответствующий такому случаю). Также денежные подарки, шубы, кубки и соболей получили его сын Михаил, И. И. Ржевский и В. А. Змеев. Не были забыты и остальные участники похода: земельными и денежными дачами были награждены все офицеры, а также все московские чины и городовые дворяне и дети боярские, служившие как в «сотенной службе», так и полках «нового строя»⁵⁰.

Однако уже после отпуска царских людей со службы в октябре 1676 г., были получены известия о возможном турецко-татарском наступлении на Чигирин, в связи с чем было принято решение об усилении гарнизона «тысячей» Второго московского выборного солдатского полка под командованием его полковника М. О. Кровкова, который стал новым чигиринским воеводой. Он получил царский указ о своем назначении 9 октября, когда находился уже на обратном пути в Москву, в 15 верстах от Сум. После участия в походе этого года его

49 Древняя российская вивлиофика. Ч. 17. С. 294–296.

50 Там же. С. 338–339.

ратные люди находились не в самом лучшем состоянии: «Начальные люди и урядники и солдаты наги и боси, и голодны; а под пушки и под казною лошади пристали, волочем на себе». Тем не менее Кровков немедленно повернул обратно, так как «Чигирин дело великое и великому государю надобен для обереганья и шатости обою стран Днепра-реки и для вести и приходу крымских людей»⁵¹. Новый воєвода прибыл в город 29 октября 1676 г.

На этом фактически закончился Первый чигиринский поход 1676 г. Российское правительство решило воспользоваться тем, что польские и турецкие войска были заняты на Днестре, и решить «проблему Дорошенко». Правобережный гетман к этому моменту успел испортить отношения со всеми потенциальными сюзеренами и остался в одиночестве, не имея сил и средств для продолжения борьбы. В результате поход объединенной армии кн. Ромодановского и Самойловича завершился бескровной капитуляцией Дорошенко и сдачей его столицы Чигирина, куда был введен царский гарнизон. Однако установление формального контроля над Правобережьем не принесло мир и спокойствие на правый берег Днепра, а, наоборот, лишь обострило взаимоотношения России с Речью Посполитой и Турцией. В своих отношениях с поляками царское правительство опиралось на собственную интерпретацию Андрусовского договора, отстаивая свое право присоединять земли Правобережья, захваченные османами и их ставленником Дорошенко⁵². Речь Посполитая была не готова согласиться с этим, и лишь тяжелое поражение в войне с турками 1672–1676 гг. удержало ее от излишнего обострения отношений с Российским государством, вынудив ограничиться лишь дипломатическими демаршами в адрес Москвы. Турецкий султан, несмотря на фактическую измену Дорошенко (неоднократное принесение им присяги царю), также не собирался отказываться от сюзеренитета над Правобережьем и продолжал считать правобережных казаков своими подданными. Поэтому уже в феврале 1677 г. новым гетманом был назначен Ю. Б. Хмельницкий, а турецкие войска и крымский хан получили султанский указ готовиться к походу на Чигирин. В итоге низложение Дорошенко и занятие Чигирина привело к эскалации российско-турецкого противостояния, которое вылилось в прямое военное столкновение этих двух держав в 1677–1678 гг.

51 *Лукьянов Г. Г.* Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. М., 1905. С. 56–57.

52 *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 89.

Приложение
Таблица 1. Смотр армии кн. Г. Г. Ромодановского
2 сентября 1676 г.⁵³

Категории ратных людей	Списочная численность по наряду	Налицо на смотре 2 сентября 1676 г.	Процент явки
московских чинов	225	161	72%
резанцев всех станов	2572	819	32%
Всего	2797	980	35%
<i>По наряду из Рейтарского приказа</i>			
<i>Рейтарского строя</i>			
генерал-поручик Венедикт Змеев ¹	3213	2768	86%
полковник и стольник Андрей Чубаров	1210	738	61%
полковник Иван Чернышев	1204	377	31%
полковник Федор Беклемишев	1189	395	33%
Всего в 4 полках	6816	4278	63%
<i>По наряду из Стрелецкого приказа</i>			
<i>Московских выборных полков</i>			
полковник Аггей Шепелев	2917	3020	104%
полковник Матвей Кровков	1459	1291	88%
Всего	4376	4311	99%
<i>Белгородского полку</i>			
городовых дворян и детей боярских сотенной службы	1094	577	53%
начальных людей	501	403	80%
копейщиков ²	1364	861	63%
рейтар в 8 полках и шквдроне ³	8781	5848	67%
драгун в 1 полку ⁴	864	604	70%
солдат из даточных в 6 полках ⁵	8267	6255	76%

⁵³ Источник: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 848. Л. 608–623.

донских казаков	73	137	188%
московских стрельцов в приказе ⁶	726	675	93%
пушкарей	16	–	–
<i>Всего в Белгородском полку</i>	<i>21 686</i>	<i>15 360</i>	<i>71%</i>
Черкас в 5 полках ⁷	10 963	3 978	36%
<i>Всего в Белгородском полку русских и черкас</i>	<i>32 649</i>	<i>19 338</i>	<i>59%</i>
<i>Севского полку</i>			
городовых дворян и детей боярских сотенной службы	1852	983	53%
полковых казаков	675	46	7%
начальных людей	158	91	58%
Копейщиков ⁸	192	123	64 %
Рейтар ⁸	1 428	981	69 %
болховских драгун	96	96	100 %
комарицких драгун ⁹	905	858	95 %
Солдат ¹⁰¹⁰	681	195	29 %
<i>Всего в Севском полку</i>	<i>5 987</i>	<i>3 373</i>	<i>56 %</i>
<i>Итого:</i>			
<i>конных</i>	<i>27 596</i>	<i>16 866</i>	<i>61 %</i>
<i>пеших</i>	<i>14 066</i>	<i>11 436</i>	<i>81 %</i>
<i>Всего:</i>	<i>41 662</i>	<i>28 302</i>	<i>68 %</i>
<i>черкас</i>	<i>10 963</i>	<i>3 978</i>	<i>36 %</i>
<i>Считая с черкасами:</i>	<i>52 625</i>	<i>32 280</i>	<i>61 %</i>

1 Генеральский полк копейного, рейтарского и драгунского строя В. А. Змеева состоял из 6 копейных и 14 рейтарских рот, а также приданного 10-ротного комарицкого драгунского полка полковника Ю. Инглиса.

2 Копейный полк стольника и полковника Григория Косагова, при нем рейтарская шквадрона Еремея Марлета.

3 Рейтарские полки генерал-майора Франца Ульфа, полковников Михайло Гопта, Микиты Друмонта, Петра Стромичевского, Петра Скоржинского, Григория Полтева и Ягана Барова, а также «Тульский полк» и рейтарская шквадрона Еремея Марлета.

- 4 Драгунский полк полковника Любима Вяземского.
- 5 Солдатские полки генерал-майора Франца Ульфа, полковников Самойло Вестова, Артемия Росформа, Вигана Кригера, Елизария Кро и Ивана Англера.
- 6 Белгородский жилой московский стрелецкий приказ головы Ильи Левшина.
- 7 Сумский слободской черкасский полк полковника Герасима Кондратьева, Ахтырский — Демьяна Зиновьева, Острогожский — Кондратия Гаврилова, Харьковский — Григория Ерофеевича Донца, Балаклейский — Якова Черниговца.
- 8 Копейно-рейтарский полк генерал-майора Афанасия Траурнихта и рейтарский полк полковника Якова Тура.
- 9 Комарицкий драгунский полк полковника Патрика Гордона.
- 10 Солдатский полк полковника Якова Ронорта.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 827, № 848; Столбцы Московского стола. № 529. Столп. I; Столбцы Севского стола. № 250.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 5. № 139.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. М. Этингера, 1879. Т. 11. 1672–1674. 820 стб.; СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. Т. 12. 1675–1676. 874 стб.; СПб.: Тип. А.М. Котомина и К°, 1884. Т. 13. 1677–1678. 766 стб.

Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. 287 с.

Гордон П. Дневник 1677–1678 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Г. Рыженков. М.: Наука, 2005. 236 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. Т. 6: 1670–1675. 477 с.

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко / ред. Василь Омельченко. Нью-Йорк: The Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S., Ink., 1985. 712 с.

Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся, изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М.: в типографии Компании типографической, 1791. Ч. 17. 436, [2] с.

Костомаров Н. И. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. СПб.: Издание книгопродавца типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 15.

Кочегаров К. А. К истории пребывания в России гетмана П. Д. Дорошенко в 1677–1685 годах // *Славяноведение*. 2013. № 2. С. 17–33.

Лукьянов Г. Г. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. М.: Синод. тип., 1905. 184 с.

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677–1678 гг. // *Гордон П.* Дневник 1677–1678 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Г. Рыженков. М.: Наука, 2005. С. 185–204.

Новохатко О. В. Разряд в 185 году / отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 640 с.

Петровський М. Нариси історії України XVII — початку XVIII століть. (Досліді над Літописом Самовидця). Харків: Державне видавництво України, 1930. 454 с.

Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ: Темпора, 2011. 632 с.

Таурова-Яковлева Т. Г. Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // *Terra cossacorum*: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2007. С. 223–232.

Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 3 (65). С. 76–90.

Ходырева Г. В. Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 269 с.

Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th centuries): an annotated edition of *Ahdnames* and other documents. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 812 p.

Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze: Inforteditionis, 2009. Т. 2. 376 s.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow), fond 210, Razriadnyĭ prikaz. Stolbtsy Belgorodskogo stola, no. 827, 848; Stolbtsy Moskovskogo stola, no. 529; Stolp. I; Stolbtsy Sevskogo stola, no. 250.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow), fond 229, Maloros-siiskii prikaz, opis' 5, no. 139.

Akty, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei, t. 11, 1672–1674. Saint Petersburg: Tipografia M. Ètingera, 1879, 820 stlb.

Akty, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei, t. 12, 1675–1676. Saint Petersburg: Tipografia brat'ev Panteleevykh, 1882, 874 stlb.

Akty, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei, t. 13, 1677–1678. Saint Petersburg: Tipografia A. M. Kotomina i Co, 1884, 766 stlb.

Almazov, A. S. *Politicheskiĭ portret ukrainskogo getmana Ivana Samoïlovicha v kontekste russko-ukrainskikh otnosheniĭ (1672–1687 gg.)*. Moscow, 2012, 287 s.

Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei, t. 6, 1670–1675. Saint Petersburg: Tipografia Èduarda Pratsa, 1857, 477 s.

Doroshenko, D. *Het'man Petro Doroshenko*. Red. Vasyĭ Omel'chenko, New York: The Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S., Ink., 1985, 712 s.

Drevniaia rossiiskaia vivliofika, sodержashchaia v sebe sobranie drevnostei rossiiskikh, do istorii, geografii i genealogii rossiiskii kasaiushchikhsia, izdannaiia Nikolaem Novikovym, ch. XVII. 2nd ed., Moscow: v tipografii Kompanii tipograficheskoi, 1791, 436 + 2 s.

Florya, B. N. "Rossiia, Rech' Pospolitaia i Pravoberezhnaia Ukraina v poslednie gody getmanstva P. Doroshenko (1673–1677 g.)." *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3 (65), 2016, s. 76–90.

Gordon, P. *Dnevnik 1677–1678*. Perevod, stat., primech. D. G. Fedosova, otv. redaktor M. G. Ryzhenkov, Moscow: Nauka, 2005, 236 s.

Khodyreva, G. V. *Vzaimootnosheniia Rossii i getmanov Ukrainy s Turtsiei v 1666–1681 gg.*, PhD dissertation. Moscow, 2001, 269 s.

Kołodziejczyk, D. *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th centuries)*. An annotated edition of *Ahdnames* and other documents, Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000, 812 p.

Kochegarov, K. A. "K istorii prebyvaniia v Rossii getmana P. D. Doroshenko v 1677–1685 godakh." *Slavianovedenie*, no. 2, 2013, s. 17–33.

Kostomarov, N. I. *Istoricheskie monografiĭ i issledovaniia, t. 15, Ruina. Istoricheskaia monografiia, 1663–1687, Getmanstva Brukhovetskogo, Mnogogreshnogo i Samoïlovicha*. Saint Petersburg: Izdanie knigo-prodavtsa tipografa M. O. Vol'fa, 1882.

Luk'ianov, G. G. *Chastnaia perepiska kniazia Petra Ivanovicha Xovanskogo, ego sem'i i rodstvennikov*. Moscow: Sinodal'naia tipografiia, 1905, 184 s.

Malov, A. V. "Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroiu v bor'be za Chigirin v 1677–1678 gg." Gordon, P. *Dnevnik 1677–1678*, perevod, stat., primech. D. G. Fedosova, otv. redaktor M. G. Ryzhenkov, Moscow: Nauka, 2005, s. 185–204

Novokhatko, O. V. *Razriad v 185 godu*. Otv. red. N. F. Demidova, Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2007, 640 s.

Petrovs'kyi, M. *Narysy istorii Ukrainy XVII — pochatku XVIII stolit'*. (Doslidy nad Litopysom Samovydtzia). Kharkiv: Derzhavne vydavnytstvo Ukrainy, 1930, 454 s.

Smolii, V., and Stepankov, V. *Petro Doroshenko. Politychnyi portret*. Kyiv: Tempora, 2011, 632 s.

Tairova-Iakovleva, T. G. "Otravka byvshego getmana Petra Doroshenko v Moskvu." *Terra cossacorum: studii z davn'oï i novoï istorii Ukraini. Naukovyi zbirnyk na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Valerii Stepankova*, Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NANU, 2007, s. 223–232.

Wagner, M. *Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676*, t. 2. Zabrze: Inforteditionis, 2009, 376 s.

Vladimir S. Velikanov

Journal "Staryy Ceykhgauz" (Moscow, Russia)

Chigirin campaign of 1676 by G. Romodanovskiy:

The dethronement of Hetman P. D. Doroshenko and the establishment of the formal control on the Right-bank Ukraine

By the beginning of 1676, Hetman P.D. Doroshenko's relations with the Ottoman Empire, whose headship he recognized, were complicated, and he also had lost the support of most of his own Cossacks. But in spite of his weakness, the Russian government for some time delayed the military campaign to establish its own power in the Right-bank Ukraine. Only on making certain that in summer 1676 the main Turkish and Tatar forces are tied up by battles along Dniestr, the Belgorod voivode Prince G. G. Romodanovsky was given the order to march to Chigirin and whenever possible, to force P. D. Doroshenko to surrender without casualties. Doroshenko's forces were outnumbered by the joint troops of G. G. Romodanovsky and the Left-bank Hetman Ivan Samoylovich, and he was forced to take oath to the Tsar and then to resign on September of 1676. Tsar's garrison was quartered in Chigirin, Samoylovich's capital, and the latter was sent into honorable exile to Russia. His dethronement and the takeover of Chigirin led to the open hostilities between Russia and the Ottoman Empire in 1677–1678.

Keywords: *The Right-bank Ukraine, The Russo-Turkish war of 1672–1681, The Polish-Turkish war of 1672–1676, Hetman Peter Doroshenko.*

**Военно-политическая деятельность
коронного хорунжего и воеводы киевского Анджея Потоцкого
в 1667–1673 гг.**

Настоящая статья в контексте анализа механизмов функционирования институтов военной и политической власти в Речи Посполитой второй половины XVII в. реконструирует ранние этапы биографии Анджея Потоцкого — одного из крупнейших деятелей эпохи и богатейших магнатов восточных воеводств Польши. Отчасти его карьера была обусловлена принадлежностью к крупному аристократическому роду. Он был старшим сыном краковского воеводы и великого коронного гетмана Станислава «Реверы» Потоцкого, после смерти которого фактически возглавил род Потоцких. А. Потоцкий с молодости был тесно связан со своей родной Галицкой землей, неоднократно представлял ее на сейме. Благодаря поддержке такого влиятельного вельможи, как Ян Собеский, он получил должность киевского воеводы. В период правления короля Михала Корибута Вишневецкого (1669–1673) Потоцкий был активным участником антикоролевской оппозиции и близким союзником Собеского, став инициатором почти всех антиправительственных выступлений в войске. Он успешно командовал польскими отрядами в ходе польско-турецкой войны 1672–1676 гг., успехи в которой принесли Собескому корону (1674), упрочив позиции и самого Потоцкого, что в перспективе открыло ему путь к получению высших должностей — польного гетмана и краковского каштеляна.

Ключевые слова: *Анджей Потоцкий, Ян Собеский, политическая борьба, Речь Посполитая, шляхетская конфедерация, польско-турецкая война 1672–1676 гг.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.2.02

Анджей Потоцкий, краковский каштелян и польный гетман коронный, входил в число наиболее влиятельных вельмож Речи Посполитой в эпоху короля Яна III Собеского (правил в 1674 — 1696 гг.). Несмотря на значительный политический вес и влияние, историков мало интересовала его биография, которой посвящена лишь статья

Адама Пшибося в «Польском биографическом словаре»¹. Она дополняется небольшой заметкой Марека Вагнера, касающейся деятельности Потоцкого в качестве польного коронного гетмана². Между тем его фигура в той или иной степени часто появляется на страницах самых различных исследований, посвященных аспектам военно-политической истории Речи Посполитой второй половины XVII в.³

Чрезвычайно важным в политической карьере Анджея Потоцкого оказался период 1667–1673 гг., когда из-за принадлежности к профранцузской партии его политическая позиция резко усилилась. Это произошло благодаря поддержке сначала польного, а затем и великого коронного гетмана Яна Собеского, от которого с 1667 г. фактически зависело принятие всех решений, связанных с коронной армией. А. Потоцкий стал его близким сподвижником и в результате получил доступ в сенат в ранге киевского воеводы. Близость с Собеским означала вхождение Потоцкого в ряды антикоролевской оппозиции, ориентированной на Францию и выступавшей против нового короля Михаила Корибута Вишневецкого (правил в 1669–1673 гг.). Карьере Анджея Потоцкого в указанный период уделено значительное внимание в работе о роли коронной армии в политической борьбе 1669–1673 гг.⁴ Однако, несмотря на это, военно-политическая карьера киевского воеводы в этот период заслуживает отдельного исследования, поскольку через призму ее развития многие особенности функционирования политических и общественных институтов Речи Посполитой могут быть представлены и проанализированы более комплексно.

1 *Przyboś A.* Potocki Andrzej // *Polski Słownik Biograficzny* (далее — PSB). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982. Т. 27. S. 773–778.

2 *Wagner M.* Andrzej Potocki, hetman polny koronny (1684–1691) // *Wagner M.* «W cieniu szukamy jasności i chwały». *Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696)*. Siedlce, 2002. S. 49–60. Биография А. Потоцкого отсутствует даже в наиболее известном сборнике биографий коронных гетманов Речи Посполитой. См.: *Poczet Hetmanów Rzeczypospolitej. Hetmani Koronni* / red. M. Nagielski. Warszawa, 2005.

3 Масса упоминаний о Потоцком в связи событиями 1684 г., когда он получил булаву польного гетмана, содержится в работе А. Чарнецкой: *Czarnecka A.* Nikt nie słucha mnie za życia... Jan III Sobieski w walce z opozycyjną propagandą (1684–1696). Warszawa, 2009. S. 120–129. О получении Потоцким польной булавы в 1684 г. также писал М. Вагнер: *Wagner M.* Kampania żwaniacka 1684 roku. Warszawa, 2013. S. 35–36.

4 *Hundert Z.* Między buławą a tronem. Wojsko koronne w walce stronnictwa malkontentów z ugrupowaniem dworskim w latach 1669–1673. Oświęcim, 2014.

Анджей Потоцкий (родился, вероятно, в 20-е годы XVII в.) представлял ту ветвь рода Потоцких, которую в определенном смысле можно назвать «гетманской». Он был старшим сыном польного (с 1652 г.), затем великого (1654–1667) гетмана Станислава «Реверы» Потоцкого и его первой жены Софьи из рода Калиновских. У него был младший брат, Щенный (Феликс) Казимир, польный (1692 г.) и великий (1702 г.) гетман, и сестра Виктория Елизавета — жена Иеронима Адама Сенявского, польного писаря коронного, и мать Николая Иеронима, польного гетмана коронного (1683 г.). Младший сын Анджея, Юзеф, также впоследствии стал обладателем коронной гетманской булавы, как и сын его племянника Николая Иеронима Сенявского — Адам Николай Сенявский.

Свою политическую и военную карьеру Анджей Потоцкий начал на своей малой родине — в Галицкой земле. 28 мая 1646 г. отец передал ему Галицкое поветовое староство (в 1682 г. А. Потоцкий передал его в свою очередь старшему сыну Станиславу)⁵. Кроме того, в 1649 г. А. Потоцкий получил Коломыйское староство, в 1655 г. Лежайское, а в начале 1667 г. также Снятынское и Медыцкое староства⁶. Эти королевские земли вкупе с родовыми имениями обеспечивали А. Потоцкому высокие доходы и достойное место среди наиболее богатых и влиятельных вельмож Речи Посполитой⁷. В апреле 1647 года галицкий староста впервые был избран послом на сейм. В 1647–1668 гг., то есть до момента вступления в состав сената в чине воеводы киевского, Потоцкий представлял Галицкую землю на сеймах пятнадцать раз⁸. Обладая прочными политическими позициями на Галичине, Потоцкий там же начал и свою военную службу в качестве ротмистра казачьей хоругви, сформированной органами шляхетского самоуправления в 1648 г. Хоругвь входила в состав Галицкого полка под командованием его отца,

5 *Urządnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku / oprac. K. Przyboś. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. S. 69; Przyboś A. Potocki Andrzej... S. 773.*

6 Староствами в Речи Посполитой назывались имения, формально королевские, которые монарх передавал в пожизненное держание представителям магнатских и шляхетских родов, именовавшихся старостами.

7 *Przyboś A. Potocki Andrzej... S. 773–774, 777. О доходах А. Потоцкого см.: Ciara S. Senatorowie i dygnitarze koronni w drugiej połowie XVII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 108–109.*

8 *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie (далее — AGZ). T. 24. Lauda sejmikowe halickie 1575–1695 / oprac. A. Prochaska. Lwów, 1931. S. 69, 78, 98, 106, 117, 143, 172, 189, 201, 210, 218, 228, 241, 258, 271.*

С. Потоцкого, приняв участие, по всей видимости вместе со своим ротмистром, в завершившейся поражением битве войск Речи Посполитой против казаков Б. Хмельницкого под Пилявцами⁹. В IV квартале 1648 г. казачья хоругвь Потоцкого была включена в реестр коронного войска¹⁰ и оставалась под его патронажем вплоть до смерти в 1691 г.

А. Потоцкий участвовал в военных кампаниях 50-х и 60-х годов XVII в. против крымских татар, украинских казаков, шведских и русских войск и т. д. Под командованием своего отца, вместе с братом Щенсным, он отличился в решающий день битвы под Чудновом против московской армии В. Б. Шереметева 14 октября. Упоминание об этом присутствует на страницах хроники известного польского поэта и историка Веспасиана Коховского¹¹. В первой половине 1660-х годов в Речи Посполитой развернулась острая политическая борьба вокруг вынашивавшегося королевским двором плана реформ организации элекции (выборов монарха). Король Ян Казимир и его сторонники пытались добиться принятия принципа *vivente rege*, когда наследник правящего монарха избирался еще при его жизни, что позволяло избежать периода безкоролевья. Против этого плана выступила оппозиция влиятельных магнатов во главе с польным гетманом и великим коронным маршалом Ежи Себастьяном Любомирским. По мнению биографа Потоцкого, Адама Пшибося, в начале 60-х годов XVII в. галицкий староста скорее сочувствовал оппозиции, нежели королевскому двору¹². На рубеже 1664/1665 гг. Потоцкий слыл в Речи Посполитой за одного из сторонников Любомирского, который был лишен должностей сеймовым судом¹³. Тем не менее после начала рокоша (мятежа) Любомирского Потоцкий оказался на стороне королевского двора, по всей видимости по насто-

9 *Borowiak A.* Wojsko powiatowe przed kampanią piławiecką 1648 roku // *Studia nad staropolską sztuką wojenną* / red. Z. Hundert. Oświęcim, 2013. T. 2. S. 148, 158–159; *Kupisz D.* Wojska powiatowe samorządów Małopolski i Rusi Czerwonej w latach 1572–1717. Lublin, 2008. S. 396–397.

10 *Wimmer J.* Materiały do zagadnienia liczebności i organizacji armii koronnej w latach 1648–1655 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości* (далее — SMHW). 1960. T. 5. S. 492.

11 *Kochowski W.* Historia panowania Jana Kazimierza / oprac. E. Raczyński. Poznań, 1859. T. 2. S. 98; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 773–774.

12 *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 774.

13 *Nagielski M.* Stanowisko elity władzy Rzeczypospolitej w dobie rokoszu Jerzego Lubomirskiego w latach 1665–1666 // *Nagielski M.* Druga wojna domowa w Polsce. Z dziejów polityczno-wojskowych u schyłku rządów Jana Kazimierza Wazy. Warszawa, 2011. S. 94.

янию отца, который, будучи регалистом, не желал допустить перехода в оппозицию обоих своих сыновей (Щ. Потоцкий с 1661 г. был зятем Любомирского и потому активно его поддерживал¹⁴).

В 60-х годах XVII в. Анджей Потоцкий был полковником кавалерии. Его полк состоял из шести хоругвей (в том числе казачьей роты самого Потоцкого) и насчитывал 650 лошадей. Полк этот сохранялся за Потоцким вплоть до его смерти в 1691 году¹⁵. Стремительное продвижение Потоцкого по службе начиная с 1665 г. было связано с подготовкой короля Яна Казимира к решающему столкновению с оппозицией, возглавляемой Е. Любомирским. После того, как Яну Собескому была передана отобранная у Любомирского должность коронного маршала, Потоцкий 19 января 1665 г. стал коронным хорунжим¹⁶. Это назначение, помимо вхождения галицкого старосты в число центральных должностных лиц, являлось также свидетельством успеха и на поприще военной карьеры, поскольку должность коронного хорунжего во второй половине XVII в. являлась довольно распространенной ступенькой восхождения военачальников Речи Посполитой на высший уровень военной иерархии, который увенчивался булавой коронного гетмана¹⁷. Примерно в то же время, после смерти воеводы киевского и гетмана польного Стефана Чарнецкого его гусарская хоругвь перешла под патронат Потоцкого, что было для последнего весьма почетно¹⁸;

14 О Щенском Потоцком см.: *Przyboś A. Potocki Feliks* // PSB. Т. 27. S. 807–812.

15 *Komput wojsk JKМCI pod Skwarzawą w obozie die 4 Augusti 1663* / oprac. M. Nagielski // *Staropolska sztuka wojenna. XVI–XVII wiek* / red. M. Nagielski. Warszawa, 2002. S. 255. Финансирование полка Потоцкого в 1663–1667 гг. отразилось в счетах сеймов 1668 и 1672 гг. См.: *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie* (далее — AGAD). *Archiwum Skarbu Koronnego* (далее — ASK). Dz. 2. Rps 61. K. 84, 87v; Rps 62. K. 43. Также см.: *Hundert Z. Między булаwą...* S. 121–122.

16 *Urzędnicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku. Kórnik, 1992. S. 28.*

17 Четверо коронных хорунжих во второй половине XVII в. добились гетманской булавы: Ян Собеский, Николай Иероним Сенявский, Анджей Потоцкий и Иероним Августин Любомирский. См.: *Ciara S. Senatorowie...* S. 48; *Hundert Z. Między булаwą...* S. 114. *Przyp.* 16.

18 См.: AGAD. *Akta Skarbowo-Wojskowe* (далее — ASW). Dz. 86. Rps 57. S. 133; *Wimmer J. Materiały do zagadnienia liczebności i organizacji armii koronnej w latach 1660–1667* // SMHW. Т. 6. Cz. 1: 1960. S. 224–225; AGAD. ASW. Dz. 85. Rps 95. K. 54–55.

наконец, в реестре коронной армии в первой четверти 1665 г. оказалась и закрепленная за ним татарская хоругвь¹⁹, а 8 апреля 1666 г. Потоцкий получил королевский патент на шефство над пешим полком²⁰. Таким образом, период рокоша Любомирского совпал со значительным усилением позиций Потоцкого в структурах коронной армии.

Во время рокоша Потоцкий сохранил верность королю, активно участвуя в обороне юго-восточных окраин страны от натиска московских и казацких войск²¹. В развернувшемся противостоянии с войсками Любомирского гусарская хоругвь Потоцкого сражалась на стороне короля, о действиях же других патронируемых им подразделений данные отсутствуют. По всей видимости, в гражданской войне они участия не приняли, поскольку находились в тот момент на Украине²². Рокош Любомирского закончился поражением королевского двора и отказом Яна Казимира от планов реформ, и прежде всего избрания наследника на польский трон *vivente rege*.

После завершения рокоша Потоцкий дважды избирался посланцем на сейм от Галицкой земли — осенью 1666 года и весной 1667 года²³. На первом из них послы коронной армии среди прочего требовали королевского вознаграждения для Потоцкого в качестве компенсации за «труды и затраты *pro bono publico*, предпринятые на Украине»²⁴. Подобное ходатайство дополнительно свидетельствует о росте влияния Потоцкого в коронном войске.

19 См.: *Wimmer J. Materiały 1660–1667. S. 240–241.*

20 Центральний державний історичний архів України, м. Львів (далее — ЦДІАУ). Ф. 5. Оп. 1. Спр. 163. Л. 812–813; *Nagielski M. Stanowisko armii wobec rokoszu Lubomirskiego (1665–1666) // Nagielski M. Druga wojna... S. 213; Nagielski M. Działania zbrojne w drugim roku rokoszu Jerzego Lubomirskiego // Nagielski M. Druga wojna... S. 281.*

21 *Przyboś A. Potocki Andrzej... S. 774; AGZ. T. 24. S. 215; Kupisz D. Wojska powiatowe... S. 341, 414.*

22 См.: *Komput wojska in obsequio będącego a die 1 maj 1665 // Nagielski M. Druga wojna... S. 338–341; AGAD. ASK. Dz. III. Rps 5. K. 1188–1191v; Metryka Koronna (далее — МК). Rps 206. K. 273–276v; Spis chorągwi konfederackich z 5 lipca 1665 roku // Nagielski M. Druga wojna... S. 335–336. Пеший полк Потоцкого в 1665–1667 гг. входил в состав гарнизона Белой Церкви (*Groszkowski M. Jan Stachurski. Komendant Białej Cerkwi w latach 1664–1668. Oświęcim, 2014. S. 65.*)*

23 *AGZ. T. 24. S. 241, 258.*

24 *AGAD. МК. Rps 206. K. 693. Оpubл.: Pamiętniki historyczne / oprac. L. Hubert. Warszawa, 1861. T. 2. S. 56; Krakowiak P. Dwa sejmy 1666 roku. Toruń, 2010. S. 418–419; Hundert Z. Między buławą... S. 28–30.*

1667 год имел большое значение как для дальнейшей биографии Потоцкого, так и с точки зрения политической ситуации в армии Речи Посполитой. В феврале умер великий гетман «Ревера» Потоцкий, покровительствовавший своему сыну. Месяцем позже произошла кончина еще одного влиятельного вельможи, Ежи Любомирского. Это сняло с повестки дня вопрос о возвращении ему ранее занимаемых должностей, которые окончательно закрепились за будущим королем Яном Собеским. Его положение укрепились, в том числе и за счет примкнувших к нему сторонников умершего Любомирского. Последнее дало возможность Собескому несколько отдалиться от правящего монарха, в поддержке которого он уже не нуждался так активно, как ранее. Будучи единственным гетманом в коронных войсках в 1667 г. (должность великого гетмана была вакантна), Собеский решением сейма того же года был назначен ответственным за проведение сокращения армии в связи с заключением с Россией мирного соглашения — Андрусовского перемирия (завершило русско-польскую войну 1654–1667 гг.)²⁵. Потоцкий, желая сохранить обретенное ранее влияние среди военных, сблизился с Собеским и активно включился в политическую деятельность. Уже в марте 1667 г., во время сейма, он прикладывал серьезные усилия для получения польной булавы, в случае если бы Собеский, обладавший ей на тот момент, продолжил восхождение по карьерной лестнице. За получение должности польного гетмана Потоцкий готов был заплатить королю 10 тыс. дукатов²⁶.

В мае 1667 г. Анджей Потоцкий находился в Варшаве, будучи в значительной степени поглощен организацией похорон отца. 18 мая он сообщал о предстоящем погребении другим вельможам, варминьскому епископу Яну Стефану Выджге, а днем позже литовскому конюшему, князю Богуславу Радзивиллу, сообщая, что оно пройдет 20 июня в Подгайцах (Украина). Он особенно рассчитывал на прибытие туда Радзивилла, связанного родством с домом Потоцких²⁷.

17 июня во Львове начала работу военная комиссия под руководством Собеского, объединенная с заседаниями казенного трибунала, который должен был урегулировать долги перед коронной армией за службу в 1663–1667 гг. Целью комиссии было также сокращение численности войска и определение мест расквартирования в провинциях

25 *Hundert Z. Między buławą...* S. 34–43.

26 *Matwijów M. Ostatnie sejmy przed abdykacją Jana Kazimierza 1667 i 1668.* Wrocław, 1992. S. 60, 98.

27 AGAD. Archiwum Radziwiłłów (далее — AR). Dz. V. Rps. 12241. S. 1–4.

и землях Речи Посполитой ее отдельным подразделениям. Несмотря на сокращения, в новом реестре оказались три подразделения, патронируемые Потоцким²⁸: гусарская хоругвь под командованием поручика Иеронимома Понговского²⁹, казацкая хоругвь поручика Самуэля Гурского³⁰ и пехотный полк немецкого образца. Расформирована была, таким образом, лишь татарская хоругвь Потоцкого, существование которой источники отмечают еще на рубеже 1666/1667 гг., когда она квартировала в Галицкой земле³¹. Тем не менее то, что Потоцкий единственный, за исключением короля и гетмана Собеского, сохранил шефство над более чем двумя подразделениями нового реестра армии, означало недвусмысленную поддержку со стороны последнего, видевшего в нем, судя по всему, главного кандидата на получение польной булавы³².

Деятельность львовской комиссии завершилась в сентябре. К этому времени Собеский столкнулся с необходимостью организации отпора наступлению татарско-казацкой армии на Правобережной Украине. Он сетовал в письме своей жене от 15 сентября, что большая группа старших офицеров в столь важный момент покинула войско, выехав в Краков на похороны королевы Марии Луизы. Среди них был и А. Потоцкий³³. Пятью днями ранее Собеский сообщал супруге, что на польную коронную булаву претендовало три кандидата — белзский воевода Дмитрий Вишневецкий, русский воевода Станислав Ян Яблоновский и коронный хорунжий Потоцкий. По мнению Собеского, король поддер-

28 AGAD. Archiwum Branickich z Suchej. Rps 42/56. K. 389–390v; Archiwum Narodowe w Krakowie. Księgi Grodzkie Sądeckie. Rps 131. S. 331–340; Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (далее — В. Czart.). Rps 162. S. 493–497; Biblioteka Narodowa w Warszawie. Biblioteka Ordynacji Zamojskich. Rps 1175. S. 249–252; *Hundert Z. Między buławą...* S. 43, 49–63.

29 AGAD. ASK. Dz. V. Rps 10. K. 243, 272; Dz. III. Rps 5. K. 1157–1158v.

30 AGAD. ASW. Rps 85. № 98. K. 101–115.

31 ЦДІАУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 163. Л. 774–780.

32 См. подробней: *Hundert Z. «Kopijników, czyli husarzy chorągwie, owo czoło wojska, owa nieodparta w wojnie potęga, powinny być pomnożone» — Hetman Jan Sobieski a husaria koronna w latach 1667–1673 // Marszałek i hetman koronny Jan Sobieski i jego czasy (1665–1674) / red. D. Milewski. Warszawa 2014. S. 247–272.*

33 *Listy Jana Sobieskiego do żony Marii Kazimiery / oprac. A. Z. Helcel. Kraków, 1860. S. 121; Hundert Z. Między buławą...* S. 81–82; *Nagielski M. «Partia dworska» w schyłkowym okresie panowania Jana Kazimierza Wazy (1664–1668) // Nagielski M. Druga wojna...* S. 132.

живал именно кандидатуру Потоцкого: «Его величество за хорунжего, потому что тот, кто смазывает, тот и едет»³⁴. Собеский, таким образом, рассчитывал, что именно Потоцкий получит булаву польного гетмана, подкупив короля, и это было, видимо, одной из целей его визита в Краков. Однако изменение политической ситуации сделало эти планы нереальными. Связи короля Яна Казимира с Францией и ее королем Людовиком XIV к этому времени ослабли, и, решив отречься от престола, польский монарх сделал это не в пользу герцога Конде, как планировалось ранее, а в пользу герцога Пфальц-Нойбурга, Филиппа Вильгельма. В этих условиях поддержку короля, в том числе и при принятии решений о назначении польного гетмана, получали вельможи, тесно связанные с поддерживавшим Филиппа Вильгельма курфюрстом Бранденбурга Фредериком Вильгельмом, и в первую очередь князь Дмитрий Вишневецкий. После назначения Яна Собеского великим гетманом в феврале 1668 г. именно он получил польную булаву³⁵.

После возвращения из Кракова Анджей Потоцкий принял участие в военных действиях против крымских татар и казаков П. Д. Дорошенко на Правобережной Украине. Он не участвовал в обороне польского укрепленного лагеря под Подгайцами (4–16 октября 1667 г.), но зато, возглавляя отряд численностью ок. 2–2,5 тыс. чел., одержал победу над казаками подольского полковника Остапа Гоголя в стычках под Раковцом и Езуполем, зарекомендовав себя способным военачальником среднего звена³⁶. В 1668 г. Потоцкий стал депутатом последних двух сеймов, созванных в правление Яна Казимира, в том числе и того, который принял отречение монарха³⁷. Первый заседал уже с 24 января 1668 г., и на нем Потоцкий появился довольно поздно, лишь 1 марта, сопровождая своего покровителя Собеского в составе его ближайшего окружения³⁸. Эта группировка в большинстве своем тяготела к Фран-

34 Listy Jana Sobieskiego... S. 116–120; *Matwijów M.* Sprawa buławy wielkiej koronnej na sejmach lat 1666–1668 // *Śląski Kwartalnik Historyczny* Sobótka. 1996. T. 51. S. 102; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 774.

35 Подробнее см.: *Hundert Z.* Między buławą... S. 91–93.

36 *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego* / oprac. F. Kluczycki. Kraków, 1880. T. 1, cz. 1. S. 284–285; *Majewski W.* Podhajce — letnia i jesienna kampania 1667 r. // *SMHW*. 1960. T. 6, cz. 1. S. 82–83, 93; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 774; *Wierzbicki L. A.* Pospolite ruszenie w Polsce w drugiej połowie XVII wieku. Ostatnie wyprawy z lat 1670–1672. Lublin, 2011. S. 105.

37 *AGZ*. T. 24. S. 258, 271.

38 *Chrapowicki J. A.* Diariusz. Cz. 2: Lata 1665–1669 / oprac. T. Wasilewski, A. Rachuba. Warszawa, 1988. S. 398; *Hundert Z.* Między buławą...

ции и по-прежнему поддерживала избрание на польский престол герцога Конде, критически относясь к немецкой кандидатуре.

В 1668 г., помимо участия в политической деятельности, Потоцкий как галицкий староста, один из наиболее влиятельных местных магнатов, решал вопросы, связанные с религиозной жизнью Галичины. 12 июля король издал универсал, уведомляя Потоцкого об избрании львовским православным епископом Иосифа Шумлянского и призывая оказать ему содействие при вступлении в управление епархией³⁹.

Поздним летом 1668 г. Анджей Потоцкий в последний раз представлял Галицкую землю в качестве шляхетского посла, поскольку уже в сентябре 1668 г. он стал воеводой киевским и сенатором. Считается, что назначение это Потоцкий получил в последний день правления Яна Казимира, то есть 16 сентября⁴⁰. При этом ранее занимаемые им должности достались другим сторонникам Яна Собеского: коронным хорунжим после своего дяди стал Николай Иероним Сенявский, а коронным стражником — Стефан Бидзинский. Собеский, таким образом, воспользовался покровительством решившегося отречься короля, чтобы укрепить политические позиции своей группировки в преддверии наступавшего безкорольевья⁴¹.

Вновь назначенный воевода киевский не появился на следующем, конвокационном сейме⁴² (5 ноября — 5 декабря 1668)⁴³. В это время, как следует из одного документа, датируемого августом 1668 г., Потоцкий принадлежал к сторонникам русской кандидатуры на престол Речи Посполитой вместе с лидером французской партии примасом Николаем Пражмовским, канцлером Великого княжества Литовского

S. 85–86; *Korzon K.* Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków, 1898. Т. 2 (репринтное переиздание: Poznań, 2005). S. 68.

39 ЦДІАУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 165. С. 1193–1194. О выборах Шумлянского львовским епископом король информировал русскую шляхту годом ранее. См.: ЦДІАУ. Ф. 9. Оп. 1. Спр. 419. Л. 1584–1585.

40 *Urzędnicy województw kijowskiego i czernihowskiego XV–XVIII wieku / oprac. E. Janas, W. Kłaczewski.* Kórnik, 2002. S. 68; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 774. Я. Домбровский указывает на дату 7 сентября 1668 г. См.: *Dąbrowski J.* Senat koronny wobec abdykacji Jana Kazimierza // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne.* 2000. Т. 127. S. 50.

41 См. *Hundert Z.* Między buławą... S. 97, 113–115 и др.

42 Конвокационный сейм определял порядок и сроки созыва элекционного сейма для выборов нового короля в период бескорольевья.

43 См. *Diariusz sejmu konwokacyjnego 1668 roku / oprac. K. Przyboś.* Kraków, 2009. S. 3–66, 79–80.

Кшиштофом Пацом и своим племянником Николаем Сенявским⁴⁴. Однако, судя по всему, ни воевода киевский, ни Пражмовский или Сенявский не прилагали никаких усилий к избранию Романова на польский престол, а поддержка ими московского кандидата была частью разноплановой политической игры, нацеленной на получение определенных выгод. Подобным же образом, как показал К. Бобятыньский, действовала и влиятельная группировка литовских магнатов во главе с представителями рода Пацев⁴⁵.

В ходе безкорольвья Потоцкий как киевский воевода принял активное участие в урегулировании проблемы «выгнанцев» — шляхты Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой, которая утратила свои владения в результате казацкого восстания на Украине. «Выгнанцы» собирались на свои сеймики *in hostico* («на чужбине») в г. Владимире на Волыни. А. Потоцкий адресовал в это время киевской шляхте два универсала — от 23 февраля и от 29 мая 1669 г. (второй был дан из Варшавы, в ходе элекции нового монарха). Об определенном влиянии, которым пользовался Потоцкий среди «выгнанцев», свидетельствует и то, что черниговская шляхта ходатайствовала за него на конвокационном сейме как за человека, который обладает значительными военными заслугами⁴⁶. Потоцкий был также вовлечен в дело реституции Киева (с этим, вероятно, связана и его формальная поддержка московского кандидата на польский престол), который, в соответствии с положениями Андрусовского перемирия,

44 Faksje senatorskie w sierpniu 1668 roku / oprac. W. Uruszczak // Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej / red. K. Iwanicka, M. Skowronek, K. Stembrowicz. Warszawa, 1996. S. 315–316; *Nagielski M.* «Partia dworska»... S. 138; *Chmielewska M.* Sejm elekcyjny Michała Korybuta Wiśniowieckiego 1669 roku. Warszawa, 2006. S. 61.

45 *Bobyatyński K.* Kandydatura Romanowów na tron Rzeczypospolitej podczas elekcji 1669 i 1674 roku. Realna koncepcja, czy też gra polityczna? // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу / под ред. С. Сокала, А. Янушкевіча. Мінск, 2010. С. 344–357; *Флоря Б. Н.* О русской кандидатуре на элекции 1668–1669 гг. // *Studia polonica.* К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002. С. 24–29; *Hundert Z.* Między buławą... S. 113.

46 См.: *Stolicki J.* Postawy polityczne województw ukraińnych w bezkrólewiu po abdykacji Jana Kazimierza // *Marszałek i hetman koronny...* S. 107, 110, 112, 118, 120–121.

должен был быть возвращен Речи Посполитой в апреле 1669 г.⁴⁷ Рассчитывая на имплементацию данного пункта соглашения, киевский воевода назначил для постоя в городе драгунскую хоругвь численностью в сто коней⁴⁸. Потоцкий, впрочем, так и не отправил своих драгун в Киев, поскольку город не был передан Речи Посполитой ни в 1669 г., ни позднее.

В ходе элекционного сейма Потоцкий, по всей видимости, действовал в согласии с остальными членами военно-политической группировки Собеского и поддерживал кандидатуру герцога Конде, а после принятия сеймом решения о исключении его персоны из числа кандидатов высказался за «резервный» вариант, то есть за Филиппа Вильгельма⁴⁹. В связи с этим победу на элекционном поле князя Михала Корибута Вишневецкого 19 июня он должен был воспринять без особого энтузиазма. Стоит отметить, что киевский воевода отказался, как и Собеский, подписать акт элекции, хотя даже такие сторонники Франции, как С. Яблоновский, Якуб Потоцкий, Н. Сенявский и др., сделали это⁵⁰. Более того, по свидетельству иностранных наблюдателей, Анджей вместе с другими представителями семейства Потоцких — Якубом, братом Щенным и воеводою брацлавским Яном — 19 июня вручили примасу протест против избрания князя Михаила, хотя в итоге, перед лицом массовой поддержки нового короля со стороны шляхты, вынуждены были отступить⁵¹. Бранденбургский резидент в Варшаве Иоганн фон Ховербек 26 июня сообщил курфюрсту, что весь дом Потоцких занял резко оппозиционную позицию в отношении результатов выборов⁵². Вскоре, однако, как отмечал преданный сторонник Собеского, военный инженер Филипп Дюпонт, «род По-

47 См.: *Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968.

48 ЦДІАУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 166. Л. 536–537. См. также: *Hundert Z. Między buławą...* S. 99–101.

49 *Hundert Z. Między buławą...* S. 107–108.

50 AGAD. Nabytki Niedokumentowe Oddziału I. Rps 199. K. 416–446; *Hundert Z. Między buławą...* S. 104–105.

51 *Korzon T. Dola i niedola...* T. 2. S. 225; *Przyboś A. Potocki Andrzej...* S. 774.

52 *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von F. Hirsch.* Berlin, 1892. Bd. 12. S. 419–420; *Ziątkowski L. Jan Sobieski a kształtowanie się opozycji po elekcji Michała Korybuta Wiśniowieckiego w 1669 r. // Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka.* 1996. T. 51. S. 127.

тоцких разделился». А. Потоцкий поддержал французскую «партию», выступавшую против короля, а младший Щенский и несколько других представителей рода встали на сторону двора⁵³. Родные братья Потоцкие вновь оказались по разные стороны политических баррикад, причем оба они играли ведущую роль в своих группировках.

После элекции А. Потоцкий выехал в Станиславов (ныне г. Ивано-Франковск, Украина), где 15 сентября 1669 г. издал адресованный купцам универсал⁵⁴. Затем он принял участие в коронационном сейме Михала Вишневецкого в Кракове (1 октября — 12 ноября 1669 г.), не проявляя, впрочем, активности и отказавшись голосовать⁵⁵.

Как известно коронационный сейм 1669 г. был сорван, причем впервые в истории Речи Посполитой по вине киевских «выгнанцев». А. Потоцкий, как уже отмечалось выше, имел на них некоторое влияние, однако вопрос о том, воспользовался ли он им в какой-то мере для срыва сейма, остается открытым⁵⁶, поскольку прямых указаний на его подстрекательство не обнаружено. Так или иначе, случившееся было на руку формировавшейся антикоролевской оппозиции, в том числе и Потоцкому⁵⁷. Неизвестно также, участвовал ли киевский воевода в якобы имевшем место съезде оппозиционеров в Могильнице, где было решено свергнуть нового короля, заменив его монархом французского происхождения⁵⁸.

А. Потоцкий не прибыл на внеочередной коронационный сейм (5 марта — 19 апреля 1670), который так же, как и предыдущий, был со-

53 *Dupont F.* Pamiętniki historyi życia i czynów Jana III Sobieskiego / tłum. B. Spieralska, oprac. D. Milewski. Warszawa, 2011. S. 60; *Werdum U.* Dziennik podróży 1670–1672. Dziennik wyprawy polowej 1671 / tłum. D. Urbonaite; oprac. D. Milewski. Warszawa, 2012. S. 24–27.

54 ЦДІАУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 167. Л. 1354–1355.

55 *Diariusz sejmu koronacyjnego 1669 roku* / oprac. K. Przyboś, M. Ferenc. Kraków, 2004. S. 3–90, 104.

56 *Stolicki J.* Magnateria na sejmikach ukrainnych we Włodzimierzu za panowania królów rodaków 1669–1695 // *Patron i dwór. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku* / red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Warszawa, 2006. S. 63–64.

57 *Korzon T.* Dola i niedola... T. 2. S. 278–279; *Przyboś A.* Konfederacja gołąbska. Tarnopol, 1936. S. 15–16; *Przyboś A.* Michał Korybut Wiśniowiecki 1640–1673, Kraków; Wrocław, 1984. S. 86–87.

58 См.: *Korzon T.* Dola i niedola... T. 2. S. 280–282; *Przyboś A.* Konfederacja... S. 16–17; *Przyboś A.* Michał Korybut... S. 87–88; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 774.

рван, на этот раз, без сомнения, в результате интриг оппозиционеров⁵⁹. Это вызвало резкое недовольство шляхетского общества, получившего свое выражение на так называемых реляционных сеймиках, проходивших начиная с 20 мая 1670 г. и закончившихся для оппозиционеров, по выражению А. Пшибося, «настоящим ударом молнии»⁶⁰. Шляхта резко выступила против Собеского и его приверженцев из рядов оппозиции. В ответ великий гетман приказал подразделениям коронной армии сниматься с зимних квартир и двигаться к назначенным им местам сбора, сначала в район Фирлеевки (ныне Львовская обл., Украина), затем под Тереховль. Несмотря на то, что в войске получила распространение агитация, направленная против Собеского и его офицеров (а следовательно, и против киевского воеводы), а сеймики призывали отдельные отряды не слушать приказов великого гетмана, в целом коронная армия собралась в месте новой дислокации к началу июня. Собеский писал жене: «Все хоругви уже пришли. Не улыбнулось счастье тем людям, которые думали, что хоругви мои не послушают приказов»⁶¹.

Здесь, в лагере Собеский ожидал и прибытия ближайших офицеров. 23 июня в письме к жене он сокрушался, что до сих пор нет А. Потоцкого и Н. Сенявского, а С. Яблоновский уехал на Львов⁶². Киевский воевода в это время как раз предпринимал необходимые меры для помощи Собескому. Так, в одной из протестаций, внесенных в гродские книги Львова в 1671 г., отмечалось, что Потоцкий «валашскую хоругвь в прошлом в 1670 г. в июне формировал не для обороны Речи Посполитой, но на разорение и уничтожение шляхты»⁶³. Указанная хоругвь создавалась, таким образом, с целью вооруженной поддержки оппозиции в обострявшемся противостоянии с королевским двором. Помимо этого, Потоцкий привел 3 июля в лагерь Собеского тысячный отряд собственных придворных войск, в связи с чем великий гетман отмечал: «Я должен радоваться ему, как дорогому гостю»⁶⁴. Способ-

59 *Diariusz sejmu nadzwyczajnego 1670 roku* / oprac. K. Przyboś, M. Ferenc. Kraków, 2004. S. 3–111, 125–126; *Przyboś K. Sejm nadzwyczajny w Warszawie 5 marca — 19 kwietnia 1670 roku* // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne*. 2003. T. 130. S. 103–119.

60 *Przyboś A. Michał Korybut...* S. 110; *Hundert Z. Między buławą...* S. 285.

61 *Listy Jana Sobieskiego...* S. 195; Korzon T. *Dola i niedola*. T. 2. S. 384; *Hundert Z. Między buławą...* S. 291–293.

62 *Listy Jana Sobieskiego...* S. 193.

63 ЦДІАУ. Ф. 9. Оп. 1. Спр. 426. Л. 3137; *Hundert Z. Między buławą...* S. 67, 186.

64 *Listy Jana Sobieskiego...* S. 194–195; *Hundert Z. Między buławą...* S. 292–293.

ность киевского воеводы выставить столь многочисленное придворное войско, в составе которого были вышеупомянутые драгунская и валашская хоругви, а также казацкая хоругвь поручика Шумлянского, должна была дополнительно подчеркнуть его силу и влияние среди иных оппозиционеров⁶⁵. 16 июля Потоцкий во главе своих войск покинул лагерь, отправившись на предсеймовый галицкий сеймик, чтобы добиться принятия им решений в интересах оппозиции⁶⁶. Миссия эта окончилась неудачей, поскольку сеймик был сорван усилиями симпатизировавшего королевскому двору брацлавского воеводы Яна Потоцкого, лишив оппозицию возможности выслать послами на сейм своих сторонников⁶⁷. Подобным же образом были сорваны и иные сеймики, где оппозиционеры пользовались влиянием, в частности краковский сеймик и генеральный сеймик Поморского воеводства. Итоги предсеймовых сеймиков, проходивших главным образом 29 июня, оказались неблагоприятными для противников двора. Серадзкая шляхта и вовсе требовала лишения Собеского булавы великого гетмана.

6 сентября собрался генеральный съезд («коло») коронной армии, единодушно поддержавший великого гетмана и избравший послов на сейм, которые получили инструкции встать на защиту Собеского и интересов войска. В съезде участвовал и А. Потоцкий, лично обещавший «не только здоровьем, но и всей сущностью пожертвовать ради пана гетмана»⁶⁸. Он стал к этому времени важнейшим политическим союзником Собеского из числа сенаторов, даже более весомым, чем С. Яблоновский, который не столь активно ангажировался в дело поддержки профранцузской «партии»⁶⁹.

65 Archiwum Państwowe w Lublinie. Księgi Grodzkie Lubelskie — Relacje, Manifestacje, Oblaty. Rps 99. K. 111v; *Hundert Z. Między buławą...* S. 185.

66 Listy Jana Sobieskiego... S. 196; *Matyasik J. Obóz polityczny króla Michała Korybuta Wiśniowieckiego*. Warszawa, 2011. S. 290, 292; *Hundert Z. Między buławą...* S. 124 (przyp. 48), 293.

67 Listy Jana Sobieskiego... S. 197. О предсеймовых сеймиках см.: *Przyboś A. Michał Korybut...* S. 114–115; *Sokalski M. Między królewskim majestatem a szlachecką wolnością. Postawy polityczne szlachty małopolskiej w czasach Michała Korybuta Wiśniowieckiego*. Kraków, 2002. S. 129–130; *Hundert Z. Między buławą...* S. 293–294.

68 Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku (далее — В. PAN Kór.). Rps 380. S. 168–169; Listy Jana Sobieskiego... S. 201; *Korzon T. Dola i niedola...* T. 2. S. 406–407; *Hundert Z. Między buławą...* S. 293–295.

69 О С. Яблоновском в 1670 г. см.: *Wagner M. Stanisław Jabłonowski (1634–1702). Polityk i dowódca*. T. 1. Siedlce, 1997. S. 100–102.

Если верить одному из свидетельств, на сейм Потоцкий соби-
рался выехать в сопровождении 2 тыс. вооруженных людей, однако в
конечном итоге он остался в лагере⁷⁰. Упомянутый сейм (6 сентября —
31 октября 1670 г.) стал первым в правление короля Михала Корибута,
который удалось завершить принятием конституций. Двор воспринял
это как серьезный успех в борьбе с оппозицией, несмотря на то, что в
ряде вопросов ей пришлось пойти на уступки, приняв частично тре-
бования депутатов коронной армии и отказавшись от преследования
Собеского. Оппозиционеры же во главе с А. Потоцким пытались пред-
ставить войску дело так, будто сейм отказал его представителям в под-
держке, и тем самым побудить армию создать направленную против
короля конфедерацию. Помимо Потоцкого, среди ее главных органи-
заторов оказались С. Яблоновский и Н. Сенявский⁷¹. Часть хоругвей,
впрочем, не поддержала эти планы (Потоцкий даже пытался силой за-
ставить несогласных солдат и офицеров сделать это), и в конце концов
оппозиционеры, посчитав, что и так добились достаточно в текущем
году (их военный лагерь уцелел, никто не предстал перед судом за
антикоролевские заговоры), отказались от созыва конфедерации. В на-
чале декабря 1670 г. войска были распущены на зимние квартиры⁷², а
в стране наступило временное и весьма хрупкое перемирие в борьбе
противоборствующих политических группировок⁷³.

Потоцкий в событиях ушедшего года сыграл одну из ведущих ро-
лей, открыто демонстрируя свою неприязнь к королю Михалу Корибу-
ту. Современник событий Василий Рудомич привел в своем дневнике
(запись от 10 декабря) следующие слова киевского воеводы: «Я пред-
почел бы отдать душу дьяволу, если бы он пришел за ней, нежели
нынешнего короля [...] признать истинным правителем»⁷⁴.

70 *Diariusz sejmu zwyczajnego 1670 roku / oprac. K. Przyboś, M. Ferenc. Kraków, 2005. S. 3–115, 127–130; Sokalski M. Między królewskim majestatem... S. 130.*

71 *Biblioteka Ossolińskich we Wrocławiu. Rps 244/II. K. 121v; Korzon T. Dola i niedola... T. 2. S. 432–433.*

72 Например, пеший полк киевского воеводы был направлен Собеским 21 ноября 1670 г. на зимовку в принадлежавшие А. Потоцкому староства, то есть в Лежайск, Коломью и Галич. См.: ЦДІАУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 169. Л. 1046–1050.

73 О несостоявшейся конфедерации под Тереховлей см.: подробнее: *Hundert Z. Między buławą... S. 299–302; Korzon T. Dola i niedola... T. 2. S. 434–435. Przyp. 2.*

74 *Rudomicz B. Efemeros czyli diariusz prywatny pisany w Zamósciu w latach 1565–1672. Cz. 2: 1665–1672 / oprac. W. Froch, M. L. Klementowski. Lublin, 2002. S. 332–333.*

О политической и военной деятельности Анджея Потоцкого в следующем, 1671 г. известно немного. В украинской кампании Собеского против казаков Дорошенко и крымских татар он не участвовал, прибыв в лагерь коронной армии под Ильинцами во главе девяти своих придворных рот (около 1 тыс. чел.) лишь 19 октября⁷⁵. Вскоре после этого, 1 ноября, Собеский объявил на генеральном «коле» коронной армии в Брацлаве о завершении кампании. Характерно, однако, что заслуги Потоцкого в мобилизации значительных сил за собственный счет, что было особенно важно в условиях слабости и малочисленности польской армии, были отмечены в составленной тогда же инструкции для послов войска на зимний сейм 1672 г.⁷⁶

После кампании 1671 г. основная масса придворных войск Потоцкого расположилась на зимние квартиры в Браилове. Часть патрируемого им пешего полка, получавшего жалованье из казны, была отправлена наряду с частью драгун, которым платил сам киевский воевода, в Стяну (деревня в Ямпольском повете). Остальные пехотинцы двинулись в Белую Церковь, а казацкая хоругвь — в Кальник в составе кавалерийского отряда С. Бидзинского⁷⁷.

Несмотря на роспуск армии на зимовку, конфликт между двором и оппозицией обострился, и лидеры последней вновь стали готовить военную конфедерацию. В эти планы удалось вовлечь почти половину армейских подразделений, и в том числе и хоругви полка Потоцкого. Среди главных организаторов конфедерации современники называли, помимо киевского воеводы, также Собеского, Яблоновского, Снявского и Бидзинского⁷⁸. Однако в феврале 1672 г. великий гетман

75 Ojczyście spominki... Т. 1. S. 182. О кампании 1671 г. см.: *Werdum U. Dziennik podróży*. S. 203–253; *Jaworski M. Kampania ukraińska Jana Sobieskiego 1671 // SMHW*. 1965. Т. 11, cz. 1. S. 69–130; *Дорошенко Д. Польсько-українська війна 1671 року (До історії гетьманування Петра Дорошенка) // Науковий збірник Українського університету в Празі*. Т. 3. Прага, 1942. С. 161–202; *Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко: політичний портрет*. Київ, 2011. С. 297–358.

76 AGAD. Libri Legationum (далее — LL). Rps 25. K. 334v–335. Оpubл.: *Pisma do wieku...* Т. 1, cz. 1. S. 726; *Przyboś A. Potocki Andrzej...* S. 774.

77 Biblioteka Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie (далее — PAU/PAN). Rps 1070. K. 385–386v. Оpubл.: *Pisma do wieku...* Т. 1, cz. 1. S. 702–704; *Ojczyście spominki...* Т. 2. S. 147; *Ibid.* Т. 1. S. 183–184.

78 PAU/PAN. Rps 368. K. 100.

посчитал созыв конфедерации преждевременным, и подготовка ее была прекращена⁷⁹.

В 1672 г. Потоцкий не приехал в Варшаву на третий сейм (26 января — 14 марта 1672 г.) подряд, который, впрочем, был опять сорван⁸⁰. Он все глубже вовлекался в оппозиционную деятельность, приняв активное участие в подготовке свержения короля Михала Корибута наряду с Собеским и примасом Польши М. Пражмовским. Вместе они собирались прибыть в сопровождении вооруженных отрядов в Варшаву накануне созыва нового сейма, который должен был открыться 18 мая 1672 г. Опасаясь подобных действий оппозиции, королевский двор организовал срыв сейма 20 июня (хотя заседания продолжались до конца месяца). А спустя два дня в польской столице появились во главе своих отрядов главные оппозиционеры, правда, Потоцкого среди них не было. 26 июня в Варшаве стало известно, что он направляется на сейм во главе 14 хоругвей, а 5 июля говорили уже о 25 хоругвях, включавших не только придворные войска киевского воеводы, но и реестровые. В итоге Потоцкий вместе с князем Александром Янушем Заславским-Острожским привели с собой в Варшаву наиболее многочисленные контингенты⁸¹.

Посредством организованной таким образом демонстрации вооруженной силы оппозиция рассчитывала запугать короля Михала Корибута и заставить его отречься. Однако король не поддался давлению, что вызвало замешательство в стане его противников, которые не имели плана дальнейших действий в случае, если вооруженный марш их отрядов на Варшаву не приведет к желаемому результату. В результате среди них начались конфликты и разногласия⁸². Потоцкий, в частности, серьезно поссорился с Яблоновским и даже стал рассматривать возможность примирения с двором при посредничестве своего брата

79 См.: *Hundert Z. Między buławą...* S. 314–320, 365–366 (список хоругвей, присоединившихся к конфедерации, составлен на основании: PAU/PAN. Rps 1070. K. 456v–457; опубли.: *Pisma do wieku...* T. 1, cz. 1. S. 849–851).

80 *Przyboś K.* Sejm zwyczajny w Warszawie 26 stycznia — 14 marca 1672 roku // *Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa profesora Krystyna Matwijowskiego* / red. B. Rok, J. Maroń. Toruń, 2006. S. 563–585.

81 B.PAN Kór. Rps 372. K. 70v, 100; B. Czart. Rps 169. S. 586, 621; *Korzon T.* Dola i niedola... T. 3. S. 153; *Hundert Z. Między buławą...* S. 325–326.

82 Подробнее см.: *Wierzbicki L. A.* Bunt malkontentów w połowie 1672 roku // *Wobec króla i Rzeczypospolitej. Magnateria w XVI–XVIII wieku* / red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Kraków, 2012. S. 377–390; *Hundert Z. Między buławą...* S. 324–327.

Щенского⁸³. Тем не менее 1 июля он подписал акт конфедерации оппозиционеров, отдававших себя под защиту французского короля Людовика XIV. Целью этой акции была детронизация Михала Корибута и его замена французским принцем. Подпись Потоцкого на документе стояла первой (перед автографом С. Яблоновского) среди тех представителей оппозиции, кто был связан с армией, что в определенной мере отражало ведущие позиции Потоцкого в этой среде⁸⁴.

4 июля 1672 г. в ходе собрания сенаторов Потоцкий вступил в острую перепалку с королевским сторонником познанским епископом Стефаном Вежбовским в ходе обсуждения вопроса о шляхетском ополчении. 6 июля Потоцкий выступил с официальной речью на послесеймовой раде Сената и после ее завершения покинул Варшаву в числе других оппозиционеров. В это время из Парижа пришло известие о смерти герцога Шарля Парис д'Орлеан-Лонгвиль (ум. 12 июня), в котором польские франкофилы видели преемника короля Михала в случае его смещения с престола⁸⁵. Для лидеров заговора, в том числе и киевского воеводы, это был тяжелый удар.

В августе османская армия при поддержке казаков Дорошенко вторглась в Подолию и осадила крепость Каменец. Началась польско-турецкая война 1672–1676 гг. А. Потоцкий, скорее всего, лично не участвовал в летне-осенней кампании 1672 г., занявшись, вероятно, подготовкой к обороне крепостей и собственных владений в Галицкой земле от неприятельского нашествия. Как не без иронии писал Собескому 9 августа 1672 г. Яблоновский, «их величества Потоцкие все попрятались со своими женщинами и детьми в своих замках»⁸⁶. При этом против турок и татар сражались патрулируемые Потоцким подразделения. В рядах разбитых польских войск под Четвертиновкой (18 июля 1672 г.) был и его конный полк, включенный в реестр коронной армии⁸⁷. Гусарская

83 См.: *Szornel J. Zapiski z lat 1669–1673 / oprac. L. A. Wierzbicki. Lublin; Radzyń Podlaski, 2008. S. 8; Wierzbicki L. A. Bunt malkontentów... S. 388; Wagner M. Stanisław Jabłonowski... S. 105.*

84 *Pisma do wieku... T. 1, cz. 2. S. 1003–1004; Hundert Z. Między buławą... S. 119.*

85 *Pisma do wieku... T. 1 cz. 2. S. 944–945; Wierzbicki L. A. Bunt malkontentów... S. 387–388; Korzon T. Dola i niedola... T. 3. S. 186–187; Przyboś A. Michał Korybut... S. 192–197; Przyboś A. Potocki Andrzej... S. 775.*

86 *Pisma do wieku... T. 1, cz. 2. S. 1045.*

87 *Pisma do wieku... T. 1, cz. 2. S. 1022; Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. T. 1. Zabrze, 2009. S. 232; Sikorski M. Wyprawa Sobieskiego na czambuły tatarskie 1672. Zabrze, 2007. S. 112.*

рота киевского воеводы под командованием поручика Николая Золотницкого, скорее всего, находилась в составе формирований, которые под руководством Собеского предприняли поход против татарских отрядов 5–14 октября 1672 г.⁸⁸

Необходимо отметить, что Потоцкий в целом немало сделал для повышения обороноспособности Галичины. Еще в конце 40-х годов XVII в. он профинансировал строительство современных укреплений г. Галича, а также основанного им в 1662 г. Станиславова, превратив последний в один из опорных пунктов в системе обороны Покутья. Укрепления этой резиденции Потоцких возводились при активном участии военного инженера Франсуа Корассини, который служил в пешем полку киевского воеводы в должности оберштер-лейтенанта⁸⁹.

16 октября 1672 г. шляхетское ополчение, собравшееся в Голомбе (деревня в Люблинском повете), организовало прокоролевскую конфедерацию для расправы с оппозицией. Одной из главных мишеней конфедератов стал как раз Потоцкий. Они требовали, чтобы киевский воевода был предан суду как тот, «кто показал себя явным оппозиционером», забрав из гарнизонов украинских крепостей подразделения коронного войска для июньского марша заговорщиков на Варшаву. Потоцкого защищал его брат Щенсный, одновременно требовавший суда в первую очередь над Собеским, а также поэтом и политиком Яном Анджеем Морштыном, которого он рассматривал как «главу всех французских интриг». Киевский же воевода, по словам его младшего брата, был всего лишь руководителем военного крыла оппозиции⁹⁰.

В этих декларациях Щ. Потоцкого нетрудно увидеть стремление оправдать брата и оградить его от преследования со стороны конфедератов, тем более что именно пресловутое «военное крыло» оппозиции сумело наиболее эффективно противодействовать Голомбской конфедерации. 23 ноября в Щебжешине была создана антидворская

88 *Hundert Z.* Husaria koronna w wojnie polsko-tureckiej 1672–1676. Oświęcim, 2014. S. 332–333; *Sikorski M.* Wyprawa Sobieskiego... S. 230.

89 *Werdum U.* Dziennik podróży. S. 167–169; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 776–777. О Корассини см., например: ЦДІАУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 169. Л. 1046–1047. О Станиславове см., например: *Wagner M.* Wojna polsko-turecka... T. 2. S. 245–249.

90 *Diariusz kołowania i konfederacji pod Gołębem i Lublinem w 1672 r. wraz z aktem konfederacji / oprac. A. Przyboś, K. Przyboś.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. S. 70, 79; *Szornel J.* Zapiski... S. 15; *Przyboś A.* Potocki Andrzej... S. 775; *Hundert Z.* Między buławą... S. 147–148.

военная конфедерация, в состав которой вошла почти вся коронная армия. Одним из главных ее организаторов был А. Потоцкий. Он первым закрепил присягой свое участие в союзе, а 24 ноября принял клятву на верность от фактического лидера оппозиционного объединения военных, великого гетмана Яна Собеского. Это в очередной раз характеризовало ведущую роль Потоцкого (после Собеского) в неформальной иерархии высших офицеров коронной армии, причем позади него остались даже такие влиятельные персоны, как польный гетман Д. Вишневецкий (поддержал конфедерацию, но не принадлежал к французской партии) и С. Яблоновский (занял по отношению к антидворскому союзу довольно пассивную позицию)⁹¹.

В начале 1673 г. Потоцкий находился в Ловиче вместе с другими лидерами оппозиции. К этому моменту два враждебных лагеря начали переговоры. Они велись при посредничестве сенаторов, занявших нейтральную позицию, и в итоге привели к примирению двора и оппозиции, скрепленному 11 марта соответствующим договором. Съезд представителей еще недавно противоборствующих сторон в Варшаве фактически трансформировался в пацификационный сейм. 12 марта для участия в нем в польскую столицу въехали в одной карете Потоцкий, Собеский и Морштын. В тот же день на сейме состоялась аудиенция послов коронного войска⁹². В соответствии с привезенной ими инструкцией, они вновь ходатайствовали о награде киевскому воеводе, который на свой кошт сформировал отряды на службе республики, в том числе и для вооруженного противостояния Турции в ушедшем году⁹³.

Заседания пацификационного сейма проходили на фоне резко-го ухудшения внешнеполитического положения Речи Посполитой. Кампания 1672 г. против Турции была проиграна, Каменец пал, в Бучаче польские представители заключили с османами мир, по которому республика уступала противнику Подолию и значительную

91 *Szornel J. Zapiski...* S. 21–22; *Hundert Z. Między buławą...* S. 336; *Wierzbicki L. A. O zgodę w Rzeczypospolitej. Zjazd warszawski i sejm pacyfikacyjny 1673 roku.* Lublin, 2005. S. 46–47; *Wierzbicki L. A. Konfederaci szczebrzeszyńscy. Przywódcy związku wojska koronnego na przełomie 1672 i 1673 roku // Studia z dziejów wojskowości.* 2012. T. 1. S. 179–181.

92 *Pisma do wieku...* T. 1, cz. 2. S. 1190–1191; *Wierzbicki L. A. O zgodę w Rzeczypospolitej...* S. 129–282 (особенно s. 158, 170, 217); *Wierzbicki L. A. Konfederaci szczebrzeszyńscy...* S. 182.

93 AGAD. LL. Rps 25. K. 513. Опубл.: *Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672–1676 / oprac. J. Woliński // SMHW.* 1964. T. 10, cz. 2. S. 247; *Hundert Z. Między buławą...* S. 343–344.

часть Правобережной Украины. Сейм не утвердил этот договор, решив продолжить войну. О каком-то активном участии Потоцкого в деятельности представительского органа Речи Посполитой в источниках данных нет. Он не получил вознаграждения, о котором просили послы от войска, хотя оно было присуждено Собескому, Сенявскому и даже брату киевского воеводы, Щенсному. Единственным утешением для Потоцкого стало включение в члены военного совета при коронных гетманах⁹⁴.

Новая военная кампания против турок и татар обернулась для Речи Посполитой блестящей победой в битве под Хотином (10–11 ноября 1673). Потоцкий принял в ней самое деятельное участие, командуя отрядами, расположенными на одном из краев центра польско-литовского войска. Вместе с польным гетманом Вишневецким он отразил опасную контратаку турецкой конницы боснийского паши Сулеймана⁹⁵.

В реестре войск, участвовавших в кампании 1673 г., принятом 1 мая 1673 г., за А. Потоцким был закреплен кавалерийский полк, состоявший из шести хоругвей (670 лошадей)⁹⁶. Помимо этого, в новый реестр вошли другие подразделения киевского воеводы: гусарская рота (увеличенная со 120 до 150 коней), казацкая рота (увеличенная со 100 до 120 коней), придворная казацкая рота (100 коней; включена в реестр как подразделение нового набора; Потоцкий передал ее сыну Станиславу), валашская придворная рота (100 коней; включена в реестр как подразделение старого набора); пеший полк (увеличен с 250 до 500 ставок)⁹⁷. Наличие стольких подразделений, патронируемых Потоцким, в реестре коронной армии в который раз выделяло его среди других связанных с армией крупных польских магнатов.

Говоря о политической и военной карьере Потоцкого, следует отметить, что ее особенно стремительное развитие пришлось на вторую половину 1660-х — начало 1670-х гг. В определенной степени это было предопределено его знатным происхождением, высоким уровнем благосостояния, родовыми связями и покровительством отца. Служба

94 *Volumina Legum* / oprac. J. Ohryzko. Sankt-Petersburg, 1860. Т. 5. S. 65–68.

95 О битве под Хотином см., например: *Wagner M. Wojna polska-turecka...* Т. 1. S. 379–394; *Hundert Z. Husaria koronna...* S. 347–373.

96 *Komput wojsk koronnych z podziałem chorągwi jazdy zaciągu polskiego na pułki 1673* / oprac. Z. Hundert // *Studia z dziejów wojskowości*. 2013. Т. 2. S. 314–315.

97 AGAD. ASW. Dz. 86. Rps 61. K. 1–3v, 5.

Потоцкого с молодых лет в армии, верхушка которой всегда была тесно вовлечена в политическую жизнь Речи Посполитой, обусловила и то, что именно в армейской среде развивались и укреплялись его политические позиции. В итоге, получив сначала должность коронного хорунжего, а затем киевского воеводы, Потоцкий стал одним из ведущих игроков на политической сцене шляхетской республики. Характерно также, что почти все это время Потоцкий тяготел к оппозиции, связав свою политическую судьбу с одной из тех группировок, которые сформировались в последние годы правления короля Яна Казимира. В этом смысле военно-политическая карьера Потоцкого, как и других оппозиционеров, показывала, что в указанный период в Речи Посполитой стал возможен резкий рост политического могущества того или иного магната не только без поддержки королевского двора, но и в резком противостоянии с ним.

Богатство Потоцкого позволяло ему содержать многочисленные даже по меркам многих магнатов придворные войска, которые не только являлись важным дополнением к силам реестровой армии Речи Посполитой, но и использовались как действенный политический инструмент самого магната и его соратников по антикоролевской оппозиции. Последнее особенно ярко проявилось в правление короля Михала Корибута, когда Потоцкий принимал деятельное участие в подготовке выступлений коронной армии против монарха и даже организовал в июне 1672 г. марш на Варшаву большого числа ее подразделений.

В иерархии лидеров «военной оппозиции» в конце 1660-х — начале 1670-х гг. Потоцкий занимал уверенное второе место после ее предводителя — великого гетмана Яна Собеского, соперничая здесь, впрочем, с другим влиятельным вельможей — русским воеводой С. Яблоновским. Это соперничество получило новый импульс, когда Собеский в 1674 г. стал королем, а Д. Вишневецкий рассчитывал получить освободившуюся после него булаву великого гетмана. Новый король колебался, кому из двоих — Потоцкому или Яблоновскому — должна перейти вакантная польная булава, рассчитывая принять окончательное решение в зависимости от того, кто лучше проявит себя в продолжавшейся войне с Османской империей⁹⁸. В итоге в 1676 г. досталась она все-таки Яблоновскому, и Потоцкому пришлось довольно долго ждать милостей нового короля и бывшего лидера оппозиции в виде высших государственных должностей. Только в 1681 г. он стал

98 *Wagner M. Wojna polsko-turecka...* T. 2. S. 36.

краковским воеводой, а спустя год — краковским каштеляном⁹⁹. Новоиспеченный каштелян по-прежнему оставался одним из наиболее доверенных лиц Собеского, который, отправляясь в 1683 г. в поход на выручку осажденной османами австрийской столицы — Вены, поручил ему командование армией, оставленной в стране для защиты южных границ. На этом посту Потоцкий самостоятельно организовал и осуществил военную кампанию в Подолии осенью 1683 г., нанеся крупное поражение татарам под Зиньковом 28 ноября¹⁰⁰. Этот успех предопределил то, что после смерти своего племянника Н. Сенявского, А. Потоцкий в 1684 г. наконец-то получил из рук короля долгожданную булаву польного гетмана.

Источники и литература

Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 163, 165, 166, 167, 169; Ф. 9. Оп. 1. Спр. 419, 426.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. II. Rps 61; Rps 62; Dz. III. Rps 5; Dz. V. Rps 10.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Akta Skarbowo-Wojkowe. Dz. 86. Rps 57, 61, 85.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Branickich z Suchej. Rps 42/56.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Rps. 12241.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Libri Legationum. Rps 25.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Metryka Koronna. Rps 206.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Nabytki Niedokumentowane Oddziału I. Rps 199.

⁹⁹ Urzędnicy województwa krakowskiego XVI–XVIII wieku / oprac. S. Cynarski, A. Falniowska-Gradowska. Kórnik, 1990. S. 62, 109; *Przyboś A. Potocki Andrzej... S. 775; Hundert Z. Pozycja Jana III w wojsku koronnym w latach 1674–1683. Utrzymanie czy też utrata wpływów wypracowanych w czasie sprawowania godności hetmańskiej? // Król Jan III Sobieski i Rzeczpospolita w latach 1674–1683 / red. D. Milewski. Warszawa, 2016. S. 136–137.*

¹⁰⁰ О подольской кампании см.: *Wimmer J. Wiedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa, 1983. S. 405–409; Markowicz M. Daleko od Wiednia — działania militarne na podolsko-mołdawskim teatrze wojennym na przełomie 1683 i 1684 r. // Studia historyczno-wojskowe. Siedlce, 2016. T. 6 / red. M. Wagner et al. S. 91–107.*

- Archiwum Narodowe w Krakowie. Księgi Grodzkie Sądeckie. Rps 131.
Archiwum Państwowe w Lublinie. Księgi Grodzkie Lubelskie — Relacje, Manifestacje, Oblaty. Rps 99.
Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rps 162, 169.
Biblioteka Narodowa w Warszawie. Biblioteka Ordynacji Zamojskiej. Rps 1175.
Biblioteka Ossolińskich we Wrocławiu. Rps 244/II.
Biblioteka Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. Rps 368, 1070.
Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku. Rps 372, 380.

Дорошенко Д. Польсько-українська війна 1671 року (До історії гетьманування Петра Дорошенка) // Науковий збірник Українського університету в Празі. Прага, 1942. Т. 3. С. 161–202.

Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко: політичний портрет. Київ: Темпора, 2011. 632 с.

Флоря Б. Н. О русской кандидатуре на элекции 1668–1669 гг. // *Studia Polonica*. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М.: Индрик, 2002. С. 24–29.

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. Lwów: Towarzystwo Naukowe we Lwowie, 1931. Т. 24: Lauda sejmikowe halickie 1575–1695 / oprac. A. Prochaska. 586 s.

Bobiatyński K. Kandydatura Romanowów na tron Rzeczypospolitej podczas elekcji 1669 i 1674 roku. Realna koncepcja, czy też gra polityczna? // Проблемы інтеграції і інкарпарації ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15 — 17 кастрычніка 2009 г.) / навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. Мінск, 2010. С. 344–357.

Borowiak A. Wojsko powiatowe przed kampanią piławiecką 1648 roku // *Studia nad staropolską sztuką wojenną*. Oświęcim: Napoleon V, 2013. Т. 2 / red. Z. Hundert. S. 129–160.

Chmielewska M. Sejm elekcyjny Michała Korybuta Wiśniowieckiego 1669 roku. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2006. 298 s.

Chrapowicki J. A. Diariusz. Warszawa: PAX, 1988. Cz. 2: Lata 1665–1669 / oprac. T. Wasilewski, A. Rachuba. 626 s.

Ciara S. Senatorowie i dygnitarze koronni w drugiej połowie XVII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1990. 202 s.

Czarniecka A. Nikt nie słuca mnie za życia... Jan III Sobieski w walce z opozycyjną propagandą (1684–1696). Warszawa: Neriton, 2009. 438 s.

Dąbrowski J. Senat koronny wobec abdykacji Jana Kazimierza // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne*. 2000. T. 127. S. 39–58.

Diariusz kołowania i konfederacji pod Gołębkiem i Lublinem w 1672 r. wraz z aktem konfederacji / oprac. A. Przyboś, K. Przyboś. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1972. 124 s.

Diariusz sejmu konwokacyjnego 1668 roku / oprac. K. Przyboś. Kraków: Historia Jagellonica, 2009. 131 s.

Diariusz sejmu koronacyjnego 1669 roku / oprac. K. Przyboś, M. Ferenc. Kraków: Historia Jagellonica, 2004. 111 s.

Diariusz sejmu nadzwyczajnego 1670 roku / oprac. K. Przyboś, M. Ferenc. Kraków: Historia Jagellonica, 2004. 134 s.

Diariusz sejmu zwyczajnego 1670 roku / oprac. K. Przyboś, M. Ferenc. Kraków: Historia Jagellonica? 2005. 138 s.

Dupont F. Pamiętniki historii życia i czynów Jana III Sobieskiego / tłum. B. Spieralska, oprac. D. Milewski. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2011. 341 s.

Fakcje senatorskie w sierpniu 1668 roku / oprac. W. Uruszczak // *Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej* / red. K. Iwanicka, M. Skowronek, K. Stembrowicz. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1996. S. 313–319.

Groszkowski M. Jan Stachurski. Komendant Białej Cerkwi w latach 1664–1668. Oświęcim: Napoleon V, 2014. 124 s.

Hundert Z. Husaria koronna w wojnie polsko-tureckiej 1672–1676. Oświęcim: Napoleon V, 2014. 470 s.

Hundert Z. Między buławą a tronem. Wojsko koronne w walce stronnictwa malkontentów z ugrupowaniem dworskim w latach 1669–1673. Oświęcim: Napoleon V, 2014. 411 s.

Hundert Z. Pozycja Jana III w wojsku koronnym w latach 1674–1683. Utrzymanie czy też utrata wpływów wypracowanych w czasie sprawowania godności hetmańskiej? // *Król Jan III Sobieski i Rzeczpospolita w latach 1674–1683* / red. D. Milewski. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2016. S. 121–151.

Jaworski M. Kampania ukraińska Jana Sobieskiego 1671 // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1965. T. 11, cz. 1. S. 69–130.

Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza / oprac. E. Raczyński. Poznań: N. Kamieński, 1859. T. 2. 314 s.

Komput wojsk JKMCi pod Skwarzawą w obozie die 4 Augusti 1663 / oprac. M. Nagielski // *Staropolska sztuka wojenna XVI–XVII wiek* / red. M. Nagielski. Warszawa: DIG, 2002. S. 249–258.

Komput wojsk koronnych z podziałem chorągwi jazdy zaciągu polskiego na pułki 1673 / oprac. Z. Hundert // *Studia z dziejów wojskowości*. 2013. T. 2. S. 311–323.

Korzon K. Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków, 1898. Репринтное переиздание: Poznań: Kurpisz, 2005. T. 2. VI, 446 s.; T. 3. 544 s.

Krakowiak P. Dwa sejmy 1666 roku. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2010. 503 s.

Kupisz D. Wojska powiatowe samorządów Małopolski i Rusi Czerwonej w latach 1572–1717. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. 468 s.

Listy Jana Sobieskiego do żony Marii Kazimierzy / oprac. A. Z. Helcel. Kraków: Biblioteka Ordynacji Myszkowskiej, 1860. 600 s.

Majewski W. Podhajce — letnia i jesienna kampania 1667 r. // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1960. T. 6, cz. 1. S. 47–99.

Markowicz M. Daleko od Wiednia — działania militarne na podolsko-mołodawskim teatrze wojennym na przełomie 1683 i 1684 r. // *Studia historyczno-wojskowe*. Siedlce: Wydawnictwo APH, 2016. T. 6 / red. M. Wagner et al. S. 91–107.

Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672–1676: cz. 2 / oprac. J. Woliński // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1964. T. 10, cz. 2. S. 232–262.

Matwijów M. Ostatnie sejmy przed abdykacją Jana Kazimierza 1667 i 1668. Wrocław: Towarzystwo przyjaciół Ossolineum, 1992. 191 s.

Matwijów M. Sprawa buławy wielkiej koronnej na sejmach lat 1666–1668 // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. 1996. T. 51. S. 93–104.

Matyasik J. Obóz polityczny króla Michała Korybuta Wiśniowieckiego. Warszawa: Neriton, 2011. 395 s.

Nagielski M. Druga wojna domowa w Polsce. Z dziejów polityczno-wojskowych u schyłku rządów Jana Kazimierza Wazy. Warszawa: Neriton, 2011. 374 s.

Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawnej Polski / oprac. A. Grabowski. Kraków: J. Cypcer, 1845. T. 1. 272 s.; T. 2. 368 s.

Pamiętniki historyczne / oprac. L. Hubert. Warszawa: J. Jaworski, 1861. T. 2. 352 s.

Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / oprac. F. Kluczycki. Kraków: Czas, 1880. T. 1, cz. 1. 750 s.; 1881. T. 2. XXXIX, 916 s.

Poczet Hetmanów Rzeczypospolitej. Hetmani Koronni / red. M. Nagielski. Warszawa: Bellona, 2005. 398 s.

Przyboś A. Konfederacja gołąbska. Tarnopol: Podolskie TPN, 1936. 255 s.

Przyboś A. Michał Korybut Wiśniowiecki. 1640–1673. Kraków; Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1984. 343 s.

Przyboś A. Potocki Andrzej // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław; Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1982. T. 27. S. 773–778.

Przyboś A. Potocki Feliks // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław; Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1982. T. 27. S. 807–812.

Przyboś K. Sejm nadzwyczajny w Warszawie 5 marca — 19 kwietnia 1670 roku // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne*. 2003. T. 130. S. 103–119.

Przyboś K. Sejm zwyczajny w Warszawie 26 stycznia — 14 marca 1672 roku // *Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa profesora Krystyna Matwijowskiego* / red. B. Rok, J. Maroń. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2006. S. 563–585.

Rudomicz B. Efemerocy czyli diariusz prywatny pisany w Zamościu w latach 1565–1672. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2002. Cz. 2. 1665–1672 / oprac. W. Froch, M. L. Klementowski. 480 s.

Sikorski M. Wyprawa Sobieskiego na czambuły tatarskie 1672. Zabrze: Inforeditions, 2007. 280 s.

Sokalski M. Między królewskim majestatem a szlachecką wolnością. Postawy polityczne szlachty małopolskiej w czasach Michała Korybuta Wiśniowieckiego. Kraków: Historia Iagellonica, 2002. 256 s.

Stolicki J. Magnateria na sejmikach ukraińskich we Włodzimierzu za panowania królów rodaków 1669–1695 // *Patron i dwór. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku* / red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Warszawa: DIG, 2006. S. 359–374.

Stolicki J. Postawy polityczne województw ukraińskich w bezkrólewiu po abdykacji Jana Kazimierza // *Marszałek i hetman koronny Jan Sobieski* / red. D. Milewski. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2014. S. 101–123.

Szornel J. Zapiski z lat 1669–1673 / oprac. L.A. Wierzbicki. Lublin; Rадзыń Podlaski, 2008. 41 s.

Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von F. Hirsch. Berlin: G. Remer, 1892. Bd. 12. 968 s.

Urzednicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku. Kórnik: Wydawnictwo PAN, 1992. 220 s.

Urzednicy województwa krakowskiego XVI–XVIII wieku / oprac. S. Cynarski, A. Falniowska-Gradowska. Kórnik: Wydawnictwo PAN, 1990. 277 s.

Urzednicy województw kijowskiego i czernihowskiego XV–XVIII wieku / oprac. E. Janas, W. Kłaczewski. Kórnik: Wydawnictwo PAN, 2002. 344 s.

Urządnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku / oprac. K. Przyboś. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Wydaw. PAN, 1987. 415 s.

Volumina Legum / oprac. J. Ohryzko. Sankt-Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. T. 5. 463 s.

Wagner M. Andrzej Potocki, hetman polny koronny (1684–1691) // *Wagner M.* «W cieniu szukamy jasności i chwały». Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2002. S. 49–60.

Wagner M. Kampania żwaniacka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013. 282 s.

Wagner M. Słownik biograficzny oficerów polskich drugiej połowy XVII wieku. Oświęcim: Napoleon V, 2013. T. 1. 345 s.

Wagner M. Stanisław Jabłonowski (1634–1702). Polityk i dowódca. Siedlce: Wydawnictwo WSR–P, 1997. T. 1. 240 s.

Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze: Inforteditions, 2009. T. 1. 408 s.; T 2. 376 s.

Werdum U. Dziennik podróży 1670–1672. Dziennik wyprawy polowej 1671 / tłum. D. Urbonaite, oprac. D. Milewski. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2012. 300 s.

Wierzbicki L. A. Bunt malkontentów w połowie 1672 roku // *Wobec króla i Rzeczypospolitej. Magnateria w XVI–XVIII wieku* / red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Kraków: Avalon, 2012. S. 377–390.

Wierzbicki L. A. Konfederaci szczebrzeszyńscy. Przywódcy związku wojska koronnego na przełomie 1672 i 1673 roku // *Studia z dziejów wojskowości*. 2012. T. 1. S. 177–184.

Wierzbicki L. A. O zgodę w Rzeczypospolitej. Zjazd warszawski i sejm pacyfikacyjny 1673 roku. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2005. 328 s.

Wierzbicki L. A. Pospolite ruszenie w Polsce w drugiej połowie XVII wieku. Ostatnie wyprawy z lat 1670–1672. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. 378 s.

Wimmer J. Materiały do zagadnienia liczebności i organizacji armii koronnej w latach 1648–1655 // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1960. T. 5. S. 477–510.

Wimmer J. Wiedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa: Wydawnictwo MON, 1983. 480 s.

Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa: PWN, 1968. 324 s.

Ziątkowski L. Jan Sobieski a kształtowanie się opozycji po elekcji Michała Korybuta Wiśniowieckiego w 1669 r. // *Śląski Kwartalnik Historyczny* Sobótka. 1996. T. 51. S. 126–137.

References

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Skarbu Koronnego, dz. II, rps 61, rps 62, dz. III, rs 5; dz. V, rps 10.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Akta Skarbowo-Wojkowe, dz. 86, rps 57, 61, 85.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Branickich z Suchej, rps 42/56.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów, dz. V, rps. 12241.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Libri Legationum, rps 25.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Metryka Koronna, rps 206.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Nabytki Niedokumentowe Oddziału I, rps 199.

Archiwum Narodowe w Krakowie. Księgi Grodzkie Sądeckie, rps 131.

Archiwum Państwowe w Lublinie. Księgi Grodzkie Lubelskie — Relacje, Manifestacje, Oblaty, rps 99.

Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rps 162, 169.

Biblioteka Narodowa w Warszawie. Biblioteka Ordynacji Zamoyskich, rps 1175.

Biblioteka Ossolińskich we Wrocławiu, rps 244/II.

Biblioteka Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie, rps 368, 1070.

Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku, rps 372, 380.

Tsentrāl'nyĭ derzhavnyĭ istorichnyĭ archiv Ukraïny, L'viv, f. 5, op. 1, spr. 163, 165, 166, 167, 169; f. 9, op. 1, spr. 419, 426.

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. Lwów: Towarzystwo Naukowe we Lwowie, 1931, vol. 24: *Lauda sejmikowe halickie 1575–1695*, oprac. A. Prochaska, 586 s.

Bobiatyński, K. “Kandydatura Romanowów na tron Rzeczypospolitej podczas elekcji 1669 i 1674 roku. Realna koncepcja, czy też gra polityczna?” *Problemy integratsyi i inkarpatsyi ŭ razvitsi Tsentrāl'naĭ i Uschodniaĭ Eŭropy ŭ peryiad ranniaha Novaha chasu: Materyaly mizhnar. navuk. kanferentsyi (Minsk, 15–17 kastychnika 2009 g.)*, navuk. red. S. F. Sokal, A. M. Ianushkevich, Minsk: BIP-S PLUS, 2010, s. 344–357.

Borowiak, A. “Wojsko powiatowe przed kampanią piławiecką 1648 roku.”, *Studia nad staropolską sztuką wojenną*, Oświęcim: Napoleon V, 2013, vol. 2, red. Z. Hundert, s. 129–160.

Chmielewska, M. *Sejm elekcyjny Michała Korybuta Wiśniowieckiego 1669 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2006, 298 s.

Chrapowicki, J. A. *Diariusz*. Warszawa: PAX, 1988, part 2: Lata 1665–1669, oprac. T. Wasilewski, A. Rachuba, 626 s.

Ciara, S. *Senatorowie i dygnitarze koronni w drugiej połowie XVII wieku*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1990, 202 s.

Czarniecka, A. *Nikt nie słucha mnie za życia... Jan III Sobieski w walce z opozycyjną propagandą (1684–1696)*. Warszawa: Neriton, 2009, 438 s.

Dąbrowski, J. “Senat koronny wobec abdykacji Jana Kazimierza.” *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne*, vol. 127, 2000, s. 39–58.

Diariusz kołowania i konfederacji pod Gołębim i Lublinem w 1672 r. wraz z aktem konfederacji. Ed. A. Przyboś, K. Przyboś, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1972, 124 s.

Diariusz sejmu konwokacyjnego 1668 roku. Oprac. K. Przyboś, Kraków: Historia Iagellonica, 2009, 131 s.

Diariusz sejmu koronacyjnego 1669 roku. Oprac. K. Przyboś, M. Ferenc, Kraków: Historia Iagellonica, 2004, 111 s.

Diariusz sejmu nadzwyczajnego 1670 roku. Oprac. K. Przyboś, M. Ferenc, Kraków: Historia Iagellonica, 2004, 134 s.

Diariusz sejmu zwyczajnego 1670 roku. Oprac. K. Przyboś, M. Ferenc, Kraków: Historia Iagellonica 2005, 138 s.

Doroshenko, D. “Pol’sko-ukraïns’ka viïna 1671 roku (Do istoriï het’manuwannia Petra Doroshenka).” *Naukovyi zbirnyk Ukraïns’koho universytetu v Prazi*, vol. 3, Praha, 1942, s. 161–202.

Dupont, F. *Pamiętniki historii życia i czynów Jana III Sobieskiego*. Transl. B. Spieralska, oprac. D. Milewski, Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2011, 341 s.

Floria, B. N. “O russkoï kandidature na élektssii 1668–1669 gg.” *Studia Polonica. K 70-letiiu Viktora Aleksandrovicha Choreva*, Moscow: Indrik, 2002, s. 24–29.

Groszkowski, M. *Jan Stachurski. Komendant Białej Cerkwi w latach 1664–1668*. Oświęcim: Napoleon V, 2014, 124 s.

Hundert, Z. *Husaria koronna w wojnie polsko-tureckiej 1672–1676*. Oświęcim: Napoleon V, 2014, 470 s.

Hundert, Z. (oprac.). “Komput wojsk koronnych z podziałem chorągwi jazdy zaciągu polskiego na pułki 1673.” *Studia z dziejów wojskowości*, vol. 2, 2013, s. 311–323.

Hundert, Z. *Między buławą a tronem. Wojsko koronne w walce stronnictwa mal-kontentów z ugrupowaniem dworskim w latach 1669–1673*. Oświęcim: Napoleon V, 2014, 411 s.

Hundert, Z. “Pozycja Jana III w wojsku koronnym w latach 1674–1683. Utrzymanie czy też utrata wpływów wypracowanych w czasie sprawowania godności hetmańskiej?” *Król Jan III Sobieski i Rzeczpospolita w latach 1674–1683*, red. D. Milewski, Warszawa: Muzeum Pałacu króla Jana III w Wilanowie, 2016, s. 121–151.

- Jaworski, M. "Kampania ukraińska Jana Sobieskiego 1671." *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. 11, cz. 1, 1965, s. 69–130.
- Kochowski, W. *Historia panowania Jana Kazimierza*. Oprac. E. Raczyński, Poznań: N. Kamiński, 1859, t. 2, 314 s.
- Korzon, K. *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*. Kraków, 1898, [reprinted] Poznań: Kurpisz, 2005, t. 2, VI + 446 p., t. 3, 544 s.
- Krakowiak, P. *Dwa sejmy 1666 roku*. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2010, 503 s.
- Kupisz, D. *Wojska powiatowe samorządów Małopolski i Rusi Czerwonej w latach 1572–1717*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008, 468 s.
- Listy Jana Sobieskiego do żony Marii Kazimiery*. Oprac. A. Z. Helcel, Kraków: Biblioteka Ordynacji Myszkowskiej, 1860, 600 s.
- Majewski, W. "Podhajce — letnia i jesienna kampania 1667 r." *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. 6, cz. 1., 1960, s. 47–99.
- Markowicz, M. "Daleko od Wiednia — działania militarne na podolsko-mołdawskim teatrze wojennym na przełomie 1683 i 1684 r." *Studia historyczno-wojskowe*. Siedlce: Wydawnictwo APH, 2016, t. 6, red. M. Wagner et al., s. 91–107.
- Matwijów, M. *Ostatnie sejmy przed abdykacją Jana Kazimierza 1667 i 1668*. Wrocław: Towarzystwo przyjaciół Ossolineum, 1992, 191 s.
- Matwijów, M. "Sprawa buławy wielkiej koronnej na sejmach lat 1666–1668." *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*, t. 51, 1996, s. 93–104.
- Matyasik, J. *Obóz polityczny króla Michała Korybuta Wiśniowieckiego*. Warszawa: Neriton, 2011, 395 s.
- Nagielski, M. *Druga wojna domowa w Polsce. Z dziejów polityczno-wojskowych u schyłku rządów Jana Kazimierza Wazy*. Warszawa: Neriton, 2011, 374 s.
- Nagielski, M. (oprac.). "Komput wojsk JKMCi pod Skwarzawą w obozie die 4 Augusti 1663." *Staropolska sztuka wojenna XVI–XVII wiek*, red. M. Nagielski, Warszawa: DIG, 2002, s. 249–258.
- Ojczyście wspominki w pismach do dziejów dawnej Polski*, red. A. Grabowski. Kraków: J. Cypcer, 1845, t. 1, 272 s., t. 2, 368 s.
- Pamiętniki historyczne*. Oprac. L. Hubert, Warszawa: J. Jaworski, 1861, t. 2, 352 s.
- Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego*. Oprac. F. Kluczycki, Kraków: Czas, 1880, t. 1, cz. 1, 750 s.; 1881, t. 2, XXXIX + 916 s.
- Poczet Hetmanów Rzeczypospolitej. Hetmani Koronni*. Red. M. Nagielski, Warszawa: Bellona, 2005, 398 s.
- Przyboś A. Konfederacja gołębka*. Tarnopol: Podolskie TPN, 1936, 255 s.
- Przyboś A. Michał Korybut Wiśniowiecki. 1640–1673*. Kraków; Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1984, 343 s.
- Przyboś, A. "Potocki Andrzej." *Polski Słownik Biograficzny*, t. 27, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1982, s. 773–778.

Przyboś, A. "Potocki Feliks." *Polski Słownik Biograficzny*, t. 27, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1982, s. 807–812.

Przyboś, K. "Sejm nadzwyczajny w Warszawie 5 marca — 19 kwietnia 1670 roku." *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne*, t. 130, 2003, s. 103–119.

Przyboś, K. "Sejm zwyczajny w Warszawie 26 stycznia — 14 marca 1672 roku." *Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa profesora Krystyna Matwijowskiego*, red. B. Rok, J. Maroń. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2006, s. 563–585.

Rudomicz, B. *Efemeros czyli diariusz prywatny pisany w Zamościu w latach 1565–1672, cz. 2, 1665–1672*. Oprac. W. Froch, M. L. Klementowski, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2002, 480 s.

Sikorski, M. *Wyprawa Sobieskiego na czambuły tatarskie 1672*. Zabrze: Infortitions, 2007. 280 s.

Smolii, V. Stepankov, V. *Petro Doroshenko: polytychnyi portret*. Kyiv: Tempora, 2011. 632 s.

Sokalski, M. *Między królewskim majestatem a szlachecką wolnością. Postawy polityczne szlachty małopolskiej w czasach Michała Korybuta Wiśniowieckiego*. Kraków: Historia Jagellonica, 2002. 256 s.

Stolicki, J. "Magnateria na sejmikach ukraińskich we Włodzimierzu za panowania królów rodaków 1669–1695." *Patron i dwór. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*, red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Warszawa: DIG, 2006, s. 359–374.

Stolicki, J. "Postawy polityczne województw ukraińskich w bezkrólewiu po abdykacji Jana Kazimierza." *Marszałek i hetman koronny Jan Sobieski*, red. D. Milewski. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2014, s. 101–123.

Szornel, J. *Zapiski z lat 1669–1673*. Oprac. L. A. Wierzbiński, Lublin: Radziń Podlaski, 2008, 41 s.

Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Hrsg. von F. Hirsch, Berlin: G. Remer, 1892, Bd. 12, 968 s.

Uruszczak, W. (ed.) "Fakcje senatorskie w sierpniu 1668 roku." *Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej*, red. K. Iwanicka, M. Skowronek, K. Stembrowicz, Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1996, s. 313–319.

Urzednicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku. Kórnik: Wydawnictwo PAN, 1992, 220 s.

Urzednicy województwa krakowskiego XVI–XVIII wieku. Oprac. S. Cynarski, A. Falniowska-Gradowska, Kórnik: Wydawnictwo PAN, 1990 277 s.

Urzednicy województw kijowskiego i czernihowskiego XV–XVIII wieku. Oprac. E. Janas, W. Kłaczewski, Kórnik: Wydawnictwo PAN, 2002, 344 s.

Urzednicy wojewodztwa ruskiego XIV–XVIII wieku. Oprac. K. Przyboś, Wrocław, Warszawa, Kraków; Gdańsk, Łódź: Wydaw. PAN, 1987, 415 s.

Volumina Legum. Oprac. J. Ohryzko, Sankt-Petersburg: nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860, t. 5, 463 s.

Wagner, M. "Andrzej Potocki, hetman polny koronny (1684–1691)." *W cieniu sukamy jasności i chwały*" *Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696)*, by M. Wagner, Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2002, s. 49–60.

Wagner, M. *Kampania żwanięcka 1684 roku.* Warszawa: Attyka, 2013, 282 s.

Wagner, M. *Słownik biograficzny oficerów polskich drugiej połowy XVII wieku*, t. 1. Oświęcim: Napoleon V, 2013, 345 s.

Wagner, M. *Stanisław Jabłonowski (1634–1702). Polityk i dowódca.* Siedlce: Wydawnictwo WSR–P, 1997, t. 1, 240 s.

Wagner, M. *Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676.* Zabrze: Infortedititions, 2009, t. 1, 408 s.; t. 2. 376 s.

Werduм, U. *Dziennik podróży 1670–1672. Dziennik wyprawy polowej 1671.* Tłum. D. Urbonaite, oprac. D. Milewski, Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2012. 300 s.

Wierzbicki, L. A. "Bunt malkontentów w połowie 1672 roku." *Wobec króla i Rzeczypospolitej. Magnateria w XVI–XVIII wieku*, red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Kraków: Avalon, 2012, s. 377–390.

Wierzbicki, L. A. "Konfederaci szczebrzeszyńscy. Przywódcy związku wojska koronnego na przełomie 1672 i 1673 roku." *Studia z dziejów wojskowości*, t. 1, 2012, s. 177–184.

Wierzbicki, L. A. *O zgodę w Rzeczypospolitej. Zjazd warszawski i sejm pacyfikacyjny 1673 roku.* Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2005, 328 s.

Wierzbicki, L. A. *Pospolite ruszenie w Polsce w drugiej połowie XVII wieku. Ostatnie wyprawy z lat 1670–1672.* Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011, 378 s.

Wimmer, J. "Materiały do zagadnienia liczebności i organizacji armii koronnej w latach 1648–1655." *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. 5, 1960, s. 477–510.

Wimmer, J. *Wiedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy.* Warszawa: Wydawnictwo MON, 1983. 480 s.

Wójcik Z. *Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa: PWN, 1968, 324 s.

Woliński, J. (red.). "Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672–1676: cz. 2." *Studia i materiały do historii wojskowości*, t. 10, cz. 2, 1964, s. 232–262.

Ziątkowski L. Jan Sobieski a kształtowanie się opozycji po elekcji Michała Korybuta Wiśniowieckiego w 1669 r., "Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka", t. 51, 1996, s. 126–137.

Zbigniew Hundert
Museum "The State Castle in" (Warsaw, Poland)

The political and military activity of the Crown Chorąży and Kiev Voivode Andrzej Potocki in 1667–1673

This article aims at reconstructing the earlier stages of the biography of Andrzej Potocki, one of the most important actors of the time and of the richest magnates in the eastern voivodeships of Poland. The analysis is being made within the context of the functioning of the institutions holding the military and political power in Rzeczpospolita in the second half of the 17th century. His successful career was partially conditioned by his belonging to a big aristocratic family. He was the eldest son of the Cracow voivode and Great Crown Hetman Stanisław «Rewera» Potocki and after the death of the latter practically headed the Potocki family. A. Potocki was since young age neatly connected to his own Halych Land and represented it at the Sejm several times. Thanks to the support of such an influential nobleman as Jan Sobieski, he was appointed as Kiev voivode. During the reign of the King Michał Korybut Wiśniowiecki (1669–1673), Potocki was an active member of the opposition and a close ally of Sobieski. He became the initiator of almost all anti-government protests in the army. He successfully ruled the Polish troops during the Polish-Turkish war in the 1672–1676, and this success brought the crown to Sobieski (1674). This in its turn strengthened the position of Potocki himself and prospectively opened him the way to get the highest positions of Field Hetman and Castellan of Kraków.

Keywords: Andrzej Potocki, Jan Sobieski, political struggle, the Polish-Lithuanian Commonwealth, nobility confederations in Poland-Lithuania, the Polish-Ottoman war of 1672–1676.

Оборона Глухова против польской армии короля Яна Казимира в 1664 г.

Решающим событием военной кампании Речи Посполитой на завершающей стадии русско-польской войны 1654–1667 гг. стала неудачная осада Глухова. Она закончилась тяжелым поражением польских войск, что означало провал последней попытки Польско-Литовской державы вернуть под свою власть земли Левобережной Украины. Несмотря на немалое количество исследований, посвященных походу короля Яна Казимира, в целом эта кампания изучена совершенно недостаточно. Источниковую основу статьи составили материалы Разрядного приказа, достаточно хорошо сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Значительная часть использованных источников впервые введена в научный оборот. Их комплексное использование позволило реконструировать детальный ход обороны Глухова от польских войск и развеять ряд устоявшихся заблуждений, в частности о наличии в городе русского гарнизона. В исследовании подробно рассматриваются действия войск Речи Посполитой и украинских казаков в борьбе за этот стратегически важный город Левобережной Украины. Результат исследования показал, что ориентация защитников Глухова на Россию была не только выражением воли части казачества Левобережья, но и отражением общего настроения украинских народных масс.

Ключевые слова: *Глухов, Украина, русско-польская война 1654–1667 гг., король Ян Казимир, войско Речи Посполитой, украинские казаки.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.2.03

Главным событием завершающей стадии русско-польской войны 1654–1667 гг. стал большой поход польско-литовской армии во главе с королем Яном Казимиром на Левобережную Украину зимой 1663–1664 гг. Эта кампания оказалась последней попыткой Речи Посполитой силой вернуть под свою власть все украинские земли, отторгнутые от Польши Богданом Хмельницким. За провалом ко-

ролевского похода вскоре последовало заключение прекратившего войну Андрусовского перемирия 1667 г. между Москвой и Варшавой. Кульминацией же кампании 1663–1664 гг. явилась неудачная осада Глухова, закончившаяся тяжелым поражением и большими потерями польско-литовской армии.

Несмотря на немалое количество исследований, посвященных походу короля Яна Казимира, в целом эта кампания изучена совершенно недостаточно, в основном по опубликованным материалам. Поиск и систематизация архивных источников, введение в научный оборот новых документов Разрядного приказа, сохранившихся в фонде № 210 Российского государственного архива древних актов (РГАДА), позволяют нам иначе взглянуть на ключевое событие русско-польского противостояния зимой 1663–1664 гг. и развеять ряд устоявшихся заблуждений. Речь, прежде всего, идет о составе гарнизона Глухова. При тщательном анализе этого вопроса выясняется, что, вопреки утверждениям многих историков (начиная с Н. И. Костомарова) и даже некоторых участников событий (А. Грамона), в городе не было русского гарнизона, то есть Глухов обороняли исключительно украинские казаки.

Первые описания похода Яна Казимира в отечественных сочинениях появились в конце XVII — начале XVIII в. — в малороссийских летописях Самовидца, Самойло Величко и Григория Грабянки¹. Значительное внимание кампании 1663–1664 г. уделил польский придворный поэт и историк XVII в. В. Коховский². В XIX в. о королевском походе писали историки Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. А. Маркевич, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Н. И. Павлицев, А. П. Барсуков, В. В. Волк-Карачевский, польский исследователь Т. Корзон³ и другие.

1 Летопись Самовидца. СПб., 1846; *Величко С.* Літопис. Київ, 1991. Т. 2; *Грабянка Г.* Літопис Гадяцького полковника Григорія Грабянки. Київ, 1992.

2 *Kochowski W.* Historia panowania Jana Kazimierza z Klimakterów przez współczesnego tłumacza w skróceniu na polski język przełożona. Poznań, 1859. Т. 2.

3 *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. М., 1822. Ч. 2; *Маркевич Н. А.* История Малороссии. М., 1842; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 6. Т. 11; *Костомаров Н. И.* Руина // *Костомаров Н. И.* Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М., 1995; *Павлицев Н. И.* Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. СПб., 1878. Т. 2; *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1892. Кн. 6; *Волк-Карачевский В. В.* Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII веков. Киев, 1899; *Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków, 1923. Т. 1.

Как правило, все они рассматривали «зимнюю кампанию» как эпизод русско-польских отношений в контексте общих работ.

Более углубленный интерес к военным событиям зимы 1663–1664 гг. возник лишь во второй половине XX в., когда вышли научные монографии А. Н. Мальцева и И. В. Галактионова⁴. Значительный вклад в изучение похода Яна Казимира внесли польские историки: З. Вуйцик — в работе об Андрусовском трактате 1667 г., А. Керстен — в книге о гетмане Стефане Чарнецком, Я. Виммер — в исследовании о польском войске второй половины XVII в., З. Спиральский — также в книге о Чарнецком⁵.

При всех несомненных заслугах историков прошлого, наиболее значительный прорыв в изучении рассматриваемой темы произошел лишь в конце 90-х годов прошлого — начале нынешнего века. В это время, наряду с общими работами о русско-польской войне и наиболее видных военачальниках той эпохи, появились специальные исторические исследования о походе Яна Казимира и даже об отдельных эпизодах этой кампании. Так, польский историк Е. Маронь рассмотрел указанную проблематику в статьях о военной деятельности М. К. Паца и «Заднепрянской кампании» Яна Казимира⁶. Советский исследователь В. В. Каргалов затронул эту тему в своей книге в главе о князе Г. Г. Ромодановском⁷. Белорусский историк Г. Саганович уделил много внимания участию литовского войска в данном походе в работе «Невядомая вайна 1654–1667»⁸. Украинские исследователи В. Смолий и В. Степанков рассматривали поход Яна Казимира в сочинении об «украинской национальной революции», а П. Пирог опубликовал

4 *Мальцев А. Н.* Продолжение и завершение русско-польской войны (1654–1667). Андрусовское перемирие // *Очерки по истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955; Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960.

5 *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959; *Kersten A.* Stefan Czarniecki. Warszawa, 1963; *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII w. Warszawa, 1965; *Spierski Z.* Stefan Czarniecki 1604–1665. Warszawa, 1974.

6 *Maroń J.* Działalność wojskowa Michała Kazimierza Paca w latach 1649–1664 // *Z dziejów, tradycji srebrnego wieku.* Wrocław, 1990. S. 52–54; *Maroń J.* Kampania zadnieprzańska Jana Kazimierza 1663–1664 // *Od armii komputerowej do narodowej (XVI–XX w.).* Toruń, 1998. S. 73–88.

7 *Каргалов В. В.* Полководцы XVII в. М., 1990.

8 *Сагановіч Г.* Невядомая вайна 1654–1667 гг. Мінск, 1995.

отдельную статью о «Левобережном походе» Яна Казимира⁹. Польский историк А. Рахуба касался данного похода при изучении вопроса мобилизационных возможностей войска ВКЛ¹⁰. Его коллеги М. Нагельский, К. Бабятынський, Т. Цесельский и А. Маевский посвятили свои исследования военной деятельности литовских военачальников М. К. Паца и А. Г. Полубенского¹¹. В современной России о походе как о последней «попытке объединить Украину» под властью польского короля писала Т. Г. Таирова-Яковлева¹². Военные события этой кампании очень кратко освещены в работах А. В. Малова¹³.

К 350-й годовщине похода Яна Казимира на Украине была проведена специальная научная конференция, на которой историк В. Белашов выступил с докладом об осаде Глухова польскими войсками, а Е. Луняк — о бое под Пироговкой и его значении¹⁴.

При всех заслугах российских, польских и украинских ученых в изучении кампании 1663–1664 гг. следует отметить факт крайне незна-

9 *Смолий В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 1999; *Пиріг П.* Лівобережний похід Яна Казимира 1663–1664 рр. // Сіверянський літопис. 1999. № 5.

10 *Рахуба А.* Мабілізацыйны высілак ВКЛ пад час вайны 1654–1667 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2008. Т. 15. Сш. 1–2. С. 149–174.

11 *Ciesielski T.* Listy Michała Kazimierza Paca do Pawła Jana Sapiehy z okresu kampanii zadnieprzańskiej 1663/1664 r. // *Studia historyczno-wojskowe.* 2006. Т. 1. S. 223–254; *Бабятынські К.* Кар'єра і вайскова дзейнасць гетмана ВКЛ Міхала Казіміра Паца // Беларускі гістарычны агляд. 2008. Т. 15. Сш. 1–2. С. 257–304; *Нагельскі М.* Вайсковая дзейнасць Аляксандра Гілярыя Палубінскага у 1648–1676 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2008. Т. 15. Сш. 1–2. С. 210–256; *Majewski A.* Zagon Aleksandra Hilarego Połubinskiego w głąb państwa Moskiewskiego w 1664 roku // *Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku.* Zabrze, 2013. S. 345–364.

12 *Яковлева Т. Г.* Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003.

13 *Малов А. В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006.

14 *Белашов В.* Облога Глухова польським королем Яном II Казимиром у січні — лютому 1664 р. // Україна та Польща крізь призму століть. Ніжин, 2014. С. 87–93; *Луняк Е.* Бій під Пирогівкою 11 (21) лютого 1664 р. та його значення для перебігу зимового походу Яна II Казимира 1663–1664 рр. // Україна та Польща крізь призму століть. Ніжин, 2014. С. 93–108.

чительного использования в их работах архивных документов РГАДА. Большая часть вышеуказанных исследований, касающихся похода Яна Казимира и обороны Глухова, написана по нарративным источникам (сочинениям А. Грамона, Я. В. Почобута-Одлянницкого, М. Л. Обуховича, Я. А. Храповицкого, П. Гордона, И. Ерлича и другим).

Восполнить этот серьезный пробел можно только с привлечением документов российского военного ведомства — Разрядного приказа, достаточно хорошо сохранившимся в РГАДА, что и было сделано нами в настоящем исследовании. В данной работе использованы следующие документы Разрядного приказа (ф. 210): столбцы Московского стола № 365; столбцы Севского стола № 200; столбцы Белгородского стола №№ 517, 518, 527, 559. Все даты в статье даны по старому стилю. В случае необходимости соотнесения их с датами в польских документах, в скобках рядом указана дата по новому стилю.

Начало похода армии короля Яна Казимира на Левобережную Украину

Осенью 1663 г. король Ян Казимир и магнаты Речи Посполитой решили провести решающую кампанию войны 1654–1667 гг., которая привела бы к поражению Русского государства и его полному отказу от всей Украины.

На начало похода 1663–1664 гг. польское войско состояло из следующих частей и соединений: 7 гусарских хоругвей, 70 казацких, 21 татарская, 1 волошская, 1 рейтарский полк, 17 полков «немецкой» пехоты, 6 хоругвей «польско-венгерской» пехоты, 8 драгунских полков, а именно: 10 822 чел. конницы, 13 824 чел. пехоты и драгун. Всего 24 646 чел.¹⁵

Литовская армия состояла из 7 гусарских хоругвей, 2 панцирных, 39 казацких, 17 татарских, 10 рейтарских, 117 хоругвей «немецкой» пехоты и драгун, 4 хоругвей «польско-венгерской» пехоты, а именно: 8756 чел. конницы, 10 618 чел. пехоты и драгун. Всего 19 374 чел.¹⁶

Действия польско-литовских войск поддерживали украинские казацкие полки правобережья Днепра во главе с гетманом Павлом Тетерей — 10 полков (примерно 10 тыс. чел.¹⁷), а также крымско-татарское войско с царевичами Мамет-Гиреем и Саадет-Гиреем (от 10 до 20 тыс. чел.).

15 *Wimmer J.* Wojsko polskie... S. 141.

16 *Рахуба А.* Мабілізаційны высілак ВКЛ... С. 161–162.

17 РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Белгородского стола. № 517. Л. 13–17.

Таким образом, общая численность объединенной армии под началом короля Яна Казимира из поляков, литвинов, правобережных украинских казаков и крымских татар, которую король мог задействовать в предстоящей кампании, теоретически составляла примерно 70 тыс. чел. Здесь важно отметить, что фактическое число бойцов в польско-литовском войске обычно было ниже данных по «компуту» (смете). Но даже с учетом этого реальную численность всех частей и соединений под командованием короля можно оценить не менее чем в 60 тыс. бойцов. За все годы войны с Русским государством Речь Посполитая не собирала такой многочисленной и мощной военной машины, способной, как самонадеянно считали польские полководцы, без особого труда дойти до самой Москвы.

Русское командование ожидало атаки литвинов на Смоленск и Дорогобуж зимой 1663–1664 гг., видимо не предполагая, что литовское войско готовится к походу с королем на Украину. Зимний поход королевских войск оказался крайне неожиданным для Москвы. В начале октября 1663 г., полагая кампанию на Украине оконченной, Разряд отправил в Белгород царский указ о роспуске войск Белгородского разряда на зиму, что являлось обычной практикой в то время, когда военные походы заканчивались с выпадением снега и наступлением холодов. В пограничных городах «на боевом дежурстве» оставались незначительные силы русской армии и отдельные гарнизоны, а большая часть служилых людей получала возможность отдохнуть до весны в своих домах, пополнить запасы и откормить коней для будущих походов.

Стремясь быстрее достичь своей цели, польское командование решило не осаждать большие города с сильными русскими гарнизоном (Киев, Переяслав, Нежин, Чернигов), рассчитывая на то, что, оставшись далеко в тылу, они сдадутся сами. Поначалу наступление королевской армии на Левобережной Украине развивалось весьма успешно. Поляки и казаки гетмана Тетери взяли «Лохвицу, Лубны, Глинск и Варву приступом», а затем двинулись к Прилукам. Ромны сдались королю, а местные казаки «пошли в войско к Павлу Тетере»¹⁸. Стойкое сопротивление оказал лишь городок Салтыкова Девица на Десне. После жестокого приступа и боя поляки взяли его, поголовно вырезав все население.

Узнав, что в Батурине сильный московский гарнизон, польское командование не решилось на штурм этого города. Король не стал приступать к Батурину и двинулся на Короп и Кролевец.

18 Там же. № 527. Л. 11–12.

Оборона Глухова

13 (23) января — 30 января (9 февраля) 1664 г.

Кролевец сдался королевскому войску 11 января, после чего Ян Казимир выступил на Короп и Глухов. По словам взятого в плен рейтара шляхтича Яна Клабуцкого, если король «Коропов и Глухов возьмет или не возьмет», то пойдет к Путивлю на Шереметева¹⁹. Участник похода Феликс Казимир Потоцкий, подстолий коронный, позднее писал Ю. Любомирскому о том, что королю под Глуховом «задержаться пришлось, поскольку он стоял на дороге, обойти его было нельзя, и пришлось там с войском две недели стоять...»²⁰.

13 (23) января польские войска обложили Глухов. Согласно «Дневнику» Патрика Гордона, коронная армия «явилась под Глухов и осадила оный, подводя апроши и мины и готова фашины, лестницы и все необходимое для штурма... В Глухове начальствовал полковник Дворецкий; там находилось великое число всякого рода людей, и все были полны решимости защищаться до последнего. Несколько дней ушло на метание бомб и пушечный обстрел стен и зданий. Приготовив мины, (поляки) взорвали оные и пошли на штурм, но мины не возымели желаемого действия, и те были отбиты с многочисленным уроном...»²¹.

В письме бывшего в осадном лагере ротмистра А. Незабитовского сообщается, что обороной Глухова руководил Дворецкий, «который недавно от царя приехал»²². 19 (29) января был предпринят первый общий штурм Глухова (см. рис. 1), в котором «много людей благородных из офицеров пехоты погибло, много было раненых...»²³. Незабитовский сообщает о заговоре части горожан в Глухове против Дворецкого, которого связали и хотели выдать полякам. Заговорщики выслали двух сотников к королю, чтобы обговорить условия сдачи, однако сторонники Дворецкого освободили его и не позволили изменникам сдать город. Произошло это в тот момент, когда некоторые поляки уже «на валах были и в городе», однако атакующие были отброшены за городские укрепления²⁴.

19 Там же. Столбцы Севского стола. № 200. Л. 188.

20 Zbiór pamiętników do dziejów polskich / wyd. W. S. de Broel-Plater. Warszawa, 1859. Т. 4. S. 144.

21 Гордон П. Дневник, 1659–1667. М., 2002. С. 138.

22 Zbiór pamiętników... Т. 4. S. 138.

23 Ibid.

24 Ibid.

Рисунок 1. Схема Осады Глухова 1664

По словам поляка Я. Гротуса осада пошла не так, как они рассчитывали, «поскольку город был укреплен не только валом и глубоким ровом, но и упорством и решимостью Дворецкого...»²⁵.

Героическая оборона Глухова хорошо известна многим любителям военной истории XVII в. прежде всего по запискам француза Антуана-Шарля де Грамона (1646–1720), который во время похода короля Яна Казимира находился в рядах польских войск. Согласно Грамону, первый штурм «произведен на рассвете. Мина взорвалась, и, не расследовав вполне ее действия, которое не оказалось слишком хорошо, назначенные [пехотные] полки, так же как и большое количество спешенной польской кавалерии, бросились в атаку вдоль дороги на не защищенные с боков городские ворота, разбитые пушечными выстрелами... мы встретились с прекрасною баррикадою позади ворот, с заряженною картечью пушкой, которая была вдоль насыпи, а мушкетный огонь был так ужасен и так верно направлен, что менее чем через полчаса тут были убиты на месте 500 человек, а остальные настолько потеряли боеспособность, что нужно было помышлять об отступлении». Далее Грамон сообщает об атаке, «которая велась по замерзшему болоту», когда под «многими из наших людей, поддерживавших тех, кто ворвался в брешь,

25 Ibid. S. 141.

проваливался лед, что причиняло большой беспорядок и вселяло ужас». Поляки ворвались в брешь, обороняемую «двумя тысячами царских драгунов, совершавших чудеса храбрости. Большая часть всех наших офицеров была убита на вершине парапета вокруг водруженных там знамен; остатки пехоты совершенно отбиты, с крайними потерями». В итоге король и гетманы «вынуждены были уступить и отдать приказание отступить всем войскам, перенеся гиканье господ московитов, которое было велико. Я не думаю, чтобы когда-либо войска показали столько образцов доблести, как поляки в этот день в их способах атаки и московиты в своей прекрасной обороне. Мы потеряли около 4.000 человек и более 200 офицеров»²⁶. Следует отметить, что данные о потерях сильно преувеличены Грамоном. Польские участники штурма называли от тысячи до двух тысяч убитых и раненых.

В письме другого участника осады Глухова, Александра Поляновского, содержится интересная информация о гарнизоне города, на которую почти не обращали внимания исследователи. Он, в частности, писал, что король осадил Глухов, поскольку «было предположение, что хотя это пограничный город, но никакой московской залогии (гарнизона. — *И. Б.*) не имеющий, поэтому овладение им не составит трудности»²⁷. По его словам, город держался благодаря «только одному Дворецкому, который, недавно из столицы приехав, взял на себя командование»²⁸. Миф о наличии московского гарнизона в Глухове, вероятно, возник из записок Грамона, который, как мы не раз увидим в дальнейшем, описывая подвиги «царских драгун», принял за них собственно казаков.

Более того, историк Н. М. Костомаров ошибочно писал о присутствии в городе во время осады стрелецкого полковника и головы Аврама Лопухина²⁹. Это заблуждение кочует из одного исторического исследования в другое и принимается авторами без должного критицизма. На самом деле ни Лопухина, ни его стрельцов в то время в Глухове не было. Согласно разрядным документам, с 31 декабря 1663 по 10 января 1664 г. Аврам Лопухин находился в Можайске, а затем выехал в Москву³⁰. Даже если представить, что его в самый последний

26 *Грамон А.* Из истории Московского похода Яна Казимира (1663–1664 гг.). Юрьев, 1929. С. 16–17.

27 *Zbiór pamiętników...* Т. 4. S. 147.

28 *Ibid.* S. 147.

29 *Костомаров Н. И.* Руина... С. 21.

30 РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Белгородского стола. № 518. Л. 12, 55.

момент направили в Глухов, то, учитывая расстояние от Можайска до Глухова (более 600 км), он никак не мог попасть в город до начала осады (13 января), а тем более вместе со всеми своими стрельцами. Ошибочное представление о присутствии в городе в период осады стрелецкого полковника возникло из письма глуховского протопопа Ивана Шматковского от 14 мая 1664 г., в котором он рассказывал о спасении Лопухина и еще нескольких московских людей во время измены глуховцев³¹. В данном случае Костомаров решил, что речь идет об осаде 1664 г., тогда как на самом деле пленение Лопухина в Глухове и его спасение от смерти имело место в декабре 1658 г. в ходе мятежа гетмана И. Выговского.

В письме Ф. К. Потоцкого также упоминается о заговоре части горожан Глухова. По его словам, они едва не выдали королю «своего коменданта Дворецкого, который был прислан от Брюховецкого». Однако верх взяли промосковские силы. Уцелевших после расправы заговорщиков осажденные «выгнали за вал» в лагерь поляков³².

19 января князь Яков Черкасский, шедший с войском из Можайска к Севску, узнал от путивльского воеводы Петра Шереметева об осаде поляками Глухова, о чем сообщил белгородскому воеводе князю Григорию Ромодановскому. По словам пленных, «польской де король стоит ныне под Глуховым со всеми своими войски и с татары и тому ныне девятой день, а хочет де король полской над Глуховым всякими промыслы чинить жестокие приступы и сего ж года и числа стрельба от Глухова пушечная в Путивле слышна была большая, чаят с того, что к Глухову приступ был, и вам бы, господа, сопча с нами, прося у Бога милости, учинить городу Глухову помочь, чтоб без помочи нашей городу Глухову взяту не быть, а нам бы от великого государя в опале не быть». Оправдываясь тем, что он сам не может спешно прибыть на выручку Глухову — «своих полков ратными людьми городу Глухову помочи учинить немочно», он обращался к Шереметеву и Ромодановскому, чтобы они «городу Глухову помочь чинили и за помощью Божией против полского короля стояли...»³³.

21 января путивльский воевода Петр Васильевич Шереметев послал «дворян разных городов в посылку для языков». За 12 верст до

31 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 5. СПб., 1867. С. 195.

32 Zbiór pamiętników... Т. 4. S. 145.

33 РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 365. Л. 214–215.

Глухова они «сошлись с полскими и литовскими людми и с черкасы». В ходе боя в полон был взят «надворного полку рейтар Померской земли (Померанской. — *И. Б.*) немчин Фредрик Броншвик». В расспросе пленный пояснил, что служил в королевском надворном полку полковника Белинского. По его словам, польский король с войском в то время стоял от Глухова в пяти верстах. С ним были гетман С. Потоцкий, С. Чарнецкий, М. Вишневецкий и коронный хорунжий Я. Собеский. Казаками правобережья Днепра командовал наказной гетман Иван Богун, полковники Иван Вербицкий (Лубенский) и Григорий Гуляницкий. Броншвик дал подробные показания о составе королевского войска³⁴.

Пленник также сообщил, что на помощь королю идет литовское войско, а в трех верстах от Глухова стоит шесть тысяч крымских татар. По словам Броншвика, недостаток финансирования и общий упадок духа в польском войске уже сказались на настроении бойцов: «иные рейтары королевского полку, целая рота под городом Коропом, покиня знамя, побежали в свою землю от нужи», поскольку король им «корму не дает многие дни»³⁵.

Броншвик рассказал любопытные подробности первого штурма Глухова поляками. 18 января, по его словам, «был приступ к Глухову, и на том приступе убит Померской земли драгунской полковник Брондвин да прапорщик, да ранен драгунской полковник же Французской земли (вероятно, Брион. — *И. Б.*) и иных начальных и всяких чинов людей побито много, а стоят де под Глуховым под самую стеной, ослонясь турами и бревнами, а на приступе и челядники были, а татар на приступе не было». И как на приступе «королевских людей под Глуховым побили и королю де про то учинилась ведомость и он король де о том стал печален»³⁶.

22 января Шереметев снова посылал дворян разных городов в посылку за «языками». За 15 верст от Глухова в стычке с польскими и литовскими людьми они взяли 3 черкас — Гришку Лапату, Сенку Петрова и Кирюшку Кудрю. Пленные сказали, что польский король стоит «со всеми полскими и литовскими людми и с ызменники с черкасы и с татары под Глуховым». 18 января к Глухову был приступ, и «на приступе людей побито и ранено с тысячу человек, да драгунов потонуло на реке Усмани, обламались на лду с тысячу человек, (из тех. — *И. Б.*) которые катили к городу Глухову туру, и щиты рубле-

34 Там же. Столбцы Севского стола. № 200. Л. 173–174.

35 Там же. Л. 172–174.

36 Там же. Л. 175.

ные несли»³⁷. По словам пленных, 24 января ожидается прибытие в королевский лагерь «литовского и жмоцкого войска». Король хочет «промышлять над Глуховым вскоре», а затем идти под Путивль и дать бой царскому войску³⁸.

По показаниям литовских челядников М. Перова и С. Симонова, взятых в плен русскими ратными людьми 25 января, «как к Глухову приступ был один и на том приступе побито людей тысячи з две, да они же слышали в полку, что приступ будет к Глухову генваря в 26 число и к приступу всякие приступные вымыслы изготовлены». В то же время, по их словам, «король же опасается» того, что боярин и воевода Шереметев, соединясь с Ромодановским и с гетманом Брюховецким, нападет на польское войско³⁹.

28 января (7 февраля) на помощь королевскому войску под Глухов прибыли литовские полки Якуба Ясперса и Христиана Людвиг Калькштейна, принявшие участие во втором штурме⁴⁰.

В письме подполковника Иоганна Магнуса фон Охапа (Oghap), адресованном Ю. Любомирскому, сообщаются подробности двух штурмов Глухова. Охап писал, что во время первого штурма глуховцы «очень упорно» защищали город, когда его солдат на «несчастный штурм» отправили. Тогда «людей много погибло», а самого подполковника ранили. По его словам, «казаки, несколько тысяч, которые с Богуном до обоза королевского пришли, штурмовать не хотели, в чем причина, понять не могу. В иных полках убитых и раненых оказалось немало, когда списки подавали, обер-офицеров — больше ста сорока человек, унтер-офицеров — двести и несколько десятков, солдат около двух тысяч»⁴¹. Второй штурм предпринят 29 января (8 февраля). По словам Охапа, «мины не помогли, и с великим взрывом немало наших жолнеров землей накрыло; ничего не могли исправить, погубивши людей, вынуждены были отступить»⁴².

Потоцкий причину неудачи штурма также видел в пассивности казаков: «Из-за нежелания войска казацкого, которое на штурм не шло, вся сила из города на нас повернула, три часа продолжался штурм, который закончился отступлением и немалый урон войску

37 Там же. Л. 179.

38 Там же.

39 Там же. Л. 196.

40 *Maroń J.* Kampania zadniepzańska Jana Kazimierza... S. 84.

41 *Zbiór pamiętników...* Т. 4. S. 149.

42 *Ibid.*

сделал, потому что из всех полков людей убито и ранено, офицеров много потеряли...»⁴³.

Об измене украинских казаков под началом Богуна прямо писал Иоахим Ерлич в своей «Хроничке». По его словам, наместник гетмана Павла Тетери Иван Богун «со своим товариществом: полковниками, сотниками и всяким своим козацтвом, которые там были, давали знать до города Глухова, чтобы в осторожности были того дня или ночи, да еще и на помощь по несколько сот казаков посылали, чтобы оборонялись. Где порох подкладывали, у того места под валы, про то два раза получали (осажденные) ведомость от Богуна и казаков, который посылал оповестить, где много войска собирается... и из-за этого много офицеров и пехоты немецкой и подольской полегло. Если вспоминали про все время войны, то нигде столько жолнеров не погибло, как под Глуховом»⁴⁴.

Наказной гетман Иван Богун, заподозренный в измене королю, был отстранен от командования и арестован, а впоследствии — расстрелян. После казни Богуна казацкие полки, бывшие под его началом, передали Григорию Гуляницкому.

В письме участника осады, некоего Гротуса, Ю. Любомирскому сообщается, что второй «штурм длился несколько часов, солдат и офицеров много потеряли... пришлось с сожалением и стыдом отступить». В ходе штурма три мины, подведенные осаждающими под валы, взорвались не в городе, а среди штурмующих, причинив им большие потери, после чего король «приказал полкам отойти»⁴⁵.

Грамон отмечает, что король «плохо мирился с неприятностью поражения» в первом штурме, что заставило его решиться на второй приступ через восемь дней. Поляки снова подвели мину под крепостную стену, к краю рва «были выдвинуты две батареи, одна из двенадцати пушек, другая из шести. На восьмой день, в шесть часов утра, по данному сигналу, были взорваны две мины, и все назначенные полки, поддерживаемые всей кавалерией, ворвались с величайшей отвагой в обе брешы. Уже некоторое число поляков и немецких офицеров вошло в город, отрубив головы всем защитникам брешей, и наши знамена подняты на вершине, — и мы одно время с полным основанием были уверены, что дело кончено. Но вскоре мы испытали обратное. Губернатор, бывший

43 Ibid. S. 145.

44 *Jerlicz J. Latopisiec albo kroniczka Joachima Jerlicza*. T. 2. Warszawa, 1853. S. 89–90.

45 *Zbiór pamiętników...* T. 4. S. 141.

человеком, пользовавшимся выдающеюся репутацией среди москвитов, явившись со всем своим гарнизоном, в один момент отбросил вошедших в город людей и опрокинул их с высоты пролома вниз, а затем, с трудно передаваемою стойкостью овладев брешью, открыл по нашим людям такой убийственный огонь и перебил их такое количество, что пришлось податься и уступить превосходству неприятельского огня, не прекращавшегося нисколько, несмотря на наши восемнадцать пушек, стрелявших беспрерывно по брешам. Наши потери в людях по меньшей мере были такими же, как и в первом деле»⁴⁶.

Следует обратить внимание, что француз особенно подчеркивает роль «губернатора» — киевского полковника Василия Дворецкого, сыгравшего выдающуюся роль в обороне Глухова, что признавали даже его противники. Автор «Истории русов» ошибочно приписывает руководство обороной «судье генеральному Животовскому»⁴⁷, тогда как Павел Животовский в период осады города был всего лишь гадячским сотником⁴⁸, а не «судьей генеральным», то есть находился в подчинении Дворецкого.

2 февраля воевода Рыльска Василий Лаговчин получил важные известия об осаде Глухова от драгуна Анофрия Юшина. Юшин сказал, что 10 января он приехал «в Глухов к родственнику для своего дела и при нем де пришел войною к Глухову полской король с войском и в Глухове их осадил». По словам драгуна, к городу «от короля было два приступы болшие и подкопы многие». Два штурма были отбиты, и «на приступах воинских людей многих побили». В ходе осады «по присылке» писем от короля «глуховские сотники и атаманы, вся старшина — Васка Умонец с товарищи хотели полскому королю город здать и полковника Василья Дворецкого ему королю выдать», однако сами глуховцы и «великого государя пограничных городов уездные люди, которые сидели в осаде в Глухове, тех сотников и атаманов — Васку Умонца с товарищи болши дватцати человек переимали и полковника Василья Дворецкого у них отняли и тех изменников побили». Про это «полскому королю учинилось ведомо, что изменников в Глухове изымали и за измену побили, и от Глухова он, король, с войском отступил генваря в 30 день». Юшин сказал, что

46 Грамон А. Из истории Московского похода... С. 17–18.

47 Історія Русів / укр. пер. І. Драча. Київ, 1991. С. 210.

48 Малороссийские дела. Описи фонда № 124 Российского государственного архива древних актов / отв. ред. Т. Г. Таирова-Яковлева. М., 2016. С. 55.

король «отпустил обоз к Новугородку-Северскому», а сам пошел с войском к Севску⁴⁹. Из этого, очень ценного сообщения, ясно видно, что во главе пропольского мятежа стоял сотник Василий (вероятно, все же, ошибка в имени, сотником тогда был Филипп Уманец) и «вся старшина», которые едва не сдали город королю. Кроме того, Юшин подтверждает то, что в городе не было никакого русского гарнизона, а были лишь «великого государя пограничных городов уездные люди», случайно оказавшиеся там накануне осады. Причем, возможно, Юшин был единственным представителем «царских драгун», о подвигах которых так ярко рассказывал Грамон. Этот факт подкрепляет выдвинутый нами ранее тезис о том, что француз не различал украинских казаков и русских ратных людей.

Полковник Василий Дворецкий 1 февраля сообщил в Путивль Шереметеву, что король от Глухова пошел к Севску «покинув пушку, а та пушка взята в малороссийском городе Коропове, да раненых людей [...] пушку и раненых людей глуховские казаки взяли и привезли в Глухов»⁵⁰. К сожалению, «Летописец» Дворецких, автором которого, возможно, является сам полковник, крайне скупо повествует об обороне Глухова, ничего не сообщая о его защитниках: «М[іся]ця генвара корол полский з войском коронным, литовским, зо всею Україною з козаками и зо двома солтаны, з многими ордами под Глухов притягнул и у Глухові Василя Феодоровича Дворецкого, полковника киевского, чотири неділи зо всім своим войском добывали розными приступами, приметами, штурмами, огнистыми, кулями и подкопами. Але стративши войска, половину піхоты своей, назад з великим безчестием до Полци пошли»⁵¹.

Гротус приводит сведения о том, что «из главных офицеров» в ходе двух штурмов были ранены «полковники Бакун (Bakun, вероятно — Бокум. — *И. Б.*), Брион (Brion), Тетвин (Tetwin), подполковник Охач (Ochop). Убит подполковник полка князя Михала и много иных, как с нашей пехоты, так и с кавалерии, поскольку воевода русский (Чарнецкий. — *И. Б.*) приказал своим конным сойти с коней и приступить к валам»⁵².

49 РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Белгородского стола. №. 559. Л. 202–205.

50 Там же. Столбцы Севского стола. № 200. Л. 198.

51 *Мыцык Ю. А.* «Літописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. // *Летописи и хроники.* М., 1984. С. 231.

52 *Zbiór pamiętników...* Т. 4. S. 142.

Как записал в своем «Дневнике» Патрик Гордон, «утратив надежды на успех, (король) выступил к Севску, где соединился с литовской армией»⁵³. Самовидец отмечал, что поляки, осадив Глухов, «розные промыслы чинячи, штурмуючи, подкопами, и ничего не могли вскурати, тилко волости московские попустошили...». По словам летописца, в этом «стоянии под Глуховом» королевское войско стало испытывать большие трудности с добыванием продовольствия, люди и кони «зморены голодом, войско барзо ослабело. А тим часом войска его царского величества приблизилися...»⁵⁴. О неудачной осаде Глухова писал и Феоdosий Софонович в своей «Хронике»: «Пришол король под Глухов и четыре недели мощно Глухова гранатами, подкопами и штурмами розне добывал. Але не добывши и много воиска потративши, вернувся з великою шкодою на краи Литовскийї, боячися воиск царских, которыї, потужныи, близко наступовали. Места тежь заднепрьскийї, залог кролевских повыбивавши, все знову под царьскую подгорнулися руку»⁵⁵.

Григорий Грабянка в своей летописи ошибочно называет главным действующим лицом обороны Глухова «генерального судью» (на самом деле, как было отмечено, — сотника) Павла Животовского, не упоминая полковника Дворецкого⁵⁶. В то же время все участники тех событий единогласно называют Василия Дворецкого руководителем, организатором и идейным вдохновителем обороны города, а о Животовском даже не упоминают, хотя последний, конечно, принимал участие в защите Глухова.

Среди других источников, правда, не слишком заслуживающих доверия, стоит упомянуть летопись Самойло Величко, в которой описана полностью вымышленная битва под Глуховом 30 января войска гетмана Брюховецкого с армией короля Яна Казимира, в ходе которой поляки были разбиты⁵⁷, а также «Историю русов», неизвестный автор которой утверждает, что в Глухове якобы находились аж три казацких полка — Черниговский, Стародубский и Нежинский⁵⁸. О якобы бывшей полевой «битве под Глуховом» не упоминает ни один участник тех событий, а наличие трех казацких полков в городе весьма сомнительно, учитывая, что там не было их полковников.

53 Гордон П. Дневник, 1659–1667... С. 138.

54 Летопись Самовидца. С. 43.

55 Сафонович Ф. Хроника летописцев стародавних. Киев, 1992. С. 101.

56 Грабянка Г. Літопис... С. 185.

57 Величко С. Літопис. С. 37–38.

58 Історія Русів или Малой Росії. С. 210.

14 февраля, после ухода поляков, Шереметев послал из Путивля «наперед себя» в Глухов «для подлинного ведома» драгунского строю полковника Ирика Андерсона Лукса с полком. Сам Шереметев задержался с выступлением в поход, поскольку прибывший в Глухов Лукс сообщил ему с посыльным, что после осады в городе «теснота большая и от приступов короля польского раненых людей много, а на посаде дворов нет, все пожжены, и конских кормов некоторыми мерами добыть негде»⁵⁹. Шереметев и Лукс также косвенно подтверждают то, что в период осады в городе не было никаких «царских драгун», иначе бы они оба непременно поинтересовались их судьбой. Лукс не встретил в Глухове никакого «московского гарнизона».

Оборона города позволила русскому командованию мобилизовать все наличные вооруженные силы в условиях зимы и направить их навстречу противнику. После отступления от Глухова король двинулся к Севску, где произошло соединение польской и литовской армий. Учитывая сильный московский гарнизон в городе и мощную артиллерию, шансов овладеть Севском у королевских войск было еще меньше, чем захватить Глухов, поэтому король не стал испытывать судьбу еще одной непредсказуемой осадой.

Ян Казимир и его военачальники приняли решение об отступлении, опасаясь окружения. Оценивая силы неприятеля, польские участники событий значительно завышали численность приближающихся к ним русских армий. Так, Потоцкий в то время писал о воеводах следующее: «Долгоруков с Черкасским с 45 000 соединились в Калуге и к Ромодановскому идут, который в Сумах с 6000 стоит», а Шереметев в Путивле с 5000⁶⁰. Незабитовский сообщал, что в Батурине с Брюховецким было «4000 москвы», с Шереметевым с 5000 войска, при Ромодановском «войска 10 000 доброга», а Черкасский, по его словам, вел с собой 40 000⁶¹. На самом деле общая численность противостоящих польско-литовскому войску московских армий была в два раза меньшей.

По словам капитана Александра Сенковского, служившего в войске Великого княжества Литовского, когда «король был под Глуховым, и у него де войска на приступах побито и на вылозках с 5000 всякого люду, да померло в дороге и побито от мужиков, как пошел в Литву, болных и безодежных и раненых и с голоду с 8000». Хотя эти

59 РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 365 Л. 217.

60 Zbiór pamiętników... T. 4. S. 145.

61 Ibid. S. 139.

данные, вероятно, сильно преувеличены, урон, понесенный польско-литовской армией, в итоге способствовал началу мирных переговоров и окончанию войны.

Общее отступление польско-литовского войска означало крах всех наступательных планов верхушки Речи Посполитой.

Рассуждая о причинах столь неожиданного ухода королевской армии, можно выделить следующие:

— утомленность долгим и безрезультатным походом в тяжелых зимних условиях (недостаток финансирования, трудности снабжения, бездорожье и глубокий снег);

— большие потери в предшествующих боях (в том числе при осаде и штурмах Глухова), значительные небоевые потери умершими от болезней, обморожения и т. п.;

— приближение русских армий и казаков гетмана Брюховецкого, риск окружения со стороны объединенных неприятельских сил;

— восстания на Украине в тылу польской армии;

— недоверие к правобережным казакам, находившимся в польском войске, после их нежелания активно участвовать в осаде Глухова и даже помощи осажденным.

Надо полагать, что, взвесив все «за» и «против» продолжения похода, король и его военачальники решили повернуть назад, так как риск от наступления на восток все больше возрастал, а перспектива удачного исхода предприятия становилась все туманнее.

Русские воеводы ограничились преследованием отступающего противника и вытеснением его за р. Десну, то есть одними маневрами и незначительными стычками добились его ухода малой кровью, почти без потерь для своих вооруженных сил.

Заключение

Несмотря на отсутствие громкого успеха, Русское государство могло праздновать победу. Грандиозный поход большой польско-литовской армии во главе с самим королем Яном Казимиром завершился полным провалом, с весьма серьезными потерями для войск Речи Посполитой. Зимняя авантюра короля стоила больших усилий и жертв и оказалась последней, неудачной попыткой поляков вернуть Левобережную Украину.

В сохранении Левобережной Украины в составе России особую роль сыграли казаки во главе с полковником Василием Дворецким. Выбор глуховцев в пользу Москвы был не только выражением воли части украинского казачества Левобережья, но и отражением общего

настроения народных масс. Никто не принуждал горожан к сопротивлению польским войскам. Казаки и мещане сознательно и добровольно мужественно защищали свой город, несмотря на отсутствие в нем русского гарнизона, без всякой поддержки или давления со стороны московских воевод. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что отдельные случаи измены казацкой старшины, нередко переходившей на сторону поляков, не повлияли на желание защитников Глухова сохранить верность Москве. Это желание, а также тайная и явная помощь казаков из королевского лагеря, фактически бойкотировавших штурм города, ярко демонстрируют нам, на чьей стороне были симпатии значительной части украинского общества в решающий момент битвы за Украину.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 517, № 518, № 527, № 559; Столбцы Московского стола. № 365; Столбцы Севского стола. № 200.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб.: в тип. Эдуарда Праца, 1867. Т. 5. 1659–1665. 322 с.

Бабятынські К. Кар'єра і вайскова дзейнасць гетмана ВКЛ Міхала Казіміра Паца // Беларускі гістарычны агляд. 2008. Т. 15. Сш. 1–2. С. 257–304.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М.: в тип. Семена Селивановского, 1822. Ч. 2. 181 с.

Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. Кн. 6. XV, 575, [2] с.

Белашов В. Облога Глухова польським королем Яном II Казимиром у січні — лютому 1664 р. // Україна та Польща крізь призму століть. Ніжин: Ніжинський державний університет імені Миколи Гоголя, 2014. С. 87–93.

Величко С. Літопис. Т. 2. Київ: Дніпро, 1991. 642 с.

Волк-Карачевский В. В. Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII веков. Киев: Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1899. 377 с.

Галактионов И. В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960. 107 с.

Гордон П. Дневник, 1659–1667. М.: Наука, 2002. 318 с.

Грабянка Г. Літопис Гадяцького полковника Григорія Грабянки. Київ: Т-во «Знання», 1992. 192 с.

Грамон А. Из истории Московского похода Яна Казимира 1663–1664. Юрьев: Тип. Маттисена, 1929. 29 с.

Історія Русів / укр. пер. І. Драча. Київ: Радянський письменник, 1991. 318 с.

Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990. 496 с.

Костомаров Н. И. Руина // *Костомаров Н.И.* Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. 800 с.

Летопись Самовидца. СПб.: Университетская типография, 1846. 152 с.

Луняк Е. Бій під Пирогівкою 11 (21) лютого 1664 р. та його значення для перебігу зимового походу Яна II Казимира 1663–1664 рр. // *Україна та Польща крізь призму століть*. Ніжин: Ніжинський державний університет імені Миколи Гоголя, 2014. С. 93–108.

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальней период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.

Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз. 2006. 48 с.

Малороссийские дела. Описи фонда № 124 Российского государственного архива древних актов / отв. ред. Т. Г. Таирова-Яковлева. М.: Древлехранилище, 2016. 652 с.

Мальцев А. Н. Продолжение и завершение русско-польской войны (1654–1667). Андрусовское перемирие // *Очерки по истории СССР. Период феодализма. XVII в.* / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.

Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 2. М.: Тип. Августа Семена, 1842. 696 с.

Мьцьук Ю. А. «Літописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. // *Летописи и хроники*. М.: Наука, 1984. С. 219–234.

Нагельскі М. Вайсковая дзейнасць Аляксандра Гілярыя Палубінскага у 1648–1676 г. // *Беларускі гістарычны агляд*. 2008. Т. 15. Сш. 1–2. С. 210–256.

Павлищев Н. И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. СПб.: Тип. С. В. Белашева, 1878. Т. 2. 408 с.

Пиріг П. В. Лівобережний похід Яна Казимира 1663–1664 рр. // *Сіверянський літопис*. 1999. № 5. С. 15–24.

Рахуба А. Мабілізацыйны высілак ВКЛ пад час вайны 1654–1667 г. // *Беларускі гістарычны агляд*. 2008. Т. 15. Сш. 1–2. С. 149–174.

Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667 гг. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. 144 с.

Сафонович Ф. Хроника летописцев стародавних. Киев: Наукова думка, 1992. 336 с.

Смолій В. А., Степанков В. С. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ: Альтернативи, 1999. 352 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения. М.: Мысль, 1991. Кн. 6, т. 11. 671 с.

Яковлева Т. Г. Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ: Основи, 2003. 644 с.

Ciesielski T. Listy Michała Kazimierza Pacy do Pawła Jana Sapiehy z okresu kampanii zadnieprzańskiej 1663/1664 r. // *Studia Historyczno-Wojskowe*. 2006. T. 1. S. 223–254.

Jerlicz J. Latopisiec albo kroniczka Joachima Jerlicza. Warszawa, Petersburg: druk. Wienhoebera, 1853. T. 2. 214 s.

Kersten A. Stefan Czarniecki. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. 664 s.

Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza z Klimakterów przez współczesnego tłumacza w skróceniu na polski język przełożona. Poznań: Druk. Walenty Stefański, 1859. T. 2. 314 s.

Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków: Wydawnictwo Akademii Umiejętności, 1898. T. 1. 464 s.

Majewski A. Zagon Aleksandra Hilarego Połubinskiego w głąb państwa Moskiewskiego w 1664 roku // *Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*. Zabrze: Inforteditions, 2013. S. 345–364.

Maroń J. Działalność wojskowa Michała Kazimierza Pacy w latach 1649–1664 // *Z dziejów tradycji srebrnego wieku*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990. S. 3–60.

Maroń J. Kampania zadnieprzańska Jana Kazimierza 1663–1664 // *Od armii komputowej do narodowej (XVI–XX w.)*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. S. 73–88.

Spijerski Z. Stefan Czarniecki 1604–1665. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1974. 380 s.

Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej połowie XVII w. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1965. 386 s.

Wójcik Z. Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1959. 284 s.

Zbiór pamiętników do dziejów polskich / wyd. W. S. de Broel-Plater. T. 4. Warszawa: w drukarni gazety codziennej, 1859. 242 s.

References

Rossiiskii gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov (RGADA, Moscow), fond. 210. Razriadnyj prikaz. Stolbtsy Belgorodskogo stola, no. 517, 518, 527, 559; Stolbtsy Moskovskogo stola, no. 365; Stolbtsy Sevskogo stola, no. 200.

Akty, odnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, t. 5, 1659–1665. Saint-Petersburg: v tipografii Ėduarda Pratsa, 1867, 322 s.

Babiatyn'ski, K. "Kar'era i vaiskovaia dzeïnasts' hetmana VKL Mikhala Kazimira Patsa." *Belaruski Histarychny Ahliad*, t. 15, 2008, ssh. 1–2, s. 257–304.

Bantysh-Kamenskii, D. N. *Istoriia Maloi Rossii*, ch. 2. Moscow: v tip. Semena Selivanovskogo, 1822, 181 s.

Barsukov, A. P. *Rod Sheremetevykh*, kn. 6. Saint-Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1892, XV + 575 + [2] s.

Belashov, V. "Obloha Hlukhova pol's'kym korolem Ianom II Kazymyrom u sichni — liutomu 1664 r." *Ukraïna ta Pol'shcha kriz' pryizmu stolit'*, Nizhyn: Nizhyns'kyi derzhavnyi universytet imeni Mykoly Hoholia, 2014, s. 87–93.

Ciesielski, T. "Listy Michała Kazimierza Paca do Pawła Jana Sapiehy z okresu kampanii zadnieprzańskiej 1663/1664 r." *Studia Historyczno-Wojakowe*, t. 1, 2006, s. 223–254.

Galaktionov, I. V. *Iz istorii russko-pol'skogo sblizheniia v 50–60-kh godakh XVII veka*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1960, 107 s.

Gordon, P. *Dnevnik, 1659–1667*. Moscow: Nauka, 2002, 318 s.

Gramon, A. *Iz istorii Moskovskogo pokhoda Iana Kazimira 1663–1664*. Iur'ev: Tipografiia Mattisena, 1929, 29 s.

Hrabianka, H. *Litopys Hadiats'koho polkovnyka Hryhoriia Hrabianky*. Kyïv: Tovarystvo "Znannia", 1992, 192 s.

Iakovleva, T. H. *Ruyna Het'manshchyni. Vid Pereiaslavs'koi rady-2 do Andrusivs'koi uhody (1659–1667 rr.)*. Kyïv: Osnovy, 2003, 644 s.

Istoriia Rusiv. Per. I. Dracha. Kyïv: Radians'kyi pys'mennyk, 1991, 318 s.

Jerlicz, J. *Latopisiec albo kroniczka Joachima Jerlicza*, t. 2. Warszawa, Saint-Petersburg: Druk. Wienhoebera, 1853, 214 s.

Kargalov, V. V. *Polkovodtsy XVII v*. Moscow: Patriot, 1990, 496 s.

Kersten, A. *Stefan Czarniecki*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005, 664 s.

Kochowski, W. *Historia panowania Jana Kazimierza z Klimakterów przez współczesnego tłumacza w skróceniu na polski język przelożona*, t. 2. Poznań: Druk. Walenty Stefański, 1859, 314 s.

Korzon, T. *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*, t. 1. Kraków: Wydawnictwo Akademii Umiejętności, 1898, 464 s.

Kostomarov, N. I. *Ruina. Mazepa. Mazepintsy. Istoricheskie monografii i issledovaniia*. Moscow: Charli, 1995, 800 s.

Letopis' Samovidtsa. Saint-Petersburg: Universitetskaia tipografiia, 1846, 152 s.

Luniak, E. "Biï pid Pyrohivkoiu 11 (21) liutoho 1664 r. ta ioho znachenniia dla perebihu zymovoho pokhodu Iana II Kazymyra 1663–1664 rr." *Ukraïna ta Pol'shcha kriz' pryizmu stolit'*, Nizhyn: Nizhyns'kyi derzhavnyi universytet imeni Mykoly Hoholia, 2014, s. 93–108.

Majewski, A. "Zagon Aleksandra Hilarego Połubinskiego w głąb państwa Moskiewskiego w 1664 roku." *Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*, Zabrze: Inforteditions, 2013, s. 345–364.

Malov, A. V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroia v nachal'nyĭ period svoeĭ istorii 1656–1671 gg.* Moscow: Drevlekhranilishche, 2006, 624 s.

Malov, A. V. *Russko-pol'skaia voĭna 1654–1667 gg.* Moscow: Tseikhgauz, 2006, 48 s.

Malorossiĭskie dela. Opisi fonda № 124 Rossiĭskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov, otv. red. T. G. Tairova-Yakovleva. Moscow: Drevlekhranilishche, 2016, 652 s.

Mal'tsev, A. N. "Prodolzhenie i zavershenie russko-pol'skoĭ voĭny (1654–1667). Andrusovskoe peremirie." *Ocherki po istorii SSSR. Period feodalizma. XVII vek*, pod red. A. A. Novosel'skogo, N. V. Ustiugova. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, 1032 s.

Maroń, J. "Działalność wojskowa Michała Kazimierza Paca w latach 1649–1664." *Z dziejów tradycji srebrnego wieku*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990, s. 3–60.

Maroń, J. "Kampania zadniepańska Jana Kazimierza 1663–1664." *Od armii komputerowej do narodowej (XVI–XX w.)*, Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998, s. 73–88.

Markevich, N. A. *Istoriia Malorossii*, t. 2. Moscow: Tipografiia Avgusta Semena, 1842, 696 s.

Mytsyk, Yu. A. "*Litopisets Dvoret'skikh — pamiatnik ukrainskogo letopisaniia XVII v.*" *Letopisi i khroniki*, Moscow: Nauka, 1984, s. 219–234.

Nahel'ski, M. "Vaĭskovaia dzieĭnasts' Aliaksandra Hiliariya Palubinskaha u 1648–1676 h." *Belaruskii historychny ahliad*, t. 15, ssh. 1–2, 2008, s. 210–256.

Pavlishchev, N. I. *Pol'skaia anarkhiia pri Iane Kazimire i voĭna za Ukrainu*, t. 2. Saint-Petersburg: Tipografiia S. V. Belasheva, 1878, 408 s.

Pyrĭh, P. V. "Livoberezhnyi pokhid Iana Kazymira 1663–1664 rr." *Siverians'kyĭ litopys*, no. 5, 1999, s. 15–24.

Rakhuba, A. "Mabilizatsyĭny vysilak VKL pad chas vaĭny 1654–1667 h." *Belaruskii historychny ahliad*, 2008, t. 15, ssh. 1–2, 2008, s. 149–174.

Safonovich, F. *Khronika letopistsev starodavnikh*. Kiev: Naukova dumka, 1992, 336 s.

Sahanovich, H. *Neviadomaia vaĭna 1654–1667 hh.* Minsk: Navuka i tĕkhnika, 1995, 144 s.

Smoliĭ, V. A., Stepankov, V. S. *Ukraĭn's'ka natsional'na revoliutsiia XVII st. (1648–1676 rr.)*. Kyĭv: Al'ternatyvy, 1999, 352 s.

Solov'ev, S. M. *Sochineniia, kn. 6, t. 11: Istoriia Rossii s drevneĭshikh vremen*. Moscow: Mysl', 1991, 671 s.

Spierski, Z. *Stefan Czarniecki 1604–1665*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1974, 380 s.

Velychko, S. *Litopys*, t. 2. Kyĭv: Dnipro, 1991, 642 s.

Volk-Karachevskii, V. V. *Bor'ba Pol'shi s kazachestvom vo vtoroi polovine XVII i nachale u nachale XVIII vekov*. Kiev: Tipografiia Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1899, 377 s.

Wimmer, J. *Woisko polskie w drugiej polowie XVII w*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1965, 386 s.

Wójcik, Z. *Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1959, 284 s.

Zbiór pamiątek do dziejów polskich, wyd. W. S. de Broel-Plater. T. 4. Warszawa: w drukarni gazety codziennej, 1859, 242 s.

Igor B. Babulin

*Institute for Applied Technologies, Russian University of Transport
(Moscow, Russia)*

The defense of Glukhov against the Polish army of king John Casimir in 1664

The decisive event of the military campaign of the Commonwealth at the final stage of the Russian-Polish war of 1654–1667 became the unsuccessful siege of Glukhov. It ended in a heavy defeat for the Polish forces, which meant the failure of the last attempt by the Polish-Lithuanian state to regain the lands of the Left-bank Ukraine. Despite the considerable number of researches devoted to the campaign of King John Casimir, on the whole this campaign has been studied quite insufficiently. The source of the article were the materials of the *Razryadny prikaz*, which were fairly well preserved in the Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). A considerable part of the sources used for the first time were introduced into scientific circulation. Their comprehensive use made it possible to reconstruct the detailed course of the defense of Glukhov against the troops the Polish-Lithuanian Commonwealth and to dispel a number of established misconceptions. In particular, those about the presence of the Russian garrison in the city. The actions of the Polish troops and the Ukrainian Cossacks in the struggle for this strategically important city of the Left-bank Ukraine are analyzed. The results of the research showed that the choice of defenders of Glukhov in favor of Moscow was an expression of the will not only of part of the Ukrainian Cossacks of the Left Bank, but also a reflection of the general mood of the Ukrainian masses.

Keywords: *Glukhov, Ukraine, Russo-Polish War of 1654–1667, King John Casimir, the Army of Polish-Lithuanian Commonwealth, Ukrainian Cossacks.*

УДК 93/94+272/273
ББК 63.3(4Бел)

Л. Л. Щавинская
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**«Белорусское» прошлое, настоящее и будущее
в представлениях католического митрополита
Станислава Богуш-Сестренцевича**

При разделах земель Речи Посполитой 1771–1795 гг. в Российскую империю вошло большое количество римско-католического населения, преимущественно этнических литовцев и белорусов. Первый раздел 1772 г. включал в основном восточнобелорусские земли, и новыми римско-католическими подданными империи являлись в большей части этнические белорусы. Это обстоятельство повлияло на выбор российской имперской администрацией Станислава Богуша-Сестренцевича (1731–1826) в качестве «Епископа Католических в России церквей». Согласно воле императрицы Екатерины II ему, «епископу Белорусскому», размещенному в Могилеве, поручалось постепенное перемещение управления российскими римокатоликами в пределы империи. «Литвин» по происхождению, воспитанный в протестантско-католической семье, Сестренцевич со временем оказался близок к пониманию национальной инаковости не только своей восточнославянской паствы, но, видимо, и своей собственной, кровно связанной со все чаще тогда начавшими употребляться именованями «Белоруссия», «белорусский». Переезд Сестренцевича в начале XIX в. из Могилева в Санкт-Петербург дал ему возможность значительно расширить свои связи и влияние в государстве, способствовал дальнейшим ученым и литературным занятиям. Еще в Могилеве он создает ряд трудов, где описывает западную часть восточнославянских земель, рассматривает проблему единства происхождения восточнославянских народов. К концу жизни Сестренцевич видит прошлое, настоящее и будущее всех восточных славян в неразрывной связи с судьбой России, того «государства, которое занимает девятую часть земного обитаемого шара...».

Ключевые слова: *Станислав Богуш-Сестренцевич, Белоруссия, римско-католическая церковь России, национальное самосознание.*

Личность Станислава Богуш-Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России, архиепископа могилевского, внесшего заметный вклад в историю Белоруссии, привлекает внимание многих белорусских исследователей¹. Блестящий проповедник, ораторский талант которого сыграл не последнюю роль в его судьбе, писатель, переводчик, историк, он оставил весьма богатое научное и литературное наследие, в целом неизученное по сей день.

3 ноября 1771 г. польские конфедераты² в Вильне предприняли попытку покушения на короля Станислава Августа Понятовского³, и до настоящего времени вызывающую нескончаемые противоречивые споры, вплоть до обвинений в организации данной акции представителями королевского двора⁴. Справедливости ради необходимо ска-

1 См., например: *Каханоўскі Г. А.* Зменлівая фартуна // Адчыніся таямніца часу: Гісторыка-літаратурныя нарысы. Мінск, 1984. С. 69–75; *Кіштымаў А.* Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч // Славуцья імены Бацькаўшчыны. Мінск, 2003. Вып. 2. С. 366–373; *Рынкевіч У.* Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч — «літвін па крыві і косці» // Роднае слова: штотомесячны навуковы і метадычны часопіс. 2008. № 9. С. 95–97; *Мальдзіс А. І.* Мітрапаліт Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч як асоба энцыклапедычная // Нашыя святыні: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю Мінскага фарнага касцёла, 225-годдзю Магілёўскай архідыяцэзіі, 220-годдзю Мінскай дыяцэзіі (Мінск, 7 чэрвеня 2008 г.). Мінск, 2009. С. 36–40; *Понов М. А., Ганчар А. И.* Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII в. — первая четверть XIX в.). Гродно, 2012 и др.

2 По мнению послов польского Сейма, восстание барских конфедератов стало «первым польским национальным восстанием» «в обороне католической веры и независимости Речи Посполитой», а 2018 г. в Польше объявлен «годом Барской конфедерации» (См.: *Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 8 czerwca 2017 r. w sprawie ustanowienia roku 2018 Rokiem Konfederacji Barskiej* // *Monitor Polski*. 28 czerwca 2017. Poz. 638).

Совершенно иначе в свое время оценивал всё связанное с Барской конфедерацией король Станислав Август Понятовский. По его мнению, она принесла одни лишь беды стране, в том числе ужасы колиивщины: «Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастья не было бы» (См.: *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1994. Т. 27–28. С. 236).

3 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Warszawa, 1991. Т. 2. S. 576–579.

4 *Ugniewski P.* «Szkaradny występек królobojstwa» w międzynarodowej propagandzie Stanisława Augusta // *Przegląd Historyczny*. 2004. Т. 95. Z. 3. S. 327–347.

зять, что единой оценки значения Барской конфедерации, этого «вооруженного союза польской шляхты», среди историков не было и нет, ибо в условиях многодесятилетней перманентной гражданской войны в Речи Посполитой, государстве, где римокатолики перед первым его разделом в 1772 г. составляли лишь около половины всего населения, найти какие-либо общие критерии такой оценки невозможно.

Именно это покушение на польского короля и реакция на него сорокалетнего каноника Виленской римско-католической епархии Станислава Богуш-Сестренцевича кардинальным образом изменили всю его дальнейшую долгую жизнь.

13 ноября 1771 г. «в Вильне в кафедральной церкви Св. Станислава» Сестренцевич произносит проповедь, в которой не только осуждает покушение, но и дает характеристику внутреннего состояния Речи Посполитой, где царят «буйство и ненаказанная злоба человеческая». «В нашем государстве, — говорил Сестренцевич в этой проповеди, о которой не забывал до конца своих дней и неоднократно издавал, в том числе в переводе с польского на русский язык, — междоусобная брань влечет за собой длинный ряд бедствий: насилий, хищений, грабежей, разбоев... Я лишился престарелого отца своего, умерщвленного мятежниками в собственном доме». Сестренцевич осуждает действия мятежников-конфедератов, посягнувших на жизнь короля и таким образом — на благополучие Речи Посполитой, при этом старающихся «толикое злодеяние прикрывать еще святою верою и присягою»⁵.

Подобная позиция Сестренцевича была сразу же замечена не только духовными, но и светскими властями в Европе, включая Россию. Пламенная проповедь Богуш-Сестренцевича по случаю покушения на жизнь польского короля Станислава-Августа 3 ноября 1771 г., произнесенная в Вильне 13 ноября 1771 г., сделала имя его известным и при петербургском дворе.

В 1772 г. там же, в Вильне, происходит встреча Богуш-Сестренцевича с российским послом Каспером Сальдерном, который посвятил его в свои планы организации католической церкви на землях, отошедших к России в результате первого раздела Речи Посполитой, а в 1773 г. по рекомендациям короля Станислава Августа, епископа Игнатия Массальского и Сальдерна Богуш-Сестренцевич назначается

5 *Станислав Богуш-Сестренцевич, каноник.* Слово, сказанное в Вильне в кафедральной церкви Св. Станислава 1771 года ноября в 13-й день... СПб, 1819.

виленским епископом-суфраганом. По прибытии в Петербург он излагает там в докладных записках свое видение организации католической церкви в России.

После первого раздела Речи Посполитой указом императрицы Екатерины II на присоединенных к Российской империи территориях учреждается «Белорусская католическая епархия» и «епископом католических в России церквей» с центром в городе Могилеве становится епископ Станислав Богуш-Сестренцевич⁶. Новоназначенному епископу подчинялись практически все католики латинского обряда в России: «Как в империи нашей при свободном исповедании римско-католического закона главное церковное начальство сего закона, по воле нашей, вверено епископу Белорусскому Станиславу Сестренцевичу»⁷. Выбор Екатерины II пал на Сестренцевича отнюдь не случайно. «По рождению литвин и реформат, получивший обширное и всестороннее образование в разных заграничных университетах, [...] принявший латинское исповедание в пору полного развития своих умственных сил [...] Сестренцевич [...] представлял собой единственное и исключительное явление в своей среде. В нем не было того фанатизма и исключительности, которые составляют как бы необходимую принадлежность каждого латинского прелата и духовного»⁸, Сестренцевич, получивший воспитание в кальвинистской школе, человек широко образованный, не склонен был следовать прежде всего интересам папства. Это вполне соответствовало намерениям Екатерины II, при организации управления католической церковью в России ставившей главной целью, чтобы руководство делами этой церкви сосредоточивалось в Петербурге, а не в Риме. Причем это не касалось вопроса католических догматов и веры — «...католическая и униатская церкви в рассуждении их веры остаются при своих догматах и правилах»⁹.

После своего назначения Сестренцевич развернул широкую образовательную деятельность, в 1778 г. учредил католическую духовную семинарию в Могилеве, создал театр, основал типографию. В 1776 г. выходит сенатский указ «О дозволении епископу

6 *Белоголов И.* Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России. Пг., 1915. Т. 1. С. 19.

7 См., например: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. 20. № 14966.

8 *Морошкин М. Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Ч. 1. СПб., 1867. С. 48.

9 ПСЗ. Т. 19. СПб., 1830. № 13922. С. 689.

католических церквей в Белорусской губернии употреблять в заведенной им типографии российские буквы, для печатания книг на сем языке», в котором сообщается, что «епископ Белорусский католических церквей [...] по прежнему обычаю завел при консистории своей типографию, купив за свой счет для печатания элементарных книг на разных диалектах [...] в пользу тамошнего юношества, дабы оному юношеству подать знание российского языка...»¹⁰. Эта типография печатала не только духовную, но и светскую литературу, в ней были напечатаны и ряд работ самого митрополита¹¹. С 1785 по 1796 г. здесь издавался «*Kalendarz Białoruski*» («Белорусский календарь»)¹². Всего же в 1774–1797 гг. типографией было издано более 50 наименований книг.

Назначение Сестренцевича и переезд в империю из Речи Посполитой состоялись во многом благодаря его покровителю, виленскому римско-католическому епископу Игнатию Массальскому, обратившему внимание на образованность, знание иностранных языков, обаятельность Сестренцевича. По рекомендации Массальского он в 1759 г. поступает в Варшавскую школу пияров, где проходит курс теологии, по окончании которого в 1763 г. возводится в духовный сан. Массальский являлся прямым потомком древнерусских князей и неизменно подчеркивал это¹³. Такая инаковость, *gente Ruthenus natione Polonus*, роднила Массальского и Сестренцевича, так как последний родился и вырос в разноречной и разноязычной среде на землях Великого княжества Литовского неподалеку от города Волковыска и был крещен в городке Заблудов. Будучи многим обязан Массальскому¹⁴, Сестренцевич позднее очень тяжело переживал гибель своего патрона, арестованного в 1794 г. по приказу Т. Костюшко и без суда повешенного в Варшаве¹⁵, что до сих пор весьма неоднозначно характеризует известные события, связанные с восстанием накануне окончательного раздела Речи Посполитой.

10 Там же. Т. 20. СПб., 1830. № 14520. С. 434.

11 *Ustawy cesarzowej Katarzyny na gubernije, przekł. z rossyjsk.* (Могилев, 1777; изд. 2-е там же, 1795); *Gocya w Taurydzie, tragedyja wierszem polskim* (Могилев, 1783); *Diarium congregationis Synodalis utriusque Cleri Romani Catholici in Imperio Rossico* (Могилев, 1794) и др.

12 *Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku.* Wrocław; Kraków, 1959. S. 189.

13 *Przyałgowski W.* *Żywoty biskupów wileńskich.* Petersburg, 1860. T. 3. S. 169.

14 *Kasabula T.* *Ignacy Massalski, biskup wileński.* Lublin, 1998. S. 158–163.

15 *Rymkiewicz J. M.* *Wieszanie.* Warszawa, 2007. S. 182–188.

Само именование «Белоруссия» («белорусский») полноправно вошло в личный словесный и ментальный обиход Сестренцевича в начале 1770-х гг., когда оно стало массово употребляться в практике различных государственных, религиозных и иных инстанций и организаций не только Российской империи, но и зарубежных государств¹⁶. Рассматривавший себя вместе со своей многочисленной родней первоначально в качестве особы *gente Lithuanus*, вполне возможно, включавшей и рутенские элементы, со временем Сестренцевич начинает с особым вниманием относиться к собственной генеалогической версии *gente Ruthenus*. Одновременно к исходу его жизни становится все более заметным проникновение в общественное пространство понятий «белорусцы» и «белорусское наречие». Тогда же о них появляются и первые научные труды¹⁷.

Можно сказать, что за свою жизнь Сестренцевич очень неплохо изучил общее пространство белорусских земель, в том числе и во время многочисленных поездок. Рожденный на западном пограничье современной Белоруссии (в имении Занки Трокского воеводства Речи Посполитой, ныне Свислочский район Гродненской области Республики Беларусь), он с 1765 г. служил ксендзом на самых восточных ее рубежах, в Гомеле¹⁸.

Мы уже не раз писали об особой роли собственно Могилева и его центральных учреждений, государственных и религиозных, в распространении и утверждении именованя «Белоруссия» и «белорусский» в качестве не только поточного словесного определения, но и политико-административного концепта¹⁹, который в конце XVIII в. приобрел

16 См., например: *Лабынцев Ю. А.* Именование «Белоруссией» восточных пограничных земель Речи Посполитой после ее разделов // *Studia Russica*. 22. Budapest, 2005. S. 137–143; *Щавинская Л. Л.* Определение «белорусский» в обиходе христианских церквей (католической, православной, униатской) на белорусско-российском пограничье до и после разделов Речи Посполитой // *Studia Russica*. 22. Budapest, 2005. S. 144–149.

17 *Калайдович К.* О белорусском наречии // *Труды общества любителей русской словесности*. М., 1822. Ч. 1. С. 67–80.

18 «1765 года 9-го генваря, по одобрению польского короля Станислава Августа, за перевод с английского на польский язык [...] сочинения известного доктора медицины Маккензини, под заглавием: Хронологическая история о здоровье и о средстве сохранять оное, назначен настоятелем гомельского прихода» (Краткое начертание деятельной и трудолюбивой жизни его высокопреосвященства митрополита римских церквей в России // *Отечественные записки*. СПб., 1826. С. 381).

19 *Лабынцев Ю. А.* «Белая Русь» в светских канцелярских документах Российской империи XVIII — начала XIX вв. // *Славянский альманах*. 2015.

вполне определенные черты. В письме, посланном нунцию из Могилева в Варшаву в январе 1797 г., уже более чем определено, политически и исторически, употребляются понятия «Белоруссия», «белорусский», в том числе в оппозиции именованию «польская католическая кафедра»²⁰. Роль Сестренцевича в этом утвердительном понятийном процессе, как и влияние православного «епископа Белорусского» св. Георгия Конисского, также пребывавшего в Могилеве, трудно переоценить. В найденном нами объемном документе, представляющем внутреннюю жизнь Могилевского наместничества в последнюю четверть XVIII в.²¹, заключены своего рода репрезентативные выборки, сделанные местными российскими чиновниками, которые характеризуют и состояние Белорусской римско-католической епархии, а затем и митрополии Сестренцевича, успешная деятельность которого подтверждается и современными историками Костела²², отмечающими его особый интерес к белорусскому народу и языку. Более того, выстроивший в 1794 г. в своем могилевском имении Малятичи костел во имя Петра и Павла — точную уменьшенную в 32 раза копию всемирно известного одноименного римского собора — Сестренцевич директивно ратовал за введение в своей митрополии в храмовой жизни белорусского языка. Он заботился, чтобы у населения, проживающего в архиепархии, были свои собственные пастыри, владеющие их языком. Это касалось как латышей, эстонцев, литовцев, так и белорусов, о которых он заботился не менее, чем о других верующих своей епархии. Тогда же Сестренцевич подготовил документ, который обязывал «всех ксендзов архидицезии», чтобы они «говорили с амвона в костелах проповеди» на «народном языке», то есть тогдашнем разговорном белорусском²³.

На протяжении всей жизни Сестренцевич весьма чтит свой род, помогал многочисленным родственникам, среди которых были как

Вып. 1–2. С. 180–192; *Щавинская Л. Л.* Название белорусских территорий в местных конфессиональных административных документах рубежа XVIII–XIX вв. // *Славянский альманах*. 2015. Вып. 1–2. С.193–205.

20 *Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России* // *Старина и новизна*. 1913. Кн. 16. С. 1–2.

21 *Одесская научная библиотека. Отдел редких изданий и рукописей*. Ф. 1. Ед. хр. 76.

22 *Brumanis A. A. Aux origines de la hiérarchie latine en Russie: Mgr. Stanislas Siestrzeńcewicz-Bohusz, premier archevêque — métropolitain de Mohilev (1731–1826)*. Louvain, 1968. P. 355.

23 *Petrani A. Monografia o mietropolocie Siestrzencewiczu* // *Prawo Kanoniczne*. 1970. № 13/12. S. 297.

римокатолики, так и православные, но в основном протестанты. В наполненной родичами могилевской резиденции Сестренцевича, как вспоминал его секретарь, шли религиозные службы на нескольких языках, в том числе и православные на церковнославянском²⁴. Делу возвеличивания своего рода Сестренцевич отдал много сил, пытаясь в течение довольно длительного времени добиться утверждения за ним графского и даже княжеского титулов, о чем нам удалось разыскать немало документов. Так или иначе все они указывают на теснейшую связь рода с белорусскими землями, его многовековую переплетенность с ними, в том числе с Новогрудчиной²⁵. Собственные генеалогические разыскания Сестренцевича усиливали в том числе его интерес к судьбам народов Великого княжества Литовского, к истории самых многочисленных среди них — восточнославянских, с рождения окружавших будущего митрополита. Постепенно им накапливаются различные источниковые материалы, позволившие уже в ранний могилевский период сделать для себя целый ряд важных выводов о национальной принадлежности здешнего коренного населения, о чем в скором времени Сестренцевич напишет и издаст в Могилеве специальную книгу²⁶.

Будучи, по его собственным словам, «из давних лет.. знаком»²⁷ с А. Суворовым и М. Кутузовым²⁸, «большой приятель» министра Д. Трошинского²⁹ и других видных государственных деятелей, Сестренцевич с момента своего переселения в Петербург в начале XIX в. и сам становится одним из влиятельных деятелей Российской империи, пребывающих в ее столице. Это, впрочем, не только не мешает его историческим разысканиям, а скорее стимулирует их. Как многолетний президент Вольного экономического общества, почетный член Российской академии и член многих иных исследовательских организаций Сестренцевич находился в центре тогдашней научной жизни. При этом он выступает в качестве ведущего арбитра по вопросам истории восточнославянских народов. Так было в случае с разбором в

24 *Szantyr X.* Zbiór wiadomości o kósciole i religii katolickiej w Cesarstwie Rossyjskiem. Poznań, 1843. S. 78–79.

25 Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 144.

26 *Siestrzeńcewicz-Bohusz S.* O Rosyji Zachodniej. W Mohilewie nad Dnieprem, 1793.

27 Дневник Сестренцевича // Старина и новизна. Кн. 22. 1917. С. 390.

28 Там же. С. 396.

29 Дневник Сестренцевича // Старина и новизна. Кн. 18. 1914. С. 246.

Российской академии в 1820 г. польскоязычного издания основополагающего правового памятника Древней Руси «Русская Правда»³⁰, которое осуществил молодой ученый И. Раковецкий, выходец из волынской униатской семьи, говоривший о Белоруссии: «край кривичей, позднее названный Литвой»³¹. Как вспоминал профессор И. Лобойко, один из зачинателей научных белорусоведческих исследований, хорошо знавший Сестренцевича в последние годы его жизни, тот «читал много» и «готовил [...] новое издание своих исторических сочинений»³². К сожалению, эти рукописи, как и многое другое из письменного наследия Сестренцевича, до нас не дошли.

Интерес к книгам проявился у Сестренцевича очень рано, о чем мы можем судить благодаря сохранившимся документам. В его дневниковых записях и переписке весьма часто встречаются строки, свидетельствующие о его увлечении книгами³³. Митрополит собирал издания и рукописи по многим направлениям человеческого знания, что позволило ему сформировать очень ценную личную библиотеку в несколько тысяч томов, которую он завещал построенному им в 1825 г. храму Св. Станислава в Санкт-Петербурге³⁴. Личная библиотека Сестренцевича состояла из книг на многих языках, прежде всего на латинском, польском, немецком, французском и русском. Среди них были как печатные книги, так и рукописи, в основном XVI — начала XIX в., в том числе постинкунабулы. Опись его библиотеки, составленная в 1830 г. в ходе Генеральной визитации, представляет собой несколько каталогов: российских, немецких, польских, французских и латинских (на латинском и польском языках) книг³⁵.

В ходе исследований нам удалось собрать много авторских материалов Сестренцевича — историка и аналитика, которые позволяют почти поэтапно проследить становление его взглядов на судь-

30 *Woloszyński R.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 235.

31 *Rakowiecki I.* Prawda Ruska. Warszawa, 1820. T. 1. S. 243.

32 *Лобойко И. Н.* Мои записки // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск, 2008. С. 118.

33 См., напр.: Дневник Сестренцевича // Старина и новизна. Кн. 18. 1914. С. 245, 265, 274 и др.; Кн. 21. 1916. С. 342 и др.; Кн. 22. 1917. С. 416 и др.

34 *Щавинская Л. Л.* Дар в несколько тысяч редчайших томов от митрополита Богуш-Сестренцевича // Мир библиографии. 2016. № 1. С. 99–102.

35 Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 1. Ед. хр. 4711, 4712, 4713, 4714, 4715.

бы белорусского народа и Руси в целом. Первым из таких крупных обобщений была его 80-страничная работа «О Rossyj Zachodniey» («О Западной России») ³⁶, напечатанная в 1793 г. в организованной им в Могилеве типографии. В книге этой, поднесенной Сестренцевичем в дар императрице Екатерине II, он писал об извечной власти русских князей над западнорусскими землями, рассматривал проблему единства происхождения белорусов, украинцев и русских. Книга имеет 12 разделов, в первом из которых, «Замысел работы», он кратко излагает свои взгляды на происхождение славян, этнонимов славянских племен, процесс образования их государственности: «Татарское иго на Руси, которое стало следствием распрей между князьями, дало возможность соседям занять и присвоить ее территории, так, что даже обязывали своих королей к повторному завоеванию забранных потом россиянами своих земель и к сохранению при этом этих титулов. Мое намерение показать, что вся западная Русь от самого основания государства ее была под владычеством ее князей» ³⁷. И Белая Русь всегда была ее неотъемлемой частью ³⁸. Остальные разделы представляют собой небольшие очерки о наиболее значимых городах удельных княжеств, включающие краткое их описание и перечень правивших там русских князей. К западной Руси им отнесены города и земли «Великого княжества Киевского», Великий Новгород с городами Изборск, Ижора, Торжок, Торопец и др. Отдельный раздел посвящен Чернигову и Новгороду-Северскому. Описывает он в своем исследовании древний Туров, Брест, Дрогичин, Гродно, Клецк, Мир, Мозырь, Несвиж, Пинск, Слуцк, земли Подляшья. К западной Руси в своем исследовании Сестренцевич относит Галич и Галицию с городами Буск, Бэлз, Перемышль, Червень и др. Последний раздел в этой книге носит название «Таврия, Крым» ³⁹.

36 *Siestrzeńcewicz-Bohusz S.* О Rossyi Zachodniey...

37 *Ibid.* S. 5.

38 Некоторые белорусские исследователи называют Сестренцевича одним из первых провозвестников теории так называемого «западно-русизма» (См., например: *Марзалюк І.* Вытокі беларускага заходнерусізму і літвінізму // *Беларуская думка.* 2012. № 8. С. 54; *Попов М. А., Ганчар А. И.* Митрополит С. Богуш-Сестренцевич... С. 143).

39 Тема Крыма весьма занимала Богуш-Сестренцевича. Под впечатлением от поездки в Крым в свите Григория Потемкина весной 1783 г. Богуш-Сестренцевич в том же году сочинил трагедию в стихах «*Giсуа w Taurydzie*» («Гиция в Тавриде»), с большим успехом шедшую в организованном им в Могилеве театре.

В 1800 г. в Брауншвейге выходит в свет двухтомная работа Богуща-Сестренцевича «Histoire de la Tauride» («История Тавриды»), которая в 1801 г. была переиздана в Петербурге. В ней он описал историческую судьбу Крыма с древнейших времен и до его присоединения к России. Этот же труд, исправленный и дополненный, под заглавием «История Тавриды» выходит на русском языке в 1806 г. в Петербурге. А затем здесь же в 1824 г. появляется следующее обновленное издание этого труда — на французском языке. Среди других вышедших в свет произведений Сестренцевича — «Kazanie miane w dzien sw. Stanislawo Kostki» («Проповедь в день св. Станислава Костки») (1771), «List pasterski» («Пастырское послание») (1779), «Kazania i mowy w językach polskim i lacinским» («Проповеди и слова на польском и латинском языках») (1794), «Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves» («Исторические исследования о происхождении сармат, эсклавонов и славян») (1812 г.), «Regulamen dla kosciołów i klasztorów katolickich w imperyjum Rossyjskiem» («Регламент для католических костелов и монастырей») (1798).

Одним из его последних крупных исторических обобщений, подготовленных уже в Петербурге и там же изданных в 1818 г. за несколько лет до кончины, стало «Исследование о происхождении русского народа»⁴⁰. В нем Сестренцевич констатирует, что «историческое о России поприще отверзто», но он «не входит ни с кем в состязание». Здесь он, по сути, рисует обобщенный имперский исторический образ «такого государства, которое занимает девятую часть земного обитаемого шара [...] государства, вдвое больше целой Европы...»⁴¹. Государства, веками складывающегося на фундаменте той давней Руси, частью которой является Русь Белая.

Источники и литература

Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 1. Ед. хр. 4711, 4712, 4713, 4714, 4715.

Одесская научная библиотека. Отдел редких изданий и рукописей. Ф. 1. Ед. хр. 76.

Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 144.

40 *Богущ-Сестренцевич С.* Исследование о происхождении русского народа. СПб., 1818.

41 Там же. С. 1.

Белоголов И. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России. Пг.: Типография Д. А. Алексеева, 1915. Т. 1. [2], XXIV, 483 с.

Богуш-Сестренцевич С. Исследование о происхождении русского народа. СПб.: в Морской тип., 1818. 42 с.

Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России // *Старина и новизна*. Кн. 16. 1913. С. 1–2; Кн. 18. 1914. С. 245, 246, 265, 274; Кн. 21. 1916. С. 342 и др.; Кн. 22. 1917. С. 390, 416.

Калайдович К. О белорусском наречии // *Труды Общества любителей русской словесности*. М., 1822. Ч. 1. С. 67–80.

Каханоўскі Г. А. Зменлівая фартуна // *Адчыніся таямніца часу: Гісторыка-літаратурныя нарысы*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. С. 69–75.

Кіштымаў А. Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч // *Славутыя імены Бацькаўшчыны*. Мінск, 2003. Вып. 2. С. 366–373.

Краткое начертание деятельности и трудолюбивой жизни его высокопреосвященства митрополита римских церквей в России // *Отечественные записки*. СПб., 1826. С. 372–402.

Лабынцев Ю. А. «Белая Русь» в светских канцелярских документах Российской империи XVIII — начала XIX в. // *Славянский альманах*. 2015. Вып. 1–2. С. 180–192.

Лабынцев Ю. А. Именованіе «Белоруссией» восточных пограничных земель Речи Посполитой после ее разделов // *Studia Russica*. 22. Budapest, 2005. S. 137–143.

Лобойко И. Н. Мои записки // *Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти*. Минск, 2008. С. 81–176.

Мальдзіс А. І. Мітрапаліт Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч як асоба энцыклапедычная // *Нашыя святыні: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю Мінскага фарнага касцёла, 225-годдзю Магілёўскай архідыяцэзіі, 220-годдзю Мінскай дыяцэзіі (Мінск, 7 чэрвеня 2008 г.)*. Мінск: Выдавецтва Віктара Хурсіка, 2009. С. 36–40.

Марзалюк І. Вытокі беларускага заходнерусізму і літвінізму // *Беларуская думка*. 2012. № 8. С. 53–59.

Морошкин М. Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Ч. 1. СПб: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. 501, [XII] с.

Попов М. А., Ганчар А. И. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к римско-като-

лической церкви на белорусских землях (конец XVIII — первая четверть XIX в.). Гродно: ГГАУ, 2012. 278 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19. 1083 с.; Т. 20. 1041 с.

Рынкевіч У. Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч — «літвін па крыві і косці» // Роднае слова: штомесячны навуковы і метадычны часопіс. 2008. № 9. С. 95–97.

Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1994. Т. 27–28. 638 с.

Станислав Богуш-Сестренцевич, каноник. Слово, сказанное в Вильне в кафедральной церкви Св. Станислава 1771 года ноября в 13-й день... СПб.: Типография Шнора, 1819. 8 с.

Щавинская Л. Л. Дар в несколько тысяч редчайших томов от митрополита Богуш-Сестренцевича // Мир библиографии. 2016. № 1. С. 99–102.

Щавинская Л. Л. Название белорусских территорий в местных конфессиональных административных документах рубежа XVIII–XIX вв. // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. С. 193–205.

Щавинская Л. Л. Определение «белорусский» в обиходе христианских церквей (католической, православной, униатской) на белорусско-русском пограничье до и после разделов Речи Посполитой // Studia Russica. 22. Budapest, 2005. S. 144–149.

Brumanis A. A. Aux origines de la hiérarchie latine en Russie: Mgr. Stanislas Siestrzeńcewicz Bohusz, premier archevêque — métropolitain de Mohilev (1731–1826). Louvain: Bureaux de recueil Bibliotheque de l'Université, 1968. XXXII, 387 p.

Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Wrocław; Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1959. 270 s.

Kasabula T. Ignacy Massalski, biskup wileński. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1998. 626 s.

Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa: Volumen, 1991. Т. 2. 438 с.

Petrani A. Monografia o mietropolocie Siestrzencewiczu // Prawo Kanoniczne. 1970. № 13/12. 251 с.

Przyalgowski W. Żywoty biskupów wileńskich. Petersburg: Druk Jozafata Ohryzki; Nakł. autora, 1860. Т. 3. S. 292–309/

Rakowiecki I. Prawda Ruska. Warszawa: Drukarnia XX. Piiarów, 1820. Т. 1. [XVI], 287 s.

Rymkiewicz J. M. Wieszanie. Warszawa: Sic, 2007. 268 s.

Siestrzeńcewicz-Bohusz S. O Rosyji Zachodniej. W Mohilewie nad Dnieprem, 1793. 80 s.

Siestrzeńcewicz-Bohusz S. Gicya w Taurydzie. W Mohilewie nad Dnieprem, 1793. [8], 54 s.

Szantyr X. Zbiór wiadomości o kósciole i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskiem. Poznań, 1843. 405 s.

Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 8 czerwca 2017 r. w sprawie ustanowienia roku 2018 Rokiem Konfederacji Barskiej // Monitor Polski. 28 czerwca 2017. Poz. 638.

Ugniewski P. «Szkaradny występek królobojstwa» w międzynarodowej propagandzie Stanisława Augusta // *Przegląd Historyczny*. 2004. T. 95. Z. 3. S. 327–347.

Ustawy cesarzowej Katarzyny na gubernije, przekł. z rosyjsk. Mohilew: Drukarnia Biskupa łacińskiego rzymskokatolickiego, 1777; 1795. 198 s.

Wołoszyński R. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1974. 491 s.

References

Natsional'naia biblioteka Ukrainy imeni V. I. Vernadskogo. Institut rukopisi, fond 1, ed. khr. 4711, 4712, 4713, 4714, 4715.

Odesskaia nauchnaia biblioteka. Otdel redkikh izdaniï i rukopiseï, fond 1, ed. khr. 76.

Rossiïskiï gosudarstvennyi istoricheskiï arkhiv, fond 821, op. 144.

Belogolov, I. *Akty i dokumenty, otnosiashchiesia k ustroïstvu i upravleniiu rimsko-katolicheskoi tserkvi v Rossii*. Petrograd: Tipografia D. A. Alekseeva, 1915, t. 1, [2], XXIV, 483 s.

Bogush-Sestrentsevich, S. *Issledovanie o proiskhozhdenii russkogo naroda*. Saint Petersburg: v Morskoï tipografii, 1818, 42 s.

Bogush-Sestrentsevich, Stanislav, kanonik. *Slovo, skazannoe v Vil'ne v kafedral'noi tserkvi Sv. Stanislava 1771 goda Noiabria v 13-ï den'...* Saint Petersburg: Tipografia Shnora, 1819, 8 s.

Brumanis, A. A. *Aux origines de la hiérarchie latine en Russie: Mgr. Stanislas Sistrzeńcewicz Bohusz, premier archevêque — métropolitain de Mohilev (1731–1826)*. Louvain: Bureaux de recueil Bibliotheque de l'Université, 1968, XXXII + 387 p.

“Dnevnik Sestrentsevicha, pervogo mitropolita vsekh rimsko-katolicheskikh tserkveï v Rossii.” *Starina i novizna*, kn. 16, 1913, s. 1–2; kn. 18, 1914, s. 245, 246, 265, 274; kn. 21, 1916, s. 342 i dr.; kn. 22, 1917, s. 390, 416.

Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Wrocław, Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1959, 270 s.

Kakhanouški, H. A. “Zmenlivaia fartuna.” *Adchynisia taiamnitsa chasu: Historyka-litaraturnyia narysy*, Minsk: Mastatskaia litaratura, 1984, s. 69–75.

Kalaïdovich, K. "O belorusskom narechii." *Trudy Obshchestva liubitelei russkoï slovesnosti*, Moscow, 1822, ch. 1, s. 67–80.

Kasabuła, T. *Ignacy Massalski, biskup wileński*. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego uniwersitetu Lubelskiego, 1998, 626 s.

Kishtymaŭ, A. "Stanislaŭ Bohush-Sestrantsëvich." *Slavutyia imeny Bats'kaŭshchyny*, Minsk, vyp. 2, 2003, s. 366–373.

Konopczyński, W. *Konfederacja barska*. Warszawa: Volumen, 1991, t. 2. 438 s.

"Kratkoe nachertanie deiatel'noï i trudoliubivoï zhizni Ego Vysokopreosviashchenstva Mitropolita Rimskikh tserkvei v Rossii." *Otechestvennye zapiski*, Saint Perersburg, 1826, s. 372–402.

Labyntsev, Yu. A. "Belaia Rus' v svetskikh kantseliarskikh dokumentakh Rossijskoï imperii XVIII — nachala XIX v." *Slavianskiĭ al'manakh*, vyp. 1–2, 2015, s. 180–192.

Labyntsev, Yu. A. "Imenovanie Belorussieĭ vostochnykh pogranichnykh zemel' Rechi Pospolitoĭ posle ee razdelov." *Studia Russica*, 22, Budapest, 2005, s. 137–143.

Loboïko, I. N. "Moi zapiski." *Vil'na 1823–1824: Perekrestki pamiaty*, Minsk, 2008, s. 81–176.

Mal'dzis, A. I. "Mitrapalit Stanislaŭ Bohush-Sestrantsëvich iak asoba èntsykladedychnaia." *Nashyia sviatyni: materyialy mizhnarodnaĭ navukovaĭ kanferentsyi, prysvechanaĭ 500-hoddziu Minskaha farnaha kastsiola, 225-hoddziu Mahilioŭskaĭ arkhidyatsëzii, 220-hoddziu Minskaĭ dyiatsëzii (Minsk, 7 chërvenia 2008 h.)*, Minsk: Vydavetstva Viktara Khursika, 2009, s. 36–40.

Marzaliuk, I. "Vytoki belaruskaha zakhodnerusizmu i litvinizmu." *Belaruskaia dumka*, no. 8, 2012, s. 53–59.

Moroshkin, M. Ia. *Iezuity v Rossii s tsarstvovaniia Ekateriny II-i i do nashego vremeni*. Saint Perersburg: Tipografiia Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1867, ch. 1, 501, [XII] s.

Petrani, A. "Monografia o miropolocie Siestrzencewiczu." *Prawo Kanoniczne*, no. 13/12, 1970, s. 292–309.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoï imperii. Saint Perersburg, 1830, t. 19, 1083 s., t. 20, 1041 s.

Popov, M. A., and Ganchar, A. I. *Mitropolit S. Bogush-Sestrentsevich: formirovanie pravitel'stvennoi politiki po otnosheniiu k Rimsko-katolicheskoi tserkvi na belorusskikh zemliakh (konets XVIII v. — pervaiia chetvert' XIX v.)*. Grodno: GGAU, 2012, 278 s.

Przyałowski, W. *Żywoty biskupów wileńskich*. Petersburg: Druk Jozafata Ohryzki; Nakł. autora, 1860, t. 3, 251 s.

Rakowiecki, I. *Prawda Ruska*. Warszawa: Drukarnia XX. Piiarów, 1820, t. 1, [XVI], 278 s.

Rymkiewicz, J. M. *Wieszanie*. Warszawa: Sic, 2007, 268 s.

Rynkevich, U. “Stanislaŭ Bohush-Sestrantsévich — ‘litvin pa kryvi i kostsi.’” *Rodnae slova: shtomesiachny navukovy i metadychny chasopis*, no. 9, 2008, s. 95–97.

Shchavinskaiya, L. L. “Dar v neskol’ko tysiach redchaishikh tomov ot mitropolita Bogush-Sestrentsevicha.” *Mir bibliografii*, no. 1, 2016, s. 99–102.

Shchavinskaiya, L. L. “Nazvanie belorusskikh territorii v mestnykh konfessional’nykh administrativnykh dokumentakh rubezha XVIII–XIX v.” *Slavianskii al’m-anakh*, vyp. 1–2, 2015, s. 193–205.

Shchavinskaiya, L. L. “Opredelenie *belorusskii* v obikhode khristianskikh tserkveĭ (katolicheskoi, pravoslavnoi, uniatskoi) na belorussko-rossiiskom pogranich’e do i posle razdelov Rechi Pospolitoi.” *Studia Russica*, 22, Budapest, 2005, s. 144–149.

Solov’ev, S. M. *Sochineniia*. Moscow: Mysl’, 1994, t. 27–28, 638 s.

Szantyr, X. *Zbiór wiadomości o kósciole i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskiem*. Poznań, 1843, 405 s.

“Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 8 czerwca 2017 r. w sprawie ustanowienia roku 2018 Rokiem Konfederacji Barskiej.” *Monitor Polski*, 28 czerwca 2017, poz. 638.

Ugniewski, P. “Szkardny występok królobojstwa w międzynarodowej propagandzie Stanisława Augusta.” *Przegląd Historyczny*, t. 95, z. 3, 2004, s. 327–347.

Ustawy cesarszowej Katarzyny na gubernije. Przekł. z rosyjsk, Mohilew: Drukarnia Biskupa łacińskiego rzymskokatolickiego, 1777; 1795, 198 s.

Wołoszyński. R. *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1974, 491 s.

Larisa L. Shchavinskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The “Belarusian” past, present and future in the representations of the Catholic Metropolitan Stanisław Bohusz Siestrzeńcewicz

A large number of Roman Catholic population, mainly ethnic Lithuanians and Belarusians, joined the Russian Empire during the division of the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1771–1795. The first section of 1772 included mainly the Eastern Belarusian territories and the new Roman Catholic subjects of the Empire were mostly ethnic Belarusians. This fact influenced the choice by the Russian Imperial administration of «Bishop of Catholic churches in Russia». They appointed Stanisław Bohusz Siestrzeńcewicz. In accordance with the volition of Empress Catherine II, the “Bishop of Belarus” was placed in Mogilev. He was entrusted with the gradual transfer of control of the Russian

Roman Catholics in within the Empire. Siestrzeńcewicz was a “Litvin” by origin, raised in a mixed Protestant and Catholic family. Over time, Siestrzeńcewicz became close to understanding the national otherness not only of his East Slavic flock, but, apparently, his own. His otherness was vitally connected with the use of the names “Belarus”, “Belarusian”. The relocation of Siestrzeńcewicz in the early nineteenth century from Mogilev to Saint Petersburg gave him the opportunity to significantly expand his ties and influence in the state. This contributed to his further scientific and literary researches. Even in Mogilev, he created a number of works, which described the Western part of the East Slavic lands, considers the problem of unity of the origin of the East Slavic peoples. By the end of his life, Siestrzeńcewicz sees the past, present and future of all the Eastern Slavs in close connection with the fate of Russia, “the State that occupies the ninth part of the inhabited globe...”

Keywords: *Stanisław Bohusz Siestrzeńcewicz, Belarus, Roman Catholic Church of Russia, national consciousness.*

Историограф белорусского национального движения в Костеле ксендз Адам Станкевич

В начале XX в. в западных губерниях Российской империи в среде местных римокатоликов появляются первые убежденные носители белорусской национальной идеи. Одним из самых активных среди них был ксендз Адам Станкевич (1891–1949), выпускник католической семинарии в Вильне и католической академии в Петрограде. Ему предстояло не только занять лидирующие позиции в белорусском национальном движении, но и стать выдающимся историографом этого движения. Поселившись в Вильне в 1919 г., Станкевич в 1910–1930-е гг. ведет активную общественно-политическую, научно-литературную и публицистическую деятельность, выступает инициатором отстаивания прав белорусов на собственное национальное участие в жизни Костела, за официальное введение в нее белорусского языка. Белорусский народ он считает разделенным и в политико-государственном, и в религиозном смыслах, а земли Западной Белоруссии — попросту захваченными новым Польским государством, образованным в 1918 г. Борьбу за возрождение белорусского национального самосознания среди католиков-белорусов Станкевич продолжает многие годы. В этом ему и будущим ксендзам-белорусам в начале XX в. также помогали и действия различных православных сообществ и имперских властей. В середине 1940-х гг. Станкевич пытается убедить советское руководство в необходимости «создания в БССР белорусской католической самостоятельной церкви». Четырехлетние переговоры с властями оказываются безрезультатными. Адама Станкевича обвиняют в антисоветской деятельности и в 1949 г. отправляют в лагерь, где вскоре он скончался.

Ключевые слова: *Адам Станкевич, белорусское национальное движение, белорусская культура, римско-католический Костел.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.3.02

Долгое время история римско-католического Костела на белорусских землях специально не изучалась. В отдельный блок исследований она не выделялась и польскими специалистами, рассматривающими

ее, как правило, в сугубо польском историческом контексте. В последние годы стал заметен преимущественный интерес к изучению данной проблематики и у ряда белорусских ученых¹. Им предстоит еще очень многое сделать в процессе написания собственной многовековой истории Костела, который всегда играл важнейшую роль в социально-культурной и политической жизни белорусских земель, в том числе порой ключевую в самоидентификации общества.

По сути первым, кто масштабно определил и научный интерес белорусов к собственной костельной истории, был ксендз Адам Станкевич. Он же стал и одним из инициаторов и активнейших деятелей белорусского национального движения в Костеле, автором множества различного рода работ, тому посвященных. Вплоть до начала 1990-х гг. у нас в СССР о нем даже не упоминалось. Только его верные сторонники и сподвижники практически тайно сохраняли и отчасти распространяли писания Адама Станкевича, изредка готовили рукописные рефераты, посвященные этому белорусскому ксендзу². Впрочем, и в зарубежье, включая Польшу, имя Адама Станкевича в ту пору вспоминали редко и почти исключительно в кругу белорусской диаспоры³.

Может показаться странным, но за последние почти тридцать лет в изучении наследия Адама Станкевича сделано немного. Помимо небольших юбилейных статей можно назвать всего лишь несколько

1 См., например: *Ярмусик Э. С.* Католический Костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Гродно, 2002; *Он же.* Католический Костел в Беларуси в 1945–1990 годах. Гродно, 2006; *Ганчар А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вторая половина XIX — начало XX в.): Исторический очерк. Гродно, 2010; *Он же.* Римско-католическая церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вторая половина XIX — начало XX в.). Минск, 2015.

2 См. материалы 1950–1970-х гг. об Адаме Станкевиче, подготовленные Я. Шутовичем (1904–1973): Центральная научная библиотека Национальной академии наук Беларуси. Отдел редких книг и рукописей (далее ОРКиР ЦНБ). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 381, 383.

Вместе с тем, несмотря на трудности в начале 1970-х гг., архив Адама Станкевича, точнее его значительная часть, сберегавшаяся в Вильнюсе у М. Шутович, сестры Я. Шутовича, поступила от нее в фонды Центральной научной библиотеки АН БССР в Минске. Правда, первые публикации на материалах этого личного архива стали появляться в печати лишь в 1990-е гг.

3 См., например: *Ярмаловіч В.* Ксендз Адам Станкевіч // *Белорус.* 1988. № 347. С. 4.

работ, прежде всего сборников публикаций части его сочинений⁴, которые важны для нашего знания о нем. По сей день не составлено более или менее полной библиографии произведений Адама Станкевича, как и обстоятельной научной биографии. Конечно же, в этих условиях об издании соответствующего собрания его сочинений говорить пока не приходится. Последнее требует многолетней профессиональной подготовительной работы, в том числе по атрибуции произведений Адама Станкевича, в большом количестве публиковавшихся и анонимно в различных периодических изданиях. В изучении его биографии на сегодняшний день более всех, видимо, сделал гродненский краевед А. Ф. Вашкевич⁵, последовательно накапливающий и публикующий источники по белорусской истории и культуре, включая религиозную. Своеобразным биографом-наперником, которому лучше всего была известна жизнь Адама Станкевича, навечно останется его соратник — Я. Шутович. Ему мы обязаны не только подготовкой и изданием специальной юбилейной книги, посвященной выдающемуся белорусскому ксендзу⁶, но и во многом спасением его архива и популяризацией памяти.

Родился Адам Станкевич 24 декабря 1891 г. на северо-западе современной Белоруссии в крестьянской римско-католической семье, предки которой были униатами, но после 1839 г. в период «ликвидации унии часть из них перешла в латинское католичество, а часть в православие»⁷. Отношения между родственниками Адама Станкевича с православной и католической сторон оставались дружественными,

4 Адам Станкевіч. Выбранае. Мінск, 2008 (сборник подготовлен известным белорусским философом и культурологом В. М. Кононом); Адам Станкевіч. З Богам да Беларусі: Збор твораў. Вільня, 2008 (сборник подготовлен молодыми на тот момент белорусскими исследователями А. Ф. Вашкевичем и А. А. Пашкевичем). См. нашу рецензию на это важное издание в журнале «Ab Imperio» (2010. № 1. С. 262–268).

5 См., например: *Вашкевіч А.* Ксендз Адам Станкевіч // Куфэ-рак Віленшчыны. 2005. № 1. С. 4–35; *Он же.* «Ворагі Савецкага Саюза ніколі не былі маімі сябрамі»: Палітычная і грамадская аўтабіяграфія ксяндза Адама Станкевіча // *Arche*. 2009. № 1–2. С. 274–292; *Он же.* Адам Станкевіч: прадаўжальнік справы Скарыны і Багушэвіча. Мінск, 2017.

6 Ксендз Адам Станкевіч: у 25-ыя угодкі сьвяшчэнства і беларускай нацыянальнай дзейнасці (10.I.1915–10.I.1940) / рэдагаваў і выдаў магістар Ян Шутовіч. Vilnius / Вільня, 1940.

7 *Шутовіч Я.* На пройдзеным шляху // Ксендз Адам Станкевіч... Vilnius / Вільня, 1940. С. 13.

не исключали они и взаимных посещений костела и церкви, что часто было весьма характерно в белорусской крестьянской среде. Я. Шутович писал: «... в душах родителей ксендза Адама перекрещивались отголоски двух великих культур: латинской и восточной. Элементы этих культур чувствует в своей [душе] также и наш юбиляр и в продолжение старается объединить их в себе и соединить в нечто одно целое, стройное и белорусское. Этим, видимо, объясняется его искание синтеза белорусской национальной души, белорусской национальной идеологии и его редкое, как католика и католического латинского священника, чувство и понимание белорусской православной души и в целом восточной культуры»⁸.

Маленький Адам учится в сельской православной церковно-приходской и волостной народной школах, в городской школе небольшого городка Ошмяны, сдает экзамен в Москве, которая ему очень понравилась, за гимназический курс, что открывало дорогу для поступления в католическую семинарию в Вильне (1910 г.), а затем и католическую академию в Петрограде (1914 г.). Свою принадлежность к белорусскому народу он постепенно осознает уже в школьные годы. В семинарии и академии — это уже твердый осознанный выбор в пользу исповедания, развития и распространения «белорусской национальной идеи»⁹. После окончания академии в 1918 г. молодой ксендз, недолго прослужив на Подляшье, поселяется в Вильне, откуда его в 1938 г. польские власти за антигосударственную деятельность отправляют в белорусскую глубинку. Виленские годы, конец 1910-х — конец 1930-х гг., — самые плодотворные в жизни Адама Станкевича. Он активно участвует в западнобелорусской общественно-культурной, религиозной и политической жизни: в 1922 г. избирается в польский сейм; пишет и издает около двух десятков книг, сотни статей; организует и выпускает различные периодические издания; отстаивает права белорусов на собственное национальное участие в деятельности Костела, в том числе обращаясь к представителям Ватикана и некоторым католическим иерархам; входит в руководство нескольких крупнейших западнобелорусских общественных организаций, в том числе является одним из лидеров партии белорусских христианских демократов.

Начало II мировой войны и момент фактического воссоединения белорусских земель Адам Станкевич встречает в г. Слониме, куда был сослан польскими властями. 17 сентября 1939 г. он делает в своем

8 Там же. С. 14–15.

9 Там же. С. 27–28.

дневнике такую характерную запись: «Сегодня советское руководство вручило ноту польскому послу в Москве о том, что Красная Армия занимает земли Западной Белоруссии и Западной Украины. В этом прежде всего хорошо то, что вся Белоруссия в одном месте — под Советами. Таким образом, Польша окончила свое господство над белорусами. Ничего удивительного — сделала все, чтобы белорусов от себя отпихнуть»; 18 сентября: «Сегодня Советская Армия заняла Слоним. Местное население в преобладающем числе приветствовало с энтузиазмом...»¹⁰. С 5 октября 1939 г. Станкевич снова в Вильне. В мае 1941 г. органы государственной безопасности СССР проводят с ним в Вильнюсе ряд бесед, но не арестовывают его. Все военные годы, оставаясь в Вильнюсе, Станкевич всячески избегает сотрудничества с немцами, служит в костеле Михаила Архангела, вынашивает проект создания собственной белорусской епархиальной костельной организации. Арест на два месяца советскими спецслужбами в самом конце 1944 г. активизирует его работу над этим проектом, который уже прямо адресуется «правительству СССР»¹¹.

В автобиографической записке о своей «политической и общественной деятельности», написанной, как и все последующие обращения к советскому руководству с предложениями о решении «католической проблемы», на русском языке, Адам Станкевич в исходе 1944 г. обещал всецело «посвятить» себя «родной Белоруссии» и «делу Католической церкви [...] дабы она вместо служения чужим интересам, согласно своим канонам и стремлениям советских законов, служила родной Советской Белоруссии, родному белорусскому народу»¹². В последующие несколько лет идут достаточно активные переговоры Адама Станкевича с представителями государственных органов, во многом инспирированные его предложениями и проектами по реорганизации деятельности римско-католического Костела на белорусских землях. В марте 1947 г. в объемном «меморандуме» «Советскому правительству» он укажет: «Я всегда понимал аномальность положения Католической церкви в Белоруссии и скорбел душой. Католицизм здесь, вместо быть другом и оплотом белорусского народа, в общем, всегда был оружием его порабощения и колонизации. Всегда моей заветной мечтой было

10 Станкевич А. Каляндарныя нататкі // Куфэрак Віленшчыны. 2004. № 1. С. 160–161.

11 Ад. Станкевич. Католическая проблема в БССР (к сведению правительства СССР) // ОРКиР ЦНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 12–64.

12 «Ворагі Савецкага Саюза ніколі не былі маімі сябрамі»... С. 291–292.

располячение Католической церкви в Белоруссии, освобождение ее от чуждых ей политических и национальных идей и направление ее на природный белорусский народный путь. В этих целях я немало в свое время информировал Папский престол, но реализации моих возжелений всегда противился решительный захватнический польский национализм, и я оставался одинокий и совершенно беззащитный. В последние годы судьба дала мне возможность представить мои белорусско-католические планы Советскому правительству и у него искать помощи в разрешении их»¹³.

Все эти сложные четырехгодичные переговоры с властями оказались для планов Адама Станкевича бесполезными и только, видимо, фактически отсрочившими его арест, последовавший в апреле 1949 г. Его обвинили в антисоветской деятельности и осенью 1949 г. отправили на 25 лет в лагерь под Тайшетом, где в начале декабря 1949 г. он скончался.

Интерес к литературной и научной деятельности стал проявляться у Адама Станкевича уже в семинарские годы, тогда же он пишет первые свои небольшие заметки для виленской белорусоязычной газеты «Наша Ніва». Затем, уже в период учебы в Петрограде, появляются первые его публикации и в столичной белорусской печати. Революционные события 1917 г. и ситуация последних двух лет I мировой войны, резко обозначившие национально-государственные интересы многих народов Российской империи, самым заметным образом повлияли и на взгляды Адама Станкевича. В сложившейся уже тогда линии его религиозной и политической публицистики начинает усиливаться противодействие польским планам восстановления страны в границах бывшей Речи Посполитой, в состав которой до второй половины XVIII в. входили и белорусские земли. Весной 1918 г. он резко выступает против этих планов: «Вместо того чтобы отстраивать себе свою Польшу на польской этнографической территории, вместо того чтобы думать о том, как использовать для этого сложившиеся политические условия, поляки все еще мечтают о великой Польше “от моря до моря”... Может ли спокойно сидеть белорус, литовец, украинец, если польские газеты его родную землю объявляют за “искони” — спокон веков — польской и хотят превратить в провинции единой, великой, неделимой Польши!»¹⁴ Адам Станкевич делает акцент на том, что это приводит к неизбежному конфликту, ибо «империалисти-

13 ОРКиР ЦНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 66.

14 *Ad. S. Sny ab wialikaj Polščy // Homan. 1918. № 36. S. 2.*

ческая захватническая политика Польши идет вразрез с интересами ее соседей с севера и востока, об этом ярко и в один голос уже заявляла вся белорусская, литовская и украинская пресса»¹⁵. Польская политическая элита, декларирующая «мысль об экспансии на Восток», должна помнить, что «кроме Королевства Польского на Востоке нет ничего этнографически польского», а «есть только земли, где до сих пор в огромном объеме шла полонизаторская работа»¹⁶.

Со слов самого Адама Станкевича известно, что летом 1917 г., благословленный епископом, он «первым из белорусского католического духовенства» стал говорить с амвона проповеди «на родном языке»¹⁷ и активно устно и письменно агитировать за это. С данного момента можно начинать отсчет и его широкого публичного лидерства в белорусском национальном движении в римско-католическом Костеле, лидерстве, которое очень быстро столкнулось с резким пропольским противодействием. Все это заставило молодого белорусского ксендза еще более углубиться в изучение религиозных судеб своего народа, историю христианства на белорусских землях. К началу 1920-х гг. у Адама Станкевича сформировался вполне устойчивый взгляд на роль польского начала в столь сложном многовековом процессе. В 1924 г. он уже твердо констатирует: «Белорусы-католики на протяжении нескольких столетий, при разных политических условиях, принимали католичество от своего западного соседа — Польши. Это католичество, за весьма малым исключением, прививалось нам не как наука Христа, а как политическое оружие для ополячивания белорусов. Наивысшим доказательством этого является уния православия и католичества 1596 г. Основания Унии, способ проведения ее в жизнь, отношение к ней польской власти, польского духовенства и общественности — все это вместе показывает, что католичество — это только завеса для польской политической работы. Так было и так есть. Сегодня, в новой Польше, польское католичество на белорусских землях является дальнейшим продолжением польско-шляхетской, преимущественно целиком политической трибуны. Нынешнее польское католичество у нас, за весьма малыми исключениями, определенно враждебно относится к белорусскому народу, к его духовному и материальному возрождению. Руководители польского у нас католичества и до сего дня не решились на официальную поддержку для белорусов белорусского языка в ко-

15 Там же.

16 Там же. С. 2–3.

17 *Шутовіч Я.* На прайдзеным шляху... С. 45.

стеле, а в Виленской духовной семинарии и до сих пор не введены хоть какие-нибудь белорусоведческие занятия»¹⁸.

Католичество, «подающееся белорусскому народу на чужом мало-понятном польском языке», не только «удивительно мало коснулось сердца белоруса и оставило в нем следов духовной культуры», но, наоборот, по словам Адама Станкевича, посеяло «в этом сердце зерно недоверия к нему», которое долго не всходило, а теперь «набухает в сердце католика-белоруса, который, благодаря войне, революции и развитию национального самосознания, видит, что польское католичество для него совершенно чужое...»¹⁹. Обо всем этом, по мнению Станкевича, в преддверии заключения в 1925 г. конкордата между Ватиканом и Польшей, необходимо было вести переговоры с папской столицей. В идеале, когда сейчас «белорусское движение довольно широко развилось, когда уже есть значительное число белорусского католического духовенства и когда уже в Восточной Белоруссии появились зачатки белорусской государственности, — для управления католическим Костелом в Советской Белоруссии может и должно быть создано Белорусское епископство, обязательно с епископом — сознательным белорусом. Это единственный способ против польского католичества на белорусских землях, вредного как для католичества, так и белорусского народа»²⁰.

На темы, связанные с белорусским национальным движением в римско-католическом Костеле, Адам Станкевич начиная с конца 1910-х гг. напишет многие десятки больших и малых статей и ряд книг, первой из которых был его труд «*Rodnaja mowa ŭ ŭświatyniach*» («Родной язык в храмах»), опубликованный отдельным изданием в 1929 г.²¹ Проблема использования белорусского языка в костельной жизни всегда была для него едва ли не главной в ходе развития и осуществления идей белорусского национального движения, а также их изучения. Сообщество, «имеющее [...] свой язык, имеющее [...] особый духовный характер, а также свои обычаи, свое историческое прошлое и свою землю, на которой живет веками, зовется народом [...] Всякий человек [...] обязан чтить язык своего народа, любить и развивать, стараясь, чтобы он был как можно более приспособлен для проявления нашей духовной жизни»²². То есть, по Адаму Станкевичу, родной язык — это

18 *Ad. St-ič. Katalictwa, jak arużža polskaści // Krynica. 1924. № 14. S. 1.*

19 Там же.

20 Там же. S. 2.

21 *Stankiewicz Ad., ks. Rodnaja mowa ŭ ŭświatyniach. Wilnia, 1929.*

22 Там же. S. 3–4.

важнейший национальный инструмент и одновременно путь богопознания, а при массовой катехизации и проповедничестве в широких народных кругах, возможно, и единственно истинный. Эту свою оценку роли родного языка белорусский ксендз не изменит в течение всей жизни, тщательно собирая сведения по его использованию в продолжении столетий. Впрочем, материалы Адама Станкевича, касающиеся времени до начала XIX в., весьма неполны и сейчас представляют лишь относительный интерес. Несколько важнее сведения о XIX в., хотя и они требуют множества уточнений и дополнений. Например, хорошо нам известный редчайший сборник «белорусоязычных проповедей» 1860–1870-х гг. — на самом деле скорее всего свидетельство того, как местный ксендз в силу совершенного незнания подвинской паствой польского языка был вынужден приспособить для проповедничества свою собственную речь, и только. Никакого специально задуманного, так сказать, идейного использования белорусского языка для подобных целей, конечно же, не было. Да и сам язык этих проповедей едва ли можно считать сколь-либо адекватным отображением местного народного говора того времени. Их текст — своеобразная языковая смесь. Тем не менее очень жаль, что до сих пор после того, как этими проповедями занимался Адам Станкевич, они, побывав в руках ряда современных белорусских исследователей, так и не были должным образом изучены, а тем более изданы²³.

Многие основные события, связанные с белорусским национальным движением в Костеле в XX столетии, были разобраны Адамом Станкевичем тщательно — почти досконально. Участником и организатором большого их числа являлся он сам. Все подобные материалы, собранные, проанализированные и изложенные им в статьях и книгах, имеют большую ценность и служат важнейшей источниковой базой для дальнейших исследований в этой области²⁴. Тем не менее осталось и немало недостаточно разработанных и вовсе не поставленных им вопросов. Например, принципиальный вопрос об участии некаатолических кругов, в том числе и православных, в стимулировании появления собственно белорусских национальных начал в римско-католическом Костеле. Участие это было необычайно важным, хотя

23 ОРКиР ЦНБ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 14.

24 См. самую значительную богато документированную монографию Адама Станкевича из числа посвященных истории развития белорусского движения в римско-католическом Костеле: *Stankievič Ad. Biełaruski chryścijanski ruch*. Vilnia, 1939.

и внешне не всегда столь заметным. К сожалению, вопрос этот не решен и по сей день и часто рассматривается только как проявление «русификации», да еще и компрометирующее «белорусов-католиков и их язык в глазах поляков, автоматически зачисляя их во враждебный (католичеству и польскости) стан, чего не было на самом деле»²⁵. Одним словом, даже «российская политика в использовании белорусского фактора» проводилась лишь «в цели русификации края, «русификации местного населения» и только²⁶.

На самом деле все эти и подобные действия оказывались куда более многозначными. Они, несомненно, подготавливали, а затем и влияли на ход белорусского национального движения в римско-католическом Костеле. Царская администрация на местах уже со второй половины XIX в. стала вполне определенно выражать мнение о необходимости введения дополнительного богослужения на белорусском языке в костелах²⁷. При реализации этих стремлений вольно или невольно решалась и глубинная задача «развития среди белорусского населения национального самосознания»²⁸, причем совсем не в фокусе дальнейшей «русификации». Уже в первые годы XX в. Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский на практике осуществлял принцип наличия однородности ксендза и его прихода, о чем позднее будет только мечтать Адам Станкевич. Весной 1904 г. Святополк-Мирский сообщал в Санкт-Петербург: «...я провожу настойчиво при назначении ксендзов к приходам тот принцип, чтобы народности большинства прихожан соответствовала и народность священника. К сожалению, эта мера, достигая своей цели в отношении литовской народности, пока не достигает ее в отношении белорусского племени, именно потому, что вышедший из семинарии ксендз-белорус причисляет себя уже к польской, а не белорусской народности. Между тем освобождение белорусов в церковном отношении становится из года в год все более важным. Очевидно, что при тех потерях, которые испытывает польское и полонизированное духовенство в отношении литовской народности, оно с большей силой

25 Трацяк І. І. Моўная палітыка на Гродзеншчыне ў пач. XX ст.: «Белорусское наречие... в целях разобшения католицизма от полонизма...» // Регионалистика. Гродно, 2008. С. 196.

26 Там же. С. 187–196.

27 См., например: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 45–65.

28 РГИА. Ф. 1284. Оп. 194, 1904 г. Ед. хр. 136. С. 48.

обрушивается на население белорусское. Последнее, как мною уже указано, стоит пока еще на низкой степени национального развития. Поэтому и до настоящего времени то, что поднимается по социальной лестнице из народных масс, примыкает, при условии принадлежности к католической церкви, обыкновенно к польской народности»²⁹.

Исключений действительно было мало, и ярчайший пример тому — сам Адам Станкевич, вышедший через десять лет из стен той семинарии, о которой говорил генерал-губернатор. Последний тогда же поставил проблему развития белорусского начала и в самой Виленской духовной семинарии, по сути предвосхитив то, что через несколько лет станет в ее стенах первым сознательным практическим проявлением белорусского национального движения, осуществленного Адамом Станкевичем с несколькими семинаристами-белорусами³⁰. Конечно же, они ничего не знали и не могли знать о высказанной заботе Святополк-Мирского: «Ополячение же тех белорусов, которые стремятся к соисканию духовной должности, происходит в Виленской духовной семинарии, представляющей, к сожалению, и поныне всецело клерикально-польское учреждение. Проводя начала фанатизма в религии и национальности, названная семинария выпускает молодых людей, готовых к борьбе за религиозно-политическую идею, отличающихся обыкновенно уже в [...] качестве пастырей нетерпимостью ко всему правительственному и русскому. Неопределенное в этническом отношении положение белорусской народности и отсутствие в ней развитого национального самосознания воспитывают таких именно молодых людей, которые, поступая в Виленскую семинарию, в громадном большинстве случаев с легкостью ополячиваются, не имея ничего своего для противопоставления польской пропаганде. Это явление со своей стороны убеждает, как важно поднять самосознание во всем белорусском населении, дабы укрепить тех, которые попадают в польскую среду»³¹. Без труда можно заметить, что эти слова высшего царского чиновника, несомненно, перекликаются с тем, что через годы напишет сам Адам Станкевич, мысли генерал-губернатора созвучны и предвосхищают возрожденческие намерения будущего белорусского ксендза.

На годы учебы Адама Станкевича в семинарии приходится и период, пожалуй, наибольшей агитационной активности различных православных сообществ по возрождению национальных белорусских

29 Там же. С. 52–53.

30 *Stankievič Ad.* Bielaruski chryścijanski ruch... S. 56–64.

31 РГИА. Ф. 1284. Оп. 194, 1904 г. Ед. хр. 136. С. 50–51.

начал в среде католиков-белорусов. К ним обращались даже в связи с подготовкой Евфросиниевских торжеств, а известный белорусский ученый Д. И. Довгялло бросил клич: «...братья-белорусы римокатолики, изыдите и вы во сретение мощей преподобной матери нашей Евфросинии, княжны Полоцкой...»³² Православные церковные братства поднимают целую кампанию за введение белорусского языка при преподавании ксендзами «Закона Божия белорусам-католикам»³³. Наконец, белорусские православные священники — депутаты Государственной думы, и среди них ставший «приятелем» для Адама Станкевича на всю жизнь о. Владимир Юзьвюк³⁴, отстаивают с ее трибуны белорусский язык для самого широкого использования у белорусов-католиков³⁵.

В своей последней книге «Хрысьціянства і беларускі народ» («Христианство и белорусский народ»), напечатанной в 1940 г. в Вильнюсе и ставшей своего рода национально-религиозным заветом Адама Станкевича, он поставил целью «принимая во внимание белорусскую духовную разрозненность [...] попытаться искать “белорусскую правду”, белорусский религиозный и национально-культурный синтез и представить роль в этом деле христианства в Белоруссии»³⁶. Поиск этот привел Адама Станкевича к включению в свой синтез и практически всех главнейших древних белорусских православных святынь. Св. Евфросинию Полоцкую он назвал «великой святой, апостолом и просветителем Белоруссии»³⁷. Современное же ему белорусское христианское национальное движение, одним из творцов которого был он сам, виделось Адаму Станкевичу призванным одновременно «оборонить душу белорусского народа и оборонить целостность и единство белорусской нации»³⁸.

32 *Довгялло Д. И.* Евфросиниевские торжества и р[имо-]католики белорусы // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 16–17. С. 213.

33 *Консультант.* О языке преподавания Закона Божия белорусам-католикам // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1913. № 21. С. 379–381; № 22. С. 394–396.

34 *Шутовіч Я.* На пройзденым шляху... С. 21.

35 *Юзьвюк В., свяц.* О языке преподавания в народной школе С[еверо]-Западного края // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1913. № 15–16. С. 291–293.

36 *Станкевіч Ад.* Хрысьціянства і Беларускі Народ: спробы сынтэзы. Вільня, 1940. С. [I–II].

37 Там же. С. 39–48.

38 Там же. С. 156–157.

Было ли это христианское движение в ту пору столь значимым, способным практически к такой массовой обороне? Конечно же, нет, ведь даже число сознательных ксендзов-белорусов, готовых в 1920-е — 1930-е гг. отстаивать национально-религиозные права своего народа, не доходило и до двадцати³⁹. Прекрасно сознавая такое положение, в условиях войны и победы в ней Красной армии у Адама Станкевича рождается мысль попытаться убедить советские власти в необходимости «создания в БССР белорусской католической самостоятельной церкви»⁴⁰. Всему этому тогда не суждено было сбыться.

Источники и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 45–65; Ф. 1284. Оп. 194, 1904 г. Ед. хр. 136. С. 48, 50–53.

Центральная научная библиотека Национальной академии наук Беларуси. Отдел редких книг и рукописей (ОРКиР ЦНБ). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 381, 383; Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 12–64, 66; Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 14.

Ад. Станкевич. Католическая проблема в БССР (к сведению правительства СССР) // ОРКиР ЦНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 12–64.

Станкевіч А. Выбранае. Мінск: Кнігазбор, 2008. 357 с.

Станкевіч А. З Богаў да Беларусі: Збор твораў. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. 1097 с.

Вашкевіч А. «Ворагі Савецкага Саюза ніколі не былі маімі сябрамі»: Палітычная і грамадская аўтабіяграфія ксяндза Адама Станкевіча // *Arche*. 2009. № 1–2. С. 274–292.

Вашкевіч А. Адам Станкевіч: прадаўжальнік справы Скарыны і Багушэвіча. Мінск: Харвест, 2017. 63 с.

Вашкевіч А. Ксендз Адам Станкевіч // *Куфэрак Віленшчыны*. 2005. № 1. С. 4–35.

Ганчар А. И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вторая половина XIX — начало XX в.): Исторический очерк. Гродно: ГГАУ, 2010. 511 с.

³⁹ Число это не сложно подсчитать, анализируя документальные источники тех лет, в том числе материалы, собранные Адамом Станкевичем и изложенные в его публикациях, включая, например, и такие книги, как «Rodnaja mowa...» и «Biełaruski chryścijanski ruch...».

⁴⁰ ОРКиР ЦНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 22.

Ганчар А. И. Римско-католическая церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вторая половина XIX — начало XX в.). Минск: Медисонт, 2015. 580 с.

Довгялло Д. И. Евфросиниевские торжества и р[имо-]католики белорусы // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 16–17. С. 213.

Консультант. О языке преподавания Закона Божия белорусам-католикам // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1913. № 21. С. 379–381; № 22. С. 394–396.

Ксендз Адам Станкевіч: у 25-ыя угодкі сьвяшчэнства і беларускай нацыянальнай дзейнасьці (10.I.1915–10.I.1940). Vilnius / Вільня: Беларускае друкарня ім. Фр. Скарыны, 1940. 102 с.

Станкевіч Ад. Хрысьціянства і беларускі народ: Спробы сынтэзы. Вільня: Беларускае каталіцкае выдавецтва, 1940. 184 с.

Станкевіч А. Каляндарныя нататкі // Куфэрак Віленшчыны. 2004. № 1. С. 160–161.

Трацяк І. І. Моўная палітыка на Гродзеншчыне ў пач. XX ст.: «Белорусское наречие... в целях разобщения католицизма от полонизма...» // Регионалистика. Гродно, 2008. С. 187–196.

Шутовіч Я. На пройдзеным шляху // Ксендз Адам Станкевіч... Vilnius / Вільня, 1940. С. 11–46.

Юзьвюк В., свяц. О языке преподавания в народной школе С[еверо]-Западного края // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1913. № 15–16. С. 291–293.

Ярмаловіч В. Ксендз Адам Станкевіч // Беларус. 1988. № 347. С. 4.

Ярмусик Э. С. Католический Костел в Беларуси в 1945–1990 годах. Гродно: ГрГУ, 2006. 567 с.

Ярмусик Э. С. Католический Костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Гродно: ГрГУ, 2002. 239 с.

Ad. S. Sny ab wialikaj Polščy // Homan. 1918. № 36. S. 2–3.

Ad. St-ič. Katalictwa, jak aruzža polskaści // Krynica. 1924. № 14. S. 1–3.

Stankievič Ad. Bielaruski chryścijanski ruch. Wilnia: Chryścijanskaj dumka, 1939. 272 s.

Stankiewicz Ad., ks. Rodnaja mowa u światyniach. Wilnia: Adbitka z «Chryścijanskaj Dumki», 1929. S. 3–4. 192 s.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA), fond 821, op. 2, ed. khr. 73, l. 45–65; fond 1284, op. 194, 1904, ed. khr. 136, s. 48, 50–53.

Tsentral'naia nauchnaia biblioteka Natsional'noï akademii nauk Belarusi. Otdel redkikh knig i rukopiseï (ORKiR TsNB), fond 1, op. 1, ed. khr. 381, 383; fond 4, op. 1, ed. khr. 22, l. 12–64, 66; fond 23, op. 1, ed. khr. 14.

Ad. S. “Sny ab wialikaj Polščy.” *Homan*, no. 36, 1918, s. 2–3.

Ad. St-ič. “Katalictwa, jak aruzža polskašci.” *Krynica*, no. 14, 1924, s. 1–3.

Ganchar, A. I. *Rimsko-katolicheskaia tserkov' v Belarusi (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.): Istoricheskiï ocherk*. Grodno: GGAU, 2010, 511 s.

Ganchar, A. I. *Rimsko-Katolicheskaia Tserkov' v Belarusi: obshchestvennoe soznanie i religioznaia praktika (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. Minsk: Medisont, 2015, 580 s.

Dovgiallo, D. I. “Evfrosinievskie torzhestva i r.[imo-]katoliki belorusy.” *Grodnskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 16–17, 1910, S. 213.

Iarmalovich, V. “Ksendz Adam Stankevich.” *Belorus*, no. 347, 1988, s. 4.

Iarmusik, Ė. S. *Katolicheskiï Kostel v Belarusi v 1945–1990 godakh*. Grodno: GrGU, 2006, 567 s.

Iarmusik, Ė. S. *Katolicheskiï Kostel v Belorussii v gody Vtoroi mirovoi voïny (1939–1945)*. Grodno: GrGU, 2002, 239 s.

Iuz'viuk, V., sviashchennik. “O iazyke prepodavaniia v narodnoi shkole S[evero]-Zapadnogo kraia.” *Vestnik Vilenskogo Sviato-Dukhovskogo bratstva*, no. 15–16, 1913, s. 291–293.

Konsul'tant. “O iazyke prepodavaniia Zakona Bozhiiia belorusam-katolikam.” *Vestnik Vilenskogo Sviato-Dukhovskogo bratstva*, no. 21, 1913, s. 379–381; no. 22, s. 394–396.

Ksendz Adam Stankevich: u 25-yia uhodki s'viashchënstva i belaruskaï natsyianal'naï džeinas'tsi (10.I.1915–10.I.1940). Vilnius / Vil'nia: Belarускаia drukarnia im. Fr. Skaryny, 1940, 102 s.

Shutovich, Ia. “Na proïdzenym shliakhu.” *Ksendz Adam Stankevich: u 25-yia uhodki s'viashchënstva i belaruskaï natsyianal'naï džeinas'tsi (10.I.1915–10.I.1940)*. Vilnius / Vil'nia: Belarускаia drukarnia im. Fr. Skaryny, 1940, s. 11–46.

Stankievič, A. *Bielaruskii chryščijanski ruch*. Vilnia: Chryščijanskaj dumka, 1939, 272 s.

Stankevich, A. “Kaliandarnyia natatki.” *Kufërak Vilenshchyny*, no. 1, 2004, s. 160–161.

Stankevich, Ad. “Katolicheskaia problema v BSSR (k svedeniiu pravitel'stva SSSR)”, *Tsentral'naia nauchnaia biblioteka Natsional'noï akademii nauk Belarusi. Otdel redkikh knig i rukopiseï*, fond 4, op. 1, ed. khr. 22, listy 12–64.

Stankevich, A. *Khryst'siianstva i Belaruskii Narod: Sproby syntëzy*. Vil'nia: Belaruskæ Katalitskæ Vydavetstva, 1940, 184 s.

Stankiewicz, A., ks. *Rodnaja mowa u ţwiatyniach*. Wilnia: Adbitka z “Chryščijanskaj Dumki”, 1929, s. 3–4, 192 s.

Stankevich, A. *Vybranae*. Minsk: Knihazbor, 2008, 357 s.

Stankevich, A. *Z Boham da Belarusi: Zbor tvoraŭ*. Vil'nia: Instytut belarusicystyki, 2008, 1097 s.

Tratsiak, I. I. “Moŭnaia palityka na Hrodzenshchynе ў pach. XX st.: ‘Belusskoe narechie... v tseliakh razobshcheniia katolitsizma ot polonizma...’” *Regionalistika*, Grodno, 2008, s. 187–196.

Vashkevich, A. *Adam Stankevich: pradaŭzhal'nik spravy Skaryny i Bahushévicha*. Minsk: Kharvest, 2017, 63 s.

Vashkevich, A. “Ksendz Adam Stankevich.” *Kufèrak Vilenshchyny*, no. 1, 2005, s. 4–35.

Vashkevich A. “‘Vorahi Savetskaha Saiuza nikoli ne byli maimi siabrami’: Palitychnaia i hramadskaia aŭtabiiahrafiia ksiandza Adama Stankevicha.” *Arche*, no. 1–2, 2009, s. 274–292.

Yuriy A. Labyntsev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Adam Stankevich, a historian of the Belarusian national movement
in the Catholic Church and a catholic priest

At the beginning of the 20th century in the Western provinces of the Russian Empire among the local Roman Catholics, the first convinced carriers of the Belarusian national idea appeared. Among the most active was the catholic priest Adam Stankevich (1891–1949), a graduate of the Catholic Seminary in Vilna and the Catholic Academy in Petrograd. In the future, he not only took a leading position in the Belarusian national movement, but also became an outstanding historiographer of this movement. In 1919, Stankevich settled in Vilna. In 1910–1930, he was active in social, political, scientific, literary and publicistic activities. Stankevich is the initiator of defending the rights of Belarusians to their own national participation in the life of the Catholic Church, to the official introduction of the Belarusian language. He considers the Belarusian people to be divided in political, state, and religious sense. Stankevich believes that the lands of Western Belarus were seized by the new Polish state, formed in 1918. Stankevich continues for many years the struggle for the revival of the Belarusian national identity among Belarusian Catholics. In the early twentieth century, he and the future Belarusian catholic priests were also helped by the actions of various Orthodox communities and Imperial authorities. In the middle of 1940, Stankevich tried to convince the Soviet leadership of the need to “create the independent Belarusian Catholic Church in the BSSR”. The four-year talks with the authorities have proved useless. Adam Stankevich was accused of anti-Soviet activities. In 1949, he was sent to a camp, where he soon died. Keywords: *Adam Stankevich, Belarusian national movement, Belarusian culture, Roman Catholic Church.*

Николай Окунев и самая большая выставка русского искусства в Чехословакии

Подготовка выставки русского искусства, организатором которой являлся Славянский институт в Праге и Н. Л. Окунев, началась еще до юридического признания СССР Чехословакией. Выбранные произведения искусства происходили из частных собраний Европы и от художников, живущих в эмиграции. Установление дипломатических отношений между ЧСР и СССР летом 1934 г. повлекло за собой новые правила со стороны чешских учреждений по отношению к русской эмиграции и вызвало конфликт в рабочей комиссии по организации выставки. Неблагоприятным фоном для мероприятия стало устройство чешским «Манесом» выставки русского и советского искусства из советских собраний, в итоге не состоявшейся. Историки искусства Ф. Коварна, Я. Квет и В. Волавка вышли из комиссии, поскольку не хотели устраивать выставку работ Н. Гончаровой, М. Ларионова, М. Добужинского, А. и Н. Бенуа, З. Серебряковой, Б. Григорьева, Ф. Малявина и мн. др. и без участия полотен из музеев СССР. Выставка, несмотря на этот протест и связанные с ним организационные сложности, все же открылась, она показала оригинальный взгляд Окунева на историю русского искусства. Но слух о том, что на ней представлены вещи недостаточного художественного качества, создавал тень конфликта, сопровождавшего ее в течение всей работы. Позднее миф о недостаточном качестве экспозиции еще более укрепился. Критически неосмысленный, он, к сожалению, продолжает свою жизнь в трудах авторитетных специалистов и в настоящее время. Ключевые слова: *Н. Л. Окунев, выставка русского искусства, Славянский институт, юридическое признание СССР, Дворец Клам-Галласов, коллекция Славянского института.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.3.03

Из всех выставок русского искусства, состоявшихся в Чехословакии, самой известной была «Ретроспективная выставка русской живописи XVIII–XX вв.», устроенная Славянским институтом в Праге и

Н. Л. Окуневым более чем 80 лет тому назад. Она пришлась на сложное время масариковской демократии, в которой, напряженно борясь, сосуществовали правые, левые¹ и центристские партии: национальные демократы, аграрии, национальные социалисты, социал-демократы, коммунисты² и др. Чехословакия, по сравнению с другими европейскими странами долго не признававшая СССР, в июне 1934 г. установила с ним дипломатические отношения. Юридическое признание СССР Чехословакией повлекло за собой изменение внутривосточной обстановки в стране³, что затронуло и подготовку упомянутой экспозиции, произведения для которой поступали из частных коллекций Чехословакии и других стран Европы, а также непосредственно от русских художников, живущих за пределами своей родины⁴.

В начале 1935 г. Окунев курсировал между Парижем и Прагой. Он договаривался с мастерами и привозил работы, которые складывались во дворце Клам-Галласов в центре Праги. Красивое здание в стиле барокко с анфиладой просторных комнат и широкой парадной лестницей имеет историю, связанную с королевской семьей, — оно было перестроено в XIV в. для младшего брата чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV, моравского буркграфы и тирольского герцога Яна Йинджиха (нем. Иоганн Генрих). Именно здесь,

1 «Многочисленные “левенькие”, по словам русского эмигранта, историка Петра Остроухова. Ученый применял этот термин в рассказе о русской диаспоре в Чехословакии. См. аудиозаписи Л. Белошевой (Славянский институт АН ЧР).

2 Из мощного движения социалистов в 1921 г. возникла Коммунистическая партия Чехословакии. В момент ее основания по отношению к числу жителей ЧСР она была одной из самых больших коммунистических партий в мире, насчитывая более 300 000 членов. В дальнейшие годы число членов КПЧ в силу разных причин сильно менялось: в 1932 г. 59 405 человек, на рубеже 1933 и 1934 гг. — 27 000. Подробнее см.: *Karník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Díl 1: Vznik, budování a zlatá léta republiky (1918–1929). Praha, 2000. S. 146–147; Díl 2: Československo a České země v krizi a v ohrožení (1930–1935). Praha, 2002. S. 160.*

3 В частности, иным стало отношение к русским эмигрантам. Представители чешских министерств с 1935 г. не могли официально присутствовать на мероприятиях, проводимых организациями русских эмигрантов. Подробнее см.: *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Z. Sládek, L. Běloševská a kol. Praha, 1998. S. 140–141.*

4 В статье использованы материалы Архива АН ЧР. Ф. Славянский институт. К. 29. К. 1/1.

при поддержке городских властей, было решено устроить русскую выставку. В 1930-е годы дворцом распоряжался доктор юридических наук граф Аллен де Роган, представитель знатного французского рода, коллекционер, человек великодушный, разрешивший выставке разместиться у себя за символическую одну чехословацкую крону. С графом де Роганом Славянский институт подписал договор, а городской совет Праги взял готовившийся проект под свою защиту.

Рабочая комиссия по организации выставки состояла из представителей разных научных и культурных организаций. 7 февраля 1935 г. на заседании комиссии было зачитано письмо историка искусства Камилла Новотного об уходе из комиссии: он, член чешской группировки «Манес», начал принимать участие в полярно противоположном мероприятии — в организации выставки советского искусства из государственных собраний СССР⁵. Это вдруг стало возможным, так как несколько месяцев назад, как уже говорилось, состоялось признание Чехословакией Советского Союза де-юре. От «Манеса» на собрании присутствовал специально посланный представитель, известный чешский художник-модернист Эмил Филла. Он рассказал, что их экспозиция будет носить официальный характер и на ней будет показано все — от икон до послереволюционного искусства Советского Союза⁶. Завязалась бурная дискуссия, в которой часть присутствовавших выступила за то, чтобы выставка Славянского института представила зрителю и полотна из СССР.

По мнению Окунева, ничего не нужно было менять, выставки бы просто дополнили она другую. С ним, однако, был не согласен доцент и доктор Ян Квет: «Сейчас ситуация изменилась, поэтому мы должны продумать, не пригласить ли, хотя бы формально, представителей советского правительства, для того чтобы восполнить лакуны⁷. Окунев стоял на своем и искал аргументы: «Официальная выставка не могла бы дать объективного образа в связи с тем, что в ней отказались бы участвовать члены известных художественных группировок, таких как “Мир искусства”, они бы также не могли передать в дар галерее Славянского искусства свои произведения⁸.

5 Там же.

6 Проект этой выставки, которая должна была состояться в рамках культурного обмена между СССР и Чехословакией, так и не был реализован. Подробнее: Архив МИД ЧР. Ф. III. Sekce zpravodajská 1918–1939. K. 597, výstavy v ČSR, zprava K. Novotného ze dne 22. 5. 1937.

7 Архив АН ЧР. Ф. Славянский институт. К. 29. К. 1/1.

8 Там же.

Окунева поддержал М. Мурко. Председатель Славянского института, он апеллировал к практическому — к идее получения Институтом в дар произведений искусства. Объясним: речь шла о собрании славянского искусства при Славянском институте⁹. Прага — при поддержке Т. Г. Масарика — стала своеобразным центром славяноведения, а Славянский институт составил ядро этого центра, поэтому создание Галереи славянского искусства или отдела славянского искусства в планируемой Городской галерее стало бы выразительным результатом! Славянофильская идея была живительной почвой для всей чешской славистики и византистики, в рамках которой развивались и некоторые русские научные и культурные инициативы. Такого не было нигде, в этом смысле Чехословакия была уникальна.

Вернемся к заседанию комиссии. Квет порекомендовал дополнить формируемое Славянским институтом собрание полотнами советских художников с выставки «Манеса», по договоренности с художниками.

Прокомментируем один упомянутый факт: при показе работ из советских коллекций многие художники отказались участвовать в выставке. Это звучало как угроза. Мы сталкиваемся здесь с вопросом неприятия частью эмигрантов сотрудничества с СССР. Противопоставление «Россия — СССР» и соотнесение себя с Россией, а не с СССР было одним из путей сохранения, а для молодого поколения — создания собственной «русской» идентичности. Это несколько сродни противопоставлению себя той иностранной среде, в которой изгнанники очутились, неприятию этой среды и самоутверждению на базе неприятия. Однако Великая Отечественная война превратившая СССР из страны-изгоя в мировую супердержаву, положила конец «русскому делу» — так тщательно конструируемой эмиграцией «России вне России».

Однако в 1935 г. такого развития событий еще никто не мог себе представить. В феврале 1935 г. во дворце Клам-Галласов уже были сложены привезенные из Парижа картины и скульптуры. Вещи же из

9 Подробнее см.: *Янчаркова Ю.* Архив и галерея славянского искусства в Праге. Подробности организации // Павел Федотов. Феномен личности в контексте времени; Валентин Серов и русская культура XIX — начала XX века; Сергей Тимофеевич Конёнков. Скульптура XX века; Русский культурно-исторический музей в Праге. Творческое наследие русского зарубежья — часть отечественной культуры XX века: материалы научных конференций. ГТГ. Научные конференции, круглые столы, симпозиумы. М., 2016. С. 539–558.

пражских собраний еще доставлены не были. 22 февраля состоялось собрание президиума Славянского института и рабочей комиссии, на котором было рассмотрено письмо от доцентов, докторов Ф. Коварны, Я. Квета и сотрудника Галереи современного искусства в Праге В. Волавки, в котором они попросили освободить их от участия в деятельности рабочей комиссии: «По приглашению профессора Окунева, нижеподписавшиеся ознакомились с материалом, подготовленным для выставки во дворце Клам-Галласов, и сошлись на том, что с выбором работ не могут согласиться. Данный поступок обусловлен тем, что в целом качество коллекции, согласно их представлениям, очень низкое»¹⁰. Ф. Коварна был секретарем комиссии, он должен был быть соавтором Окунева по вступительной статье в каталоге. Нужно было решать новые задачи: ушедших членов заменить новыми, а с качеством художественного материала нужно было разбираться.

Людей заменили, вместо ушедших пришли историки искусства: органиатор Чехословацкого комитета по охране памятников, знаток средневековой Праги Зденек Вирт и профессор Карлова университета Антонин Матейчек, а также известные художники Иван Мрквичка и Людвик Куба. Они ознакомились с доставленными к выставке произведениями А. Н. Бенуа: 5 картин 1924–1928 гг., исполненных в излюбленной автором технике гуаши и изображающих виды Петербурга, его окрестностей и Версаля; М. В. Добужинского: 13 работ 1910–1933 гг., включавших эскизы декораций («Месяц в деревне» для МХТ, «Пиковая дама» для Литовского государственного театра), а также виды Каунаса, Амстердама, Петербурга, 7 полотен 1932–1934 гг., М. Ф. Ларионова: 3 произведения 1906–1920 гг., в их число входила картина «У парикмахера», происходящая из серии «Парикмахеры» (1907–1910), написанная в духе неопримитивизма, Н. С. Гончаровой: 4 картины 1905–1922 гг., две из них — крупномасштабные полотна из цикла «Испанки»¹¹. Новички, особенно художники Куба и Мрквичка, весь доставленный в Прагу материал оценили по достоинству. Но в связи с тем, что разбирательство заняло много времени, открытие выставки пришлось отложить до марта.

Негативным последствием демонстративного выступления коллег Ф. Коварны, Я. Квета и В. Волавки стал слух о художественной «слабости» экспозиции. Рабочая комиссия эту опасность понимала, ведь слухи возникают и распространяются быстро. Я. Бидло пред-

10 Архив АН ЧР. Ф. Славянский институт. К. 29. К. 1/1.

11 Датировки полотен приводятся здесь по данным каталога выставки.

ложил Окуневу написать информационные статьи в чешские газеты и в немецкоязычную «Prager Presse», дабы противостоять возможной критике и непониманию. Так, еще не открыв выставку, Окунев был поставлен в позицию фактически извиняющегося за ее несовершенство, связанное с отсутствием на ней произведений из государственных музеев СССР.

Конец зимы и начало весны 1935 г. были тяжелыми: конфликты в комиссии, много сил отняли страховые и транспортные дела, развеска, этикетки и банальная подготовка пригласительных билетов. Каталог требовал много времени. Маленькая книжечка в 60 страниц с приложением черно-белых фотографий получилась в итоге очень информативной. Окунев фигурировал в каталоге как автор-составитель и как автор вступительной статьи. Соавтора не нашлось. Да и где ему было взяться? В 1935 г. историю русского искусства как специальность в Чехословакии представлял только он — профессор Карлова университета Окунев, который иногда читал такой курс своим студентам¹².

9 марта 1935 г. в 16.30 дворец Клам-Галласов распахнул публице свои двери. На стене красовался яркий плакат — Наталия Гончарова не подвела: алая краска полыхала. Плакат напоминал большой триптих художницы «Купальщицы» 1922 г., в котором она пошла по пути поиска новых форм. Их начал во Франции Поль Сезанн, с усердием писавший монументальные и несколько условные женские фигуры на берегу реки. Гончарова пришла к геометризации отдельных частей целого — женщины превратились в некие динамичные буквы. Эти находки теперь ей оченьгодились для такой простой и емкой вещи, как плакат выставки.

Представим себе увешанные картинами залы дворца: полотен XVIII — начала XIX в. было, по понятным причинам, мало. Хорошо было представлено Товарищество передвижных художественных выставок и современное искусство. Илья Репин — 22 произведения. Среди них «Крестный ход в дубовом лесу. Явленная икона» — шедевр Ильи Ефимовича. Похитонов, побивавший рекорды продаж в российских салонах начала XX в., — тоже 22. Большая удача выставки — произведения Гончаровой. От них не оторваться: «Натюрморт с ананасом», «Чертополох», «Две испанки с собакой», а главное, «Весна. Белые испанки». Зрителей, без сомнения, привлекали четыре разуха-

12 Русским искусством в ЧСР профессионально занимался и Николай Еленев, роль которого в формировании истории русского искусства в Чехословакии в настоящее время не изучена.

бистые работы Ф. Малявина, взятые из Министерства образования и просвещения Чехословакии. «Весна» и «Крик» — может быть, лучшие полотна всего его эмигрантского творчества. Украшение собрания — щедрый на образность и скупой на красочность Борис Григорьев: «Лики мира» — ширма, содержащая групповой портрет. Много было работ и совсем молодых мастеров, учеников Гончаровой, Яковлева, Шухаева¹³.

На открытие прибыли канцлер П. Шамал, мэр города К. Бакса и М. Мурко. Первое выступление принадлежало М. Мурко. Он начал с романтизма и связанной с ним идеи славянского единства, рассказал об открытом в Праге в 1928 г. Славянском институте и его цели познавать славянские народы и страны, научно и всесторонне, для создания основы культурных и экономических взаимоотношений Чехословакии со славянским миром. Славистика и византистика всегда служили государству, как в дореволюционной России, так и в Чехословакии. Далее Мурко продолжил как-то уж слишком осторожно, будто извиняясь: «Выставка русского искусства XVIII–XX вв. начала подготавливаться в то время, когда ЧСР еще не состояла в нормальных отношениях с СССР и когда невозможно было помышлять о получении картин прямо из России [...] Поэтому вы увидите на нашей выставке русского искусства только часть его, то, что мы смогли в существующих условиях без излишних трудностей представить. [...] Вы, однако, будете удивлены тем, как много произведений русского искусства нашлось у нас, это доказывает, что чехословацкий народ высоко ценил и уважал не только литературу, но и живопись великого братского народа»¹⁴. После него выступил Бакса, который и открыл экспозицию. Окунев провел по ней экскурсию для желающих. Так в напряжении и борьбе, состоялось открытие выставки, так началась ее самостоятельная короткая и одновременно вечная жизнь.

Откроем объемный и богато иллюстрированный том уважаемого исследователя А. В. Толстого «Художники русской эмиграции», изданный в Москве в 2017 г. Перед нами первая попытка осмыслить творче-

13 Перечисленные картины Ф. А. Малявина и Б. Д. Григорьева хранятся в Национальной галерее в Праге. Работы Н. С. Гончаровой находятся в собрании ГТГ. Полотно И. Е. Репина «Крестный ход в дубовом лесу. Явленная икона» принадлежит Галерее современного искусства в городе Градец-Кралове. Картина М. Ф. Ларионова «У парикмахера», представлявшаяся в Праге, хранится в галерее Альбертина (Вена).

14 Архив АН ЧР. Ф. Славянский институт. К. 29. К. 1/1.

ство русских художников в эмиграции, изобилующая, однако, такими, не совсем понятными, выражениями и метафорами, как «эмигрантская культура», «культурно-исторический феномен», «библейский масштаб потока изгнанников», «унесли с собой Россию — то есть продолжали осмыслять свое творчество во взаимосвязях с русской культурой» и пр. В разделе, посвященном Праге, Толстой пишет: «В марте 1935 года в Праге, в залах Клам-Галласова дворца, прошла большая ретроспектива русского искусства XVIII–XX веков, подготовленная столичным Славянским институтом. Как отмечают **историки искусства** (выделено нами), экспозиция была довольно неровной и включала то, что было доступно составителям, которые не обладали достаточным опытом профессионального отбора экспонатов. Залы были слабо приспособлены для выставки подобного рода. Из-за всех этих недочетов экспозиция не вызвала большого общественного внимания и встретила лишь сдержанные отзывы в пражской прессе. Среди важных особенностей выставки отмечается то обстоятельство, что весь исторический раздел экспозиции 1935 года происходил из частных чешских собраний. Составителем каталога, включавшего 470 названий произведений, был известный пражский коллекционер Н. Окунев»¹⁵. Под **историками искусства** подразумевается, главным образом, сложная фигура Владимира Фиалы, ученика Н. Л. Окунева. Он издал в 1974 г. в СССР ценную для специалистов книгу с названием «Русская живопись в Чехословакии». В ней Фиала написал: «В 1935 году состоялась выставка, на которой впервые была сделана попытка рассмотреть русское искусство с позиций истории искусств, увидеть его в развитии и смене направлений, как органическую часть общекультурного процесса и источник наших представлений о прошлом. К сожалению, выставка, подготовленная Славянским институтом в Праге, страдала из-за плохого отбора: в нее попросту включали все то, что было доступно составителям, и она не смогла осветить по-новому историю русского искусства. Для проведения такого серьезного и ответственного мероприятия Славянский институт не располагал ни средствами, ни опытом. Выставка была размещена в малоприспособленных для подобных экспозиций залах Клам-Галласова дворца. К архитектурным затруднениям нужно прибавить серьезные организационные недостатки: при отборе экспонатов не всегда проявлялось должное критическое отношение. Неудивительно, что выставка в целом не привлекла большого внимания и вызвала весьма сдержанные

15 Толстой А. Художники русской эмиграции. М., 2017. С. 71–72.

отзывы в печати»¹⁶. Мы, само собой разумеется, должны учитывать подверженность текста в 1974 г. определенной цензуре, но даже при этом Владимир Фиала показал себя в своем отзыве не с лучшей стороны. Основой книги Фиалы стала собирательская работа Окунева. Именно Николай Львович, готовя выставку и формируя собрание Славянского института, составил объемную картотеку по русскому искусству в Чехословакии, унаследованную и использованную Фиалой с одним лишь минимальным и едва незаметным упоминанием об этом¹⁷.

Таким образом, на примере приведенных цитат мы видим как в сегодняшний день из прошлого переключиваются те самые «липкие» слухи. Возникшие в сложной политической ситуации 1930-х годов, они усугубились новым политическим контекстом 1970-х и, не осмысляемые исследователями критически, прямо на наших глазах создают историю, которой не было.

Каковы же были итоги работы Окунева? Первая мысль Фиалы заключалась в том, что Окуневым «впервые была сделана попытка рассмотреть русское искусство с позиций истории искусств, увидеть его в развитии и смене направлений, как органическую часть общекультурного процесса и источник наших представлений о прошлом». Если ее «додумать», то мы придем к следующему выводу: Николай Львович Окунев показал зрителю русское искусство как единую историю с начала XVIII в. вплоть до 1935 г. А в этом и состоял его собственный взгляд на развитие русского искусства. Окунев не делил его на советское и эмигрантское. Среди экспонентов были и эмигранты, и граждане СССР — Шухаев, Билибин, Щекатихина-Потоцкая, возвратившиеся в 1935 г. домой, и Е. Лансере, вообще никуда из России не уезжавший. В связи с этим вспоминаются слова М. Цветаевой, недоумевавшей: «Борис Пастернак, например, советский поэт, а я — эмигрантский. Почему? Потому, что я в 1922 году уехала, а Борис Пастернак остался в Москве»¹⁸. Окунев, движимый мотором «русского культурного дела за границей», взялся за создание истории русского искусства — выставка визуализировала его собственную конструкцию. Но, подходя к задаче как ученый, а не как идеолог, он уничтожил свойственный для многих в эмиграции антагонизм СССР — дореволюционная Россия.

16 *Фиала В.* Русская живопись в собраниях Чехословакии. Л., 1974. С. 12.

17 *Fiala V.* Ruští realističtí malíři XIX. století. Praha, 1951. S. 73.

18 Письмо М. Цветаевой В. Ф. Ходасевичу, октябрь 1926 г., см.: Марина Цветаева. Письма 1924–1927 / сост. Л. А. Мнухин. М., 2013. С. 497.

Упомянутый выше вопрос «успеха — неуспеха» выставки нуждается в самостоятельном изучении. Мы знаем, что за три месяца работы ее посетили 6000 человек, что не является ни малым, ни большим количеством.

Добавим в заключение, что экспозиция во дворце Клам-Галласов стала самой крупной из выставок русского искусства в Чехословакии вплоть до современной Чехии. В таком масштабе — около 500 полотен из чешских и европейских коллекций — ее не удалось повторить уже никогда, и это даже несмотря на благодатное для русского искусства в Чехословакии время 1950–1980-х годов, в которое так плодотворно работал Владимир Фиала.

Последним итогом работы Окунева был сам Владимир Фиала. Окунев создал в Чехословакии научную базу для изучения русского искусства и вырастил продолжателя, которому ее и передал. Фиала преподавал, устраивал выставки, писал статьи и книги, а также как член комиссии при Национальной галерее участвовал в закупках произведений музеями страны. То, что в 1920-е и 1930-е гг. было куплено чехословацкими дипломатами и финансовыми магнатами, то, что после Второй мировой войны выплескивалось на антикварный рынок, благодаря В. Фиале выхватывалось из материальной среды и переводилось в категорию бесценного. Благодаря ему мы имеем сегодня в Чехии замечательные коллекции русского искусства. После смерти Николая Окунева в Чехословакии в лице Владимира Фиалы еще долго продолжала существовать специальность «история русского искусства», что само по себе для не-России уникально. В так называемый демократический период 1990-х годов, пришедший на смену «социалистическому тоталитаризму», эта специальность в Чешской Республике была постепенно уничтожена за ненадобностью.

Источники и литература

Марина Цветаева. Письма 1924–1927 / сост. Л. А. Мнухин. М.: Эллис Лак, 2013. 760 с.

Толстой А. В. Художники русской эмиграции. М.: Искусство — XXI век, 2017. 384 с.

Фиала В. Русская живопись в собраниях Чехословакии. Л.: Художник РСФСР, 1974. 152 с.

Янчаркова Ю. Архив и галерея славянского искусства в Праге. Подробности организации // Павел Федотов. Феномен личности в контексте

времени; Валентин Серов и русская культура XIX — начала XX века; Сергей Тимофеевич Конёнков. Скульптура XX века; Русский культурно-исторический музей в Праге. Творческое наследие русского зарубежья — часть отечественной культуры XX века: материалы научных конференций. ГТГ. Научные конференции, круглые столы, симпозиумы. М.: ГТГ, 2016. С. 539–558.

Karník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Díl 1: Vznik, budování a zlatá léta republiky (1918–1929). Praha, Libri, 2003. 576 s.

Karník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Díl 2: Československo a České země v krizi a v ohrožení (1930–1935). Praha, Libri, 2002. 580 s.

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Sládek Z., Běloševská L. a kol. Praha, Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 1998. 344 s.

Fiala V. Ruští realističtí malíři XIX. století. Praha, Orbis, 1951. 81 s.

References

Fiala, V. Russkaia zhivopis' v sobraniiax Chekhoslovakii. Leningrad, Xudozhnik RSFSR, 1974, 152 s.

Fiala, V. *Ruští realističtí malíři XIX. století*. Praha: Orbis, 1951, 81 s.

Jančárková, Ju. “Arkhiv i galereia slavianskogo iskusstva v Prage. Podrobnosti organizatsii.” Pavel Fedotov. *Fenomen lichnosti v kontekste vremeni; Valentin Serov i russkaia kul'tura KHIKH — nachala XX veka; Sergej Timofeevich Konënkov. Skul'ptura XX veka; Russkii kul'turno-istoricheskii muzei v Prage. Tvorcheskoe nasledie russkogo zarubezh'ia — chast' otechestvennoi kul'tury XX veka: materialy nauchnykh konferentsii*. GTG. Nauchnye konferentsii, kruglye stoly, simpoziumy. M.: GTG, 2016, s. 539–558.

Karník, Z. *České země v éře První republiky (1918–1938)*, díl 1: Vznik, budování a zlatá léta republiky (1918–1929). Praha: Libri, 2003, 576 s.

Karník, Z. *České země v éře První republiky (1918–1938)*, díl 2: Československo a České země v krizi a v ohrožení (1930–1935). Praha: Libri, 2002, 580 s.

Marina Tsvetaeva. Pis'ma 1924–1927. Sost. L. A. Mnukhin, Moscow: Ellis Lak, 2013, 760 s.

Sládek, Z. Běloševská L. a kol. *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 1998, 344 s.

Tolstoy, A. *Khudozhniki ruskoj èmigratsii*. M.: Iskusstvo — XXI vek, 2017, 384 s.

Julie Jančárková
Institute of Slavonic Studies of the CAS (Prague)

Nikolay Okunev and the biggest exhibition of Russian art in Czechoslovakia

The preparation of the biggest exhibition of Russian art organized by the Institute of Slavonic Studies in Prague and N. L. Okunev started even before Czechoslovakia recognized the USSR. The chosen works of art originated from private collections in Europe and emigrant artists. The establishing of diplomatic relations between the CSR and the USSR in the summer of 1934 resulted in creating new rules for the Czech organizations when working with the Russian emigrants. It started a conflict in the working commission that was organizing the exhibition. A disadvantageous background for the event was the Czech “Manes” organizing an exhibition of Russian and Soviet art from Soviet collections that finally did not take place. The historians of art F. Kovarna, J. Květ, and V. Volavka left the commission because they did not want to exhibit the works by N. Goncharova, M. Larionov, M. Dobuzhinsky, A. and N. Benois, Z. Serebryakova, B. Grigoryev, F. Malyavin and many others and without works of art kept in Soviet museums to take part. In spite of this protest and connected organizational problems, the exhibition took place. It reflected the original view of Okunev on the history of Russian art. But the rumour that it represented works of art that had lower quality created a shadow of conflict that accompanied it before it ended. Later the myth about the low quality of the exposition became stronger. Unquestioned critically, it continues to live in the works of respected specialist even nowadays.

Keywords: N. L. Okunev, the Exhibition of Russian Art, Institute of Slavonic Studies, legal recognition of the USSR, the Palace of Klam Gallas, the Collection of the Institute of Slavonic Studies.

УДК 811.163.1(47):22
ББК 81.2-3(Рус)87+86.372

А. И. Грищенко
Московский педагогический
государственный университет;
Институт славяноведения РАН;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

Названия благовоний, специй и сладостей в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века

В статье анализируются глоссы к названиям благовоний, специй и сладостей в стихах Быт 37: 25 и 43: 11 славяно-русского Пятикнижия XV в., правленного по различным еврейским источникам: гебраизм *нехоть* — к слову *темьянь* старославянского перевода (Быт 37: 25); предположительно тюркизм *амбарь* (этимологически ‘амбра’ — из арабского, заимствована в тюркский, возможно, через персидское посредничество) — к слову *вонявица / вонялица; фирьякъ / фирьятикъ* — к слову *смола; воскъ* — к слову *темьянь* (Быт 43: 11); *мигдалы* — к слову *орьси*. Поскольку ряд этих глосс имеет явное западнорусское происхождение (будучи рутенизмами или полонизмами в церковнославянском тексте), делаются выводы о появлении данной редакции на западнорусских землях. В статье приводятся соответствия не только из масоретского текста, но и из тюркского таргума, повлиявшего на Правленое Пятикнижие. Обнаружены как текстуальные переклички с ним последнего в двух указанных библейских фрагментах, так и возможные языковые заимствования из старозападнокипчакского языка. Важным фактом является также то, что данная группа глосс не имеет отношения к религиозной тематике и скорее отражает энциклопедические интересы глоссаторов, связанных, судя по всему, с так называемой ересью жидовствующих.

Ключевые слова: *славянская библеистика, история восточнославянских языков, тюркские заимствования, «проста мова», полонизмы, текстология.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.4.01

В группе из двадцати восточнославянских рукописей 1490-х гг. — третьей четверти XVI в., содержащих Пятикнижие с глоссами и правками по еврейским источникам, — в так называемом Правленом Пятик-

нижи (Грищенко 2018б), или «Пятикнижи жидовствующих» (там же: 136–143; Грищенко 2018в: 16–20), согласно нашей гипотезе о его связи с «новгородско-московской ересью», — среди разнообразных типов глосс выделяется небольшая группа исправлений в тексте (эмендаций) или маргинальных помет (собственно глосс), относящихся к наименованиям товаров, которые позднее можно было бы назвать «колониальными», по меньшей мере совершенно экзотических для Восточной Европы XV в., как то: благовоний, специй и сладостей. Интерес к ним глоссатора Правленого Пятикнижи обусловлен его (неизвестного восточнославянского книжника или круга книжников) стремлением приблизить библейские реалии к современной ему (или им) жизни, которое выражается в использовании совершенно иной терминологии, явно отличающейся от лексики старославянского перевода Восьмикнижи, из чьего состава и было выделено Пятикнижие.

Речь идет прежде всего о двух местах в книге Бытия:

• **Быт 37: 25** — где братья Иосифа, бросив его в ров и усевшись есть хлеб, увидели караван измаильтян, везущих из Галаада в Египет на верблюдах три вида благовоний: **1) θυμίαμα** ‘пряность’ или ‘ладан’ в греческом тексте (далее — LXX, т. е. Септуагинта) и **πᾶξδ’ῆ** ‘пряность’ в еврейском масоретском тексте (далее — МТ)¹; **2) ῥητίμη** ‘сосновая смола’ в LXX и **šāri** ‘бальзам’ в МТ; **3) στακτή** ‘мирра’ в LXX и **lōt** ‘то же’ в МТ;

• **Быт 43: 11** — где Иаков наказывает сыновьям отправить Иосифу в Египет шесть видов даров, среди которых перечислены те же **θυμίαμα / πᾶξδ’ῆ, ῥητίμη / šāri** и **στακτή / lōt** и добавлено еще три позиции: **4) μέλι / dāḥaš** ‘мед’; **5) τερέμινθος** (вариант: **τερέβινθος**) / **boṭnīm** ‘фисташки’; **6) καρύα** ‘орехи’ / **šəqēdīm** ‘миндаль’.

В старославянском переводе Восьмикнижи, восходящем, по видимому, к Симеоновой эпохе (Алексеев 1999: 154–155, 163–169), указанные греческие слова были переведены (или просто заимствованы с некоторыми формальными видоизменениями) соответственно как: **1) тѣманъ / тѣманъ** (все древнерусские четьи списки для Быт 43: 11 и большинство списков всех редакций для Быт 37: 25, согласно А. В. Михайлову; иные варианты написания: **тѣманъ, днѣманъ, тѣмань, фимѣанъ,**

1 Чтения LXX — по критическому изданию А. Ральфса (Septuaginta 1979), МТ — по критическому штургартскому изданию (BHS 1997); значения терминов LXX — по словарю Т. Мураоки (Muraoka 2009), МТ — по оксфордскому словарю библейского иврита и арамейского (Brown et al. 1907).

дѣмѣанъ, темъзанъ, тимѣамъ)², 2) смола (в форме род. п. смы во всех русских четых списках в Быт 37: 25), 3) вонавица / воналица (варианты в формах род. п. мн. ч.: вѣнѣлицъ, ванѣлицъ, вин. п. ед. ч.: вонѣникъ, волѣницю), 4) медъ (встречается в тексте в иной падежной форме: медоу), 5) теревинфъ (варианты, свидетельствующие об экзотизме этого греческого заимствования: теревнихъ, теревифъ, теревнифъ, теренфинъ) и 6) орѣхы (в форме вин. п. ед. ч.; варианты, в том числе в иных грамматических формах: орѣхъ, охеры, врахи, wrѣхѣи, орѣхѣа, wrѣхѣо)³.

Глоссы и эмендации к этим двум перечням «колониальных товаров», появившиеся в Правленом Пятикнижии, были учтены в различениях А. В. Михайловым, однако только по 14 известным ему спискам (один из которых, из Нило-Столобенской пустыни первой половины XVI в., к настоящему времени утрачен). Вот как выглядит распределение глосс и эмендаций по всем известным на сегодня 19 спискам Правленого Пятикнижия, содержащим книгу Бытия (в одном из 20 списков — Погод. 1435 — эта книга отсутствует):

• **Быт 37: 25:**

— маргинальная глосса к (1) темъзанъ: нехотъ (БАН 17.16.33, л. 59; F.I.1, л. 102об.; Кир.-Бел. 2/7, л. 56), испорченное чтение нехомъ (Волок. 7, л. 51); кроме того, в словарики глосс Правленого Пятикнижия (Q.I.1407, словарики на бумаге 1560-х гг., л. 475об.) под номером 30 представлена форма нехотъ, которая соответствует др.-евр. *nəḫōt*;

— маргинальная глосса к (3) воналица: ѡмбаръ (ровно в тех же списках: БАН 17.16.33, л. 59; F.I.1, л. 102об.; Кир.-Бел. 2/7, л. 56; Волок. 7, л. 51, — а также в словарики глосс под номером 31 в форме въ ѡмбаръ); это слово, как и последующие, не находит поддержки в МТ и требует отдельного комментария;

• **Быт 43: 11:** перечню «колониальных товаров» в этом стихе соответствует группа глосс под номерами 41–44 в словарики глосс Правленого Пятикнижия (Q.I.1407, л. 476): (м) смолоу, (мв) ѡналицоу, (мг) ѡмбаръ, (мд) ѡ теревинфъ, — где из шести позиций представлено четыре, причем три из них из первоначального текста и только одна (ѡмбаръ) из вторичных глосс и эмендаций, которые распределены по спискам Правленого Пятикнижия довольно причудливым образом, причем все-

2 Варьирование инициали этого термина было характерно уже для ранних памятников славянской письменности, ср. данные Пражского старославянского словаря (SJS: 1039).

3 Данные критического издания славянского перевода книги Бытия (Михайлов 1908: 318, 375).

го глосс насчитывается также четыре, т. е. старые названия двух из даров Иакова не глоссируются (судя по всему, это **(4)** медъ и **(6)** орвхїа):

— слову **(2)** смола соответствует название вещества, представленное разнообразными формами: в основном тексте это *фирьѣтикъ* (Волок. 8, л. 81; Егор. 648, л. 82об.; Q.I.1407, л. 107об.), *дириѣтикъ* (Тих. 453, л. 100об.; Кир.-Бел. 1/6, л. 93) и *фирьѣкъ* (МГАМИД 354, л. 266), в маргинальных глоссах — *фирьѣти* (Кир.-Бел. 2/7, л. 65об.; БАН 17.16.33, л. 72), *фирьѣ* (Кир.-Бел. 3/8, л. 106), *дирьѣ* (Муз. 3479, л. 91об.), *фирьѣкъ* (Волок. 7, л. 60об.) и *фирьѣкъ* (Вил. 51, л. 63об.), — и это название также требует отдельного комментария;

— слову **(1)** *темыанъ* соответствует на сей раз, в отличие от стиха Быт 37: 25, *воскъ* — и так же, как с предыдущим новым чтением, то в самом тексте (Волок. 8, л. 81; Егор. 648, л. 82об.; Q.I.1407, л. 107об.; Тих. 453, л. 100об.; Кир.-Бел. 1/6, л. 93), то в виде глоссы на полях (Кир.-Бел. 2/7, л. 65об.; БАН 17.16.33, л. 72; Муз. 3479, л. 91об.; Волок. 7, л. 60об.; Вил. 51, л. 63об.);

— слову **(3)** *воналицѣ* так же, как и в стихе Быт 37: 25, соответствует *ѣмбаръ* (только в блоке маргинальных глосс в списках: БАН 17.16.33, л. 72; Кир.-Бел. 2/7, л. 65об.; Муз. 3479, л. 91об.; Волок. 7, л. 60об.; единственная глосса в F.I.1, л. 119об.);

— слову **(5)** *теревинфъ* соответствует форма мигдаллы — снова как в самом тексте (ровно в тех же списках, где в тексте представлена форма *воскъ*, кроме МГАМИД 354), так и в блоке маргинальных глосс (ровно в тех же списках, где на поля вынесен *фирьѣкъ* / *фирьѣтикъ*; испорченные чтения: *мигдары* в БАН 17.16.33, л. 72; *магдалы* в Муз. 3479, л. 91об.), — и эта форма также требует отдельного комментария, равно как и ошибочность ее отождествления глоссатором с «теревинфом», а не «орехами» в протографе Правленого Пятикнижия.

Если попытаться наглядно представить глоссирование исходного старославянского перевода, то оба рассматриваемых стиха можно дать по Геннадиевской Библии 1499 г. (Пятикнижие в ней как раз относится к той редакции, поверх которой и проводились правка и глоссирование), добавив в скобках представленные выше вторичные чтения — глоссы на полях или эмендации в тексте:

Быт 37: 25 (Син. 915, л. 23об.) *и | сѣдоша ѡсти хлѣвъ. и възрѣвше о҃чима видѣша. сѣ | пѣтници ѡзманѣтане ѡдѣтъ ѿ галада. и велѣди и полянь темианѣ [нехотъ] и смы. и воналицѣ [ѣмбаръ] поити въ египѣ.*

Быт 43: 11 (Син. 915, л. 28) *рѣ имь ѡзель ѡцѣ ѡце тако ѣ створите тако. възмѣте | ѿ плода земнаго въ сѣдѣды своѣ. и донесите мѣждѣ даръ. | смола [дириѣ(ти)къ]. мѣ. и темианъ [воскъ]. и воналицѣ [ѣмбаръ]. и теревиндѣ и ѡрвхїю [мигдалы].*

Представленный перечень соответствий вторичных чтений первичным является в действительности нашей реконструкцией, поскольку непосредственно в рукописях привязка глосс к словам в тексте, как и последовательность самих глосс на полях и эмендаций в тексте, в основном иная (не вызывает сомнений лишь отсутствие вторичных чтений для слов *медъ* и *орѣхѣа*, которые всегда имеются в тексте, не появляются на полях и не снабжаются специальными знаками сносок — повторяющимися спиритусами, обычно киноварными): здесь нельзя не согласиться с А. А. Алексеевым, который сетовал на то, что «как предмет филологического изучения глоссы представляют собою крайне сложный материал. При переписке глоссы могли вноситься с полей в текст, где или заменяли исконные текстовые варианты, или располагались рядом с ними, или же вытесняли их на поля» (Алексеев 1999: 182). Однако в случае с блоком глосс в стихе Быт 43: 11 проблема путаницы между исконными и вторичными чтениями, а также с их последовательностью оказалась разрешимой благодаря возможностям как внутренней реконструкции (форма *амбаръ*, встречающаяся также в Быт 37: 25, должна была соотноситься с аналогичным исконным чтением в Быт 43: 11), так и внешней — при обращении к текстам LXX и МТ, а также к принципиально новому источнику, обнаруженному нами, — тюркскому таргуму Пятикнижия, достоверно известному по меньшей мере с XV в.

О тюркском таргуме как одном из важнейших источников глосс и эмендаций Правленного славяно-русского Пятикнижия нам приходилось писать уже неоднократно (Грищенко 2017; Грищенко 2018а; Грищенко 2018б: 85–112), и поскольку эта гипотеза не вызвала до сих пор никаких возражений, то не будем повторять здесь своей лингвотекстологической аргументации: наоборот, анализируемый в настоящей статье материал глосс и эмендаций — названия благовоний, специй и сладостей, — еще не рассматривавшийся нами специально ранее, эту аргументацию лишь дополнит. Поскольку старший, 1470–1480-х гг., список тюркского таргума «золотоордынской» редакции (Фирк. 143) не содержит книги Бытия (Грищенко 2018б: 88–92), для сопоставления с чтениями Правленного Пятикнижия приходится использовать более поздние караимские его редакции: *к р ы м с к у ю* (там же: 92–96) — по рукописям Фирк. 144, В 476, В 323 и печатному евпаторийскому изданию Мордехая Тиришкана 1841 г. (Евп. 1841) и *т р а к а й с к у ю* (Грищенко 2018б: 96–97) — по галицкой рукописи В 556 и виленскому печатному изданию Захарии Мицкевича 1889 г. (Вил. 1889). Все необходимые для сопоставления чтения сведены в таблице 1, причем сла-

вянские и греческие слова нормализованы и представлены в им. п., а древнееврейские — в непаязальных формах, причём как древнееврейские, так и караимские даны только в стандартной транслитерации, принятой для библейского иврита. Значения древнееврейских и греческих слов приведены выше; значения тюркских форм — с опорой на (КРПС 1974). Связанные друг с другом — по нетривиальному значению или формально — слова разных языков выделены.

Как уже было отмечено, среди всех приведенных глосс лишь одна может считаться собственно гебраизмом — форма (1) *нехотъ*, восходящая к др.-евр. *נֶחֱוֹט*. Передача «шва» в первом слоге через гласный *e*, то есть как «подвижное шва», в данном случае не маркирует систему произношения средневекового иврита: такого рода реализация «шва» в этой позиции встречается как в сефардских системах произношения, так и в ашкеназских (в последних — из-за невозможности инициали *nx-* в идише [Morag 2007: 560]). Тот факт, что все прочие глоссы рассматриваемой группы (как и многие другие глоссы и эмендации) не могут напрямую восходить к МТ, ставит под сомнение саму атрибуцию этой редакции славяно-русского Пятикнижия как «правленной по МТ». Из оставшихся четырех глосс и эмендаций две могут восходить к тюркскому таргуму.

Прежде всего это касается соответствия чтению (2) *смола* (resp. греч. *ῥητίνη*, др.-евр. *šārī*) старославянского перевода Восьмикнижия в Быт 43: 11, которое представлено двумя конкурирующими формами: *фирьякъ* и *фирьятикъ*, — причём выбрать из них исходную для протографа Правленного Пятикнижия затруднительно, оставаясь в пределах его списков. Однако если обратиться к данным тюркского таргума, то ситуация проясняется: библейское *šārī* переведено в нем как *tiryak* (вариант с озвончением начального согласного — *tiryak*), и это переводческое решение восходит к старой иудейской экзегетической традиции. Так, Авраам Ибн Эзра (1089 — ок. 1167) в своем классическом комментарии на Бытие (37: 25) дает описательное толкование термину *šārī*, ссылаясь на авторитет арабского перевода Саадии Гаона (882–942): «Саадия Гаон считал, что это то самое снадобье, которое изготавливается из семидесяти пяти составляющих» (КБК 2010: 521//522), — и как раз у Саадии Гаона здесь использована форма *try'q* (без огласовки) (RaSa'G 1894), в которой без труда узнается всё тот же *tiryaq*. В другом еврейско-арабском переводе, опубликованном в позднем издании общины багдадских евреев Бомбея (там переводчиком назван Йехезкэль Шем-Тов Давид), слову *šārī* соответствует аналогичная форма *tryu'k* (без огласовки) (Šarh 1889). Хотя «Караимско-русско-польский

словарь» и приводит для *тирийак* и *дирийак* расплывчатые значения ‘возбуждающее средство’ и ‘снадобье’ соответственно (КРПС 1974: 530, 178), речь идет, конечно, о таком знаменитом и загадочном снадобье, известном еще с античных времен, как териак, а само слово в европейские и восточные языки попадает из греческого *θηριακή* (производное от *θηρίον* ‘зверь’, изначально обозначение некоего универсального противоядия). И теперь становится очевидным, что исходная славянская форма, которая попадает на поля Правленого Пятикнижия, — это *дириакъ*, что благодаря восточнославянскому чтению «фиты» и некнижному выпадению напряженного редуцированного (или непосредственно под влиянием средневекового греческого произношения) легко было заменено на *фирыакъ* и выступило в качестве более привычного славяно-греческого субститута для еврейско(-тюркско)го *tiryak*. В современной Правленому Пятикнижию и испытывавшей на себе его влияние Геннадиевской Библии 1499 г., причем также в маргинальной глоссе, но к Иер 46: 11 (взыди ъ галаадъ и възми | клеилъ карныи⁴), употреблена более правильная форма с «фитой»: по еврѣиски клеиле | карныи зовеѣ са тѣлѣ|рѣа иже знаменѣеть | дириакъ (Син. 915, л. 543). Примечательна здесь квалифицированная в качестве еврейской форма *дтлрѣа* или *тдлрѣа*: действительно, схожее название териака известно в трактатах Мишны (II–III вв.) «Шаббат», «Недарим» и «Авода Зара», в мидраше на Песнь песней («Шир га-Ширим Раба», конец VIII в.) и в словаре к Талмуду еврейско-итальянского раввина Натана Роми (XI в.) в вариантах *twryuqu* (без огласовки), *tiryuāqī* и *tiryuāqā* (Jastrow 1903: 1657, 1667). Непосредственный источник этой глоссы к книге пророка Иеремии в Геннадиевской Библии установить пока не удалось, однако именно это место входит в те главы, которые переводились с Вульгаты при восполнении лакун в известных с древности Толковых Пророчеств и которые известны в черновых материалах Геннадиевской Библии, выявленных В. В. Калугиным в группе из семи рукописей, которая подверглась глоссированию, идентичному глоссированию Правленого

4 Выражение *клеилъ карныи* (вин. мн. от **клеиль карныи*?) более нигде не встречается, а входящие в его состав компоненты словарями не зафиксированы. В Вульгате, с которой переводились для Геннадиевской Библии Иер 1–25 и 46–51, этому выражению соответствует *resina* ‘смола, камедь’ — то же слово, которое в Быт 37: 25 и 43: 11 стоит на месте греч. *ρήτινη*, то есть соотнесение с этим благоуханным веществом териака опирается на регулярное лексическое соответствие. Лишь по контексту можно предположить, что **клеиль карныи* — это ‘траурная смола’, однако происхождение его остается пока загадочным.

Пятикнижия (Калугин 2017). В рукописи РГБ Тр.-Серг. 63 1490-х гг. (л. 302) в той же самой глоссе к Иер 46: 11 интересующие нас названия териака переданы несколько иначе — с сочетанием дт или тд в обеих формах: по ѿврескѣи клеиѣ | каръни зовѣса тѣ|рѣа ѿ знаменѣѣтъ | тѣрѣакъ.

В более поздней славяно-русской книжности слово *фирьякъ* / *дырьякъ* встречается довольно редко: его нет в картотеке «Словаря русского языка XI–XVII вв.», хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, а в Старорусском корпусе Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html) оно встречается только трижды в составе одного сборного памятника — Торговых книг начала XVII в. (1600–1610). Также известен специфический, из трупа невольника, египетский рецепт «фирьяка», описанный в Хождении в Иерусалим и Египет купца Василия Гагары (1634–1637 гг.) (Гагара 1891)⁵. Наконец, еще один вариант славянского названия териака, который встречается в глоссах Правленого Пятикнижия, *фирьятикъ*, зафиксирован «Историческим словарем белорусского языка» (фактически это словарь «простой мовы» в целом) с сомнительным толкованием ‘гатунак прыправы (= разновидность приправы)’ в одном из пинских актов 1562 г.: «панъ Гуринъ [...] побрѣль [...] фирьятику две фаски, инберу в меду фаска, полььосетра» (ГСБМ, вып. 35: 412). Это западнорусское употребление свидетельствует о том, что данный вариант в Правленом Пятикнижии — не случайная индивидуальная ошибка этого памятника, а также реальная форма, причем известная и западнорусской письменности, что снова подкрепляет нашу гипотезу о создании Правленого Пятикнижия на русских землях Великого княжества Литовского.

Второе слово среди анализируемого блока глосс и эмендаций, которое мы уже относили к тюркизмам, точнее словам, прошедшим тюркское посредничество (Grishchenko 2016: 261–262), — это **(3)** *амбаръ*, причем, конечно, не тот широко распространенный тюркизм со значением ‘хозяйственная постройка’, а иной, на что обратил внимание уже прот. Александр Горский, который впервые подробно исследовал глоссы и эмендации Правленого Пятикнижия: «... *амбаръ* есть общепринятое, в средние века, в европейской торговле название благовонной смолы, янтаря и т. п. На латинском: *ambrum*, *ambare*, *ambra*, у французов: *ambre*, *ambra* [со ссылкой на словарь средневековой латыни Шарля Дюканжа. — А. Г.]» (Горский 1860: 138).

⁵ См. также несколько подробнее об использовании териака в России в (Ковалева 2005: 102–104).

Таблица 1. Названия благовоний, специй и сладостей в

	LXX	Старослав. перевод	MT	Глоссы и эмсндации
Быт 1. 37:25	θυμίαμα	ТЕМЫАНЪ	nəḵōʿt	нехотъ
	ῥητίνη	смола	ṣāḡī	—
	στακτή	ВОНАВИЦА / ВОНАЛИЦА	lōt	амбаръ

Быт 2. 43:11	ῥητίνη	смола	ṣāḡī	фирыакъ / фирьатикъ
	μέλι	медъ	dəbaš	—
	1. θυμίαμα	ТЕМЫАНЪ	nəḵōʿt	воскъ
	3. στακτή	ВОНАВИЦА / ВОНАЛИЦА	lōt	амбаръ
	5. τερέβινθος	теревинфъ	boṭnîm	мигдалы
	6. καρύα	оръси	šəqēdîm	—

В основе этого наименования лежит арабское слово *'anbar* 'амбра' (вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалотов и использующееся с древности в качестве фиксатора аромата, т. е. изначально не само по себе благовонное вещество, а лишь вспомогательный компонент благовоний), и уже из арабского оно попало в греческий и латынь. В электронной базе данных «Thesaurus Linguae Graecae» (<http://stephanus.tlg.uci.edu>) слово ἄμβρα встречается шесть

Правленом славяно-русском Пятикнижии XV в. и в его источниках

Тюркский таргум (караимские редакции)		
Фирк. 144, В 476, В 323	Евп. 1841	В 556, Вил.1889
'îslî 'ôṭ 'благовон-ная трава'	baḥarlar 'пряности'	'ôṭyuāmlār 'пряности, благовония', maṣṭîq 'мастика'
ṭîryyak 'териак'	ṭîryyak	ṭîryyāk, dîryyāq
saqîz 'жевательная смола'	saqîz	maṣṭîk lādān 'ладан'

ṭîryyak	ṭîryyak	ṭîryyāq, dîryyāq
bal 'мед'	bal	ṣîybal 'сырой мед'
'îslî 'ôṭ	baḥarlar	'ôṭyuāmlār, maṣṭîq
saqîz	saqîz	maṣṭîk, lādān
pîstîqlar 'фисташки'	pîstîqlar	zîmzîmlêr, zûmzûmlār 'фисташки'
badēmlar 'миндальные орехи'	badēmlar	badamlar, bādām lār

раз, ἄμβαρα, ἄμβαρως — по одному разу и, наконец, ἄμλαρ (которое в средневековом и современном греческом произносится как [ábar]) — 18 раз. Именно последняя форма могла служить источником наименования амбры (или уже некоего благовония?) в русском «Чине мироварения» второй половины XV в., обнаруженном и изданном А. Г. Бобровым по нескольким спискам: аварь (вариант, свидетельствующий о знакомстве русского книжника с греческой формой: аваръ,

то има ему и грецкы, и рускы) (Бобров 2007: 856). Была ли форма *амбаръ* заимствована непосредственно из греческого или представляет собою испорченное *амбаръ*, решить в данном случае невозможно. Средневековые латинские формы, связанные с *ambrum* (Niermeyer 1976: 40), и производные от них названия амбры и ароматических веществ также не могли быть источником русского *амбаръ*: западноевропейская форма *амбра* заимствуется, по-видимому, лишь в XVII в., и впервые в великорусской письменности она отмечена в актовых книгах под 1673 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 35).

И формально, и, видимо, также семантически глосса *амбаръ* Правленого Пятикнижия связана со старозападнокипчакским словом *ambar*, содержащимся в таком принципиально важном для истории кипчакских языков памятнике, как «Codex Cumanicus» 1303 г.: скорее всего, оно было заимствовано в язык этого памятника напрямую из арабского *'anbar* с ассимиляцией *nb > mb*, минуя греческое посредничество. В качестве латинского соответствия ему поставлено латинское *ladanum* (правда, в столбце с персидскими формами⁶) и итальянское *ladano* (Drimba 2000: 89): эти последние грецизмы (восходят к греч. *λάδανον*) уже в форме *ladan* отразились в качестве соответствия др.-евр. *lōt* в стихах Быт 37: 25 и 43: 11 в поздней тракайской редакции тюркского таргума⁷, и это дает основания предполагать, что в ранней его редакции, золотоордынской, существенно более близкой по времени к «Кодексу куманикусу», — в несохранившейся ее части — в этих стихах могла быть форма *ambar*, которая и попала в Правленое славяно-русское Пятикнижие.

Важно также, что это же название благовония трижды, в том числе в производном прилагательном, встречается в Виленском библейском своде (Вил. 262) в составе книг, переведенных с МТ: *вѣтка амбара милостникъ мой мнѣ* (Песн 1: 14, л. 83б), где *вѣтка амбарова* соответствует др.-евр. *'eškōl hakkōpēr* ‘пучок хны’; *пойди мило|стныи мой выйдемъ на | поле ѡбитѣемъ въ амбарѣхъ* (Песн 7: 12, л. 85в), где «амбарам» соответствует мн. ч. др.-евр. *kapārīm*, что традиционно

6 В персидском действительно есть этот грецизм, но без латинского окончания — в форме *lādan* (Steingass 1963: 1111). Слово *lādanum* было заимствовано из греческого еще в классическую латынь (OLD 1968: 995).

7 В «Караимско-русско-польском словаре» слово *ладан* приведено только со ссылкой на то же издание тракайского перевода Бытия 3. Мицкевича, причем с пометой «р<усское>» (КРПС 1974: 398), что, учитывая персидскую параллель, сомнительно.

переводится как ‘сѣла, деревни’ (реконструируемая форма ед. ч. абсолютного статуса — **kāpār*), но возможна интерпретация и как хны (ед. ч. *kōpēr*, мн. ч. выглядит так же: *kāpārīm*)⁸; натрѣсила ѣсмй ложе мое | мьскѣсомъ и ѣмъборомъ и | цинамонѣ (Притч 7: 17, л. 96в), где «амбору» в МТ соответствует *‘ahālīm* ‘алоз’ (в другом месте Вил. 262, л. 84б, Песн 4: 14, то же алоз, но в несколько иной, женского рода, форме др.-евр. мн. ч. *‘ahālōt* переведено как бѣлѣамъ). «Исторический словарь белорусского языка» все эти три употребления из Вил. 262 трактует как ‘амбра’ (ГСБМ, вып. 1: 109, 110), что, как мы показали, верно лишь этимологически. В любом случае западнорусское употребление формы амбаръ / амворъ ‘благовоние’, да еще в таком важном памятнике, как переведенные с МТ библейские книги в Вил. 262, в очередной раз подтверждает нашу гипотезу о происхождении Правленого Пятикнижия с русских земель Великого княжества Литовского.

Третье слово в анализируемом перечне «колониальных товаров», которое подтверждается тюркским чтением, однако стоит в виде глоссы и эмендации не на своем месте, о чем уже упоминалось выше, — это (5/6) мигдалы: в Правленом Пятикнижии оно выступает во всех списках как соответствие теревинфу, тогда как следующее (и последнее) наименование посылаемых Иосифу в Египет продуктов — орѣси — единственное остается неглоссированным. Ошибочность или, точнее, промах с глоссируемым словом очевидны ввиду того, что исходное др.-евр. слово *šaqēdīm* (resp. греч. *καρύα*, слав. орѣси) обозначает именно миндаль, и глосса мигдалы должна относиться именно к последнему «колониальному товару» в этом перечне, но вкравшаяся при копировании рукописей ошибка перешла во все списки Правленого Пятикнижия. Более того, слово мигдалъ (точнее, в более правильной западнорусской орфографии микгдалъ) — рутенизм, то есть заимствование из «простой мовы» (см. примеры в соответствующем словаре [ГСБМ, вып. 18: 39–40]), по происхождению — полонизм (см. слово *migdal* и производные от него в «Словаре польского языка XVI в.» [SP XVI w., t. XIV: 148–150]), заимствованный через лат. *amygdalus* из

8 Именно ко второй версии склонились современные переводчики Российского библейского общества (Песнь песней переведена Я. Д. Эйделькиндою): «Милый! Пойдем-ка в поле, там, где хна растет, ночь проведем» (Библия 2011: 740). В переводе Ветхого Завета с МТ под руководством М. Г. Селезнева «в особо трудных для понимания местах переводчики и научные редакторы следовали наиболее авторитетным и надежным реконструкциям современной ветхозаветной текстологии» (там же: 8).

греч. ἀμύδαλον (в LXX употребляется только в Еккл 12: 5). В стихе Быт 43: 11 соответствующий перевод появляется в Вульгате и оттуда попадает в чешскую, а из нее и в польскую библии. Однако если в чешской Библии это еще германизм *mandle* (*Mandluow* в первопечатной Пражской Библии 1488 г. [Bible 1488]), то в зависимой от нее Библии Франциска Скорины — уже полонизм, ср. тот же перечень «колониальных товаров» в Быт 43: 11: *Ладдану Й Мѣду Мирры Й Балса|мѣ Й Мигдалловъ* (Бивлия 1519); ср. *Migdalow* в Библии Леополиты 1561 г. (по 3-му изданию 1577 г. [Biblia 1577]). В Еккл 12: 5 слово *микгдалъ* употреблено и в Вил. 262 (л. 92б); в этом стихе схожая форма *михддъ* в маргинальной глоссе к текстовой форме *кляпы*⁹ появляется и в Геннадиевской Библии (л. 442об.), и в целом слово *мигдалъ* известно и великорусской книжности того же периода (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9: 148–149), — однако применительно к стиху Быт 43: 11 глоссе *мигдалы* следует считать текстуальным, а не языковым рутенизмом или полонизмом. Наконец, по значению соответствует она и чтению тюркских таргумов (*bademlar, badamlar* ‘миндальные орехи’).

Последняя глосса, представляющая собой стандартное славянское слово без определенной ареальной привязки, — *воскъ* в Быт 43: 11 (в Быт 37: 25 исходный грецизм *темыанъ* был глоссирован уже рассмотренной выше еврейской формой *нехотъ*) — также требует объяснений, поскольку она никак не мотивирована ни чтениями оригиналов, ни вариантами переводов на языки, с которыми мог контактировать глоссатор Правленого Пятикнижия (в тюркском таргуме, Вульгате, Библии Скорины, чешских и польских библиях). Однако это чтение довольно старое, и впервые зафиксировано оно в форме *ša'āwā^h* ‘воск’ в классическом мидраше V в. «Берешит Раба» (91: 11)¹⁰, а затем в Таргуме Псевдо-Ионатана и в толкованиях Раши (КБК 2010: 597//598) (оригинальные тексты арамейских таргумов, мидрашей и толкований Раши с параллельными английскими переводами — по электронному ресурсу

9 В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *кляпышь* разделено на две вокабулы, вторая из которых, с незначительным количеством примеров, правда начиная с «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского, имеет значение ‘миндаль’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7: 191). В «Историческом словаре белорусского языка» пример на *кляпышь* вообще один (и также со значением ‘миндаль’) (ГСБМ, вып. 15: 133).

10 «...Рабби Йегуда, сын Рабби, сказал: — Мед, крепкий, как камень; “пряностей” — воска; “и лота” — тертую мастику; “фисташек и миндальных орехов” — фисташковое масло и миндальное масло» (Мидраш 2013: 598).

[Sefaria]). Остается лишь робко предполагать, что именно как воск библейское *naḳō'it* было переведено в утраченной части «золотоордынской» редакции тюркского таргума, хотя обращение к толкованиям того же Раши — вполне обычное явление для Правленного Пятикнижия (о чем нам уже приходилось писать [Грищенко 2018б: 44, 47, 75–76, 82]), не исключаящее, впрочем, посредничества тюркского таргума.

Стихи Быт 37: 25 и 43: 11 — не единственные в Правленном Пятикнижии, где подвергаются глоссированию названия благовоний. Так, серия глосс и эмендаций *тѣмьанъ vs. ладанъ* представлена в книге Левит (2: 16, 4: 7, 5: 11) и пара *тѣмьанъ vs. каденѣа* в Числ 7: 14 (Грищенко 2017: 22–24). Таким образом, благовония — наряду со специями и сладостями — оказываются в числе тех реалий, которые интересуют глоссатора, причем эти реалии вовсе не связаны ни с вероучительными проблемами, ни с тонкостями библейской экзегезы, и нет в них, конечно, ни следа возможной ереси, которую приписывали «жидовствующим». Такого типа глоссы Правленного Пятикнижия еще не рассматривались нами системно, и их следовало бы объединить в группу энциклопедических глосс, а точнее — вещных, или предметных, в которых редактор славяно-русского Пятикнижия фиксировал важные для себя реалии, причем не столько собственно библейские, сколько современные и близкие ему. Именно из-за того, что «колониальными товарами» интересовались прежде всего купцы, а не традиционные книжники, нами уже высказывалось предположение, что в правке Пятикнижия принимали участие представители этой, вовсе не книжной, профессии, тем более что среди глосс есть множество современных им географических названий, известных также в основном купцам, связанным с дальними путешествиями (Grishchenko 2016: 268). Обращала на себя внимание и перекличка с предметной лексикой «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, который, по недавнему предположению М. Гардзанити (Гардзанити 2010: 524–525), обоснованному А. Г. Бобровым, пустился в свое авантюрное путешествие именно в поисках диковинных специй, точнее — компонентов, необходимых для самостоятельного мироварения, которое после падения Константинополя началось на Руси (Бобров 2017).

Наличие в Правленном Пятикнижии группы энциклопедических глосс необязательно свидетельствует о том, что в его глоссировании принимали участие светские образованные лица (например, связанные с заморской торговлей), хотя и это не исключено: энциклопедичность — характерная черта филологической работы с библейским текстом европейских гуманистов, которые видели в Священном Писании

источник не только веры, но и познания мира. Где же работали эти безвестные восточнославянские гуманисты, так пристально вглядывавшиеся в загадочные библейские названия благовоний, специй и сладостей? Лингвистический анализ соответствующих глосс в стихах Быт 37: 25 и 43: 11 в очередной раз говорит о том, что это была западная часть восточного славянства XV в., причем находившаяся в контакте с тюркоязычными иудеями. Наиболее вероятным местом такого беспрецедентного межконфессионального и межъязыкового сотрудничества, которое вылилось в масштабный библейский проект, к сожалению потерпевший неудачу (если не считать одним из его результатов создание Геннадиевской Библии, правда уже в Новгороде), — мы продолжаем считать Киев второй половины XV в., до разграбления его в 1482 г. крымским ханом Менгли Гиреем.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург), Научно-исследовательский отдел рукописей

БАНЛ — Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (Вильнюс), Отдел рукописей

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей

ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук (С.-Петербург), Отдел рукописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

Сокращенные названия рукописей

БАН 17.16.33 — БАН, № 17.16.33: Пятикнижие, 4°, 1490-е гг.

Вил. 51 — БАНЛ, Ф. 19, № 51: Пятикнижие (писано в Вильне неким Феодором, дьяком митрополита Иосифа II (Солтана) Киевского, Галицкого и всея Руси), 1°, 1514 г.

Вил. 262 — БАНЛ, ф. F-19, № 262: Сборник, 1°, первая четверть XVI в., из Супрасльского монастыря.

Волок. 7 — РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 7: Пятикнижие неполное (Бытие, Исход, Левит), 4°, первая треть XVI в.

Волок. 8 — РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 8: Пятикнижие с прибавлениями, 4°; Пятикнижие (л. II, 1–376) переписано в 1494 г. Павлом Васильевым.

Егор. 648 — РГБ, ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова), № 648: Пятикнижие, 4°, 1490-е гг.

Кир.-Бел. 1/6 — РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351), № 1/6: Библейский сборник (начинается Восьмикнижием и Царствами, продолжается книгой Есфирь и оканчивается книгой пророка Даниила с хронографическими вставками; Пятикнижие на л. 1–399об.), 1°, 1550-е гг. Рукопись была вложена в Кирилло-Белозерский монастырь епископом Кассианом Рязанским и Муромским, который скончался там же в 1556 г.

Кир.-Бел. 2/7 — РНБ, ф. 351, № 2/7: Пятикнижие, 4°, рубеж XV–XVI вв.

Кир.-Бел. 3/8 — РНБ, ф. 351, № 3/8: Пятикнижие, 4°, 1490-е гг.

МГАМИД 354 — РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 4, № 354, Пятикнижие с утратами, 2°, 1490-е гг. Состав: Быт 24: 43–25: 26, Быт 27:5 — Втор 4: 24, Втор 5: 22 — Втор 29: 12.

Муз.3479 — ГИМ, Музейское собрание, № 3479: Пятикнижие с утратами, 4°, первая треть XVI в. Лакуны: Быт 2: 20–3:20 и Втор 33: 20–34:12.

Погод. 1435 — РНБ, Собрание М. П. Погодина (ф. 588), № 1435: Полная Хронографическая Палея с неполным Пятикнижием (л. 454–595об.; отсутствует книга Бытия, обрывается на Втор 34: 4), 1°, первая треть XVI в.

Син. 915 — ГИМ, Синодальное собрание, № 915: Библия, 1°, 1499 г.

Тих. 453 — РГБ, ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова), № 453: Пятикнижие с прибавлениями (отрывок из «Прения с Ерваном» Жития Григория Омиритского, отрывки и изречения из Пророков, Зерцала, Златоуста, Откровение Авраама), 4°, первая треть XVI в.

Фирк. 143 — РНБ, Евр. I. Библия. (1-е собрание А. С. Фирковича, библейская часть), № 143: Фрагмент Пятикнижия (Исх 21: 11 — Числ 28: 15 с лакунами) на старокипчакском языке в еврейской графике, 4°, в переплете XIX в., 1470-е — 1480-е гг.

Фирк. 144 — РНБ, Евр. I. Библия., № 144: Пятикнижие на караимском языке, 4°, 1770-е — 1780-е гг.

В 323 — ИВР РАН, № В 323: Пятикнижие и Свитки на караимском языке, 4°, конец XVIII в., переводчик Симха Габбай б. Гиллель га-Закен, писец Давид б. Симха.

В 476 — ИВР РАН, № В 476: Пятикнижие на караимском языке, 4°, 1770–1780-е гг., переводчик Элия бен Моше, переписчик Йицхак.

В 556 — ИВР РАН, № В 556: Псалмы, Притчи, Иов, Есфирь, Даниил, Ездра, Песнь Песней, Бытие и Исход в переводе на караимский язык, конволют, 4°, XVIII–XIX вв.

F.I.1 — РНБ, Основное собрание рукописной книги (ф. 550), № F.I.1: Пятикнижие, 1°, 1490-е гг.

Q.I.1407 — РНБ, ф. 550, № Q.I.1407: Пятикнижие, 4°, начало XVI в. (л. 1–466), 1560-е гг. (л. 467–478). В конце рукописи (л. 475–478об.) имеется нумерованный индекс глосс, не отраженный в основном тексте Пятикнижия, но имеющий соответствия в списках Тих. 453 и КБ 1/6.

Источники и литература

Алексеев 1999 — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб.; Köln; Weimar; Wien: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.

Библия 2011 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические: Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2011. 1408 с.

Бивлия 1519 — БИВЛИЯ РѢСКА выложена докторомъ Францискомъ Скоринюмъ изъ славнаго града Полоцка, Богъ ко чти и людемъ пополитымъ к довромъ надъчению. [Прага, 1519] (цифровая фотокопия на сайте РГБ: <http://www.rsl.ru/>): Бытыя: Книги дъ Моисеявы, л. 8об.–94 поздней фолциации.

Бобров 2007 — *Бобров А. Г.* Чин мироварения в автографе Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 833–856.

Бобров 2017 — *Бобров А. Г.* Что искал в Индии Афанасий Никитин? // *Rossica antiqua*. 2017. № 2 (15). С. 124–143.

Вил. 1889 — *Ḥamišah Ḥumšey Torah: məturgam li-lešon qedari li-vney miqra'* [...] *Zəxaryah ben Miḫa'el Miškiewiṣ*. Vilna', 5649 = Пятикнижие: перевод на «кедарский» язык сынов писания (= караимов) [...] Захария Михайлович Мицкевич. Вильна, 5649. [Русские выходные данные на титульном листе: *М. Мицкевич, Й. Роецкий*. Хамиша Хумше Тора, т. е. Пятикнижие Ветхого Завета, переведенное на караимское наречие. Вильна, 1889].

Гагара 1891 — Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары: 1634–1637 гг. / ред. и предисл. С. О. Долгова. СПб., 1891. (Православный палестинский сборник. 1891. Т. 11, вып. 3 (33)). X, 102 с.

Гардзанити 2010 — *Гардзанити М.* Открытие Востока: «грешное хождение» Афанасия Никитина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61. СПб., 2010. С. 518–532.

Горский 1860 — [*Горский А. В., прот.*] О славянском переводе Пятикнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту // Прибавления к Творениям св. Отцев. 1860. Ч. 19. Кн. 1. С. 134–168 1-й паг.

Грищенко 2017 — *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века и тюркский таргум: проблема взаимного влияния // *Rossica Olomucensia*. 2017. Vol. 56. Num. 2. С. 5–51.

Грищенко 2018а — *Грищенко А. И.* Какие *стурлаби* украла Рахиль у Лавана? (Об источниках глосс славяно-русского Пятикнижия XV века) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 105–115.

Грищенко 2018б — *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М.: Древлехранилище, 2018. 176 с.

Грищенко 2018в — *Грищенко А. И.* Хронология «Родословия Адама» (Быт 5) в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века: К истокам календарных споров с «жидовствующими» // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2018. Вып. 56. С. 9–47. DOI: 10.15382/sturП201856.9-47.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–36—. Мінск, 1982–2016—.

Евп. 1841 — *Sefer targum Torah bi-lešon ʔatar... Gozleve: be-beyt ha-defus šel... Mordexay ha-nagid ha-maškil ha-nadiv ʔirišqan, 5601* [Перевод Торы на татарский язык... Гёзлеве: в типографии мецената Мордехая Тиришкана, 5601].

Калугин 2017 — *Калугин В. В.* Еврейские кирилловские глоссы конца XV в. в русских списках Толковых пророчеств и Библии Матфея Десятого // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. №. 1. С. 13–24.

КБК 2010 — Классические библейские комментарии. Книга Бытия: сб. переводов с древнееврейского, арамейского и средневекового иврита / под ред. Л. А. Мациха. М.: Олимп, 2010. ХХІХ, 702 с.

Ковалева 2005 — *Ковалева Е. В.* Смертоносный «пупырух» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 96–107.

КРПС 1974 — Караимско-русско-польский словарь: 17 400 слов / под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала = *Słownik karaïmsko-rosyjsko-polski: 17 400 haseł* / pod red. N. A. Baskakowa, S. M. Szap-szała, A. Zajączkowskiego. М.: Русский язык, 1974. 688 с.

Мидраш 2013 — Мидраш раба [Великий мидраш]. I. Берешит раба. Т. 2 / под ред. Р. Кипервассера; пер. Я. Синичкина и А. Членовой. М.: Книжники; Лехаим, 2013. 880 с.

Михайлов 1908 — *Михайлов А. В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе (Приложение к книге «Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе»). Вып. 4. Варшава, 1908. С. 311–444 сплошной пагинации (издание имеет сплошную пагинацию во всех выпусках).

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30—. М., 1975–2015—.

Bible 1488 — Bible, Starý a Nový zákon [Pražská bible]. Praha, Staré Město pražské, srpen 1488. [Цифровая фотокопия экземпляра, хранящегося в Национальной библиотеке Чешской Республики, шифр: 41.V.19; доступ на сайте «Manuscriptorium: Digital Library of Written Cultural Heritage»: <http://www.manuscriptorium.com/>].

Biblia 1577 — Biblia To iest Księgi Starego y Nowego Zakonu na Polskie ięzyk według Łacinskiej Bibliiey od Kościoła Chrześciańskiego powszechnego przyiętej [...]. Kraków, 1577. [Цифровая фотокопия экземпляра, хранящегося в Национальной библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве, шифр: XVI.F.4275; доступ на сайте: «Dolnośląska Biblioteka Cyfrowa»: <http://www.dbc.wroc.pl/>].

BHS 1997 — Biblia Hebraica Stuttgartensia. Editio quinta emendata. Stuttgart, 1997. 1629 p.

Brown et al. 1907 — *Brown F., Driver S. R., Briggs C. A.* A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic. Oxford: Clarendon Press, 1907. XX, 1128 pp.

Drimba 2000 — *Drimba V.* Codex Comanicus. Éd. diplomatique avec fac-similés. Bucarest: Ed. encicl., 2000. 296 с. + 84 л. факс.

Grishchenko 2016 — *Grishchenko A. I.* Turkic loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs edited according to the Masoretic Text // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 61. 2016. Iss. 2. P. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1.

Jastrow 1903 — *Jastrow M. A.* Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature. London: Luzac & Co.; New York: G. P. Putnam's Sons, 1903.

Morag 2007 — *Morag Sh.* Pronunciations of Hebrew // *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. / ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum. Detroit et al.: Thomson Gale; Keter Publishing House, 2007. Vol. 16. P. 547–562.

Muraoka 2009 — *Muraoka T.* Greek-English Lexicon of the Septuagint. Louvain, Paris, Walpole (MA): Peeters, 2009. XL, 758 pp.

Niermeyer 1976 — *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden: Brill, 1976. XII, XX, 1138 pp.

OLD 1968 — Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. XXIV, 2126 pp.

RaSa'G 1894 — *Sefer keter Tora ha-niqra' bi-lešon qadmoneynu «Tag» wə-hu Ḥamišah Ḥumšey Torah 'im Targum 'Onqelos wə-'im targum rabeynu Sa'adiah Gaon... Ḥeḥeq rišon: Vərešit. Yərušalayim* [Книга «Венец Торы», называемая на языке наших предков «Тадж», она же Пятикнижие: с Таргумом Онкелоса и с переводом учителя нашего Саадии Гаона... Ч. I: Бытие. Иерусалим, <1894>].

Sefaria — Sefaria: A Living Library of Jewish Texts Online. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.sefaria.org/>].

Septuaginta 1979 — *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Duo volumina in uno* / ed. A. Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. LXX, 1184, 941 p.

SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 4. Praha: Nakl. ČSAV, 1997. 1046 с.

SP XVI w., t. XIV — *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Т. 14. Warszawa et al.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1982. XVIII, 628 s.

Steingass 1963 — *Steingass F. J. Comprehensive Persian-English Dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in literature*. 5th Impr. London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963. VIII, 1540 p.

Šarḥ 1889 — *Šarḥ Ḥamišah Ḥumšey Torah. Sefer Vərešit. Ha-mətagem... Yəḥezqel Šem Tov Dawid. Bombay, 5649*. [Арабский перевод Пятикнижия. Книга Бытия. Переводчик... Йехезкэль Шем-Тов Давид. Бомбей, 1889].

References

Alekseev, A. A. *Tekstologija slavianskoj Biblii*. Saint Petersburg, Köln, Weimar, Wien: Dmitrii Bulanin, 1999, 254 p.

Bible, Starý a Nový zákon [Pražská bible]. Praha, Staré Město pražské, srpen 1488. [Accessed: *Manuscriptorium: Digital Library of Written Cultural Heritage*, <http://www.manuscriptorium.com>, manuscript code number 41.B.19].

Biblia Hebraica Stuttgartensia. Editio quinta emendata, Stuttgart, 1997, 1629 p.

Biblia To iest Księgi Starego y Nowego Zakonu na Polskie język według Łacinskiej Biblii od Kościoła Chrześcijańskiego powszechnego przyjętej [...]. Kraków, 1577. [Accessed: *Dolnośląska Biblioteka Cyfrowa*, <http://www.dbc.wroc.pl>, manuscript code number XVI.F.4275r].

Bibliia. Knigi Sviahshchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie: Sovremennyi russkii perevod. Moscow: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo, 2011, 1408 p.

BIVLIIA RUSKA vylzhena doktorom Frantsiskom Skorinoiu iz slavnago grada Polots'ka, Bogu ko chesti i liudem pospolitym k dobromu naucheniiu. Byt'ia Knigi I Moiseovy, l. 8ob.–94 late foliation. [Prague, 1519]. Accessed: <http://www.rsl.ru>.

Bobrov, A. G. “Chin mirovareniiia v avtografе Efrosina Belozerskogo.” *Trudy Otdela drevnerusskoї literatury*, t. 58, Saint Petersburg, 2007, p. 833–856.

Bobrov, A. G. “Chto iskal v Indii Afanasii Nikitin?” *Rossica antiqua*, no. 2 (15), 2017, p. 124–143.

Brown, F., et al. *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the Biblical Aramaic*. By F. Brown, S. R. Driver, C. A. Briggs, Oxford: Clarendon Press, 1907, XX + 1128 p.

Drimba, V. *Codex Comanicus*. Éd. diplomatique avec fac-similés, Bucarest: Ed. encicl., 2000, 296 p. + 84 fol. facsimile.

Gardzaniti, M. “Otkrytie Vostoka: *greshnoe khozhenie* Afanasii Nikitina.” *Trudy Otdela drevnerusskoї literatury*, t. 61, Saint Petersburg, 2010, p. 518–532.

[Gorskiĭ, A. V., protoierei]. “O slavianskom perevode Piatoknizhiiia Moiseeva, ispravlennom v XV v. po evreĭskomu tekstu.” *Pribavleniia k Tvoreniiam sv. Ottsev*, ch. 19, kn. 1, 1860, p 134–168 of the 1st pagination.

Grishchenko, A. I. “Turkic loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs edited according to the Masoretic Text.” *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 61, 2016, iss. 2, p. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1.

Grishchenko, A. I. “Pravlenoe slaviano-russkoe Piatiknizhie XV veka i tiurkskiĭ targum: problema vzaimnogo vliianiia.” *Rossica Olomucensia*, vol. 56. num. 2, 2017, p. 5–51.

Grishchenko, A. I. “Kakie sturlabi ukrala Rakhil’ u Lavana? (Ob istochnikakh gloss slaviano-russkogo Piatiknizhiiia XV veka).” *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, № 1 (71), 2018, p. 105–115.

Grishchenko, A. I. *Pravlenoe slaviano-russkoe Piatiknizhie XV veka: predvaritel'nye itogi lingvotekstologicheskogo izucheniia*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2018, 176 p.

Grishchenko, A. I. “Khronologiiia ‘Rodosloviia Adama’ (Byt 5) v Pravlenom slaviano-russkom Piatiknizhii XV veka: K istokam kalendarnykh sporov s *zhidovstvuiushchimi*.” *Vestnik PSTGU, seriiia 3: Filologiiia*, vyp. 56, 2018, s. 9–47. DOI: 10.15382/sturIII201856.9-47.

Histarychny sloŭnik belaruskaj movy, vyp. 1–36–. Minsk, 1982–2016–.

Hamišah Ėumšey Torah: məturgam li-lešon qedari li-vney miqra’ [...] Zəxaryah ben Mixa’el Miškiewiř. Vilna, 5649 = *Piatiknizhie: perevod na «kedarskiĭ» iazyk synov pisaniia (= karaimov)* [...] Zakhariia Mikhaĭlovich Mitskevich. Vil’na, 5649. [On the Russian title page: M. Mitskevich, Ė. Roetskiĭ. *Khamisha Khumshe Tora, t. e. Piatiknizhie Vetkhogo Zaveta, perevedennoe na karaimskoe narechie*. Vil’na, 1889].

Jastrow, M. A. *Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature*. London: Luzac & Co, New York: G. P. Putnam’s Sons, 1903.

Kalugin, V. V. “Evreĭskie kirillovskie glossy kontsa XV v. v russkikh spiskakh Tolkovykh prorochestv i Biblii Matfeia Desiatogo.” *Palaeoslavica*, vol. 25, no. 1, 2017, p. 13–24.

Karaimsko-russko-pol'skiĭ slovar': 17,400 slov. Pod red. N. A. Baskakova, A. Zaionchkovskogo, S. M. Szapszała (*Słownik karaimsko-rosyjsko-polski: 17,400 haseł.* Pod red. N. A. Baskakowa, S. M. Szapszała, A. Zajączkowskiego). Moscow: Russkiĭ iazyk, 1974. 688 p.

Klassicheskie bibleĭskie kommentarii. Kniga Bytiia: sbornik perevodov s drevneevreĭskogo, arameĭskogo i srednevekovogo ivrita. Pod red. L.A. Matsikha, Moscow: Olimp, 2010, XXIX + 702 p.

Kovaleva, E. V. "Smertonosnyĭ pupyrukh." *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 1 (19), 2005, p. 96–107.

Midrash raba [Velikiĭ midrash], 1, Bereshit raba, t. 2, pod red. R. Kipervassera, per. Ia. Sinichkina i A. Chlenovoĭ. Moscow: Knizhniki, Lekhaim, 2013, 880 p.

Mikhaĭlov, A. V. *Kniga Bytiia proroka Moiseia v drevneslavianskom perevode (Prilozhenie k knige «Opyt izuchenia teksta knigi Bytiia proroka Moiseia v drevneslavianskom perevode)*, vyp. 4. Warsaw, 1908, p. 311–444 of the continuous pagination.

Morag, Sh. "Pronunciations of Hebrew." *Encyclopaedia Judaica*, 2nd ed., ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum, vol. 16, Detroit et al.: Thomson Gale; Keter Publishing House, 2007, p. 547–562.

Muraoka, T. *Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Louvain, Paris, Walpole (MA): Peeters, 2009, XL + 758 p.

Niermeyer, J. F. *Mediae latinitatis lexicon minus*. Leiden: Brill, 1976, XII + XX + 1138 p.

Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968, XXIV + 2126 p.

Sefaria: A Living Library of Jewish Texts Online, <https://www.sefaria.org/>.

Sefer keter Tora ha-niqra' bi-lešon qadmoneynu «Tag» wə-hu Ḥamišah Ḥumšey Torah 'im Targum 'Onqelos wə-'im targum rabeynu Sa'adiah Gaon... Ḥeḥeq rišon: Bərešit. Yərušalayim [The book Crown of the Torah, called in the language of our ancestors Tag, it is the Pentateuch: with the Targum of Onkelos and with the translation of our teacher Saadia Gaon... Part I: Genesis. Jerusalem, 1894].

Sefer targum Torah bi-lešon taṭar... Gozleve: be-beyt ha-defus šel... Mordexay ha-nagid ha-maškil ha-nadiv Tirišqan, 5601 [Translation of the Torah into Tatar: Gəzleve: The Printing House of Mordekhay Tirishkan, 5601].

Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes, duo volumina in uno. Ed. A. Rahlfs, Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979, LXX + 1184 + 941 p.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv., vyp. 1–30–. Moscow, 1975–2015–.

Slovník jazyka staroslověnského, t. 4. Praha: Nakl. ČSAV, 1997, 1046 p.

Słownik polszczyzny XVI wieku, t. 14. Warszawa et al.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1982, XVIII + 628 s.

Steingass, F. J. *Comprehensive Persian-English Dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in literature*. 5th Impr., London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963, VIII + 1540 p.

Šarḥ Ḥamišah Ḥumšey Torah. Sefer Bərešit. Ha-mətagem... Yəhezqel Šem Tov Dawid. Bombay, 5649. [*Arabic translation of the Pentateuch. Genesis*. Translator Yehezkel Shem-Tov David, Bombay, 1889].

Zhitie i khozhdenie v Ierusalim i Egipet kazantsa Vasiliia Iakovlevicha Gagary: 1634–1637 gg. Red. i predisl. S. O. Dolgova, Saint Petersburg, 1891, Pravoslavnyi palestinskiĭ sbornik, t. 11, vyp. 3 (33), 1891, X + 102 p.

Alexander I. Grishchenko

*Moscow State Pedagogical University; Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences; St. Tikhon's University for the Humanities
(Moscow, Russia)*

Names of fragrances, spices, and sweets
in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the 15th century

The article analyzes the glosses for the names of fragrances, spices, and sweets used at Gen 37: 25 and 43: 11 in the Slavonic-Russian Pentateuch from the 15th century, which was edited according to the Jewish sources. There are glosses *nekhhot* (borrowed from Hebrew) for the word *temyan* ‘frankincense’ of the Old Church Slavonic Translation (Gen 37: 25); hypothetically Turkic loanword *ambar* (etymologically ‘ambergris,’ from Arabic, also this form could be mediated with perhaps Persian) for the word *vonjavitsa* / *vonialitsa*; *firyak* / *firyatik* ‘theriac’ for the word *smola* ‘resin’; *vosk* ‘wax’ for the word *temyan* (Gen 43: 11); and *migdaly* ‘almonds’ for the word *orėsi* ‘nuts.’ Because some of these glosses are of obvious West Russian origin (being the Ruthenian or Polish loanwords in the Church Slavonic text), the author draws a conclusion that this version of the Pentateuch appeared in the Ruthenian lands. The article also contains corresponding readings not only from the Masoretic text but from the Turkic targum which influenced on the Edited Pentateuch. The author finds the textual correspondence of the latter with the Turkic targum in these biblical passages and the conceivable borrowings from Old Western Kipchak. The important fact is also that this group of glosses is not related to religious topics but more likely reflects encyclopaedical interests of the glossators who evidently were connected to the so-called “heresy of Judaizers.”

Keywords: *Church Slavonic Biblical studies, history of the East Slavic languages, Turkic loanwords, Old Ruthenian, Polish loanwords, textual criticism.*

Апеллятивные номинации болотистой местности в диалектах Европейского Севера России

Статья посвящена лексемам, номинирующим участки болотистой местности в диалектах Европейского Севера России. Весь выявленный комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей. Интерпретируются ономазиологические модели.

Ключевые слова: *диалектная лексикология, семантика, географическая терминология, русский язык.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.4.02

Территория Европейского Севера России изобилует болотами и заболоченными территориями. Лексема *болото* 'избыточно увлажненный участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями' имеет праславянское происхождение: < **bolto* — и связана с **bělъ(jь)* (русск. *белый*) (ТСРЯ: 55). Номинация обусловлена тем, что болота при высыхании приобретают светлый, пепельный оттенок.

В диалектах Европейского Севера России лексема *болото* развивает ряд вторичных значений: 'сырое низкое место с лесом' (Новг.: Оп., НОС 1: 69), 'лужа' (Влг.: К.-Г., КСГРС; Костр.: Кинеш., Опыт: 12), 'вид осоки' (Новг.: Бат., Кр., Мош., Новг., Оп., Солец., Ст., Чуд., НОС 1: 69), 'сено' (Новг.: Новг., Доп.-Опыт: 11; Новг.: Мал., НОС 1: 69). Семантика заболоченного, низкого места и растительности, характерной для таких мест, отмечается у многочисленных производных с корнем *болот-*. В различных лексикографических источниках и картотеках отмечены: *болотáвина* 'болото; низкое болотистое место' (Новг.: Борович., Валд., Кр., Любыт., Мош., Новг., Ок., Хв., НОС 1: 68; Яр.: Перв., Пош.; Костр.: Парф., ЯОС 2: 11), 'ягодное болото' (Новг.: Валд., Дем., Ок., НОС 1: 68), 'болотисый луг; покос на болотистом лугу' (Новг.: Борович., Дем., Кр., НОС 1: 68), 'топкое место в озере, недалеко от берега, поросшее травой' (Новг.: Борович., НОС 1: 68),

‘трава, растущая на болоте; сено из этой травы’ (Новг.: Борович., Кр., НОС 1: 68), *болотáвинка* ‘болото; низкое болотистое место’ (Новг.: Кр., НОС 1: 68; Яр.: Перв., ЯОС 2: 11), *болотéнь* ‘болото; низкое болотистое место’ (Новг.: Ст., НОС 1: 68), *болóтенько* ‘болото; низкое болотистое место’ (Мурм.: Тер., СРГК 1: 89), *болóтечко* ‘болото; низкое болотистое место’ (Яр.: Мышк., Перв.; Костр.: Антр., ЯОС 2: 11), ‘небольшое болото’ (Арх.: Мез., АОС 2: 58; Новг.: Бат., Кр., НОС 1: 68), ‘низкое, болотистое место, заросшее лесом’ (Яр.: Пош., ЯОС 2: 11), *болотéя* ‘болотистый луг; покос на болотистом лугу’ (Яр.: Масл., ЯОС 2: 11), *болóтико* ‘болото’ (Новг.: Пест., СРГК 1: 89), *болóтина* ‘болото; низкое болотистое место’ (Влг.: Бабуш., Ньюкс., У.-Куб.; Яр.: Люб.; Киров.: Халт.; Костр.: Галич., Костр., Макар., Меж., Остр., Пыщуг., КСГРС; Печор., СРГНП 1: 37; Яр.: Ареф., Больш., Бор., Брейт., Гавр., Дан., Люб., Масл., Мышк., Некр., Пош., Рост., Рыб., Толб., Тут., Угл., Яросл.; Костр.: Буйск., Нер., Судай., Чухл., ЯОС 2: 11; Костр.: Антр., Буйск., Костр., Нер., Сусан., Чухл., ККОС: 35; Кольск., Меркурьев: 22; Олон.: Пт., Куликовский: 5; Арх.: Мез., Пин., Подвысоцкий: 9; Арх.: Вель., Вил., Вин., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Нянд., Он., Пин., Плес., Прим., Уст., Холм., Шенк., АОС 2: 58–59; Новг.: Валд., Кр., Лычк., Любыт., Мош., Ок., Пест., Полав., Ст., Хв., Холмск., НОС 1: 68; Помор., Гемп: 377), ‘болотистый луг; покос на болотистом лугу’ (Арх.: Пин., Подвысоцкий: 9; Яр.: Пересл., ЯОС 2: 11; Новг.: Дем., Кр., Мар., Ок., Солец., Хв., НОС 1: 69; Киров.: Халт., КСГРС), ‘лес, растущий в низком сыром месте’ (Арх.: Карг., АОС 2: 59; Новг.: Чуд., НОС 2: 69), ‘трава, растущая на болоте; сено из этой травы’ (Арх.: Вель., Карг., Шенк.; Влг.: В.-Важ., Вож., Выт., Сямж., Хар., КСГРС; Арх.: Вель., Кон., Котл., Он., Шенк., АОС 2: 58–59; Яр.: Некр., Рост., Рыб.; Костр.: Буйск., ЯОС 2: 11), *болотíна* ‘болото; низкое болотистое место’ (Новг.: Валд., Вол., Кр., Лычк., Любыт., Мош., Ок., Пест., Полав., Ст., Хв., Холмск., НОС 1: 68–69; Яр.: Больш., Брейт., Рыб., Тут., Яросл.; Костр.: Костр., Красн., ЯОС 2: 11), ‘болотистый луг; покос на болотистом лугу’ (Новг.: Дем., Кр., Мар., Ок., Солец., Хв., НОС 1: 68–69; Яр.: Угл., ЯОС 2: 11), ‘лес, растущий в низком сыром месте’ (Новг.: Чуд., НОС 1: 69), *болóтинка* ‘болото; низкое болотистое место’ (Арх.: Вель., Вил., Вин., К.-Б., Котл., Леш., Он., Плес., Прим., Холм., Шенк., АОС 2: 59; Печор., СРГНП 1: 37; Новг.: Борович., Дем., Др., Кр., Мош., Новг., Хв., НОС 1: 69), ‘трава, растущая на болоте; сено из этой травы’ (Арх.: Он., АОС 2: 59), ‘лужа’ (Новг.: Под., НОС 1: 69), *болотíнка* ‘небольшое болото’ (Яр.: Пош., КСГРС), ‘сырое место, обычно поросшее осокой’ (Новг.: Борович., Дем., Др., Кр., Мош., Новг., Хв., НОС 1: 69), ‘лужа’

(Новг.: Под., НОС 1: 69), *болóтице* 'болото; низкое болотистое место' (Арх.: Вель., АОС 2: 59), *болóтичко* 'болото; низкое болотистое место' (Влг.: Ник., Сок., КСГРС), *болóтишко* 'болото; низкое болотистое место' (Яр.: Пош., КСГРС; Арх.: Прим., АОС 2: 59), *болóтище* 'болото; низкое болотистое место' (Арх.: Он., АОС 2: 59), *болóтник* 'болото; низкое болотистое место' (Арх.: Карг., КСГРС; Яр.: Люб., Угл., Яросл., ЯОС 2: 11), 'трава, растущая на болоте; сено из этой травы' (Арх.: К.-Б., КСГРС), 'болотный мох' (Арх.: Холм., КСГРС), 'гриб, растущий на болоте' (Арх.: В.-Т., К.-Б., Леш., Мез., Пин., Прим., Холм, Шенк.; Влг.: Бел., Кад., М.-Реч., Тот., КСГРС), *болóтнина* 'болото; низкое болотистое место' (Арх.: Мез., АОС 2: 59), *болóтница* 'болото; низкое болотистое место' (Костр.: Галич., КСГРС; Олон.: Пт., Куликовский, 5), 'дорога, ведущая через болото' (Арх.: Пин., КСГРС; АОС 2: 59), *болотня́к* 'болотистый луг; покос на болотистом лугу' (Влг.: Кир., СВГ 1: 37; Яр.: Пош., КСГРС), *болóтовина* 'болото; низкое болотистое место' (Новг.: Борович., Лычк., Мал., Мош., Мст., Ок., Солец., Ст., Хв., Холмск., НОС 1: 70; Яр.: Ареф., Влад., Дан., Пош., Тут., Яросл., ЯОС 2: 11), 'болотистый луг; покос на болотистом лугу' (Новг.: Оп., НОС 1: 70), 'зарастающий участок реки' (Новг.: Дем., НОС 1: 70), 'болотная вода' (Новг.: Хв., Холмск., НОС 1: 70), *болóтовина* 'болото; низкое болотистое место' (Яр., ЯОС 2: 11; Новг.: Борович., Лычк., Мал., Мош., Мст., Ок., Солец., Ст., Хв., Холмск., НОС 1: 70), 'заливной луг' (Новг.: Оп., НОС 1: 70), 'зарастающий участок реки' (Новг.: Дем., НОС 1: 70), 'болотная вода' (Новг.: Хв., Холм., НОС 1: 70), *болóтце* 'болото; низкое болотистое место' (Арх.: Шенк., АОС 2: 60), *болóтичко* 'болото; низкое болотистое место' (Арх.: Пин., АОС 2: 60), *болотя́вина* 'болото; низкое болотистое место' (Костр.: Суд., ЯОС 2: 11).

Диалектными производными от *болóто* являются прилагательные *болóтной* (Арх.: Мез., Он., АОС 2: 59), *полуболóтистый* (Влг.: Бел., КСГРС) — синонимы русск. литер. *болóтный*, *болóтистый* 'обильный болотами, топиями' (ТСРЯ: 54).

Многочисленны приставочные образования: *вѣболотье* 'низкое место на пашне, в котором застаивается вода' (Яр.: Люб., ЯОС 3: 48), *заболóтина* 'место за болотом; низкое болотистое место' (Арх.: Вин., КСГРС; Ленингр.: Тихв., СРГК 2: 83), *заболóтистый* 'заболоченный (о почве)' (Яр.: Некр., ЯОС 4: 55), *заболóток* 'место за болотом; низкое болотистое место' (Арх.: Уст.; Киров.: Халт., КСГРС), *заболоть* 'место за болотом; низкое болотистое место' (Влг.: Ник., КСГРС; СВГ 2: 95; Ленингр.: Тихв., СРГК 2: 83), 'луг рядом с болотом' (Яр.: Бор., Пересл., ЯОС 4: 55), 'болотистый берег реки' (Влг.: Ник., КСГРС), *заболотье*

‘место за болотом; низкое болотистое место’ (Влг.: Влгд., СВГ 2: 95; Карел.: Медв., СРГК 2: 83), ‘болотистый берег реки’ (Влг.: Ник., КСГРС), *заболотье* ‘край болота’ (Яр.: Рост., ЯОС 4: 55), *наболоть*, *наболотье* ‘болотистое место’ (Псков., Твер., Даль 2: 380), *оболотина* ‘то же’ (Влг.: Выт., СРГК 4: 100), *подболотина* ‘зыбкая луговина около болота, переходящая в болото’ (Влг.: Шексн., СВГ 7: 87), ‘заливной луг’ (Влг.: Выт., КСГРС), ‘сырое место в лесу’ (Влг.: Бел., КСГРС), *подболотица* ‘зыбкая луговина около болота, переходящая в болото’ (Яр., Мельниченко: 149), *подболотица* ‘низкое, сырое место возле болота’ (Костр.: Галич., КСГРС), *подболотный лес* ‘лес, растущий на болоте’ (Арх.: Плес., КСГРС), *подболото* ‘сухое место на болоте’ (Влг.: М.-Реч., СВГ 7: 87), *подболоток* ‘низкое, сырое место возле болота’ (Яр.: Некр., КСГРС), *подболотье* ‘низкое, сырое место возле болота’ (Влг.: У.-Куб., Череп., КСГРС), ‘сырой луг’ (Влг.: Ваш., КСГРС), *приболот* ‘низкое, сырое место возле болота’ (Влг.: Сямж., КСГРС), *приболотень* ‘то же’ (Влг.: Хар., КСГРС), *приболотина* ‘то же’ (Арх.: Карг.; Влг.: Бабуш., М.-Реч., Сок., Сямж., Тот., КСГРС), ‘болотистый луг’ (Влг.: Кадн., Дилакторский: 402), *приболотина* ‘низкое сырое место у болота’ (Влг.: Бабуш., Ник., Сок., Тот., Хар., КСГРС), *приболотинка* ‘небольшое болотце, сырое место’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), *приболото* ‘то же’ (Влг.: Вож., Сямж., Устюж., КСГРС), *приболоток* ‘то же’ (Влг.: Вож., Сямж., Хар., КСГРС; Ленингр.: Тихв., СРГК 5: 146), *приболоток* ‘то же’ (Влг.: У.-Куб., КСГРС), *приболотце* ‘то же’ (Влг.: В.-Уст., КСГРС), *приболоть* ‘низкое сырое место у болота’ (Влг.: Бабуш., Гряз., Кир., Устюж.; Костр.: Антр., Галич., Чухл., КСГРС), ‘заболоченное место на границе болота и леса, луга’ (Яр.: Пош., КСГРС), ‘место вокруг болота’ (Влг.: Кир., СРГК 5: 146), *приболотье* ‘то же’ (Влг.: Ваш., Сок., Тот., У.-Куб., Хар., КСГРС), *приболотье* ‘то же’ (Влг.: Влгд., КСГРС; Яр., Мельниченко: 163), ‘заболоченное место на границе болота и леса, луга’ (Яр.: Пош., КСГРС).

С архаическим префиксом *су-* от корня *болот-* производны *суболот* ‘низменное, болотистое место’ (Костр.: Нейск., КСГРС), *суболотина* ‘низменная сырая местность возле болота’ (Арх.: Уст.; Влг.: Бабуш.; Костр.: Макар., Мант., КСГРС), ‘невысокий редкий лес на болоте’ (Арх.: Уст., КСГРС), *суболото* ‘небольшое болото’ (Влг.: В.-Важ., КСГРС), *суболоток* ‘низменная сырая местность возле болота’ (Арх.: Вель., К.-Б., Кон., Котл., Нянд., Уст., Шенк.; Влг.: В.-Важ., Ник., Сямж., Тарн., КСГРС), ‘низменное, болотистое место’ (Арх.: Шенк.; Новг.: Тихв., Опыт: 219; Арх., Новг., Даль 4: 352), ‘небольшое болото’ (Арх.: Вель.; Костр.: Макар., Меж., Пыщуг., Шар., КСГРС),

‘болотистая почва’ (Арх., Подвысоцкий: 167), *суболо́ток* ‘низменная сырая местность возле болота’ (Влг.: Баб., КСГРС), *суболо́точек* ‘небольшое болото’ (Арх.: Шенк., КСГРС), *суболо́ть* ‘низменная сырая местность возле болота’ (Арх.: Вель.; Влг.: Баб., Бабуш., В.-Уст., К.-Г., КСГРС), ‘небольшое болото’ (Влг.: К.-Г.; Киров.: Халт.; Костр.: Кологр., Мант., Нейск., КСГРС), ‘невысокий редкий лес на болоте’ (Влг.: Ник., КСГРС), *суболо́тье* ‘низменная сырая местность возле болота’ (Арх.: В.-Т.; Костр.: Шар., КСГРС).

Наряду с *болото* образованиями, связанными с праслав. **bol-*, являются *заболоти* ‘заболоченные места, где не растет трава’ (Киров.: Халт., КСГРС), *заболони́е* ‘место за болотом; низкое болотистое место’ (Олон., Куликовский: 24).

Цветовая модель оказывается устойчивой: производными от *белый* являются *белáха* ‘болото, поросшее осокой’ (Арх.: К.-Б., КСГРС), *белевина́* ‘сырое болотистое место’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), *бель* ‘моховое чистое болото’ (Влг.: Устюж., КСГРС), ‘сырое болотистое место’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), ‘сырой покос’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), *би́ль* ‘безлесное, чистое болото’ (Арх.: Шенк., Опыт: 10; Подвысоцкий: 7; Арх.: Шенк.; Влг.: Баб., Бел., КСГРС; Даль 1: 87), ‘открытое, чистое место на моховом болоте’ (Новг.: Валд., НОС 1: 57), *би́ля* ‘безлесное, чистое болото’ (Арх.: Шенк., КСГРС).

Более частотным в цветовых обозначениях болотистых мест является корень *чёрн-*: *чёрная земля́* ‘топкое место среди поля’ (Влг.: Сок., КСГРС), *чёрнедь* ‘топкое болотистое место’ (Арх.: Вин., Он.; Влг.: Ваш., Ник.; Киров.: Халт., КСГРС), *черновина́* ‘наполненная перегнившими остатками растительности яма в моховом тундристом болоте’ (Арх., Опыт, 256–257; Арх.: Мез., Подвысоцкий: 188; Арх.: Леш., КСГРС), *чёрное место́* ‘топкое место на болоте’ (Арх.: Леш., КСГРС; Арх.: Он., СРГК 3: 231), *чёрное о́зеро* ‘топкое место на болоте’ (Арх.: Он., КСГРС), *чернозёмина́* ‘болотистое место с жидкой грязью’ (Яр.: Пош., КСГРС), ‘сырое болотистое место’ (Арх.: Вель., Уст.; Влг.: Вож., М.-Реч., Ньюкс., Сок., КСГРС), *чернозми́ще* ‘топкое место среди поля’ (Влг.: Сок., КСГРС), *чернь* ‘грязное место’ (Влг.: К.-Г., КСГРС), ‘топкое место на болоте’ (Арх.: Пин., КСГРС), *чёрнядь* ‘сырая низина’ (Арх.: Уст., КСГРС), ‘вязкое место’ (Костр.: Пыщуг., КСГРС).

Редок корень *жёлт-*: *жёлть* ‘сухое место на болоте’ (Влг.: Бел., КСГРС), ‘сырое место на болоте’ (Влг.: Бел., КСГРС). От корня *зел-/зол-* образованы *зелени́стое болото́* ‘зыбкое, топкое болото’ (Влг.: Сямж., КСГРС), *зельнь* ‘топкое болото’ (Арх.: Холм., КСГРС), ‘окно воды на болоте’ (Влг.: Сямж., КСГРС), *зелёнь* ‘окно воды на болоте’ (Арх.: Холм.;

Влг.: Сямж., КСГРС), *зольнік* ‘болотная почва’ (Твер., Даль 1: 691), ‘низкое сырое место, где пасется скот’ (Яр.: Некр., ЯОС 4: 126).

Присущ болоту цвет ржавчины; от корня *ржав-* образованы: *ржа́ва* ‘желтовато-бурого цвета вязкое, топкое место, содержащее в себе железную руду’ (Ленингр.: Лод., Тихв., СРГК 5: 523), ‘яма с болотной, желтовато-бурой водой’ (Арх.: Котл., КСГРС), *ржа́веть* ‘желтовато-бурого цвета вязкое, топкое место, содержащее в себе железную руду’ (Влг.: Гряз., КСГРС), *ржа́вец* ‘то же’ (Арх.: Шенк., Опыт: 191; Арх.: Кем., Подвысоцкий: 147; Арх.: Вель., В.-Т., Пин.; Влг.: Баб., Бел., Выт., Гряз.; Киров.: Халт., КСГРС), *ржавéц* ‘то же’ (Киров.: Халт., КСГРС), *ржа́вина* ‘яма с болотной, желтовато-бурой водой’ (Влг.: Бел., КСГРС), *ржаво́к* ‘желтовато-бурого цвета вязкое, топкое место, содержащее в себе железную руду’ (Влг.: Ник., КСГРС), *ржаву́н* ‘то же’ (Влг.: К.-Г., КСГРС), *ржа́вченик* ‘то же’ (Олон.: Пуд., Куликовский: 99), *ржа́вчина* ‘желтовато-бурого цвета вязкое, топкое место, содержащее в себе железную руду’ (Арх.: В.-Т., Карг.; Влг.: Гряз., Шексн., КСГРС). Последнее (*ржа́вчина*) имеет также значения ‘трава, растущая на болоте’ (Влг.: Кир., Череп., КСГРС), ‘некачественное сено, скошенное на сыром заболоченном участке’ (Влг.: К.-Г., КСГРС). С помощью архаического префикса *ка-* (в севернорусских диалектах также *ко-*) образованы слова *коржа́ва* ‘топкое, грязное место’ (Новг.: Череп., Доп.-Опыт: 88), ‘ржавое болото, мочажина с болотной железной рудой’ (Новг., Даль 2: 164), *коржа́вина* ‘ржавое болото, мочажина с болотной железной рудой’ (Сев., Даль 2: 164).

Заболоченные места нередко номинируются с помощью корня *сыр-* (ср. русск. литер. *сыро́й* ‘влажный, несухой’ праславянского происхождения — ТСРЯ: 965), диал. *сы́ристый* ‘низменный, сырой’ (Влг.: Выт., КСГРС), *сыря́щий* ‘очень сырой (о месте)’ (Арх.: Вель., КСГРС): *сы́редь* ‘низменное сырое место’ (Арх.: Лен.), *сы́реть* ‘то же’ (Арх.: Нянд., КСГРС), *сырь* ‘заболоченное место с лесом или кустарником’ (Арх.: Вель., Карг., К.-Б., Нянд., Пин., Уст.; Влг.: Вож., Ньюкс., КСГРС), *подсы́рок* ‘сырое заболоченное место в лесу’ (Влг.: Баб., Бел., КСГРС), *подсы́рочное ме́сто* ‘то же’ (Влг.: Баб., КСГРС).

Дериватами прилагательного *мо́крый* ‘сырой, влажный, совершенно пропитавшийся влагой’ являются *мокра́* ‘сырое низкое место’ (Костр.: Пышуг., КСГРС), *мокредина* ‘сырое кочковатое место’ (Яр.: Рост., ЯОС 6: 52), *мокредь* ‘сырость, грязь’ (Яр.: Рост., ЯОС 6: 52), *мокре́нина* ‘сырое низкое место’ (Киров.: Халт., КСГРС), *мокре́тина* ‘то же’ (Костр.: Мант., КСГРС), *мокре́ть* ‘то же’ (Арх.: В.-Т.; Костр.: Меж., КСГРС), *мокре́ц* ‘то же’ (Влг.: Сямж., Череп., КСГРС), *мокри́ца*

‘то же’ (Влг.: Гряз., У.-Куб., КСГРС), *мокрóвина* ‘то же’ (Арх.: Вин., Холм., КСГРС), *мокрóтина* ‘сырое после дождя место’ (Арх.: Плес.; Карел.: Кем., СРГК 3: 246), *мокротина* ‘сырое низкое место’ (Костр.: Кологр., Пыщуг., Чухл., КСГРС), *мокротинка* ‘то же’ (Костр.: Мант., КСГРС), *мокрúша* ‘то же’ (Влг.: В.-Уст., К.-Г., Сямж., СВГ 4: 88; Арх.: Вин., Карг., К.-Б., Кон., Нянд., Холм.; Влг.: Бабуш., Гряз., М.-Реч.; Киров.: Халт.; Костр.: Галич., Пыщуг., КСГРС), ‘луг в сыром низком месте’ (Влг.: В.-Уст., К.-Г., Сямж., СВГ 4: 88; Киров.: Халт.; Костр.: Галич., Пыщуг., КСГРС), ‘сырое низменное место в лесу, в поле, на лугу’ (Арх.: Он., СРГК 3: 246), *мокрядина* ‘сырое низкое место’ (Арх.: Уст., КСГРС), *мокрядь* ‘то же’ (Влг.: В.-Важ., Влгд., В.-Уст., М.-Реч., Сок., У.-Куб., СВГ 4: 88), *мокрядь* ‘сырое низменное место в лесу, в поле, на лугу’ (Влг.: К.-Г., Тарн., СВГ 4: 88), *мокрятнице* ‘сырое низкое место’ (Костр.: Меж., КСГРС).

Палатализованным вариантом *мок-* является *моч-*: *мóча* ‘топкое, низкое место’ (Ленингр.: Кириш.; Новг.: Шим., СРГК 3: 266), *мочá* ‘залитое водой место (на полу, земле)’ (Яр.: Угл., ЯОС 6: 63), *мочáг* ‘топкое, низкое место’ (Киров.: Халт., КСГРС), *мочáжина* ‘болотистая, вследствие скопления подземных ключей, местность’ (Арх.: Мез., Пин., Подвысоцкий: 9), ‘низкое сырое место’ (Киров.: Халт., КСГРС), ‘топкое место в болоте’ (Влг.: К.-Г., СВГ 5: 8), *мочажина* ‘место, которое осталось после высохшего водоема’ (Яр.: Рост., ЯОС 6: 63), ‘низкое сырое место’ (Арх.: Карг.; Влг.: В.-Уст., Кир., Тарн., КСГРС), ‘топкое, низкое место’ (Костр., ККОС, 342; Яр., ЯОС 6: 63), *мочажинистое мéсто* ‘низкое сырое место’ (Влг.: Кир., КСГРС), *мочажинка* ‘то же’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), *мочáлинка* ‘маленькое сырое болото’ (Новг.: Бат., СРГК 3: 266), *мочевина* ‘влажное место на земле, твердое (не торфяное) болотце’ (Новг., Даль 2: 353), ‘гладкое болотце (без кочек) от великих вод, а более от ключей, по плоской впадине, где подпочва держит воду’ (Новг., Даль 2: 353), ‘заболоченный луг’ (Яр.: Брейт., ЯОС 6: 64), *мочевина* ‘сырое, топкое место’ (Ленингр.: Волос., Кириш., Сланц., Тихв.; Новг.: Чуд., Шим., СРГК 3: 266), *мочежина* ‘болотистая, вследствие скопления подземных ключей, местность’ (Арх.: Мез., Пин., Подвысоцкий: 9), ‘низкое сырое место’ (Арх.: Плес., КСГРС; Костр.: Костр., Красн., Нер., ККОС: 204; Яр., Мельниченко: 113), ‘топкое, низкое место’ (Яр.: Брейт., Рост., ЯОС 6: 63), *мочúлина* ‘низкое сырое место’ (Ленингр.: Кириш., СРГК 3: 266), *мочь* ‘то же’ (Арх.: Лен., КСГРС).

Праславянское происхождение имеют сев.-русск. *багно́* ‘топкое, вязкое место’ (Новг.: Валд., Мош., Пест., Чуд., НОС 1: 21), ‘низкое, топкое, непроходимое место’ (Новг.: Новг., НОС 1: 21), ‘место около

глубоких ям, в которых находится черная вязкая жижа' (Новг.: Валд., Мош., НОС 1: 21), *багун* 'топкое место, низина' (Влг.: Гряз., КСГРС; Яр.: Сер., ЯОС 1: 27) < праслав. сев. **bagъno* 'болото', 'багульник'¹ (Аникин РЭС 2: 54).

Велико количество описательных наименований. Основной массив лексем содержит корень *вод-*, представленный в исходном *водá*: *водосóсина* 'сырое, топкое место' (Влг.: Бел., Череп., КСГРС; Новг.: Мош., НОС 1: 131; Ленингр.: Лод., СРГК 1: 215), 'заросшее озеро' (Новг.: Валд., Мал., НОС 1: 131), *водосóчина* 'сырое, топкое место' (Влг.: Хар., КСГРС), *водосóчное мéсто* 'то же' (Влг.: Ваш., КСГРС), *водосóчь* 'то же' (Арх.: Вель., КСГРС), *водотóчный* 'сырой (о месте)' (Костр.: Нейск., КСГРС), *вóдяное мéсто* 'место с большим количеством воды' (Арх.: Леш., Пин., АОС 5: 12), 'топкое место' (Арх.: К.-Б., Он., Прим., АОС 5: 12), *водяно́е мéсто* 'топкое место' (Арх.: Леш., Пин., КСГРС).

К праслав. **volga* (> русск. *воло́га* 'жидкость', ТСРЯ: 96) следует возводить *воло́га* 'сырое место' (Арх.: Уст., КСГРС).

Многочисленны образования от *жидкий* 'с большим количеством воды, водянистый' праславянского происхождения (ТСРЯ: 235): *жидель* 'топкое болотистое место, трясина' (Арх.: Карг., Кон., Нянд., Плес.; Влг.: Бел., Ваш., Кир., КСГРС; ср.: *жидель* 'жидкая грязь' — Арх.: Уст.; Влг.: Бел., Кир., Устюж., КСГРС), *жиде́ль* 'топкое болотистое место, трясина' (Влг.: Ваш.; Костр.: Пыщуг., КСГРС; ср.: *жиде́ль* 'жидкая грязь' — Киров.: Кот.; Костр.: Меж., КСГРС), *жиде́люха* 'жидкий торф в болоте' (Яр., ЯОС 4: 47), *жиде́ля* 'топкое болотистое место, трясина' (Карел.: Пуд., СРГК 2: 59), *жиде́ляга* 'топкое болотистое место, трясина' (Влг.: Бел., Чаг., КСГРС; Ленингр.: Лод., СРГК 2: 59; ср.: *жиде́ляга* 'жидкая грязь' — Арх.: Карг.; Влг.: Кир., Чаг., КСГРС), *жидкое мéсто* 'топкое болотистое место, трясина' (Арх.: Котл., Мез., Он.; Влг.: Ник., КСГРС), *жидо́ба* 'то же' (Костр.: Чухл., КСГРС).

Менее частотен корень *мягк-* (ср. русск. литер. *мя́гий* 'легко поддающийся давлению, сжатию' — ТСРЯ: 470): *мя́кое мéсто* 'сырое, болотистое место' (Влг.: В.-Важ., КСГРС), *мя́кость* 'то же' (Карел.: Медв., Пуд., СРГК 3: 282), *мя́кость* 'то же' (Карел.: Медв., Пуд., СРГК 3: 282), *мяхи́на* 'низкое место' (Арх.: Карг., КСГРС).

Прилагательное *кислый* 'закисший вследствие брожения' (ТСРЯ: 336) представлено как в описательных наименованиях: *кис́лое мéсто* 'низкое сырое место в лесу' (Арх.: Вил., Карг., КСГРС), 'топкое место

1 Этимология разработана Н. И. Толстым, см.: Толстой 1969: 154–158.

на болоте' (Арх.: Кон.; Влг.: Вож., КСГРС), *кислый бѣрег* 'вязкий, топкий берег' (Арх.: Холм., КСГРС), — так и в дериватах, номинирующих болотистые места: *кислотá* 'жидкое раскисшее место на болоте' (Арх.: Уст., КСГРС), *кислúха* 'сырое болотистое место' (Арх.: Прим., КСГРС), *кислýва* 'то же' (Влг.: Нюкс., КСГРС).

От корня *гряз-* (< праслав. **gręz-*, ср. русск. литер. *грязь* 'размякшая от воды почва' —ТСРЯ: 175) образованы: *грязь* 'сырое топкое место' (Арх.: Вин., Пин., Холм., КСГРС; Арх.: Вель., Вил., К.-Б., Леш., Пин., Прим., Холм., АОС 10: 119), *грязáло* 'топкое место, заросшее травой (у реки), содержащее лечебные грязи' (Арх.: Он., СРГК 1: 406), *зáгресь* 'небольшое болото' (Киров.: Халт., КСГРС), ср. *зáгресь* 'грязь' (Киров.: Халт., КСГРС).

Наиболее частотным обозначением заболоченного пространства в севернорусских диалектах является *мох* 'торфяное болото, заросшее мхом' (Арх., Подвысоцкий: 93; Олон., Куликовский: 57; Арх.: Карг., Кон., Нянд., Он., Плес., Прим., С.-Дв.; Влг.: Ваш., Вож., Кад., Кир., У.-Куб., Устюж., Хар.; Яр.: Пош., КСГРС; Арх.: Он., Плес.; Карел.: Беломор., Кем., Медв., Пуд.; Ленингр.: Волос., Тихв.; Мурман.: Канд., Тер.; Новг.: Бат., Новг., Солец., Чуд., СРГК 3: 265; Влг.: Вож., У.-Куб., СВГ 5: 8; Кольск., Меркурьев: 87; Помор., КСПЯ: 81; Яр.: Мышк., ЯОС 6: 63). Географическое значение праславянского по происхождению (ТСРЯ: 463) *мох* 'стелющееся или прямо стоящее споровое растение, обычно растущее в сырых местах на земле, на деревьях, на камнях' вторично. Производные образования многочисленны: *мохáрник* 'моховое болото' (Киров.: Халт.; Костр.: Меж., КСГРС), 'топкое место на болоте, поросшее мхом' (Влг.: Ник., СВГ 5: 8), ср. *мохáрник* 'вид мха' (Киров.: Халт.; Костр.: Пыщуг., КСГРС), 'поляна, поросшая мхом' (Влг.: Ник.; Киров.: Халт.; Костр.: Пыщуг., КСГРС), *моховiк* 'моховое болото' (Влг.: Сок., Тот.; Киров.: Халт., КСГРС), ср. *моховiк* 'вид мха' (Киров.: Халт., КСГРС), *моховiна* 'моховое болото' (Костр.: Галич., КСГРС; Помор., Гемп: 381), 'топкое место на болоте, поросшее мхом' (Влг.: Кир., КСГРС), 'низкое, болотистое место' (Яр.: Рост., ЯОС 6: 63), *моховiстое мѣсто* 'моховое болото' (Арх.: Мез., КСГРС), *мохотáрник* 'то же' (Костр.: Нейск., КСГРС), *мóхра* 'то же' (Киров.: Халт., КСГРС), *мохúрда* 'место, поросшее жестким черным мхом' (Арх.: Леш., КСГРС; ср. *мохúрда* 'жесткий черный мох' — Арх.: Леш., КСГРС), *мошáра* 'место, поросшее мхом' (Новг.: Чуд., СРГК 3: 277), *мошарiна* 'небольшое болото, поросшее мхом' (Яр.: Люб., ЯОС 6: 65), *мошарiнник* 'густой кустарник на низком месте' (Арх.: Вин., КСГРС), *мошáрник* 'место, поросшее мхом' (Влг.: Ник.; Киров.: Халт., КСГРС);

ср. *мошáрник* ‘мох’ — Киров.: Халт.; Костр.: Нейск., КСГРС), *мошйце* ‘то же’ (Влг.: Кир., КСГРС), *мошник* ‘то же’ (Костр.: Меж., КСГРС), *мошник* ‘то же’ (Костр.: Кологр., КСГРС; Ленингр.: Сланц., СРГК 3: 267), *мошнйк* ‘то же’ (Костр.: Мант., Меж., КСГРС), *мошók* ‘небольшое болото, поросшее мхом’ (Арх.: Карг., Плес.; Влг.: У.-Куб., Хар.; Яр.: Пош., КСГРС; Влг.: Кир.; Ленингр.: Волос., Тихв.; Новг.: Бат., Чуд., Шим., СРГК 3: 267), *мошóрник* ‘сырое место в лесу, заросшее мхом’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), *мушара* ‘мокрое, низкое место’ (Влг.: Влгд., СВГ 5: 12), *миáга* ‘место, поросшее мхом; моховое болото’ (Помор., Гемп: 381; Ленингр.: Волос.; Новг.: Бат., Любыт., Чуд., СРГК 3: 276), *мишак* ‘то же’ (Помор., Гемп: 381), *миáнник* ‘то же’ (Арх.: К.-Б.; Костр.: Галич., КСГРС), *миáра* ‘то же’ (Новг.: Чуд., СРГК 3: 277; Яр.: Некр., Пересл., Тут., ЯОС 6: 70), *миáрина* ‘то же’ (Арх.: Плес.; Карел.: Пуд.; Ленингр.: Бокс., Волос.; Новг.: Чуд., СРГК 3: 277; Яр.: Брейт., Нек., ЯОС 6: 70), *миáрина* ‘обсохшее моховое болото’ (Арх.: Мез., Подвысоцкий: 94), ‘сырая, мшистая поляна в лесу’ (Арх.: Плес.; Карел.: Кем.; Ленингр.: Лод., СРГК 3: 277), *мишáйна* ‘место, поросшее мхом; моховое болото’ (Арх.: Пин., Плес., Прим., С.-Дв., Холм.; Влг.: Устюж.; Яр.: Пош., КСГРС; Арх.: Плес.; Карел.: Пуд.; Ленингр.: Бокс., Волос.; Новг.: Чуд., СРГК 3: 277; Яр.: Мол., Пош., ЯОС 6: 70), ‘болотистый покос со мхом’ (Яр., Мельниченко: 114), ‘сырая, мшистая поляна в лесу’ (Арх.: Плес.; Карел.: Кем.; Ленингр.: Лод., СРГК 3: 277; Олон.: Пв., Куликовский: 58), *мишáринка* ‘место, поросшее мхом; моховое болото’ (Арх.: С.-Дв.; Влг.: Устюж., КСГРС; Карел.: Кем.; Ленингр.: Бокс., Лод., СРГК 3: 277), *мишáринной* ‘относящийся к моховому болоту’ (Арх.: Мез., Подвысоцкий: 94), *мишáринняк* ‘сырая, мшистая поляна в лесу’ (Яр.: Рыб., ЯОС 6: 70), *мишáрник* ‘место, поросшее мхом; моховое болото’ (Влг.: Выт.; Киров.: Халт., КСГРС; Яр., Мельниченко: 114; Яр., ЯОС 6: 70; ср. *мишáрник* ‘мох’ — Киров.: Халт., КСГРС), ‘место, где растет трава’ (Арх.: Плес., СРГК 3: 277), *мишерина* ‘то же’ (Влг.: Усть-Сысол., Дилакторский: 264), *мишина* ‘то же’ (Арх.: Холм., КСГРС; Ленингр.: Кириш., Лод., СРГК 3: 277). Приставочные образования номинируют либо само болото, либо участки болотистой местности: *зáмох* ‘место за моховым болотом’ (Яр.: Мышк., ЯОС 4: 87), *замóшища* ‘то же’ (Яр.: Мышк., ЯОС 4: 87), *промишáинка* ‘маленькое болотце’ (Арх.: Нянд., КСГРС), *промишáночка* ‘то же’ (Влг.: Баб., КСГРС), *омшáра* ‘моховое болото’ (Новг.: Бат., Солец., СРГК 4: 200), ‘низкорослый лес на болоте’ (Новг.: Бат., СРГК 4: 200), *омшáрина* ‘моховое болото’ (Арх.: Прим., КСГРС), ‘низкорослый лес на болоте’ (Новг.: Бат., СРГК 4: 200), *мéжумох* ‘участок леса между болотами, мшистыми низина-

ми' (Карел.: Медв., СРГК 3: 217), *подмо́ша* 'сырое место около болота' (Влг.: Шексн., КСГРС), *подмо́шень* 'окно воды в болоте' (Арх.: Мез., КСГРС), *подмо́шина* 'сырое место около болота' (Влг.: Шексн., КСГРС), *подмо́шица* 'то же' (Влг.: Бел., Шексн., КСГРС), *подмо́шняя я́ма* 'топкое место на болоте' (Арх.: Холм., КСГРС), *подмо́шник* 'поросшая мхом земля' (Арх.: Холм., Подвысоцкий: 127), *подмо́шница* 'сырое место около болота' (Влг.: Вож., КСГРС), *подмо́шница* 'зыбкое место на болоте' (Арх.: Вин., КСГРС), *подмо́шье* 'полоса земли у болота' (Арх.: Он., СРГК 4: 646), *по́мошь*, *помо́шье* 'обширное моховое болото' (Твер., Даль 3: 275), *пра́мох* 'мшистое болото' (Влг.: Кад., КСГРС), *пра́мошина* 'то же' (Арх.: Карг., КСГРС), *пра́мошок* 'то же' (Влг.: Кад., КСГРС), *пра́мишина* 'то же' (Арх.: Карг., КСГРС), *пра́мох*, *пра́мошки*, *пра́мхи* 'пространства, покрытые сухим мхом, прежде бывшие болота' (Влг.: Череп., Герасимов, 70), *примо́шек* 'сырая низменность около берега' (Влг.: У.-Куб., КСГРС), *примо́шина* 'край болота' (Влг.: Шексн., КСГРС), *примо́шица* 'полоса, окружающая болото или находящаяся вблизи болота' (Влг.: Кадн., Дилакторский: 406).

Слово *ля́га* (восходящее, в конечном счете, к < и.-е. *leng-* 'гнуть, изгибать' — ТСРЯ: 418), имеющее основное значение 'лужа' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Лен., Леш., Нянд., Он., Пин., Плес., Прим., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., В.-Важ., Ваш., Вож., В.-Уст., Выт., Кад., Кир., М.-Реч., Ньюкс., Сямж., Тарн., Тот., У.-Куб., Устюж., Череп.; Костр.: Кологр., Пыщуг., КСГРС; Арх.: Арх., Он., Шенк.; Олон.: Выт., Карг., Опыт: 108; Арх., Подвысоцкий: 86; Влг.: Вель., Влгд., Ник., Тот., Дилакторский: 244; Арх.: Он., Плес.; Влг.: Ваш., Выт.; Карел.: Кондоп., Медв.; Мурм.: Тер.; Новг.: Чуд., СРГК 3: 171; Арх.: Вель.; Влг.: В.-Важ., Вож., Кир., Ник., Ньюкс., Сямж., Тарн., Тот., СВГ 4: 61; Олон.: Выт., Заон., Карг., Лп., Пуд., Куликовский: 52; Кольск., Меркурьев: 83; Сев., Даль 2: 285; Яр.: Рост., ЯОС 6: 23), развивает ряд вторичных значений, связанных с обозначением сырых, заболоченных мест. Семантический объем слова широк: *ля́га* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Нянд., Пин., Плес., Прим., С.-Дв., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., В.-Уст., Выт., Кад., К.-Г., Кир., М.-Реч., Ник., Сямж., Тарн., Тот., У.-Куб., Устюж., Хар., Чаг., Череп., КСГРС; Арх.: Холм., Подвысоцкий: 86; Арх.: Карг., Он., Плес.; Влг.: Баб., Бел., Кад., Кир., Устюж., Череп.; Карел.: Медв.; Ленингр.: Кириш.; Новг.: Любыт., Пест., СРГК 3, 172; Влг.: Баб., Вож., В.-Уст., К.-Г., Ньюкс., Сок., Тот., У.-Куб., Хар., СВГ 4: 61; Кольск., Меркурьев: 83; Яр.: Ареф.; Костр.: Суд., ЯОС 6: 23); 'сырое грязное место' (Арх.: В.-Т., К.-Б., Лен., Леш., Нянд., Уст.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел.,

Вож., К.-Г., Сямж., Устюж., Хар., Чаг.; Киров.: Даров., Опар.; Костр.: Кологр., Сол., Чухл., КСГРС), 'сырая низина, поросшая травой' (Арх.: Леш., Пин., Холм.; Влг.: М.-Реч., У.-Куб., Устюж., КСГРС), 'низменное болотистое место, пригодное для косьбы; сырое место на покосе' (Арх.: Вель., В.-Т., К.-Б., Кон., Лен., Нянд., Он., Пин., Плес., Прим., Уст., Холм.; Влг.: Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., В.-Уст., Кир., М.-Реч., Ньюкс., Сок., Сямж., Тот., Чаг., КСГРС; Арх.: Он.; Ленингр.: Кириш., СРГК 3: 172), 'низкое болотистое место, поросшее кустарником или мелким лесом' (Влг.: Баб., Бел., Кад., М.-Реч., Сок., У.-Куб., Устюж., Хар., Чаг., Череп.; Костр.: Сол., КСГРС), 'топкое место на болоте' (Арх.: Вин., К.-Б., Кон., Лен., Нянд., Он., С.-Дв.; Влг.: Баб., Бел., Ваш., Вож., Выт., Кад., Кир., Сямж., Тот., У.-Куб., Устюж., Чаг., Шексн., КСГРС; Влг.: Вель., Влгд., Ник., Тот., Дилакторский: 244; Влг.: Баб., В.-Уст., Сямж., Тот., СВГ 4: 61), 'топкое болотистое место' (Арх.: Карг., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Бел., Выт., В.-Уст., Устюж., Хар., Чаг., КСГРС; Карел., СРГК 3: 172), 'небольшое болото' (Влг.: В.-Уст., Сок., СВГ 4: 61; Костр.: Кологр., Чухл., КСГРС), 'окно воды в болоте' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Леш., Нянд., Плес., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Бел., В.-Важ., Вож., Выт., Кир., Устюж., Хар., КСГРС; Арх.: Карг., Плес.; Влг.: Кад., Чаг., Череп.; Карел.: Кем., Кондоп., Медв., Пуд.; Ленингр.: Подп.; Мурм.: Канд., СРГК 3: 172), 'низкий заболоченный берег' (Арх.: Пин.; Влг.: К.-Г., Чаг., КСГРС), 'сырое место в лесу' (Влг.: Баб., Бел., Вож., В.-Уст., К.-Г., Кир., Тот., Чаг., КСГРС). Один раз зафиксирован иной акцентологический вариант: *лягá* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: В.-Уст., КСГРС).

Производные сохраняют семантику производящего: *межля́га* 'болотистое, топкое место' (Арх.: Он., СРГК 3: 216), *ля́гистый* 'сырой, заболоченный' (Арх.: Мез., КСГРС), *лягова́тый* 'сырой, заболоченный' (Арх.: Вель., КСГРС), *ля́говина* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Арх.: Карг.; Влг.: Бел., СРГК 3: 173), 'топкое болотистое место' (Арх.: Он.; Влг.: Баб., Бел., Выт., Кир.; Ленингр.: Кириш.; Новг.: Любыт., СРГК 3: 173), *ляго́вина* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Арх.: Леш., КСГРС), *ляго́вина* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Арх.: Карг., Кон., Леш., Мез., Нянд., Пин., Плес., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Вож., Выт., Кир., КСГРС; Арх.: Карг.; Влг.: Бел., СРГК 3: 173), 'низменное болотистое место, пригодное для косьбы; сырое место на покосе' (Арх.: Уст., Прим.; Влг.: Бел., КСГРС), 'топкое место на болоте' (Арх.: Кон., Плес., С.-Дв.; Влг.: Баб., Кир., КСГРС), 'топкое болотистое место' (Влг.: Выт., КСГРС; Арх.: Он.; Влг.: Баб., Бел., Выт., Кир.; Ленингр.: Кириш.; Новг.: Любыт., СРГК 3: 173), 'низкий заболоченный

берег' (Влг.: Бел., КСГРС), 'сырое место в лесу' (Арх.: Карг., Леш., КСГРС), *ляговѣнка* 'сырое грязное место' (Арх.: Вель., Он., КСГРС), 'низменное болотистое место, пригодное для косьбы; сырое место на покосе' (Арх.: Он., КСГРС), 'низкое болотистое место, поросшее кустарником или мелким лесом' (Арх.: Кон.; Влг.: Ваш., КСГРС), 'небольшое болото' (Влг.: Баб., Бел., КСГРС), *ляготина* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: К.-Г., КСГРС), *ляготѣна* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: Бабуш., Ньюкс.; Костр.: Нейск., КСГРС), *ляготѣнка* 'небольшое болото' (Костр.: Мант., КСГРС), *лягото* 'сырая низина, поросшая травой' (Арх.: Пин., КСГРС), *ляготь* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: К.-Г., КСГРС). С переходом 'а > е' отмечено *леговѣна* 'низкое сырое место' (Арх.: Вель., Леш.; Влг.: Бел., КСГРС), 'топкое место на болоте' (Арх.: Вель., КСГРС).

Реже отмечается вариант *ляж-*: *ляжа* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: Сок., У.-Куб., Хар., КСГРС), 'сырое грязное место' (Влг.: Хар., КСГРС), 'сырая низина, поросшая травой' (Влг.: Кадн., Дилакторский: 245; Влг.: Сок., У.-Куб., Хар., СВГ 4: 62), 'низменное болотистое место, пригодное для косьбы; сырое место на покосе' (Влг.: Кадн., Дилакторский: 245; Влг.: Сок., Хар., СВГ 4: 62), 'топкое болотистое место' (Влг.: Сок., КСГРС), 'низкий заболоченный берег' (Влг.: У.-Куб., КСГРС), 'сырое место в лесу' (Влг.: Кадн., Дилакторский: 245; Влг.: Сок., У.-Куб., Хар., СВГ 4: 62), *ляжбина* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Костр.: Кологр., КСГРС), *ляжбіна* 'то же' (Влг.: Тот., КСГРС), *ляжбовѣна* 'то же' (Влг.: Устюж., КСГРС), *ляженька* 'сырое грязное место' (Влг.: Ньюкс., КСГРС), *ляжечка* 'низина, ложбина, которая весной заливается водой, а летом высыхает' (Арх.: Леш., Холм., КСГРС), *ляжий* 'низменный, сырой, влажный' (Влг.: Баб., СВГ 4: 62), *ляжина* 'лужа' (Влг.: Ньюкс., КСГРС), 'низкое, сырое, заболоченное место' (Арх.: Вил.; Влг.: Баб., Влгд., В.-Уст., Кир., Ник., Тарн., Устюж.; Костр.: Кологр., Меж., Сол., КСГРС), 'топкое болотистое место' (Влг.: Кад., КСГРС), *ляжѣна* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: Бел., Вож., Череп., Шексн., КСГРС; Арх.: Карг.; Влг.: Кад., Шексн.; Ленингр.: Тихв.; Новг.: Бат., СРГК 3: 176), 'низменное болотистое место, пригодное для косьбы; сырое место на покосе' (Влг.: Ник., СВГ 4: 62), 'низкое болотистое место, поросшее кустарником или мелким лесом' (Влг.: Баб., Бел., КСГРС), 'топкое место на болоте' (Влг.: Бел., Кад., Череп., КСГРС), *ляжинка* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: В.-Уст., КСГРС), *ляжѣнка* 'то же' (Влг.: Бабуш., Шексн., КСГРС), *ляжистый* 'низменный, сырой, влажный' (Костр.: Чухл., КСГРС), *ляжка* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Арх.: Леш., Пин., С.-Дв.;

Влг.: В.-Важ., В.-Уст., Сок., Тарн., КСГРС; Влг.: Шексн., СРГК 3: 176), *ляжніна* ‘сырое место в лесу’ (Влг.: Бел., КСГРС), *ляжный* ‘низменный, сырой, влажный’ (Влг.: Кад., Сямж., Чаг., КСГРС; Влг.: Тарн.; СВГ 4: 62), ‘болотистый’ (Арх.: Холм., Подвысоцкий: 86; Костр.: Меж., КСГРС), ‘растущий в сырых местах’ (Арх.: Карг., Кон., Нянд., Он.; Влг.: Бел., Ваш., Вож., Кир., У.-Куб., КСГРС), *ляжовіна* ‘болотистая часть дороги’ (Арх.: Леш., КСГРС), *разляжье* ‘низкое сырое место’ (Костр.: Кологр., КСГРС).

Праславянское диал. **lęga* связано чередованием с **lōgъ* (ЭССЯ 15: 53), который представлен в русск. литер. *луг* ‘участок, покрытый травянистой растительностью’ (ТСРЯ: 418). Основным диалектным производным является *луговіна* ‘луг, сенокосное угодье’ (Костр.: Галич., Кологр., КСГРС; Влг.: Влгд., Вож., К.-Г., М.-Реч., Сямж., Тот., Хар., СВГ 4: 52; Яр.: Больш., Брейт., Гавр., Дав., Дан., Наг., Некр., Пересл., Пош., Преч., Рост., Рыб., Ряз., Сер., Угл., Яросл.; Костр.: Буйск., Нейск., Нер., Сол., Сусан., ЯОС 6: 16), которое отмечено также в значении ‘низкое болотистое место; заболоченный луг’ (Яр.: Бор., Дан., Тут., ЯОС 6: 16). Корень *луг-* с архаическим префиксом *ка-* представлен в лексеме *калўга* ‘сырое место в лесу, заросшее травой’ (Костр.: Чухл., КСГРС), ‘топкое болотистое место’ (Костр., Твер., Даль 2: 79).

Древнейшим значение ‘болото’ признается для корня *луж-* (< праслав. **lugj-*), представленного в *лўжа* ‘низкое сырое место’ (Влг.: Бел., Кир., Хар., КСГРС; Влг.: Влгд., К.-Г., СВГ 4: 53), *лўжина* ‘сырое болотистое место’ (Влг.: В.-Уст., КСГРС), *лўжье мѣсто* ‘сырое болотистое место’ (Влг.: Баб., СВГ 4: 53): находит соответствие в лит. *lū̄gas* ‘трясина, болото, лужа’, латыш. *luga* ‘слой студенистой массы, покрывающий зарастающие озера’ < и.-е. **leu-g-* ‘темный’, ‘болото’ (ТСРЯ: 418). На древний характер корня указывают производные с архаической приставкой *ка-*: *калўжина* ‘сырая низина’ (Влг.: У.-Куб., КСГРС), ‘сенокосный участок на сыром месте’ (Влг.: Баб., СВГ 3: 34), *калужіна* ‘сырая низина’ (Костр.: Кологр., Меж., Чухл., КСГРС).

Частотны в качестве обозначений сырых болотистых мест образования с корнем *ляд-* (восходит к праслав. *lęd-*, имеющему индоевропейские истоки, — ТСРЯ: 422): *ляд* ‘грязное сырое место’ (Влг.: У.-Куб., КСГРС), *ляд* ‘низкое сырое, болотистое место’ (Влг.: Гряз., Сок., У.-Куб., Хар.; Костр.: Костр., КСГРС; Влг., Дилакторский: 244; Влг.: М.-Реч., Сок., Сямж., СВГ 4: 62; Яр.: Люб., ЯОС 6: 24), ‘низкое, болотистое место, поросшее лесом или кустарником’ (Яр.: Пош., КСГРС), *ляда* ‘низкое, сырое, заболоченное место’ (Влг., Дилакторский: 244; Влг.: Гряз., М.-Реч., Сок., Хар., Шексн., КСГРС; Влг.:

М.-Реч., СВГ 4: 62; Влг.: Шексн., СРГК 3: 175; Костр.: Буйск., Сол., ККОС: 193; Костр.: Парф., Сусан.; Яр.: Ареф., Дан., Некр., Перв., Пош., Преч., Рост., Рыб., ЯОС 6: 24), 'топкое болото, трясына' (Влг.: М.-Реч., КСГРС), 'болото с ямами' (Влг., Яр., Даль 2: 286; Яр., ЯОС 6: 24), 'низкое, болотистое место, поросшее лесом или кустарником' (Арх.: К.-Б.; Яр.: Пош., КСГРС; Влг., Яр., Даль 2, 286; Яр., ЯОС 6: 24), *ляда́* 'низкое сырое, болотистое место' (Яр.: Ареф., Перв., Пош.; Костр.: Сол., ЯОС 6: 24), 'болото с ямами' (Яр., ЯОС 6: 24), 'низкое, болотистое место, поросшее лесом или кустарником' (Влг.; Владим., Опыт: 108; Яр., ЯОС 6: 24), *ляди́на* 'грязное сырое место' (Влг.: Вож., Хар., КСГРС), 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: Ваш., Вож., Выт., Гряз., М.-Реч., Сок., Сямж., У.-Куб., Хар., Устюж., Чаг.; Костр.: Кологр., КСГРС; Влг., Дилакторский: 244; Влг.: Влгд., СВГ 4: 62; Влг.: Выт., Кад., Череп.; Карел.: Кем., Медв., Пуд.; Ленингр.: Подп., СРГК 3: 175; Костр.: Кадый., Остр., ККОС: 193; Яр., Мельниченко: 107; Яр.: Ареф., Брейт., Бурм., Влад., Люб., Мышк., Некр., Перв., Пош., Преч., Рыб.; Иван.; Костр.: Антр., Буйск., Галич., Нейск., Парф., Сол., Суд., ЯОС 6: 25), 'маленькое болото' (Костр.: Галич., КСГРС), 'топкое болото, трясына' (Влг.: М.-Реч., Сок., КСГРС; Влг.: Влгд., Хар., СВГ 4: 62; Костр.: Вохом., Галич., ККОС: 193), 'болото с ямами' (Яр., ЯОС 6: 25), 'низкое, болотистое место, поросшее лесом или кустарником' (Арх.: Кем., Он., Подвысоцкий: 86; Влг.: Череп., Герасимов: 53; Яр.: Пош., КСГРС; Яр.: Ареф., Брейт., Влад., Некр., Перв., Пересл., Пош., Преч., Рост.; Костр.: Антр., Галич., Чухл., ЯОС 6: 25), *лядинá* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Яр.: Пош., ЯОС 6: 25), *ляди́нка* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: Сок., КСГРС; Яр.: Рыб., ЯОС 6: 25), 'низкое, болотистое место, поросшее лесом или кустарником' (Влг.: Череп., Герасимов: 53), *ляди́стый* 'низменный' (Влг.: Сок., КСГРС), *лядо́к* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Влг.: Сок., У.-Куб., КСГРС), *ляды́* 'высохшее болото' (Яр.: Люб., ЯОС 6: 24), *лядь* 'низкое, сырое, заболоченное место' (Яр.: Больш., ЯОС 6: 24), *переля́док* 'заболоченный участок между двумя водоемами' (Влг.: У.-Куб., КСГРС). Н. И. Толстой восстанавливает для праслав. *lědo* значение 'непаханный, нерасчищенный или вообще не употребляемый, хотя и пригодный для земледелия участок земли, целина' (Толстой 1969: 137) и выявляет энантиосемичную корреляцию по линии 'верх' ↔ 'низ', реализующуюся в этом случае в частной корреляции 'возвышенное место' ↔ 'болото' (Там же: 140).

Частотен в наименованиях сырых, низменных, заболоченных мест корень *низ-/ниж-* (< праслав. *niz-/niž-* — ЭССЯ 25: 144): *низати́на* 'низменное место, низина' (Арх.: Карг., КСГРС), *низви́на* 'то же' (Влг.:

Бел.; Костр.: Нейск., Парф., КСГРС; Яр.: Некр., ЯОС 6, 146), *ни́зговина* ‘то же’ (Арх.: Карг., СРГК 4: 24), *ни́зедь* ‘то же’ (Арх.: Плес., Шенк., КСГРС), *ни́зистое мѣсто* ‘то же’ (Влг.: Ваш., КСГРС), *ни́зкость* ‘то же’ (Арх.: Плес., СРГК 4, 24), *низля́к* ‘то же’ (Арх.: В.-Т., КСГРС), *ни́змень* ‘то же’ (Костр.: Пыщуг., КСГРС), *ни́змина* ‘то же’ (Арх.: Он., СРГК 4: 24), *низмíна* ‘то же’ (Арх.: Кон.; Влг.: Ник., Сок.; Костр.: Мант., Пыщуг., Чухл., КСГРС; Арх.: Он., СРГК 4: 24; Яр.: Ареф., Гавр., ЯОС 6: 146), *низо́вина* ‘то же’ (Ленингр.: Лод.; Новг.: Бат., Любыт., Новг., Чуд., СРГК 4: 24), *низо́вина* ‘низкое место в устье реки’ (Ленингр.: Кириш., Лод., СРГК 4: 24), *низовíна* ‘низменное место, низина’ (Ленингр.: Лод.; Новг.: Бат., Любыт., Новг., Чуд., СРГК 4: 24; Арх.: Карг.; Яр.: Некр., КСГРС; Яр.: Толб., ЯОС 6: 146), *низовíна* ‘низкое место в устье реки’ (Ленингр.: Кириш., Лод., СРГК 4: 24), *низо́винка* ‘низкое место, низ склона горы’ (Ленингр.: Тихв., СРГК 4: 24), *низовíнка* ‘низменное место, низина’ (Арх.: Карг., КСГРС), *низо́дол* ‘то же’ (Арх.: Карг., СРГК 4: 25), *низо́та* ‘то же’ (Арх.: Карг., СРГК 4: 25), *низо́тина* ‘низкое болотистое место в лесу, в поле’ (Яр., Мельниченко: 124; Яр.: Пош., Рыб., ЯОС 6: 146), *низь* ‘низменное место, низина’ (Арх.: Уст., КСГРС; Яр.: Мышк., ЯОС 6: 147), *низьмíна* ‘то же’ (Арх.: Мез.; Влг.: Бел., КСГРС), *низяба́* ‘низменный болотистый берег реки’ (Костр.: Чухл., КСГРС), *низя́мина* ‘низменное место, низина’ (Костр.: Меж., КСГРС), *низя́тина* ‘то же’ (Влг.: Гряз., КСГРС), *ни́жина* ‘ложбина, низина’ (Карел.: Медв., СРГК 4: 22), *нижíна* ‘то же’ (Влг.: Выт., КСГРС), *ни́жник* ‘поле на низком месте’ (Киров.: Халт., КСГРС), ‘низкое место на покосе’ (Костр.: Нейск., КСГРС), *нижнйáк* ‘ложбина, низина’ (Арх.: В.-Т., КСГРС), *пони́зина* ‘низкое сырое место’ (Костр.: Мант., Меж., КСГРС), *пони́зина* ‘то же’ (Влг.: К.-Г., Ник., КСГРС; Влг.: Ник., СВГ 7: 154), *пони́зínка* ‘то же’ (Влг.: Влгд., СВГ 7: 154), *пони́зо́вина* ‘то же’ (Костр.: Меж., КСГРС), *пони́зь* ‘изменность’ (Арх.: Арх., Подвысоцкий: 131).

Образования с корнем *дол-* (ср. др.-русск. *доль* ‘яма, выемка; низ’ праславянского происхождения — ТСРЯ: 207) в севернорусских диалектах помимо значений ‘ложбина, овраг’ (*дол* ‘узкая глубокая ложбина’ (Арх.: К.-Б., Пин., КСГРС), ‘неглубокий овражек’ (Арх.: Леш., АОС 11: 315) развивают значения, связанные с обозначением низин и сырых мест: *дол* ‘низкое ровное место’ (Арх.: Леш., Мез., Он., АОС 11: 315), ‘низкое сырое место’ (Киров.: Халт., КСГРС), ‘равнинный луг’ (Киров.: Халт., КСГРС), *издо́л* ‘низкое место’ (Костр.: Нейск., КСГРС), *отдо́лина* ‘топкое сырое место у реки’ (Влг.: К.-Г., КСГРС), *подо́л* ‘низкое болотистое место’ (Яр., Мельниченко: 151), *подо́л*, *подо́лье* ‘низкое, низменное место, изменность, особенно близ реки’ (Яр., Даль 3: 192).

От *лог* (восходит к праслав. **logъ*, связанному чередованием с **legt'i*, ср. русск. *лечь*, ТСРЯ: 413) производны *ложина* 'низкое сырое место, ложбина' (Арх.: Карг., Кон., Плес.; Влг.: В.-Важ., Выт., КСГРС; Влг.: Влгд., Кир., Ник., СВГ 4: 43; Арх.: Карг., Плес.; Влг.: Выт.; Карел.: Кондоп., Медв., Пуд., СРГК 3: 139; Олон.: Выт., Карг., Лп., Пв., Пт., Куликовский: 50), 'низкое заболоченное место' (Арх.: Кон., Плес., КСГРС; Влг.: Шексн., СРГК 3: 139), 'вязкое, топкое место' (Арх.: Карг., СРГК 3: 139), *ложнина* 'низкое сырое место, ложбина' (Арх.: Плес., СРГК 3: 140). Однокоренное *ложговина* 'низкое сырое болотистое место' (Арх.: В.-Г., Карг., Леш., Пин.; Влг.: Устюж., КСГРС), 'неглубокая впадина на местности, ложбина, низина' (Влг.: В.-Уст., КСГРС) является результатом фонетического преобразования **ложбовина*, ср. русск. литер. *ложбина* 'узкий неглубокий овраг' (из *лож-ьб-ина*, от *лог*, ТСРЯ: 414).

Болота образуются в местах выхода на поверхность земли подпочвенных вод. Такие места обозначаются лексемой *ключ* 'вытекающий из земли источник, родник', которое интерпретируется из *клькать* 'шуметь, бурлить' (ТСРЯ: 342). В диалектах синонимом является *ключевина* 'ключ, родник' (Арх.: Кон.; Влг.: В.-Важ., Вож., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Сок., КСГРС; Влг.: Сямж., СВГ 3: 69; Влг.: Череп.; Ленингр.: Лод.; Новг.: Бат., СРГК 2: 376; Псков., Твер., Даль 2: 123). Значение 'топкое место' имеют как сама лексема *ключ*, так и ее производные: *ключ* 'топкое низкое место' (Арх.: Вель.; Влг.: Бел., В.-Важ., Вож., Ник., КСГРС), 'топкое место на берегу реки, озера' (Влг.: Сямж., СВГ 3: 69), *ключевизна* 'топкое низкое место' (Влг.: Вож., КСГРС), *ключевина* 'болото, сырое место, образуемое выходящим на поверхность ключом' (Псков., Твер., Даль 2: 123; Яр.: Перв., ЯОС 5: 38), 'топкое низкое место' (Арх.: Вель.; Влг.: Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Тот., Хар., Череп., КСГРС), 'топкое место на берегу реки, озера' (Влг.: Баб., Вож., М.-Реч., Сямж., СВГ 3: 69), 'покос на сыром месте' (Влг.: Ник., КСГРС), *ключевинник* 'топкое низкое место' (Влг.: К.-Г., КСГРС), *ключевинник* 'топкое место на берегу реки, озера' (Влг.: К.-Г., СВГ 3: 69), *ключевинница* 'топкое низкое место' (Влг.: К.-Г., КСГРС), *ключевица* 'то же' (Влг.: В.-Важ., КСГРС), *ключевник* 'то же' (Влг.: К.-Г., КСГРС), *ключень* 'то же' (Влг.: Хар., КСГРС), *ключище* 'то же' (Влг.: Бел., КСГРС), *ключовина* 'то же' (Влг.: Ник., КСГРС).

На почвах, которые непрерывно затапливаются соленой или соленоватой водой из подземных (соляных ключей) или внешних источников, образуются соляные болота, которые характеризуются

скудной растительностью. Такие болота номинируются с помощью корня *солод-/солот-*, являющегося суффиксальным образованием с суффиксом *-d/-t-* от праслав. **sol-* ‘соленый, пряный, вкусный’ (ТСРЯ: 894): *сóлод* ‘низкое болотистое место с ржавой водой’ (Влг.: В.-Уст., КСГРС), *солодíна* ‘топкое вязкое место’ (Влг.: В.-Важ., Гряз., Тарн.; Киров.: Опар., КСГРС; ср. *солодíна* ‘топкая болотная жижа’ — Влг.: В.-Уст., КСГРС), *солодíще* ‘топкое вязкое место’ (Влг.: Хар., КСГРС), *сóлодь* ‘то же’ (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., К.-Б., Нянд., Уст.; Влг.: Бабуш., Ваш., В.-Уст., Тарн., КСГРС), *солодя́га* ‘то же’ (Влг.: Хар., КСГРС), *солодя́ха* ‘то же’ (Влг.: Хар., КСГРС), *насолóды* ‘насолodelая, прелая топь; гнилое, железистое болото’ (Костр., Даль 2: 473), *сóлот* ‘низкое болотистое место с ржавой водой’ (Арх.: В.-Т., КСГРС), *солóтина* ‘то же’ (Кольск., Меркурьев: 148; Помор., Гемп: 383), *солотíна* ‘топкое вязкое место’ (Арх.: Уст.; Влг.: Баб., Бабуш., Влгд., В.-Уст., Гряз., М.-Реч., Ник., Сямж., Тот., Хар.; Костр.: Кологр., Меж., Нейск., Пыщуг., Сол., Чухл., Шар., КСГРС; Влг.: Влгд., Кадн., Тот., Дилакторский: 472; Моск., Даль 4: 267), *сóлотный* ‘мокрый, ржавый, малотравный (о болоте)’ (Яр., Даль 4: 267), *сóлоть* ‘грязное топкое место; грязь’ (Арх.: В.-Т., КСГРС), ‘болотная грязь, топь’ (Арх.: В.-Т., КСГРС), ‘топкое вязкое место’ (Арх.: Вель., В.-Т., Уст.; Влг.: В.-Важ., Вож., К.-Г., М.-Реч., Ник., Сямж., Тарн., Хар.; Костр.: Чухл., КСГРС; Влг.: Влгд., Кадн., Тот., Дилакторский: 472; Яр., Мельниченко: 190), *солотя́ва* ‘то же’ (Влг.: Тот., КСГРС), *осолóтина* ‘сырое, болотистое место’ (Мурм.: Тер., СРГК 4: 251).

Отмечены также отражающие диалектное аканье лексемы *салатíна* ‘вязкое место, болотина’ (Костр.: Антр., Нейск., Сол., Чухл., КСГРС), ‘болотистый берег’ (Костр.: Антр., Чухл., КСГРС), *салотíна* ‘вязкое место, болотина’ (Костр.: Нейск., КСГРС); с редукцией гласного первого слога — *слóтина* ‘род тундры, трясинное место с веретьями’ (Арх.: Мез., Подвысоцкий: 151).

Праслав. **lyzg-/*lʒg-* (ср. русск. *лызгать* ‘скользить по льду’ — ТСРЯ: 419) реализовано в *лозжовíна* ‘низкое заболоченное место’ (Яр.: Некр., КСГРС). Диалектным колебанием *л/лʹ* обусловлено появление варианта *лезгá* ‘сырое низкое болотистое место’ (Арх.: Вил., В.-Т., К.-Б., Лен., КСГРС; ср. также *лезгá* ‘лужа’ — Арх.: В.-Т., КСГРС). Тот же корень с глухим консонантом (**lʒsk-*) представлен в *лощíна* ‘низкое сырое место в лесу или в поле’ (Яр.: Больш., Брейт., Влад., Гавр., Дан., Курб., Люб., Масл., Мышк., Нек., Некр., Перв., Пош., Рыб., Толб., Тут., Угл.; Иван.; Костр.: Буйск., Галич., Нейск., Чухл., ЯОС 6: 15), ‘низменное сенокосное угодье’ (Арх.: Вель.; Влг.: К.-Г., М.-Реч., СВГ

4: 52), 'низина, поросшая мелким кустарником' (Яр.: Ареф., Брейт., ЯОС 6: 15), 'низкое место на дороге, заливаемое водой' (Влг.: Сямж., СВГ 4: 52), *лоци́нка* 'низменное сенокосное угодье' (Влг.: К.-Г., СВГ 4: 52). Результатом упрощения *-zg-* > *-z-*, возможно, являются варианты *лоза́* 'низкое заболоченное место' (Киров.: Халт., КСГРС; Влг.: Бел., СРГК 3: 140), *лози́нка* 'то же' (Яр.: Пош., КСГРС).

Лексема *ле́щадь* 'низкий пологий берег' (Арх.: Вин., В.-Т., К.-Б., Мез., КСГРС), 'часть берега, заливаемая водой' (Арх.: Мез., Шенк., КСГРС), 'топкий вязкий берег' (Арх.: Прим., С.-Дв., КСГРС) развивает значения 'низкое болотистое место' (Карел.: Канд., СРГК 3: 122), 'осушенное болото' (Арх.: Холм., КСГРС), 'покос на топком месте' (Арх.: Холм., КСГРС). С модификацией вокализма первого слога отмечены *леу́щадь* 'низкий песчаный берег моря' (Арх.: Прим., КСГРС), *ло́щадь* 'топкое грязное место' (Арх.: Прим., КСГРС), ср.: *лю́щадь* 'жидкая грязь' (Арх.: Прим., КСГРС). Однокоренным является *ляци́на* 'сырое место в лесу' (Влг.: Баб., КСГРС). Л. В. Куркина определяет лексемы как производные от праслав. глаголов **leskati*, **leščiti* 'ударять, хлопать, расщеплять', связанных чередованием гласных с **loskati*, **lozgati* (ср. русск. калуж. *лозг* 'низменность со рвами, ручьями; буерак', др.-русс. *лоскъ* 'лог, лощина', русск. *лощина* 'ложбина, ущелье, овраг, водороина, долинка', 'узкая длинная впадина, по дну которой идет водороина') (Куркина 1976: 48–50).

Для диалектного *мездра́* 'топкое место' (Влг.: Бел., КСГРС), *мездри́на* 'сырая низина' (Влг.: Бел., КСГРС) должна быть реконструирована исходная форма **мезгра́*, ср. литер. *мезга́* 'мягкий внутренний слой коры дерева', < праслав. **mězga* < и.-е. **meig'h-* 'течь', при этом элемент *-zdr-* следует объяснять вторичным влиянием глагола **dъrati* (русс. *драть*, ТСРЯ: 438).

Праслав. **bara*, отраженное в болг. *бара* 'речка, лужа', макед. *бара* 'лужа', сербохорв. *ба̀ра* 'стоячая вода в углублении, лужа', 'заливной луг', словен. *bára* 'болото, топь', чеш. диал. *bara*, словац. диал. *bara* 'болото', представлено в русском языке новгородским *ба̀ра* 'болото' (НОС 1: 31)² и производным с архаической приставкой *су-* *су́барь* 'болотистый сенокос' (Влг.: Ник., КСГРС) (с гиперкорректным оканьем также *су́борь* 'низкое болотистое место' — Влг.: К.-Г., КСГРС).

Образованием от глагола **mariti* (русс. диал. *ма́рить* 'парить, о сильном зное, духоте перед дождем' — ТСРЯ: 430) является *марь*

2 Подробная интерпретация славянских данных произведена в (Аникин РЭС 2: 186).

‘болотистое место с чахлым лесом’ (Арх.: В.-Т.; Влг.: Вож., КСГРС), ‘топкое место на болоте’ (Арх.: Вин., КСГРС).

Диалектное *непрѣище* ‘топкое место на болоте’ (Влг.: Гряз., СВГ 5: 102) является результатом мены *т’/к* и семантической деривации *непрѣище* ‘русло ручья, забитое грязью, травой и пр.’ (Яр.: Влад., ЯОС 6: 138), *непретище* ‘низкое, болотистое, непроходимое место в лесу’ (Влг.: Гряз.; Костр.: Буйск., КСГРС; Яр., Мельниченко: 123), производного от *непрятъ* ‘заросшая низина’ (Влг.: Устюж., КСГРС). Корень *прят-* является результатом оглушения *пряд-* (< праслав. **pręsti*, **prędo* ‘натягивать, растягивать’ — ТСРЯ: 774).

Звукоподражанием по происхождению с экспрессивным повтором слога нужно считать *блябля* ‘очень жидкое, вязкое болото’ (Новг.: Ок., НОС 1: 61), ср. русск. прост. *блямба* ‘о чем-нибудь выпуклом, резко и грубо выделяющемся’, для которого также предполагается звукоподражательная основа (ТСРЯ: 51).

Описательные наименования, называющие части болота и типы болот и отражающие признак формы, немногочисленны: *круглы́ш* ‘остров на болоте’ (Костр.: Нейск., КСГРС), *круглы́шечка* ‘небольшое болото’ (Арх.: Кон., КСГРС), *кругови́к* ‘болото круглой формы’ (Влг.: Вож., КСГРС), *кружа́вина* ‘трясина’ (Влг.: Влгд., СРГК 3: 32), *кружа́ина* ‘небольшое болотце’ (Влг.: Ваш., КСГРС), *кружа́йка* ‘то же’ (Арх.: Он., КСГРС), *гладь* ‘ровное место на болоте’ (Арх.: Карг., Шенк.; Влг.: Бел., Ваш., Выт., Хар., КСГРС; Влг.: Выт., СРГК 1: 336), ‘обширная безболотная с моховым пастбищем тундристая равнина’ (Арх.: Мез., Подвысоцкий: 81), *пласти́нка* ‘ровное место на болоте, поросшее мхом’ (Ленингр.: Сланц., СРГК 4: 533), *лопость* ‘низина, низкое место’ (Яр.: Рост., ЯОС 6: 13).

Наличие или отсутствие растительности на болоте отражается в корреляции ‘чистый, имеющий свободную, открытую, ничем не занятую поверхность’ — ‘поросший осокой’: *чисть* ‘безлесное болото’ (Арх.: В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Нянд., Пин., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., Вож., Кад., Кир., Сямж., Тарн., Тот., КСГРС), ‘чистое открытое место, безлесная тундра’ (Арх.: Шенк.; Новг.: Тихв., Опыт: 258) — *осо́та*, *осо́тник* ‘низменная, болотистая на берегу реки или озера местность, поросшая жесткою травой, которая употребляется только на подстилку для скота’ (Арх.: Мез., Он., Пин., Холм., Подвысоцкий: 112; ср. также *осо́ка* ‘плохой лес на болоте’ — Влг.: К.-Г., КСГРС), *осо́ка* ‘покос на болоте’ (Влг.: Вож., Кир., КСГРС).

Метонимически болотистое место номинируется по объектам, рядом с которыми расположено: *овра́г* ‘топкое болотистое место’

(Кольск., Меркурьев: 100), *завра́жье* 'низкое болотистое место' (Яр.: Некр., ЯОС 4: 62); *озеро* 'большая низменность' (Арх.: В.-Т., КСГРС), 'болото' (Влг.: Ник., СВГ 6: 39), *озэрина* 'покрытое водяными растениями болото' (Арх.: Мез., Подвысоцкий: 108), *подозэрица* 'заболоченный берег озера' (Влг.: Бел., КСГРС; СРГК 4: 653; Костр., Даль 3: 192), *подозэрица* 'то же' (Влг.: У.-Куб.; Костр.: Чухл., КСГРС), *подозэрная земля* 'земля, лежащая вокруг, около озера, поблизости' (Костр., Даль 3: 192), *подозэрок* 'заболоченный берег озера' (Арх.: Нянд., КСГРС), *подозэрье* 'то же' (Влг.: Влгд., КСГРС); *наволо́к* 'болотистое место у озера, трясина' (Карел.: Прион., СРГК 3: 303; ср. *наволо́к* 'пойма, низменный берег' — Влг.: В.-Важ.; Яр., Доп.-Опыт: 125; Арх., Олон., Даль 2: 388; Влг.: Вель., В.-Уст., Кадн., Тот., Устьс., Ярен., Дилакторский: 270; Яр.: Некр., Пош., КСГРС), *наволо́ка* 'низкое сырое заболоченное место' (Арх.: Леш.; Влг.: Тарн., КСГРС; Яр.: Рост., ЯОС 6: 86; ср. *наволо́ка* 'пастбище на низких лугах' — Яр.: Пош., ЯОС 6: 86), *наволо́чная земля* 'сырая болотистая местность' (Влг.: В.-Уст., КСГРС), *наволо́чье* 'сырое место, поросшее кустарником' (Арх.: В.-Т., КСГРС); *ручьеви́на* 'сырая низина, топкое место' (Арх.: Кон., Холм.; Влг.: Бел., Кад., КСГРС), *ручьеви́нка* 'сырая низина в лесу' (Арх.: Вин., КСГРС).

Метафорические названия многочисленны и преимущественно характеризуют форму объекта: *бечевня́к* 'топкое место' (Новг.: Новг., НОС 1: 56; ср. *бечевá* 'прочная толстая веревка, канат' — ТСРЯ: 43), *вилáха* 'место, где болото образует рукава' (Влг.: Бабуш., КСГРС; ср. *вилáха* 'развилка у дерева; дерево с развилкой' — Влг.: В.-Важ., Вож., Хар., КСГРС), *тру́бница* 'тропа через болото' (Влг.: Кир., КСГРС; ср. *труба́* 'прибор, приспособление в виде пустотелого предмета или устройства, открытого с концов, обычно круглого сечения' — ТСРЯ: 1003), *ко́льца* 'большие чистые болота' (Арх.: Пин., КСГРС), *кольцо́* 'большое болото на покосе' (Арх.: Пин., КСГРС; ср. *кольцо́* 'предмет в форме окружности, ободка из твердого металла' — Арх.: Пин., КСГРС), *лото́к* 'впадина между болотными кочками' (Ленингр.: Тихв., СРГК 3: 151), 'низкое сырое место' (Влг.: Устюж., Чаг., КСГРС), *лотковина́* 'низина' (Влг.: Устюж., КСГРС), *лоточе́к* 'низкое сырое место' (Влг.: Устюж., Чаг., КСГРС), *лоточина́* 'то же' (Влг.: Чаг., КСГРС), *лоточина́* 'то же' (Влг.: Чаг., КСГРС; ср. *лото́к* 'плоский сосуд для чего-нибудь, емкость' — ТСРЯ: 417), *избу́шка* 'топкое место' (Влг.: Тот., КСГРС; ср. *избу́шка* 'деревянный крестьянский дом' — ТСРЯ: 288), *назу́ха* 'низкое место на болоте между двумя возвышенностями' (Арх.: Карг.; Влг.: Вож., КСГРС; ср. *назу́ха* 'пространство между грудью и прилегающей одеждой' — ТСРЯ: 607), *карава́шек* 'небольшое круглое болотце' (Влг.:

У.-Куб., КСГРС; ср. *каравáшек* ‘небольшой каравай, хлебец’ — Влг.: Бабуш., Влгд., Вож., Сок., Сямж., Тарн., Тот., КСГРС), *кашúн* ‘топкое место на болоте, трясина’ (Влг.: Чаг., КСГРС; ср. *káша* ‘кушанье из сваренной или запаренной крупы’ — ТСРЯ: 330), *прýник* ‘сухое место на болоте’ (Влг.: Хар., КСГРС; ср. *прýник* ‘сладкое мягкое печенье в виде лепешки или плоской фигурки’ — ТСРЯ: 774), *маслýвина* ‘топкое место, болото’ (Влг.: Череп., Герасимов: 54; ср. *масло* ‘жировое вещество, приготовляемое из веществ животного, растительного или минерального происхождения’ — ТСРЯ: 431–432).

Представлена анатомическая метафора: *волосянiк* ‘заросшее травой место по краю болота’ (Влг.: Кад., КСГРС), *ногá* ‘рукав болота’ (Арх.: Вель.; Влг.: Ваш., КСГРС), ‘вязкий участок болота’ (Влг.: Вож., КСГРС), *ногулина* ‘рукав болота’ (Влг.: Бабуш., Ваш., КСГРС), *ногуля* ‘небольшая низина’ (Арх.: Уст.; Влг.: Хар., КСГРС), ‘низкое место у болота’ (Влг.: Бабуш., Хар., КСГРС), *зáнога* ‘рукав болота’ (Арх.: Вель., КСГРС), *занóжина* ‘то же’ (Арх.: Уст., КСГРС), ‘низменность между лесом и пожней, лог’ (Арх.: Уст., КСГРС), *занóжинка* ‘рукав болота’ (Арх.: Уст., КСГРС), *занóжка* ‘то же’ (Влг.: Сямж., КСГРС), *онóжинка* ‘рукав болота’ (Влг.: Бабуш., КСГРС), *отнóга* ‘ответвление, узкий рукав болота’ (Арх.: Вель.; Влг.: Тот., КСГРС), *охвóсьте* ‘сенокосная на низменной болотистой местности земля’ (Арх.: Пин., Подвысоцкий: 9), *перешéек* ‘болото в лесу продолговатой формы’ (Арх.: Холм., КСГРС).

Экспрессивные коннотации связаны с такими признаками болота, как затрудненность для передвижения, трудности хозяйственного использования: *ад* ‘непроходимая грязь’ (Влг., СРНГ 1: 204), *áдина* ‘низкое болотистое место’ (Яр.: Сер., ЯОС 1: 20), *áдово днó* ‘топкое, вязкое, труднопроходимое место’ (Влг.: М.-Реч., КСГРС), *неудобiца* ‘низкое болотистое место’ (Яр.: Масл., ЯОС 6: 143), *неудóбь* ‘низкое труднопроходимое болотистое место’ (Киров.: Халт., КСГРС), *собáчья дырá* ‘топкое место на болоте’ (Арх.: В.-Т., КСГРС), *сибiрь* ‘болото, топь, где приходится косить траву на воде’ (Влг.: Ник., Дилакторский: 455). Значение ‘заболоченный травянистый водоем’ манифестируют лексемы, отсылающие к образу лягушки: *лягушáтник* (Киров.: Халт., КСГРС; Яр.: Пош., Преч., ЯОС 6: 23–24), *лягушечник* (Яр.: Люб., Преч., ЯОС 6: 24), *лягушник* (Карел.: Медв., Пуд.; Ленингр.: Кириш., СРГК 3: 175), а также *лягушник* ‘низкое, сырое, болотистое место’ (Киров.: Халт., КСГРС). Прилагательное *лéший* ‘лесной’ (Арх.: Прим.) используется как в прямом значении (*лешие болота* ‘лесные глубокие заросшие болота’ (Помор., Гемп: 376), так и во вторичном (*лешего стóрожье* ‘глушь непроходимая, болото, лес по топи, коренной притон лешего’ — Арх., Даль 4: 331).

Сокращения

Языки и диалекты

- болг. — болгарский язык
др.-русск. — древнерусский язык
и.-е. — индоевропейский праязык
калуж. — калужские говоры русского языка
латыш. — латышский язык
лит. — литовский язык
макед. — македонский язык
праслав. — праславянский язык
русск. — русский язык
сев.-русск. — севернорусские диалекты
сербохорв. — сербохорватский язык
словац. — словацкий язык
словен. — словенский язык
чеш. — чешский язык

Географические названия

- Антр. — Антроповской район Костромской области
Ареф. — Арефинский район Ярославской области
Арх. — Архангельская область (губерния)
— г. Архангельск
Баб. — Бабаевский район Вологодской области
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
Бат. — Батецкий район Новгородской области
Бел. — Белозерский район Вологодской области
Беломор. — Беломорский район Карелии
Бокс. — Бокситогорский район Ленинградской области
Больш. — Большесельский район Ярославской области
Бор. — Борисовский район Ярославской области
Борович. — Боровичский район Новгородской области
Брейт. — Брейтовский район Ярославской области
Буйск. — Буйский район Костромской области
Бурм. — Бурмакинский район Ярославской области
Валд. — Валдайский район Новгородской области
Ваш. — Вашкинский район Вологодской области

- В.-Важ. — Верховажский район Вологодской области
Вель — Вельский район Архангельской области
— Вельский уезд Вологодской губернии
Вил. — Вилегодский район Архангельской области
Вин. — Виноградовский район Архангельской области
Влад. — Владыченский район Ярославской области
Влг. — Вологодская область (губерния)
Влгд. — Вологодский район Вологодской области
Вож. — Вожегодский район Вологодской области
Вол. — Волотовский район Новгородской области
Волос. — Волосовский район Ленинградской области
Вохом. — Вохомский район Костромской области
В.-Т. — Верхне-Тоемский район Архангельской области
В.-Уст. — Великоустюжский район Вологодской области
Выт. — Вытегорский район Вологодской области
— Вытегорский уезд Олонецкой губернии
Гавр. — Гаврилов-Ямский район Ярославской области
Галич. — Галичский район Костромской области
Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области
Дав. — Давыдовский район Ярославской области
Дан. — Даниловский район Ярославской области
Даров. — Даровский район Кировской области
Дем. — Демянский район Новгородской области
Др. — Дрегельский район Новгородской области
Заон. — Заонежский уезд Олонецкой губернии
Иван. — Ивановская область
Кад. — Кадуйский район Вологодской области
Кадн. — Кадниковский район Вологодской области
Кадый. — Кадыйский район Костромской области
Канд. — Кандалакшский район Карелии
— Кандалакшский район Мурманской области
Карг. — Каргопольский район Архангельской области
— Каргопольский уезд Олонецкой губернии
Карел. — республика Карелия
К.-Б. — Красноборский район Архангельской области
К.-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кем. — Кемский уезд Архангельской губернии
— Кемский район Карелии
Кинеш. — Кинешемский район Костромской области
Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Кириш. — Киришский район Ленинградской области
Киров. — Кировская область

- Кологр. — Кологривский район Костромской области
Кольск. — Кольский полуостров
Кон. — Коношский район Архангельской области
Кондоп. — Кондопожский район Карелии
Костр. — Костромская область
— Костромской район Костромской области
Котл. — Котласский район Архангельской области
Кр. — Крестецкий район Новгородской области
Красн. — Красильниковский район Костромской области
Лен. — Ленский район Архангельской области
Ленингр. — Ленинградская область
Леш. — Лешуконский район Архангельской области
Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Лп. — Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии
Лычк. — Лычковский район Новгородской области
Люб. — Любытинский район Ярославской области
Любыг. — Любытинский район Новгородской области
Макар. — Макарьевский район Костромской области
Мал. — Маловишерский район Новгородской области
Мант. — Мантуровский район Костромской области
Мар. — Маревский район Новгородской области
Масл. — Масловский район Ярославской области
Медв. — Медвежьегорский район Карелии
Меж. — Межевской район Костромской области
Мез. — Мезенский район Архангельской области
Мол. — Мологский район Ярославской области
Моск. — Московская область
Мош. — Мошенской район Новгородской области
М.-Реч. — Междуреченский район Вологодской области
Мст. — Мстинский район Новгородской губернии
Мурм. — Мурманская область
Мышк. — Мышкинский район Ярославской области
Наг. — Нагорьевский район Ярославской области
Нейск. — Нейский район Костромской области
Нек. — Некоузский район Ярославской области
Нер. — Нерехтинский район Костромской области
Ник. — Никольский район Вологодской области
Новг. — Новгородская область
— Новгородский район Новгородской области
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Ок. — Окуловский район Новгородской губернии

- Олон. — Олонецкая губерния
Он. — Онежский район Архангельской области
Оп. — Опеченский район Новгородской губернии
Опар. — Опаринский район Кировской области
Остр. — Островский район Костромской области
Парф. — Парфентьевский район Костромской области
Пв. — Повенецкий уезд Олонецкой губернии
Перв. — Первомайский район Ярославской области
Пересл. — Переславский район Ярославской области
Пест. — Пестовский район Новгородской области
Печор. — бассейн р. Печора
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Под. — Поддорский район Новгородской губернии
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Полав. — Полавский район Новгородской губернии
Помор. — Поморье (побережье Белого моря)
Пош. — Пошехонский район Ярославской области
Преч. — с. Пречистое Ярославской области
Прим. — Приморский район Архангельской области
Прион. — Прионежский район Карелии
Псков. — Псковская область
Пт. — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Пуд. — Пудожский район Карелии
— Пудожский уезд Олонецкой губернии
Пыщуг. — Пыщугский район Костромской области
Рост. — Ростовский район Ярославской области
Рыб. — Рыбинский район Ярославской области
Ряз. — Рязанский район Ярославской области
С.-Дв. — район г. Северодвинск
Сев. — Север России
Сер. — Середской район Ярославской области
Сланц. — Сланцевский район Ленинградской области
Сок. — Сокольский район Вологодской области
Сол. — Солигаличский район Костромской области
Солец. — Солецкий район Новгородской губернии
Ст. — Старорусский район Новгородской губернии
Суд. — Судайский район Костромской области
Сусан. — Сусанинский район Костромской области
Сямж. — Сямженский район Вологодской области
Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Твер. — Тверская область (губерния)

- Тер. — Терский район Мурманской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
— Тихвинский район Новгородской области
Толб. — Толбухинский район Ярославской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
Тут. — Тутаевский район Ярославской области
Угл. — Угличский район Ярославской области
У.-Куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст. — Устьянский район Архангельской области
Усть-Сысол. — Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии
Устюж. — Устюженский район Вологодской губернии
Халт. — Халтуринский район Кировской области
Хар. — Харовский район Вологодской области
Хв. — Хвойнинский район Новгородской губернии
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Холмск. — Холмский район Новгородской области
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Череп. — Череповецкий район Вологодской области
— Череповецкий уезд Новгородской губернии
Чуд. — Чудовский район Новгородской губернии
Чухл. — Чухломской район Костромской области
Шар. — Шарьинский район Костромской области
Шексн. — Шекснинский район Вологодской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Шим. — Шимский район Новгородской области
Яр. — Ярославская область
Яросл. — Ярославский район Ярославской области

- диал. — диалектное
литер. — литературное
прост. — просторечное
сев. — северное
ср. — сравни
суфф. — суффикс

Источники и литература

КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.

Гемп — *Гемп К. П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004. 637 с.

Герасимов — *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора. Сб. ОРЯС. Т. 87. № 3. 1910. 111 с.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Диалекторский — *Диалекторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. 677 с.

Доп.-Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. 328 с.

ККОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова. Кострома, 2006. 347 с.

Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.

Куркина 1976 — *Куркина Л. В.* Этимологические заметки // Этимология 1974. М., 1976. С. 44–59.

Мельниченко — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. 224 с.

Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–11.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003, 2005. Т. 1–2. 553 с., 470 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.
Толстой 2006 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 2006. 360 с.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. 1175 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1—. М., 1974—.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

References

Kartoteka 'Slovaria govorov Russkogo Severa' (stored at the Department of Russian language and General linguistics, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Anikin, A. E. *Russkii' étimologicheskii' slovar'*, vyp. 1—. Moscow, 2007—.

Arkhangel'skii' oblastnoï slovar'. Pod red. O. G. Getsovoï, vyp. 1—, Moscow, 1980—.

Dal' V. I. *Tolkovyï slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*. Moscow, 1955. 4 t.

Dilaktorskii, P. A. *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiia v ego bytovom i étnograficheskom primenenii*. Vologda, 1902, 677 s.

Dopolnenie k 'Opytu oblastnogo velikoruskogo slovaria'. Saint Petersburg, 1858, 328 s.

Étimologicheskii' slovar' slavianskikh iazykov, vyp. 1—. Moscow, 1974—.

Gemp, K. P. *Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskikh recheniï*. Moscow, Arkhangel'sk, 2004, 637 s.

Gerasimov, M. K. "Slovar' uездного cherepovetskogo govora." . *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti*, t. 87, no. 3, 1910, 111 s.

Iaroslavskii' oblastnoï slovar'. Iaroslavl', 1981–1991. 10 vyp.

Kulikovskii, G. *Slovar' oblastnogo ononetskogo narechiia v ego bytovom i étnograficheskom primenenii*. Saint Petersburg, 1898, 151 s.

Kurkina, L. V. "Étimologicheskie zametki." *Étimologiiia 1974*, Moscow, 1976, s. 44–59.

Mel'nichenko, G. G. *Kratkii' iaroslavskii' oblastnoï slovar'*. Iaroslavl', 1961, 224 s.

Merkur'ev, I. S. *Zhivaia rech' kol'skikh pomorov*. Murmansk, 1979, 184 s.

Novgorodskii' oblastnoï slovar'. Otv. red. V. P. Strogova, Novgorod, 1992–1995. 12 vyp.

Opyt oblastnogo velikoruskogo slovaria, izdannii' Vtorym otdeleniem Akademii nauk. Saint Petersburg, 1852, 275 s.

Podvysotskii, A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiia v ego bytovom i étnograficheskom primenenii*. Saint Petersburg, 1885, 198 s.

Slovar' vologodskikh govorov. Vologda, 1983–2007. 11 vyp.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei. Otv. red. A. S. Gerd, Saint Petersburg, 1994–2005. 6 vyp.

Slovar' russkikh govorov Nizovoï Pechory. Pod red. L. A. Ivashko. Saint Petersburg, 2003, t. 1, 553 s., 2005., t. 2, 470 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, vyp. 1–. Moscow, Leningrad / Saint Petersburg, 1965–.

Tolkovyï slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov. Moscow, 2008, 1175 s.

Tolstoy, N. I. *Slavianskaia geograficheskaia terminologiya. Semasiologicheskie etiudy.* Moscow, 2006, 360 s.

Zhivoie kostromskoe slovo. Kratkiï kostromskoï oblastnoï slovar'. Sost. N. S. Gantsovskaia, G. I. Mashirova, Kostroma, 2006, 347 s.

Olga A. Teush

*Ural Federal University, Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)*

Appellative nominations marshland in the dialects
of the European North of Russia

The article is devoted to lexemes nominating marshland areas in the dialects of the European North of Russia. All of the identified complex lexemes is analyzed from the point of view of the origin of words and their semantic relations. Onomasiological models are reinterpreted.

Keywords: *lexeme, semantics, meaning, Russian language.*

УДК 811.163
ББК 81

А. В. Гура
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Символика кошки в славянской народной традиции

В славянской народной традиции кошка обладает двойственной символикой и демоническими функциями. Она символически коррелирует с собакой, объединяясь с ней по одним признакам и противопоставляясь по другим (например, в ее восприятии как чистой или нечистой). Кошка с собакой образуют символическую параллель паре диких зверей — медведю и волку. Кошачий облик присущ персонажам народной демонологии: черту, «зморе», смерти, вампиру и др. В народной зоологии кошка наряду с некоторыми другими пушными животными (белкой, лисицей и т.п.) частично вовлечена в круг зверей семейства кунных с присущим им общим комплексом представлений. Кошку связывает с этой группой животных прежде всего женская и эротическая символика (соотнесенность кошки с девушкой, невестой в фольклорных текстах, кошачье название женских гениталий), ткаческие мотивы и функции покровителя дома и скота (обращение в кошку домового, выбор масти скота по цвету ее шерсти и т.д.). Некоторые представления сближают кошку с зайцем (ср. польск. *kot* 'заяц', сербское поверье о происхождении зайца из кошки, благотворное влияние их обоих на сон). Кошка используется в народной магии и медицине: для приобретения духа-обогатителя, в случае падежа скота, для лечения чахотки. Образ кошки представлен во многих фольклорных жанрах: в пословицах, загадках, сказках, играх и т.д., с поведением кошки связано огромное количество бытовых и метеорологических примет, она часто используется в качестве жертвы во взаимоотношениях человека с потусторонним миром духов.

Ключевые слова: *народная зоология, кошка, собака, пушные звери, медведь, заяц, демонология, магия.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.5.01

Кошка в славянских народных представлениях — домашнее животное с двойственной символикой и различными демоническими функциями. Часто кошка выступает в паре с другим домашним животным — собакой, а также символически коррелирует с дикими животными — с медведем и с пушными зверями: зайцем и лаской.

Кошка объединяется с собакой по одним признакам и противопоставляется по другим. Пара «кошка с собакой» фигурирует во многих словесных формулах, в поверьях, легендах и т.п. Например, для отвращения от себя сглаза и порчи у украинцев произносят заклинание: «На пса уроки — на кота помысл» (Илькевич 1841: 58), у поляков: «Na psa uroki, na kota suchoty» [Сглаз на собаку, чахотка на кошку] (Świątek 1905: 384; Anusiewicz 1990: 106). Кошка и собака противопоставляются по признаку «женский — мужской», например, в поговорке: «Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе» (Даль, II: 182). Русские считают: «Собака обжора, а кошка сластена»; «Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку — наоборот» (Даль 1957: 946). По польскому поверью, тот, кто обольет кота водой, заболит чахоткой (Краковское воев., *Udziela pocz.* XX w.: 2), и то же постигнет того, кто плюет на собаку (Новосондецкий пов., Zawiliński 1892: 260). Македонцы Кукуша первый снег, случающийся на Дмитриев день, называют кошачьим (*мачкин снег*), а второй собачьим (*кучув снег*) (Ялантачева 1940: 97).

С кошкой и собакой связана легенда о хлебном колосе, известная у славян в белорусском и украинском Полесье, на Украине и изредка в России, а также в Малопольше: когда Бог решил наказать людей за непочитание хлеба и лишить их хлебного колоса, который раньше рос от самой земли, кошка и собака вместе упросили Бога оставить колос хотя бы на конце стебля, или это сделала для них Богородица, за что с тех пор кошке и собаке причитается первая лепешка из зерна нового урожая (Боганева 2010: 49, 71, ср. там же: 41; Беларуская міфалогія 2004: 175; ПА; Охомуш, Сизько 1991: 67; ПЭС 1983: 113; Черепанова 1996: 72, № 423; Kopernicki 1887: 220; Hodoly 1882: 321; Е.К. 1895, з. 6–7: 173; Siewiński 1903: 68; Piotrowicz 1907: 126; Ciszewski 1887: 63–64; Piątkowska 1898: 416; Jakóbiec 1952: 62; также у латышей: Ulanowska 1891: 273; «Народная Библия» 2004: 441–498). В аналогичном южнославянском сюжете из Болгарии и Словении заслуга сохранения для людей колоса длиной с собачий язык приписывается одной собаке (Георгиева 1993: 18; Родопи 1994: 27; Пирински край 1980: 458; Krek [1885]: 44), а кошке, согласно словенской легенде, принадлежит заслуга сохранения молока, которое кошка выпросила у Бога на свою долю, умолив оставить небольшую часть коровьего вымени, которое раньше было во всю длину брюха коровы, от передних до задних ног (Kosi 1897: 206–207; Möderndorfer 1946: 162).

Вражда кошки с собакой находит символическое воплощение в любовной магии в качестве отворотного средства. Чтобы разлучить

супружескую пару, у русских подкладывали кошачью шерсть, спутанную с собачьей, в брачную постель молодым (Komořovský 1976: 252); втыкали ее под девятое бревно избы супругов с чтением соответствующего заговора (Мужики и бабы 2005: 421); давали понюхать паленую шерсть, срезанную с кошки и собаки, специально для этого стравленных (Магницкий 1883а: 53); у поляков — обливали супругов водой, в которой мыли вместе кошку и собаку (Краковское воев., Jakóbiec 1952: 133).

Особенно часто кошку либо объединяют с собакой, либо противопоставляют ей неоднозначные представления о ее чистоте или нечистоте, вреде или пользе. Согласно русским поговоркам, «У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собаки рыло погано, а шерсть чиста» (Даль 1957: 946); «У кошки шерсть чиста, но душа грязна; у собаки шерсть грязна, но душа чиста» (Новгородская губ., Русские крестьяне 2009: 196); «Собака не то, что кот, животное нечистое» (Орловская губ., Добровольский 1894: 94). Сербы считают собаку созданием Бога, а кошку — творением дьявола (Српски митолошки речник 1970: 129). По болгарским представлениям, кошка — проклятое животное, а собака — благословенное: кошка радуется смерти хозяина, а собака плачет (Маринов 1914: 77); кошка добавляет хозяину мучений в аду, раздувая пламя под его котлом, а собака носит воду и заливает огонь (Томов 1945: 48–49; Маринов 1914: 76). Однако по другим болгарским представлениям кошка — чистое животное и потому живет в доме вместе с людьми (Величкова 1946: 195).

Отношение к кошке вообще неоднозначно. По-разному, как положительно, так и отрицательно, оценивается отношение кошки к человеку. Говорят: «Кого кошки любят, тот счастлив» (Вологодская губ., Зеленин 1914: 260), «Кто кошку любит, будет жену любить» (Даль, II: 182; Даль 1957: 936), а мурлыканье кота считают не чем иным, как молитвой за хозяина, который его кормит (Гродненская губ., Federowski 1897: 189). При этом нередки утверждения, что кошка человеку враг (Пловдивский округ, Стаменова 1977: 64), что чихание или кашель кошки насылает на дом несчастье (Черногория, Грбаль, Вукова грађа 1934: 18), что нелюбовь человека к кошке — признак его искренности и чистосердечия (Малопольша, р-н Тарнобжега, Wierzchowski 1890: 205). Кот, увиденный во сне, толкуется как неискренний человек (Краковское воев., Udziela 1888: 11; Udziela 1888–1925: 31; кашубы, Sychta 1972: 33) или враг (Брестская обл., Мокраны, собственные записи; Житомирская обл., [Кравченко] 1926: 154); такой сон сулит ложь, обман, стыд (Краснодарский край, зап.

В.А. Потаповой), несчастье (Ярославская губ., Балов 1891: 210), неприятность или смерть (Ровенская обл., Сварицевичи, ПА, Лесовое, собственные записи).

Каково бы ни было отношение к кошке, убивать ее запрещено, иначе лишишь себя удачи (р-н Тарнобжега, Wierzchowski 1890: 204), связанной главным образом со скотом (зап. Бескиды, р-н Живца, Udziela 1888–1925: 64), на семь лет навлечешь на себя проклятие (Далмация, острова Хвар, Брач и др., Царий 1897: 491), семь лет ни в чем не будешь иметь удачи (русские, Даль 1957: 946), не будет везти ни в чем (Польша, Люблинское воев., Kolberg 1962: 130; Малопольша, Kolberg 1967б: 288), у женщины не будет удаваться хлеб (болгары Баната, Телбизов, Векова-Телбизова 1963: 183), повредишь себе руку (польско-литовское население Виленского пов., Kolberg 1966б: 398), не будут рождаться дети (Гродненская губ., Federowski 1897: 247) или скот (Витебская губ., Никифоровский 1897: 165). Из других запретов распространен запрет спать с кошкой: от этого можно заболеть (гуцулы, Die Vukowina 1899: 165–166), в голове «заводятся лягушки» или «мошкара», т. е. происходит помутнение рассудка (Даль 1957: 937; Белоруская мифология 2004: 254) и человек теряет разум (Краковское воев., Pobratymiec 1899: 166; то же от мурлыканья кота); ср. польское выражение *wypędzić ze łba kotki* [выгнать из головы кошек] ‘вернуть в разумное состояние’ (Anusiewicz 1990: 113). Не позволялось также везти кошку лошадами (сербы Воеводины, Шкарий 1939: 134), иначе лошадь будет сохнуть (Витебская губ., Зеленин 1914: 142; Даль 1957: 943) и околует (Черниговская губ., Танский 1866: 206), жеребая кобыла скинет жеребенка (Волынская губ., Журавлев 1994: 32). Лошади будут сохнуть, как бы их ни кормили, также оттого, что их ударят кнутом, которым били кошку (Польша, Мазурия, Kolberg 1966а: 49).

С одной стороны, кошка, по народным представлениям, произошла из рукавицы, снятой и брошенной Богом (кашубы Гданьского воев., Obrębski 1930: M7) или Божьей Матерью (белорусское Полесье, Белоруская мифология 2004: 254; Краковское воев., Udziela 1924: 103–104; Украина, Подольская губ., Чубинский 1872: 54), брошенной Ноем по приказу Бога (Кубань, Чурсина 2005: 270) или св. Саввой (Српски митолошки речник 1970: 276; о происхождении кошки и мыши из рукавицы у южных славян см.: Ђорђевић 1958: 120). С другой стороны, происхождение кошки связывают с дьяволом, верят, что в кошке сидит вселившийся в нее дьявол, а черную кошку даже называют «дьяволом» (Польша, Люблинское воев., Kolberg 1962: 131). Согласно поверьям, дьявол вселяется в семилетнюю кошку, и она становится

нечистой (гуцулы, Die Bukowina 1899: 166); старые черные кошки в возрасте семи лет становятся ведьмами, а коты на седьмом году жизни превращаются в чертей (чехи, Громанн 2015: 83–84); двенадцатилетнюю кошку считают полудьяволом (лужичане, Szperling 1912, № 14: 215). Кошку запрещено впускать в церковь (Брестская обл., собственные записи). Коту и собаке нельзя есть пищу, освященную в церкви (украинцы Закарпатья, Федорків 1929: 119; Полтавская обл., Кравченко 1941: 174); если дать, они сдохнут, ослепнут или уйдут из дома и одичают (Житомирская обл., Кравченко 1941: 108). Ср., однако, у поляков: на Пасху кошке и собаке дают освященного хлеба с маслом (р-н Нового Сонча, Pawlicka 1963: 49).

Двойственность в отношении к кошке присутствует и в народных легендах о Ноевом ковчеге: кошка заткнула своим хвостом или льном дыру в ковчеге, которую прогрызла мышь — дьявольское создание (Вятская губ., Магницкий 1883а: 47; Магницкий 1883б: 58); Ной платком заткнул дыру, которую прогрызла мышь, сотворенная дьяволом, а Бог превратил платок в кошку, чтобы она ловила мышей (Малопольша, р-н Кросно, Gustawicz 1881: 149; Gustawicz 1900–1901, Т. 7: 133–134); дьявол создал мышь и пустил ее в ковчег, чтобы она прогрызла в нем дыру, а Бог создал кошку, которая с тех пор стала истреблять это дьявольское создание (Чехия, р-н Вамберка, Громанн 2015: 306–307); кошка поймала и съела мышь (крысу), в облике которой в ковчег проник дьявол (поэтому кошка — нечистая тварь), и спасла ковчег от потопления (Украина, Подольская губ., Чубинский 1872: 54; Кубань, Чурсина 2005: 270), тогда дьявол, будучи не в силах выйти наружу, влез кошке в глаза (р-н Кракова, Gustawicz 1881: 138).

Плохая примета, если кошка перебежит дорогу или встретится в пути. Если кошка пробежит между женихом и невестой, перебежит дорогу свадебному поезду или попадет ему навстречу, брак расстроится или будет неудачным (Россия, Вятская губ., Магницкий 1883а: 17; Зеленин 1914: 410–411; Белоруссия, Витебская губ., Шейн 1874: 444). Охотнику и рыбаку встреча с кошкой сулит неудачу в ловле (Украина, Волянь, Зеленин 1929: 135; Польша, Gustawicz 1901: 284; Белоруссия, Витебская обл., Znamierowska-Prüfferowa 1947: 16). Запрещено было упоминать кошку у русских во время охоты на соболя, вместо этого ее называли *запечёнка* (Зеленин 1929: 134–135.), а у сербов — во время рыбной ловли (Вукова грађа 1934: 35).

В народной зоологии между дикими и домашними животными существует взаимная соотношенность: дикие лексически кодируются посредством домашних, их названия присваиваются домашним в

качестве кличек, оппозиция «дикий — домашний» лежит в основе сюжетов некоторых сказок о животных. Кошка с собакой как пара домашних животных образуют символическую параллель паре диких зверей — медведю и волку. Медведь выступает символическим аналогом кошки в восточнославянских сказках и в лужицких быличках, где представители нечистой силы (черт, кикимора, водяной) называют медведя большой или страшной «кошкой» (Успенский 1982: 102; Czerny 1895–1896, Т. 10: 259–261; ср. чешский вариант с заменой медведя на обезьяну: Громанн 2014: 147–148), и в русском поверье о том, что лешего (*боровика*) в облике бесхвостого медведя можно выманить посредством кошки, которую нужно принести с собой в лес и душить (Владимирская губ., Фирсов, Киселева 1993: 125).

Кошачий облик присущ многим персонажам народной демонологии. Чаще всего нечистая сила предстает в облике черной кошки. При этом сама кошка, по мнению поляков Подгалья и Вармии, способна видеть нечистую силу (Szyfer 1975: 137; ср. польское поверье о способности всех слепорожденных животных видеть злого духа, Dzikі 1963: 14). Кошки могут видеть и смерть, невидимо посещающую любой дом (Новгородская губ., Русские крестьяне 2009: 195). Особенно распространены и повсеместно известны поверья об обращении ведьмы в кошку. В этом облике она часто отбирает молоко у чужих коров. В образе кошки может появляться черт (Белоруссия, Романов 1891: 8; Беларуская міфалогія 2004: 554; Украина, Покутье, Schnaider 1907: 204; Жайворонок 2006: 643; южная Польша, р-н Живца, Jakóbiec 1899: 365; Люблинское воев., Kolberg 1962: 103, 131; Сербия, Српски митолошки речник 1970: 129, и т.д.). Особенно опасно, по мнению боснийцев, держать полностью черную кошку, без единого светлого пятна, так как это точно дьявол (Kulinović 1898: 508). Боязнь, что в кошке скрывается черт, вызвана кашубская поговорка «*Niħt ĩe vė, со v orałonim kose sezi*» [Никто не знает, что внутри опаленной кошки], которая переносно используется и по отношению к подозрительному человеку (Sychta 1968: 218). Часто в кошачьем облике предстают души умерших (Русский Север, Черепанова 1996: 13, № 9), в частности искупающих свои грехи или умерших не собственной смертью (например, души детей, умерщвленных матерями) (Mozzyński 1967: 549, 557; Kolberg 1962: 92; Szyfer 1975: 135; Ludowe wierzenia o demonach 1980: 1; Schnaider 1899–1901, Т. 6: 258). По болгарским и другим южнославянским представлениям, покойник, через которого перескочила кошка, становится вампиром (Сербия, Српски митолошки речник 1970: 59, 212, 256; Чајкановић 1973: 119, 147; Срем,

Шкарић 1939: 112; Далмация, Zorić 1896: 226), а у восточных славян — ходячим покойником, упырем (Зап. Украина, Полесье, Седакова 2004: 49, 178). По различным славянским поверьям, сам вампир (упырь) тоже может принимать облик кошки, иногда белой, со светящимися глазами, без головы и т.п. (Болгария, Мицева 1984: 102–103, 110; Бургасская околия, Диновска 1943–1946: 17; Пловдивский округ, Стаменова, Колева 1976: 93; Куманова [1940]: 152; Македония, Спировска, Вражиновски 1988: 13, 23, 35, 41; Сербия, Српски митолошки речник 1970: 58, 94, 120; Чајкановић 1973: 148; юго-восточная Сербия, Златковић 2010: 28; Далмация, Zorić 1896: 226; острова Хвар, Брач и др., Царић 1897: 483; Нижняя Лужица, Veckenstedt 1880: 354; Украина, Жайворонок 2006: 612; ср. чешского вампира «муру», который якобы является в образе кошки: Громанн 2015: 43–44). У поляков черный кот мог ассоциироваться с душой, покидающей тело в момент смерти, или отождествляться с самой смертью (Anusiewicz 1990: 105). В виде кошки показывается смерть умирающим маленьким детям (поляки Зап. Галиции, Mleczo 1902: 49). Чехи верили, что перед больным как предвестье его скорой смерти появляется «молочная кошка» — страшная белая кошка, которая неожиданно садится на подоконник и сильно мурлычет (Громанн 2015: 246). В некоторых восточнославянских регионах в виде кошки, особенно черной, представляли «коровью смерть» (Курская, Орловская губ., Журавлев 1994: 111) или холеру (Ровенский у., Зеленин 1914: 312). У нижних лужичан вихрь в виде кошки можно увидеть, если смотреть на него через рукав (Müller 1894: 167). У русских кошачий облик встречается у водяного (Вологодская губ., Власова 1995: Водяной; Черепанова 1996: 93), лешего (Тульская губ., Власова 1995: Леший; Мужики и бабы 2005: 351), банника (Архангельская обл., Власова 1995: Банник, Обдериха; Черепанова 1996: 37, 38, № 197, 200), овинника (Кузнецов 2008: 102); у украинцев изредка у русалки (Полтавская губ., Милорадович 1991: 414).

В кошек, белых, черных или пестрых, могут обращаться зарытые в землю клады (Россия, Вологодская губ., Зеленин 1914: 202; Прикамье, Шумов 1991: 214–215; Читинская обл., Зиновьев 1987: 290; Украина, Милорадович 1991: 424). Деньги, зарытые в кладах, выходят на поверхность в облике кошки (кашубы, Агапкина, Плотникова 1999: 59). В уральских легендах русских золотоискателей известен образ *земляной кошки* — подземного духа, охраняющего заколдованные клады (Власова 1995: Земляная кошка, Кладовой). Чехи верили, что клады стерегут злые духи в кошачьем облике (Громанн 2015: 82). В

виде кота может появляться *skarbnik*, дух подземелья у поляков (Виноградова 2004: 468). У сербов, чтобы добыть клад, следовало принести в жертву его демоническому «хозяину» черную кошку или другое животное без единого белого пятна (Левкиевская 1999в: 502).

Средоточием демонической силы кошки является ее хвост. Для изгнания из кошки нечистой силы зажимали ей хвост в расщепленном дереве — по польскому выражению, брали *koty w leszczoty* [*leszczota* — устар. ‘расщепленная дощечка’] (Anusiewicz 1990: 101–102). Согласно кашубскому поверью, злой дух в облике кота имеет искрящийся хвост в виде метлы, которым он осыпает человека по своему усмотрению либо золотом, либо вшами (Kolberg 1965: 262). Украинцы считали кончик кошачьего хвоста «ящеринным» и потому его отрубали (Винницкая губ., совр. Винницкая обл., Кравченко 1941: 108) или верили, что в кошачьем хвосте сидит гадюка, которая сосет кота, отчего он худеет и не поправляется (Полтавская губ., Кравченко 1941: 108). Чтобы кот «не рос в хвост» и был сыт, белорусы Гродненской губ. отрубали ему кончик хвоста (Federowski 1897: 353). Причину отрубания кошке кончика хвоста объясняли также тем, что в нем сосредоточена вся злость, ненависть к человеку и желание его задушить (Гродненская губ., Federowski 1897: 188, 189) или находится яд, переходящий людям в виде насморка, если кошка напьется воды из посуды, из которой пьет человек (Волынская и Житомирская губ., Чубинский 1872: 54). С последним поверьем связан способ лечения насморка: подпаливали кончик кошачьего хвоста и нюхали гарь (Волынская губ., Зеленин 1914: 299; Новгородская губ., Русские крестьяне 2009: 414) или терли нос хвостом кошки и щекотали его кончиком в носу (Новгородская губ., Русские крестьяне 2009: 414), терли кошачьим хвостом нос со словами: «Кошка, кошка, возьми мою насмоку» (Вятская губ., Магницкий 1883а: 22). Процедура отрезания кончика хвоста для лишения животного демонической силы уподоблялась крещению: если котенка «ахрысьціць», он станет ласковым и не будет желать человеку никакого зла (Federowski 1897: 353). Кроме того, кончик хвоста кошке белорусы отрезали и закапывали под порог с другой целью: чтобы она знала свой дом, держалась его и не терялась (Гродненская губ., Federowski 1897: 352).

В славянских поверьях у кошки обнаруживается связь с громом. Русские верили, что кошка и собака черной масти оберегают дом от попадания молнии, однако и считали опасным присутствие их в доме во время грозы (Нижегородская губ., Даль 1957: 920). Русские, белорусы и поляки, македонцы и боснийцы выгоняли кошку и со-

баку (иногда только черных) во время грозы из дома (Новгородская губ., Русские крестьяне 2009: 487; Польша, Серадзское воев., Kolberg 1967a: 462; Македония, Гевгелия, Тановић 1934: 32; Kulinović 1898: 508), считая, что они притягивают молнию (Польша, Плоцкая губ., Добжинская земля, Petrow 1878: 130), причем они тем опаснее, чем длиннее у них хвосты (Гевгелия, Тановић 1934: 32). Опасность присутствия этих животных в доме во время грозы объясняли также тем, что в грозу черт прячется в них от Бога. Во время грозы, считали белорусы, «Бог нячысьдика б'ець», а черт прячется от Бога, обращаясь в кошку, собаку или другое животное (Могилевская губ., Романов 1891: 155–156), и если не выгнать кошку из хаты, Бог (или св. Илья) ее может спалить (Беларуская міфалогія 2004: 254). Боснийцы верили, что во время грозы черт превращается в кошку, ангелы на небе читают молитву, производя своими голосами гром, черти выходят насмеяться над их молитвой, а те изгоняют их, разя громовыми стрелами (Kulinović 1898: 508). Согласно украинской быличке, лесник во время грозы увидел черную кошку, которую не брал гром, и застрелил ее освященной двенадцать раз оловянной пуговицей, после чего ему во сне явился св. Георгий, сказавший, что он убил сатану, который семь лет дразнил святого (Волинская губ., Зеленин 1914: 297). Гром упоминается в связи с кошкой в кашубском выражении *må oćë jak kot na gřmot* или *na gromòvką* [у него глаза как у кошки при ударе грома (в грозу)] 'о ком-либо, у кого дикие глаза' (Sychna 1968: 218) и в шуточных польских стихах: «Mówiła mucha, że będzie posucha, / Mówiły koty, że będą grzmoty» [Говорила муха, что будет засуха, / Говорили коты, что будут громы] (Жешовское воев., Sulisz 1906: 74). С кошкой связано метеорологическое поверье у жителей гданьского Поморья (в том числе у кашубов): забота о кошках и собаках обеспечивает невестам хорошую погоду в день свадьбы (Anusiewicz 1990: 106).

Кошке присущи черты домашнего покровителя, сближающие ее с лаской. «Кут — хозяин хаты. Кут пропадэ и хозяйство пропадэ. Дэ кут вэдэца, там и скотына вэдэца» (Брестская обл., Спорово, ПА). По белорусскому (польскому?) поверью, черные собака, кошка и петух, живущие мирно друг с другом, оберегают дом от нечистой силы (Fischer 1921: 15, со ссылкой на: Federowski 1902: 277; ср. сходное поверье у литовцев: Янулайтис 1906: 150), по русскому — от грозы и от вора (Нижегородская губ., Даль 1957: 930). У чехов трехцветная кошка хранит дом от пожара и других бед (Громанн 2015: 43). Поляки считали, что если кошка пропадет из дома, то этот дом постигнет несчастье (Anusiewicz 1990: 105, 134). Украинцы Галиции верили, что

счастье в дом приносит краденая кошка (Львовщина, р-н Сокаля, Sokalski 1899: 254). Хорваты Далмации полагали, что такая кошка лучше всего ловит мышей (Carić 1900: 355). А в несчастливом доме, по мнению поляков, кошки не ведутся (р-н Тарнобжега, Wierzchowski 1890: 204). Если кошки в доме не давали потомства, мертвую кошку зарывали в землю стоя (Ярославская губ., Костоловский [s. a.]: 162). Ср. обычай зарывать живьем в воротах дома кошку мордой на улицу и зайца мордой во двор для того, чтобы велись овцы (Симбирская губ., Журавлев 1994: 112).

У восточных славян, у поляков Малопольши (Краковское воев., Anusiewicz 1990: 106; Matusiak [s. a.]: 13) при переезде в новый дом хозяева часто пускали в него сначала кошку, а лишь потом вселялись сами (Даль 1957: 939; Зеленин 1914: 203; ПА; Беларуская міфалогія 2004: 254). Входя вслед за ней, хозяин шел в угол, который должен облюбовать себе домовый (Воронежская губ., Зеленин 1914: 338). На Терском берегу Белого моря, входя с кошкой в новую избу, приглашали домовых: «Хозяин с хозяйшккой, спасибо большо, а в новый дом пожалуйте вместе, на веселое житье» (Власова 1995: Домовой). Принесенную в новый дом кошку сажали на печной столб рядом с дымовой трубой (Ярославская губ., Костоловский [s. a.]: 162), т. е. туда, где, по распространенным поверьям, обитает домовый (связь кошки с домовым как хранителем очага отражена, по мнению Б.А. Успенского, в смолен. *кошка* 'печка', Успенский 1982: 102; Добровольский 1914: 354). Поляки Люблина, однако, считали, что при переезде в новый дом нельзя сразу брать с собой кошку, так как с ней на новое место перенесется несчастье; забрать кошку в новое жилище можно лишь спустя несколько дней (Kolberg 1962: 122). У нижних лужичан в некоторых случаях дом после случившейся в нем смерти должен был стоять запертый шесть недель, а внутри должна находиться кошка, для того чтобы изгнать оттуда злых духов (Müller 1894: 141–142).

У восточных славян, особенно у русских и украинцев, нередко рассказы об обращении в кошку домового (Архангельская обл., Дмитриева 1988: 79; Вологодская губ., Померанцева 1975: 110–111; Власова 1995: Лизун; Псковская обл., Мехнецов 2002: 577; Тульская, Смоленская губ., Померанцева 1975: 174; Самарская губ., Всеволожская 1895: 4; Пензенская губ., Кузнецов 2008: 95; Прикамье, Шумов 1991: 88; Томская обл., Власова 1995: Суседка; Читинская обл., Зиновьев 1987: 67; Харьковская губ., Иванов 1893: 31, 32, 39; Черниговская обл., Злеев, Днепровское, Житомирская обл., Вышевичи, Рясное, ПА). Представление о домовом духе в облике кота встречается и у поля-

ков (Baranowski 1963: 174; Замојское воев., Kunicka 1976: 9). На востоке Украины верили, что домовый мяукает, как кошка (Левкиевская 1999а: 123). Выбор масти скота, определяемый чаще всего домовым или окраской ласки как домашней покровительницы, диктуется иногда и цветом шерсти кошки (Белоруссия, Беларуская міфалогія 2004: 254): какой масти кота, собаку и т.п. встретит хозяин во время обхода своей усадьбы в Чистый четверг, такой масти следует держать скот (Житомирская обл., Кравченко 1941: 200–201); под основание дома закапывали живых кошку и собаку той масти, какой желательно было иметь скотину (Калужская губ., Журавлев 1994: 24). У русских Архангельской губ. кота считали «родственником домового», а в Ярославской губ. старались держать кошек определенной масти, чтобы угодить домовому (Власова 1995: Домовой). По мнению русских Олонецкой губ., домовый (*дворенник*) очень любит кошку и по ночам гладит ей шерсть (Хрущов 1868: 67). У поляков и кашубов в кошку способна обращаться «змора» (подробнее о «зморе» см. Левкиевская 1999б, Левкиевская 2004), которая, как и домовый, душит спящих, заплетает волосы и гривы (Młynek 1898: 332; Ciszewski 1887: 20; Kolberg 1965: 262, 46: 478; Ludowe wierzenia o demonach 1980: 2; Demologia 1980: 3; Клиггер 1909–1911: 271). У чехов известна «мура», душащая по ночам людей в облике белой кошки (Громанн 2014: 192; Громанн 2015: 43: 43). По представлению хорватов Далмации, «мора» в облике кошки по ночам душит спящих и сосет у них кровь (острова Хвар, Брач и др., Царий 1897: 483). «Мора», обращающаяся в кошку, известна и сербам (Српски митолошки речник 1970: 257). У украинцев Подольской губ. способность душить человека приписывали кошке, прожившей двенадцать лет, когда она перестает мурлыкать и становится свирепой (Чубинский 1872: 54–55).

Облик кота, особенно черного, имеет у поляков и кашубов (отчасти также и у восточных славян) домовый дух-обогатитель (пол. *kołbuk*, *klobuk*, *lataniec*, *wuchowanek*, кашуб. *skrzak*, укр. *годованець*, *домовик*, белор. *спорнік*), приносящий своему хозяину деньги, молоко и прочее богатство (Малопольша, р-н Тарнобжега, Wierzchowski 1890: 204; Świętek 1905: 378; кашубы, Kolberg 1965: 262; Мазурия, Kołbuki 1981: 2; Пшемысльское воев., Chowanek 1982: 3; украинское Закарпатье, Плотникова 2009: 216; Белоруссия, Беларуская міфалогія 2004: 487; Калужская обл., Куйбышевский р-н, Еремян, Фоминых 1977). Если такого кота убить, хозяйство придет в упадок (Anusiewicz 1990: 105). Считали, что дом, в котором есть черный кот, находится под опекой черта (Польша, Udziela pocz. XX w.: 1), и особенно успешно

хозяйство в том доме, в котором хозяин черный и держит черных кота, петуха и собаку (Белоруссия, Беларуская міфалогія 2004: 553). В Далмации (на острове Паг) служащий своему хозяину демон-домовой, происходящий из погребенного некрещеным младенца и способный обращаться в кота, так и называется: *mačić* (Ardalić 1912: 191–192); ср. другие «кошачьи» названия этого духа-обогатителя: *мачич* — в черногорском Приморье, *тасісі* (в виде ребенка, кошки или кошки с человеческой головой) — в средней Далмации (Полица и Имотска краина, Башић 2010: 79).

Кошка широко используется в народной магии и медицине. Согласно распространенному у славян поверью, у черной кошки или кота имеется кость, способная сделать человека невидимым (Чулков 1786: 226–227). В Малопольше верили, что для того, чтобы ее отыскать, нужно заживо сварить черного кота, которому семь лет, семь месяцев и семь дней от роду, и пробовать брать в рот каждую его косточку (Zawiliński 1892: 267), у русских полагалось делать это в бане, обычно в полночь (Архангельская обл., Черепанова 1996: 65, № 380: Новгородская губ., Русские крестьяне 2009: 494) — в Вятской губ. на Святки (Магницкий 1883а: 57–58), в Псковской обл. — на Ивана Купалу (Псковская обл., Мехнецов 2002: 589). Чехи считали, что нижняя челюсть черного кота, задушенного и сваренного в Рождественский сочельник, может сделать человека невидимым и открыть ему клады (*Žalud'* 1919: 98). Согласно другим источникам, невидимым делает человека обладание сердцем черной кошки, сваренной в молоке черной коровы, а косточке, добытой из сваренного кота, чехи приписывали наделение человека наряду с невидимостью умением находить клады и обезоруживать их охрану (Громанн 2015: 82). В волынском Полесье такая косточка делала человека всезнающим (собственные записи), а в Сербии — ясновидцем (Српски митолошки речник 1970: 76). Аналогичные действия с черным котом предписывалось также совершать для приобретения себе в услужение домашнего черта-обогатителя: нужно варить такого кота живьем и в полночь на перекрестке наколоть его костью себе палец и подписаться кровью (украинцы Холмщины); в полночь в лесу на росстанях испечь его, съесть мясо, а кости бросить за спину, призывая к себе демона (Мазурия, Szyfēr 1975: 107–108). У нижних лужичан с той же целью следовало в полночь отнести в мешке черную кошку к церкви и трижды постучать в церковную дверь, тогда якобы явится черт, заберет мешок и заплатит за него монетой (Müller 1894: 159–160).

У русских Воронежской губ. для получения нерастрачиваемой монеты следовало запеленать черную кошку и в полночь бросить ее

в баню с приговором: «На тебе ребенка, дай мне беспереводный целковый!» (Власова 1995: Банник). По поверью поляков Краковского повета, умершего можно увидеть, посмотрев сквозь кость сожженной специально для этого кошки (Udziela 1888–1925: 57). Чтобы отомстить ведьме, отобравшей у коровы молоко, ночью в новолуние под порог ее хлева живьем закапывали пойманного кота, отчего молоко у ее коров должно было смердеть (Подгалье, р-н Нового Тарга, Fischer 1926: 92). В брестском Полесье ради хорошего урожая льна закапывали на поле котенка (Пинский р-н, Лопатин, ПА).

В некоторых русских губерниях для предотвращения начавшегося падежа скота считалось необходимым зарывать павшую скотину в хлеву вместе с живой кошкой (Владимирская губ., Зеленин 1914: 158) или раздирать живьем кошку надвое (Тульская губ., Журавлев 1994: 112). В Волынской губ. совершали опахивание от холеры на черных кошке, собаке и петухе (Зеленин 1914: 300). У украинцев был распространен способ лечения чахотки (сухотки) у детей путем купания ребенка в купели вместе с кошкой, иногда черной, чтобы болезнь перешла на кошку (Екатеринославская губ., Манжура 1894: 189; Полтавская губ., Ветухов 1907: 62; Волынская губ., Kopernicki 1887: 211), у чехов — путем купания ребенка в воде из девяти колодцев вместе с кошкой одного с ним пола (Громанн 2015: 236). И наоборот: чахотка, как считалось, нападет на человека и он будет сохнуть, если проглотит кошачий волос (белорусы Гродненской губ., Federowski 1897: 218; лужичане, Veckenstedt 1880: 462). В Подлясье лечили опухшее вымя коровы, царапая по нему когтями домашней кошки (р-н Радзыня Подляского, Witowt 1906: 267). Болгары в Родопах, если человек подавился рыбьей костью, давали кошке подышать ему в рот, так как верили, что кошачье дыхание растворяет кость (Шишков 1912: 244).

Считается, что кошка, как и заяц, оказывает благотворное влияние на сон. Поэтому кота кладут в колыбель, прежде чем впервые положить в нее ребенка, чтобы ребенок в ней хорошо спал (украинцы, Чубинский 1877: 18; Жайворонок 2006: 401; белорусы, Federowski 1897: 301; Беларуская міфалогія 2004: 254; болгары, устное сообщение И.А. Седаковой; сербы, Башић 2010: 76), а детям поют колыбельные песни, в которых часто встречается образ кота — *кота-воркота*. В черниговском Полесье и в Белоруссии колыбельные песни даже называют «котами»: *каты́, спяваць катá; калышы дítя да спявай ката, а каты ужэ разные* (Черниговская обл., Хоробичи, собственные записи; Беларуская міфалогія 2004: 254). Человека, который любит поспать, украинцы сравнивают с котом (Жайворонок 2006: 288). Сонные глаза называют у кашубов

«кошачьими» — *koše ošě* (Sychta 1968: 219). Что касается общего символического сближения кошки с зайцем, то оно подтверждается наличием у них обоих сексуально-эротической символики и пересечением их названий у поляков — польск. *kot, kotka*, словин. *kot* ‘заяц’ (Anusiewicz 1990: 111, 114–117, 124), а также сербским поверьем из Хомолья о происхождении зайца от кошки и отождествлением заячьей головы с кошачьей у хорватов Далмации (Ђорђевић 1958: 280).

В народной зоологии кошка наряду с некоторыми другими пушными животными (белкой, лисицей, хомяком и т. д.) частично вовлечена в круг зверей семейства кунных с присущим им общим комплексом представлений. Кошку связывает с этой группой животных прежде всего женская и эротическая символика (соотнесенность кошки с девушкой, невестой в фольклорных текстах, кошачье название женских гениталий: серб., хорв. *мачка*, как и у кунных), ткаческие мотивы и функции покровителя дома и скота (см. Гура 1997: 200, 227–229, 235, 236, 243, 254, 255; Башић 2010: 70–71, 77–78). Образ кошки представлен во многих фольклорных жанрах: в пословицах, загадках, сказках, играх и т. д., с поведением кошки связано огромное количество бытовых и метеорологических примет, она часто используется в качестве жертвы как распространенная живая «разменная монета» во взаимоотношениях человека с потусторонним миром духов, однако бóльшая часть этого материала сознательно оставлена нами в стороне, так как для символической реконструкции этого персонажа он имеет менее важное значение.

Источники и литература

Агапкина, Плотникова 1999 — Агапкина Т. А., Плотникова А. А. Деньги // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 56–60.

Балов 1891 — Балов А. В. Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 208–213.

Башић 2010 — Башић И. С. Зашто се први мачићи у воду бацају? Иконичност лексема мачка и кот (I) // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 2010. [Жнь.] 58, св. 1. С. 69–82.

Беларуская міфалогія 2004 — Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. 592 с.

Боганева 2010 — Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / уступ. артыкул, уклад. і камент. А. М. Боганевай. Мінск: БДУКМ, 2010. 160 с.

Величкова 1946 — *Величкова Т. И.* Етнографско изследване на с. Извор ок[олия] Бургаска. 1946 // Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на С. Романски. Ркс 75.

Ветухов 1907 — *Ветухов А. В.* Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли). Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1907. Вып. 1, 2. (Оттиск из «Русского филологического вестника»). 522, VII с.

Виноградова 2004 — *Виноградова Л. Н.* Оборотничество // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 466–471.

Власова 1995 — *Власова М. Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Всеволожская 1895 — *Всеволожская Е. Я.* Очерки крестьянского быта Самарского уезда. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1895. 34 с.

Вукова грађа 1934 — Вукова грађа // Српски етнографски зборник. Београд, 1934. Књ. 50. Расправе и грађа, књ. 1. С. 9–93.

Георгиева 1993 — *Георгиева И.* Българска народна митология. 2-ро изд. София: Наука и изкуство, 1993. 260 с.

Громанн 2014 — *Громанн Й. В.* Предания языческой старины западных славян / авт.-сост. Й. В. Громанн; пер. Волхв Богумил. М.: Амрита, 2014. 304 с.

Громанн 2015 — *Громанн Й. В.* Языческие обряды и поверья западных славян (Чехия и Моравия) / пер. Б. А. Гасанов, В. А. Бондаренко. М.: [Б. и.], 2015. 320 с.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Даль, II — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. [Фотомеханическое воспроизведение:] М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 779 с.

Даль 1957 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа / сборник В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957. 992 с.

Диновска 1943–1946 — Етнографски материали за с. Дюлгери, Бургаско. Събран [sic] през 1943–1946 год. от В. Диновска // Архив на Етнографски институт с музей (София), № 82.

Дмитриева 1988 — *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.

Добровольский 1894 — *Добровольский В. Н.* Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // Этнографическое обозрение. М., 1894. № 3. С. 81–96.

Добровольский 1914 — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Еремян, Фоминых 1977 — Записи студентов Э. Э. Еремян и О. Ю. Фоминых во время фольклорной практики в деревне Кузьминичи Куйбышевского района Калужской обл., 1977 // Архив кафедры устного народного творчества МГУ.

Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Т. Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. 1. Београд: Научно дело, 1958 // Српски етнографски зборник. Београд, 1958. Књ. 71. 319 с.

Жайворонок 2006 — *Жайворонок В. В.* Знаки української етнокультури. Словник-довідник. Київ: Довіра, 2006. 703 с.

Журавлев 1994 — *Журавлев А. Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.

Зеленин 1914 — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Петроград: Типография А.В. Орлова, 1914. Вып. 1. 483 с.

Зеленин 1929 — *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Ч. 1: Запреты на охоте и иных промыслах. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. 151 с. (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. 8).

Зиновьев 1987 — *Зиновьев В. П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.

Златковић 2010 — *Златковић Д.* Однос човека и животиње у веровању, приповедању и искуству старопланинаца // Етно-културолошки зборник за проучавање културе источне Србије и суседних области. Сврљиг: Етнокултуролошка радионица — Сврљиг, 2010. Књ. 14. С. 27–36.

Иванов 1893 — *Иванов П. В.* Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Сборник Харьковского Историко-филологического общества, состоящего при Имп. Харьковском университете. Харьков, 1893. Т. 5. (Труды Педагогического отдела Историко-филологического общества, вып. 1). С. 23–74.

Илькевич 1841 — *Илькевич Г. С.* Галицкіи приповѣдки и загадки, збрании Григорим Илькевичом. У Вѣдни: Напечатано черенками о. о. михитаристовъ, 1841. VI, 124 с.

Клинггер 1909–1911 — *Клинггер В. П.* Животное в античном и современном суеверии. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира АО печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1909–1911. (Университетские известия. Киев, 1909. № 10. С. 1–81; № 11. С. 83–143; 1910. № 1. С. 143–206; № 5. С. 207–218; № 11. С. 219–280; 1911. № 3. С. 281–360, I–VII).

Костоловский [s. a]–*Костоловский И. В.* [Этнографические материалы, собранные в Еремейцевской (позднее — Николокормской) волости Рыбинского у. Ярославской губ.] // Архив Института этнологии и антропологии РАН (Москва). Ф. ОЛЕАЭ. Ед. хр. 80. № 353, 354 и др.

[Кравченко] 1926 — [*Кравченко В. Г.*] Дитина, сни, звичаї, забобони. 1926 р. // Рукописні фонди Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського НАНУ. Ф. 15–3 (фонд В. Г. Кравченко). Од. зб. 156 ж.

Кравченко 1941 — *Кравченко В. Г.* Збірка етнографічних матеріалів: нежива природа, жива природа. Записи різних збирачів. Ч. 1. 1941 р. // Рукописні фонди Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського НАНУ. Ф. 15–3 (фонд В. Г. Кравченко). Од. зб. 252.

Кузнецов 2008 — Предания русского народа / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М.: Вече, 2008. 352 с.

Куманова [1940] — *Куманова Н.* Етнографско изследване на с. Маломир (Карапчя) Ямболско. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на С. Романски. Ркс 109.

Левкиевская 1999а — *Левкиевская Е. Е.* Домовой // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 120–124.

Левкиевская 1999б — *Левкиевская Е. Е.* Змора // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 341–344.

Левкиевская 1999в — *Левкиевская Е. Е.* Клад // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 500–502.

Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Мара // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 178–179.

Магницкий 1883а — *Магницкий В. К.* Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде, Вятской губернии. Вятка: Губернская типография, 1883. 58 с.

Магницкий 1883б — *Магницкий В. К.* Поверья и обряды (запуки) в Уржумском у. Вятской губ. 1883. [Записи 1877–1880 гг.]. // Гос. Архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 4409.

Манжура 1894 — *Манжура И. И.* Малорусские сказки, предания и поверья, записанные в Екатеринославской губ. // Сборник Харьковского Историко-филологического общества, состоящего при Имп. Харьковском университете. Харьков, 1894. Т. 6. (Труды Педагогического отдела Историко-филологического общества; вып. 2). С. 161–197.

Маринов 1914 — *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи // Сборник за народни умотворения и народопис. София: БАН, 1914. Кн. 28. 574 с.

Мехнецов 2002 — Народная традиционная культура Псковской области. Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра / автор проекта, составитель, научный редактор А. М. Мехнецов. Т. 1. Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. 688 с.

Милорадович 1991 — *Милорадович В. П.* Заметки о малорусской демонологии // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ: Либідь, 1991. С. 407–429.

Мицева 1984 — *Мицева Е. Г.* Демонични представи и персонажи в българския фолклор: дисертация за получаване научната степен «Кандидат на филологическите науки». София, 1984.

Мужики и бабы 2005 — Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство — СПб, 2005. 688 с.

«Народная Библия» 2004 — «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с., 16 л. ч/б вклейки. (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).

Никифоровский 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск: Губернская типо-литография, 1897. 307, 30 с.

Охомуш, Сизько 1991 — *Охомуш Е. А., Сизько А. Т.* Архаїчні елементи народної духовної культури Степової України. Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського державного університету, 1991. 104 с.

ПА — Полесский архив Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.

Пирински край 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1980. 687 с.

Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Народная демонология в этнолингвистическом аспекте (география ближайших параллелей) // Эт-

нолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. С. 215–216.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.

ПЭС 1983 — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1983. 288 с.

Родопи 1994 — Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1994. 294 с.

Романов 1891 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1891. VI, 220 с.

Русские крестьяне 2009 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Новгородская губерния. Череповецкий уезд. Т. 7, ч. 2. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. 624 с.

Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Спировска, Вражиновски 1988 — Вампирите во македонските верувања и предања / подготвиле Л. Спировска, Т. Вражиновски. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 1988. 102 с.

Српски митолошки речник 1970 — *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.

Стаменова, Колева 1976 — Светоглед, народни знања и вярвања. (Материали от селата в Карловски район). Пловдивски окръг. Събрал [sic!] Ж. А. Стаменова, Т. А. Колева // Архив на Етнографски институт с музей (София). № 881—II. 1976.

Стаменова 1977 — Светоглед, народни знања и вярвања. (Материали от селата в Пловдивски район, на юг от р. Марица). С. Три водици (Текира). Събрал [sic!] Живка Ат. Стаменова // Архив на Етнографски институт с музей (София), № 878—II. 1977.

Тановић 1934 — *Тановић С.* Урок — урочовајне из околине Ђевђелије // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1934. Књ. 9. С. 31–45.

Танский 1866 — *Танский И.* Село Локотки (Глуховского уезда) // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 1. Чернигов, 1866. С. 153–207.

Телбизов, Векова-Телбизова 1963 — *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи. София: Изд. на Българската Академия на науките, 1963. (Сборник за народни умотворения и народопис, кн. 51). 361 с.

Томов 1945 — *Томов А.* Животните в българското народно творчество. София, 1945. 160 с.

Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 248 с.

Федорків 1929 — *Федорків А.* Великий пѣст у вѣрванях жителѣвъ села Дубового // Подкарпатска Русь. Ужгород, 1929. Р. 6, ч. 5.

Фирсов, Киселева 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост.: Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. 470 с.

Хрущов 1868 — *Хрущов И.* Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. 1868. Т. 2. С. 51–75.

Царић 1897 — *Царић А. И.* Народно вјерованье у Далмацији // *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu.* Sarajevo, 1897. God. 9, knj. 3. S. 481–495.

Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и комм. О.А. Черепанова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 212 с.

Чајкановић 1973 — *Чајкановић В.* Мит и религија у Срба / приредио В. Ђурић. Београд: Српска књижевна задруга, 1973. 340 с.

Чубинский 1872 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 1. [Вып. 1: Верования и суеверия]. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1872. XXX, 224 с.

Чубинский 1877 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 4: Обряды: родины, крестины, свадьбы, похороны. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1877. XXX, 716, 45 с. приложения (ноты).

Чулков 1786 — [Чулков М. Д.] Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. Сочиненная М. Ч. М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. 326 с.

Чурсина 2005 — *Чурсина В. И.* Духовная жизнь населения Кубани в конце XVIII — XX в.: динамика и традиции народной культуры: дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2005.

Шейн 1874 — Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / сборник П. В. Шейна. СПб.: Типография Майкова, 1874. 566 с.

Шишков 1912 — *Шишков С. Н.* Животните в мирогледа на Родопските поселения. Народоучни бележки // Родопски напредък. Пловдив, 1912. Год. 9, кн. 4 [опубликовано: 1911]. С. 81–84; кн. 5–6. С. 138–14; кн. 7. С. 161–164; кн. 10. С. 241–244.

Шкарић 1939 — *Шкарић М. Ђ.* Живот и обичаји «Планинаца» под Фрушком Гором // Српски етнографски зборник. Београд, 1939. Књ. 54. С. 1–275. (Одељење 2: Живот и обичаји народни; књ. 24).

Шумов 1991 — Былички и бывальщины. Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Э. Шумов. Пермь: Пермское книжное издательство, 1991. 414 с.

Ялантачева 1940 — *Ялантачева М. Н.* Етнографско изследване на град Кукуш, Македония. 1940. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на С. Романски. Ркс 157.

Янулайтис 1906 — *Янулайтис А.* Литовские суеверья и приметы. Собранные в Шавельском уезде Ковенской губернии // Живая старина. 1906. Вып. 3. С. 148–164.

Anusiewicz 1990 — *Anusiewicz J.* Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie // Etnolingwistyka. Lublin, 1990. [№] 3. S. 95–141.

Ardalić 1912 — *Ardalić V.* Iz Bukovice u Dalmaciji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1912. Knj. 17, sv. 1. S. 191–192.

Baranowski 1963 — *Baranowski B.* W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1963. 323 s.

Carić 1900 — *Carić A. I.* Crnice iz narodnog života u Dalmaciji // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. Sarajevo, 1900. God. 12, knj. 2. S. 349–359.

Chowanek 1982 — [Chowanek]. Woj. Przemysł, gm. Bircza, w. Huta Brzyska, XI.1982 // Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego. S/141.

Ciszewski 1887 — *Ciszewski S.* Lud rolniczo-górnicy z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1887. T. 11. S. 1–129.

Czerny 1895–1896 — *Czerny A.* Istoty mityczne Serbów Łużyckich / przełożył z łużyckiego B. Grabowski // Wisła. Warszawa, 1895. T. 9. S. 40–75, 249–304, 637–733; 1896. T. 10. S. 54–97, 245–281, 531–563.

Demonologia 1980 — Demonologia. W. Bartniki, Puszcza Mariańska, Skierniewickie, X.1980 // Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego. O/5.

Die Bukowina 1899 — Die Bukowina. Czernowitz, 1899. 344 S.

Dziki 1963 — *Dziki B.* Folklor pasterski. W. Wróblówka, pow. Nowy Targ / [записала] Богуміла Дзика. 6.08.1963 // Archiwum Katedry Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagiellońskiego (Kraków). 1370.

E. K. 1895 — *E. K.* [Kolbuszowski E.?] Gwiazdy i grzyby w podaniach ludu // Lud. Lwów, 1895. R. 1, z. 6–7. S. 168–178; z. 8. S. 197–207.

Federowski 1897 — *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności. 1897. XX, 509 s.

Federowski 1902 — *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. T. 2: Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Cz. 1: Baśnie fantastyczno-mityczne. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1902. XXXII, 358 s.

Fischer 1921 — *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Nakładem Zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1921. XII, 440 s.

Fischer 1926 — *Fischer A.* Opowieści o czarownicach z doliny nowotarskiej // Lud. Serja 2. Lwów; Warszawa; Kraków; Poznań; Wilno, 1926. T. 5 (25). S. 78–94.

Gustawicz 1881 — *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1881. T. 5. S. 102–186. [Вторая часть статьи опубликована там же: Kraków, 1882. T. 6. S. 201–317].

Gustawicz 1900–1901 — *Gustawicz B.* O ludzie Poddukłańskim w ogólności, a Iwoniczanach w szczególności. (Część wtóra) // Lud. Lwów, 1900. T. 6, z. 2–4. S. 126–157, 245–257, 340–350 (сплошной пагинации тома); Lwów, 1901. T. 7, z. 1, 2–3, 4. S. 43–54, 128–146, 241–256 (сплошной пагинации тома).

Gustawicz 1901 — *Gustawicz B.* Zabobony myśliwskie // Lud. Lwów, 1901. T. 7, z. 4. S. 282–285.

Hodoly 1882 — *Hodoly L.* Mały przyczynek do wierzeń i podań ludowych o zwierzętach i roślinach // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1882. T. 6. S. 318–321.

Jakóbiec 1899 — *Jakóbiec J.* Dyabeł w pojęciu ludowym. (Kilka zapisków z Słotwiny, pow. Żywiecki) // Lud. Lwów, 1899. T. 5, z. 4. S. 365–367.

Jakóbiec 1952 — Opowiadania ludowe. Słotwiny / Materiały zebrane, opracowane i zapisane przez Jana Jakóbca. Kraków, 1952 // Archiwum Fonograficzne im. Mariana Sobieskiego Instytutu Sztuki PAN w Warszawie. ISW. XI ZUS 6.

Kolberg 1962 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 17: Lubelskie. Cz. 2. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1962. VI, 244 s.

Kolberg 1965 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 39: Pomorze. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1965. XLII, 570 s.

Kolberg 1966a — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 40: Mazury Pruskie. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1966. XLVIII, 678 s.

Kolberg 1966b — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 53: Litwa. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1966. XXVI, 546 s.

Kolberg 1967a — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 46: Kaliskie i Sieradzkie. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1967. XIX, 588 s.

Kolberg 1967b — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 48: Tarnowskie — Rzeszowskie. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1967. XXVII, 364 s.

Kołbuki 1981 — [Kołbuki]. Woj. Olsztyn, gm. Pieski, w. Stare Kiełbonki, XII.1981 // Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego. S/130.

Komorovský 1976 — *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. [Bratislava]: Univerzita Komenského, 1976. 309 s.

Kopernicki 1887 — *Kopernicki I.* Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu z materyjałów zebranych przez P. Zofiję Rokossowską we wsi Jurkowszczyźnie w pow. Zwiąhelskim // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1887. T. 11. S. 130–228.

Kosi 1897 — *Kosi A.* Sto narodnih legend. Ljubljana: izdal in založil J. Giontini, 1897. 238 s.

Krek [1885] — *Krek B.* Slovenske narodne pravljice in pripovedke / zbral B. Krek. [Maribor]: J. Leon, [1885]. 117 s.

Kulinović 1898 — *Kulinović M. F. beg.* Nešto o narodnom praznovjerju i liječenju u Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. Sarajevo, 1898. God. 10, knj. 2. S. 503–530.

Kunicka 1976 — Woj. Zamojskie, w. Hutków / [записала:] В. Kunicka, wrzesień 1976 r. // Archiwum materiałów terenowych Zakładu Etnografii Instytutu Historii Kultury Materialnej PAN (Warszawa). № 1796.

Ludowe wierzenia o demonach 1980 — Ludowe wierzenia o demonach. W. Bartniki, Puszcza Mariańska, Skierniewickie, X.1980 // Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego. O/2.

Matusiak [s. a.] — Zbiór przesądów i zabobonów / Jan Matusiak w Bysinie, obwód Radomski. [S. a.] // Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie. № inw. I/89/rkp. (sygn. m. II/76).

Mleczek 1902 — *Mleczek T.* Świat zmarłych. Zwyczaje i zapatrywania ludu polskiego w Falicyi zachodniej // Lud. Lwów, 1902. T. 8, z. 1. S. 48–56.

Młynek 1898 — *Młynek L.* Lud nadrabski (od Gdowa po Bochnię). Obraz etnograficzny. Skreślił Jan Świętek, członek Komisji antrop. Akad. Umiejętności w Krakowie. 1893 // Lud. Lwów, 1898. T. 4, z. 3. S. 329–335.

Moszyński 1967 — *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Wyd. 2. T. 2: Kultura duchowa. Cz. 1. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 835 s.

Möderndorfer 1946 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev (Narodopisno gradivo). Knj. 5: Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. Celje: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 1946. 326 s.

Müller 1894 — *Müller E.* Das Wendentum in der Niederlausitz. Kottbus: H. Differt, 1894. XII + 192 S.

Obrębski 1930 — Atlas kultury ludowej, w. Niesiołowice, pow. Kartuzy / [записал] J. Obrębski, 1930 r. // Archiwum Katedry Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagiellońskiego (Kraków). 7856/2a.

Pawlicka 1963 — Folklor pasterski. W. Kamionka Wielka, pow. Nowy Sącz / [записала] A. Pawlicka, 1963 r. // Archiwum Katedry Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagiellońskiego (Kraków). 7257.

Petrow 1878 — *Petrow A.* Lud ziemi Dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki i t. p. // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. T. 2. Kraków, 1878. S. 3–182 (3-й пагинации).

Piątkowska 1898 — *Piątkowska I.* Obyczaje ziemi sieradzkiej. Szkic etnograficzny // Lud. T. 4, z. 4. Lwów, 1898. S. 410–435.

Piotrowicz 1907 — *Piotrowicz S.* Znachorka i wróżka Jewdokia Bojczuk. Materyały folklorystyczne ze wsi Bortnik na Pokuciu // Lud. Lwów, 1907. T. 13, z. 2. S. 118–129; z. 3. S. 216–232.

Pobratymiec 1899 — *Pobratymiec.* Środki lecznicze i ich nazwy aptekarskie u ludu. (Z powiatu meślenickiego) // Lud. Lwów, 1899. T. 5, z. 2. S. 164–166.

Schnaider 1899–1901 — *Schnaider J.* Z kraju Hucułów // Lud. Lwów, 1899. T. 5, z. 3, 4. S. 207–220, 336–345 (сплошной пагинации тома); Lwów, 1900. T. 6, z. 2–4. S. 157–160, 257–267, 351–361 (сплошной пагинации тома); Lwów, 1901. T. 7, z. 1, 4. S. 65–73, 259–272 (сплошной пагинации тома).

Schnaider 1907 — *Schnaider J.* Lud peczeniżyński. Szkic etnograficzny // Lud. Lwów, 1906. T. 12, z. 4; Lwów, 1907. T. 13, z. 1–3. S. 21–33, 98–117, 202–215 (сплошной пагинации тома).

Siewiński 1903 — *Siewiński A.* Bajki, legendy i opowiadania ludowe zebrane w powiecie sokalskim // Lud. Lwów, 1903. T. 9, z. 1. S. 68–85.

Sokalski 1899 — *Sokalski B.* Powiat Sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym. Lwów: Drukarnia ludowa, 1899. XVI, 496 s.

Sulisz 1906 — *Sulisz J.* Zapiski etnograficzne z Ropczyc // Lud. Lwów, 1906. T. 12, z. 1. S. 57–81.

Sychta 1968 — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1968. T. 2. 412 s.

Sychta 1972 — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1972. T. 5. 455 s.

Szperling 1912 — *Szperling S.* Kilka słów o dyable u ludu polskiego // Ziemia. Warszawa, 1912. R. 3, № 14. S. 213–216; 15., S. 230–231.

Szyfer 1975 — *Szyfer A.* Zwyczaje, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków. Wyd. 2 poszerzone. Olsztyn: Pojezierze, 1975. (Rozprawy i materiały Ośrodka badań naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, № 50).

Świętek 1905 — *Świętek J.* Liczby Trzy i Dziewięć w mitach, wyobrażeniach, mistycznych praktykach i w zwyczajach ludowych // Lud. Kraków, 1905. T. 11, z. 4. S. 371–388.

Udziela 1888 — Sennik ludowy z Ropczyc i Krakowa — Podgórze, 1888 r. Ze zbiorów Seweryna Udziela // Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie. № inw. I/1432/rkp. (sygn. miejsca II/1127).

Udziela 1888–1925 — Przesady i zabobony. Lata 1888–1925. Ze zbiorów Seweryna Udziela // Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie. № inw. I/1554/rkp. (sygn. miejsca II/1249).

Udziela pocz. XX w. — Przesady z Bieńkowic. Pocz. XX w. Ze zbiorów Seweryna Udziela // Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie. № inw. I/1515/rkp. (sygn. miejsca II/1210).

Udziela 1924 — *Udziela S.* Krakowiacy. Kraków: Nakładem Księgarni Geograficznej Orbis, 1924. 154, [6], [16] s.

Ulanowska 1891 — *Ulanowska S.* Łotysze Inflant Polskich, a w szczególności z gminy Wielońskiej powiatu Rzeżyckiego. Obraz etnograficzny // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1891. T. 15. S. 181–282. [Вторая часть статьи опубликована там же: Kraków, 1892. T. 16. S. 104–218].

Veckenstedt 1880 — *Veckenstedt E.* Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Gesammelt und nacherzählt von Edm. Veckenstedt. Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky, 1880. XX + 499 s.

Wierzchowski 1890 — *Wierzchowski Z.* Materyjały etnograficzne z powiatu Tarnobrzskiego i Niskiego w Galicyi // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1890. T. 14. S. 145–211.

Witowt 1906 — *Witowt.* Leki ludowe ze wsi Płudy pow. Radzyńskiego // Lud. Lwów, 1906. T. 12, z. 3. S. 246–268.

Žalud' 1919 — *Žalud' A.* Česká vesnice. Život našich předků: poměry hospodářské a sociální, jejich slavnosti a obyčeje, byt (stavby a zařízení), umění lidové. Praha: B. Kočí, 1919. 127 s.

Zawiliński 1892 — *Zawiliński R.* Przesady i zabobony z ust ludu w różnych okolicach zebrane // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1892. T. 16. S. 252–267.

Znamierowska-Prüfferowa 1947 — Znamierowska-Prüfferowa M. Przy-czynek do magii i wierzeń rybaków // Prace i materiały etnograficzne. Lublin, 1947. T. 6. S. 1–37.

Zorić 1896 — Zorić M. Vjera v osobita bića. e) Kotari u Dalmaciji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Sv. 1. Zagreb, 1896. S. 226.

References

Agapkina T. A., Plotnikova A. A. “Den’gi.” *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvis-ticheskiĭ slovar’*, 5 t., pod obshcheĭ red. N. I. Tolstogo, t. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 56–60.

Anusiewicz, J “Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie.” *Etnolingwi-styka*, 3, Lublin, 1990, s. 95–141.

Ardalić, V. “Iz Bukovice u Dalmaciji.” *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, knj. 17, sv. 1. Zagreb, 1912, s. 191–192.

Balov, A. V. “Son i snovideniia v narodnykh verovaniiaĭh. Iz ètnograficheskikh nabliudeniĭ, sobrannykh v Iaroslavskoi gubernii.” *Zhivaia starina*, Moscow, vyp. 4., 1891, s. 208–213.

Baranowski, B. *W kręgu upiorów i wilkołaków*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1963, 323 s.

Bašić, I. S. “Zašto se prvi mačići u vodu bacaju? Ikoničnost leksema mačka i kot (I).” *Glasnik Etnografskog instituta SANU*, [knj.] 58, sv. 1, Beograd, 2010, s. 69–82.

Belaruskaia ‘narodnaia Bibliia’ ŭ suchasnykh zapisakh. Ustup. artykul, uklad. i kament. A.M. Bohanevaĭ. Minsk: BDUKM, 2010, 160 s.

Belorusskie narodnye pesni, s otnosiashchimisia k nim obriadami, obychaiami i sueveriiami, s prilozheniem ob’iasnitel’nogo slovaria i grammaticheskikh primechaniĭ. Sbornik P. V. Sheĭna, Saint Petersburg: Tipografia Maĭkova, 1874, 566 s.

Bylichki i byval’shchiny. Starozavetnye rasskazy, zapisannye v Prikam’e. Sost. K. È. Shumov, Perm’: Permskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1991, 414 s.

Byt velikoruskikh krest’ian-zemlepahtsev. Opisanie materialov Ètnografic-heskogo biuro kniazia V. N. Tenisheva (na primere Vladimirskoi gubernii). Avtory-so-staviteli: B. M. Firsov, I. G. Kiseleva, Saint Petersburg: Izdatel’stvo Evropeĭskogo Doma, 1993, 470 s.

Carić, A. I. “Crstice iz narodnog života u Dalmaciji.” *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu*, god. 12, knj. 2. Sarajevo, 1900, s. 349–359.

Carić, A. I. “Narodno vjerovanje u Dalmaciji.” *Glasnik Zemaljskog muzeja Bo-sne i Hercegovine u Sarajevu*, god. 9, knj. 3, Sarajevo, 1897, s. 481–495.

“[Chowanek]. Woj. Przemyśl, gm. Bircza, w. Huta Brzyska, XI.1982.” *Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego*, S/141.

[Chulkov, M. D.] *Abevega russkikh sueverii, idolopoklonnicheskikh zhertvopri-noshenii, svadebnykh prostonarodnykh obriadov, koldovstva, shemanstva i proch.* Sochinennaia M. Ch. Moscow: Tipografia F. Gippiusa, 1786, 326 s.

Chursina, V. I. *Dukhovnaia zhizn' naseleniia Kubani v kontse XVIII–XX v.: dina-mika i traditsii narodnoĭ kultury*, PhD dissertation. Stavropol', 2005.

Ciszewski, S. "Lud rolniczo-górnicy z okolic Sławkowa w powiecie Olku-skim." *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 11, Kraków, 1887, s. 1–129.

Czerny, A. "Istoty mityczne Serbów Łużyckich, Przełożył z łużyckiego B. Gra-bowski." *Wisła*, t. 9, [Warszawa], 1895, s. 40–75, 249–304, 637–733; 1896, t. 10, s. 54–97, 245–281, 531–563.

Čajkanović, V. *Mit i religija u Srba*. Priredio V. Đurić, Beograd: Srpska književna zadruza, 1973, 340 s.

Dal', V. I. *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*, t. 2. Izd. 2, Saint Pe-tersburg, Moscow: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa, 1881, [fotomekha-nicheskoe vosproizvedenie:] Moscow: Russkiĭ iazyk, 1979, 779 s.

Dal', V. I. *Poslovitsy russkogo naroda*. Sbornik V. Dalia, Moscow: Goslitizdat. 1957, 992 s.

"Demonologia W. Bartniki, Puszcza Mariańska, Skierniewickie, X.1980." *Ar-chiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego*, O/5.

Die Bukowina. Czernowitz, 1899.

Dinovska, V. "Etnografski materiali za selo Diulgeri, Burgasko. Sübran [sic!] prez 1943–1946 god. ot V. Dinovska." *Arkhiv na Etnografski institut s muzei (Sofia)*, no. 82.

Dmitrieva, S. I. *Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropejskogo Severa*. Moscow: Nauka, 1988, 240 s.

Dobrovol'skiĭ, V. N. "Zvukopodrazhaniia v narodnom iazyke i v narodnoĭ poëzii." *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 3, Moscow, 1894, s. 81–96.

Dobrovol'skiĭ, V. N. *Smolenskiĭ oblastnoĭ slovar'*. Smolensk: Tipografia P. A. Si-lina, 1914, 1022 s.

Dziki, B. "Folklor pasterski. W. Wróblówka, pow. Nowy Targ. [Zapisała] Bogu-miła Dziki, 6.08.1963." *Archiwum Katedry Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagiel-łońskiego (Kraków)*, 1370.

Đorđević, T. R. "Priroda u verovanju i predanju našega naroda, knj. 1." *Srpski etnografski zbornik*, knj. 71, Beograd: Naučno delo, 1958, 319 s.

E. K. [Kolbuszowski, E.?). "Gwiazdy i grzyby w podaniach ludu." *Lud*, r. 1, Lwów, 1895, z. 6–7, s. 168–178, z. 8, s. 197–207.

Federowski, M. *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii sło-wiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891, t. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki*. Kraków: Nakładem Akademii umiejęt-ności, 1897, XX + 509 s.

Federowski, M. *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materyaly do etnografii słowiańskiej zgrupowane w latach 1877–1891, t. 2: Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki, cz. 1: Baśnie fantastyczno-mityczne*. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności. 1902, XXXII + 358 s.

Fedorkiv, A. “Velykyi pôst u uvěrovaniakh zhytelěv sela Dubovoho”. *Podkarpatska Rus'* [Uzhhorod], 1929, r. 6, ch. 5.

Fischer, A. *Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego*. Lwów: Nakładem Zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1921, XII + 440 s.

Fischer, A. “Opowieści o czarownicach z doliny nowotarskiej.” *Lud*, serja 2, t. 5 (25), Lwów, Warszawa, Kraków, Poznań, Wilno, 1926, s. 78–94.

Georgieva, I. *Bŭlgarska narodna mitologiia*. 2-ro izdanie, Sofiia: Nauka i izkustvo, 1993, 260 s.

Grohmann, J.V. *Predaniia iazycheskoï stariny zapadnykh slavian*. Per. Volkhv Bogumil, Moscow: Amrita, 2014, 304 s.

Grohmann, J.V. *Iazycheskie obriady i pover'ia zapadnykh slavian (Chekhiiia i Moraviiia)*. Per. B. A. Gasanov, V. A. Bondarenko, Moscow, 2015, 320 s.

Gura, A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoï narodnoï traditsii*. Moscow: Indrik, 1997, 912 s.

Gustawicz, B. “Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody.” *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 5, Kraków, 1881, s. 102–186, t. 6, 1882, s. 201–317.

Gustawicz, B. “O ludzie Podduklańskim w ogólności, a Iwoniczanach w szczególności. (Część wtóra).” *Lud*, t. 6, z. 2–4, Lwów, 1900, s. 126–157, 245–257, 340–350 (continuous pagination); t. 7, z. 1–4, Lwów, 1901, s. 43–54, 128–146, 241–256 (continuous pagination).

Gustawicz, B. “Zabobony myśliwskie.” *Lud*, t. 7, z. 4, Lwów, 1901, s. 282–285.

Hodoly, L. “Mały przyczynek do wierzeń i podań ludowych o zwierzętach i roślinach.” *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 6, Kraków, 1882, s. 318–321.

Jakóbiec, J. “Dyabeł w pojęciu ludowym. (Kilka zapisków z Słotwiny, pow. Żywiecki).” *Lud*, t. 5, z. 4, Lwów, 1899, s. 365–367.

Jakóbiec, J. “Opowiadania ludowe. Słotwiny. Materiały zebrane, opracowane i zapisane przez Jana Jakóbca, Kraków, 1952.” *Archiwum Fonograficzne im. Mariana Sobieskiego Instytutu Sztuki PAN w Warszawie*, ISW, XI ZUS 6.

Janulaitis A. “Litovskie suever'ia i primety. Sobrannye v Shavel'skom uезде Kovenskoï gubernii.” *Zhivaia starina*, 1906, vyp. 3, s. 148–164.

Il'kievich, H. S. *Halytskyi pryvovėdki y zahadky, zōbraniy Hryhorym Yl'kievy-chom*. U Vėdny: Napechatano cherenkami o. o. mekhytarystōv, 1841. VI + 124 s.

Ivanov, P. V. “Narodnye rasskazy o domovykh, leshikh, vodiannykh i rusalkakh. (Materialy dlia kharakteristiki mirosozertsaniia krest'ianskogo naseleniia Kupianskogo uezda).” *Sbornik Xar'kovskogo Istoriko-filologicheskogo obshchestva, sostoia-*

shchego pri Imp. Xar'kovskom universitete, t. 5, Khar'kov, 1893, Trudy Pedagogicheskogo otdela Istoriko-filologicheskogo obshchestva, vyp. 1, s. 23–74.

Khrushchov, I. “Zametki o russkikh zhiteliakh beregov reki Oiati.” *Zapiski Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniiu étnografii*, 1868, t. 2, s. 51–75.

Klinger, V. P. “Zhivotnoe v antichnom i sovremennom sueverii. Kiev: Tipografiia Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira AO pech. i izd. dela N. T. Korchak-Novitskogo, 1909–1911.” *Universitetskie izvestiia*, no. 10, 1909, s. 1–81, no. 11, 1909, s. 83–143, no. 1, 1910, s. 143–206, no. 5, 1910, s. 207–218, no. 11, 1910, s. 219–280, no. 3, 1911, s. 281–360, I–VII.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie, t. 17: Lubelskie, cz. 2*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1962, VI + 244 s.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie, t. 39: Pomorze*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1965, XLII + 570 s.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie, t. 40: Mazury Pruskie*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1966, XLVIII + 678 s.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie, t. 53: Litwa*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1966, XXVI + 546 s.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie, t. 46: Kaliskie i Sieradzkie*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1967, XIX + 588 s.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie, t. 48: Tarnowskie — Rzeszowskie*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, 1967, XXVII + 364 s.

“[Kolbuki]. Woj. Olsztyn, gm. Pieski, w. Stare Kielbonki, XII.1981.” *Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego*, S/130.

Komorovský, J. *Tradičná svadba u Slovanov*. [Bratislava]: Univerzita Komenského, 1976, 309 s.

Kopernicki, I. “Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu z materyjałów zebranych przez P. Zofiję Rokossowską we wsi Jurkowszczyźnie w pow. Zwiąhelskim.” *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 11, Kraków, 1887, s. 130–228.

Kosi, A. *Sto narodnih legend*. Ljubljana: Izdal in založil J. Giontini, 1897, 238 s.

Kostolovskii, I. V. “[Étnograficheskie materialy, sobrannye v Eremeitsevskoi (pозzhe — Nikolokormskoi) volosti Rybinskogo u. Iaroslavskoi gub.]” *Arkhiv Instituta étnologii i antropologii RAN (Moscow)*, fond OLEAĖ, ed. khr. 80, no. 353, 354 et al.

[Kravchenko V.H.] “Dytyna, sny, zvychaï, zabobony. 1926 r.” *Rukopysni fondy Instytutu mystetstvoznavstva, fol'kloru ta etnohrafii im. M. T. Ryl's'koho NANU*, fond 15–3 (fond V. H. Kravchenko), od. zb. 156 zh.

Kravchenko, V. H. “Zbirka etnohrafichnykh materialiv: nezhyva pryroda, zhyva pryroda. Zapysy raznykh zbyrachiv, ch. 1, 1941 r.” *Rukopysni fondy Instytutu mystetstvoznavstva, fol'kloru ta etnohrafii im. M. T. Ryl's'koho NANU*, fond 15–3 (fond V. H. Kravchenko), od. zb. 252.

Krek, B. *Slovenske narodne pravljice in pripovedke*. Zbral B. Krek, [Maribor]: J. Leon, [1885], 117 s.

Kulinović, M. F. beg. “Nešto o narodnom praznovjerju i liječenju u Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini.” *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu*, god. 10, 1898, knj. 2, Sarajevo, 1898, s. 503–530.

Kulišić, Š., Petrović, P. Ž., Pantelić, N. *Srpski mitološki rečnik*. Beograd: Nolit, 1970, 328 s.

Kumanova, N. “Etnografsko izsledvane na selo Malomir (Karapchá) Iambolsko.” *Biblioteka na Sofijski universitet “Sv. Kliment Okhridski”, arhiv na S. Romanski*, rks. 109.

Kunicka, B. “Woj. Zamojskie, w. Hutków. [Zap.] B. Kunicka, wrzesień 1976 r.” *Archiwum materiałów terenowych Zakładu Etnografii Instytutu Historii i Kultury Materialnej PAN (Warszawa)*, no. 1796.

Levkievskaya, E. E. “Domovoï.” *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, 5 t., pod obshchei red. N. I. Tolstogo, t. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 120–124.

Levkievskaiya, E. E. “Zmora.” *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, 5 t., pod obshchei red. N. I. Tolstogo, t. 2, Moscow, 1999, s. 341–344.

Levkievskaiya, E. E. “Klad.” *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, 5 t., pod obshchei red. N. I. Tolstogo, t. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 500–502.

Levkievskaiya, E. E. “Mara.” *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, 5 t., pod obshchei red. N. I. Tolstogo, t. 3, Moscow, 2004, s. 178–179.

“Ludowe wierzenia o demonach. W. Bartniki, Puszcza Mariańska, Skierniewickie, X.1980.” *Archiwum Katedry Etnologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego, O/2*.

Marinov, D. “Narodna viara i religiozni narodni obichai.” *Sbornik za narodni umotvorenii i narodopis*, kn. 28, Sofiia: BAN, 1914, 574 s.

Matusiak, J. “Zbiór przesądów i zabobonów. Jan Matusiak w Bysinie, obwód Radomski, [s. a.]” *Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie*, nr. inw. I/89/rkp. (sygn. m. II/76).

Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa. Sost. i komm. O.A. Che-repanova, Saint Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1996, 212 s.

Miloradovich, V. P. “Zametki o malorusskoï demonologii.” *Ukraiñtsi: narodni viruvannia, povir'ia, demonolohiia*, Kyïv: Lybid', 1991, s. 407–429.

Mitseva, E. G. *Demonichni predstavi i personazhi v búlgarskiiia folklor*, PhD dissertation. Sofiia, 1984.

Mleczko, T. “Świat zmarłych. Zwyczaje i zapatrywania ludu polskiego w Falicyi zachodniej.” *Lud*, t. 8, z. 1, Lwów, 1902, s. 48–56.

Młynek, L. “Lud nadrabski (od Gdowa po Bochnię). Obraz etnograficzny. Skreślił Jan Świętek, członek Komisji antrop. Akad. Umiejętności w Krakowie. 1893.” *Lud*, t. 4, z. 3. Lwów, 1898, s. 329–335.

Moszyński, K. *Kultura ludowa Słowian, t. 2: Kultura duchowa, cz. 1*. Wyd. 2, Warszawa: Książka i Wiedza, 1967, 835 s.

Möderndorfer, V. *Verovanja uvere in običaji Slovencev (Narodopisno gradivo), knj. 5: Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha*. Celje: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 1946, 326 s.

Müller, E. *Das Wendentum in der Niederlausitz*. Kottbus: H. Differt, 1894, XII + 192 S.

Magnitskiĭ, V. K. *Pover'ia i obriady (zapuki) v Urzhumskom uezde, Viatskoĭ gubernii*. Viatka: Gubernskaia tipografia, 1883, 58 s.

Magnitskiĭ, V. K. "Pover'ia i obriady (zapuki) v Urzhumskom u. Viatskoĭ gub. 1883. [Zapisi 1877–1880 gg.]" *Gos. Arkhiv Kirovskoĭ oblasti*, f. 574, op. 1, ed. khr. 4409.

Manzhura, I. I. "Maloruskie skazki, predaniia i pover'ia, zapisannye v Ekaterinoslavskoĭ gub." *Sbornik Har'kovskogo Istoriko-filologicheskogo obshchestva, sostoiashchego pri Imp. Har'kovskom universitete*, t. 6, Khar'kov, 1894, Trudy Pedagogicheskogo otdela Istoriko-filologicheskogo obshchestva, vyp. 2, s. 161–197.

Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniia Vostochnoĭ Sibiri. Sost. V. P. Zinov'ev, Novosibirsk: Nauka, 1987, 401 s.

Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoĭ traditsionnoĭ kul'ture. Illiustrirovannaia éntsiklopediia. Saint Petersburg: Iskusstvo — SPB, 2005, 688 s.

'Narodnaia Bibliia': vostochnoslavianskie étiologicheskie legendy. Sostavlenie i kommentarii: O. V. Belova, Moscow: Indrik, 2004, Traditsionnaia dukhovnaia kul'tura slavian. Publikatsiia tekstov, 576 + 32 s.

Narodnaia traditsionnaia kul'tura Pskovskoĭ oblasti. Obzor ékspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-étnograficheskogo tsentra, t. 1. Avtor projekta, sostavitel', nauchnyĭ redaktor A. M. Mekhnetsov, Pskov: Izdatel'stvo Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva, 2002, 688 s.

Obreḙski, J. "Atlas kultury ludowej, w. Niesiołowice, pow. Kartuzy. [Zap.] J. Obreḙski, 1930 r." *Archiwum Katedry Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagielloḙskiego (Kraków)*, 7856/2a.

Okhomush, E. A., and Syz'ko, A. T. *Arkhaichni elementy narodnoĭ dukhovnoĭ kul'tury Stepovoĭ Ukraïny*. Dnipropetrovs'k: Vydavnytstvo Dnipropetrovs'koho derzhavnogo universytetu, 1991, 104 s.

Pawlicka, A. "Folklor pasterski. W. Kamionka Wielka, pow. Nowy Sącz. [Zap.] A. Pawlicka, 1963 r." *Archiwum Katedry Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagielloḙskiego (Kraków)*, 7257.

Petrow, A. "Lud ziemi Dobrzyḙskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki i t.p." *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 2, Kraków, 1878, s. 3–182 (3d pagination).

Plotnikova, A. A. "Narodnaia demonologiia v étnolingvističeskom aspekte (geografiia blizhaĭshikh paralelei)." *Étnolingvistika. Onomastika. Étimologiia. Materialy*

mezhdunarodnoï konferentsii, Ekaterinburg, 8–12 sentiabria 2009, Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2009, s. 215–216.

Polesskiï arkhiv Otdela étnolingvistiki i fol'klora Instituta slavianovedeniia RAN. Moscow.

Polesskiï étnolingvisticheskiï sbornik. Materialy i issledovaniia. Otv. red. N. I. Tolstoï, Moscow: Nauka, 1983, 288 s.

Pomerantseva, È. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре*. Moscow: Nauka, 1975, 192 s.

Predaniia russkogo naroda. Avtor-sost. I. N. Kuznetsov, Moscow: Veche, 2008, 352 s.

Prostonarodnye primety i pover'ia, suevernye obiady i obychai, legendarnye skazaniia o litsakh i mestakh. Sobral v Vitebskoï Belorussii N. Ia. Nikiforovskiï, Vitebsk: Gubernskaia Tipo-Litografiia, 1897, 307 + 30 s.

Piątkowska, I. “Obyczaje ziemi sieradzkiej. Szkic etnograficzny.” *Lud*, t. 4, z. 4, Lwów, 1898, s. 410–435.

Piotrowicz, S. “Znachorka i wróżka Jewdokia Bojczuk. Materyały folklorystyczne ze wsi Bortnik na Pokuciu.” *Lud*, t. 13, Lwów, 1907, z. 2, s. 118–129, z. 3, s. 216–232.

Pirinski kraï. Etnografski, folklorni i ezikovi prouchvaniia. Sofiia: Etnografski institut s muzeï pri BAN, 1980, 687 s.

Pobratymiec. “Środki lecznicze i ich nazwy aptekarskie u ludu. (Z powiatu meślickiego).” *Lud*, t. 5, z. 2. Lwów, 1899, s. 164–166.

Rodopi. Traditsionna narodna dukhovna i sotsialnonormativna kultura. Sofiia: Etnografski institut s muzeï pri BAN, 1994, 294 s.

Romanov, E. R. *Belorusskiï sbornik, vyp. 4: Skazki kosmogonicheskie i kul'turnye*. Vitebsk: Tipo-litografiia G. A. Malkina, 1891, VI + 220 s.

Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravy. Materialy 'Étnograficheskogo biuro' kniazia V. N. Tenisheva. Novgorodskaia guberniia. Cherepovetskiï uezd, t. 7, ch. 2. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia, 2009, 624 s.

San'ko, S., et al. *Belaruskaia mifalohiia. Éntsyklapedychny sloŭnik*. Minsk: Belarus', 2004, 592 s.

Schnaider, J. “Z kraju Huculów.” *Lud*, t. 5, Lwów, 1899, z. 3, 4. s. 207–220, 336–345 (continuous pagination), t. 6, Lwów, 1900, z. 2–4, s. 157–160, 257–267, 351–361 (continuous pagination), t. 7, Lwów, 1901, z. 1, 4. s. 65–73, 259–272 (continuous pagination).

Schnaider, J. “Lud peczeniżyński. Szkic etnograficzny.” *Lud*, t. 12, Lwów, 1906, z. 4, t.13, z. 1–3, Lwów, 1907, s. 21–33, 98–117, 202–215 (continuous pagination).

Sedakova, O. A. *Poëtika obiada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian*. M.: Indrik, 2004, 320 s.

Shishkov, S. N. “Zhivotnite v mirogleda na Rodopskite poseleniia. Narodouchni belezhki.” *Rodopski napredük*, god. 9, kn. 4, s. 81–84; kn. 5–6, s. 138–14; kn. 7, s. 161–164; kn. 10, s. 241–244, Plovdiv, 1912 [published 1911].

Siewiński, A. "Bajki, legendy i opowiadania ludowe zebrane w powiecie sokalskim." *Lud*, t. 9, z. 1, Lwów, 1903, s. 68–85.

Sokalski, B. *Powiat Sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym*. Lwów: Drukarnia ludowa, 1899, XVI + 496 s.

Stamenova, Zh. A. "Svetogled, narodni znaniia i viarvaniia. (Materiali ot selata v Plovdivski raion, na iug ot r. Maritsa). Selo Tri Voditsi (Tekira). Sübral [sic!] Zhivka At. Stamenova." *Arkhiv na Etnografski institut s muzei (Sofia)*, № 878–II, 1977.

Stamenova, Zh. A., and Koleva, T. A. "Svetogled, narodni znaniia i viarvaniia. (Materiali ot selata v Karlovski raion). Plovdivski okrüg. Sübral [sic!] Zh. A. Stamenova, T. A. Koleva." *Arkhiv na Etnografski institut s muzei (Sofia)*, no. 881–II, 1976.

Sulisz, J. "Zapiski etnograficzne z Ropczyc." *Lud*, t. 12, z. 1, Lwów, 1906, s. 57–81.

Sychta, B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. 2. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1968, 412 s.

Sychta, B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. 5. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1972, 455 s.

Szperling, S. "Kilka słów o dyable u ludu polskiego." *Ziemia*, r. 3, Warszawa, 1912, no. 14, s. 213–216, no. 15, s. 230–231.

Szyfer, A. *Zwyczaje, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków*. Wyd. 2 poszerzone, Olsztyn: Pojezierze, 1975, Rozprawy i materiały Ośrodka badań naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, no 50.

Świątek, J. "Liczby Trzy i Dziewięć w mitach, wyobrażeniach, mistycznych praktykach i w zwyczajach ludowych." *Lud*, t. 11, z. 4, Kraków, 1905, s. 371–388.

Škarić, M. Đ. "Život i običaji «Planinaca» pod Fruškom Gorom". *Srpski etnografski zbornik*, knj. 54, Beograd, 1939, Odeljenje 2: Život i običaji narodni; knj. 24, s. 1–275.

Tanović S. "Urok — uručovajne iz okoline Đevdelije". *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*, knj. 9, Beograd, 1934, s. 31–45.

Telbizov, K., and Vekova-Telbizova, M. "Traditsionen bit i kultura na banatskite bülgari." *Sbornik za narodni umotvorenii i narodopis*, kn. 51, Sofia: Izd. na Bülgarskata Akademiia na naukite, 1963, 361 s.

Tomov, A. *Zhivotnite v bülgarskoto narodno tvorcestvo*. Sofia, 1945, 160 s.

Trudy ètnograficheskoi statisticheskoi èkspeditsii v Zapadno-Russkii kraï, snariazhennoi Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom. Iugo-Zapadnyi otdel. Materialy i issledovaniia, sobrannye d. chl. P.P. Chubinskim, t. 1, vyp. 1, Verovaniia i sueverii, Saint Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i komp., 1872, XXX + 224 s.

Trudy ètnograficheskoi statisticheskoi èkspeditsii v Zapadno-Russkii kraï, snariazhennoi Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom. Iugo-Zapadnyi otdel. Materialy i issledovaniia, sobrannye d. chl. P. P. Chubinskim, t. 4, Obriady:

rodiny, krestiny, svad'by, pokhorony, Saint Petersburg: Tipografia V. Kirshbauma, 1877, XXX + 716 + 45 s. prilozheniia (noty).

Udziela, S. *Krakowiaczy*. Kraków: Nakładem Księgarni Geograficznej Orbis, 1924, 154, [6], [16] s.

Udziela, S. “Przesady i zabobony. Lata 1888–1925. Ze zbiorów Seweryna Udzieli.” *Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie*, nr. inw. I/1554/rkp. (sygn. miejsca II/1249).

Udziela, S. “Przesady z Bienkowic. Pocz. XX w. Ze zbiorów Seweryna Udzieli.” *Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie*, nr. inw. I/1515/rkp. (sygn. miejsca II/1210).

Udziela, S. “Sennik ludowy z Ropczyc i Krakowa — Podgórze, 1888 r. Ze zbiorów Seweryna Udzieli.” *Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie*, nr. inw. I/1432/rkp. (sygn. miejsca II/1127).

Ulanowska, S. “Łotysze Inflant Polskich, a w szczególności z gminy Wielońskiej powiatu Rzeżyckiego. Obraz etnograficzny.” *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 15, Kraków, 1891, s. 181–282, t. 16, Kraków, 1892, s. 104–218.

Uspenskij, B. A. *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostiĭ. (Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiĭskogo)*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982, 248 s.

Vampirite vo makedonskite veruvanja i predanja. Podgotovile Lepasava Spirovska, Tanas Vražinovski, Skopje: Institut za folklor “Marko Cepenkov”, 1988, 102 s.

Veckenstedt, E. *Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche*. Gesammelt und nacherzählt von Edm. Veckenstedt, Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky, 1880, XX + 499 s.

Velichkova, T. I. “Etnografsko izsledvane na selo Izvor okoliia Burgaska, 1946.” *Biblioteka na Sofiĭski universitet “Sv. Kliment Okhridski”*, arhiv na S. Romanski, rks. 75.

Vetukhov, A. V. *Zagovory, zaklinaniia, oberegi i drugie vidy narodnogo vrachevaniia, osnovannye na vere v silu slova. (Iz istorii mysli)*, vyp. 1, 2. Warszawa: Tipografia Varshavskago uchebnogo okruga (ottisk iz «Russkogo filologicheskogo vestnika»), 1907, 522 VII s.

Vinogradova, L. N. “Oborotnichestvo.” *Slavianskie drevnosti. Ėtningvistiĭskii slovar'*, 5 t., pod obsheĭ red. N. I. Tolstogo, t. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, s. 466–471.

Vlasova, M. N. *Novaia ABEVEGA russkikh sueveriĭ*. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 1995, 383 s.

Vsevolozhskaia, E. Ia. *Ocherki krest'ianskogo byta Samarskogo uezda*. Moscow: Tovarishchestvo skoropech. A. A. Levenson, 1895, 34 s.

Wierchowski, Z. “Materyjały etnograficzne z powiatu Tarnobrzeskiego i Niskiego w Galicyi.” *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 14. Kraków, 1890, s. 145–211.

Witowt. "Leki ludowe ze wsi Płudy pow. Radzyńskiego." *Lud*, t. 12, z. 3. Lwów, 1906, s. 246–268.

Žaluď, A. *Česká vesnice. Život našich předků: poměry hospodářské a sociální, jejich slavnosti a obyčeje, byt (stavby a zařízení), umění lidové*. Praha: B. Kočí, 1919, 127 s.

"Zapisi studentov Ě. Ě. Eremian i O. Iu. Fominykh vo vremia fol'klornoj praktiki v derevne Kuz'minichi Kuĭbyshevskogo raĭona Kaluzhskoj obl., 1977." *Arhiv kafedry ustnogo narodnogo tvorčestva MGU (Moscow)*.

Zawiłiński, R. "Przesady i zabobony z ust ludu w różnych okolicach zebrane." *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. 16, Kraków, 1892, s. 252–267.

Zelenin, D. K. *Opisanie rukopisej Učenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obščestva*, vyp. 1. Petrograd: Tipografija A. V. Orlova, 1914, 483 s.

Zelenin, D. K. *Tabu slov u narodov vostočnoj Evropy i severnoj Azii, ch. 1: Zaprety na okhote i inykh promyslakh*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1929, Sbornik Muzeia antropologii i étnografii, t. 8, 151 s.

Zhaĭvoronok, V. V. *Znaky ukraĭns'koĭ etnokul'tury. Slovnyk-dovidnyk*. Kyĭv; Dovidira, 2006, 703 s.

Zhuravlev, A. F. *Domashnĭi skot v pover'ĭakh i magii vostochnykh slavian. Étnograficheskie i étnolingvisticheskie očerki*. Moscow: Indrik, 1994, 256 s.

Zlatković, D. "Odnos čoveka i životinje u verovanju, pripovedanju i iskustvu staroplaninaca." *Etno-kulturološki zbornik za proučavanje kulture istočne Srbije i susjednih oblasti*, knj. 14, Svrlijig: Etno-kulturološka radionica — Svrlijig, 2010, s. 27–36.

Znamierowska-Prüfferowa, M. "Przyczynek do magii i wierzeń rybaków." *Prace i materiały etnograficzne*, t. 6, Lublin, 1947, s. 1–37.

Zorić, M. "Vjera u osobita bića. e) Kotari u Dalmaciji." *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, sv. 1, Zagreb, 1896, s. 226.

Aleksandr V. Gura (Moscow)

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The symbolism of cat in the Slavic folk tradition

In the Slavic folk tradition, the cat has ambiguous symbolism and demonic functions. It correlates with the dog, being combined with it by some features and opposed by other (when perceived as pure or impure). The cat and the dog constitute a symbolical parallel to a pair of wild animals — the bear and the wolf. Cat appearance marks other characters of the folk demonology: the devil, "zmora", the death, the vampire. In the folk zoology, the cat together with some other fur animals (the squirrel, the fox etc.) is to some extent ranked as a mustelid with a specific complex of ideas they represent.

What brings the cat together with them is first of all the female and erotic symbolism (its connection to a maiden, a bride in the folklore, the cat name for female genitals), the motif of weaving, and the functions of a patron of the house and the cattle (*domovoy* turning into a cat, the choice of cattle coat cover according to the color of the cat etc.) Some ideas bring the cat together with the hare (cf. the Polish *kot'hare*, the Serbian belief that the hare originates from the cat, their beneficial influence on the sleeping). The cat is used in the folk magic and medicine: to get an enriching spirit, to be used in case of cattle death, to treat tuberculosis. The image of cat is attested in many folklore genres, in proverbs, in riddles, folktales, games, etc. The cat's behavior is connected to an enormous number of everyday life and meteorological superstitions, it is often used as an offer in the bargaining between the humans and the world of spirits.

Keywords: *folk zoology, cat, dog, fur animals, bear, hare, demonology, magic.*

Балканославянская специфика рождественского диалога-ритуала на Пчине (Сербия)

Славянскому ритуальному диалогу уделял большое внимание Н. И. Толстой в своих этнолингвистических исследованиях. В пространстве Южной Славии диалог-ритуал известен в восточной ее части, у сербов, болгар и македонцев. Балканославянская специфика рождественского диалога-ритуала на Пчине в Сербии определяется на основании анализа вербального и акционального кодов данного ритуала. Записанный в 1998 г. диалектный нарратив на Пчине, представляющий собой диалог-ритуал для защиты посевов от града в наступающем году, включает мотив задабривающего кормления градоносной тучи, как показывает ареально-семантическая реконструкция обычая. В работе определяются смысловые и географические связи данного текста с аналогичными македонскими и болгарскими вербальными формулами. Ареал рассматриваемого фрагмента традиционной народной культуры охватывает сербско-болгарское пограничье в южной его части, северо-восточные и центральные области Македонии, что подтверждается обращением к уже известным и более новым опубликованным этнографическим и диалектным источникам. На востоке и западе Сербии выявлены словесные клише, аналогичные входящим в состав исследуемого диалога-ритуала, показаны их сходства и различия с рассматриваемым текстом из пограничного сербско-македонского региона Пчини в Сербии.

Ключевые слова: *диалог-ритуал, Сочельник, Рождество, ритуальное приглашение, ритуальное кормление, защита от града, южная Сербия, западная Болгария, Македония.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.5.02

В рамках работы над старыми полевыми записями, сделанными еще в 1998 г. в этнолингвистической экспедиции в юго-восточном

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

регионе Сербии на реке Пчиня, автор натолкнулся на оригинальный архаический ритуал, направленный на обеспечение достатка и благополучия в семье, обнаруживающий редкое сплетение территориально близких, но этнически разных традиций. Речь пойдет о ритуальном приглашении некоего высшего божества на трапезу в Рождество с целью изобилия и процветания дома в наступающем году. Этнолингвистическое обследование проводилось в селе Ябланица в регионе Пчиня, близком к сербско-македонской границе. В этом селе было немало женщин, которые вышли сюда замуж, переехав из близлежащих сел региона, находящихся в шести и более километрах от села. Влияние литературного сербского языка на местный диалект было характерно почти для всех опрошенных, однако некоторые из собеседниц говорили и на хорошо сохранившемся диалекте. Одна из них — Благица Бойкович родом из села Брлевац, 12 км от Ябланицы, 1943 года рождения, от которой и были записаны наиболее интересные диалектные и этнолингвистические сведения.

Наша собеседница предупредила нас, что расскажет, как именно в ее доме праздновалось Рождество, хотя в других домах обычай был другой и ее действия могли восприниматься несерьезно: «*Ја да ти опричам ми на Божић како радимо! Ово у друге куће, па ће ми се смеје, вика не. У друге куће не, а ја у моју кућу направим леб, шарен. И ставим чашу вино, имам танур. Турим на танур, омесим зельаник, турим и њега, и изађем ван, а изнутра ме ћерка прашује, вика: “Како је, како је?” Ја викам: “На све куће ведрина, на моју облачина!” Трипут такој кажем, и улегнем унутра, и ја узнем паре, фрљим там у собу, викам: “Од мене оволичко, од Бога повише!” И попијемо оно вино чашу, и седнемо тџ око столче. Ја такој радим, такој ми остал обичај, такој радим» [Давай я тебе расскажу, что мы делаем на Рождество! Этого в других домах нет, поэтому надо мной будут смеяться. В других домах нет, а я у себя готовлю хлеб, украшенный. И ставлю бокал вина, есть у меня поднос. Кладу на поднос, выпекаю пирог с зеленью, кладу и его, и выхожу во двор, а изнутри меня дочка спрашивает: «Как там, как там?» Я кричу: «Надо всеми домами ясно, над моим — облачно!» Три раза так говорю и вхожу внутрь, и я беру деньги, бросаю там по*

1 По всей видимости, собеседница имеет в виду канун Рождества (вечер Сочельника), который традиционно объединяется у южных славян в одно целое с последующим днем: как известно, нередко канун праздника становится даже более насыщенным в отношении ритуально-магических действий, чем сам христианский праздник.

комнате, кричу: «От меня — столько, от Бога — побольше!» И выпьем тот бокал вина, и сядем около столика. Я так делаю, таков у меня остался обычай, так делаю].

В этом описании прослеживается целый ряд моментов, важных в семантическом и географическом отношении. Прежде всего следует отметить функцию ритуала-диалога, столь характерного у сербов и других балканских славян для ритуально-магических действий в Сочельник/Рождество². В рассматриваемом случае в сербском регионе Пчиня актуализируется метеорологический код с целью вызвать плодородие и изобилие в своем доме. Подобные типы диалогов (нередко — с дословно повторяющимся текстом: «Как во дворе? — Везде ясно, а над нашим домом тучи») приводятся Н. И. Толстым как известные и в восточной, и в западной Сербии, что связывается ученым с темой изобилия молока: «облачно» — «означало, что молоко будет целый год густым и с большим количеством сливок» (Толстой 1993: 99). Развивая этот сюжет, Н. И. Толстой приводит и косовские аналогии³ с лексикой, отмеченной нами и на Пчине («ведрина» находится в оппозиции к «облачина») и символизирующей те же отношения «бедности» / «богатства» в зашифрованной магической формуле.

Другой важный момент приведенного ритуала-диалога и сопровождающих его ритуальных действий — вынос во двор (*ван*) подноса с угощениями: хлебом (*шарен леб*), пирогом (*зельáник*), бокалом вина (*чаша вина*). Эти ритуальные действия свидетельствуют о семантике приглашения на обрядовый ужин некоего высшего божества, хотя соответствующей формулой приглашения они не сопровождают-

2 См. (Толстой 1984; Толстой 1993). После исследований этой темы Н. И. Толстым на структуру, семантику и типы ритуала-диалога в разных зонах Славии пристальное внимание обратили не только этнографы, но и этнолингвисты и фольклористы, см., например, недавнюю работу на эту тему К. С. Задой и Е. Э. Будовской, в которой описываются карпатоукраинские ритуалы в соответствии с их направленностью и функцией, в частности «диалоги, разыгрываемые на пороге дома перед праздничным ужином в Сочельник»; «диалоги, содержащие угрозы плодовым деревьям»; «диалоги, произносимые во время ритуального прятания за святочным хлебом»; «диалоги про кур» и др. (Задоя, Будовская 2018), имеющие параллели с балканославянскими фрагментами святочной обрядности. В пространстве Южной Славии ритуал-диалог известен в восточной ее части, у сербов, болгар и македонцев, — особенно хорошую его сохранность у сербов отмечал Н. И. Толстой (Толстой 1990: 90).

3 См. (Vukanović 1986: 353).

ся. Формула приглашения тем не менее отмечается в монографии М. Филиповича и П. Томич о Горней Пчине, причем начинается она с призыва на ужин градоносной тучи и Германа (затем и всех святых): хозяин перед ужином в Сочельник выходит во двор с зажженной свечой и ритуальным хлебом (*погача*) и произносит: «Облаче, облаче, Ђермане (па онда помиње и друге свеце), дођите вечерас да вечерамо па да се преко године не видимо!» [Туча, туча, Герман (а потом перечисляет и других святых), приходите сегодня вечером ужинать, чтобы потом в течение года нам не видеться!] (Филиповић, Томић: 92). Аналогичные приглашения фиксируются на территории Македонии. Так, в смежном с македонско-пчиньским ареалом — регионе Крива-Паланка (на востоке, граничащем с Кюстендилским краем в Средней Западной Болгарии) встречаем магическую формулу с обращением к празднику, в который ее произносят (в данном случае к Сочельнику): «Б’дваче, облаче, дојди да вечерамо, па око со око да не си видимо» [Сочельник, туча, приходи ужинать, и с глазу на глаз чтобы мы больше не встречались] (Малинов 2006: 90–91). Автор далее поясняет, что информанты проговаривают эти магические слова, чтобы посевы в течение года были защищены от града. В сопредельных македонских регионах (на севере — в македонской Пчине и на западе — в Кратове) отмечаются схожие формулы, но уже без упоминания праздника, с обращением только к градоносной туче: «Ој облаче, куда да си, доѓи да вечерамо, па преку сву годину с очи да те не видимо» [Ой, туча, где ты, приходи ужинать, чтобы в течение всего года ты на глаза мне не попадалась] (Малинов 2006: 91); «Облаче, облаче, дојди ова вечер да вечерамо, после цела година не доваѓај» [Туча, туча, приходи в этот вечер ужинать, потом целый год не приходи] (там же). В Кумановском крае вечером в Сочельник известно и приглашение «тучи-предателя» (*облак-неверник*)⁴: обычно самая старая в семье женщина кладет на противень пирог с зеленью, сверху на него хлеб с украшениями из теста (*шарениот вечерњаќ*), накрывает его цецилкой (макед. *цедило*)⁵ и, выйдя на порог дома, поворачивается лицом к тучам, проговаривая:

4 Здесь, как видим, акцентируется и мотив переменчивого характера облаков и туч, либо дающих благодатную влагу (и символизирующих, соответственно, добро и процветание), либо оборачивающихся градом (что ведет к неурожаю и нищете), ср. также символику оппозиции «белый — черный» (*белые облака* в противопоставлении к *черным тучам*).

5 У балканских славян цецилка — предмет материальной культуры, например, ткань или домотканая торба с завязками по краям.

«Облаче невёрниче, дојди с’га да вечерамо и да се вѣдимо, па цѣло лѣто да не се вѣдимо» [Туча-предатель, приходи сейчас ужинать, и повидаемся, чтобы весь год не видеться] (Николов 1960: 351). При входе в дом она бросает цедилку на черепицу — на следующее утро эту цедилку забирают и хранят на случай отгона градоносной тучи летом⁶. В этом контексте записанный от Благлицы Бойкович ритуал-диалог из сербской Пчини выглядит весьма логичным продолжением приглашения тучи: хозяевам дома необходимо как-либо подтвердить, что искомый мифологический персонаж (в данном случае — персонафицированная градоносная туча) откликнулся и «пришел» на ее угощение. Троекратное утверждение о том, что над всеми домами ясно, а над ее домом облачно, служит показателем свершившейся магии кормления вредоносной тучи.

Акты магического кормления градоносной тучи, фиксируемые на перекрестье трех традиций — сербской, македонской и болгарской, — на север от исследуемого пчиньского ареала — на востоке и западе Сербии — имеют тот же характер утверждения состоявшегося «прихода» тучи во двор дома, выражаемого в диалоге-ритуале и иных вербальных клише. Так, на востоке Сербии на Ресаве в Сочельник хозяйка вносит *бадняк* (ритуально сжигаемое в ночь под Рождество полено), и после приветствий («Христос рождается». — «Воистину рождается») хозяин ее спрашивает: «Како је напољу?» [Как там снаружи?], а она отвечает: «Свуда ведро, а на нашу кућу облачно!» [Везде ясно, а на наш дом надвинулись тучи!]. В другом селе на Ресаве происходит тот же диалог, но здесь хозяйка троекратно спрашивает о том же хозяина, который в Сочельник по традиции вносит в дом солому; ответ тот же (Костић 1966: 201). На западе Сербии известны ритуалы-диалоги, в которых подчеркивается выделяемый Н. И. Толстым мотив сопоставления хороших сливок на молоке с густыми облаками: например, в окрестностях города Чачак на Рождество крестьянка заходит в коровник, а своего ребенка оставляет снаружи и, называя его по имени, спрашивает: «Како је напољу?» [Как там снаружи?] Ребенок отвечает: «Облачина!» [Всё в тучах!]. И тогда она из коровника кричит: «Напољу облачина, мени кајмак ко поњавчина!» [Снаружи облачно, а у меня «каймак» как покрывало!]. Это делают для того, чтобы в следующем году из молока получался хороший «каймак» [масло из подсоленных сливок] (Јовашевић 1971: 179). Соответственно, на юге Сербии в Косове

6 Тогда через нее рассматривают тучу, проговаривая отгонную формулу (Николов 1960: 351, 348).

еще в начале XX в. собирателями фиксировались ритуалы-диалоги, подобные тому, что был записан в экспедиции на Пчиню: вечером в Сочельник домочадцы обходят три раза вокруг очага с соломой в руках, затем берут трапезный столик, и все, включая детей, выходят с ним на порог дома. Взрослые спрашивают стоящих за дверью детей три раза: «Како је на двор?» [Какая погода снаружи?], а они им оттуда отвечают: «Свуд је ведрина, а на нашу кућу облачно» [Везде ясно, а над нашим домом тучи]. Это означает, что «в каждом доме будет мало людей и скота, а в их доме достаточно и людей, и домашних животных» (Дебельковић 1907: 288). Кроме того, в архаических регионах юга Сербии, например в селах Лесковацкой Моравы, возможно проговаривание магической вербальной формулы как заклинания, без обращения к диалогу. Так, некоторые хозяева во время ужина в Сочельник выходят во двор и просто кричат: «Свуд ведро, куда нас је облачно» [Везде ясно, у нас — облачно!] (Ђорђевић 1958: 345)⁷.

Как пишут Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая, акциональный и предметный код в рождественских ритуалах приглашения и «кормления» играют такую же важную роль, как и устойчивые словесные формулы. Набор ритуальных предметов, отмеченных в нарративе из Ябланицы (поднос, обрядовый хлеб, пирог, вино) и действия выхода с указанными яствами за порог дома указывают на характер приглашения потустороннего существа на трапезу и в этом случае. Обращаясь к карте, которую создали Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая на основе анализа формул и действий ритуального приглашения у балканских славян (Виноградова, Толстая 1995: 186), можно увидеть, что именно на перекрестье сербской, македонской и болгарской традиций наиболее часто «приглашаемыми» персонажами на рождественский ужин были Бог, Богородица, а также Герман («который нередко воспринимается как персонифицированная градовая туча» [Виноградова, Толстая 1995: 188]) и собственно градоносная туча.

Необходимо отметить непосредственные сходства и параллели с сербской традицией в ее западной, юго-восточной и южной частях (особенно — с косовскими селами), с сербско-болгарским пограни-

7 Следует отметить, что практически повсеместно у балканских славян известны и приметы о том, что облачная погода в Сочельник или на Рождество предвещает плодородный год, см., например, в Лесковацкой Мораве на юго-востоке Сербии (Ђорђевић 1958: 345), западной Сербии (Ђукановић 1934: 228), регионе Фрушка-Гора в Воеводине (Шкарић 1939: 87), Боке Которской в Черногории (Вукмановић 1962: 503) и др.

чем (подчеркнем, что речь идет прежде всего о сходствах в южной части сербско-болгарского пограничья) и македонско-западноболгарским ареалом. Что касается болгарского ареала приглашения Бога и святых на рождественский ужин, то уместно также вспомнить обобщение по этому поводу в работе И. А. Седаковой. Автор отмечает, что «ритуал приглашения божества на территории Болгарии имеет четко ограниченный ареал» (т. е. на пограничье с Македонией и южной Сербией), тогда как в других районах Болгарии он не известен: «ритуал приглашения божества или градоносной тучи» выявляется на основе свидетельств из Кюстендилского и Софийского округов, некоторых сел Пиринского края и Перникского округа (Седакова 1984: 27)⁸. Как уже было упомянуто, адресат приглашения в нашей формуле не фиксируется, однако из последующих действий Благицы Бойкович, составляющих единое целое с предшествующими действиями выноса во двор подноса с угощениями и ритуалом-диалогом (произносимым с целью изобилия в доме), явствует, что адресатом приглашения в более позднем варианте мог быть также и Бог: исполнительница бросает в комнату немного монет со словами: «Од мене оволичко, од Бога повише!» [От меня — столько, от Бога — побольше!] (ср. также одаривание деньгами и другими подношениями сакрального гостя — полазника у балканских славян).

Таким образом, очевидно, что ритуал-диалог, фиксируемый в пчиньском нарративе 1998 г., отражает пограничный характер исследуемой традиции в том смысле, что аналоги такого текста с упором на утверждение появления, «прихода» тучи в Сочельник/Рождество практически повсеместно известны в Сербии (и в восточной, и в западной ее частях), тогда как южнее (на территории Македонии) и восточнее (на территории Болгарии) отмечаются уже собственно форму-

8 Отметим, что последующие этнолингвистические публикации и полевые исследования в Западной Болгарии подтверждают этот вывод ареального характера: например, приглашается на «богатый (сладкий)» ужин «Дедо Боже», см. в: (Узенёва 2001: 131); ср. также редукцию ритуала до запрета убирать со стола под Рождество остатки еды с вечерней трапезы, «чтобы святая Богородица ела ночью, ужинала» (Трефилова 2006: 238). В этнографическом сборнике из Софийского края 1993 г. фиксируется и более архаический срез данного ритуала: имеется подтверждение о приглашении градоносной тучи, однако без публикации самой вербальной формулы: «Человек, который окуривает <ритуальные предметы в доме>, зовет во дворе тучу на ужин, потому что верят, что тогда града не будет в течение года» (СК: 238).

лы приглашения и гораздо реже сам ритуал-диалог⁹ с подтверждением прихода градоносной тучи во двор как отклика на магическое приглашение¹⁰. Все рассмотренные мотивы включает, в том числе имплицитно, наш пчиньский текст о том, как Благица Бойкович отмечала Рождество в соответствии с обычаем предков уже на переломе двух столетий. С одной стороны, в действиях хозяйки прослеживаются необходимые составляющие для приглашения важного гостя (она выходит на порог дома с подносом угощений), с другой — очевидно троекратное утверждение появления над ее домом искомого объекта ритуального приглашения. На примере этого ритуала-диалога прослеживается балканославянская специфика сербско-македонско-болгарского пограничного региона: здесь пересекаются и «облачные» мотивы традиционного сербского ритуала-диалога в Сочельник, и мотив непосредственного приглашения вредоносного персонажа на торжественный ужин — градоносной тучи, что устанавливается при реконструкции обычая.

9 На территории Македонии такой диалог отмечен в регионе Велеса, где после обряда вызывания ветра на гумно для веяния жита летом женщины, возвращаясь в дом, кричат: «Хозяин, открой!», а тот из дома их спрашивает: «Кто кричит? Какая погода на дворе?» Женщины ему отвечают: «Надо всеми домами ясно. Над нашим — облачно». Ритуал-диалог повторяется трижды, после чего они входят в дом (Ристески 1975: 237). З. Малинов со ссылкой на исследовательницу А. Светиеву отмечает подобный ритуал-диалог в соседнем регионе Кратово: «...перед тем как начнется ужин <под Рождество>, хозяин сначала несет <ритуальный хлеб> *вечерник* скоту и кормит частью этого хлеба одну из овец, затем возвращается в дом, но перед входом стучит в дверь, после чего происходит магический диалог (три раза) между ним и домочадцами. На вопрос близких: “Дед, как погода на улице?” он отвечает: “У всех домов ясно, над нашим домом облачно”» (Малинов 2006: 91).

10 На карте «Адресаты приглашений на рождественский ужин», составленной С. М. Толстой и Л. Н. Виноградовой, туча в качестве приглашаемого персонажа отмечена три раза, причем не только на сербско-македонской границе на Пчине, но и шире — в Родопах и на юге Македонии, см. (Виноградова, Толстая 1995: 186). Для территории Македонии карту можно дополнить указанными выше свидетельствами из Куманова, Крива-Паланки, Кратова и македонской части Пчини. Добавим, что в рождественских приглашениях восточных славян архаическим коррелятом градоносной тучи является преимущественно мороз, как видно на той же карте.

Источники и литература

Виноградова, Толстая 1995 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // *Малые формы фольклора. Сборник памяти Г. Л. Пермякова.* М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 166–197.

Вукмановић 1962 — *Вукмановић Ј.* Божићни обичаји у Боки Которској // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena.* Zagreb, 1962. Sv. 40–41. S. 491–504.

Дебелковић 1907 — *Дебелковић Д.* Обичаји српског народа на Косову Пољу // *Српски етнографски зборник.* Београд, 1907. Књ. 7. С. 171–332.

Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // *Српски етнографски зборник.* Београд, 1958. Књ. 70. 724 с.

Букановић 1934 — *Букановић И.* Обичаји о слави и о Божићу // *Српски етнографски зборник.* Београд, 1934. Књ. 50. С. 216–241.

Задоя, Будовская 2018 — *Задоя К. С., Будовская Е. Э.* Ритуальные диалоги в святочной обрядности украинских Карпат // *Материалы круглого стола Valcanica. 6.* Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 149–177.

Јовашевић 1971 — *Јовашевић Д.* Обичаји у Чачанском крају // *Зборник радова Народног музеја у Чачку.* Чачак: Народно музеј, 1971. № 2. С. 175–208.

Костић 1966 — *Костић П.* Новогодишњи обичаји у Ресави // *Гласник етнографског музеја у Београду.* Београд: Етнографски музеј у Београду, 1966. Књ. 28–29. С. 191–218.

Малинов 2006 — *Малинов З.* Традицискиот народен календар на шопско-брегалничката етнографска целина. Скопје: БороГрафика, 2006. 354 с.

Николов 1960 — *Николов В.* Земјоделството и обичаите сврзани со земјоделската работа во Куманово // *Гласник на Етнолошкиот музеј: Нова Македонија.* 1. Скопје, 1960. С. 193–368.

Ристески 1975 — *Ристески М.* Баднички обичаи во некои краишта на Македонија // *Македонски фолклор.* Скопје: Нова Македонија, 1975. 15–16. С. 235–241.

Седакова 1984 — *Седакова И. А.* Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 269 с.

СК — Софийски край. София: Издательството на БАН, 1993. 340 с.

Толстой 1984 — *Толстой Н. И.* Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог // *Славянское и балканское языкознание.*

Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Наука, 1984. С. 5–82.

Толстой 1993 — *Толстой Н. И.* Еще раз о славянском ритуальном диалоге // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М.: Наука, 1993. С. 92–110.

Толстой 1999 — *Толстой Н. И.* Диалог-ритуал // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 88–91.

Трефилова 2006 — *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская область, община Перник, Средняя Западная Болгария // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. Вып. 10: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. С. 228–276.

Узенёва 2001 — *Узенёва Е. С.* Этнолингвистические материалы из юго-западной Болгарии (с. Гега, Петричская община, Софийская область) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 66–93.

Филиповић, Томић 1955 — *Филиповић М., Томић П.* Горња Пчиња // Српски етнографски зборник. Књ. 68. Београд, 1955. 134 с.

Шкарић 1939 — *Шкарић М.* Живот и обичаји «Планинаца» под Фрушком Гором // Српски етнографски зборник. Књ. 54. Београд, 1939. 275 с.

Vukanović 1986 — *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Т. 2. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986. 480 с.

References

Debeljković, D. “Обичаји српског народа на Kosovu Polju.” *Srpski etnografski zbornik*, knj. 7, Beograd, 1907, s. 171–332.

Đorđević, D. “Život i običaji narodni u Leskovačkoj Moravi.” *Srpski etnografski zbornik*, knj. 70, Beograd, 1958, 724 s.

Đukanović, I. “Обичаји о слави и о Вожићу.” *Srpski etnografski zbornik*, knj. 50, Beograd, 1934, s. 216–241.

Filipović, M., and Tomić, P. “Gornja Pčinja.” *Srpski etnografski zbornik*, knj. 68, Beograd, 1955, 134 s.

Jovašević, D. “Обичаји у Чаџанском крају.” *Zbornik radova Narodnog muzeja u Čačku*, no. 2, Čačak: Narodni muzej, 1971, s. 175–208.

Kostić, P. “Novogodišnji običaji u Resavi.” *Glasnik etnografskog muzeja u Beogradu*, knj. 28–29, Beograd: Etnografski muzej u Beogradu, 1966, s. 191–218.

Malinov, Z. *Tradiciskiot naroden kalendar na šopsko-bregalničkata etnografska celina*. Skopje: BoroGrafika, 2006, 354 s.

Nikolov, V. "Zemjodelstvoto i obiçaiete svrzani so zemjodelskata rabota vo Kumanovo." *Glasnik na Etnološkiot muzej*, 1, Skopje: Nova Makedonija, 1960, s. 193–368.

Risteski, M. "Badnički obiçai vo nekoj kraišta na Makedonija." *Makedonski folklor*, 15–16, Skopje: Nova Makedonija, 1975, s. 235–241.

Sedakova, I. A. *Leksika i simbolika sviatohno-novogodnei obriadnosti bolgar*, PhD dissertation. Moscow, 1984, 269 s.

Sofiški kraï. Sofia: Izdatelstvoto na BAN, 1993, 340 s.

Škarić, M. "Život i obiçaji Planinaca pod Fruškom Gorom." *Srpski etnografski zbornik*, knj. 54, Beograd, 1939, 275 s.

Tolstoy, N. I. "Fragment slavianskogo iazychestva: arkhaiskiï ritual-dialog." *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Ètnogeneticheskaia obshchnost' i tipologicheskie paralleli*, Moscow: Nauka, 1984, s. 5–82.

Tolstoy, N.I. "Eshchë raz o slavianskom ritual'nom dialoge." *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Struktura malykh fol'klornykh tekstov*, Moscow: Nauka, 1993, s. 92–110.

Tolstoy, N. I. "Dialog-ritual." *Slavianskie drevnosti: ètnolingvistički slovar'*, pod obshchei redakciei N. I. Tolstogo, 5 t., t. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 88–91.

Trefilova, O. V. "Ètnolingvistiicheskie materialy iz sela Kralevo dol, Pernichskaia oblast', obshchina Pernik, Sredniaia Zapadnaia Bolgariia." *Issledovaniia po slavianskoï dialektologii, vypusk 10, Areal'nye aspekty izucheniia slavianskoï leksiki*, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2006, s. 228–276.

Uzenëva, E. S. "Ètnolingvistiicheskie materialy iz iugo-zapadnoi Bolgarii (selo Gega, Petrichskaia obshchina, Sofiškaia oblast')." *Issledovaniia po slavianskoï dialektologii, vypusk 7, Slavianskaia dialektnaia leksika i lingvogeografiia*, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2001, s. 66–93.

Vinogradova, L. N., and Tolstaya, S. M. "Ritual'nye priglaseniia mifologicheskikh personazheï na rozhdstvenskiï uzhin: formula i obriad." *Malye formy fol'klora. Sbornik pamiati G. L. Permiakova*, Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1995, s. 166–197.

Vukanović, T. *Srbi na Kosovu*, t. 2. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986, 480 s.

Vukmanović, J. "Božićni obiçaji u Boki Kotorskoj." *Zbornik za narodni život i obiçaje Južnih Slavena*, sv. 40–41, Zagreb, 1962, s. 491–504.

Zadoja K. S., and Boudovskaia E. È. "Ritual'nye dialogi v sviatohnoi obriadnosti ukrainskikh Karpat." *Materialy kruglogo stola Balcanica. 6. Balkanskiï polilog: komunikatsiia v kul'turno-slozhnykh soobshchestvakh. Pamiati Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova*, Moscow, 2018, s. 149–177.

Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The Balkan Slavic specificity of a Christmas dialogue ritual in Pčinja (Serbia)

N. I. Tolstoy dedicated a lot of attention to the Slavic dialogue ritual in his ethnolinguistic works. This ritual can be found in the Eastern parts of South Slavia, among Serbs, Bulgarians, and Macedonians. The Balkan specifics of the Christmas dialogue ritual in Pčinja (Serbia) is established on the basis of the verbal and actional codes of the ritual. The dialectal narrative in Pčinja, registered in 1998, is a dialogue ritual meant to shield the crops from hail in the coming year. It includes the motif of coaxing feeding a hail cloud, as an areal-semantic reconstruction of the ritual shows. The investigation also defines the semantic and geographical connections of the text to corresponding Macedonian and Bulgarian speech formulas. The areal of the fragment of the traditional folk culture under scrutiny includes the southern part of the Serbian-Bulgarian border area, north eastern and central parts of Macedonia. This can be also proven when the well-known and newly published ethnographical and dialectal data are taken into consideration. In eastern and western Serbia speech clichés are detected, similar to those included into the dialogue-ritual under scrutiny that originates from the border Serbian-Macedonian area of Pčinja. Their similarities and differences with the text of the ritual are demonstrated.

Keywords: dialogue ritual, Christmas Eve, Christmas, ritual invitation, ritual feeding, shielding from hail, southern Serbia, western Bulgaria, Macedonia.

УДК 821.163.6
ББК 83.3 (4/8)

Т. И. Чепелевская
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Художественное историческое время в творчестве Ивана Цанкара

В статье на примере творчества крупнейшего словенского писателя Ивана Цанкара (1876–1918) рассматривается тема художественного исторического времени; поднимается вопрос о месте и роли исторического времени в литературных текстах, авторы которых используют его для организации сюжета, характеристики персонажей и художественного пространства. Цанкар, как правило, не дает развернутых описаний того или иного значимого события; время историческое присутствует в его произведениях в виде экскурсов, в воспоминаниях героев; иногда он обращается к совсем недавней истории, прозорливо угадывая важность того или иного явления для судеб как отдельных людей, так и целых народов. Подобные события образуют тематические узлы, мотивы, сюжетные линии его произведений. Доминируют в прозе Цанкара три темы: крестьянские восстания XV–XVII вв., Первая мировая война и тема эмиграции. Не раз писатель обращался к сюжетам и темам народной поэзии, при этом его взгляд на нее и на знаковые для словенской культуры фольклорно-мифологические персонажи порой кардинально отличался от взглядов многих его современников. Это, в частности, отразилось в работе над драмой о крестьянских восстаниях. Особое внимание он уделяет тем моментам национальной истории, которые в народном сознании подверглись своеобразной сакрализации («золотой век»). Излюбленный прием писателя — это воссоздание исторического эпизода или этапа через обращение к фольклору и народной мифологии, в том числе к ее героям. Для некоторых исторических процессов (эмиграция) он вводит тему разрыва человека с родиной.

Ключевые слова: *Иван Цанкар, художественное историческое время, словенская литература.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.01

Историческое время с присущим ему делением на связанные по смыслу и перекликающиеся отрезки (прошлое — настоящее — буду-

щее), может быть и предметом изучения науки об истории, и одним из видов художественного времени.

В данном случае можно говорить об историческом художественном времени. В его основе лежит не только индивидуальная, но и коллективная память, питаемая как хронологической, так и эмоциональной памятью о времени или его отдельных этапах, эпизодах, периодах. И если, как отмечала Л. А. Софронова, «претендующие на объективность исторические исследования следуют хронологической памяти, эмоциональная память свидетеля или участника событий “выдергивает” из прошлого отдельные эпизоды, которые приобретают новую смысловую наполненность по сравнению с научными текстами»¹. Еще большую способность к вариативности приобретает историческое время в литературных текстах, где авторы в соответствии со своими художественными задачами включают его для организации сюжета, характеристики персонажей и художественного пространства. Также ссылки на исторические события становятся особыми маркерами текста. При этом может происходить разбивание линии времени точкой присутствия автора-рассказчика или автора-повествователя, и тем самым задается разная направленность движения времени — вперед, в будущее, и назад, в прошлое.

Что особенно важно, в текстах культуры разных историко-культурных эпох и национальных традиций возникают самые разные образы художественного времени, формируются его концепты и символы, проявляются устойчивые мотивы, постепенно кристаллизуются общие принципы метафоризации времени. Тем самым выявляются те особые отношения, в которые человек вступает со временем. Мы постараемся рассмотреть это на примере творчества классика словенской литературы Ивана Цанкара (1876–1918).

Впервые проблема исторического времени в словенской литературе появляется у Валентина Водника (1758–1819) в его оде «Иллирия возрожденная» (1811), хотя лишь в достаточно зародышевом состоянии и с опорой на идеи Просвещения. Поэт стремится представить историческое развитие иллиров, предков словенцев, с античной эпохи, от древней Греции и Рима до времени наполеоновских войн; называет Иллирию землей, лежащей в центре Европы.

Впоследствии его мысли по-своему развивает Франце Прешерн (1800–1849) в своем знаменитом «Венке сонетов» (1834). Для него

1 Софронова Л. А. Введение // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда / отв. ред. Л. А. Софронова, А. В. Семенова. М., 2009. С. 5.

ход времени, с которым он связывает и свою жизнь, и развитие словенской поэзии, проявляется на отдельных трех этапах, находящихся между собой в «особых диалектических отношениях»². Первый из них связан с именем легендарного короля Само (623–658) — вождя западных славян, восставших против аваров; в результате восстания возникло одно из первых крупных политических объединений западных и южных славян (однако после смерти Само оно распалось). Для словенцев это было время, когда они наслаждались свободой, счастьем и благоденствием. Поэт не останавливается на детальном раскрытии этой эпохи, ему достаточно создать символический образ, отражающий эту счастливую пору. На смену ей приходит время чужеземного гнета, ставшего следствием «распрей между самими славянскими народами», а вместе с ним эпоха не-свободы, страданий и позора, о чем по-своему свидетельствует и судьба словенской поэзии:

Минуло время подвигов и чести,
Их боевая доблесть не будила,
И ныне песен не запеть невесте.
(«Венок сонетов», 8-й сонет, *перевод С. Шервинского*)

Свои упования поэт связывает с грядущим третьим этапом, когда будут восстановлены первоначальные свободы и честь, преодолены «распри» и чужеземный гнет, а значит, вернется реальность прежних благодатных для словенцев дней. Таким образом, в творчестве поэта-романтика историческое время и его важнейшие периоды обретают символично-метафорическое обозначение.

Вместе с тем, как отмечает словенский ученый, историк литературы Я. Кос, сравнивая представления о времени и истории в творчестве Ф. Прешерна, Гёльдерлина и Новалиса и отмечая их общую романтическую природу, опирающуюся на гегелевскую триаду прошлого, настоящего и будущего, это представление у словенского поэта получает более конкретное воплощение и связано с темой родины, которая, в свою очередь, неразрывно связана с темой любви и поэзии. Ученый подчеркивает, что «у Прешерна речь идет об историческом времени, носителем которого является конкретный словенский народ, и оно представляется поэту — пусть и глядящему на него еще через призму

2 Kos J. Čas in zgodovina v romantični poeziji: Novalis, Hölderlin, Prešeren // Kos J. Prešeren in njegova doba. Študije. Ljubljana, 1991. S. 115.

поэтически воображаемого прошлого или утопического будущего — как реальность в рамках действительного хода истории»³.

Попытки в поэтической и прозаической форме воплотить свои представления об историческом времени делались и после Ф. Прешерна. Они были связаны с обращениями к конкретным историческим событиям (например, историческая драма «Тугомер»⁴; история графов Цельских, которая легла в основу трагедии Й. Юрчича (1844–1881) «Вероника Десеницкая»). К этой группе произведений следует отнести и патриотическую лирику (С. Грегорчич (1844–1906), А. Ашкерц (1856–1912) и др.), в которой такое обращение к ярким историческим вехам связано с актуализацией в виде своеобразных символов развития национального самосознания словенцев.

У Ивана Цанкара острая потребность ощутить «дух времени» и стремление выразить его формируется очень рано. В одной из первых его литературно-критических работ (статья «Антон Ашкерц», 1896) он пытается определить основные черты своего времени и обозначить миссию современного писателя, которую он видит в отказе от идеалистических представлений о жизни и погружении в реальное бытие (выход на «арену жизни»). После переезда в Вену в его душе происходит перелом: он старается ощутить и передать новые звуки и даже запахи времени, его новый дух. На какой-то период увлечение философией Эмерсона, знакомство с современной литературой европейского символизма, погружение в мистический художественный мир Метерлинка, Бодлера уводит писателя в совершенно иное пространство, где ход времени подчиняется своим законам, где «каждая вещь, событие, действие пронизаны божественной субстанцией», где «все развивается по духовным законам существования этой прасубстанции, или “вселенской души”»⁵. Постепенно происходит переосмысление этих взглядов, о чем свидетельствует «Эпилог» к сборнику «Виньетки» (1899). В нем выражено его новое видение развития современной литературы, тесно связанной с новой исторической эпохой. В его произведениях начинает доминиро-

3 Ibid. S. 127.

4 Первый, прозаический, вариант драмы «Тугомер» был написан Й. Юрчичем в 1875 г., а в 1876 г. на его основе Ф. Левстик (1831–1887) создал новый стихотворный вариант.

5 *Бодрова А. Г.* Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб., 2010. С. 23. Это нашло отражение в письмах писателя (например, письмо Анне Лушиновой от 25.07.1898 г.) и произведениях этого времени (рассказы «Лунный свет», «Человек» и др.).

вать внимание к проявлениям реальной жизни и их художественному воплощению. В это же время осмысление художественного опыта русского реализма с его психологизмом и вниманием к «диалектике души», а также французского и немецкого символизма и импрессионизма помогает Цанкару активно использовать новые идеи и художественно-выразительные средства, созвучные эпохе европейского модернизма.

Наряду с этим в творчестве И. Цанкара, в первую очередь в его прозе, предметом пристального внимания становится проблема исторического времени; его также волнует вопрос о ходе и ритме исторического развития, он стремится проникнуть в суть тех процессов, которые неотделимы от судьбы его народа. Писатель, как правило, не дает развернутых описаний того или иного события. Время историческое присутствует в его произведениях в виде экскурсов, в воспоминаниях героев. Иногда он обращается к совсем недавней истории, прозорливо угадывая значимость того или иного явления для судеб как отдельных людей, так и целых народов. Подобные события образуют тематические узлы, мотивы, сюжетные линии его произведений.

Можно выделить несколько значимых этапов словенской истории, получивших отражение в словенской литературе: эпоха раннего Средневековья (Ф. Прешерн), эпоха Реформации, оставившая глубокий след в сознании словенцев и оказавшая влияние на формирование национальной идентичности. Художественное воплощение она получила в ряде произведений (в частности, в романе И. Тавчара (1851–1923) «Хроника усадьбы Высокое», подробно исследованном Н. Н. Стариковой⁶). Однако наибольшее «внимание было сосредоточено на трех тематических узлах этого отрезка прошлого: деятельности графов Цельских по объединению словенских земель, турецких набегах и крестьянских восстаниях XV–XVI вв.»⁷. Цанкар в качестве доминирующей для себя выделяет тему крестьянских бунтов XV–XVII вв. и добавляет к ней темы Первой мировой войны и эмиграции.

Итак, одна из них связана с периодом народных восстаний в словенских землях начиная с XV в.⁸ Причиной этих народных возмуще-

6 *Старикова Н. Н.* Тема Реформации в словенской исторической прозе: роман И. Тавчара «Хроника усадьбы Высокое» // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 296–306.

7 *Старикова Н. Н.* Словенский исторический роман 1920–1930-х гг. / отв. ред. Г. Я. Ильина. М., 2006. С. 54.

8 Крупнейшими крестьянскими восстаниями стали бунт в Каринтии в 1478 г., общесловенские восстания 1515 г. и 1635 г., хорватско-

ний было недовольство нарушением «старого закона» («stara pravda»), целью служило сохранение традиционных по форме и размеру крестьянских налогов и повинностей. Эти трагические события нашли отражение в словенском фольклоре: народных песнях, легендах. Впоследствии они становились мотивами или сюжетами литературных произведений разных авторов⁹. Так, в XIX в. Я. Трдина (1830–1905) вводит тему народных волнений в одно из произведений цикла «Сказки и повести о горьянцах» (1881–1888 гг.) — повесть «Петер и Павел». А. Ашкерц создает цикл баллад «Старая правда» (1890), посвященных восстаниям XVI в., где «умело передает [...] народное мироощущение, а в некоторых балладах он будто смотрит на мир глазами набожных, суеверных крестьян, верящих в чудеса и приметы (“Небесное знамение”, “Княжий камень”»)¹⁰. В свой цикл А. Ашкерц включает и балладу «Король Матьяж»: в ней с опорой на народную поэзию раскрывает образ короля-защитника. Д. Кетте (1876–1899), один из молодых поэтов «Словенской модерна», в 1880-е гг. задумавший написать роман из истории крестьянских бунтов и турецкого нашествия XV–XVI вв., также наряду с историческими хрониками обращался к текстам народных преданий. В его архиве сохранилась запись варианта легенды о возвращении на землю короля Матьяжа, который принесет людям счастье и справедливость.

Таким образом, уже начиная с XIX в., эта историческая эпоха получает художественное воплощение в целом ряде произведений, в некоторых из которых особое место отводится образу короля Ма-

словенское восстание 1573 г. Отдельные крестьянские бунты происходили даже в XIX в., см.: *Гранда С.* Краткий очерк истории словенцев // *Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2010. С. 30.*

⁹ В XIX в. литературные обработки сюжета в разное время осуществляли П. Дайнко, М. Равникар-Поженчан, Ф. Прешерн, Ф. Левец, Я. Трдина, А. Ашкерц и др.

¹⁰ *Рыжова М. И.* Предисловие // *Ашкерц А.* Избранное / пер. со словенского яз., сост., предисл. и примеч. М. Рыжовой. Л.; М., 1987. С. 5–6.

Как и Я. Трдина, А. Ашкерц стремится к созданию обобщенного образа народа, выступлениям которого придается некий романтический ореол. Лишь при создании образов отдельных персонажей (например, крестьянского короля Матии Губеца, вождя движения за создание словенско-хорватского крестьянского царства) поэт акцентирует внимание на исторически достоверных фактах (описание казни — коронование раскаленной короной на раскаленном престоле).

тъяжа. И это не случайно. Фигура короля Матъяжа, вокруг которой складывается некий романтический ореол доброго и справедливого правителя и народного заступника, начинает рассматриваться не в рамках реальных исторических событий, а часто как средоточие черт и подвигов оставшихся неизвестными героев его времени.

И. Цанкар не раз обращался к сюжетам и темам народной поэзии, при этом его взгляд на нее и на знаковые для словенской культуры фольклорно-мифологические персонажи порой кардинально отличался от взглядов многих его современников. Это, в частности, отразилось в работе над драмой о крестьянских восстаниях, первоначальная идея которой созрела у писателя еще в Любляне в 1895–1896 гг. В 1901 г. в одном из писем брату Карлу (от 19.03.1901 г.) он назвал свое будущее произведение «великой трагедией словенского крестьянства»¹¹. Тогда же он начал работать с историческими документами, посвященными словенским землям разных эпох. Правда, его расстраивали неполнота и недостаточная сухость этих источников, и в том же письме брату он признается: «Дело в том, что все эти историки пишут историю мертвой земли, страны без народа, который жил на ней. Ты можешь точно узнать, чьей “собственностью” была эта земля издавна и до настоящего времени, а как жил, работал и мыслил народ, что жил здесь, этого ты не прочтешь нигде»¹². Однако то, что писателю не могли дать сохранившиеся документы, он старался почерпнуть из фольклора — народных песен и легенд о том времени, многие из которых воссоздавали символический образ короля Матъяжа. Следует отметить, что Цанкар не раз включал сюжет легенд о короле Матъяже в свои произведения разных периодов: от повестей и романов 1890-х гг. до сочинений предвоенных и военных лет. Он не только сумел вскрыть причины устойчивости этой мифологемы в словенском национальном сознании, но и придать легендарному образу новое символическое звучание. Это новое видение мифа, постепенно кристаллизуясь, обрело яркое художественное воплощение в произведениях военных лет. Так, в автобиографическом рассказе «Грешник Ленарт» (1915) автор-повествователь воссоздает этапы собственного осмысления легенды о короле Матъяже: от детской наивной веры в его реальное существование до осознания себя тем самым народным героем, который, собрав большое войско, освободит мир от несправедливости и горя и возвестит царство добра и всеобщей

11 Pisma I. Cankarja / uredil Iz. Cankar. T. 1–3. Ljubljana, 1948. T. 1. S. 120.

12 Ibidem.

любви. Таким образом, автор-герой идентифицирует себя с королем-защитником, а древняя легенда лишается своего чудесно-сказочного ореола. Позже писатель вновь обращается к образу короля-легенды: в рассказе 1916 г. «Король Матьяж», вошедшем в сборник «Видения», Цанкар, используя ядро легенды о народном герое, короле-заступнике всех страдающих, стремится создать панораму всеобщего горя, картину общечеловеческой слепоты перед лицом войны.

Однако первой попыткой художественного развенчания мифа о короле Матьяже, привнесения в него человеческого элемента становится повесть «Бродяга Марко и король Матьяж» (1905)¹³. Обозначенное уже в названии повести соединение двух пластов: реального и мифологического — реализуется в двух центральных образах произведения. С одной стороны, это реальный герой, сын зажиточного крестьянина Марко, ставший после смерти отца бродягой, после того как за короткое время пропил и прогулял нажитое предками имущество, с другой — мифологический персонаж, имя которого в словенской духовной культуре ассоциировалось с образом народного заступника. Эти сложившиеся в народной среде представления о далеком прошлом автор вкладывает в уста героев второго плана, например, безымянного старика-крестьянина (в доме крестной Марко). Вот как он характеризует связанный с именем короля «золотой век» словенской истории: «В те времена не было ни налогов, ни войны; нива давала урожай дважды в год, никогда не было ни града, ни засухи и наводнений. Люди сидели сложа руки, но имели всего вдоволь. Мои глаза видели те времена...»¹⁴ Другой герой повести, старик-батрак, тоже связывает всеобщее народное благоденствие с именем короля Матьяжа, который правил всеми странами до моря, победив всех королев и императоров. Под защитой его короны крестьянин зажил хорошо, он отменил десятину и другие подати, а главное — вернул крестьянам их права. Но время всеобщего изобилия скоро закончилось, так как люди восстали против Бога и короля. И тогда наступила пора несчастий: нива не давала ни колоска, виноград, даже самый кислый, не родился; вернулись налоги, начался

13 В финале произведения автор подводит своего героя к осознанию, что миф о знаменитом короле остается лишь мифом: во сне попав в пещеру и увидев спящее воинство и короля Матьяжа, Марко, очнувшись, стряхивает с себя наваждение и тоску по королю-спасителю и утверждает право самому вершить свою судьбу: *Cankar I. Izbrano delo / uredil V. Merhar. Ljubljana, 1952. Zv. 4. S. 454.*

14 Ibid. S. 372.

голод, и чума пришла на землю. И король умер, опечаленный такой неблагодарностью, а с ним умерла на земле и справедливость¹⁵. И теперь, согласно народному преданию, он спит в глубокой пещере, положив голову на каменный стол, а рядом спят его оруженосцы и воины. И нужно лишь найти и разбудить короля, и он своим грозным мечом восстановит справедливость на земле.

Особую роль в произведении И. Цанкара играет вставная «Повесть о печальном конце Али-паши», которую Марко, находящемуся в состоянии полубодрствования-полусна, рассказывает его герой-двойник Грегор. В ней причудливым образом соединилась история «умирания» некогда процветающего края, жителей которого обокрал и сделал рабами на собственной земле хитрый и коварный маклер Феликс, получивший в народе имя одного из самых жестоких героев времен турецких набегов — Али-паши, а также картины народного бунта. Сцены бунта в произведении передаются с использованием цветового кода: кровавая заря на востоке, предвещающая опасность; пожар, словно красным плащом накрывший замок Али-паши. Самих восставших он представляет как «черных сватов», пришедших на свадебный пир дочери Али-паши.

Лейтмотивом звучит мысль, что люди «не могут себя спасти, если верят в избавителя»¹⁶. Следы этой парализующей волю веры Марко видит в опустевших деревнях и селах, в которых остались лишь старики. Символом обезлюдившей территории становится образ «мертвого» села с пустыми домами, где героя встречает его тетушка Агата. Словно родная мать-земля, она умоляет Марко не покидать родной край, как это сделали многие ее дети.

Если «народное» описание «золотого века» связывается у Цанкара с реальными событиями XVI в., то вставная повесть об Али-паше и его притеснениях, отмеченная всеми стилистическими признаками народного сказания, имеет двойной смысл. С одной стороны, Цанкар отсылает историческую память своих читателей к тяжелым годам господства Фридриха III, отвоевавшего эти земли у Матиаша Корвина; с другой, очевидна отсылка к реалиям более позднего времени: начиная с послереволюционных событий XIX в. (1848 г. и далее) вплоть до времени начала аграрного кризиса 1870-х гг. За достаточно короткий период времени всеобщая эйфория, связанная с полученными свободами и освобождением крестьян от многих повинностей (1848–1850),

15 Ibid. S. 373.

16 Ibid. S. 416.

сменилась периодом разочарования в связи с ужесточением налогов, а начавшееся разорение крестьянских хозяйств вызвало первый вал массовой эмиграции. Годы эйфории автор повести определяет благодаря весьма емкому понятию «*матьяжевание*», а их осуждение вкладывает в уста самих крестьян. И старик-крестьянин в корчме («не земля изменилась, а человек»), и старый корчмарь («разнузданность и пьянство тогда были в долине, падение нравов») с грустью подтверждают, что сами люди вершили свою судьбу, и миф о прекрасном времени обернулся трагедией всего народа.

Таким образом, воспоминания о «золотом веке», когда правил король Матьяж, Цанкар делает ключом к пониманию царящих в словенском обществе настроений в годы экономического кризиса. Одних это заставляет уезжать из родных мест на поиски лучшей и легкой жизни: в Америку или Германию; других — оплакивать свою тяжелую жизнь на родине, погружаясь в пьянство, третьих — становиться бродягами, веселыми хозяевами бесконечных дорог, каким стал и герой повести Марко. Он свое нежелание работать на земле оправдывает необходимостью приблизить лучшие времена, в чем ему может помочь король, которого нужно лишь найти и разбудить. Отсюда и его мысли о дороге, длинной, бесконечной, ведь она дарит сердцу надежду и радость. Так писатель в своем художественном произведении две важные для словенцев исторические вехи связывает именем мифологического героя, благодаря сложившемуся в народном сознании культу которого дает художественную оценку этим историческим событиям.

Иными словами, Цанкар, отойдя от замысла исторической драмы, при создании повести «Бродяга Марко и король Матьяж» отказывается от воссоздания хода самих исторических событий, а старается передать его через рефлексию своих героев на события давно прошедших дней. Таким образом, само историческое событие, вычлененное из потока времени, оказывается не доминирующим, оно играет вспомогательную роль. Важным оказывается то, что, соединяя сохранившиеся в памяти народа воспоминания о народных восстаниях («актуальное прошлое») и неизбывную веру в короля-заступника, вводя значимый для народной картины мира мифологический образ, писатель старается восстановить дух исторического времени. При этом он ставит перед собой задачу найти связующие нити с последующими этапами словенской истории.

Другой важной темой, раскрывающей взгляды писателя на ход истории, становится тема Первой мировой войны. Она принесла тяжелые испытания не только словенскому народу, о будущем которого

в эти годы размышлял писатель, но и ему самому. По доносу, обвинявшему его в «сербофильстве»¹⁷, он был арестован и уже 23 августа 1914 г. оказался в люблянской крепости. В конце 1915 г. он был призван в армию и провел около полутора месяцев в учебных лагерях в Юденбурге. «Годами ужаса» назвал он это время, впечатления от событий которого легли в основу многих его рассказов, впоследствии объединенных им в книги «Моя нива» и «Видения» (1917). При этом писатель намеренно отходит от прямого обращения к описаниям ужасов войны (хотя материала было достаточно), он выбирает свой путь: полное неприятие набирающей обороты бойни он сумел выразить с помощью символических и религиозных образов, иносказаний, часто в форме страстной исповеди, сумел передать свою глубокую обеспокоенность судьбами народов и человека на войне. В книге «Видения», опираясь на христианскую мифологию, он вводит мотив Страшного суда, Спасения и знамения судьбы, который проявляется уже в первом рассказе «Зеркало», когда человек Божий стоит перед зеркалом, поставленным Божьей десницей. Постепенно библейские образы у Цанкара трансформируются, и рождаются новые метафоры.

Так, в рассказе «Леда» (из цикла «Из чужой жизни») перед нами будни лагерной жизни в Юденбурге с четко выверенным распорядком военных упражнений, почти автоматическими движениями рекрутов, выполняющих команды командиров. Все казалось неестественным и странным: «Резкими, будто деревянными шагами шеренги солдат двигались взад-вперед, направо и налево, сходились и расходились, внезапно, словно подкошенные, падали, тут же вскакивали, маршировали в одном направлении, в другом, пускались бежать и вдруг, как вкопанные, останавливались перед забором. По всему лагерю разносились громкие отрывистые выкрики на каком-то странном языке, а голос, может быть из-за густого тумана, звучал тоже странно и неестественно»¹⁸. Этому буквально загнипнотизированному войной миру, в котором даже балки над головой спящих в бараке солдат кажутся крестами на могилах, автор противопоставляет мир естественный, природный, а марширующим, словно деревянные солдатики, рекрутам собаку — Леду, всем своим видом выражающую непонимание и осуждение происходящего: «В спокойных, вопрошающих

17 О политической обстановке в Австро-Венгрии и массовых судебных процессах по обвинению в сербофильстве в самом начале войны см.: *Нечак Д., Рене Б.* Перелом: 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне / пер. со словен. яз. Любляна, 2012. С. 137–141.

18 *Цанкар И.* Избранное: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 423.

глазах собаки было безжалостное презрение и то превосходство духа, разума и доброты, которое срывает в мгновение ока покровы тщеславия и суетности, подвергая их заслуженному позору»¹⁹. Еще более определенным становится стремление дать философское осмысление последствий войны в рассказе «Господин капитан», где в рамках оппозиции «жизнь / смерть» писатель создает образ огромной художественной силы. Капитаном в черной шинели, забирающим из строя лучших молодых солдат, видит писатель Смерть в эти годы. Так в произведениях, посвященных войне, Цанкар формирует устойчивый мотив остановившегося, словно замершего времени, а созданная им аллегорическая фигура подчеркивает значимость оппозиции «жизнь / смерть»²⁰.

С необычайным даром провидения Цанкару удалось выделить и воссоздать в художественной форме еще один важный для его народа исторический период — эпоху рубежа XIX–XX вв., когда экономический кризис вызвал массовое разорение многих крестьянских хозяйств и ремесленных мастерских и, как следствие этого, вынужденную эмиграцию словенцев. Хотя эмиграция в Германию и Америку имела место и ранее, но, как отмечают словенские историки, на стыке столетий этот процесс вызвал огромные демографические потери. Уехало более 250 тыс. словенцев (примерно 6,5–7,5% жителей), поэтому, несмотря на высокие показатели рождаемости, демографический прирост был скромным (1,8% в последнее десятилетие XIX в. и 3,55% — в первом десятилетии XX в.). Главными причинами процесса эмиграции стали крупные и непрекращающиеся кризисы в аграрном секторе, раздробленность земель, которые не могли прокормить большие семьи, и огромный процент безработицы, но дело было не только в этом. По мнению словенских ученых, у словенцев, решившихся на эмиграцию, все сильнее проявлялось стремление к более высоким жизненным стандартам, которых невозможно было достичь на родине²¹.

19 Там же. С. 425.

20 Заслуживающим внимания нам представляется сопоставление творчества И. Цанкара на эту тему с произведениями Станко Майцена и Прежихова Воранца. Эти три словенских писателя, свидетели и участники великого исторического события, оставили в чем-то схожие, но во многом глубоко личные художественные отклики о той войне. См. об этом подробнее: Чепелевская Т. И. Первая мировая война в словенской литературе (И. Цанкар, Прежихов Воранц, Ст. Майцен) // SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 276–295.

21 Нечак Д., Пене Б. Перелом: 1914–1918... С. 22–23.

Эта тема вошла во многие произведения И. Цанкара. В романе «Крест на горе» (1904) писатель обращается к ней, создав образ Тоне-американца, молодого крестьянского сына, некогда уехавшего на заработки в Америку, который возвращается домой на побывку. Однако все его мысли и надежды на будущее уже связаны с чужбиной²². Картину страшного запустения, последовавшего после массового исхода разорившихся крестьян в поисках лучшей доли, создает писатель в повести «Бродяга Марко и король Матьяж». Ядром этой картины становится описание «мертвой» деревни, где царит дух запустения и где остались доживать свой век одни старики²³. А образ покинутой сыновьями тетушки Агаты в полусонных видениях героя преобразуется в образ родной земли: «Ты земля, земляца, мать, которую я оставил некогда с веселым сердцем, ты протянула ко мне свои руки, чтобы прижать к своей груди навсегда!»²⁴. Осознавая историческую значимость этого процесса, способного повлиять на выживание и сохранение его народа, Цанкар обращается к теме эмиграции и в более поздних произведениях 1909 г.: повести «Курент» и «Повести о двух молодых людях». В первой — тема эмиграции служит для создания развернутой картины происходящего на его родине. В заключительной пятой главе произведения герой Цанкара, который прочитывается и как художественный вариант фольклорно-мифологического образа, и, по мысли Е. И. Рябовой, как «аллегорический образ народного поэта, живущего одной жизнью с народом, боль которого тысячекратной болью отзывается в его сердце»²⁵, оказывается среди тех, кто устремляется на чужбину и с тоской в сердце прощается с родным краем. Он слышит их последнюю песню: «Улыбнись нам на прощанье, родина несчастная, превыше всех любимая! Улыбнись нам, мертвым без тебя, ибо что нам на чужбине веселье, юность и жизнь!»²⁶

В «Повести о двух молодых людях» тема вынужденной эмиграции оказалась в центре повествования. Молодые влюбленные — батрак Павле и дочь крестьянина Мара — решают разлучиться с на-

22 О жизни обосновавшихся в Америке словенцев, создавших в некоторых городах словенские землячества, и о своих собственных впечатлениях пишет в книге воспоминаний «Отзвуки Красной Земли. По письмам из Америки» Божидар Якац, см.: *Jakac B. Odmevi Rdeče Zemlje / po pismih iz Amerike priredil M. Jarc. Ljubljana, 1932. S. 19–21.*

23 *Cankar I. Izbrano delo. Zv. 4. S. 426.*

24 *Ibid. S. 436.*

25 *Рябова Е. Иван Цанкар... С. 18.*

26 *Цанкар И. Избранное: в 2 т. Т. 1. С. 218–219.*

деждой, что, разбогатев в чужих краях, они смогут построить свое счастье. Она уезжает из родного села в Любляну, став служанкой в богатом доме; он по примеру своего друга Лойзе, некогда покинувшего родные места, отправляется в Америку. Однако их романтические ожидания вскоре сменяются горьким разочарованием. Через судьбу простого словенского парня из Крайны, прошедшего путь от восторженного искателя счастья до почти потерявшего человеческий облик бездомного бродяги, пополнившего ряды многотысячной армии безработных, Цанкар раскрывает тему эмиграции рубежа веков, захватившей огромные массы людей из разных земель и стран.

Примечателен созданный в повести многоплановый образ Америки, этой страны обетованной. В нем присутствуют и мифологические черты («Где эта Америка? Наверное, там, куда плывут звезды длинной вереницей!» — размышляет перед своим отъездом Павле²⁷). Идеально-романтическую составляющую этого образа автор подкрепляет слухами и разнотолками («Сколько людей за ночь богачами стали. Они убежали за море от злобных взглядов, ни гроша за душой, сирые и убогие, а вернулись по-королевски, сыпя направо и налево золотыми!»²⁸). Гораздо важнее для героев оказываются реалистические составляющие этого образа. С одной стороны, в глазах людей, устремляющихся за океан, Америка становится привлекательной: там «не спрашивают, чей ты сын, — батрака или старосты, важно, чего ты стоишь, все равно — будь твой отец хоть царь, хоть нищий»²⁹. С другой стороны, в глазах простых людей, крестьян, эта страна, словно чудовище, поглощает многих, лишая их сил и здоровья («Что ни день, уезжают сотни. Бегут, словно от чумы, а сколько вернется. А и вернутся, так дряхлыми стариками, измученными жизнью!»³⁰). Этот пространственно отдаленный художественный образ Америки становится у Цанкара важной составляющей образа времени, в котором каждый из его современников мог найти хорошо знакомые черты.

Таким образом, И. Цанкар вслед за Ф. Прешерном воспринимает время как прошлое — настоящее — будущее и ставит акцент на судьбе словенского народа. Говоря об историческом времени, он выделяет как сакрально отмеченные, так и «профаные» его отрезки³¹. Особое

27 Там же. С. 221.

28 Там же. С. 222.

29 Там же.

30 Там же. С. 229.

31 *Софронова Л. А.* Введение // *Знаки времени...* С. 7.

внимание он уделяет тем моментам национальной истории, которые в народном сознании подверглись своеобразной сакрализации («золотой век»). Излюбленный прием писателя — это воссоздание исторического эпизода или этапа через обращение к фольклору и народной мифологии, в том числе к ее героям. Для некоторых исторических процессов (эмиграция) он вводит тему разрыва человека с родиной.

Иными словами, опираясь на предложенную Н. Д. Арутюновой схему моделирования времени в терминах пространства и движения, писатель показывает нам, что Путь человека неотделим от Потока времени³².

Источники и литература

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.

Бодрова А. Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. 160 с.

Нечак Д., Репе Б. Перелом: 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне / перевод со словенского. Любляна: UMco, 2012. 432 с.

Рыжова М. И. Предисловие // *Ашкерц А.* Избранное / пер. со словенского яз.; сост., предисловие и примечания М. Рыжовой. Л.: Художественная литература, Ленингр. отделение, 1987. С. 3–11.

Рябова Е. Иван Цанкар (1876–1918) // *Цанкар И.* Избранное: в 2 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 447 с.

Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков) / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2010. 248 с.

Софронова Л. А. Введение // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда / отв. ред. Л. А. Софронова, А. В. Семенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 4–8.

Старикова Н. Н. Словенский исторический роман 1920–1930-х годов. Типология, генеалогия, поэтика / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. 192 с.

Старикова Н. Н. Тема Реформации в словенской исторической прозе: роман И. Тавчара «Хроника усадьбы Высокое» // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 296–306.

32 *Арутюнова Н. Д.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Т. Е. Янко. М., 1997. С. 55–61.

Цанкар И. Избранное: в 2 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 447 с.

Чепелевская Т. И. Первая мировая война в словенской литературе (И. Цанкар, Прежихов Воранц, Ст. Майцен) // SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 276–295.

Cankar I. Izbrano delo / uredil B. Merhar. Ljubljana, 1952. Zv. 4. 513 s.

Jakac B. Odmevi Rdeče Zemlje / po pismih iz Amerike priredil M. Jarc. Ljubljana: Jugoslovanska knjigarna, 1932. 152 s.

Kos J. Čas in zgodovina v romantični poeziji: Novalis, Hölderlin, Prešeren // Kos J. Prešeren in njegova doba. Študije. Ljubljana: Lipa, 1991. S. 115–127.

Pisma I. Cankarja / uredil Iz. Cankar. T. 1–3. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1948. T. 1. 541 s.

References

Arutiunova, N. D. “Vremia: modeli i metafory.” *Logicheskiĭ analiz iazyka. Iazyk i vremia*, отв. ред. Т. Е. Yanko, Moscow: Indrik, 1997, s. 51–61.

Bodrova, A. G. *Avtobiograficheskaia proza Ivana Cankara*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. universiteta, 2010, 160 s.

Cankar, I. *Izbrano delo*, zv. 1–10. Uredil B. Merhar, Ljubljana, 1951–1954, zv. 4, Ljubljana, 1952, 513 s.

Cankar, I. *Izbrannoe*, 2 t. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981, t. 1, 447 s.

Chepelevskaya, T. I. “Pervaia mirovaia voĭna v slovenskoĭ literature (I. Cankar, Prežihov Voranc, St. Majcen).” *SLOVENICA III. Pervaia mirovaia voĭna v politike i kul'ture russkikh i sloventsev. K stoletiiu nachala Pervoĭ mirovoĭ voĭny*, отв. ред. К. В. Никифоров, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, s. 276–295.

Jakac, B. *Odmevi Rdeče Zemlje*. Po pismih iz Amerike priredil M. Jarc, Ljubljana: Jugoslovanska knjigarna, 1932, 152 s.

Kos, J. “Čas in zgodovina v romantični poeziji: Novalis, Hölderlin, Prešeren.” *Prešeren in njegova doba. Študije*, by J. Kos, Ljubljana: Lipa, 1991, s. 115–127.

Nechak, D., and Repe, B. *Perelom: 1914–1918. Mir i sloventsy v Pervoĭ mirovoĭ voĭne*. Perevod so slovenskogo, Ljubljana: UMco, 2012, 432 s.

Riabova, E. “Ivan Cankar (1876–1918).” *Izbrannoe*, by I. Cankar, 2 t., t. 1, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981, 447 s.

Ryzhova, M. I. “Predislovie.” *Izbrannoe*, by A. Aškerts, perevod so slovenskog, sost., predislovie i primechaniia M. Ryzhovoĭ, Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, Leningr. otdelenie, 1987, s. 3–11.

Slovenskaia literatura (ot istokov do rubezha XIX–XX vekov). Otv. red. N. N. Starikova, Moscow: Indrik, 2010, 248 s.

Sofronova, L. A. “Vvedenie.” *Znaki vremeni v slavianskoĭ kul'ture: ot barokko do avangarda*, otv. red. L. A. Sofronova, A. V. Semenova, Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN, 2009, s. 4–8.

Starikova, N. N. *Slovenskĭĭ istoricheskĭĭ roman 1920–1930-kh godov. Tipologĭia, genealogi, poĕtika*. Otv. red. G. Ia. Il'ina, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2006, 192 s.

Starikova, N. N. “Tema Reformatsii v slovenskoĭ istoricheskoi proze: roman I. Tavčara *Khronika usad'by Vysokoe*.” *Slavianskiĭ al'manakh 2010*, Moscow: Indrik, 2011, s. 296–306.

Pisma I. Cankarja, t. 1–3. Uredil Iz. Cankar, Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1948. T. 1, 541 s.

Tatyana I. Chepelevskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Art historical time in the works of Ivan Cankar

In the article on the example of the work of the biggest Slovenian writer Ivan Cankar (1876–1918) the subject of art historical time is studied. It raises the question of the place and role of historical time in the literary texts whose authors use it to organize plot, characters and art space. I. Cankar, as a rule, does not give expanded descriptions of one or another significant event. The historic time is presented in his works in the form of digressions, in the memories of the characters. Sometimes it refers to very recent history, presciently anticipating the importance of a phenomenon for the destinies of individuals and of entire peoples. Such events form thematic nodes, motifs, storylines of his works. Three themes dominate in the prose of I. Cankar: the peasant uprising, the World War I, and the theme of exile. Many times would he address the plots and topics of folk poetry. However his view on it and on the important for the Slovene culture folklore and mythical characters sometimes differs a lot from the views of many of his contemporaries. This was specifically reflected in his work on the drama on peasant uprisings. He dedicates special attention to those periods of the national history that underwent sacralization in the folk consciousness (“The Golden Age”). His favorite creative method is the staging of a historical episode through folklore and folk mythology, among other, to its characters. For some historical processes (the exile) he introduces the topic of the rupture of a man from their homeland.

Keywords: *Ivan Cankar, art historical time, Slovenian literature.*

Загадка Ивана Цанкара: множественность интерпретационных кодов

В статье рассматриваются многочисленные интерпретации творчества Ивана Цанкара, занимающего почетное место в каноне словенской литературы. Изучается интенсивная рецепция Цанкара не только в Словении и Югославии, но и в Советском Союзе и России. О Цанкаре написано множество работ, при этом его тексты до сих пор вызывают абсолютно разнородные интерпретации и читательские реакции (от восторженных до крайне негативных). В работах о Цанкаре применяются различные методы исследования: историко-биографический метод, имманентный анализ, метод системного анализа, компаративистский, культурологический, психологический и психоаналитический метод, «чтение против шерсти», социологический, метод феминистской критики и т.д. Образ матери занимает центральное место в творчестве Цанкара, поэтому неслучайно тема матери в текстах Цанкара привлекает многих исследователей, при этом она получает совершенно разные трактовки. Специфика некоторых произведений Цанкара проявилась в сочетании эстетизма, этической проблематики и модернистского изучения памяти. При чтении можно испытать дистанцированный эстетический опыт, наслаждаясь ритмизованным языком повествования, задуматься о проблемах памяти, а также испытать эмоции. Тексты Цанкара нередко порождают у читателя чувство тревожности, ошеломляя бесконечным потенциалом новых смыслов. Его сочинения обладают большим интерпретационным потенциалом, а некоторые его тексты превосходят любые интерпретаторские усилия.

Ключевые слова: *Иван Цанкар, словенская литература, интерпретация, рецепция, канон.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.02

Писатель Иван Цанкар (1876–1918), когда-то существенно изменивший ход развития словенской литературы, обновивший ее и жанровую, и тематическую составляющие, ныне занимает почет-

ное место в каноне словенской литературы. Тем не менее в Словении можно столкнуться как с весьма негативными отзывами на его счет, так и с обожающе-восторженными. Некоторые, замученные его текстами в школе, ни за что не хотят его перечитывать в более сознательном возрасте. Особенно изумляет тот факт, что у практически каждого словенца в запасе всегда найдется какой-нибудь анекдот или история из жизни Цанкара. К примеру, как богемный Цанкар, возвращаясь домой на Рожник (холм на окраине Любляны), заказывал два экипажа — один для себя, а другой для своей шляпы (по другой версии — трости). В сознании многих словенцев заложен определенный образ-миф о национальном классике Цанкаре. В России рассказывают истории о А. С. Пушкине и Л. Н. Толстом, а в Словении — о Цанкаре. Вероятно, этот показатель может служить в некотором роде доказательством того, что писатель в своей культуре занимает важное место. Очевидно, что многие произведения Цанкара стали частью национальной (массовой) культуры. Так, например, «Чашечка кофе» из короткого автобиографического рассказа («Skodelica kave», 1910) превратилась в бренд. Действительно, в сувенирных магазинах продается кофе с изображением Цанкара или шоколад Цанкара («Cankarjeva čokolada») со вкусом кофе. Подобно этому, наверное, в России можно встретить шоколад «Сказки Пушкина». На «Чашечку кофе» существует много пародий. Любопытно, что в самом тексте рассказа персонаж Цанкара не произносит слов «Kave mi dajte!» («Дайте мне кофе!»), эту фразу мы находим на сувенирной чашке с изображением Цанкара¹. Авторы пародий также дописывают текст сами. К примеру, в самой известной на тему «Чашечки кофе» пародии театра «Парадижник» на группу «Лайбах» («Marburg. Laibach parody. Teater Paradižnik») появляются слова: «Daj mi en espresso, daj mi karučin!»² Стоит упомянуть и плакат, посвященный проблеме «утечки мозгов» из Словении. На нем изображен Цанкар с чашкой кофе, произносящий: «Mati, podaljšan macchiato bi! Kdo bi ustvarjal slovensko zgodovino, če bi odšli najboljši?» («Мама, мне бы двойной макьято! Кто будет создавать словенскую историю, если уедут лучшие?»)³.

1 [Электронный ресурс]: <https://polonapolona.com/products/ivan-the-original-hipster-35cl-cup> (дата обращения: 10.02.2019).

2 [Электронный ресурс]: <https://www.youtube.com/watch?v=8uNq-XWKT-U> (дата обращения: 10.02.2019).

3 [Электронный ресурс]: <https://www.mojaobcina.si/vrhnik/novice/cankar-tu-cankar-tam-cankar-vsepovsod.html>.

В данной связи можно исследовать произведения Цанкара в свете концепции смерти автора и представления о читателе как соавторе. Многие его тексты и после его смерти обрастают новыми смыслами и интерпретациями.

2018 год (год столетия смерти писателя) в Словении был объявлен годом Цанкара, что стало поводом для привлечения особого внимания к национальному классику. В этот период наблюдается настоящий цанкаровский «бум» в науке (конференции, монографии), в культурной жизни (выставки, лекции, было снято 2 фильма о Цанкаре и даже создано несколько комиксов по мотивам его произведений и биографии), в средствах массовой информации появлялось множество статей, передач о Цанкаре. Особо хотелось бы отметить проект Центра словенского языка как иностранного, организовавшего «Всемирные дни Ивана Цанкара» в университетах, в которых изучается словенский язык. В связи с этим была подготовлена антология произведений Цанкара и отрывков из них, переведенных на 21 иностранный язык. В роли переводчиков и интерпретаторов нового поколения выступили студенты-словенисты и слависты со всего мира.

Тезис о множественности интерпретационных кодов произведений Цанкара, безусловно, можно упрекнуть в банальности — подобным потенциалом обладают и тексты многих других авторов. Однако интенсивность такого разнообразия интерпретаций и реакций встречается нечасто. Редко можно наблюдать столь ярко выраженные эмоциональные реакции (и со знаком минус, и со знаком плюс) на какого-либо другого писателя. Цанкара обвиняли (еще при жизни) в святотатстве, низости, нигилизме, чрезмерной мрачности, упрекали за увлечение нищезантством, социализмом. Его называли символистом и анархистом, бунтарем и пессимистом, насмешником и мечтателем.

Примечательно, что в Словении Цанкара считали «своим» писателем и левые, и правые, например, как социалисты-атеисты, так и католики. Рассмотрим подробнее один из аспектов — религиозность Цанкара. Вероятно, почти не существует ни одного исследования его творчества, в котором не был бы затронут вопрос о вере писателя, а также проблема богоискательства. Полемика о религиозности Цанкара, разгоревшаяся сразу после его смерти, не прекращается по сей день. Так, Изидор Цанкар, двоюродный брат писателя, высказал мнение о том, что Иван Цанкар всегда оставался католиком⁴, Й. Грегорчич считает, что Цанкар был «глубоко религиозным» в традиционном като-

4 *Cankar Iz. Leposlovje — eseji — kritika*. Ljubljana, 1969. S. 314.

лическом смысле⁵, а словенский ученый И. Видмар видел в Цанкаре социалиста, представителя свободной и прогрессивной мысли: «Он не был католиком никоим образом и ни в одной сфере»⁶.

Стоит отметить, что подобное восприятие повторилось и в истории появления переводов сочинений Цанкара на русский язык. Рецепция его творчества в России весьма богата и может стать отдельной темой для изучения. Переводить Цанкара в России начали еще при жизни. Так, роман «Обитель Марии Заступницы» («*Niša Marije Pomocnice*», 1904) был переведен на русский в 1909–1910 гг. и опубликован в неославянофильском журнале «Славянский мир», выходившем в Петербурге с 1908 по 1911 г. Переводчиком был указан Лев Савин — это псевдоним, который выбрал себе молодой словенец Янко Лаврин (1887–1986), живший в России с 1908 по 1917 гг., занимавшийся журналистикой и издательской деятельностью. Затем Лаврин переехал в Англию и сделал карьеру профессора слависта. Он исследовал в первую очередь русскую литературу. Такая характеристика особенностей личности и творчества Цанкара принадлежит Лаврину, который «с особой симпатией знакомил русского читателя с творчеством Ивана Цанкара»: «Иван Цанкар, сын маленькой нации, но он не ее типичный представитель — он самый сильный ее протест, и в этом его главное значение... Почти вся новейшая словенская литература — это Иван Цанкар. В данный период он представляет собою самого колкого и едкого сатирика, немилосердного и жестокого разоблачителя, лучшего стилиста, самого тонкого психолога и глубокого мыслителя... Иван Цанкар — чуткая современная душа, которая глубоко чувствует разлад между внутренней жизнью и внешней, между надеждами, мечтами и возможностью; душа мятежная и беспокойная, желающая полета, тоскующая по более высоким формам жизни»⁸. Именно Лаврину принадлежат первые переводы Цанкара на русский язык. Последующие переводы Цанкара выполнялись в 20-е, 40-е, 60-е гг. XX в., в 1981 г. вышел двухтомник его избранных

5 *Gregorčič J.* Podoba duhovnika v Cankarjevih spisih // *Glasnik slovenskega duhovniškega društva.* 1977. 7. Št. 3. S. 130.

6 *Vidmar J.* Vprašanje Cankarjevega nazora // *Ljubljanski zvon.* 1932. S. 533–544.

7 Цит. по: *Чуркина И. В.* Янко Лаврин в России // *На рубеже веков. Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в. М., 1989. С. 92–93.*

8 Там же.

произведений⁹. Примечательно, что в 2003 г. был издан роман «Обитель Марии заступницы» в вышеупомянутом переводе, выполненном еще в начале XX в. Лавриным и отредактированным петербургской переводчицей М. И. Рыжовой, которой принадлежат переводы многих словенских авторов. По ее мнению, будущий профессор русской литературы Лаврин, когда в молодости переводил роман Цанкара, не ощущал специфику русского языка. Поэтому его перевод нуждался в редактировании, иначе российские читатели его бы не поняли. Кроме того, Лаврин с разрешения Цанкара выпустил значительную часть 8 главы (в ней речь идет о Тончке и ее окружении), которая более всего шокировала и словенскую критику.

Интерес к переводам Цанкара не угасал и в XXI в. М. И. Рыжова, еще в советское время переводившая рассказы Цанкара, вновь обратилась к его текстам: в 2014 г. был издан роман «Крест на горе» («Križ na gori», 1905), в 2015 г. — «Грешник Ленарт» («Grešnik Lenart», 1915), в 2016 г. — «Моя Жизнь» («Moje življenje», 1914) и «Алеш из Разора» («Aleš iz Razora», 1907), в 2017 г. — «Поездки Николая Никича. Сосед Лука» («Popotovanje Nikolaja Nikiča», 1900, «Sosed Luka», 1909). Причина такого повышенного внимания к Цанкару в следующем: в начале 2010-х гг. православный фонд (Благотворительный фонд Св. Иоанна Предтечи) заинтересовался его творчеством. «Благодаря знакомству Майи Ильиничны Рыжовой с игуменом Евстафием, который оценил и полюбил творчество словенского писателя, начинается период ее плодотворного сотрудничества с Благотворительным фондом Св. Иоанна Предтечи. Хочется отметить, что все последующие переводы произведений И. Цанкара были осуществлены Майей Ильиничной на безвозмездной основе. Это был, как она признавалась в одной из наших бесед, дар замечательному писателю, блестящему художнику слова, мечтателю, борцу, Человеку¹⁰». Рыжова работала над переводами Цанкара до самой смерти (2017 г.).

Итак, Цанкара публиковали и в царской России, и в Советском Союзе, и уже в современной России. Совершенно разные аспекты творчества писателя привлекали издателей. Действительно, творчество Цанкара гетерогенно, в нем присутствуют элементы разных литературных

9 Цанкар И. Избранное: в 2 т. М., 1981.

10 Чепелевская Т. И. Памяти Майи Ильиничны Рыжовой (1927–2017) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017. С. 513.

направлений (символизм, натурализм, реализм, экспрессионизм и т.д.). В силу своего разнообразия его тексты вызывают интерес у различных читателей. Так, в советское время была особенно востребована социальная проблематика, а православное издательство привлекли религиозные мотивы произведений писателя.

Российские исследователи разных поколений занимались творчеством Цанкара. В Советском Союзе и в России можно назвать 5 цанкароведов: Е. И. Рябова, М. И. Рыжова, М. Л. Бершадская, Т. И. Чепелевская, А. Г. Бодрова. В чем причины такого увлечения? Можно выделить несколько причин: почетное место, занимаемое Цанкаром в каноне (отсюда переводы на многие языки, в том числе и на русский), социальная направленность произведений, дискурсивная неоднородность, нарушающая идеологические рамки. Так, например, в советское время в Москве в Институте славяноведения РАН специалисты по югославской литературе были знакомы с сочинениями Цанкара, так как они были канонизированы югославским литературоведением. Заниматься им было «не стыдно» — ведь тогда обычно исследовали только «великих писателей». В то время едва ли было возможным писать диссертацию о Зофке Кведер (Zofka Kveder, 1878–1926) или даже о Лойзе Ковачиче (Lojze Kovačič, 1928–2004), эти авторы по-прежнему не переведены на русский. При этом Цанкар еще был и идеологически «правильным» писателем — социальная проблематика его текстов соответствовала советской идеологии (вспомним, например, статью Цанкара «Как я стал социалистом?» («Kako sem postal socialist?», 1913), которую часто цитировали). В словенской литературе имеются еще и многие другие «социальные» авторы (Прежихов Воранц (Prežihov Voranc, 1893–1950), Мишко Кранец (Miško Kranjec, 1908–1983) и др. Однако, никто не хотел выбрать тексты словенских социальных реалистов темой своей диссертации, хотя в советское время их активно переводили (например, М. И. Рыжова). Причина в том, что Цанкар был интереснее, он позволял советскому ученому раздвинуть идеологические рамки, прикоснуться к другим эстетическим матрицам, запрещенным в Советском Союзе (например, декаданс, символизм и экспрессионизм считались буржуазными течениями «гнилого» Запада и оценивались негативно). Таким образом, творчество Цанкара было для советского исследователя «глотком свободы».

О Цанкаре создано и продолжает создаваться множество работ (и словенскими, и российскими исследователями), при этом его тексты до сих пор вызывают абсолютно разнородные интерпретации. Заслуживают внимания посвященные Цанкару монографии словенских

литературоведов Душана Пирьевца, Янко Коса¹¹, Франце Берника¹², Йожичы Чех Штегер¹³, Игоря Грдины¹⁴ и др.

О Цанкаре писали и известные философы Славой Жижек, Младен Долар. Последний выстраивает концепцию культурного развития, движущей силой которого становится отрыв от национальной традиции и противоречия. Долар ставит Цанкара в ряд других литературных деятелей, оказавших решающее влияние на развитие национальной словесности и на формирование национальной культурной идентичности, а ныне занимающих почетное место в каноне: Примож Трубар (Primož Trubar, 1508–1586) в эпоху протестантизма, Антон Томаж Линхарт (Anton Tomaž Linhart, 1756–1795) — в эпоху Просвещения, Франце Прешерн (France Prešeren, 1800–1849) — в период романтизма, и Сречко Косовел (Srečko Kosovel, 1904–1926) — экспрессионизма. По мнению словенского философа, единственное, что объединяет этих столь разных писателей, — это то, что в свое время каждый из них «радикально порвал с тем, что тогда считалось словенской идентичностью»¹⁵. С данным мнением нельзя не согласиться. Как известно, каждый из вышеуказанных литераторов, внося революционные изменения в культуру, полностью ее преобразовал¹⁶. Долар выделяет 2 подхода к проблеме национальной идентичности, которые, как представляется, можно условно назвать «охранительным» и «реформаторским». Он считает, что с соответствием с первым подходом словенская национальная идентичность не несет в себе противоре-

11 *Kos J.* Misliti Cankarja. Ljubljana, 2018.

12 *Bernik F.* Ivan Cankar. Ljubljana, 1987.

13 *Čeh Steger J.* Metaforika v Cankarjevi kratki pripovedni prozi. Maribor, 2001.

14 *Grdina I.* Ivan Cankar: portret genija. Ljubljana, 2018.

15 *Dolar M.* Slovenska nacionalna identiteta in kultura — navodila za uporabo // *Dolar M.* Strel sredi koncerta. Ljubljana, 2012. S. 320.

16 Например, протестант П. Трубар в середине XVI в. стал переводить на словенский и, главное, впервые издавать богослужебную литературу, покончив с засильем латыни, своим «реформаторским» шагом он обновил (практически заново создал) словенскую письменную традицию. Ф. Прешерн, писавший на словенском и немецком, был первым светским поэтом, кардинально преобразившим словенскую поэзию, обогатившим ее новыми поэтическими формами (он опирался на западноевропейскую, в том числе на античную, ренессансную, а также восточную традиции и использовал фольклорные образцы). Его роль для словенской словесности сопоставима с ролью А. С. Пушкина для русской литературы.

чий, она укоренена в языке, традиции, произведениях искусства. «... все это необходимо подробно описывать, сохранять и продолжать», и если появляется какое-то противоречие, то оно является внешним по отношению к словенской идентичности, поэтому возникает борьба между «нашим» и «чужим»¹⁷. Второй подход предполагает, что противоречие содержится как внутри синтагмы «словенская национальная идентичность и культура», так и внутри каждого из этих понятий. «Борьба всегда проходит между “нашим” и “нашим”... борьба является способом существования культуры, идентичности и словенства»¹⁸. Аргументируя продуктивность «реформаторского» подхода, Долар утверждает, что «любая идентичность основывается на различии, содержит его как свой внутренний момент и производит его как свою истину, а различие, если мы к нему отнесемся всерьез, перейдет в свою противоположность и в конце концов в противоречие. Короче говоря, нет идентичности без различия и противоречия»¹⁹.

Действительно, биография и произведения Цанкара вместили в себя не одно противоречие. С одной стороны — знакомство с европейской идеалистической и религиозно-мистической традицией, увлечение символизмом, философией Р. У. Эмерсона, реализация поведенческого кода проклятого поэта «*poète maudit*» («небюргерская» личная жизнь, пристрастие к алкоголю, сожженный католической церковью лирический сборник «*Эротика*» (1899)). С другой стороны — такие биографические жесты, как национальнопатриотические политические воззрения, реальное участие в политике, демонстративные жесты притяия в адрес католицизма.

Пребывание в венском социокультурном пространстве позволило Цанкару расширить диапазон тем и преодолеть некоторую провинциальную ограниченность словенской литературы. При этом творчество Цанкара балансирует между соблюдением границ, которые ставила словенская культура того времени, и неотделимым от европейского модерна выходом за их пределы. Примеры нарушения читательских ожиданий можно найти во многих его книгах. Подтверждением этому является негативная реакция критиков на такие произведения Цанкара, как «Обитель Марии Заступницы», «Нина» («*Nina*, 1906), «Видения» («*Podobe iz sanj*», 1917) и другие. Разнонаправленные импульсы в творчестве Цанкара создавали напряжение, энергетический накал, который привел к культурному взрыву, к перекодировке и обновлению национальной словесности.

17 *Dolar M.* Slovenska nacionalna identiteta in kultura... S. 323.

18 *Ibid.*

19 *Ibid.* S. 330.

В многочисленных работах о Цанкаре применяются различные методы исследования: историко-биографический метод, имманентный анализ, метод системного анализа, компаративистский, культурологический, психологический и психоаналитический метод, «чтение против шерсти», социологический, метод феминистской критики и т.д. Например, историко-биографический метод применяется по сей день, ведь по-прежнему не утихает полемика по поводу причины смерти писателя.

Однако биографический метод зачастую не разграничивает автора произведения и повествователя или персонажей. Цанкар также размышлял над некоторыми аспектами этой проблемы в книге «Белая хризантема» («Bela krizantema», 1910), в которой мы встречаем призыв отделять частную жизнь писателя от его творчества. В разговоре с ним одна барышня заявила, что не смогла бы с радостью смотреть на образ Богоматери, если бы узнала, что от художника, его нарисовавшего, пахло селедкой. На что автобиографический герой ответил: «Вы когда-то сказали, что любите Гейне. Будете ли вы его по-прежнему любить, если я расскажу вам, что он на дороге между Йеной и Веймаром воровал сливы? Дороже всех вам Кетте (поэт «словенского модерна», друг Цанкара. — А. Б.); останется ли у вас к нему уважение, если я вам сообщу, что он сам себе чистил ботинки, потому что стыдился рваных подошв? — Я должен сказать вам, что стихи писал не тот Кетте, чистящий ботинки, а кто-то другой, чье лицо никто не знает и не должен знать. А еще я скажу вам, что эти веселые и печальные истории написал не я — тот, кто говорит с вами и любит вас от всего сердца; их писал человек, которого вы не знаете и никогда не узнаете. Разделите все ваше почтение на две части: большую часть отдайте мне, тому, кто идет с вами, а оставшуюся часть — тому сокрытому и незнакомому, кто пишет свои истории»²⁰. Очевидно, Цанкар видел себя в двух ипостасях — в роли обычного человека и в роли автора, личность которого скрыта от читателя. Любопытно исследование словенского сексопатолога Марияна Кошичека «Женщина и любовь глазами Ивана Цанкара»²¹, который полагает, что произведения Цанкара являются лучшим свидетельством его психических особенностей, однако при этом считает, что Цанкар «не пытался подарить читателям свою фотографию, а показывал свою личность, какой он ее себе представлял в данный момент. Поэтому его автопортреты такие

20 *Cankar I. Izbrana dela. Ljubljana, 1959. Zv. 10. S. 293–294.*

21 *Košiček M. Ženska in ljubezen v očeh Ivana Cankarja. Ljubljana, 2001.*

разные»²². По мнению Кошичека, стремление к материнской любви стало главным стимулом для творчества Цанкара, он считал, что Цанкар был не способен реализовать полноценные отношения даже со своей матерью.

Образ матери занимает центральное место в творчестве Цанкара, поэтому неслучайно тема матери в текстах Цанкара привлекает многих исследователей, при этом она получает совершенно разные трактовки. Душан Пирьевец в своем фундаментальном труде «Иван Цанкар и европейская литература» интерпретирует образ матери у Цанкара в духе психоанализа²³. Славой Жижек, высоко оценивший данную монографию, развил основные тезисы Пирьевица, касающиеся темы матери в творчестве Цанкара, опубликовав свои размышления в статье «Два аспекта», вышедшей в журнале «Проблемы» в 1978 г. В теоретических построениях Жижек опирается на структурный психоанализ Ж. Лакана. Триада Фрейда во многом перекликается с тремя планами личности Лакана: «СверхЯ» по Фрейду соответствует у Лакана Символический порядок или Символическое, фрейдовскому «Я» — лакановское «moi» или план Воображаемого (имагинарного), «Оно» Фрейда отчасти совпадает с «je» Лакана или планом Реального. Обычно символический порядок связан, по Лакану, с отцом. Примечательно, что, по мнению Славоя Жижека, мать, а не отец, стала для Цанкара представителем Символического порядка (по Лакану) или сверх-Я (по Фрейду), открывающему «я» («moi» по Лакану) путь в большой мир. В произведениях Цанкара именно мать связана с Символическим порядком (мать Цанкара позаботилась об его образовании, тем самым открыла для него доступ к Символическому). Отсюда проистекает двойственность в отношении к матери — Цанкар балансирует между двумя мирами — Воображаемым (зеркальным) и Символическим. Ведь мать Цанкара, простую крестьянку, можно считать «прототипом закрытого, неграмотного, родного космоса»²⁴, ей совершенно чужда «чужая ученость» (данный аспект матери можно наблюдать в рассказе «Чужая ученость» («Tuja učenost», 1910), в нем сопоставляется полный сомнений и противоречий мир автобиографического героя, рано приобщившегося к «бездуховной» европейской цивилизации, и цельный мир его матери, находящей опору в искренней вере в Бога).

22 Ibid. S. 8.

23 *Pirjevec D.* Ivan Cankar in evropska literatura. Ljubljana, 1964. S. 436–437.

24 *Žižek S.* Dva aspekta // *Problemi* 16. Št. 177–180. S. 206.

С одной стороны, герой желает вырваться из этого замкнутого мира, а с другой — боится. Примечательно, что это противоречие проявилось уже в ранней лирической зарисовке «Матери» («Materi», 1893, сохранилась в рукописи). Здесь автобиографический герой-повествователь, осознавая их возможные мировоззренческие расхождения и вместе с тем чувствуя глубокую привязанность к матери, обращается к ней со словами: «Не дай бог, чтобы когда-нибудь, когда мой кругозор будет шире, когда я буду смотреть на мир, как с высокой горы, а не как из темницы, когда у меня будут мои собственные убеждения, а не вбитые мне голову кем-то другим, не дай бог, заслужить мне хотя бы печальный взгляд твоих глаз»²⁵. Неслучайно в некоторых произведениях появляется мотив предательства, совершенного по отношению к матери, и как следствие чувство вины (некоторые рассказы из цикла «У святой могилы» («Ob svetem grobu», 1910–1914), «Моя жизнь», «Грешник Ленарт»). Жижек считал, что при жизни мать обременяла писателя комплексом вины и душила его своими страданиями.

Тем не менее долгое время у биографов Цанкара и у исследователей его текстов было распространено представление, что основной интенцией автора было возвеличивание матери. Так, Л. Крайгер в своей книге, посвященной жизни и творчеству Цанкара, писал: «Цанкар поставил памятник своей матери. А она была символом его родины. Так же, как страдала мать на нагорной улице, так погибала вся Словения от одного конца до другого на нагорной улице — “и народ холопов жил на нагорной улице”. В образе Францки автор воплотил не только тему самоотверженной материнской любви, но и трагизм участи словенского народа, для которого уготована только одна дорога: от нищенского детства — на улицу бедняков, а “с улицы бедняков — в могилу”»²⁶.

Тему «воздвижения памятника» критики и ученые подхватили у самого Цанкара. В письме к своей возлюбленной А. Лушин Цанкар заявил о романе «На крутой дороге» («Na klancu», 1902): «Это памятник моей матери — такого памятника не было ни у одной матери в мире. Я его поставил с большой любовью»²⁷. Данное мнение стало общим местом цанкароведения. Однако исследовательница И. Авсеник-Набергой полагает, что при более глубоком прочтении возможна иная оценка этого образа матери. В романе «На крутой

25 *Cankar I. Zbrano delo*. Ljubljana, 1967. Zv. 6. S. 309–310.

26 *Krajger L. Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: 2 d.* Ljubljana, 1954. D. 1. S. 244.

27 *Cankar I. Zbrano delo*. Ljubljana, 1971. Zv. 27. S. 355.

дороге» муж отправляется на заработки по вине собственной жены, не способной его по-настоящему полюбить, — Францка жалела, а не любила своего мужа.

«Куда ушел твой муж, который любил тебя и которого ты любила? Ты не удержала его за руку, выпустила его, потому что любила слишком мало, потому что любовь твоя была слишком слаба для того, чтобы охватить его крепкими руками и удержать. Он ушел, как бездомный бродяга, и затерялся и умер среди чужих людей; не было никого, кто бы сказал ему ласковое слово в последний час и закрыл глаза.

Куда ушел твой сын? Помнишь, как вы подымались в гору по пустынной дороге, и он глядел в землю и не мог слова сказать от великого горя, лежавшего на сердце. Он ушел, как осужденный на смерть, и отправился вслед за отцом — затерялся и умер среди чужих людей.

Где твоя дочь, которая была еще так мала и слаба, когда ты вытолкнула ее из дома к чужим людям, где она затеряется и погибнет?

Где твой сын, который вышел в дорогу с такой надеждой и затерялся в мире, как клочок бумаги, подхваченный ветром?

Где все, кто любил тебя и кого ты любила? Ушли и никогда не вернуться...»²⁸

По мнению Авсеник-Набергой, в данном эпизоде Цанкар вложил в уста повествователя те слова, которые сам не решался высказать. Исследовательница пишет: «На самом деле он (Цанкар. — А. Б.) не мог полностью принять свою мать и боялся ее. В этом контексте выражение “памятник” означает его желание раз и навсегда ее похоронить и начать жить свободной жизнью»²⁹.

В литературоведении существует метод «чтение против шерсти», который применим и к сочинениям Цанкара. Некоторые структуры его текстов могут восприниматься как клише: страдающая мать, жертвоприношение. В ходе «чтения против шерсти», например, в рассказе «Чашечка кофе» можно обратить внимание на плачущую мать, которая по ночам своими рыданиями не дает персонажу спать, что вполне могло вызвать его раздражение. Слова его раскаяния мать так и не услышала: «Я выпил кофе и начал успокаивать себя: “Сегодня же поговорю с ней ласково и отплачу ей за любовь”. Ни в тот вечер, ни в последующий я не произнес ни слова»³⁰. Неумение выражать свои эмоции, о котором

28 *Цанкар И.* Избранное: в 2 т. М., 1981. Т. 2. С.128.

29 *Avsenik Nabergoj I.* Ljubezen in krivda v očeh Ivana Cankarja. Ljubljana, 2005. С. 118.

30 *Цанкар И.* Избранное: в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 385.

писал Кошичек, персонаж Цанкара унаследовал от матери. В данном тексте очевидна по меньшей мере двойная кодировка: присутствуют лежащий на поверхности модус сакрализации (памятника матери) и модус репрессивности. Интерес представляет и культурно-социологический аспект рецепции материнской темы. Так понятие «цанкаровская мать» в словенской культуре стало символом жертвенной и в то же время удушающей материнской любви. Социолог Ксения Видмар Хорват комментирует рассказ «Чашечка кофе» и феномен цанкаровской матери в культурном контексте словенского общества: «Цанкаровская мать подавляет дух словенского коллектива, с тех пор как ее литературный образ [...] стал неотъемлемой частью школьной программы, а также культурного канона нации...»³¹ Такой смелости интерпретации можно научиться не только у словенских ученых (к примеру, Жижека, Авсеник-Набергой, Видмар Хорват), но и у Сеймора Чатмана, предложившего интерпретацию чеховской Душечки как вампира, загнавшего в могилу своих мужей и уже присматривавшегося к племяннику³².

С методом социального анализа и с психоаналитическим методом связан феминистский подход к «Чашечке кофе», который критикует патриархатную модель общества. Феминистическая рецепция проявилась и в граффити в Любляне: «Ivan, skuhaj si ŽE enkrat SAM to prekleto kavo. Mati» («Иван, свари наконец сам этот проклятый кофе. Мать»).

По-прежнему в исследовательской литературе появляются новые трактовки произведений Цанкара. Так, знаменитую сцену из романа «На крутой дороге», в которой Францка бежит за повозкой, Алойзия Зупан Сосич считает новаторской и для европейской литературы того времени в целом. В контексте психоанализа она ее называет «бегом на месте»³³, как в ночных кошмарах, и проводит параллель с кафкианской давящей атмосферой.

Обратившись к изображению телесности и сексуальности у Цанкара, в них можно увидеть много новых аспектов. Например, особого внимания заслуживает исследование телесного кода в самом загадочном романе Цанкара «Нина» (1906), проделанное Т. И. Чепелевской.

31 Vidmar Horvat K. No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013. [Электронный ресурс]: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (дата обращения: 10.02.2019 г.).

32 Chatman S. Reading narrative fiction. New York, 1993.

33 Zupan Sosič A. Ljubezen v dveh romanih Ivana Cankarja // Ljubezen v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 53: Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 2017. S. 62–69. S. 65.

Как известно, в романе «Обитель Марии Заступницы» Цанкар впервые в словенской литературе пишет о детской сексуальности. Литературовед Зупан Сосич, изучавшая тему любви и эротики у Цанкара, считает, что в одной из сцен из этого романа (конец второй главы) описывается самоудовлетворение одной из больших девочек, Тины³⁴. Вероятно, в данном случае имеет место гиперинтерпретация.

Нельзя не согласиться с Д. Пирьевцем в том, что творчество Цанкара в его совокупности никогда перед нами не предстанет «как блестящий, прозрачный чисто эстетический объект — на нем слишком много крови»³⁵.

Остановимся еще на некоторых, на мой взгляд, самых загадочных моментах в творчестве Цанкара. В чем сила его воздействия? В чем его оригинальность? Пристального внимания требует исследование совмещения этического и эстетического у Цанкара. В романе «Госпожа Юдит» («Gospa Judit», 1904) с иронией говорится: «Народ морален, а любое искусство аморально», или: «Все, что установлено обществом — морально»³⁶. Причину моральности Цанкар видит не в добродетельной природе человека, а в его лени: люди «моральны из-за лени. Все, что им чуждо, неморально, потому что вырывает их из тупости»³⁷. В данном случае Цанкар выступает провокатором, стремящимся расшатать провинциальную ограниченность словенского общества и культуры.

Примечательно, что Цанкар для изображения социальной несправедливости, кровавых событий, страшных смертей использует эстетизированный язык. Как известно, он писал ритмизированной прозой. Каков лексический фонд его языка? На самом деле, он употребляет самые обычные простые слова, но необычный ритм. В предисловии к итальянскому переводу Цанкара Арнальдо Брессано пишет: «Он (Цанкар. — А. Б.), конечно, не изобретает новый язык, но, как поэт, из самых обычных, избитых слов создает такую музыку, такие выражения, формы, которых в литературе и культуре его народа никогда не было; таким образом он создает современную словенскую повествовательную традицию, оригинальную и в контексте европейской словесности»³⁸.

34 *Zupan Sosič A.* Ljubezen ... S. 67.

35 *Pirjevec D.* Ivan Cankar in evropska literatura. S. 454.

36 *Cankar. I.* Izbrana dela. Ljubljana, 1952. Zv. 4. S. 302.

37 *Ibid.* S. 252.

38 *Cankar I.* Martin Kačur. Biografija di un idealista / transl. A. Bressan. Milano, 1981. S. 11. Цит. по: *Mikolič V.* Naklonskost v Cankarjevem romanu *Martin Kačur* in njegovem italijanskem prevodu // *Ivan Cankar v medkulturnem prostoru. Ob stoti obletnici Cankarjeve smrti.* Maribor, 2018. S. 163.

Об обыденных вещах, даже печальных или отвратительных явлениях (к примеру, социальное неравенство, детские смерти, война и т.д.), он пишет простыми, даже избитыми словами, однако находит им необычное место, достигая необычности ритма. Не побоюсь клише: в текстах Цанкара очевидна «магия ритма», им присущ шаманизм. Его стиль имеет трансформирующую функцию. Он как бы заговаривает ужасы мироздания. Будто красотой повествования спасает мир. Вспомним высказывание «Красота спасет мир». (Стоит отметить, что Цанкар очень высоко ценил Ф. М. Достоевского.)

Бесспорно, сочинения Цанкара нередко порождают у читателя чувство тревожности. Одной из причин этого может быть то, что тексты Цанкара, как и другие канонические тексты, пронизаны «чувством странности», тревожности. Михаил Ямпольский полагает, что «“тревожность”, проступающая в некоторых канонических текстах, связана как раз с расширением потенциальной сферы их смысла, ошеломляющей читателя. Самый кровавый детектив — более спокойное чтение, чем книги пророков или Кафка, именно потому, что детектив обладает одномерностью смысла, а Кафка шире любых интерпретационных усилий»³⁹.

Другая причина — ярко выраженная эмоциональная составляющая творчества Цанкара. Его способность к эмпатии требует отдельного исследования. А. Зупан-Сосич в книге «Теория повествования» пишет о репрезентации и порождении разнообразных эмоций в романе «Обитель Марии Заступницы». Она задается вопросами: «Как повествование влияет на наши эмоции?» и «Как наши эмоции влияют на чтение определенного повествования?»⁴⁰. Читатель испытывает целый спектр эмоций: «грусть, разочарование, злость, отторжение, отращение...»⁴¹

Многие тексты Цанкара могут вызывать у читателя восторг, радость узнавания («это про меня»), раздражение, вытеснение эмоций («меня это не затрагивает»), ужас, могут даже довести до слез. При этом Цанкар — автор многочисленных автобиографических произведений, в которых проблематизируется тесная связь наших мыслительных процессов (памяти, в частности) с эмоциями. Особый интеле-

39 Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (дата обращения: 10.02.2019).

40 Zupan Sosič A. Teorija pripovedi. Maribor, 2017. S. 296.

41 Ibid. S. 297.

рес представляет тема воскрешения воспоминаний, выражения или невыражения эмоций. Иногда незначительный эпизод может породить лавину воспоминаний и эмоций, а мелочи (у Пруста пирожное Мадлен, у Цанкара чашечка кофе) оказываются очень значимыми. К примеру, рассказ «Чашечка кофе» можно как считать повествованием о невыраженных эмоциях в прошлом, так и обнаружить в нем проблему недосказанного, невыразимого размышления о соотношении вербального и невербального. Во введении-сентенции повествователь размышляет о грехе: «Отпускается грех, о котором можно поведать словом, который можно стереть покаянием. Тяжел, невыносим, до конца не перестает кровоточить грех, который помнит лишь сердце без слов и формы (подчеркивание мое. — А. Б.)»⁴².

Специфика некоторых произведений Цанкара проявилась в сочетании эстетизма, этической проблематики и модернистского изучения памяти. При чтении можно испытать дистанцированный эстетический опыт, наслаждаясь ритмизованным языком повествования, задуматься о проблемах памяти, а также испытать эмоции.

Отдельного внимания заслуживает визуальная составляющая произведений Цанкара. Как известно, он сам хорошо рисовал. Этот талант проявился и в литературе — цвет оказывается весьма значимым для его текстов. В сочинениях Цанкара часто возникает мотив карикатуры, важную роль играет поэтика взгляда, перспектива восприятия.

Судьба классических произведений и их интерпретаций у разных народов может быть изменчива и непредсказуема. «Одно и то же произведение может последовательно казаться оскорбляющим вкус, завораживающим, комфортабельным и скучным»⁴³.

Почему же произведения Цанкара по-прежнему остаются в каноне словенской литературы? Одна из причин лежит на поверхности — оказавшись в каноне, из него довольно сложно выпасть. О другой писал Михаил Ямпольский в работе «Литературный канон и теория “сильного” автора». Ученый приводит пример А. С. Пушкина как главного канонического автора российской традиции, который «предельно прокомментирован не только потому, что он каноничен, но он каноничен потому, что прокомментирован»⁴⁴. Безусловно, данное высказывание можно отнести и к словенскому классику Ивану

42 Цанкар И. Избранное: в 2 т. Т. 1. С. 384.

43 Goodman N. Languages of art: an approach to a theory of symbols. Indianapolis, 1976. Цит. по: *Компаньон А.* Демон теории. М., 2001. С. 294.

44 Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора...

Цанкару, чьи произведения интенсивно комментируются и интерпретируются исследователями. Его сочинения обладают большим интерпретационным потенциалом, а некоторые его тексты превосходят любые интерпретаторские усилия.

Источники и литература

Компаньон А. Демон теории. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

Цанкар И. Избранное: в 2 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 494 с.

Чепелевская Т. И. Памяти Майи Ильиничны Рыжовой (1927–2017) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 506–516.

Чуркина И. В. Янко Лаврин в России // На рубеже веков. Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1989. С. 87–96.

Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (дата обращения: 10.02.2019 г.).

Avsenik Nabergoj I. Ljubzen in krivda v očeh Ivana Cankarja. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. 794 s.

Bernik F. Ivan Cankar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1987. 282 s.

Cankar I. Martin Kačur. Biografija di un idealista. Milano: A. Mondadori, 1981. 169 p.

Cankar. I. Izbrana dela. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1952. Zv. 4. 513 s.

Cankar. I. Izbrana dela. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1959. Zv. 10. 605 s.

Cankar I. Zbrano delo. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1967. Zv. 6. 477 s.

Cankar I. Zbrano delo. Zv. 27. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1971. 505 s.

Cankar Iz. Leposlovje — eseji — kritika. Ljubljana: Slovenska matica, 1969. Knj. 2. 428 s.

Chatman S. Reading Narrative Fiction. New York: Macmillan, 1993. 638 p.

Dolar M. Slovenska nacionalna identiteta in kultura — navodila za uporabo // *Dolar M.* Strel sredi koncerta. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2012. S. 319–336.

Goodman N. Languages of art: an Approach to a theory of symbols. Indianapolis: Hackett, 1976. 277 p.

Gregorčič J. Podoba duhovnika v Cankarjevih spisih // Glasnik slovenskega duhovniškega društva. 1977. 7. № 3. S. 124–135; № 4. S. 177–189.

Čeh Steger J. Metaforika v Cankarjevi kratki pripovedni prozi. Maribor: Slavistično društvo, 2001. 274 s.

Grdina I. Ivan Cankar: portret genija. Ljubljana: Beletrina, 2018. 252 s.

Kos J. Misliti Cankarja. Ljubljana: Beletrina, 2018. 312 s.

Košiček M. Ženska in ljubezen v očeh Ivana Cankarja. Ljubljana: Tangram, 2001. 266 s.

Krajger L. Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 zvezkih. Zv. 1. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1954. 739 s.

Mikolič V. Naklonskost v Cankarjevem romanu *Martin Kačur* in njegovem italijanskem prevodu // Ivan Cankar v medkulturnem prostoru. Ob stoti obletnici Cankarjeve smrti. Maribor: Univerzitetna založba Univerze v Mariboru, 2018. S. 160–171.

Pirjevce D. Ivan Cankar in evropska literatura. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1964. 489 s.

Vidmar J. Vprašanje Cankarjevega nazora // Ljubljanski zvon. 1932. 52. S. 533–544.

Vidmar Horvat K. No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (дата обращения: 10.02.2019 г.).

Zupan Sosič A. Ljubezen v dveh romanih Ivana Cankarja // Ljubezen v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 53: Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2017. S. 62–69.

Žižek S. Dva aspekta // Problemi. Razprave. 1978. 16. № 177–180. S. 205–209.

References

Avsenik Nabergoj, I. *Ljubezen in krivda v očeh Ivana Cankarja*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005, 794 s.

Bernik, F. *Ivan Cankar*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1987, 282 s.

Cankar, I. *Izbrannoe*, 2 t. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981, t. 1, 448 s., t. 2, 494 s.

Cankar, I. *Martin Kačur. Biografija di un idealista*. Milano: A. Mondadori, 1981, 169 p.

Cankar, I. *Izbrana dela*, zv. 4. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1952, 513 s.

Cankar, I. *Izbrana dela*, zv. 10. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1959, 605 s.

Cankar, I. *Zbrano delo*, zv. 6. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1967, 477 s.

Cankar, I. *Zbrano delo*, zv. 27. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1971, 505 s.

Cankar, I. *Leposlovje — eseji — kritika*, knj. 2. Ljubljana: Slovenska matica, 1969, 428 s.

Chatman, S. *Reading Narrative Fiction*. New York: Macmillan, 1993, 638 p.

Chepelevskaya, T. I. "Pamiati Maïi Il'inichny Ryzhovoï (1927–2017)." *Slavianskiï mir v tret'em tysiacheletii. Ètnicheskie, konfessional'nye, sotsiokul'turnye komponenty identichnosti narodov Tsentral'noï, Vostochnoï i Iugo-Vostochnoï Evropy*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, s. 506–516.

Churkina, I. V. "Ianko Lavrin v Rossii." *Na rubezhe vekov. Problemy razvitiia slavianskikh i balkanskikh literatur kontsa XIX — nachala XX v.*, Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, 1989, s. 87–96.

Čeh Steger, J. *Metaforika v Cankarjevi kratki pripovedni prozi*. Maribor: Slaviistično društvo, 2001, 274 s.

Dolar, M. *Strel sredi koncerta*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2012.

Goodman, N. *Languagies of art: an approach to a theory of symbols*. Indianapolis: Hackett, 1976, 277 p.

Gregorčič, J. "Podoba duhovnika v Cankarjevih spisih." *Glasnik slovenskega duhovniškega društva*, 7, 1977, no 3, s. 124–135, no. 4, s. 177–189.

Grdina, I. *Ivan Cankar: portret genija*. Ljubljana: Beletrina, 2018, 252 s.

Kompan'on, A. *Demon teorii*. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2001, 336 s.

Kos, J. *Misliti Cankarja*. Ljubljana: Beletrina, 2018, 312 s.

Košiček, M. *Ženska in ljubezen v očeh Ivana Cankarja*. Ljubljana: Tangram, 2001, 266 s.

Krajger, L. *Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj*, v 2 zvezkih, zv. 1. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1954, 739 s.

Mikolič, V. "Naklonskost v Cankarjevem romanu Martin Kačur in njegovem italijanskem prevodu." *Ivan Cankar v medkulturnem prostoru. Ob stoti obletnici Cankarjeve smrti*, Maribor: Univerzitetna založba Univerze v Mariboru, 2018, s. 160–171.

Pirjevce, D. *Ivan Cankar in evropska literatura*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1964, 489 s.

Vidmar, J. "Vprašanje Cankarjevega nazora." *Ljubljanski zvon*, 52, 1932, s. 533–544.

Vidmar Horvat, K. "No, razčistimo že s Cankarjem!" *Delo*, 01.02.2013, <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html>. Accessed 10.02.2019.

Yampol'skij M. "Literaturnyi kanon i teoriia "sil'nogo" avtora." *Inostrannaia literatura*, no. 12, 1998, <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html>. Accessed 10.02.2019.

Zupan Sosič, A. "Ljubezen v dveh romanih Ivana Cankarja." *Ljubezen v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*, 53, *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2017, s. 62–69.

Žižek, S. "Dva aspekta." *Problemi. Razprave*, 16, no. 177–180, 1978, s. 205–209.

Anna G. Bodrova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Ivan Cankar's mystery: The multiplicity of interpretation codes

The article deals with numerous interpretations of works of Ivan Cankar, who occupies an honorable place in the canon of the Slovenian literature. We put under the scrutiny the intensive reception of Cankar, not only within Slovenia and Yugoslavia, but also in the Soviet Union and Russia. Many research works have been written about Cankar, while his texts still evoke completely heterogeneous interpretations and reactions of readers (from enthusiastic to extremely negative). Various research methods are used in the works about Cankar's writings: historical and biographical method, immanent analysis, close reading, method of system analysis, comparative, cultural, psychological and psychoanalytic method, reading against the grain, sociological method, the method of feminist criticism etc. The figure of the mother occupies a central place in the Cankar's works, therefore there is no coincidence that the theme of the mother in the Cankar's texts has attracted many researchers, while it gets a completely different interpretation. The specificity of some of his works was manifested in a combination of aestheticism, ethical issues and the modernist memory problem. When reading the story, one can perceive it from a purely aesthetic point of view, enjoying the rhythmic language of the narrative, think about memory problems and experience emotions as well. Cankar's writings often generate anxiety in the reader, while opening the endless potential of new meanings. His works have wide interpretative potential, and some of his texts are superior to any interpretive efforts.

Keywords: Ivan Cankar, Slovenian literature, interpretation, reception, canon.

Поэтика пространства в цикле рассказов «Одинокие ветряные мельницы» С. Стратиева

Целью настоящей статьи является анализ пространственных структур в цикле рассказов болгарского писателя С. Стратиева «Одинокие ветряные мельницы» (1969). Разграничение хронотопов осуществляется с учетом точек зрения рассказчика (идеализированное прошлое противопоставлено настоящему) и жителей его родной улицы (условно замкнутый внутренний мир, обнаруживающий черты циклического хронотопа сказки, контрастирует с бесконечным внешним пространством). При создании разных типов пространств автор активно использует такие специальные категории и бинарные оппозиции, как «верх / низ», «близкий / далекий», «открытый / закрытый», «большой / маленький». Особую роль при маркировании своего / чужого миров играет и цветовая характеристика: пространство прошлого, где мифологема родного дома занимает центральное место, характеризуется яркими красками, которые исчезают по мере взросления главного героя. Дом, образ которого является в цикле структурообразующим, есть гарант сохранения индивидуальности человека, и его утрата приводит к деформации личности. Участвуя в моделировании художественного мира Стратиева, пространственные структуры и мотивы родного дома, памяти о нем воплощают идеи автора о деструкции человеческой личности в связи с забвением, утратой малой родины, а также под воздействием социальных институтов.

Ключевые слова: *поэтика пространства, хронотоп, проблема памяти, болгарская литература.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.03

«Одинокие ветряные мельницы» (1969), первый вышедший отдельным изданием сборник рассказов Станислава Стратиева (1941–2000), можно рассматривать как своего рода претекст для его будущих произведений. Селекция образов и мотивов, особенности композиции, структура хронотопов рассказов подчинены художественной реализации нравственных проблем, которые впоследствии станут централь-

ными в творчестве писателя, исследующего становление / деструкцию личности, роль памяти в развитии отдельного индивида и общества в целом, формирование, изменение и утрату системы ценностных ориентиров. Стратиева волнуют такие вопросы, как «“почему мы такие, какие мы есть”, “что со временем происходит с человеческими мечтами и желаниями”, “почему мы бежим от себя, ничего о себе не зная”, “к чему мы идем”, “к чему возвращаемся”»¹.

Обращение к детству — основной теме сборника рассказов, имеющего циклический характер (об этом позволяют говорить сквозные герои, единая стилистика и образность включенных в него текстов), — осуществляется в русле «усиленной субъективно-лирической тенденции»², преобладавшей в болгарской литературе в 1960–70-е гг. В анкете-интервью (1982) Стратиев отмечает, что при написании рассказов он во многом опирался на собственный жизненный опыт: «Какой рассказ был написан первым? — “Зеленый пес Жорж”, и после него в моем сознании стала оформляться атмосфера, созданная людьми, которые жили тогда в нашем квартале и среди которых прошло мое детство»³. Описывая, какую роль сыграло детство в формировании его личности, писатель признается: «Лучшее время моей жизни — это детство, время, когда человек чувствует себя защищенным, чистым и свободным. [...] Я бы сказал, что детство — основной период моей жизни, время, которое до сих пор дает мне силы и определяет мировоззрение и отношение к людям»⁴, и, комментируя отзыв С. Каролева (1970) на «Одинокие ветряные мельницы», подчеркивает: «Я не рассматривал детство только как воспоминания о нем, для меня детство было образцом, идеалом мира взрослых. Стоян Каролев верно уловил это. Ложь, фальшь, неискренность вокруг меня увеличились в сотни раз. Мы уже не те, какими были в детстве. Это было моей болью, криком»⁵.

На карте пространств цикла угадываются черты реальной Софии середины XX в., хотя город нигде не назван, как и улица, на которой живет главный герой (соседняя же носит название Цветная): биение сердец мальчишек сравнивается со звоном колоколов храма-памятника

1 Димитрова И. Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. Велико Търново, 2015. С. 14.

2 Игов С. Кратка история на българската литература. София, 1996. С. 523.

3 Димчева Р. Из живота и творчеството на Станислав Стратиев (анкета от 1982 г.) // Литературна мисъл. 1995–1996. № 1. С. 163.

4 Там же. С. 153.

5 Там же.

св. Александра Невского, находящегося в центре болгарской столицы. Упоминаются также и другие болгарские топонимы: такие города, как Поморие, Бургас, Варна, Пловдив, Перник, Русе, сёла Лакатник и Банкя, гора Витоша, река Дунай. Однако автор не ставит перед собой задачу досконального воспроизведения пространства ни конкретного софийского квартала, ни территории Болгарии в целом — его повествование лишено картографической точности. Стратиев использует пространственные характеристики в первую очередь для того, чтобы с их помощью представить систему этических и эстетических оценок.

Художественное пространство, по мысли М. Ю. Лотмана, есть модель мира автора, «выраженная на языке его пространственных представлений»⁶. Применяя различные специальные категории и бинарные оппозиции (верх / низ, близкий / далекий, открытый / закрытый, большой / маленький, цветной / бесцветный, светлый / темный и др.), Стратиев сопоставляет прошлое и настоящее героев, выявляя факторы, способствующие трансформации человеческих идеалов и преобразованию личности в целом. Анализ пространственных структур в данном цикле осуществляется с учетом системы доминирующих в нем точек зрения: обитателей родной для героя улицы и самого рассказчика, повествующего о своем детстве и соотносящего его с настоящим.

Так, для героев, принадлежащих миру детства, характерно следующее построение пространства: закрытое, внутреннее пространство их улицы и квартала противопоставлено открытому, безграничному пространству внешнего мира. Во внутреннем пространстве герои, с одной стороны, объединены и открыты для взаимодействия друг с другом, а с другой — не все из них готовы впускать в свое домашнее пространство соседей и идти с ними на контакт.

При реализации оппозиции «свой / чужой» автором активно используется антитеза «низкий / высокий». Наряду с граничной семантикой она актуализирована при описании дома высокомерного семейства Слонов, который контрастирует с изображением домов остальных жителей. Во-первых, Стратиев помещает их дом на границе — «в конце улицы, там, где начиналась улица Цветная»⁷, тем самым демонстрируя их чуждость миру родной улицы рассказчика, но при этом допускает их существование в ее пределах (таким образом подчеркивается, что

6 Лотман М. Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман М. Ю. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251.

7 Стратиев С. Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 36.

внутренний мир может включать в себя не только людей с положительными характеристиками). Во-вторых, их жилище — «двухэтажный каменный дом», настоящий «великан» среди «домишек, обнесенный высокой каменной оградой»⁸, поверх которой торчали острые стекла как защита от посягательств на их территорию. В высоком доме живут люди с низкими моральными качествами, поэтому героев восхищает только масштаб строения, а не его обитатели.

В моделировании пространства автором активно используется и горизонтальная координата, однако заборы, что служат формальными границами индивидуальных «домашних» пространств, можно легко преодолеть. Например, в рассказе «Похитители черешни» рассказчик с друзьями сталкиваются с преградой на своем пути: лавочки, «ужасные скряги»⁹, забили доску в заборе, что, однако, не помешало героям перелезть через него. Забор как вид границы представляется в цикле амбивалентным: он выполняет защитную функцию и ограждает жителей улицы от обитателей других кварталов, в этом случае играя роль препятствия, с другой стороны, для своих, то есть персонажей внутреннего мира, забор — граница скорее условная, нежели реальная. Герои свободно перемещаются в рамках внутреннего пространства — мира родной улицы — и оказываются в соседских дворах, являющихся «медиаторами», «некими “средними” пространствами, в которых стирается преграда между своим и чужим»¹⁰.

Стратиев представляет локус родной улицы рассказчика как особое место со своим заведенным, неизменным порядком (по аналогии с циклическим хронотопом сказки): «Звучало танго. Медленное и старомодное, оно бродило меж домов, заходило в открытые окна, выходило во двор, утопавший в зелени, вдруг поднималось высоко над улицей и вновь опускалось вниз к маленьким домикам с красными крышами. [...] *Каждый день, кроме воскресенья, ровно в шесть часов* [здесь и далее курсив мой. — Н. Л.] бай Славе сапожник заканчивал работу и ставил на патефоне танго»¹¹. На размеренной жизни обитателей улицы могут негативно отражаться события, происходящие во внешнем мире (побег заключенных из тюрьмы или пропажа петуха), что свидетельствует о проницаемости границ внутреннего пространства.

8 Там же.

9 Там же. С. 50.

10 *Плотникова А. А.* Двор // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 32.

11 *Стратиев С.* Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 76.

Пропажа птицы — центральное событие в сюжете первого сказа цикла — «Черешня с алыми сердцами». Безмятежный ритм внутреннего мира был нарушен исчезновением красного петуха Человека, который никогда не лгал, и восстановлен только с его появлением: после пропажи петуха «братья-башмачники не завели патефон с цыганскими песнями, а Кольо Парикмахер не вышел на середину улицы в пижаме и тапочках, что сшили двое братьев, и не ругал их *по обыкновению* за то, что они по ночам заводят патефон»¹², но когда он снова появился, то «...на улице гремели цыганские песни, а Кольо Парикмахер вышел на середину улицы в пижаме и тапочках и ругал братьев-башмачников, которые по ночам заводят патефон»¹³. Реакция жителей, узнавших о краже петуха, описывается следующим образом: «Когда люди поняли, что петуха нет, то начали думать, кто же его украл. Было ясно, что это человек *не с нашей улицы*. Но все же *мог быть и с нашей*, и это больше всего беспокоило людей»¹⁴. Потенциальная возможность совершения преступления человеком, принадлежащим к внутреннему, «домашнему» пространству демонстрирует его неоднородность. Через поступки персонажей, относящихся к пространству, данного квартала, автор утверждает ценности, которые в нем преобладают: доброту, щедрость, милосердие (недаром соседи приносят Человеку, который никогда не лгал, по петуху и сажают каждого на черешню, так что на ней появляются «одиннадцать больших красных сердец»¹⁵). Говоря об использовании Стратиевым элементов сказочной поэтики, нельзя не упомянуть об интерпретации образа петуха в фольклоре, где он выступает «вещей птицей, наделяемой огненной, солнечной и одновременно хтонической»¹⁶ символикой. Этот образ связан с оппозицией *свет / тьма*: будучи «противником темных сил»¹⁷, петух изгоняет их своим пением. Неслучайно его владельцем является Человек, который никогда не лгал, с образом которого связан играющий важную роль в цикле мотив зеленого цвета.

Исследуя соотношение текста и пространства, В. Н. Топоров отмечал: «Особая роль категории цвета в связи с темой пространства

12 Там же. С. 27.

13 Там же. С. 28.

14 Там же. С. 27.

15 Там же. С. 28.

16 Гуря А. В., Узенева Е. С. Петух // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 2009. Т. 4. П—С. С. 28.

17 Там же. С. 29.

видна уже из того, что цвет неотъемлем от пространства [...], что для зрительно-цветовых знаков важнее пространственное измерение, чем временное, особенно существенное для знаков слухового типа. Уже этим определяется универсальное значение категории цвета в природе и в человеческой культуре»¹⁸. Устойчивой колористической характеристикой, маркирующей внутреннее пространство, в рассказах Стратиева является зеленый цвет. Он соотносится с «растительностью, изменчивостью, незрелостью / молодостью (например, в народных песнях зеленое / отсутствие зеленого образно обозначает молодость / старость)»¹⁹, что достаточно традиционно реализуется в исследуемых текстах. Значимой представляется мысль о том, что «...пространство, разделяющее нечисть и человека, символизируется зеленой травой (болг.)»²⁰. Такой ритуальной функцией защиты от внешнего мира наделен локус сада, где «были и одуванчики, высотой по полметра, каштаны, огромные зеленые каштаны, которые закрывали небо и иногда заставляли нас думать, что оно зеленое»²¹. Однако в народной демонологии зеленый цвет имеет отношение к нечисти (зеленые волосы — атрибут русалки и водяного). Дом Человека, который никогда не лгал, был именно зеленый: «Вся улица знала этого Человека, он крестил детей у всех, а на свадьбах всегда сидел во главе стола»²², пользуясь уважением всех жителей. Образ владельца зеленого дома, красного петуха на белой цветущей черешне (сочетание белого и красного цветов характерно для амулетов, в том числе и для болгарской «мартеницы»), тяготеет к образу колдуна, символическая функция которого связана с «возможностью воздействовать на все сферы жизни, нарушать и восстанавливать их равновесие»²³. Желая добиться справедливости, дети выбирают именно «колдовской» цвет, то есть зеленый, чтобы покрасить собаку Слонов, заносчивых соседей (рассказ «Зеленый пес Жорж»). Примечательно, что их дом-великан не имеет цвета в отличие от разноцветных домиков улицы, которая сравнивается с «детским акварельным рисунком», поскольку «только

18 *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. С. 104.

19 *Белова О. В.* Зеленый цвет // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т. М., 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 305.

20 Там же. С. 306.

21 *Стратиев С.* Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 29.

22 Там же. С. 26.

23 *Левкиевская Е. Е.* Колдун // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т. М., 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 528.

дети могли выдумать такие краски и раскрасить нарисованные ими дома»²⁴: здесь характеристики «цветной / бесцветный» коррелируют с пониманием своего / чужого пространств.

С разграничением внутреннего и внешнего пространств также связана специальная оппозиция «реальное / волшебное». Характерная особенность детского восприятия мира заключается в стирании границ между фантазией и действительностью. Граничными локусами, в которых наиболее ярко ощущается слияние этих пространств, являются сад и чердак. Сад — архетипическое пространство познания, место свершения открытий — воспринимается героями неоднозначно: это как реальное пространство для бесед, встреч, обдумывания реальных планов, так и фантастические джунгли, где «можно было спрятать целый пассажирский поезд», а «трава росла высокая, и если в нее попадала собака, то исчезала бесследно — словно ее и не было»²⁵. Волшебное пространство безгранично и доступно для виртуальных детских путешествий. В нем анимистическое восприятие природы не вызывает недоумения: солнце — собеседник и друг (рассказ «Эти дети»), «ветер, что жил в желтых кустах» иногда «злился»²⁶ и т.д. Детская фантазия может заставить забыть героя о поручении мамы сторожить лапшу, которая сушится на солнце, и броситься спасти жизнь прекрасной королевы (рассказ «Одинокие ветряные мельницы») или отправить героев в путешествие по южным морям и превратить обыкновенный чердак в место морского сражения (рассказ «Капитаны Бискайского залива»).

Одним из инструментов расширения пространства являются книги, благодаря которым герои ментально перемещаются в их действительность: «Всегда, когда у нас было время, мы собирались на чердаке у Тони и оттуда отправлялись путешествовать по свету. Мы прочли все книги Эмилио Сальгари и все книги про путешественников и пиратов [...]. Они открывали нам мир морей и океанов, крылатых кораблей и пиратских атак»²⁷.

Но преодолеть границы внутреннего пространства герои могут и вполне реально, в частности отправляясь за пределы родного квартала, чтобы узнать, «сколь огромен и прекрасен белый свет, бесконечен и богат полями, лесами и поездами»²⁸. В сюжете рассказа

24 Стратиев С. Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 36.

25 Там же. С. 29.

26 Там же.

27 Там же. С. 73.

28 Там же. С. 79.

«В конце весны, в конце лета» реализован мотив ненастоящего путешествия: герои, вооружившись фонарями, вырезанными из арбуза, выезжают из квартала на красной колеснице, запряженной двумя белыми цирковыми лошадьми. Такая поездка — часть детской игры, театрального представления: неслучайно на своем пути заезжают туда, где когда-то весной была ярмарка — место веселого праздника и карнавала. Внешний мир, в котором оказываются герои, отличается непостоянством (ярмарка имеет временные границы), небезопасностью (в какой-то момент герои замечают, что цыгане хотят украсть их лошадей) и противопоставлен пространству родного дома.

С точки зрения нарратора, обращение к локусу дома продиктовано именно желанием вернуться туда, где он чувствовал бы себя защищенно и счастливо, где он мог бы снова стать самим собой («Каждый человек рождается добрым. А потом становится таким, каким его сделают»²⁹). В своей работе, посвященной поэтике пространства, Г. Башляр отмечал: «...если бы нас попросили назвать самый драгоценный из даров, которыми наделяет нас дом, мы ответили бы: дом дает уют нашей грезе, дом защищает мечтателя, дом позволяет нам грезить в тишине и покое»³⁰. В творчестве Стратиева пространственная мифологема дома имеет важную функцию, ибо связана с принципиальной для него проблемой — проблемой формирования идентичности. Автор создает идеальный образ дома, где материальный, вещный мир одухотворен человеком. Образ дома-приюта, дома-гнезда представляет собой структурообразующий элемент индивидуального мифа писателя.

Конструируя защищенное пространство дома, автор опирается на универсалии мифопоэтической модели мира. Взросление главного героя, смена его жизненных локусов есть по сути реализация мифологемы такого пути, при котором происходит движение к «чужой и страшной периферии, мешающей соединению с сакральным центром или же уменьшающей сакральность этого центра»³¹. По мысли Топорова, «этот путь ведет из укрытого, защищенного, надежного “малого” центра — своего дома [...] — в царство все возрастающей неопределенности, негарантированности, опасности»³².

29 Там же. С. 53.

30 Башляр Г. Поэтика пространства. М., 2014. С. 43.

31 Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1. С. 79.

32 Там же.

Удаление от родного пространства маркируется в рассказах цветовыми образами, чья трансформация идет от цветности к ахроматизму. Идеализированный мир родной улицы, на которой вырос рассказчик и где формировались его представления о действительности, время детства он сравнивает с маленьким цветным ковриком, что когда-то висел у него на стене: «Желтые поля, зеленая листва, черная земля — эти цвета давно мне знакомы, все они были в небольшом коврике в той комнате, где я вырос. Был там и красный, белый, розовый. Маленьким, я с головой погружался в этот коврик, часами бродил по оттенкам его цветов, мне нужно было целое утро, чтобы добраться от черного до красного. Коврик был огромен, целый мир разных цветов, оттенков, фигур. [...] С годами коврик уменьшался, но его цвета никогда не бледнели. [...] Все цвета, которые я узнал и узнаю, прибавляя сейчас к уже известным, — это цвета моего детства»³³.

Пример с трансформацией размера коврика, висевшего в комнате героя, демонстрирует, что пространственное восприятие нарратором действительности тогда и сейчас, то есть его собственные точки зрения как ребенка и как взрослого, не совпадают. Эту мысль подтверждает и изменение размеров сада, который был в их квартале: «Сад не всегда был такой маленький. Было время, когда он напоминал джунгли», но тогда герою «было десять лет»³⁴. Меняться могут не только размеры объектов, но и пространственная позиция нарратора, связанная с перемещением его точки зрения по вертикальной оси. Так, звезды, на которые раньше герой смотрел снизу, во «взрослом» хронотопе наблюдаются сверху: ср. «Однажды вечером мы сидели с Гурко в кустах и разговаривали. О звезде, которая виднелась сквозь листву каштана»³⁵ и «...наш взгляд случайно падает на звезды за окном»³⁶. Нижняя и верхняя точка фокусировки зрения рассказчика в данном случае реализуют спационально-этическую метафору: разговоры о звездах, мечты о высоком теперь оказываются внизу, в нижнем ярусе пирамиды ценностей и интересов рассказчика. Эту аксиологическую трансформацию подчеркивает и расположение «пищевых» реалий: в рамках детского хронотопа герои рвали черешню и мушмулу сверху; повзрослев, «покупают лук и картошку»³⁷ — то, что растет в земле, внизу. Контрастное

33 Стратиев С. Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 87.

34 Там же. С. 29.

35 Там же.

36 Там же. С. 75.

37 Там же.

противопоставление видения одних и тех же объектов подчеркивает разницу в системе ценностей героев разных пространств, неповторимость и необыкновенность детского восприятия мира: ему свойственна гиперболизация, метафоризация пространства, которых в художественном мире писателя лишены взрослые. Хронотоп детства доступен рассказчику для реконструкции и воспроизведения в пространстве его памяти, то есть близок ему, поскольку перенестись в него он может в любой момент, но в то же время и далек, поскольку не имеет ничего общего с реальностью, в которой происходит акт самого воспоминания, и в силу невозможности преодоления пространственно-временных границ недоступен для возвращения и последующего освоения: «Август снова и снова приходит, я смотрю на зеленые поля — они пусты. Мы давно выросли, женились, стали мудрее»³⁸.

Мотив утраты дома при этом не исключает наличие других жилых пространств, однако они не воспринимаются рассказчиком как родное место и лишены идиллической характеристики, фактически совпадая с «бездомьем». Г. Башляр отмечал существенную разницу между традиционным домом, имеющим вертикальную ось координат (подвал, комната, чердак), и городской квартирой, лишенной вертикальной направленности, то есть «чувства дома», «космизма», вследствие чего «отношения между жилищем и пространством становятся искусственными. Здесь всё — машина, и домашний уют здесь улетучивается из всех щелей»³⁹.

Перемещаясь по пространству собственной памяти, герой не только возвращается к событиям, происходившим с ним в десятилетнем возрасте, но и рассказывает об одном эпизоде, случившемся через пятнадцать лет после тех, что описываются в рамках хронотопа детства. Примечательно, что рассказ называется «Снег все падал» (время года — зима — противопоставлено «бесконечному жаркому лету, наполненному странствиями и приключениями»⁴⁰). Эту оппозицию можно соотнести с родственными ей «взрослый / детский», «близкий / далекий». Для повзрослевшего рассказчика лето ассоциируется с миром детства, навсегда от него удаленного. При описании пространства родного квартала нарратора, куда он возвращается в фазтоне своего старого соседа бая Чавдара, для которого нашел слепого коня — «белого красавца» Ориона, когда-то бывшего мечтой всех местных кучеров,

38 Там же. С. 95.

39 Башляр Г. Поэтика пространства. М., 2014. С. 71.

40 Там же. С. 67.

«золотой птицей из сновидений»⁴¹, автор использует следующие характеристики: «большие и шумные улицы города»⁴², где все готовились к Новому году и где «гремела музыка»⁴³, противопоставляются «белым улочкам окраин», попав в пространство которых рассказчик прибегает к многократному повтору лексемы «тихий» и ее производных («тишина», «притих», «тихо» и др.). Дом, таким образом, представляется, с одной стороны, как особое пространство покоя, тихой и счастливой жизни, с другой — его обездвиженность, царящее в квартале беззвучие подчеркивают, что теперь это пространство без жизни — *склеп*.

Герой словно предпринимает попытку повторить путешествие на колеснице, на которой он с друзьями выехал за пределы родного дома, тогда являвшегося для него внутренним пространством. И как тогда диковинная фракийская колесница воспринималась как элемент сказочного, иного мира, так и сейчас старый фаэтон, на котором рассказчик отправляется в родные места с соседом-извозчиком, окружающие воспринимают как явный анахронизм («Кто-то сказал, что наверняка с фаэтоном снимают фильм о *тех временах*. [...] Старушки явно оживились при виде фаэтона»⁴⁴) и как элемент фантастики («Я выпал из фаэтона! — Из какого фаэтона, а? — разозлился он. — Где ты фаэтон видел? Ты что, с *Марса* свалился?»⁴⁵; «Люди смотрели на нас и думали, что им снится сон — откуда взялся этот фаэтон и этот танцующий конь, неужели из *сказки*...»⁴⁶). Так в тексте актуализируются мифологическое представление о коне как посреднике между «тем» и «этим» мирами, его сказочная функция «чудесного помощника героя, помогающего проникнуть в тридевятое царство»⁴⁷. Противопоставление хронотопов детства и взрослой жизни, пространств прошлого и настоящего осуществляется и через оппозицию «полихромное / монохромное». Если раньше «цвета детства» вплетались героем в коврик на стене его комнаты, то теперь краски исчезли, цветное детство сменилось белой зимой взрослой жизни. Ахроматический белый отражает, отталкивает свет, поэтому можно предположить, что и ранее видимое и открытое

41 Там же. С. 61.

42 Там же.

43 Там же. С. 58.

44 Там же. С. 59.

45 Там же. С. 60.

46 Там же.

47 *Петрухин В. Я.* Конь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 590.

рассказчику пространство теперь *сокрыто* и *закрыто* от него, будто герой приобрел цветовую слепоту. Белый конь, в молодости блиставший на арене цирка, теперь ослеп, подобно нему «слепнет», больше не различает цветов детства повзрослевший рассказчик: «Снег медленно падал, земля была белой и небо было белым, весь мир был белым и притихшим»⁴⁸, «...снег все падал, засыпая нас, засыпая деревья и дома, засыпая *весь мир*. Засыпал нашу улицу, пионы, теплый мрак, засыпал желтые кусты, где жил ветер, засыпал Человека, который никогда не лгал, и зеленого пуделя Жоржа, и Атанаса Дурачка...»⁴⁹. Лишь в памяти рассказчика и бая Чавдара, которые хранят в ней образы людей, звуки и краски минувшего, пространство прошлого еще живо.

В ходе анализа цикла «Одиноким ветряным мельницам» удалось установить, что в рассказах функционируют разные типы пространств, среди которых можно выделить реальное / волшебное, внешнее / внутреннее, открытое / закрытое, цветное / бесцветное. Специальные структуры и мотивы родного дома, памяти о нем воплощают идеи автора о деструкции человеческой личности в связи с забвением своего дома, малой родины и под воздействием социальных институтов. Для Стратиева, создающего идиллический хронотоп детства, занимающий центральное место в его персональном писательском мифе, именно Дом, образ которого является в цикле структурообразующим, есть гарант сохранения индивидуальности, и его утрата приводит к деформации внутренних качеств человека. Поэтика специальных и колористических элементов моделирует художественный мир писателя, способствуя постижению внутреннего состояния героев, раскрытию их систем ценностей. Пространственные характеристики, появившиеся на страницах «Одиноким ветряным мельницам», затем будут использоваться Стратиевым при создании хронотопов и в других прозаических произведениях, что позволяет говорить о важной роли поэтики пространства в формировании сверхтекстового единства его прозы.

Источники и литература

Бахляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.

48 Стратиев С. Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 61.

49 Там же. С. 62.

Белова О. В. Зеленый цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 305–306.

Гура А. В., Узенева Е. С. Петух // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. П–С. С. 28–35.

Димитрова И. Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2015. 232 с.

Димчева Р. Из живота и творчеството на Станислав Стратиев (анкета от 1982 г.) // Литературна мисъл. 1995–1996. № 1. С. 47–173.

Игов С. Кратка история на българската литература. София: Промисла, 1996. 574 с.

Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 528–534.

Лотман М. Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман М. Ю. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.

Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 590–594.

Плотникова А. А. Двор // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 31–33.

Стратиев С. Избрано. София: Труд, 2009. Т. 1: Белетристика. 760 с.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с.

References

Bashliar, G. Poëtika prostranstva. Moscow: Ad Marginem Press, 2014, 352 s.

Belova, O. V. “Zeleniy tsvet.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiy slovar'*, 5 t, t. 2, D–K (Kroshki), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 305–306.

Gura, A. V., and Uzeneva, E. S. “Petukh.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiy slovar'*, 5 t., t. 4, P–S, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, s. 28–35.

Dimitrova, I. *Literaturni peizazhi. Tvorchestvoto na Stanislav Stratiev. Veliko Tŭrnovo: Universitetsko izdatelstvo «Sv. sv. Kiril i Metodii»*, 2015, 232 s.

Dimcheva, R. “Iz zhivota i tvorchestvoto na Stanislav Stratiev (anketa ot 1982 g.)” *Literaturna misŭl*, no. 1, 1995–1996, s. 47–173.

- Igov, S. *Kratka istoriia na bŭlgarskata literatura*. Sofia: Prosveta, 1996, 574 s.
- Levkievskaya, E. E. "Koldun." *Slavianskie drevnosti: ètnolingvisticheskiĭ slovar'*, 5 t., t. 2, D–K (Kroshki), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 528–534.
- Lotman, M. Iu. "Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolia." *V shkole poëticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'*, by M. Iu. Lotman, Moscow: Prosveshchenie, 1988, s. 251–293.
- Petrukhin, V. Ia. "Kon'." *Slavianskie drevnosti: ètnolingvisticheskiĭ slovar'*, 5 t., t. 2, D–K (Kroshki), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 590–594.
- Plotnikova, A. A. "Dvor." *Slavianskie drevnosti: ètnolingvisticheskiĭ slovar'*, 5 t., t. 2, D–K (Kroshki), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 31–33.
- Stratiev, S. *Izbrano, t. 1, Beletristika*. Sofia: Trud, 2009, 760 s.
- Toporov, V. N. *Issledovaniia po ètimologii i semantike, t. 1, Teoriia i nekotorye chastnye ee prilozheniia*. Moscow: LRC Publishing House, 2004, 816 s.

Natalia A. Lunkova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The poetics of space in the short stories cycle "The Lonely Windmills"
by S. Stratiev

This article aims at analysis of spatial structures in the short stories cycle by the Bulgarian writer "The Lonely Windmills" (1969) and they role in the interpretation of the deformation of a human personality and of the loss of moral guidance. The delimitation of the chronotopes is made through taking into account the viewpoints of the narrator (the idealized past in the opposition to the present) and the dwellers of his native street (a world contingently closed in itself and with certain traits of a fairytale chronotope. It is contrasted with the unlimited outside space). When creating the different types of spaces, the author actively uses such spatial and binary oppositions as up / down, close / distant, open / closed, big / small. A special role in the marking of one's own / other worlds is played by the colour. The space of the past with the mythologeme of home in its centre is characterized through bright colours. They however are disappearing while the main character is growing. The home playing a structurizing role in the cycle, is a guarantee to preserve the individuality of a human. Once it is lost, the personality is deformed. Taking part in the modelling of the art world of Stratiev, the spatial structures and the motifs of home and memory about it incarnate the author's ideas on the destruction of a personality due to oblivion, the loss of homeland, and under the influence of social institutions.

Keywords: *poetics of space, chronotope, memory problem, Bulgarian literature.*

УДК 821.163.6
ББК 83.3 (4/8)

Н. Н. Старикова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

«Мой триестский адрес»: этнокультурная самоидентификация писателя в условиях словенско-итальянского пограничья

В центре внимания — проблематика творчества представителя словенского национального меньшинства в Италии, выдающегося писателя из Триеста Бориса Пахора. Этот словенец, отметивший в 2018 г. свой 105 день рождения, появился на свет в многонациональном и мультикультурном Триесте в то время, когда город еще входил в состав Австро-Венгрии, затем пережил трех европейских диктаторов XX в.: Б. Муссолини, А. Гитлера и Й. Б. Тито. На протяжении всей своей долгой творческой жизни (литературный дебют Пахора состоялся в 1948 г., последний роман вышел в 2012 г.) писатель создает собирательный образ триестского словенца, широко используя при этом автобиографические мотивы. Герои его произведений, представители словенской диаспоры в Триесте, носят разные имена, имеют разные профессии, но все они отстаивают свое право на свободу и этнокультурную самобытность. Лагерный опыт лег в основу автобиографического романа «Некрополь» (1967), который ставят в один ряд с произведениями А. Солженицына, П. Леви, Х. Семпруна и И. Кертеса, это одно из самых ярких литературных свидетельств о нацистской фабрике смерти времен Второй мировой войны в современной европейской прозе. В контексте словенской литературной парадигмы творческая индивидуальность Пахора особенно уникальна, ибо его поэтика не связана с национальной литературной традицией, ориентирами для него служили итальянские неореалисты, прежде всего В. Пратолини, а также Э. Хемингуэй, Дж. Дос Пассос, У. Сароян.

Ключевые слова: *словенская литература, национальное меньшинство, этнокультурная самоидентификация.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.04

Работа над статьей проводилась в рамках проекта ИСл РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018–2020 гг. президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Специфика геополитического положения словенских земель, оказавшихся объектом притязаний более могущественных соседей, стала одной из причин многовековой экспансии со стороны ряда европейских государств. Исторические катаклизмы, передел территорий, перенос границ привели к тому, что к середине XX в. этнические земли словенцев уменьшились почти на две трети. В 1954 г. согласно Лондонскому меморандуму Италии отошел город Триест, словенское национальное меньшинство которого обладало бесспорным общественным и культурным потенциалом. Как отмечает в своей статье «Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация» Г. П. Пилипенко, в 1980–х гг. в Триесте проживало около 50 тысяч словенцев¹. Важным фактором противодействия ассимиляции стала литература на родном языке, творчество словенских авторов с итальянским гражданством Б. Пахора, А. Ребулы, М. Кошуты, М. Кравоса, И. Шкамперле, М. Сосича и др. хорошо известно читателям диаспоры и востребовано на родине.

Словенцы, проживавшие в Австро-Венгрии, после ее распада оказались разбросаны по разным странам, сотни тысяч очутились на территориях, которые по итогам Первой мировой войны достались Италии. Речь идет о провинции Венеция-Джулия, где, по оценкам переписи 1921 г., 47,6 % населения составляли славянские народы, главным образом словенцы и хорваты². Там с приходом к власти Муссолини в 1922 г. начала проводиться политика насильственной италянизации: были запрещены все языки, кроме итальянского, гонениям подвергалась местная культура. Уроки сербохорватского и словенского языка в школах были запрещены, в 1923/1924 учебном году итальянский стал официальным языком обучения в начальных классах хорватских и словенских школ, а в 1925 г. на него было переведено делопроизводство и судопроизводство. Славянское население стало посылать детей учиться в Королевство сербов, хорватов и словенцев, но эти попытки были пресечены властями, которые указом от 3 декабря 1928 г. запретили подобное обучение за границей. Италянизация коснулась даже фамилий местного населения. За отказ от изменения фамилии полагался ощутимый штраф — от 500 до 3000 лир.

1 Пилипенко Г. П. Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 384.

2 Kacin Wohinz M. Slovenci v Italiji // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. S. 513.

В апреле — сентябре 1928 г. местный префект своим декретом изменил более 2300 словенских и хорватских фамилий. При Муссолини на полуостров было перевезено около 50 000 итальянских «колонистов», до 100 000 жителей провинции славянского происхождения эмигрировало за эти годы в Югославию. Весной 1945 г. Венеция-Джулия была занята силами Югославской армии, 2 мая 1945 г. Триест освободили ее подразделения, неделю спустя, 9 июня 1945 г., в город вошли англо-американские войска с намерением не допустить занятия Югославией окружающих Триест областей. Далее в течение девяти лет статус региона оставался предметом международных консультаций, в международных документах его название было изменено на Юлийскую Крайну. В 1954 г. вся Юлийская Крайна за исключением Триеста официально была передана Федеративной Народной Республике Югославии. Триест получил статус Свободной территории (Свободное государство Триест), подмандатной ООН, тем самым Совет безопасности ООН пытался сохранить равновесие в этом многонациональном регионе, снизить риск территориальных конфликтов между Италией и Югославией. Территория была разделена так называемой «линией Моргана» (по имени британского генерала Уильяма Моргана) на англо-американскую зону А (Триест и прилегающие прибрежные районы) и югославскую зону В (часть истрийского побережья). 5 октября 1954 г. в Лондоне был подписан договор, по которому зона А была присоединена к Италии, а зона В — к Югославии.

Борис Пахор родился 28 августа 1913 г. в словенской семье в городе Триест, в 2018 г. в этом же городе он встретил свой 105 день рождения. Судьба этого человека по-своему уникальна, он много раз рисковал жизнью и мог погибнуть: от рук итальянских фашистов, преследовавших национальные меньшинства в Триесте, во время мобилизации и участия в одной из кампаний фашистского режима, в печи крематория нацистского концлагеря. В результате именно собственный жизненный опыт стал для него предметом творческого осмысления и рефлексии, «нарративной идентичностью» (П. Рикер³), которая поддерживает преемственность самосознания. На протяжении всей творческой жизни Пахор создает собирательный образ триестского словенца, широко используя при этом автобиографические мотивы. Герои его произведений носят разные имена, имеют разные

3 Цит. по: *Спиридонов Д. В.* Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1–2. С. 154.

профессии, но все они отстаивают право на свободу и этнокультурную самобытность в тех исторических обстоятельствах, в которых их малая родина — Триест — оказывалась в XX в. (в период итальянской экспансии, немецкой оккупации, существования Свободной территории Триест, наконец, после присоединения города Италии). При этом главным смыслом их жизни неизменно оказывается любовь, которая в прозе Пахора «становится глубинной мотивацией процесса преобразования человеческого сознания» (Й. Погачник⁴). Так, мотив любви, противопоставленной жестокости и бездуховности военного лихолетья, «держит» сюжетную историю словенского архитектора Мирко Годины и итальянской ткачихи Люцианы в романе «Вилла у озера» (1955), чувство триестского подпольщика Радко Субана, героя романа «Затмение» (1975), к молодой женщине Мии помогает ему не сойти с ума в немецком концлагере (роман «Затмение», 1975, вместе с романами «Схватка с весной», 1978, и «В Лабиринте», 1984, он составляет трилогию, повествующую о жизни словенского национального меньшинства в Триесте после капитуляции Италии в сентябре 1943 г.). По сути, все творчество Пахора подчинено идее свободы: свободы от фашизма, свободы быть словенцем, свободы любить и быть любимым.

На момент рождения писателя Триест еще принадлежал Австро-Венгрии. Первая мировая война драматически изменила жизнь города и его обитателей. В 1918 г. по результатам Рапальского договора итальянцы, со времен Венецианской республики считавшие город своим, получили его и почти всё бывшее побережье Австрийского Приморья вместе со словенским и хорватским национальными меньшинствами. В одном из интервью Пахор заметил: «Я родился австрийским гражданином; словенский язык был одним из трех, используемых в нашем городе на равных условиях. Наша история как “меньшинства” началась только в 1918 году, и ее нам навязали»⁵. В 1920 г. 7-летний Борис стал свидетелем сожжения чернорубашечниками одного из очагов родной культуры — словенского Народного дома в Триесте, как инородец на своей шкуре испытал притеснения со стороны фашистских властей Италии («Были упразднены уроки на словенском языке, за-

4 *Pogačnik J.* Ekzistencializem in strukturalizem // *Pogačnik J., Zdravec F.* Zgodovina slovenskega slovstva. Maribor, 1972. Zv. 8. S. 157.

5 Цит по: *Baldasso F.* An Interview with Boris Pahor. [Электронный ресурс]: <https://www.dalkeyarchive.com/an-interview-with-boris-pahor> (дата обращения 22.02.2019).

прещена деятельность всех словенских обществ и прессы, словенские фамилии официально заменялись итальянскими [...]. Использование словенского языка запретили даже на улице, о чем оповещали надписи в общественных местах»⁶). С ранних лет проявился бунтарский характер Пахора. Узнав, что теперь ему придется учиться на итальянском языке, мальчик решил бросить гимназию, и родители отдали сына в духовную семинарию города Копер — подальше от неприятностей. Там он тайком изучал словенский язык, начал на нем писать, оттуда отправил свой первый рассказ в журнал «Младика», выходивший в Словении в городе Целье. Сильнейшее впечатление произвела на юношу расправа фашистских властей над хормейстером Лойзе Братужем, вся вина которого состояла в том, что его детский хор продолжал исполнять произведения на словенском языке, этот эпизод во многом определил антифашистские настроения будущего писателя.

В 1940 г. достигшего призывного возраста Пахора мобилизовали, он воевал в Ливии, работал военным переводчиком в Ломбардии, затем учился в Падуанском университете, где изучал итальянскую литературу. В это время, в самом начале творческого пути, начинается его общение с выдающимся поэтом и крупным общественным деятелем Словении Эдвардом Коцбеком (1904–1981), в то время главным редактором журнала «Деянье», ставшим впоследствии его наставником и другом.

После капитуляции Италии осенью 1943 г. Пахор вернулся в оккупированный немцами Триест, участвовал в подпольном антифашистском движении, в январе 1944 г. был арестован, попал в руки гестапо и был отправлен сначала в Дахау, потом в концлагерь Нацвейлер-Штрутгоф в Эльзасе, потом в Дора-Миттельбау, где собирали Фау-2. Знание языков, дружелюбие, коммуникабельность помогли ему выжить, после освобождения он долго лечился от полученного в лагерях туберкулеза легких. Несмотря на недуг, в 1947 г. Пахор получает университетский диплом, темой его дипломной работы становится поэзия Коцбека. Влияние этого неординарного человека на этическое и эстетическое становление Пахора было огромным. Коцбек — знаковая фигура словенской литературы и культуры XX в., литератор, политик, мыслитель, активный участник народно-освободительного движения, видный государственный деятель⁷. В 1942–1946 гг. он был

6 Пахор Б. Некрополь. Любляна; М., 2011. С. 3–4.

7 О роли Э. Коцбека в национальном литературном процессе см.: Старикова Н. Н. Вместо преамбулы: поэтика инакомыслия (литературная

вице-председателем Исполкома АВНОЮ, министром по делам Словении в югославском правительстве, вице-председателем Президиума Скупщины Народной Республики Словении. В своих художественных и документальных произведениях именно Коцбек первым в словенской литературе сделал попытку показать военную действительность глазами христианина и гуманиста. Книга его партизанских дневников «Товарищество» (события мая 1942 — декабря 1943 гг.), вышедшая в 1949 г., — одно из самых достоверных свидетельств о словенской национально-освободительной борьбе и ее руководителях. Соединив документальный материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями, автор показал всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, поднял вопрос о роли и месте национальной интеллигенции во Второй мировой войне. Проблема моральной ответственности человека за свои поступки, по какому бы сторону фронта он ни сражался, интерпретируется в его рассказах из сборника «Страх и мужество» (1951) с позиций христианского экзистенциализма. Страх, так же как и мужество, может быть одинаково присущ и героям-антифашистам, и врагам. Вера в Бога и абсолютный гуманизм — такова, по мысли Коцбека, нравственная основа поведения и выбора человека. Когда в 1951 г. за публикацию этого сборника автора сняли со всех постов и начали травить, Пахор вступился за опального литератора, выступал со статьями в его защиту в итальянских периодических изданиях, даже порвал с триестскими левыми кругами, симпатизировавшими Тито. Этот смелый поступок надолго закрыл ему дорогу к читателям Словении. Выручила итальянская литература — более двадцати лет, с 1953 по 1975 г., писатель преподавал ее в словенской гимназии в Триесте.

В 1966 г. вместе с писателем Алойзом Ребулой (1924–2018) Пахор учредил журнал «Залив» (1966–1990), который стал самым крупным оппозиционным периодическим изданием словенской диаспоры в Италии, «трибуной для открытого плюралистического диалога»⁸. В 1975 г. также совместно с Ребулой писатель выпустил в Италии сборник «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени». Содержащее в книге интервью, в котором Коцбек предал гласности одну из «запретных» для социалистической системы тем — массового истребления коммунистами ополченцев-домобранцев в 1945 г., — полу-

ситуация в период социализма) // *Старукова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018. С. 16–45.

8 *Jevnikar M.* Slovenski avtorji v Italiji. Trst, 2013. S. 39.

чило в Словении широкий политический резонанс, и въезд в СФРЮ гражданину капиталистической Италии Пахору был запрещен. Запрет был снят лишь в 1981 г., и он смог приехать в Люблян на похороны Коцбека⁹. Книгой «Песочные часы, письма Эдварда Коцбека Борису Пахору 1940–1980» («Peščena ura, pisma Edvarda Kocbeka Borisu Pahorju 1940–1980»), вышедшей в 1984 г. издательстве «Словенска матица», Пахор отдал дань памяти «поэту эпохи».

Первый сборник рассказов Пахора «Мой триестский адрес» увидел свет в 1948 г., последняя художественная публикация «Книга о Раде», в которой писатель вспоминает о верной спутнице своей жизни Раде Премрл, — в 2012 г. Между двумя этими изданиями — непростая писательская судьба, долгая дорога к читателю, и словенскому, и итальянскому.

На родине ситуация изменилась после провозглашения независимости — в 1992 г. Пахору была присуждена высшая государственная награда Словении в области культуры — премия Ф. Прешерна, его кандидатура не раз выдвигалась национальным Обществом писателей на Нобелевскую премию по литературе. Пахор обладатель нескольких престижных наград, в том числе премии Европарламента «Гражданин Европы» (2013), его произведения переведены на десяток европейских языков, их ставят на сцене, об авторе снимают фильмы. В 2008 г. на его творчество, наконец, обратили внимание итальянские издатели — роман «Некрополь» (1967) через сорок лет после первой публикации был назван в Италии книгой года¹⁰. В основу этого, пожалуй, самого известного автобиографического произведения Пахора, который ставят в один ряд с лагерными текстами Александра Солженицына, Примо Леви, Хорхе Семпруна, Имре Кертеса, также лег личный опыт заключения. Роман посвящен «душам всех тех, кто не вернулся»¹¹, это одно из самых ярких литературных свидетельств о нацистской фабрике смерти времен Второй мировой войны в словенской прозе. Сюжетная канва произведения ослаблена: на первом плане — события внутренней жизни героя, его воспоминания и саморефлексия. Текст не

9 Теперь памятник Пахору, открытый в 2017 г. в люблянском парке Тиволи, соседствует со скульптурным портретом Э. Коцбека.

10 В интервью итальянскому журналисту Ф. Балдассо Пахор упомянул, что в 1972 г. отправил перевод романа во все крупные итальянские издательства, а также лично П. Леви, но ответа не получил. См.: <https://www.dalkeyarchive.com/an-interview-with-boris-pahor> (дата обращения 22.02.2019).

11 Пахор Б. Некрополь... С. 12.

разделен на главы, а представляет своего рода мозаику размышлений повествователя о пережитом в годы войны, ассоциативно связанных друг с другом. Эпиграфом к роману служат строки словенского поэта С. Косовела (1904–1926) «Хладный пепел лежит над телами» и французского писателя и художника Веркора (настоящее имя — Жан Марсель Брюллер, 1902–1991) «Когда народы узнают, кем вы были, // Будут грызть землю от скорби и мук совести...», которые задают основной настроенческий вектор повествования. Название роману дало национальное кладбище в Штрутгофе (Necropole nationale du Struthof), расположенное неподалеку от лагеря, где писатель находился в 1944 г. В тексте приводится описание этого кладбища: над рядами белых крестов возвышается сорокапятиметровый монумент — «символ любви великого народа к своим дочерям и сыновьям [...] Внутри этого величественного символа прерванной жизни скульптор высек фигуру изможденного тела в плену белого камня, словно в безжалостных тисках каменоломни»¹².

Одна из самых, как пишет Х. Глушич, «этически и эстетически пронзительных словенских книг»¹³ написана от первого лица, создана на стыке двух жанровых форм: романа-вспоминания и романа-исповеди. Спустя десятилетия человек, выживший в аду, приезжает на него посмотреть и начинает вспоминать. Воспоминания эти ужасающие, «Некрополь», отмечает Б. Патерну, «пронизан атмосферой напряжения, постоянным ощущением конца света»¹⁴. Лагерь Нацвейлер-Штрутгоф находился в Вогезах, на высоте почти 800 метров над уровнем моря. Теперь в Штрутгофе музей, ходят туристы, гиды, подгоняя их, рассказывают о жизни заключенных. Герой перебирает в памяти эпизоды прошлого, трагические судьбы погибших в застенках людей, страшные подробности лагерной жизни, где каждая мелочь имела значение. Как не упасть во время работы в каменоломне, как избежать газовой камеры, где отрабатывалась технология уничтожения и опробовались новые удушающие газы, как не стать материалом для медицинских опытов. Память в подробностях восстанавливает эпизоды лагерной жизни, эти реминисценции перемежаются с размышлениями о природе нацизма, о философии смерти, о психологии

12 Там же. С. 206.

13 *Glušič H.* Slovenska pripovedna proza v drugi polovici dvajsetega stoletja. Ljubljana, 2002. S. 75.

14 *Paternu B.* Pahorjeva Nekropola // Jezik in slovstvo. [Ljubljana], 2014. Št. 2–3. S. 38.

страха. Это рассуждения эрудита, знающего труды Ф. Ницше, расовую теорию Х. Чемберлена, «Стихи о смерти» Ш. Бодлера. В ткани романа сосуществуют несколько нарративных уровней, сменяющих друг друга в зависимости от описываемой ситуации. Субъективизированное повествование, ведущееся в настоящем времени от первого лица единственного числа «я», в определенные моменты заменяется местоимением «мы»: «Мы ощущали глухое дыхание пустоты»¹⁵, «нас поместили на высоту, чтобы [...] показать наше полное отторжение от мира людей»¹⁶, с помощью которого воссоздается собирательный тип сознания заключенных.

Существование бок о бок со смертью притупляет чувства. Однако выживший в аду и после всех страданий не может избавиться от чувства вины. Кульминацией покаяния становится сцена его «встречи» (то ли во сне, то ли в воображении) с обитателями тюремного барака. Под их неодобрительными взглядами он ищет оправдания в некогда содеянном — в том, что питался пайкой умерших: ухаживая за еще живыми, знал, кто будет следующим, и ждал его смерти; в том, что выменял у доходяги хлеб на сигареты, а мог ведь просто подарить, и тогда тот умер бы счастливым; в том, что не спрашивал, чем бывала нагрета вода для душа, когда дым из труб крематория был особенно густ.

Одним из ведущих мотивов романа является мотив смерти, автор «Некрополя», как пишет Ф. Задрavec, «воссоздает массовую смерть»¹⁷: это вездесущая «ревнивая мегера», «мстительная дама, которую нельзя дразнить видениями жизни»¹⁸. Герой, каждый день наблюдающий этот поединок жизни со смертью, сам оказывается его участником: узнает, что болен туберкулезом, чувствует страх перед надвигающимся концом, лишь упорное желание выжить и сила воли заставляют его работать и «вести себя так, будто ничто не подточило глухой и слепой веры в самосохранение»¹⁹.

Автобиографический нарратив Пахора о пережитом трогает не только искренностью интонации, но и тем, что не дает читателю забыть, сколь уязвима личность перед зверством военной истории. Это исповедь поколения, испытавшего на себе ужасы войны, не будучи

15 *Пахор Б.* Некрополь... С. 52.

16 Там же.

17 *Zadavec F.* Slovenski narodnoobrambni in protivojni roman. Murska Sobotna, 2011. S. 201.

18 *Пахор Б.* Некрополь... С. 70, 140.

19 Там же. С. 124.

при этом непосредственным участником сражений. Роман является новаторским в освещении военной темы: одним из первых в словенской литературе автор прибегает к приему реминисценций, обращаясь к личному опыту пережитого из перспективы современности, чтобы еще раз осмыслить трагические события, придать им новое этическое и философское звучание.

В контексте словенской литературной парадигмы творческая индивидуальность Пахора особенно уникальна тем, что его поэтика не связана с национальной художественной традицией, ориентирами для него служили итальянские неореалисты, прежде всего Васко Пратолини, а также такие представители литературы «потерянного поколения», как Э. Хемингуэй и Дж. Дос Пассос. Субъективное чувство индивидуальной самоидентичности, которое связывает писателя со словенским прошлым, соединяется в его самосознании с европейской культурной идентичностью, обусловленной биографическими факторами, спецификой полученного образования, окружающей социокультурной средой. Отсюда характерное для его поэтики соединение национальной проблематики с универсальным философским дискурсом, реализуемое на высоком художественном уровне.

Источники и литература

- Пахор Б.* Некрополь. Любляна: UMco; М.: ГЛАСНОСТЬ, 2011. 256 с.
- Пилипенко Г. П.* Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 383–401.
- Спиридонов Д. В.* Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1–2. С. 154–166.
- Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 392 с.
- Baldasso F.* An interview with Boris Pahor // Dalkey Archive Press. URL: <https://www.dalkeyarchive.com/an-interview-with-boris-pahor/> Дата последнего обращения 22.02.2019.
- Glušič H.* Slovenska pripovedna proza v drugi polovici dvajsetega stoletja. Ljubljana: Slovenska matica, 2002. 312 s.
- Jevnikar M.* Slovenski avtorji v Italiji. Trst: Ciljno začasno združenje Jezik — Lingua, 2013. 524 s.
- Kacin Wohinz M.* Slovenci v Italiji // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. 780 s.

Paternu B. Pahorjeva Nekropola // Jezik in slovstvo. [Ljubljana], 2014. Št. 2–3. S. 29–41.

Pogačnik J. Ekzistencializem in strukturalizem // Pogačnik J., Zadavec F. Zgodovina slovenskega slovstva. Maribor: Založba Obzorja, 1972. Zv. 8. S. 157.

Zadavec F. Slovenski narodnoobrambni in protivojni roman. Murska Sobota: Franc-Franc, 2011. 246 s.

References

Baldasso, F. “An onterview with Boris Pahor.” *Dalkey Archive Press*, <https://www.dalkeyarchive.com/an-interview-with-boris-pahor>. Accessed 22.02.2019.

Glušič, H. *Slovenska pripovedna proza v drugi polovici dvajsetega stoletja*. Ljubljana: Slovenska matica, 2002, 312 s.

Jevnikar, M. *Slovenski avtorji v Italiji*. Trst: Ciljno začasno združenje Jezik — Lingua, 2013, 524 s.

Kacin Wohinz, M. “Slovenci v Italiji.” *Slovenska novejša zgodovina, 1848–1992*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005, 780 s.

Pahor, B. *Nekropol'*. Liubliana: Umco, Moscow: GLASNOST', 2011. 256 s.

Paternu, B. “Pahorjeva Nekropola.” *Jezik in slovstvo*, št. 2–3, Ljubljana, 2014, s. 29–41.

Pilipenko G. P. “Sloventsy v provintsii Triest: sotsiolingvisticheskaia i ètnokul'turnaia situatsiia.” *Slavianskiĭ al'manakh*, vyp. 3–4, 2015, s. 383–401.

Pogačnik J., and Zadavec F. *Zgodovina slovenskega slovstva*, zv 8. Maribor: Založba Obzorja, 1972, 264 s.

Spiridonov, D. V. “Problema narrativnoi identichnosti i istoricheskaia tipologiiia siuzheta.” *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1–2, 2010, s.154–166.

Starikova, N. N. *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve nezavisimoĭ Slovenii*. M.: Indrik, 2018, 392 s.

Zadavec F. *Slovenski narodnoobrambni in protivojni roman*. Murska Sobota: Franc-Franc, 2011, 246 s.

Nadezhda N. Starikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

«My Trieste address»: The ethno-cultural self-identification in the conditions of the Slovenian-Italian borderlands

In the focus of the attention are the problems of the creative work of an outstanding writer from Trieste, a representative of the Slovenian national minority in Italy Boris Pahor. This Slovenian, who celebrated his 105th birthday in 2018, was born in the multinational and multicultural Trieste at the time when the city was still a part of Austria-Hungary, then survived three European dictators of the 20th century: Mussolini, Hitler and Tito. During his long creative life (Pahor's literary debut took place in 1948, the last novel was published in 2012), the writer has created a collective image of the Trieste Slovenian, making extensive use of his autobiographical motifs. The heroes of his works, representatives of the Slovenian diaspora in Trieste, have different names and professions, but all of them defend their right to freedom and ethno-cultural originality. The experience of concentration camps was the basis of his autobiographical novel "Necropolis" (1967). This work is ranked with the works by A. Solzhenitsyn, P. Levi, J. Semprun and I. Kertész. This is one of the most vivid literary evidence about the Nazi death factory in the time of World War II in the modern European prose. In the context of the Slovenian literary paradigm, Pahor's creative individuality is especially unique, because his poetics is not connected with the national literary tradition, he was guided by Italian neorealists, first of all V. Pratolini, as well as by E. Hemingway, J. Dos Passos, and W. Saroyan.
Keywords: *Slovenian literature, national minority, ethno-cultural self-identification.*

О специфике постколониальных исследований в современном украинском литературоведении

С начала 1990-х гг. в украинских историографии, социологии, культурологии, а также литературоведении активно развиваются постколониальные исследования, берущие свое начало в работах американских, европейских и австралийских коллег. В последнее десятилетие данные исследования стали особенно востребованы в пространстве современной украинской культуры. Такие проблемные поля, как нация и национализм, ориентализм, амбивалентная и мультикультурная личность, саморепрезентация, поиск культурной идентичности, проблема отношения к прошлому, включены в парадигму постколониальных исследований. Национальная идентичность, тоталитарное прошлое, взаимодействие Украины и стран-соседей, в первую очередь России и Польши, нестабильное состояние украинского общества — все это вопросы, рассматриваемые в категориях данной теории в украинском интеллектуальном дискурсе. В последнее время постколониальная теория часто становится основной интерпретационной стратегией в исследованиях украинских авторов. Однако в украинской науке нет безусловного *modus vivendi* касаясь концепций, стратегий и принципов постколониальной теории. Одним из наиболее важных открытых вопросов остается вопрос соотношения в национальной литературе постколониальной и постмодернистской составляющих. Отличительной чертой украинских постколониальных исследований является активное включение в них в последнее время исследований травмы, а также введение в них антиколониальных и посттоталитарных дискурсов.

Ключевые слова: *постколониальные исследования, постколониальная теория, посттоталитарный, антиколониальный, исследования травмы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.05

Зарождение постколониальных исследований пришлось на середину XX в., когда колонии стран Западной Европы обрели независимость,

а их литература — главным образом англоязычная — стала вызывать интерес у читателей и критиков «гибридностью эстетических форм и значимостью затронутых культурных и политических проблем»¹. Под влиянием работ Ф. Фанона («Peau noire, masques blancs», 1952; «Les damnés de la terre», 1961), Э. Саида («Orientalism», 1978; «Literature and Society», 1980; «The World, the Text and the Critic», 1983; «Culture and Imperialism», 1993 и др.), Г.Ч. Спивак («In other worlds», 1988), позднее трудов Х. Бхабхи («Nation and Narration», 1990; «In a Spirit of Calm Violence», 1993; «The Location of Culture», 1994 и др.), Д. Чакрабартти («Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference», 2000; «Habitations of Modernity: Essays in the Wake of Subaltern Studies», 2002) и др. с конца 1980-х гг. в странах Западной Европы и Северной Америки начала формироваться постколониальная теория, которая и стала центром отдельной междисциплинарной области гуманитарной науки — постколониальных исследований.

Э. Саид, опираясь на концепцию М. Фуко о связи форм знания и власти, в своем фундаментальном труде показывает, как западный дискурс ориентализма стал инструментом угнетения, способствующим ассимиляции колонизированного населения Востока как менее развитой копии Запада. В работе «Культура и империя» Саид выдвигает понятие культурного империализма, суть которого состоит в том, что культура колонизаторов стремится вытеснить культуру колонизируемых. Колонизированная культура лишена собственного голоса и не способна должным образом себя представлять, поскольку является угнетенной, исторически замалчиваемой, насильно или добровольно ассимилированной, подчиненной центру, который говорит от ее имени. Г.Ч. Спивак и Х. Бхабхи в своих исследованиях опираются на идеи деконструкции Ж. Дерриды и психоанализа Ж. Лаккана. Спивак выдвигает тезис о том, что полностью понять Другого невозможно, поскольку каждый субъект, даже не желая того, переводит на собственный язык в понятные ему категории любую иную, отличающуюся от его собственной знаковую. Бхабхи ввел в научный язык постколониальных исследований такие ключевые понятия, как «гибридность», «мимикрия», «амбивалентность»; в своих работах он выступает против того, чтобы идентичность стран третьего мира рассматривалась как однотипная, указывая на то, что «культурная продукция всегда продуктивнее там, где она более амбивалентна, раз-

¹ Будний В., Гльницький М. Порівняльне літературознавство. Київ, 2008. С. 323–324.

нородна, гибридна»². Д. Чакрабарти предлагает реинтерпретировать базовые категории европейской истории путем их «провинциализации», заново постичь их «не как универсальные модели исторического развития человечества, а как эффекты специфических исторических траекторий»³. Парадигма постколониальных исследований оперирует такими проблемными полями, как *нация и национализм, ориентализм, саморепрезентация, поиск культурной идентичности, амбивалентная и мультикультурная личность, проблема отношения к прошлому*⁴.

С начала 2000-х гг. в России обозначился интерес к постколониальной теории⁵, однако широкого распространения и прочного авторитета в отечественной науке она не завоевала. Как указывает С. Голубкина, это связано с изначальной спорностью «применения теоретических установок, основанных на опыте империй морского типа, к отечественной истории», а также неразрывной связью тем, «поднимаемых постколониальной теорией, с современной политикой и различными

2 Там же. С. 325.

3 *Платт К.* Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 3. [Электронный ресурс]: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskayaidentichnost-sluchaj-latvii.html Дата обращения: 24.03.2018.

4 *Чемякин Е.* Постколониальные исследования как историко-культурный феномен второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2012. С. 15–16.

5 См. дискуссию в журнале «Ab imperio» между отечественными и американскими учеными: *Кэмпбелл Е.* К вопросу об Ориентализме в России (во второй половине XIX века — начале XX века) // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 311–322, *Эткинд А.* Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–299, *Найт Н.* Была ли Россия собственным «Ориентом»? Размышления по поводу статей Эткинда и Схиммельпеннинка в рамках дискуссии по ориентализму // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 249–264; *Ойеван дер Д. С.* Ориентализм — дело тонкое // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 299–310. А также следующие работы: *Ионов И. Н.* Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // *История и современность*. 2008. Вып. № 2. С. 128–153; *Ремнев А.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2001. № 1. С. 169–205 и др.

асpekтами межэтнических отношений»⁶. При этом А. Эткиндоm был выдвинут тезис о «внутренней колониализации» России⁷ (применение практик колониального управления внутри государства), получивший довольно широкое распространение⁸. М. Глостанова в работе «Империя двуликого Януса» (2003)⁹ предложила идею двойной самоидентификации России как империи, в идеологии которой сочетались образы колонизатора и колонизируемого. Позднее она же стала активно развивать новый методологический подход, названный «деколониальным выбором», который «сознательно и радикально ставит под сомнение саму логику и методологию существующей системы знания и дисциплинарной сферы», предлагает решительное размежевание с модерностью и ее «мифом прогрессизма и поступательного развития в сфере в том числе и научной»¹⁰ и реализует себя как существующий и развивающийся отдельно от постколониальных исследований.

В целом, несмотря на открывающиеся возможности посредством методологии постколониальных исследований задавать новые вопросы и обозначать актуальные проблемы в области изучения имперской проблематики и феномена колониализма, «очевидны ограничения и даже опасности, возникающие при слишком прямолинейном перенесении теории, в основе которой — значительная географическая дистанция между колонизатором и колонизованным, на опыт советской / российской империй»¹¹. Пока среди зарубежных ученых продолжает

6 Голубкина С. Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. [Электронный ресурс]: <https://studfiles.net/preview/5850219/>. Дата обращения: 09.03.2018.

7 Эткин А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74.

8 Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.

9 *Tlostanova M. V. Janus-faced Empire: Notes on the Russian Empire in Modernity, written from the Border. Moscow, 2003.*

10 Шенталь А. Мадина Глостанова: Колониальность переживает колониализм // Theory and practice. 15 октября 2015. [Электронный ресурс]: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote>. Дата обращения: 13.12.2018.

11 Голубкина С. Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований.

вестись дискуссия о целесообразности применения постколониальной теории к ситуации в странах постсоветского и постсоциалистического пространств¹², в самих этих странах неуклонно появляются работы, основывающиеся на постколониальной теории и развивающие ее¹³.

12 См. следующие работы: *Рябчук М.* Разновидности колониализма: о возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Восточной Европы // Политическая концептология. 2013. № 3. С. 116–124; *Yekelchik S.* Stalin's Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004; *Moore D.* Is the post- in postcolonial the post- in post-Soviet: toward a global postcolonial critique // PMLA. 2001. Vol. 116. № 1; *Spivak G.* In memoriam: Edward W. Said // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2003. Vol. 23. № 1–2. P. 6–7, 111–128; *Chernetsky V.* Postcolonialism, Russia and Ukraine // Ubandus. 2003. № 7. P. 32–62; *Spivak G., Condee N., Ram H., Chernetsky V.* Conference debates: are we postcolonial? Post-Soviet space // PMLA. 2006. Vol. 121. № 3. P. 828–836; *Otoiu A.* An exercise in fictional liminality: the postcolonial, the postcommunist, and Romania's threshold generation // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2003. Vol. 23. № 1–2. P. 87–105; *Carey H., Raciborski R.* Postcolonialism: a valid paradigm for the former sovietized states and Yugoslavia? // East European Politics and Societies. 2004. Vol. 18. № 2. P. 191–235; *Popescu M.* Translations: Lenin's Statues, post-communism and post-apartheid // The Yale Journal of Criticism. 2003. Vol. 16. № 2. P. 406–423; *Adams L.* Modernity, Postcolonialism, and theatrical form in Uzbekistan // Slavic Review. 2005. Vol. 64. № 2. P. 333–354; *Kelertas V.* Baltic Postcolonialism. Amsterdam: Rodopi, 2006; *Hagen M.* Empires, Borderlands, and diasporas: Eurasia as anti-paradigm for the Post-Soviet Era // AHR. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445–468; *Chari S., Verdery K.* Thinking between the posts: Postcolonialism, Postsocialism and ethnography after the Cold War // Comparative Studies in Society and History. 2009. Vol. 51. № 1. P. 6–34.

13 *Тимофеев С.* Читай по губам: двуязычие как культурный вызов // Новое литературное обозрение. 2008. № 94; *Цыбенко (Иванова) В.* Концепции постколониализма и посториентализма в применении к кавказской проблематике // Метаморфоз VS Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции, 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 74–86; *Толстанова М.* Деколониальные гендерные эпистемологии. М., 2009; *Стенура С.* «Имперский архив» России в романе Дж. Джойса «Улисс» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 82–90; *Винокуров В., Воронцова М.* Постколониальный дискурс и посттравматический синдром: «sensory pain» и «suffering pain» // Филология и культура. Philology and culture. 2017. № 2 (48). С. 146–152, и др.

В среде украинских интеллектуалов — историков, культурологов, литературоведов, философов — попытки осмыслить национальную историю и современность в рамках постколониальной теории предпринимаются с 1990-х гг. В категориях данной теории обсуждаются такие непростые вопросы, как национальная идентичность, совместное советское прошлое, русификация, неоднозначный характер взаимодействия России и Запада, России и Украины, постколониальный характер современного украинского общества и др. В авангарде данных исследований — зарубежные слависты, многие из которых имеют украинское происхождение. Так, М. Павлишин, глава Школы языка, культуры и лингвистики университета им. Монаша в Мельбурне (Австралия), указывает на необходимость изучения в рамках постколониальной теории культуры Российской империи, СССР и постсоветских стран, поскольку такое исследование должно способствовать деколонизации не только периферии, но и бывшего центра империи¹⁴. Профессор М. Шкандрий, глава факультета германских и славянских исследований Университета Манитобы (Канада), в своем фундаментальном исследовании, посвященном русско-украинским отношениям¹⁵, рассматривает вопросы формирования украинской национальной идентичности в контексте имперской истории, а также реакцию на этот процесс в русской литературе, анализируя тексты «не как национальные *литературные* памятники, а как *идеологические* произведения, выражающие национальную идею»¹⁶. При этом в другой работе автор замечает: «Мне кажется совершенно очевидным, что постколониальные исследования, наряду с феминистскими и исследованиями всех угнетаемых, являются тем участком, на который следует обратить внимание украинским ученым. Концепты, методы, идеи и образцы, заимствованные из постколониальных исследований, могут ощутимо стимулировать анализ украинского культурного опыта»¹⁷.

14 Павлишин М. Постколоніальна критика і теорія // Слово. Знак. Дискурс: антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. Львів, 2002. С. 706–707.

15 Shkandrij M. *Russia and Ukraine. Literature and the discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times*. Montreal, 2002. В украинском переводе: Шкандрій М. В обіймах імперії: Російська і українська літератури новітньої доби / пер. з англ. П. Тарашук. Київ, 2004.

16 Курчанов М. Шкандрій М. В обіймах імперії: Російська і українська літератури новітньої доби // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 578–579.

17 Shkandrij M. *The Postcolonial Moment in Ukrainian Writing // From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a postcolonial perspective* / ed. by J. Korek. Huddinge, 2007. S. 83.

Вопроса национальной памяти, противоречивого отношения украинцев к своему прошлому, недавнему и давно минувшему, касается в своей монографии «Прощание с империей. Украинские дискуссии об идентичности» (2003)¹⁸ О. Гнатюк, польская исследовательница, переводчица, глава Товарищества продвижения украинской культуры в Польше и польской на Украине, профессор Института славистики ПАН (Польша). В центре данного исследования — дискуссии украинских и западных интеллектуалов рубежа XX–XXI вв. об украинской национальной и культурной идентичности. Следует отметить, что парадигму постколониальной критики в польском интеллектуальном пространстве с середины 2000-х гг. применяют и в связи с проблемой Восточных кресов. Важную роль в развитии данного направления сыграла книга Д. Бовуа «Шляхта, царь и народ на Волыни, Подоле и Киевщине в 1793–1914 гг.» (2005)¹⁹. В работах польских авторов выдвигаются идеи двухголосия отечественной литературы, содержащей в себе одновременно дискурс колонизованного и колонизатора. Вместе с тем эти работы являются «лекарством» против мифологизации, ностальгической перспективы, с которой нередко рассматривается проблема пограничных территорий²⁰. Многие работы польских исследователей в той или иной степени посвящены Украине (хотя чаще сугубо Галиции)²¹.

18 Гнатюк О. Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність. Київ, 2005.

19 Beauvois D. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin, 2005.

20 См., в частности, работы: Gosk H. Polski dyskurs kresowy w niefikcyjnych zapisach międzywojennych. Próba lektury w perspektywie postcolonial studies // Teksty Drugie. 2008. № 6. S. 20–33; Bakula B. Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego (zarys problematyki) // Teksty Drugie. 2006. № 6. S. 11–33; Sosnowska D. Ograniczenia i możliwości krytyki postkolonialnej // Historyka. 2012. T. 47; Skórczewski D. Postkolonialna Polska — projekt (nie)możliwy // Teksty Drugie. 2006. № 6. S. 100–112; Centra-peryferie w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków, 2015. T. 3; Kultura po przejściach, osoby z przeszłością. Polski dyskurs postzależnościowy — konteksty i perspektywy poznawcze / red. R. Nycz. Kraków, 2011; (P)o zaborach, (p)o wojnie, (p)o PRL. Polski dyskurs postzależnościowy dawniej i dziś. Kraków, 2013.

21 См., например, работы: Surman J., Kaps K. Galicja postkolonialna czy postkolonialnie? Postcolonial theory pomiędzy przymiotnikiem a przysłówkiem // Historyka. 2012. T. 42. P. 7–27; Sosnowska D. Inna Galicja. Warszawa, 2008; Pieczek U., Boruszkowska I. «I opowiadać sobie wszystkie

Серьезное влияние на украинскую общественную мысль оказала переведенная на украинский язык в 2006 г. книга слависта польского происхождения, профессора университета Райса (США) Е. Томпсон «Трубадуры империи: русская литература и колониализм». В книге предлагается взгляд на Российскую империю как наследницу империи монголов, не принесшую, в отличие от других великих империй (Великобритании, Франции, Испании, Австрии), колонизированным народам ничего позитивного — лишь разрушение и страх перед властью, государством. Американская исследовательница рассматривает русских писателей и ученых (Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Тургенев, Шкловский, Лихачев, Солженицын, Распутин и др.) в качестве создателей образа империи, несущей колониям исключительно добро и не замечающей, не берущей в расчет интересы коренного населения; в этот образ, по мысли исследовательницы, поверила сама русская культура, поверила и, благодаря художественному слову, заставила поверить других. Такая точка зрения на русскую словесность и культуру оказалась востребована украинским общественным мнением, а О. Забужко, известная украинская писательница, последовательно придерживающаяся постколониальной теории как в своих историко-культурных исследованиях²², так и в художественных произведениях, посвятила этой монографии отдельный пост в своем блоге²³.

te ruskie hardkorowe historie...» [Электронный ресурс]: <http://popmoderna.pl/,i-opowiadac-sobie-wszystkie-te-ruskie-hardkorowe-historie-przyjdzie-mordor-i-nas-zje/> Дата обращения: 13.01.2019; *Kamionka-Straszakowa J.* «Do ziemi naszej» — podróże romantyków. Kraków, 1988; *Kowalski P.* Odyseje nasze byle jakie: droga, przestrzeń i podróżowanie w kulturze współczesnej. Wrocław, 2002; *Podróż i miejsce w perspektywie antropologicznej.* Gdańsk, 2009; *Bakula B.* Colonial and postcolonial aspects of Polish discourse on the Eastern «Borderlands» // From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a postcolonial perspective. Huddinge, 2007; *Wigura K., Szulecki K., Jasina Ł.* Syci Polacy patrzą na Ukrainę? // *Kultura Liberalna.* 2014. № 9. [Электронный ресурс]: <http://kulturaliberalna.pl/2014/02/25/syci-polacy-patrza-ukraine>. Дата обращения: 09.01.2019.

22 *Забужко О.* Філософія української ідеї та європейський контекст: Франківський період. Київ, 1992; *Забужко О.* Шевченків міф України: Спроба філософського аналізу. Київ, 1997. *Забужко О.* Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстика 90-х. Київ, 2001; *Забужко О.* Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. Київ, 2007.

23 *Забужко О.* Прощання з імперією? [Электронный ресурс]: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/zabuzhko/46af1ad1229ac/> Дата обращения: 22.03.2018.

Сами украинские политологи, историки, культурологи, журналисты, литературоведы также предпринимают попытки осмыслить национальную культуру, используя инструментарий постколониальных исследований. Так, тема внутренней амбивалентности Украины поднимается в политико-культурологических работах М. Рябчука «От Малороссии к Украине» (2000)²⁴, «Дилеммы украинского Фауста» (2000)²⁵, «Две Украины: реальные границы, виртуальные игры» (2002)²⁶ и др. Рябчук трактует постколониальное состояние Украины как уникальное, поскольку считает, что на ее территории одновременно сосуществуют две нации: «современная украинская нация с полностью современным национальным самосознанием (ассимилировать эту нацию уже практически невозможно, ее можно только уничтожить физически)²⁷, она сосредоточена в западной, «польско-австрийской» части страны, и «малороссийский» этнос, так и не превратившийся в современную нацию, находящийся на восточной, «российско-советской» части Украины²⁸. Ю. Луцкий (Германия)²⁹, Ю. Барабаш (Россия)³⁰ в том же направлении изучают «общественно-политическое и психологическое явление малороссийства», а также «литературу как влиятельный фактор становления национального самосознания»³¹. В более поздних работах Рябчук предлагает придерживаться «постоянной саморефлексии и методологической самодисциплины»³², с тем чтобы четко осознавать различие российско-советского и классического колониализма. При этом он утверждает: «Было бы наивно полагать, будто постколониальный подход объясняет все украинские проблемы. Но еще более наивно думать, что без него можно вполне обойтись

24 *Рябчук М.* Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ, 2000.

25 *Рябчук М.* Дилеми українського Фауста: громадянське суспільство і «розбудова держави». Київ, 2000.

26 *Рябчук М.* Дві України: реальні межі, віртуальні ігри. Київ, 2003.

27 *Рябчук М.* Від Малоросії до України. С. 7.

28 Там же.

29 *Луцький Ю.* Між Гоголем та Шевченко. Мюнхен, 1978.

30 *Барабаш Ю.* Малоросійство і західнорусизм: сіамські близнюки // *Барабаш Ю.* Не відверну лица. Штрихи до літературної автобіографії. Київ, 2013, и др. работы.

31 *Будний В., Льницький М.* Порівняльне літературознавство. С. 326.

32 *Рябчук М.* Разновидности колониализма: о возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Восточной Европы // *Политическая концептология.* 2013. № 3. С. 116.

при обсуждении вопросов украинской идентичности, русификации, региональных разделов, амбивалентного отношения к России и Западу (и олицетворяемым ими ценностями) и т.д.»³³. Постколониальную теорию как краеугольную интерпретационную стратегию в изучении истории украинской литературы использует в своей монографии «В тени империи. Украинская литература в свете постколониальной теории» О. Юрчук³⁴. Она подчеркивает, что, в отличие от многих работ, написанных в 1990-е гг., это исследование наделено большей объективностью, поскольку автор не является носителем «колониального багажа», следовательно, способна создать «интерпретационное пространство без “ограничений” в прочтении текстов, явлений, знаковых фигур»³⁵. Юрчук предлагает новую интерпретацию украинского литературного процесса как двухвекторного: направленного на деконструкцию имперских структур и конструирование украинского национального «лица»³⁶. Интересно, что исследовательница рассматривает украинскую колониальную действительность в контексте не только российского, но и польского империализма.

Украинские литературоведы В. Будный и М. Ильницький определяют постколониальную литературу как «широкий спектр разностилевых явлений, привлекающих внимание публики и критики новой трактовкой философских, политических, этических основ современной цивилизации сквозь призму исторического опыта тех этнокультур, которые до этого были отодвинуты на периферию как подчиненные, маргинальные, дискриминированные»³⁷. Важнейшими чертами данной литературы они считают: *специфическую политизированность* (разграничивая литературу антиколониальную, противопоставляющую имперский центр и бывшую колонию, и постколониальную, ирония которой направлена не только против колониальной системы, но и против собственного этноцентризма); *децентрализацию* (смещение центра и периферии в политических и художественных ориентирах); *отказ от стандартов европейского и американского модернизма* (таким образом стимулируется разнообразие национальных культур, вместо однородности, упрощения культурных форм выдвигается идея

33 Там же. С. 124.

34 Юрчук О. У тіні імперії. Українська література у світлі постколоніальної теорії. Київ, 2013.

35 Там же. С. 4.

36 Там же.

37 Будний В., Ильницький М. Порівняльне літературознавство. С. 322.

гибридности литературных явлений, их синкретизма, археологического наслоения культурных влияний, синтеза разнородных элементов, каждый из которых полноправен и неотъемлем в постколониальной культуре); *самобытный психологизм* (постколониальные писатели изображают незаметные для постороннего взгляда болезненные внутренние драмы героев, души которых стали полем столкновения различных культурных ориентиров и получили травмы, порожденные комплексом национальной неполноценности, чувством вины перед родной землей, ностальгией, ненавистью к колонизатору и т.п.)³⁸. Данные исследователи подчеркивают, что постколониальные писатели «помогают современникам избавиться от комплекса национальной неполноценности и шовинистического ожесточения через осознание факта, что колониальный опыт есть в современном мире у большинства наций»³⁹. Они убеждены, что «на самом деле колонизированная культура говорит только для себя, а для остального мира молчит, обеспечивая, хоть и не в полной мере, культурные потребности носителей своего этноса. Отсюда извечные в истории украинской и других культур колониальной эпохи теория языка и литературы “для домашнего употребления”, концепция “единого потока” и изоляционизм как пассивная защита от ассимиляции»⁴⁰.

Будный и Ильницький указывают, что в украинской науке нет безоговорочного согласия с концепциями и стратегиями постколониальной теории. Так, С. Величенко считает, что есть гораздо больше оснований «сопоставлять Украину не со странами третьего мира, а с такими когда-то зависимыми странами, как Ирландия или Греция»⁴¹, а также подчеркивает, что «любое государство на определенном этапе своей истории было зависимым, но это не означает, что постколониальный метод необходимо использовать для анализа экономических или общественных процессов в таких странах»⁴². В. Моренец же утверждает: украинская литература находится не в постколониальном, а в «потсгецидном состоянии»⁴³ — определение, предложенное исследователем украинской истории XX-го в. Дж. Мейсом⁴⁴. Одним из нерешенных

38 Там же. С. 323.

39 Там же.

40 Там же. С. 329.

41 Там же. С. 326.

42 Там же.

43 *Моренец В.* Голос у пустелі // Слово і час. 2006. № 4. С. 83.

44 Дж. Мейс (1952–2004) — сторонник признания голодомора

в украинском литературоведении остается вопрос размежевания в национальной литературе антиколониального и постколониального дискурса, а также проблема соотношения в ней постколониальной и постмодернистской составляющих. П. Иванышин указывает, что постколониальная литература может быть не зацикленной на постмодернистском пародировании имперских концептов, а быть культурно продуктивной и функциональной, ориентированной на национальную традицию⁴⁵. Павлышин, в своих ранних работах фактически отождествляющий постколониальную литературу с постмодернистской, уточняет: постколониальный дискурс — это не просто отрицание, отвержение колониализма и отстаивание прав униженной нации, но и сознательное творческое использование опыта, как колониального, так и антиколониального, понимание относительности этих двух исторических структур. Постколониальное сознание не лишено политической ангажированности, но ему присуща склонность к плюрализму, толерантность, компромисс и ирония⁴⁶. Т. Гундорова в статье «Постколониальный роман травмы поколений и постколониальное чтение на Востоке Европы» задает важный вопрос о позиции исследователя: как она соотносится с деколонизацией, когда исследователь ассоциирует себя не с периферией, а с метрополией? Будущее этой методологии видится украинскому литературоведу в интеграции в постколониальную критику новых дисциплинарных направлений, таких, например, как исследование травмы, в том числе травмы поколений, а также включение посттоталитарных исследований в постколониальные⁴⁷.

Именно такой подход демонстрирует монография О. Пухоньской «Литературное измерение памяти» (2018)⁴⁸. В ней посттоталитарная память рассматривается как фундаментальный смысловой конструкт

геноцидом украинского народа. См., например: *Мейс Дж.* Штучний голод 1933 р. в радянській Україні: що сталося і чому? // Український історичний журнал. 2007. № 1. С. 188–200, и др.

45 *Иванышин П.* Національно-екзистенціальна інтерпретація (основні теоретичні та прагматичні аспекти). Дрогобич, 2005. С. 64–95.

46 *Павлышин М.* Козаки в Ямайці: Постколониальні риси в сучасній українській культурі // *Павлышин М.* Канон та іконостас. Київ, 1997. С. 223–236.

47 *Гундорова Т.* Постколониальний роман генераційної травми та постколониальне читання на Сході Європи // Україна модерна. Міжнародний інтелектуальний часопис. 27.03.2015. [Електронний ресурс]: <http://uamoderna.com/md/hundorova-postkolonial-novel-generational-trauma>. Дата обращения: 05.05.2018.

48 *Пухонська О.* Літературний вимір пам'яті. Київ, 2018.

української літератури періода незалежності. Автор відводить художественної літературі роль «передового отряда» в осмисленні проблеми посттоталітарної пам'яті в пространстві української культури, фактично опережуючого і політичні ініціативи в цій області, і громадське рухання, і наукові изыскания. В своїй роботі Пухонська ставить знак рівності між колоніальною і тоталітарною травмами, отриманими як окремими особистостями, так і всім українським суспільством, показує, як в художественних произведениях відображаються наслідки цієї травми. В цілому це дослідження демонструє характерне для українських постколоніальних студій активне включення в них як посттоталітарних, так і антиколоніальних дискурсів.

Источники и литература

Барабаш Ю. Не відверну лица. Штрихи до літературної автобіографії. Київ: Темпора, 2013. 756 с.

Будний В., Ільницький М. Порівняльне літературознавство. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 430 с.

Гнатюк О. Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність. Київ: Критика, 2005. 528 с.

Голубкіна С. Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. [Електронний ресурс]: <https://studfiles.net/preview/5850219/> (дата звернення: 09.03.2018).

Гундорова Т. Постколоніальний роман генераційної травми та постколоніальне читання на Сході Європи // Україна модерна. Міжнародний інтелектуальний часопис. 27.03.2015. [Електронний ресурс]: <http://uamoderna.com/md/hundorova-postkolonial-novel-generational-trauma> (дата звернення: 05.05.2018).

Забужко О. Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. Київ: Факт, 2001. 160 с.

Забужко О. Філософія української ідеї та європейський контекст. Франківський період. Київ: Факт, 2009. 156 с.

Забужко О. Notre Dame D'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. Київ: Факт, 2007. 640 с.

Забужко О. Прощання з імперією? [Електронний ресурс]: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/zabuzhko/46af1ad1229ac/> (дата звернення: 22.03.2018).

Іванишин П. Національно-екзистенціальна інтерпретація (основні теоретичні та прагматичні аспекти). Дрогобич: Відродження, 2005. 308 с.

Кирчанов М. Шкандрій М. В обіймах імперії: російська і українська літератури новітньої доби // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 578–579.

Моренец В. Голос у пустелі // *Слово і час*. 2006. № 4. С. 80–83.

Павлишин М. Канон та іконостас. Київ: Час, 1997. 447 с.

Павлишин М. Постколониальна критика і теорія // *Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст.* Львів: Літопис, 2002. С. 705–709.

Платт К. Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 3. [Электронный ресурс]: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskayaidentichnost-sluchaj-latvii.html (дата обращения: 24.03.2018).

Пухонська О. Літературний вимір пам'яті. Київ: Академвидав, 2018. 304 с.

Рябчук М. Разновидности колониализма: о возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Восточной Европы // *Политическая концептология*. 2013. № 3. С. 116–124.

Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ: Критика, 2000. 304 с.

Толстанова М. Деколониальные гендерные эпистемологии. М: Маска, 2009. 386 с.

Челякин Е. Постколониальные исследования как историко-культурный феномен второй половины ХХ в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2012. 19 с.

Шенталь А. Мадина Тлостанова: Колониальность переживет колониализм // *Theory and practice*. 15 октября 2015. [Электронный ресурс]: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (дата обращения: 13.12.2018).

Шкандрій М. В обіймах імперії: Російська і українська літератури новітньої доби / пер. з англ. П. Тарашук. Київ: Факт, 2004. 496 с.

Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49. С. 50–74.

Юрчук О. У тіні імперії. Українська література у світлі постколониальної теорії. Київ: Академія, 2013. 224 с.

Shkandrij M. The postcolonial moment in Ukrainian writing // *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a postcolonial perspective* / ed. by J. Korek. Stockholm: Södertörns högskola, 2007. P. 83–92.

Wigura K., Szulecki K., Jasina Ł. Syci Polacy patrzą na Ukrainę? // *Kultura Liberalna*. 2014. № 9. [Электронный ресурс]: <http://kulturaliberalna.pl/2014/02/25/syci-polacy-patrza-ukraine>. (дата обращения: 09.01.2019).

References

- Barabash, Iu. *Ne vidvernu lytsia. Shtrykhy do literatrunoi avtobiohrafii*. Kyiv: Tempora, 2013. 756 s.
- Budnyi, V., Il'nyts'kyi, M. *Porivnial'ne literaturoznavstvo*. Kyiv: Vydavnychnyi dim "Kyievo-Mohylian'ska akademiia", 2008, 430 s.
- Chemiakin, E. *Postkolonial'nye issledovaniia kak istoriko-kul'turnyi fenomen vtoroi poloviny XX v.*, PhD thesis: 07.00.03. Ekaterinburg: Ural. feder. un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina. 2012, 19 s.
- Etkind, A. "Fuko i tezis vnutrennei kolonizatsii: postkolonial'nyi vzgliad na soetskoe proshloe." *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 49, 2001, s. 50–74.
- Golubkina, S. E. "O nekotorykh tendentsiakh razvitiia postkolonial'nykh issledovaniï." *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2016, № 1–2, <https://studfiles.net/preview/5850219>. Accessed 09.03.2018.
- Hnatiuk, O. *Proshchannia z imperiieiu. Ukraïns'ki dyskusii pro identychnist'*. Kyiv: Krytyka, 2005, 528 s.
- Hundorova, T. "Postkolonial'nyi roman heneratsiinoi travmy ta postkolonial'ne chytannia na Skhodi Ievropy." *Ukraïna moderna. Mizhnarodnyi intelektual'nyi chasopys*, 27.03.2015, <http://uamoderna.com/md/hundorova-postkolonial-novel-generational-trauma>. Accessed 05.05.2018.
- Iurchuk, O. *U tini imperii. Ukraïns'ka literatura u svitli postkolonial'noi teorii*. Kyiv: Akademiia, 2013, 224 s.
- Ivanyshyn, P. *Natsional'no-ekzystentsial'na interpretatsiia (osnovni teoretychni ta prahmatychni aspekty)*. Drohobych: Vidrozhennia, 2005, 308 s.
- Kyrchanov, M. Shkandrii, M. "V obiiimakh imperii: Rosiis'ka i ukraïns'ka literaturny novitn'oï doby." *Ab Imperio*, no. 3, 2005, s. 578–579.
- Morenets, V. "Holos u pusteli." *Slovo i chas*, no. 4, 2006, s. 80–83.
- Pavlyshyn, M. *Kanon ta ikonostas*. Kyiv: Chas, 1997, 447 s.
- Pavlyshyn, M. "Postkoloniial'na krytyka i teoriia." *Slovo. Znak. Dyskurs: Antologiiia svitovoi literaturno-krytychnoi dumky XX st.*, L'viv: Litopys, 2002, s. 705–709.
- Pukhons'ka, O. *Literaturnyi vymir pam'iaty*. Kyiv: Akademydav, 2018, 304 s.
- Riabchuk, M. "Raznovidnosti kolonializma: o vozmozhnostiakh primeniia postkolonial'noi metodologii k izucheniiu postkommunisticheskoi Vostochnoi Evropy." *Politicheskaiia kontseptologiiia*, no. 3, 2013, s. 116–124.
- Riabchuk, M. *Vid Malorosii do Ukraïny: paradoksy zapizniloho natsiietvorennia*. Kyiv: Krytyka, 2000, 304 s.
- Shental', A. "Madina Tlostanova: Kolonial'nost' perezhyet kolonializm." *Theory and practice*, 15 oct. 2015, <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote>. Accessed 13.12.2018.
- Shkandrii, M. *V obiiimakh imperii: Rosiis'ka i ukraïns'ka literaturny novitn'oï doby*, per. z anhl. P. Tarashchuk. Kyiv: Fakt, 2004, 496 s.

Tolstanova, M. *Dekolonial'nye gendernye èpistemologii*. Moscow: Maska, 2009, 386 s.
Shkandrij, M. "The Postcolonial Moment in Ukrainian Writing." *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a postcolonial perspective*, ed J. Korek, Stockholm: Södertörns högskola, 2007, p. 83–92.

Wigura, K., Szulecki, K., Jasina, Ł. "Syci Polacy patrzą na Ukrainę?" *Kultura Liberalna*, no. 9, 2014, <http://kulturaliberalna.pl/2014/02/25/syci-polacy-patrza-ukraine>. Accessed 09.01.2019.

Zabuzhko, O. *Shevchenkiv mif Ukraïny. Sproba filosofov'koho analizu*. Kyïv: Fakt, 2001, 160 s.

Zabuzhko, O. *Filosofïia Ukraïns'koiï ideï ta ievropeï's'kyï kontekst. Frankivs'kyï period*. Kyïv: Fakt, 2009, 156 s.

Zabuzhko, O. *Notre Dame D'Ukraine: Ukraïnka v konflikti mifolohïi*. Kyïv: Fakt, 2007. 640 s.

Zabuzhko, O. "Proshchannia z imperiïeiu? ", <https://blogs.pravda.com.ua/authors/zabuzhko/46af1ad1229ac>. Accessed 22.03.2018.

Ekaterina V. Baydalova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

On the specifics of postcolonial research in the contemporary Ukrainian literary studies

The postcolonial studies have been under discussion in the Ukrainian historiography, social science, culture studies and literary criticism since 1990 years. They have originated from American, European, and Australian academic studies and became more and more popular in modern Ukrainian culture recently. The nation and the nationalism, Orientalism, multicultural and ambivalent individuality self-presentation, the search of cultural identity, the problem of ambivalent attitude to the past are in the paradigm of postcolonial studies. The problems of national identity, the totalitarian past, the interactions with neighboring countries especially Russia and Poland, the instable Ukrainian society's condition are analyzed under the postcolonial ideas in the Ukrainian intellectual discourse. The postcolonial theory has become the main interpretative strategy of the Ukrainian researchers lately. Nevertheless, there is no unconditional *modus vivendi* in the Ukrainian academia about postcolonial conceptions, strategies and principles. One of the most important unsolved issues is the question of correlation of postcolonial and postmodern components of the Ukrainian national literature. The inclusion of the studies of trauma and anticolonial and posttotalitarian discourses into the framework of the postcolonial studies is the most distinguishing feature of postcolonial studies in the Ukraine.

Keywords: *postcolonial studies, postcolonial theory, posttotalitarian, anticolonial, the studies of trauma.*

Отражение феномена полиэтничности в словацком романе XXI в.

Исторически сложившаяся полиэтничность словацкого общества и связанные с ней проблемы взаимосвязей культур, этики, межличностных отношений нашли отражение в произведениях современной словацкой прозы. Наиболее ярко они представлены в рассматриваемых романах ведущих писателей среднего поколения П. Ранкова, С. Лаврика, П. Криштуфека, посвященных драматическим событиям истории XX в. Они затрагивают эту проблематику в разных аспектах — от плодотворного сосуществования этнических групп и их представителей до фактов национальных противоречий и расовых репрессий. Высокой оценки заслуживают художественные достоинства этих произведений, их композиция, способ повествования, тип героя. Так, в романе П. Ранкова сюжет при выраженной линейности своего развития построен в виде цепочки эпизодов из тридцати лет жизни центральных персонажей, в которых отражены не только повороты их судеб, но и исторические и политические изменения окружающего мира. Героиня романа С. Лаврика повествует о повседневной жизни и драмах обитателей словацкого городка в условиях Словацкой республики военных лет. В романе П. Криштуфека на протяжении нескольких десятилетий прослеживаются судьбы словацко-еврейской семьи и жителей словацкого провинциального социума.

Ключевые слова: *история Словакии, мультикультурность, художественная литература, роман, повествователь.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.06

Работа над статьей проводилась в рамках проекта ИСл РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018–2020 гг. президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Географическое положение Словакии в центре Европы, многовековая история страны, находившейся на перекрестке военных, социальных, политических векторов и устремлений, закономерно сформировали в ней мультикультурную среду. Историк Любомир Липтак отмечает в своей книге «Век длиннее, чем 100 лет»: «Мы являемся наследниками, а во многом и продолжателями рода [...] немцев, венгров, русинов, хорватов, бежавших от турок, греческих торговцев, итальянских каменщиков, строивших наши храмы в немецких городах, галицких евреев и чешских эмигрантов. Все они создавали лицо этой страны»¹. Целый комплекс проблем, связанных с соседством, сосуществованием, а порой и противостоянием этносов на территории Словакии, нашел отражение и в ее культуре. Произведения художественной литературы XIX–XX вв. представляли картину полиэтничного словацкого общества в его сложной исторической динамике.

Отзвуки прежних мотивов, а также, разумеется, новые реалии и новую образность можно найти в словацкой прозе XXI в.

Прежде всего это произведения, посвященные сравнительно недавней истории, событиям XX в. Мотивы национальных противоречий, преследований по национальному признаку, связанных с ними политических репрессий звучат в романах самых заметных и активных словацких писателей — Павла Виликовского, Петера Криштуфека, Павла Ранкова, Вильяма Климачека, Сильвестра Лаврика и др. Пограничные области Словакии и пограничные состояния человека, жившего там в бурные годы XX в., описаны в романе П. Ранкова (р. 1964) «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)» (2010), с подзаголовком «Исторический роман из времени с 1938 по 1968 год». Композиция романа не вполне обычная: при явной линейности времени повествования, без ретроспектив и перемещений в будущее, сюжет построен в виде тридцати замкнутых во времени главок-«эпизодов», начиная от «эпизода 1938» и заканчивая «эпизодом 1968». В них прослеживаются не только повороты судеб центральных героев, но и изменения окружающего мира, исторические потрясения и политические иллюзии, перегибы и провалы. Каждая глава повествует о перипетиях в жизни героев, во многом обусловленных исторически значимыми событиями накануне, во время и после II мировой войны, на протяжении одного года из этой череды лет, с привязкой к определенной дате — 1 сентября.

1 *Lipták E.* Storočie dlhšie ako 100 rokov. Bratislava, 2011. S. 38.

Родина и место притяжения героев — городок Левице в словацко-венгерском пограничье. В первом эпизоде 1938 г. показана почти идиллическая картина мирного городка с пестрым населением: «1 сентября на пляже были почти все. Взрослые с детьми и без, молодежь и старики, жители Левиц и окрестных деревень, венгры, словаки, чехи, евреи, цыгане, семья немца Бартела и болгарина Ранкова»². Главные герои, вначале — двенадцатилетние подростки, — венгр Петер Ронаи, чех Ян (Гонза) Бизек и еврей Габриэл Розенберг — закадычные друзья. Единственное, что вызывает их соперничество, — влюбленность в красивую ровесницу, словачку Марию Белайову. Чтобы решить, кто первый будет за ней ухаживать, они устраивают заплыв в бассейне, во время которого чуть не утонул Габриэл. Схожая ситуация — при всей изменчивости прочих обстоятельств — повторяется в каждой из последующих главок.

Мужские персонажи романа — олицетворение динамического, мобильного, активного — и вместе с тем лабильного — мужского начала, Мария — своего рода константа, она привязана к родной земле, к Левицам, и к ней, как к точке притяжения, возвращаются взрослеющие мужчины каждый раз после крутых поворотов своих судеб.

С историческими перипетиями связаны не только резкие перемены в жизненном пути героев романа, но и моменты, касающиеся их национальной идентичности. На время начала повествования, 1938 г., принадлежность друзей, юных граждан Чехословацкой республики, к четырем разным нациям не имеет значения. Однако уже в следующем эпизоде 1939 г. все изменяется: после расчленения Чехословакии Левице становится венгерским городом Лева. Чех Ян (теперь не Гонза, а Янош) вынужден уехать с родителями в оккупированный Германией Протекторат Богемии и Моравии и в письме друзьям рассказывает о жизни в Брно («по-немецки Брюнн»), наивно полагая, что «теперь дружат и Венгрия с Германской империей, куда входит и наш *Reichsprotektorat Böhmen und Mähren*»³, и подписываясь уже на немецкий манер — Ганс Бизек. Меняются имена и самоощущение друзей, оставшихся дома, но при этом оказавшихся в другой стране, Венгрии. Габриэл и Петер именуются теперь Габором и Пэтером и в своих разговорах часто переходят на венгерский язык. Перемены в городе носят явно националистический характер, представляя все более очевидную угрозу

2 *Rankov P.* Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava, 2010. S. 11.

3 *Ibid.* S. 18.

для «не-венгров»: «Памятник Штефанику⁴ задрапировали венгерскими флагами, чтобы его не было видно. Витрины еврейских магазинов, недавно расколоченные боевиками “Свободных команд”⁵ и другими патриотами, были забиты досками, поверх которых красовались портреты Хорти⁶, гербы Венгрии и изображения святого Штефана»⁷.

В эпизодах 1941–1944 гг. все острее встает тема преследования евреев. С проблемой выживания сталкиваются родные Габриэля, которые тщетно пытаются спрятаться в многолюдном Будапеште, спастись, приняв христианство, вынужденно уступив свое имущество «расово чистым» собственникам-аризаторам. Сам Габор, вместо призыва в венгерскую армию, оказывается вместе с другими молодыми евреями в «трудовом лагере», откуда вскоре бежит. Но из одного плена Габор попадает в другой: приютившая его вдова венгерского офицера запирает юношу в своем доме, превратив в «сексуального раба». Уже словно обреченный на несвободу, Габриэль в конце войны и сознательно, чтобы мстить за погибших родных, и вынужденно идет на службу в СМЕРШ, чтобы в качестве переводчика помогать «ловить фашистов и шпионов, поскольку им нужен кто-то, кто знает венгерский, понимает и по-русски и ненавидит фашистов»⁸. Однако вскоре его разочаровывают жестокие методы работы и огульность приговоров СМЕРШа: «Он чувствовал, что делает что-то плохое, и вот теперь ему стало ясно: он — коллаборант»⁹. Раздобыв гражданскую одежду, он сбегает и от русских. В эпизоде послевоенного 1946 г. Габриэля снова ждет крутой поворот судьбы, когда он решает эмигрировать в Палестину.

К нему присоединяется, выдавая себя за еврея и вновь меняя, таким образом, национальную самоидентификацию, его друг — чех Ян Бизек. Потеряв всю семью, утратив свои корни, он не видит будущего в Чехословакии. Обучение в группе новых репатриантов по ускоренной программе — «иврит, английский, раввин, трактор»¹⁰ —

4 Штефаник Милан Растислав (1880–1919) — один из основателей Чехословацкой республики, ученый, генерал французской армии, национальный герой Словакии.

5 Полувоенные диверсионные венгерские формирования, действовавшие в приграничных районах Чехословакии в 1938–1939 гг.

6 Хорти Миклош (1868–1957) — правитель Венгерского королевства в 1920–1944 гг.

7 Ibid. S. 20.

8 Ibid. S. 72.

9 Ibid. S. 83.

10 Ibid. S. 91.

проходит у него намного успешнее, чем у Габриэла. С трудом добравшись до Палестины, приятели избирают разные пути: Габриэл устраивается у родственников в Тель-Авиве, мечтая вернуться домой, а целеустремленный Ян работает в кибуце и воюет в армии защиты Израиля. Однако полностью натурализоваться на новой родине ему не удается; несмотря на боевые заслуги, его не принимают в университет в Хайфе без справки раввина о еврейском происхождении.

В главах романа, посвященных послевоенным годам, присутствует и тема «ресловакизации» юга страны, ставшего вновь частью Чехословакии. Венгр Петер Ронаи, вступивший в компартию, вынужден проводить агитацию «за решение венгерского вопроса в Левицах и окрестностях», основываясь на бюрократических и туманных директивах руководства: «При ресловакизации следовало учитывать, к какой национальности то или иное лицо причисляло себя во время переписи населения в 1930 г., затем — каковы были поведение, поступки и даже чувства этого лица в период угрозы существованию Чехословакии в 1938 г. [...] решающую роль играли и признаки словацкого самосознания, такие как связь со словацкой культурой, знание языка и народных традиций. Речь шла и о выселении венгров, несмотря на то, что их предки жили на этой земле многие сотни лет»¹¹.

В каждом эпизоде прослеживается сюжетная линия каждого из главных героев — в разном объеме, в зависимости от драматического содержания. Но в конце главок друзья встречаются (или вспоминают друг друга) у Марии, в Левицах, а затем в Братиславе. Каждый из мужчин становится со временем ее возлюбленным, но она не связывает свою судьбу ни с одним из них, хотя от чеха Яна у нее рождается дочь, о существовании которой он долго не подозревает.

Сами общественно-политические события показаны фрагментарно и представлены как часть повседневной жизни персонажей. Так, чех Ян участвует в боевых действиях в Израиле 1948 г., а затем в событиях 1956 г. в Будапеште, после подавления венгерского восстания ненадолго возвращается домой, а затем эмигрирует на Запад, со временем налаживает в Америке свой бизнес, став «человеком мира» по имени Йен. Венгр Петер с агиток и репортажей начинает путь партийного журналиста, но со временем активно включается в реформаторское движение «Пражской весны» 1968 г. и, по допущению автора, даже придумывает лозунг «Социализм с человеческим лицом». Еврей Габриэл Розенберг не находит для себя места в новом

¹¹ Ibid. S. 108.

государстве Израиль, возвращается в Чехословакию и, с трудом вылечившись от туберкулеза, делает карьеру в сфере туризма. Ради этого он, поддавшись на уговоры друзей, меняет свою еврейскую фамилию на словакизированную — Ружович, также поступаясь в определенной мере своей национальной идентичностью.

Эти сюжетные линии по отдельности читаются в общем плане романа, однако в главах они расчленены на отдельные яркие эпизоды и переплетаются с линиями судеб остальных героев, завершаясь каждый раз встречей всех друзей с Марией, на их общей родине. В последнем эпизоде 1968 г. американец Ян, а вслед за ним и Петер, разочаровавшийся в социализме, уезжают в Вену, Габриэл, боясь остаться без друзей, устремляется за ними. Только по-настоящему укорененная в словацком мире Мария с дочерью Катаринкой отказывается эмигрировать, повторяя — «Это моя родина» в ответ на саркастические аргументы Яна: «Это — родина? Сначала здесь — Чехословакия, потом Венгрия, потом Словакия и снова Чехословакия! Сначала нас оккупируют немцы, потом русские... Это не может быть родиной!»¹²

Финальная фраза в эпизоде 1968 г., который, единственный в романе, написан от первого лица — от лица Марии, говорит о нарушении привычного порядка многолетнего содружества-соперничества: «1 сентября все трое были уже за границей. Наверно, вечер они провели где-то вместе, потому что в этот день впервые забыли мне позвонить. Трое моих мальчиков. Три мои несостоявшиеся жизни»¹³.

Проблематика полиэтничного характера словацкого общества и его культуры поднимается в разных аспектах и в ряде других произведений современной прозы, затрагивая и тему Холокоста как одного из наиболее трагических фактов в истории Словакии XX в.

Так, в романе С. Лаврика (р. 1964) «Воскресные шахматы с Тисо» (2016) представлена жизнь реально существующего словацкого городка Бановце-над-Бебравой, где в описываемое в начале повествования довоенное время в тесном соседстве сосуществовали люди разных национальностей и конфессий, прежде всего — словаки, венгры и евреи. Главная героиня-рассказчица, простодушная словацкая женщина Аничка Житнянска, рассказывает о событиях и переживаниях своей жизни с раннего детства до глубокой старости, особенно подробно останавливаясь на времени войны и Словацкого государства, когда она невольно оказалась в центре исторических событий. Определенную

12 Ibid. S. 326.

13 Ibid. S. 327.

организирующую роль в повествовании играет представитель еще одного этника Словакии. Аничка время от времени упоминает по ходу сюжета о некоем чешском докторе, «антихристе», искустителе, который подкупает ее любимыми сладостями, показывает старые фотографии и выпытывает у нее сведения о прошлой жизни. Чех для Анички — навязчивый и недобрый чужак, она сетует, намекая на прошлое Чехословакии: «Не знаю, откуда они тут у нас все время берутся. Уж сколько раз мы их выгоняли, а они снова тут. “Словаки — это народ фашистов без чувства юмора”, — сказал он мне»¹⁴. Чешский врач, своего рода «интервьюер», занимающийся «устной историей», записывает ее монологи и пробуждает в памяти уже постаревшей героини живые и яркие образы минувших лет: «Я рассказываю. А он слушает. Но кого другого, кроме чеха, заинтересовали бы эти старые рассказы? Словака — наверняка нет. Словак глядит только на землю или на небо»¹⁵.

Она не совсем здорова психически, с детства страдает приступами внезапной агрессии и истерики. Во время таких припадков она разражается бранью на венгерском языке, которым обычно не пользуется. Роль этого языка для Анички специфическая, он темный и тайный: «У нас всегда ругались по-венгерски. И когда взрослые хотели поговорить о вещах, не годящихся для детских ушей, они тоже говорили по-венгерски»¹⁶. Несмотря на болезнь, Аничка успешно окончила школу, хорошо и грамотно пишет, умеет печатать на машинке и стенографировать, и ее по знакомству устраивают секретарем священника местного прихода Йозефа Тисо, который является одновременно крупным политическим деятелем, премьер-министром, а затем и президентом Словацкой республики¹⁷. Аничка далека от критического отношения к этой противоречивой фигуре, она не дает оценок, а просто пересказывает его проповеди и политические речи, которые записывала под его диктовку: «Речи были про коммунистов, и про автономию, и про наше своеобразие, часто все там заплеталось будто бы в одну косичку. Я не понимала этих слов, но писала их столько раз, почти ничего не меняя, что помню их по сей день»¹⁸.

14 *Lavrik S. Nedel'né šachy s Tisom*. Bratislava, 2016. S. 16.

15 *Ibid.* S. 394.

16 *Ibid.* S. 16.

17 Словацкая республика (1939–1945) — государство-сателлит нацистской Германии. Правящая Глинковская словацкая народная партия по принципам и методам политической деятельности была близка немецким национал-социалистам.

18 *Ibid.* S. 121.

Дочь коммуниста, эмигрировавшего в Америку, и активистки правящей народной партии, Аничка теряется в политических ориентирах. Зато для нее важны дружеские и родственные связи с двоюродными сестрами по отцу, дочерьми его брата от гражданского брака с еврейкой. Сама Аничка чувствует себя изгоем среди ровесников не только из-за своей, по словам матери, «ненормальности», но и из-за репутации отца: «Отец у меня — почти что еврей, его тут называют “ициком”, коммунистом»¹⁹. Три «еврейские кузины» Винклер — ее ближайшие подруги, с которыми она росла с детства, убегая к ним от нотаций строгой матери-католички и насмешек уличной детворы. С приходом к власти националистов начинаются репрессии, и сестры Винклер вынуждены продать свою швейную мастерскую «аризатору» — матери Анички. Наивная Аничка замечает новые тревожные признаки враждебности: «Общества еврейской молодежи, сионистов и вообще евреев выходили из моды ужасно быстро. [...] Они либо сами уехали в Палестину, либо разбрелись куда-то по свету, либо их увезли в трудовой лагерь в Новаки. Появилась новая мода — кто-то начал рисовать на еврейских магазинах в городе шестиконечные звезды»²⁰. Аничке не удается заступиться за кузин, похлопотать за них перед своим патроном, монсиньором Тисо, и в итоге старших сестер увозят в концлагерь, а младшая, Алица, уходит к партизанам и единственная из семьи остается в живых.

Д. Гевьер, характеризуя роман Лаврика, отмечает один из его главных нравственных посылов: «”Еврейский кодекс”²¹ навсегда запятнал нашу словацкую невинность, ведь благодаря нему мы были уже не только народом угнетенных, но и народом угнетателей. И многие оправдывались, сами себя извиняли, даже оправдывали свои поступки. Мы узнали о себе многое, но извлекли ли мы для себя уроки? Научился ли словацкий народ вспоминать? Без патетики и приукрашивания?»²²

Схожие реалии отражены в семейном романе-саге «Дом глухого» (2012) Петера Криштуфека (1973–2018), где на протяжении времени повествования длиной в несколько десятилетий прослеживаются

19 Ibid. S. 92.

20 Ibid. S. 113.

21 Аналог Нюрнбергских расовых законов, принят в Словакии 9 сентября 1941 г.

22 *Hevier D. Nedel'né šachy s Tisom* — Silvester Lavrík // *Knižná revue*. 2016. № 10. S. 19.

судьбы дружной и вполне благополучной поначалу словацко-еврейской семьи и жителей вымышленного городка Брежаны с характерными для словацкого провинциального социума типами и отношениями. Картины из жизни врача Альфонса Трновского, его жены Берты Блау и их родственников со словацкой и еврейской сторон разворачиваются перед читателем, перемежаясь с экскурсами в прошлое и будущее героев и их потомков. Значительное место в романе занимает тема Холокоста, разрушения семейной гармонии, гибели и разорения еврейской диаспоры городка. Так, доктор Трновский, пойдя в начале 40-х гг. на компромисс с новыми властями, выправляет себе свидетельство об арийском происхождении до пятого колена, вступает в фашистскую Глинковскую народную партию и выписывает ее пропагандистский орган — газету «Гардист», а затем соглашается на вынужденную аризацию имущества — парикмахерской и магазина родственников Блау; мать семейства, Берта, пытается спастись, приняв крещение, а ее брат Армин гибнет накануне депортации местных евреев в концлагерь.

К анализу можно подключить и ряд произведений, представляющих иные аспекты художественной трактовки темы полиэтничности в Словакии, иные жанровые формы и типы персонажей. Это, в частности, романы пишущего по-венгерски Лайоша Грендела о словацко-венгерском пограничье, книги Ладислава Баллека, Денисы Фулмековой и др.

Литература на протяжении длительного времени рассматривала такую особенность развития словацкого общества, как полиэтничность и мультикультурность. Романы XXI в. находят новые формы художественного отражения этого феномена, о чем свидетельствуют, в частности, представленные произведения.

Источники и литература

Hevier D. Nedeľné šachy s Tisom — *Silvester Lavrík* // *Knižná revue*. 2016. № 10. S. 19.

Lavřík S. Nedeľné šachy s Tisom. Bratislava: Dixit, 2016. 416 s.

Lipták E. Storočie dlhšie ako 100 rokov. Bratislava: Kalligram, 2011. 296 s.

Rankov P. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava: Kalligram, 2010. 328 s.

References

- Hevier, D. "Nedeľné šachy s Tisom — Silvester Lavrík." *Knižná revue*, no. 10, 2016, s. 19.
- Lavřík, S. *Nedeľné šachy s Tisom*. Bratislava: Dixit. 2016, 416 s.
- Lipták, L. *Storočie dlhšie ako 100 rokov*. Bratislava: Kalligram, 2011, 296 s.
- Rankov, P. *Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy)*. Bratislava: Kalligram, 2010, 328 s.

Lyudmila F. Shirokova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A reflection of the polyethnic phenomenon in the Slovak novel of the 21st century

The historical polyethnicity of the Slovak society and the connected problems of the interrelations of cultures, ethics, interpersonal relations, are reflected in the works of modern Slovak prose. They are represented most clearly in the novels of middle generation writers P. Rankov, S. Lavřík, P. Krištúfek. They dwell upon the dramatical events of the 20th century. They cover wide range problems, from the fruitful coexistence of various ethnic groups and their representatives to national contradictions and racial repressions. The artistic quality of the mentioned works, their composition, the way of narrating, the type of the main character, can be highly evaluated. For example, in a novel by P. Rankov the plot, in spite of its linearity, is a chain of episodes in the span of 30 years from the life of the main characters. It reflects not only their fates, but also the historical and political changes of the world they live in. The main female character of a S. Lavřík's novel narrates about everyday life and tragedies in the lives of the dwellers of a Slovak town in the Slovak Republic during the war. P. Krištúfek in his novel focuses on several decades from the life of a Slovak-Jewish family and dwellers of a Slovak provincial society with types and relations specific for this milieu.

Keywords: *Slovak history, multiculturalism, fiction literature, novel, narrator.*

**Имагологические исследования В. А. Хорева
и проблема восприятия России в (межвоенной) Польше
[в связи с варшавской конференцией «Русская литература
и культура в межвоенной Польше»]**

Статья посвящена имагологическим исследованиям крупнейшего российского полониста Виктора Александровича Хорева (1932–2012), который первым в России начал заниматься имагологическими исследованиями применительно к Польше и России и полностью посвятил этой проблематике последнее десятилетие своей жизни. Анализируются используемые им методы реконструкции значимых фрагментов панорамы диалога Польши с русской культурой прежде всего в межвоенный период — один из труднейших этапов во взаимоотношениях России и Польши. Автора статьи интересуют способы воссоздания В. А. Хоревым многослойного, многоголосного, разноразмерного поля сближений и отталкиваний, пересечений, пропусков, намеренности, переоценки, приемы, с одной стороны, прослеживания роли литературы в процессе формирования представлений поляков о России, с другой — исследования сети межконтактных связей и факторов. Будучи в значительной степени обусловлена идеологией, динамика имагологических образов при этом оказывается значимым элементом межгосударственных и межнациональных отношений, о чем убедительно свидетельствуют взаимоотношения между Россией и Польшей. В статье подчеркивается, что В. А. Хорев не только первым в России стал осмысливать и реализовать на практике имагологические принципы, но и стремился утвердить мысль о том, что корректные имагологические исследования способствуют преодолению негативных стереотипов и более глубокому взаимопониманию народов.

Ключевые слова: *В. А. Хорев, имагология, представление, стереотип, диалог польской и русской культуры, восприятие.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.07

Имя Виктора Александровича Хорева не могло не прозвучать на прошедшей в Варшаве в октябре 2018 г. международной конферен-

ции «Русская литература и культура в межвоенной Польше» — как имя человека, который так много сделал для знакомства советского и российского читателя с (разумеется) фрагментами, но фрагментами многочисленными и значимыми, того гигантского многослойного паззла, каким является диалог польской и русской литературы и культуры. Паззла, реконструкция и анализ которого требуют усилий и постоянного труда многих (доказательством чего послужила, в том числе, и эта конференция, и весь масштабный проект Института литературных исследований ПАН «Взгляд искоса. Русская культура и литература глазами поляков») — не только потому, что постоянно открываются новые элементы, но и потому, что, в сущности, каждый из них может быть проанализирован в различной степени приближения, в различных парадигмах и контекстах, что, в свою очередь, всякий раз открывает новую перспективу.

Первым в России начал заниматься имагологическими исследованиями применительно к Польше и России, В. А. Хорев полностью посвятил этой проблематике последнее десятилетие своей жизни, однако польско-российские связи интересовали его начиная с первой публикации 1956 г. («Баллады А. Мицкевича в переводе А. С. Пушкина»). В 2000-е гг. Хорев руководил циклом исследований, стал инициатором и вдохновителем целого ряда международных (и междисциплинарных) научных конференций, объединивших исследователей Польши и России (прежде всего Института славяноведения РАН и Института литературных исследований ПАН), научным редактором десяти сборников научных статей («Поляки и русские в глазах друг друга», 2000; «Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре», 2002; «Миф Европы в литературе и культуре России и Польши», 2004; «Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура», 2006; «Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре», 2007; «Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой», 2008; «Русская культура в польском сознании», 2009; «Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты», 2011; «Юлиуш Словацкий и Россия», 2011; «Отзвуки Шопена в русской культуре», 2012), посвященных этой проблематике — и, разумеется, автором статей в каждом из них. Наконец, в 2005 и 2012 гг. вышли две его книги, в определенном смысле дополняющие друг друга: «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» и «Восприятие России и русской литературы польскими писателями».

Обращение к имагологической перспективе обогащает накопленный (и накапливаемый далее) литературной компаративистикой ма-

териал. Художественная имагология, осваиваемая сравнительным литературоведением и требующая междисциплинарного мышления, привлечения данных из области истории, культурологии, этнопсихологии, сведений о национальном характере, образе жизни, поведении, обычаях, религии и т.д., расширяет возможности традиционных, утвердившихся в науке подходов сравнительно-исторического изучения литератур — таких как изучение непосредственных контактных связей и выявление типологических сходжений. Расширяет возможности и делает этот процесс более многомерным, поскольку эти три подхода могут служить попеременно целью или инструментом, конечной или исходной точкой. Их комплексное использование делает возможным постепенное воссоздание разноуровневой картины литературных взаимоотношений, понимания их как части диалога культур, в процессе которого формируются представления народов друг о друге. Неслучайно Малгожата Швидерская называет литературоведческую имагологию «герменевтическим методом интерпретации (“объяснения”) “глубинной семантики” (П. Рикер) феномена культурного, национального или этнического “чужого”, проявляющегося в мире художественных текстов»¹.

Основополагающим для имагологии является бинарная оппозиция «свои — чужие» — противопоставление, которое в разных видах пронизывает всю культуру и всю человеческую жизнь. По словам Йозпа Леерсена, «мы упорядочиваем мир прежде всего путем его разделения, и чувство коллективной общности неизбежно порождает чувство коллективной инаковости»². Образ Другого, «формируемый разными обстоятельствами, в том числе случайностями, незнанием, ограниченностью восприятия и т.п., [...] часто весьма далекий от реальности, имеет не меньшее историко-культурное значение, чем сама действительность»³, — подчеркивает Хорев.

Из всех «текстов» культуры приоритетными для имагологического анализа и осмысления являются тексты литературные, поскольку имен-

1 Świdzka M. Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. München, 2001. S. 14. Цит. по: *Ludwiczak B.* Anthony Trollope. Obcy za kulisami angielskości / praca napisana pod kierunkiem prof. dr hab. Oksany Weretiuk. Rzeszów, 2017. S. 186.

2 *Leersen J.* Imagologia: o zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu // *Porównania*. 2017. № 2 (21). S. 10.

3 *Ibid.*

но литературе — в силу эмоционального воздействия ее языка — выпадает (или выпадала до последнего времени — в 2016 г. Леерсен заметил, что литература постепенно уступает эту роль другой информационной среде — телевидению, комиксам, музеям, памятникам) «преобладающая роль в закреплении тех или иных форм общественного сознания и психологии»⁴. Образы Другого в литературе организуют схемы восприятия иного жизненного опыта и отношения к ним, они играют активную роль в формировании ментальности современников и даже следующих поколений. Литература, с одной стороны, транслирует и укрепляет стереотипы, с другой — в наиболее высоких своих проявлениях — их преодолевает, освобождая сознание от упрощенных или неверных представлений. То есть заставляет делать душевное усилие, значение которого в современном информационно перегруженном мире трудно переоценить, поскольку феномен стереотипа имеет прежде всего психологическое объяснение: «схематичный, односторонний образ мира в человеческой голове экономит силы при восприятии сложных социальных объектов и защищает ценности, позиции и права, фильтруя информацию уже на этапе ее восприятия»⁵. Истоки стереотипа лежат в социализации, восприятии культурных образцов, в мотивации (защита от фрустрации), а также в особенностях человеческого разума — ограничении переработки информации⁶.

Поскольку формирование, бытование и переосмысление образов Другого в текстах культуры является живым процессом, то их описание становится важной научной проблемой в каждую новую историческую эпоху. Это касается и изучения прошлого, которое видится в новой перспективе. Диалог же культуры польской и русской по самой своей природе является благодарным объектом имагологических исследований.

Книга В. А. Хорева «Восприятие России и русской литературы польскими писателями» посвящена не только межвоенному периоду, однако этот сложный и одновременно увлекательный в плане польско-русских отношений этап занимает в ней важнейшее место (как и в предшествующей книге, реконструирующей и анализирующей обратный, но неразрывно связанный с данным, процесс восприятия Польши русскими литераторами). Сложный и увлекательный прежде

4 Ibid. S. 20

5 *Lunnman V.* Общественное мнение. М., 2004. С. 148.

6 *Szumigraj M.* Klient wyobrażony — czyli kto zdaniem studentów pedagogiki potrzebuje pomocy? // *Dyskursy młodych andragogów.* Zielona Góra, 2015. № 16. S. 102.

всего вследствие получения Польшей независимости (а, как заметил Веслав Мысливский, «ничто так не обнажает человека, как свобода. Это наиболее трудное испытание для свободы и для общества. Тем более для нас, поляков, к свободе не привыкших. Мы в избытке обладаем лишь иллюзией свободы, это результат того, что более двух веков мы в основном кому-нибудь подчинялись»⁷) и политических, социологических, культурных потрясений в России (а каждый политический, культурный, национальный катаклизм активизирует, как утверждает Войцех Вжесиньский, этнические стереотипы⁸).

В. А. Хорев стремится воссоздать многослойное, многоголосное, разноуровневое поле сближений и отталкиваний, пересечений, пропусков, намерстывания, переоценки. Поле «расширения речи»⁹, если вспомнить формулу Бродского. Поле эмоций и рассудка. Стремится, с одной стороны, проследить роль литературы в процессе формирования представлений поляков о России, с другой — воссоздать сеть межконтактных связей и факторов, по Александру Дима¹⁰, выступающих в роли посредников, постоянно отвечая на ряд вопросов, касающихся субъекта, объекта, обстоятельств, результата и контекста диалога польской и русской литературы.

Субъект восприятия (который оказывается также посредником в процессе распространения, трансляции имагологических образов): прежде всего писатели (в межвоенное двадцатилетие — В. Броневский, Б. Ясенский, К. И. Галчиньский, В. Вандурский, С. Р. Станде, А. Ват, А. Слонимский, Т. Бой-Желеньский, Т. Парницкий, Е. Анджеевский, Я. Ивашкевич, Ст. И. Виткевич, З. Налковская, М. Домбровская, А. Струг, В. Гомбрович, С. Жеромский и др.), но также и читатель — широкий и профессиональный (критики, исследователи, издатели, переводчики — например, К. А. Яворский, В. Ледницкий, А. Брюкнер, М. Здзеховский, Р. Блют, Ю. Кшижановский, М. Кридль, Л. Фриде, Я. Хемпель).

Объект восприятия: форма и философия, идеи и поэтика, направления (футуризм, пролетарская литература и пр.) и творчества, а также творческая личность отдельных авторов (Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Маяковского, Есенина, Блока и др.),

7 Wywiad W. Myśliwskiego dla "Polityki" // Polityka. 2006. №17/18. S. 74.

8 *Wrzesiński W.* Niemiec w stereotypach polskich XIX i XX wieku // *Narody i stereotypy* / red. T. Walas. Kraków, 1995. S. 183.

9 *Бродский И.* Поклониться тени // Звезда. 1997. № 1. С. 20.

10 *Дима А.* Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148.

теоретический опыт (концепции Бахтина, формалистов и пр.), общественно-исторические катаклизмы (прежде всего, Октябрьская революция) и потрясения, касающиеся культурной жизни (как, например, смерть Маяковского и Есенина).

Посредники восприятия: круг чтения писателей, широкого и профессионального читателя — в оригинале и в переводе, опосредованно — через критические статьи, через формирующиеся и эволюционирующие стереотипы, через личный опыт (связанный, например, с Октябрьской революцией, с ситуацией во Львове в 1939 г.), личные встречи (например, Броневского и Вандурского с Маяковским).

Результаты восприятия (здесь мы имеем дело и с собственно изучением динамики имагем): выбор переводчиков, сами переводы, их восприятие, рефлексии переводчиков, среди которых были крупнейшие писатели (как, например, Броневский, много писавший о Блоке, которого переводил), литературные тексты — упоминания, парафразы, реминисценции, аллюзии, цитаты, микроцитаты, заимствования, всевозможные «стилевые созвучия»¹¹, подражания, попытки писать «под» (например, случай Маяковского и раннего Броневского), влияние русских писателей на эстетическое и этическое сознание польских писателей (например, Достоевского на Я. Ивашкевича, Е. Анджеевского, З. Налковскую, А. Струга, В. Броневского, Т. Боя-Желеньского, Ст. Пентака, В. Гомбровича и др.), реплики, дневниковые записи, статьи писателей, дискуссии, споры между литераторами, критиками, литературоведами, диалог интерпретаций, критические отзывы на творчество коллег (например, высказывания В. Броневского о Ю. Пшибосе, о Ю. Тувиме, о переводческой деятельности Тувима, о Б. Ясенском и Есенине), то есть прочтение, вычитывание, прочитывание отзвуков русской культуры участниками литературного процесса, наконец, критический дискурс как таковой — то, на что и каким образом реагировала критика.

Контекст восприятия. Имагологический образ индивидуален, создается автором, но при этом соотносится с актуальным для настоящего исторического момента образом нации, зависит от уже существующих стереотипов. Восприятие России и русской культуры в Польше, в том числе межвоенной, исследуется Хоревым в контексте социологии, идеологии, истории, этнопсихологии, национальных стереотипов, руслу общих процессов, которыми шла европейская мысль.

¹¹ Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012. С. 158.

Автор говорит об общих тенденциях, общем векторе — и отдельных фигурах, порой им противостоявших (как, например, В. Ледницкий, стремившийся к преодолению политического антагонизма и ставивший перед собой определенную культурно-политическую задачу — накопление знаний о России с целью преодоления сложившихся стереотипов). Нередко речь идет о двойной перспективе: о восприятии текущих исторических событий через призму диалога с творчеством того или иного русского писателя — и о восприятии русского автора через призму тех или иных событий. Хорев учитывает контекст, в котором появляются имена русских писателей в рефлексиях польских авторов, анализирует также внехудожественные задачи, которые иной раз ставили перед собой переводчики (например, применительно к первым польским переводам поэзии С. Есенина).

Таким образом, исследователь постепенно выявляет общие векторы применительно к тем или иным моментам и явлениям, а также «прописывает», реконструирует отдельные голоса, наблюдает «радиацию» мотивов, моменты идеализации и отторжения, выявляет литературные модели, становившиеся ориентирами для осмысления общеевропейского литературного процесса, углублявшие понимание русской ментальности. Он анализирует процесс расширения польской литературой своего поля зрения, освоения чужого опыта и обогащения оценки собственного, увиденного через призму чужого, прослеживает готовность художественного языка к восприятию опыта Другого.

Исследование рецепции русской литературы в межвоенное двадцатилетие зачастую продолжается в других фрагментах книги — что позволяет увидеть своего рода проверку временем — в контексте «комментария истории»¹² и дальнейшего развития художественного сознания — критическое и художественное восприятие во временной перспективе.

Автор показывает, как отдельные тексты, художественные явления, крупнейшие фигуры русской литературы становились фактом польского литературного сознания, как совершалось их вхождение в другую аксиологическую систему (ярким примером здесь является рецепция идей Достоевского в романе Е. Анджеевского «Лад сердца»), как порой влияние растворялось внутри индивидуальных художественных стилей. Осмысляет не только сближения, но и отдаления, как сознательное усвоение опыта, так и сознательное отталкивание от него (например, в случае В. Броневского). Анализирует явления

12 Там же. С. 81.

русской литературы, ставшие образцами или импульсами для художественных исканий польских писателей, формирование эстетического и этического мира поэзии отдельных авторов — и осмысление этого процесса самими писателями. Исследует наложение усвоенного опыта русской литературы на опыт литературы польской.

В процессе этого анализа складывается общая картина диалога с русской культурой — через анализ литературного процесса, бытования категорий эстетики и этики, литературного быта, динамики представлений о России, механизма участия литературы в формировании стереотипов, обобщений и отхода от них, преодоления их, построения с помощью этих первичных имагологических форм других — образов, представлений о Другом. Что и чем привлекало, «какие вопросы задавало себе польское сознание, ответы на которые оно искало в творчестве»¹³ русских писателей, — вопросы новые также для русской литературы, ибо, по словам М. Бахтина, мы «ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила. Мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»¹⁴. Тем более, что польская самоидентификация в значительной степени совершалась посредством представлений о России.

Межвоенное двадцатилетие — один из труднейших периодов во взаимоотношениях России и Польши, к нему можно отнести любую из образных оппозиций, встречающихся в репликах участников диалога и автора книги (искушение и защита, дружба и тяжба, восхищение и страх, тяга и недоверие, рубеж и рубец). В определенном смысле это было время обострения каждой из этих противоположностей.

С одной стороны, динамика имагологических образов в значительной степени обусловлена идеологией, с другой, идеологическая их составляющая оказывается значимым элементом межгосударственных и межнациональных отношений. Взаимоотношения между Россией и Польшей — убедительное тому доказательство. В. А. Хорев не только первым в России стал осмыслять и реализовать на практике имагологические принципы, но и стремился утвердить мысль о том, что корректно проводимые имагологические исследования помогают преодолевать негативные стереотипы и способствуют более глубокому взаимопониманию народов, потому что имагология стремится к «деидеологизации национального сознания в целях раз-

13 Там же.

14 Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 507.

вития общеевропейской цивилизации и обеспечения гармонического сосуществования»¹⁵.

По словам С. Ф. Мусиенко, «В. А. Хореву нужно было обладать в его оценках не только знаниями, стремлением к объективности, но и гражданским мужеством, чтобы из двух потоков негативных, политически деформирующих действительность обоих государств и народов стереотипов показать историческую правду этого процесса»¹⁶. По словам польского рецензента, «Хорев предстает также послем польско-русского примирения и дружбы поверх исторических и политических барьеров»¹⁷, столкновение с которыми — следует добавить — он и сам пережил как исследователь. Таким образом, он отсылает к постулату одного из создателей имагологии как самостоятельной дисциплины в рамках компаративистских штудий — Хуго Дизеринка. Бельгийский литературовед указывал на благородные мотивации, лежавшие в основе этой области исследований. Первым имагологом, как утверждал Дизеринк, была близка идея решения проблем поликультурной Европы.

От исследователя-компаративиста Дизеринк требует, чтобы тот принял супранациональную перспективу и не столько стремился к объективности — которой и так требует добросовестность ученого, — сколько старался преодолеть существующие предрассудки и обиды. В 1998 г. Дизеринк говорил о том, что имагология имеет важную гуманитарную функцию — способствует узнаванию народами друг друга в сложном мультинациональном европейском пространстве¹⁸. О том же еще более настойчиво напоминает почти двадцать лет спустя Й. Леерсен: «В текущей ситуации усиливающейся „политики идентичности“ воскресшего национализма имагология становится чрезвычайно необходимой»¹⁹.

15 Миры образов — Образы мира = Bilderwelten — Weltbilder: справочник по имагологии. Волгоград, 2003. С. 13.

16 *Musijenko S. W. A. Choriewa koncepcja imagologii // Bibliotekarz Podlaski. 2017. № 3. S. 33.*

17 *Czerwiński G. [Recenzja:] Виктор Александрович Хорев. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). Москва, 2012 // Studia Wschodniosłowiańskie. 2015. T. 15. S. 643.*

18 *Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33. Цит. по: Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. С. 152–153.*

19 *Leersen J. Imagologia: o zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu. S. 10.*

Источники и литература

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.

Бродский И. Поклониться тени // Звезда. 1997. № 1. С. 18–25.

Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. 229 с.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Миры образов — Образы мира = Bilderwelten — Weltbilder: справочник по имагологии. Волгоград: Перемена, 2003. 93 с.

Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.

Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М.: Индрик, 2012. 240 с.

Czerwiński G. [Recenzja:] Виктор Александрович Хорев. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). Москва, 2012 // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2015. T. 15. S. 642–645.

Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // *Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts*. Bonn: Bouvier, 1988. S. 13–33.

Leersen J. Imagologia: o zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu // *Porównania*. 2017. № 2 (21). S. 5–17.

Ludwiczak B. Anthony Trollope. Obcy za kulisami angielskości / praca napisana pod kierunkiem prof. dr hab. Oksany Weretiuk. Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, Wydział Filologiczny, 2017. 262 s.

Musijenko S. W. A. Choriewa koncepcja imagologii // *Bibliotekarz Podlaski*. 2017. № 3. S.11–42.

Świdarska M. Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. München: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2001. 495 s.

Szumigraj M. Klient wyobrażony — czyli kto zdaniem studentów pedagogiki potrzebuje pomocy? // *Dyskursy młodych andragogów*. Zielona Góra. 2015. № 16. S. 101–114.

Wrzesiński W. Niemiec w stereotypach polskich XIX i XX wieku // *Narody i stereotyp / red. T. Walas*. Kraków: Międzynarodowy centrum kultury, 1995. S.175–186.

Wywiad W. Myśliwskiego dla “Polityki” // *Polityka*. 2006. № 17/18. S. 74.

References

- Bakhtin, M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, 543 s.
- Brodskii, I. "Poklonit'sia teni." *Zvezda*, no. 1, 1997, s. 18–25.
- Czerwiński, G. "[Recenzja:] Viktor Aleksandrovich Khorev. Vospriatie Rossii i ruskoï literatury pol'skimi pisateliami (Ocherki), Moscow, 2012." *Studia Wschodnioslowiańskie*, t. 15, 2015, s. 642–645.
- Dima, A. *Printsipy sravnitel'nogo literaturovedeniia*. Moscow: Progress, 1977. 229 s.
- Dyserinck, H. "Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur." *Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts*, Bonn: Bouvier, 1988, S. 13–33.
- Khorev, V. A. *Vospriatie Rossii i ruskoï literatury pol'skimi pisateliami*. Moscow: Indrik, 2012, 240 s.
- Leersen, J. "Imagologia: o zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu." *Porównania*, no. 2 (21), 2017, s. 5–17.
- Lippman, U. *Obshchestvennoe mnenie*. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004, 384 s.
- Ludwiczak, B. *Anthony Trollope. Obcy za kulisami angielskości*. Praca napisana pod kierunkiem prof. dr hab. Oksany Weretiuk, Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, Wydział Filologiczny, 2017, 262 s.
- Miry obrazov — Obrazy mira = Bilderwelten — Weltbilder, spravochnik po imagologii*. Volgograd: Peremena, 2003, 93 s.
- Musijenko, S. "W. A. Choriewa koncepcja imagologii." *Bibliotekarz Podlaski*, no. 3, 2017, s. 11–42.
- Poliakov, O. Yu., and Poliakova, O. A. *Imagologia: teoretiko-metodologicheskie osnovy*. Kirov: Raduga-PRESS, 2013, 162 s.
- Szumigraj, M. "Klient wyobrażony — czyli kto zdaniem studentów pedagogiki potrzebuje pomocy?" *Dyskursy młodych andragogów*, Zielona Góra, no. 16, 2015, s. 101–114.
- Świdarska, M. *Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens*. München: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2001, 495 s.
- Wrzesiński, W. "Niemiec w stereotypach polskich XIX i XX wieku." *Narody i stereotypy*, red. T. Walas, Kraków: Międzynarodowy centrum kultury, 1995, s. 175–186.
- Wywiad, W. "Myśliwskiego dla "Polityki"." *Polityka*, no. 17/18, 2006, s. 74.

Irina E. Adelgym

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Viktor A. Khorev's imagological research and the problem of the reception of Russia in (the interwar) Poland [in connection with the Warsaw conference "Russian literature and culture in the interwar Poland"]

The article is dedicated to the imagological studies of the important Russian polonist Viktor Aleksandrovich Khorev (1932–2012), the first in Russia to start imagological research on Poland and Russia. To these problems he dedicated the last decade of his life. His methods in reconstructing of the important fragments of the dialogue between Poland and the Russian culture in the interwar period are analysed. This was one of the most difficult periods in the relations of Russia and Poland. The author is interested in the ways how V. A. Khorev manages to reconstruct the multilayered, polyphonic, and split-level field of reapproaching and repulsion, intersections, gaps, catching up, and reevaluation. She is also interested in the methods of the inspecting of the role that literature had in shaping the ideas of Russia among the Poles on the one hand, and in the study of the network of intercontact connections and factors, on the other. While significantly conditioned by the ideology, the dynamics of the imagological images at the same time is an important element of the relations between the states and between the nations. This is reflected in the relations between Russia and Poland. It is specifically underlined that Khorev was first in Russia not only in comprehending and putting into practice imagological principles, but also that the correct imagological studies help in overcoming the negative stereotypes and in creating a deeper mutual understanding between the nations.

Keywords: V. A. Khorev, imagology, performance, stereotype, dialogue of Polish and Russian culture, perception.

УДК 930
ББК 63.3(2)6

А. В. Ганин
Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

**«Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию».
Донесение белого разведчика о состоянии
украинских советских войск. 1919 год**

Вниманию читателей предлагается публикация донесения белого разведчика о положении украинских советских войск к лету 1919 г. Публикуемый документ удалось обнаружить в собрании Гуверовского архива в США. Донесение представляет несомненный интерес для исследователей, поскольку отражает непростой процесс создания Красной армии на Украине. Донесение свидетельствует и о непростых взаимоотношениях руководящих работников советского военного ведомства. Осведомленный белый агент представил командованию антибольшевистских Вооруженных сил на Юге России подробные сведения, которые в целом можно считать достоверными. Данные агента отличались значительной точностью, поскольку составлялись на основании подлинных боевых расписаний войск Украинского советского фронта. Наличие доступа к таким сведениям свидетельствовало, что, по всей видимости, агент служил в Народном комиссариате по военным делам Украинской ССР или в штабе Украинского фронта. Высокая осведомленность белого разведчика придает особую ценность его донесению, в том числе личностным характеристикам различных советских деятелей, описанию сложных и противоречивых взаимоотношений между ними, а также оценке общего положения дел в сфере советского военного строительства на Украине в 1919 г.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Украина, РККА, Белое движение, разведка.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.7.01

Публикуемый документ представляет собой адресованное командованию Вооруженных сил на Юге России донесение неизвестного белого разведчика под названием «Советская власть на Украине». Донесение посвящено, однако, не вопросу о Советской власти, а состоянию украинских советских формирований к лету 1919 г.

Исходя из того, что в документе цитируются беседы в штабе Украинского фронта, можно предположить, что автор имел контакты с высокопоставленными украинскими советскими военными деятелями. Повышенное внимание к бывшим офицерам Генерального штаба позволяет сделать еще одно предположение о том, что разведчик также принадлежал к их числу. К сожалению, установить личность агента не представляется возможным.

Донесение в целом достоверно отражает положение в украинских советских войсках, что свидетельствует о высокой осведомленности белого разведчика. Перечисленные советские военно-политические деятели действительно занимали те должности, на которых их обозначил агент. Точны и характеристики этих людей. С другой стороны, из документа видно, какие представления об украинских советских войсках складывались у белого командования на Юге России.

Документ хранится в коллекции генерала П. Н. Врангеля в Гуверовском архиве Стенфордского университета в США среди других материалов о Советской Украине. Следом за публикуемым докладом в деле находится подробный «Боевой состав Украинского фронта (ныне 12-я армия)» на 12 страницах (не публикуется), подготовленный, по всей видимости, тем же агентом. На сведениях о боевом составе имеется резолюция с требованием нанести поступившие данные на схему и внести их в боевое расписание войск противника.

Таким образом, белое командование считало полученные донесения достоверным и ценным источником. Анализ показывает, что данные агента действительно отличались значительной точностью, поскольку составлялись на основании подлинных боевых расписаний войск Украинского фронта (дислокация, боевой и командный состав практически во всех случаях указаны точно и подтверждаются документами советского командования¹). Доступ к таким сведениям означает, что агент служил в Народном комиссариате по военным делам УССР или в штабе Украинского фронта. Высокая осведомленность белого разведчика придает особую ценность его донесению, в том числе личностным характеристикам различных советских деятелей, описанию конфликтов между ними, оценке общего положения дел в сфере советского военного строительства на Украине в 1919 г. В этом смысле белые, обладавшие квалифицированной агентурой в штабах противника, состоявшей нередко из бывших офицеров Гене-

1 Выражаю благодарность к. и. н. М. А. Ковальчуку (Киев) за консультацию.

рального штаба, имели очевидное преимущество перед своими оппонентами в сборе разведывательных данных. Слабым местом белого командования оставалась их последующая оценка, а в особенности парирование действий советских войск, на что не всегда имелись достаточные силы.

Документ публикуется по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок.

Советская власть на Украине

После падения гетмана² советские украинские части, сформированные на территории России в виде двух дивизий, двинулись вглубь Украины. Повстанческое движение на местах способствовало быстрому продвижению почти без сопротивления противника, так что в своих донесениях на имя главкома Вацетиса³ командукр⁴ Антонов⁵ доносил, что «идея большевизма обгоняет красную украинскую армию, которая едва успевает приходить на места, уже занятые повстанцами».

Но это же повстанческое движение создало на Украине отдельные партизанские отряды, вернее, банды, руководимые персональными начальниками, вокруг имен которых и группировались повстанцы. Для создания из этих разрозненных групп стройного механизма армии Антоновым, под давлением Троцкого⁶, отдельные партизанские отряды были сведены в полки, бригады и дивизии, им были приданы штабы, управления, интендантства и проч[ее]. Но в сущности эта внешняя оболочка армии не изменила внутреннего содержания партизанских банд и высший Реввоенсовет⁷ во главе с Троцким продолжал настаивать на дальнейшей реорганизации укр[аинской] армии.

2 Речь идет о событиях декабря 1918 г., связанных с падением режима гетмана П. П. Скоропадского в Киеве и установлением власти Директории Украинской народной республики.

3 Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) — бывший полковник, военный специалист РККА. Главнокомандующий всеми вооруженными силами (1918–1919).

4 Командующий Украинским фронтом.

5 Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) — командующий Украинским фронтом.

6 Троцкий Лев Давидович (1879–1940) — председатель Реввоенсовета республики.

7 Речь идет о Реввоенсовете республики.

Тогда началась упорная борьба между Троцким и Антоновым⁸.

Троцкий — этот «разжиревший диктатор», как его называют в штабе укр[аинского] фронта, убедившись на опыте в абсурдности создания сознательно дисциплинированной Красной армии, бросился всецело в объятия военспецов. Окружив себя огромным количеством офицеров Ген[ерального] штаба, усиленно пичкающих его всевозможными разноцветными и раскрашенными схемами и картограммами, стремящихся выслужиться друг перед другом и опутавших «диктатора» сетью самых сложных интриг, он, всецело поддавшись их влиянию, создает всевозможные комиссии, коллегии, инспекции, законодательные, исполнительные, инспектирующие и т.п., образуя и без того бессмысленно сложный и крайне запутанный механизм военного управления⁹.

Антонов — ярый противник «бюрократизма штабов и советской буржуазии», преклоняется перед старинными военными авторитетами, ежедневно посвящает 8–10 часов на чтение войн Ксеркса с Киром, похода Александра Македонского в Индию, описаний сражений под Аустерлицем, Седаном и Ватерлоо, преклоняется перед Наполеоном, считая его первым революционером в области военного искусства, и всеми силами, даже в мелочах жизни, стремится подражать ему. Ярый противник «генштабистов»¹⁰, он предпочитает вести боевые операции, не придерживаясь никаких военных авторитетов.

Троцкий, сторонник создания единой организованной и дисциплинированной Красной армии, считал подобный способ ведения войны уже изжитой в Великороссии партизанщиной, а поэтому потребовал от Антонова создания красной украинской армии по выработанным в Совдепии штатам, грозя в противном случае неотпуском денежных знаков¹¹.

8 См., например, об этом: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37604. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

9 Комментарий на полях: «Здорово».

10 Ср. с письмом В. А. Антонова-Овсенко Л. Д. Троцкому от 3 октября 1918 г.: «Да, я не одобрял Вашего увлечения “специалистами”, как его не одобряют все коммунисты, стоящие на ответственных постах в армии, и некоторые военные (вроде Эксе), обладающие свежестью мысли» (РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 63. Л. 4). Эксе (Маврос д’Эксе) Владимир Федорович (1879–1942) — бывший подполковник, военный специалист РККА. Разработчик «новой военной доктрины» (1918).

11 Ср. с письмом Л. Д. Троцкого председателю СНК Украинской ССР Х. Г. Раковскому от июня 1919 г.: «Период партизанщины и пассивно-терпимого и покровительственного отношения к худшим проявлениям партизанства слишком затянулся на Украине» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 152).

Подобное посягательство на внутреннее управление укр[аинской] армией создало сильное недовольство, не говоря уже об Антонове, в среде Реввоенсовета Украины, узревшего в этом стремление уничтожить «самостийную Украину» и создать «Единую неделимую Россию».

Штаб наркомвоен¹² Подвойского¹³ относился ко всему происходящему наружно индифферентно, отчасти вследствие того, что сам Подвойский находился все время в постоянной напряженной борьбе с Антоновым, а отчасти потому, что его штаб состоял из «генштабистов и военспецов» и походил скорее на «бюрократическую канцелярию Совдепии», чем на партизанский штаб Антонова.

В противоположность Антонову, совершенно не умеющему подбирать хороших работников, Подвойский создал работоспособный и деловой штаб из офицеров Ген[ерального] штаба.

Начальник штаба Подвойского — Ген[ерального] штаба Соковнин¹⁴, пользующийся большим влиянием над Подвойским в военных вопросах, но никогда это открыто не обнаруживающий.

Первый помощник на[чальника] штаба — Ген[ерального] штаба Шапошников¹⁵, незаметный, но энергичный работник.

Второй помощник на[чальника] штаба — Ген[ерального] штаба Михеев¹⁶, неутомимый, дельный работник, пользующийся большим доверием Подвойского¹⁷.

Третий помощник на[чальника] штаба — Ген[ерального] штаба Грудзинский (умер от сыпного тифа в Харькове)¹⁸.

12 Народный комиссариат по военным делам.

13 Подвойский Николай Ильич (1880–1948) — народный комиссар по военным делам Украинской ССР.

14 Соковнин Михаил Алексеевич (1863–1943) — бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Начальник штаба Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР.

15 Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) — бывший полковник, военный специалист РККА. Первый помощник начальника штаба Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР.

16 Михеев Сергей Петрович (1869–?) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Помощник начальника штаба Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР.

17 Общий комментарий на полях ко всем трем упомянутым генштабистам: «Свед[ения] в общ[ее] отдел[ение]».

18 Грудзинский Михаил Цезарович (1869–1919) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Умер 27 марта 1919 г. Командиро-

Штаб наркомвоен вырос в громадное учреждение и по многочисленности сотрудников не уступает бывшему военному министерству. Сотрудники преимущественно бывшие офицеры, из коих очень много Ген[ерального] штаба, как в небольших, так и в генеральских чинах.

Кроме штаба имеется Высшая военная инспекция. Военный руководитель — генерал Николаев¹⁹, энергичный, неутомимый работник, широко осведомленный обо всех военных мероприятиях Советской России. Пользуется большим доверием Подвойского.

Когда укр[аинская] армия под начальством Антонова продвигалась вперед, даже Троцкий не мог бороться с ним, вследствие той популярности, которая окружала первого, когда же на Украине начались неудачи, то Троцкий не замедлил воспользоваться случаем, чтобы на заседании 23 мая в Харькове, обвинив Антонова в допущении выступления Григорьева²⁰, этой «отрыжки партизанщины», создании махновщины²¹, неудаче галицийской и румынской²², свалить его и, несм-

вался на Украину 10.02.1919 в распоряжение Н. И. Подвойского (РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 98, 114), данных о назначении нет.

19 Николаев Владимир Иванович (1869–1937) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Военный руководитель украинской Высшей военной инспекции. Комментарий на полях: «в общ[ее] отдел[ение]».

20 Григорьев Николай Александрович (1878–1919) — штабс-капитан, командовал дивизией РККА, поднял восстание, которое потерпело поражение, присоединился к махновцам и убит по приказу Н. И. Махно.

21 23 мая 1919 г. Троцкий ставил заместителю народного комиссара УССР по военным делам В. И. Межлауку задачу по упорядочению бригады Н. И. Махно (The Trotsky papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; The Hague; Paris, 1964. Vol. 1. 1917–1919. P. 462).

22 Речь идет о попытке наступления частей РККА на Бессарабию, а также в Галицию и Буковину — на соединение с Венгерской советской республикой. Главком И. И. Вацетис телеграфировал 7 мая 1919 г. В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому: «В виду того, что на украинском фронте командование вряд ли в состоянии справиться с задачей продвижения к Будапешту, а равно ввиду необходимости считаться с возможностью выступления Румынии вследствие предъявленного ей ультиматума и с наступлением Петлюры со стороны Галиции, я полагал бы необходимым назначить командующему украинским фронтом Антонову помощника, дав ему для этой цели опытного и во всех отношениях подготовленного

тря на сильное сопротивление антоновской партии, добиться полного уничтожения Укр[аинского] фронта²³, на месте которого создаются 14-я армия Ворошилова²⁴, подчиненная Юж[ному] фронту, и 12-я армия Семенова²⁵, подчиненная Западному фронту, со штабом в Конотопе. Приехав в Киев, генерал Семенов объявил штаб Укр[аинского] фронта распущенным и приступил к созданию нового штаба 12-й армии, преимущественно из офицеров Ген[ерального] штаба.

для широкой, стратегической, организационной и мобилизационной работы гражданина Генерального штаба. То, что в настоящее время делается на Украине, ни в коем случае не может считаться удовлетворительным, так как управление войсками украинского фронта настолько вышло из рук командующего, что он не может даже своевременно оказать крайне необходимой помощи Южному фронту выделением четырех бригад. В настоящее время, когда боевое напряжение на Дону и на Восточном фронте потребовало все наши резервы, когда внутри страны у нас готовых резервов нет, такое бессилие командования Украинского фронта может иметь весьма роковые последствия для нашей Гражданской войны» (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 14).

23 Украинский фронт подлежал расформированию по постановлению Реввоенсовета республики от 4 июня 1919 г. (Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). М., 1969. С. 238–239; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 243), к середине июня 1919 г. расформирование завершилось.

24 Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — командующий 14-й армией.

25 Семенов Николай Григорьевич (1874–1938) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Командующий 12-й армией. Л. Д. Троцкий писал председателю СНК Украинской ССР Х. Г. Раковскому в этой связи: «Сюда прибудет в ближайшие дни офицер Генерального штаба Семенов, которому будет дано поручение ознакомиться с западной армией, доложить ее состояние и потребности. О Семенове я тебе говорил в разговоре: он работал у нас с октябрьского переворота, человек безусловно добросовестный, был начальником штаба 2-й армии и заслужил полное доверие ответственных партийных работников, работавших с ним (Сокольников, Гусев, Ште[р]нберг). Я не выставляю его кандидатуру как единственно возможную, но прошу приглядеться к нему здесь. С ним нужно будет отправить двух ответственных политических работников, одного из коих могло бы выдвинуть украинское правительство, а другого могли бы предложить мы из центра» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 152об.).

Уход Антонова, возглавлявшего украинский сепаратизм и «партизанщину», группировавшуюся вокруг персональных руководителей, уход последних из армии и замена их военспецами губительно отозвались²⁶ на частях укр[аинской] армии, вызвав новое волнение против власти «жидівських комиссарів» и их «назначенцев».

*Архив Гуверовского института. P. N. Vrangl collection. Box 53.
Folder 16. Машинопись.*

Источники и литература

Архив Гуверовского института. P. N. Vrangl collection. Box 53. Folder 16. Российский государственный военный архив (РГВА, Москва).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, Москва).

Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. 884 с.

Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М.: Русский мир, 1997. 640 с.

The Trotsky papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; The Hague; Paris: Mouton, 1964. Vol. 1: 1917–1919. 858 p.

References

Arkhiw Guverovskogo instituta. P. N. Vrangl collection. Box 53. Folder 16.

Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (Moscow).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoï istorii (Moscow).

Direktivы glavnogo komandovaniya Krasnoj armii (1917–1920). Moscow: Voenizdat, 1969, 884 s.

Revvoensovet Respubliki. Protokoly. 1918–1919 gg. Moscow: Russkij mir, 1997, 640 s.

The Trotsky papers 1917–1922, vol. 1, 1917–1919. Edited and annotated by J. M. Meijer, London, The Hague, Paris: Mouton, 1964, 858 p.

26 В документе: отозвалось.

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The idea of Bolshevism overtakes the Red Ukrainian Army”
White intelligence report on the state of the Ukrainian Soviet troops. 1919

This is a publication of the report of a white scout on the situation of the Ukrainian Soviet troops by the summer of 1919. The published document was found in the collection of the Hoover archives in the United States. The report is undoubtedly of interest to researchers, as it reflects the difficult process of creating the Red army in Ukraine. The report also testifies about the difficult relationship between the senior Soviet military officials. A knowledgeable White agent provided the command of the anti-Bolshevik Armed forces in the South of Russia with detailed information that can generally be considered reliable. The data sent by the agent is characterized by considerable accuracy, since it was compiled basing on true combat schedules of the troops on the Ukrainian Soviet front. The access to such information testified that, apparently, the agent served in the People's Commissariat for Military Affairs of the Ukrainian SSR or in the headquarters of the Ukrainian Soviet front. The high awareness of the White scout gives special value to his report, including the personal characteristics of various Soviet officials, the description of complex and contradictory relationships between them, as well as an assessment of the general situation in the field of Soviet military construction in Ukraine in 1919.

Keywords: *Civil war in Russia, Ukraine, Red army, White movement, intelligence.*

**Из истории русской эмиграции межвоенного периода:
письмо П. Н. Краснова югославскому королю Александру
(июль 1930 г.)**

Рассмотрен один из эпизодов деятельности в эмиграции русского генерала Петра Николаевича Краснова (1869–1947), личность которого до сих пор вызывает самые противоположные оценки. Краснов, будучи монархистом, в 1922 г. сформулировал цель своей дальнейшей жизни: сделать так, чтобы на его исторической родине снова появился «Державный Венценосец», способный умиротворить народ и навести там порядок. Для реализации этой цели он посчитал возможным использовать потенциал белой эмиграции, в том числе проживавшей на территории Югославии. Летом 1930 г. Краснов написал письмо югославскому королю Александру, в котором он увидел основного кандидата на роль «спасителя» православной России. В Архиве Югославии хранится подлинник этого документа. В настоящей публикации приводится его полный текст. Краснов в своем послании выступает как ярко выраженный патриот России, образ короля Александра для него — практически своеобразная «реинкарнация» погибшего от рук большевиков российского императора Николая II. Краснов считал, что для югославского монарха, славянина по происхождению, наступило время погасить «долг», возникший у его страны перед русским народом, сражавшимся на стороне Сербии в период войн 1876–1878 и 1914–1917 гг. Исходя из имеющихся в Архиве Югославии материалов, остается неизвестной реакция самого Александра на это послание Краснова.

Ключевые слова: *история русской эмиграции, политическая мысль русского зарубежья, антибольшевизм в Западной Европе, Петр Краснов, Александр Карагеоргиевич.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.7.02

Жизнь и деятельность Петра Николаевича Краснова (1869–1947) до сих пор вызывает противоположные оценки как в среде профессиональных историков, так и в общественном мнении. И дело здесь не только в последнем периоде жизни, когда из «двух зол» он выбрал,

как ему казалось, меньшее: стал на сторону гитлеровской Германии в период Великой Отечественной войны. Это обстоятельство, в конечном итоге, и определило бесславное завершение его жизненного пути. Попытки сторонников Краснова как внутри постсоветской России, так и за ее пределами добиться его посмертной реабилитации, сняв обвинения в измене Родине и переходе на сторону врага, до сих пор успехом не увенчались.

Вторая сторона его деятельности — вхождение в руководство Белого движения в годы Гражданской войны — также оценивается весьма неоднозначно. Наметившееся в последние годы в российском обществе историческое «примирение» между «белыми» и «красными» генерала Краснова и его единомышленников практически не затронуло. За его реабилитацию сегодня выступает часть южнороссийского казачества, в станице Еланской Ростовской области в 2010 г. Краснову воздвигнут памятник, что сразу вызвало неоднозначную реакцию в российском общественном мнении. Кто-то требует сноса и считает его «фашистским прихвостнем», другие видят в фигуре Краснова русского патриота и героя борьбы с «большевистской заразой». Кому-то импонирует красновский антисемитизм, неоднократно им демонстрировавшийся в различных проявлениях (например, в борьбе против «жидо-коммунизма»).

Первым местом своей эмиграции Краснов определил Мюнхен, именно там в 1922 г. он четко сформулировал свое кредо: сделать все возможное, чтобы в России снова появились «Державный Венценовец», способный «умиротворить и внедрить правду и порядок» на его исторической родине, которая представлялась не иначе как «Святая Русь».

Порядки в Веймарской Германии Краснову явно не были по душе, а после известного «Мюнхенского путча» он и вовсе перебрался на юг Франции, где прожил следующие 14 лет.

В период нахождения в Германии Краснов в 1921 г. стал одним из главных инициаторов создания белого подполья на территории РСФСР, а затем СССР, — организации, называвшей себя «Братством русской правды»¹.

У него появилась потребность в литературном творчестве. Обладая в этой сфере незаурядным талантом и опытом², Краснов на-

1 См.: *Дробязко С. И. и др. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война.* М., 2004; *Базанов П. Н. Братство русской правды: самая загадочная организация Русского Зарубежья.* М., 2013.

2 В начале XX в. Краснов в качестве военного корреспондента освещал события в Китае (участие русских войск в подавлении восстания

писал и опубликовал большое число художественных произведений, пользовавшихся популярностью не только среди русской эмиграции. Так, например, его роман-трилогия «От двуглавого орла к красному знамени» был опубликован разными европейскими издательствами на 15 языках.

Таким образом, с полным основанием литературное творчество Краснова можно определить в качестве такой стороны его деятельности, которая сегодня как раз и вызывает наименьшее количество негативных оценок.

Параллельно с литературным творчеством, проживая во Франции, Краснов много размышлял об историческом реванше, который, по его мнению, при внешней поддержке могли бы взять представители белого движения. Одним из промежуточных итогов его интеллектуальной работы в данном направлении и стало послание королю Югославии Александру, датированное 12 июля (25-го по новому стилю) 1930 г.

В Архиве Югославии хранится подлинник этого документа. В настоящей публикации приводится его полный текст.

* * *

Как мы уже отмечали выше, летом 1930 г. П. Н. Краснов написал письмо королю Югославии Александру, в котором обрисовал свое видение ситуации внутри Советского Союза и место югославского монарха в истории его Родины в случае, если тот согласится с выказанными предложениями.

Адресат им был выбран, очевидно, не просто так. Александр I Карагеоргиевич имел репутацию русофила, его восшествие на престол в созданном по окончании Первой мировой войны Королевстве сербов, хорватов и словенцев практически совпало с переездом туда большой группы представителей российского белого движения, получавшего от него не только моральную, но и материальную поддержку. При этом устанавливать дипломатические и иные отношения с «красной Россией», а потом и Советским Союзом он явно не собирался.

Хорошо владея русским языком, югославский король, выпускник петербургского Пажеского корпуса, без перевода на сербский мог

ихэтуаней), сотрудничал с журналом «Русский инвалид». В тот период им были опубликованы несколько военно-исторических работ, получившие широкую известность среди российской читающей публики.

самостоятельно прочитать в подлиннике любое послание, направленное в его адрес и доставленное в специальный отдел в структуре королевского двора. Именно по этому пути и пошел Краснов, в июле 1930 г. направив на имя монарха три документа: написанное от руки короткое сопроводительное письмо, личное послание, напечатанное на пишущей машинке, королю Александру и приложенную к нему 11-страничную машинописную «Объяснительную записку».

При публикации документа проведена его адаптация к нормам орфографии и пунктуации современного русского языка. П. Н. Краснов (или кто-то из его помощников) набрал основной текст на пишущей машинке. Некоторые буквы и знаки препинания исправлены или написаны пером. Сопроводительное письмо полностью рукописное, по-видимому, тем самым Краснов стремился проявить подчеркнутое уважение своему адресату.

«Объяснительная записка» вшита в текст письма, поэтому не соблюдена последовательная нумерация в архивной папке, в которой оно ныне хранится: первая часть письма (двусторонняя печать) на листах 48–48об, а заключительная на листе 55. Таким образом, «Объяснительная записка» (имеющая собственную сквозную нумерацию с 1 до 11) Архивом Югославии (Архив Југославије / Arhiv Jugoslavije) нумеруется как листы 49–54об. Рукописное сопроводительное письмо подшито после текстов первых двух документов (л. 56).

В настоящей публикации все три документа выстроены в последовательности, определенной логикой изложения Красновым своих материалов.

* * *

Первое, на что хочется обратить внимание читателя: Краснов в своем послании выступает как ярко выраженный убежденный монархист. Образ короля Александра для него — практически своеобразная «реинкарнация» погибшего от рук большевиков российского императора Николая II. В этой связи создается впечатление, что Краснов неадекватно оценивает истинное лицо и намерения балканского монарха, за несколько месяцев до этого покончившего с внутригосударственными и межнациональными распрями, запретившего политические партии, заменившего национально-территориальное деление государства на территориальное и переименовавшего страну в Королевство Югославия.

Краснов искренне считал, что для югославского короля, славянина по происхождению, наступило время погасить «долг», возникший

у его страны перед русским народом, сражавшимся на стороне Сербии в период войн 1876–1878 и 1914–1917 гг. В отличие от Югославии, «процветающей» под мудрым руководством своего православного монарха, Россия под игом большевиков влечет жалкое существование, русский народ голодает, терпит иные лишения, но не может без внешнего вмешательства освободиться от «коммунистического ига». В лучшем случае такая борьба, писал Краснов, может привести «к анархии, расчленению, культурному порабощению немцами, покорению и поглощению ее богатых окраин Польшей, Англией и Японией. Россия обратится в ничтожество — станет игрушкой у немцев». Выход ему виделся лишь в одном: помочь любыми способами «русским патриотам», живущим внутри СССР, которые, осознавая собственное бессилие, видят спасение родины лишь при помощи соотечественников-эмигрантов.

Таким образом, со всей определенностью можно сказать, что представление о Краснове как последовательном стороннике союза с Германией, по крайней мере до прихода там Гитлера к власти, не имеет под собой серьезных оснований.

Главной трудностью, по мнению Краснова, являлось то обстоятельство, что русская эмиграция постепенно меняла свое лицо: одни ее яркие представители ушли в мир иной или состарились, другие, ставшие эмигрантами в молодом возрасте, обзавелись семьями и ищут возможность заработков, для того чтобы их прокормить, они постепенно забывают русский язык и теряют «русский дух». Этот процесс необходимо остановить путем создания Русской армии, в которой русская эмигрантская молодежь будет не только проходить службу, но и восстанавливать утраченный патриотизм. Со временем она должна вторгнуться на территорию России и восстановить в ней прежние монархические порядки. Именно здесь Краснов и увидел особую роль югославского короля, который, по его мнению, должен помочь эмиграции создать такую армию, а после освобождения России с ее помощью от большевиков получить в лице возрожденной России сильного союзника.

На первом этапе Краснов предложил Александру создать в составе Югославской армии Русский корпус по типу французского Иностранного легиона, Греческого легиона в составе русской армии в период Крымской войны и других подобного рода военизированных формирований. Когда наступит «подходящий момент», Александр отправит это формирование на Россию и таким образом обретет славу ее освободителя и внесет в нее «законного государя».

Чтобы дать югославскому монарху более детальную информацию для размышлений, Краснов приложил к своему письму упомянутую нами выше «Объяснительную записку», состоящую из пяти разделов. В первом Краснов дал информацию о внутреннем положении в России, явно преувеличив масштаб имевшихся в ней проблем и драматизируя положение рабочего класса и крестьянства. Спасти народ в состоянии лишь эмиграция, которую там ждут «организованной и вооруженной».

Далее Краснов представил свое видение ситуации внутри русской эмиграции к лету 1930 г., где чуть более подробно изложил те же положения, что и в письме.

Третий раздел целиком посвящен надеждам русских эмигрантов на Сербию и лично югославского монарха. В нем проведена аналогия между российским императором Александром Первым и югославским королем, носившим то же имя. Как русский Александр получил прозвище «благословенный», так и его югославский тезка, в случае поддержки красновского плана освобождения России, имеет все шансы получить аналогичное прозвище. Именно Александр имеет шанс объединить русскую эмиграцию вокруг своего имени и привести ее к победе над большевиками, и тогда он войдет в историю славянства как «Александр Великий и Благословенный».

Заключительные два раздела посвящены идее Русского корпуса, точнее, технологии его организации и функционирования в составе сербской армии. Краснов не исключал гипотетической возможности, что Россия может освободиться от большевистской диктатуры и «иным путем», все равно факт наличия такого корпуса позволит ему впоследствии стать ядром новой русской армии, а сербский монарх будет пользоваться у «освобожденного» русского народа «любовью и уважением».

Утопизм положений, изложенных Красновым в письме и «Объяснительной записке», наверняка был очевиден для короля Югославии, поэтому, судя по пометкам канцелярии короля, никаких практических выводов с его стороны не последовало. Присланные материалы были сданы в архив и сегодня стали доступными для изучения.

После гибели короля Александра у Краснова уже не было такой фигуры среди православных монархов, которая, по его мнению, могла в какой-то степени сыграть ту роль, которую он планировал для покойного югославского лидера.

Жизнь не стояла на месте, в 1933 г. к власти в Веймарской республиканской Германии, которую он так недолюбливал, пришел ярый

антикоммунист Адольф Гитлер, в короткие сроки установивший в стране жесткую диктатуру, включавшую запрет в стране легальной деятельности коммунистической партии. Краснову не мог не импонировать такой поворот событий, тем более что во Франции к тому времени к власти пришли сторонники Народного фронта, поддержанного местными коммунистами, явно без особых симпатий относившиеся к представителям русской белой эмиграции.

В 1936 г. он переезжает на постоянное место жительства в Германию, совершив, тем самым, поступок, в конечном итоге приведший его к трагическому концу. В 1941 г. Краснов приветствовал нападение нацистской Германии на Советский Союз, в 1942-м активно участвовал в создании под немецким контролем на оккупированной советской территории «штаба Войска Донского» и координировал начавшийся процесс формирования казачьих частей в составе немецкой армии. В конце марта 1944 г. он возглавил Главное управление казачьих войск, базировавшееся в Берлине. Могут быть два объяснения этому шагу в условиях, когда уже стало ясно, кто победит в войне. Первое — Краснов это сделал намеренно, с его стороны это был «жертвенный поступок». Второе — он надеялся, что с ним не дадут расправиться сталинскому режиму американцы и англичане, простят, учитывая его былые заслуги как героя Первой мировой и Гражданской войн. И он спокойно доживет свой век в одной из западных стран.

В мае 1945 г. Краснов вместе с некоторыми единомышленниками был выдан Советскому Союзу его западными союзниками. Их судила Военная коллегия Верховного суда СССР. По ее приговору 16 января 1947 г. Краснов вместе с другими выданными белогвардейскими генералами был повешен в Лефортовской тюрьме.

После распада СССР некоторыми политиками и представителями общественности была предпринята попытка поставить перед новыми российскими властями вопрос об их реабилитации, но определением Военной прокуратуры Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 г. все они были признаны «обоснованно осужденными».

В публикуемые документы внесены лишь небольшие исправления в соответствии с нормами современной русской орфографии и пунктуации.

ДОКУМЕНТЫ**№ 1****Сопроводительное письмо генерала П. Н. Краснова к посланным им бумагам на имя короля Югославии Александра, июль 1930 г.**

Генерал от кавалерии Краснов
12/25 июля 1930 года
Santeny par Villecresnes
(Sein et Oise)
France.

Ваше Королевское Величество,
Преподнося при сем на благоусмотрение Вашего Королевского Величества письмо и объяснительную к нему записку, долгом почитаю донести, что о посылке мною Вашему Королевскому Величеству означенных бумаг, равно и содержание их, никому не известно.

Примите уверения в моем искреннем уважении и верной преданности, с коим остаюсь Вашего Королевского Величества верно-преданный слуга
Петр Краснов

Его Королевскому Величеству
Королю Югославии Александру

AJ-74. 21/56*Подлинник, рукопись, автограф.***№ 2****Письмо П. Н. Краснова на имя короля Югославии Александра
12 (25) июля 1930 г.**

Генерал от кавалерии Краснов
12/25 июля 1930 года
Santeny par Villecresnes
(Sein et Oise)
France.

Его Королевскому Величеству
Королю Югославии Александру

Ваше Королевское Величество

Простите великодушно мое дерзание, с коим осмеливаюсь в ВАШИХ тяжелых королевских заботах беспокоить ВАС своим письмом. Горячая любовь к моей терзаемой коммунистами родине — России и глубокая вера в то, что судьбы Ее ВАМ, ее воспитаннику³, близкому Ей по крови Славянину, далеко не безразличны, дает мне смелость думать, что Вы до конца прочтаете мой доклад, подумаете о нем и к многим Своим Королевским заботам прибавите и еще одну, самую тяжкую и трудную.

Россия доходит до отчаяния. Она объята бесплодными мятежами и залита кровью казнимых. Вера подвергнута гонениям, неслыханным и в первые века христианства. Третий интернационал отнимает хлеб от умирающих Русских крестьян, чтобы на вырученные за него деньги разрушать культуру и веру в Истинного Бога во всем мире. Надежд на то, что Россия внутренним взрывом, без помощи извне, освободится от ига коммунистов — нет. Восставшие там за свободу Родины не могут сорганизоваться. Восстания, вследствие крайне развитого шпионажа и предательства, подавляются в самом зародыше. В лучшем случае такая борьба приведет Россию к анархии, расчленению, культурному порабощению немцами, покорению и поглощению ее богатых окраин Польшей, Англией и Японией. Россия обратится в ничтожество — станет игрушкой у немцев. Русские патриоты, в сознании своего бессилия, обращают свои взоры к эмиграции. Там ждут от нее помощи. В России ждут организованной и вооруженной эмиграции.

Что может дать теперь России ее эмиграция? Когда-то сильная и стройная в Галлиполи «Кутеповская» Армия «Врангелевцев» обратилась в рассеянный по всему миру Русский Общевоинский Союз, не имеющий ничего общего с такими военными союзами, как «Stahlhelm» в Германии⁴, «Schutz-corps» в Финляндии⁵, Фашию в Италии⁶ и доблестные соколы ВАШЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. — Он обратился в союз взаимопомощи и поддержки духа.

Старые Вожди и генералы Императорской и Добровольческой Армий постепенно сходят с жизненной сцены. Та молодежь, что горела пафосом

3 Король Югославии Александр в 1908 г. закончил петербургский Пажеский корпус.

4 Нем. «Стальной шлем» — союз немецких фронтовиков, созданный в 1918 г. группой бывших офицеров кайзеровской армии.

5 «Охранный корпус» — полувоенная организация, существовавшая на территории Финляндии в 1917–1944 гг.

6 Итальянская крайне правая организация, созданная по инициативе Б. Муссолини в годы Первой мировой войны. С 1919 г. официально именовалась «Итальянский союз борьбы».

священной борьбы в Добровольческой Армии, состарилась за эти десять лет изгнания. Тяжелый, непривычный, часто унижительный труд пригнул ее. Она обзавелась семьями и обратилась в «запасных» со всеми их недостатками.

На смену ей растет новое поколение. Оно воспитывается в иностранных учебных заведениях. Русская молодежь теряет Русский дух и забывает Русский язык. Не отбывая нигде воинской повинности, она не знает военного дела и становится равнодушной к судьбам Родины — России.

Лекции, школы, сокольство, «дни Русской культуры», курсы военных знаний и т.д. — это паллиатив. Ими не вдохнуть русскую душу, ими не создать того «белого» воинства, которого так страстно ожидают в России.

Эмиграция должна создать за рубежом Русскую Армию и пропустить через ее ряды подрастающее молодое поколение.

Эта созданная за рубежом Русская Армия должна явиться в Россию тогда, когда там внутри русская борьба достигнет известного напряжения. Она должна внести в Русскую землю так долгожданную свободу и порядок.

Только ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО можете это сделать. За ВАМИ — обаяние ВАШЕГО ИМЕНИ во всем русском народе, как в самой России, так и за ее рубежами. У ВАШЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА историческое право сделать это, отдавая тем самым России долг за ее жертвы в 1876–78 и 1914–17 годах.

Делая это, ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО не только отдаете старый Русский долг России, но и создаете снова сильного и мощного союзника для великой Югославии. Имея подле себя Императорскую Россию, ВАМИ освобожденную, с Императором, которому Вы помогли занять законно ему принадлежащий Престол, ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО на многие годы обеспечите мир, благосостояние и процветание Вашему Королевству, ибо никакой враг не посмеет его коснуться.

Состояние в России столь напряженно, что, явись теперь хотя бы небольшая, но строго дисциплинированная, воспитанная, хорошо снаряженная, обмундированная, богато вооруженная всеми современными техническими снарядами армия в России — она, умело руководимая, быстро обрстет восставшими крестьянскими отрядами, заставит красную армию перейти на ее сторону и, победив части ГПУ⁷ и ЧОНа⁸, — освободит Россию.

7 Государственное Политическое Управление — структура в составе карательных органов советской власти.

8 Части Особого назначения — вооруженные отряды, создававшиеся при партийных ячейках в Советской России, а затем в СССР в 1919–1925 гг. в том числе для подавления крестьянских волнений.

ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, дайте возможность Русской молодежи отбывать воинскую повинность и учиться любви к России и военному делу в рядах доблестной ВАШЕЙ Королевской Армии. Устройте среди дивизий Сербской Армии — Русский Корпус, подобный Иностранному Легиону во Франции⁹, Русской Батарее Североамериканских Штатов¹⁰, Русской роте Шанхайской международной полиции... когда-то бывшему в Императорской России — Греческому Легиону¹¹.

Эта Русская часть Сербской Армии присягнет ВАШЕМУ КОРОЛЕВСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Она получит от ВАС старые Русские знамена, по ВАШЕМУ милостивому соизволению хранящиеся в Белграде. Она будет иметь Русских командиров, Русские уставы и команды, но она будет служить ВАМ, Королю, и в случае внешних осложнений она пойдет сражаться за ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО вместе с другими частями Сербской Армии.

Все ее чины, условно — до освобождения России, примут Сербское подданство.

Но когда явится возможность, ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО двинете ее в Россию и дадите ей счастье освободить Родину и ввести в нее ее законного Государя.

Если ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО обратите внимание на мой, идущий к ВАМ из самой глубины изболевшегося по России сердца, вопль — ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, посмотрите прилагаемую к этому письму объяснительную записку, где все это более подробно и ясно изложено, и подумаете, что можно сделать в этом направлении и как Сербский Король может спасти Россию.

Примите уверения в моем совершенном уважении и верной преданности, с коим остаюсь

ВАШЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданный слуга

Петр Краснов

AJ-74. 21/48-4806,55

Машинопись, подлинник, автограф.

9 Военное подразделение французских вооруженных сил, созданное из иностранцев в 1831 г.

10 Подразделение Армии США, созданное в Нью-Йорке в 1929 г. русскими эмигрантами-белогвардейцами. Просуществовало до 1938 г. в составе 244 полка Береговой охраны.

11 Военное соединение греческих добровольцев, принимавшее участие на стороне России в Крымской войне 1854–1956 г.

№ 3

«Объяснительная записка»

к письму П. Н. Краснова на имя короля Югославии Александра
от 12 (25) июля 1930 г.

Положение внутри России к лету 1930 года

В 1930 году пойдет тринадцатый год коммунистического ига в России. Богатая некогда Россия, снабжавшая хлебом и сыром всю Западную Европу, доведена безумною сатанинскою властью до нищеты. Население городов и деревень вымирает от голода. Вера в Единого Истинного Бога подвергается гонениям, неслыханным и в первые века христианства. Молодое поколение, воспитанное в безбожии и непризнании никакой человеческой морали, сознательно развращается. Советское правительство за счет голодного Русского народа ведет пропаганду коммунизма во всем мире, стараясь разрушить культуру и уничтожить веру, стремясь свободных людей обратить в рабов.

Терпение Русского народа истощается. Лето 1930 года представляет нам Россию, объятую крестьянскими восстаниями, убийствами коммунистов и советских чиновников, постоянным сопротивлением советским властям. Особенно сильны восстания там, где восставшие надеются на какую-то помощь из-за границы, ибо вера в мировую совесть и справедливость не покидает Русский Народ. Дальний Восток на всем протяжении от Благовещенска до Владивостока имеет подобие театра военных действий. Закавказье охвачено пожаром мятежа. «Белые» партизаны непрерывно работают в Белоруссии и на Украине. В предвидении возможного крушения советской власти участились побегии советских служащих за границей. Крестьяне толпами переходят границы Латвии, Польши, Персии и Китая, спасаясь от голода и преследования власти.

Положение напряженнейшее, но советская власть справляется с ним. В силу условий деревенской жизни разрозненные крестьянские восстания подавляются с небывалой жестокостью частями ГПУ, войсками особого назначения (ЧОН) и Красной Армией. Целые деревни с женщинами и детьми сметаются артиллерийским огнем и выжигаются дотла. В Закавказье восставшие аулы душили газами и забрасывали бомбами с аэропланов. За вину одного террориста казнят десятки невинных людей и тысячами ссылают в Соловки и Нарымский край на верную смерть. Красная Армия кое-где небольшими частями и поодиночке

переходит на сторону восставших. Нельзя рассчитывать на восстание в Красной Армии. Ее командный состав набран из отбросов населения, вышколенных и вымуштрованных коммунистами, ими обласканных и потому им верных. Красноармейцы — парни 19–20 лет, совершенно не помнящие старой ИМПЕРАТОРСКОЙ России, воспитанные в безбожии и богохульстве — представляют из себя покорное коммунистам стадо, способное на всякую кровавую мерзость.

При необычайно развитом шпионаже, предательстве, доносах, когда сын предает отца и брат доносит на брата, восставшие не могут объединиться. Их действия разрозненны. Они не могут ни организовать, ни вооружиться. Они не могут создать управляющий центр, иметь вождей-руководителей — ибо все это в самом зачатке предается и с невероятной жестокостью уничтожается. А потому стомиллионный народ, поголовно ненавидящий коммунистов, не может свалить миллион негодяев, стоящих у власти и захвативших правительственный аппарат. Борьба внутри России ведет к полному истощению сил Русских патриотов и, в лучшем случае, может закончиться анархией, расчленением России и захватом ее наиболее богатых частей иностранцами: — Белоруссия, Украина и Юг России — Польшей, Крым и Кавказ — Англией, Дальний Восток — Японией. Центр России и теперь уже насыщается немцами. Россия потеряет свое имя, свою силу, свое значение, обратится в *quantité négligeable*¹². Ее историческая роль будет окончена.

В сознании всего этого — взоры Русских патриотов, находящихся в Советской республике, обращаются к эмиграции, и там от эмиграции ждут помощи и спасения. Легенда о том, что где-то в славянских странах существует «белая, Русская армия», которая придет изгонять коммунистов, непрестанно живет в самых глухих уголках России. Этой «белой армии» ждут и на нее надеются. Только ее и боится красная армия. Нет сомнения в том, что, появившись теперь в России хотя бы небольшая, но правильно организованная, отлично одетая, снабженная, хорошо вооруженная, имеющая в обилии все средства современной военной техники, дисциплинированная и хорошо руководимая «белая армия» — она быстро обросла бы восставшими крестьянскими отрядами, не встретила бы большого сопротивления от частей красной армии и, справившись бы с частями ГПУ и ЧОНа, спасла бы Россию от коммунистов, анархии и расчленения.

В России ждут организованной и вооруженной эмиграции.

12 Фр.: нечто, не стоящее внимания, ничтожно малая величина.

Состояние эмиграции к лету 1930 года

За те десять лет, что протекли с тех пор, когда раздались последние выстрелы в Крыму и Русские Армии обратились в толпы беженцев, рассеянных по всему свету, многое изменилось в Русской эмиграции. Той стройной «Кутеповской» армии «Врангелевцев», которой любовались и которой побаивались в Галлиполи и на Лемносе, нет. Вместо нее — Русский Общевоинский Союз, не имеющий ничего общего с военными союзами, как — Stahlhelm — в Германии, Schutzcorps — в Финляндии, Фашио в Италии, — они просто — организованный союз взаимопомощи и поддержания духа.

Старые вожди и генералы — одни умерли, как скончались Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, генералы Врангель, Калитин, Кондзеровский, Артифексов, Иванов, Орлов и многие, многие другие, другие состарились и сошли со сцены, третьи не вынесли тоски по Родине и тяжести жизни в изгнании, изменили Русскому делу и перешли на сторону врага, как генералы Кельчевский, Слащев, Секретев (Александр), Доставалов, Мошкевец и несколько тысяч казаков-«возвращенцев». Наконец — погибли от рук советской власти, как погиб похищенный и, вероятно, уже убитый генерал Кутепов.

Добровольцы-юноши, кому в годы борьбы было 18–25 лет и кто с пафосом молодости сражался в рядах «белых армий», — стали взрослыми, обзавелись семьями и в тяжелой непривычной и часто унижающей работе потеряли понятие воинской чести, забыв воинское ремесло и дисциплину. Стержень белой добровольческой армии, ее основание, полное боевого задора, — обратились в «запасных» со всеми их недостатками.

На смену им выросло новое поколение, не знающее ни военной службы, ни военной дисциплины, не испытывавшее войны, никогда не державшее оружие в руках. Саму Россию они знают лишь понаслышке, по рассказам старших. Воспитанное в иностранных школах, живущее со сверстниками-иностранцами, оно постепенно забывает Россию и Русский язык и становится неспособным на жертвенный для России подвиг. Подогревание их патриотического настроения чтениями, лекциями, «днями Русской культуры», полувоинское их воспитание в сокольских дружинах, бойскаутских отрядах, обучение на курсах военных знаний, где проходится, и притом урывками, только голая теория, — это все паллиатив, не могущий вдохнуть ни Русскую душу, ни создать того белого воина, которого так страстно ожидают в России.

Русские патриоты сознают это. Они ищут возможности изменить эти обстоятельства и вместо баловства — заняться настоящим делом:

— создать за рубежом Русскую Армию и пропустить через ее ряды подрастающее молодое поколение;

— когда внутри — борьба с 3-м интернационалом достигнет известного напряжения, — направить эту Армию в Россию, чтобы она прекратила анархию и внесла в Русскую землю так долгожданные свободу и порядок.

Надежды на Сербию и ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Короля Александра

Взоры Русских патриотов с надеждой и мольбой обращаются к ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, Королю Югославии АЛЕКСАНДРУ.

Русский поэт А. С. Пушкин в бессмертном своем стихотворении «Клеветникам России», написанном по поводу усмирения польского мятежа 1830 года, сказал:

... «Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях, иль верный Росс.

Славянские ль ручьи сольются в Русском море

Оно ль иссякнет, вот вопрос.» ...

Русское море иссякает. Те славянские ручьи, для которых в свое время Россия не жалела ни средств, ни крови своих сынов, — стали сильными и могучими реками.

Не настало ли ныне этим славянским рекам напоить издыхающее Русское море и дать ему воскреснуть?

Сто шестнадцать лет назад Император Всероссийский АЛЕКСАНДР I в Париже успокоил мятущуюся, взбудораженную Наполеоном Европу и даровал ей так долгожданный мир. И народы прозвали его БЛАГОСЛОВЕННЫМ...

Король Югославии тоже носит славное имя АЛЕКСАНДРА, и не Ему ли даст Господь в уделе великое счастье, славу и честь освободить Россию от коммунистов, и вместе с тем даровать миру освобождение от 3-го интернационала? Не с большим ли еще правом тогда Король АЛЕКСАНДР станет в сердцах всех народов БЛАГОСЛОВЕННЫМ?

Повстанческое движение в России не имеет имени, ни вождя — имя Короля АЛЕКСАНДРА, возвращение России ее законного Монарха заставит воспрянуть сердца борющихся и поколебать дух палачей и усмирителей.

В 1876 году, когда Балканский полуостров был объят восстанием против турецкого ига, Русские добровольцы с генералом Черняевым

явились на помощь восставшим, а по всей России собирали пожертвования «добровольцам в Сербии и Болгарии». — Император АЛЕКСАНДР II не задумался объявить войну Турции. Свободная Сербия, Болгария и Румыния — результат его благородного порыва.

Шестнадцать лет тому назад император НИКОЛАЙ II бросил Россию в ужаснейшую из войн ради спасения Сербии от Австро-немецкого ига. Вместо маленькой Сербии — стала великая Югославия, мудро управляемая ее Королем.

Русская эмиграция разбита на множество партий и не имеет Лица, около которого она могла бы объединиться и столкнуться. Король АЛЕКСАНДР может объединить ее своим всеми уважаемым именем, призвать под старые знамена Российской Императорской Армии, хранящиеся по Его милостивому разрешению в Белградской русской церкви, и вернуть к верности Государю, и она вся пойдет за королем, не считаясь с партийными программами.

Русская молодежь не знает, где и как ей учиться любви к Родине и жертвенному ей служению в воинских рядах, — только Сербский Король может дать ей эту возможность. В рядах Сербской Армии она может научиться пламенной любви к Родине и стать прекрасной воинской частью.

Если же даст Господь случай и возможность вооруженной рукою помочь восставшей России освободиться от ига 3-го интернационала — да будет это ЕГО КОРОЛЕВСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ созданная Русская Армия, идущая под своими старыми знаменами Российской Императорской Армии, с ее священными заветами: — «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО» и с именем Императора на устах.

Пусть подобно Императору АЛЕКСАНДРУ I-му Король Югославии АЛЕКСАНДР явится с этой Русской Армией умиротворителем Русского мятежа и создателем великой и сильной России. В ней король получит вечного и верного союзника и помощника Сербского народа. Творя Русское дело — Он вместе с ним сделает и Сербское дело. Он навсегда закрепит за Югославией ее государственное положение в ее границах, какие пожелает, потому что рядом с Югославией всегда рядом будет стоять навеки ей благодарная Императорская Россия.

Александром Великим и Благословенным войдет он в историю славянства.

Русский корпус в Сербской Армии

В Русском Зарубежье существует Общевоинский союз, возглавляемый в настоящее время Генерал-Лейтенантом Миллером. В этом

союзе числятся и вне его находятся несколько десятков тысяч Русской молодежи призывного возраста, рассеянные по всему миру.

Если бы Его Королевское Величество Король АЛЕКСАНДР согласился призвать эту молодежь под Русские знамена в Сербской Армии и создать из нее Русский Корпус, содержимый отчасти так же, как содержатся другие Сербские корпуса (дивизии), отчасти на средства Русской Императорской Казны, хранящейся как в Сербии, так и других государствах, — это явилось бы выходом из того трудного положения, в котором находится Россия и ее эмиграция.

Этот корпус получил бы от ЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Русские знамена, хранящиеся в Белграде. Ведь ныне она присягнула бы ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и служила бы Королю, как служит Франции ее Иностраннный Легион, как в Североамериканских Соединенных Штатах служит Русская батарея, как служит Русская рота в Шанхайской международной полиции... как некогда при Императоре НИКОЛАЕ I в России служил Греческий Легион.

Будем осторожны с цифрами, не будем предрешать величины этого корпуса. Может быть, первые месяцы придется ограничиться отрядом в две, три тысячи человек, первоначально вкрапленных в Сербские части отдельными батальонами, эскадронами, батареями, ротами и дивизионами. Скоро он вырастет в нужную боевую силу — 20–30 тысяч.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО призовет Русскую эмигрантскую молодежь в возрасте от 20–30 лет отбыть воинскую повинность в Русском Корпусе Сербской Армии.

Срок службы — тот же, что и во всей Сербской Армии.

Эта молодежь условно (до освобождения России) должна принять Сербское подданство и принести присягу Королю на верность службы. Эта молодежь отвечает за все свои проступки по всей строгости Сербских военных законов. Она несет воинскую службу во всем наряде с Сербскими частями, отбывает наряды, караулы, смотры, учения, маневры по указанию Сербского высшего командования, в случае внешних осложнений выступает в поход на защиту Сербского государства в составе Сербской Армии, и она сумеет сражаться и умирать за Сербию, как это делали их отцы и деды, сподвижники Императора АЛЕКСАНДРА II, Скобелева, Гурко и Черняева, как это делали их отцы и братья в Великую войну 1914–1918 годов. Это будет Русский Корпус, но это будет Сербская Армия.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО назначит русского генерала командиром этого корпуса, а он наберет, по мере развития корпуса, необходимое число Русских — унтер-офицеров, фельдфебелей, мастеров-

вых, музыкантов, специалистов, офицеров, генералов и чиновников. Все эти лица Королевским приказом будут зачислены на Сербскую службу.

В Русском Корпусе будут Русские строевые уставы, команды и уставы.

В нем должны быть учреждены: ротные школы, полковые учебные команды, школы специалистов, дивизионные школы прапорщиков. Корпусу предоставляется право давать на указанное Королем число вакансий кандидатов в Сербские военные школы.

Этот корпус должен иметь все части, требуемые современной военной техникой: самолетные, танковые, броневые, химические, огнемётные, связи и т.д.

Когда обстоятельства позволят, по приказу Короля этот Корпус пойдет в Россию...

Значение Русского Корпуса

Сам факт существования Русской вооруженной силы за границей — поднимет настроение тех, кто борется в России за ее свободу, и придавит настроение коммунистов.

«Значит, — скажут в России, — есть за границей какая-то Русская воинская сила, на которую можно опереться. Мы не одиноки в этой борьбе».

Этот корпус даст Русской эмигрантской молодежи — настоящее воинское воспитание и образование. Люди, побывавшие в его рядах, будут полезны России при создании на место Красной — Русской Императорской Армии.

Этот корпус, если будет двинут в Россию, — станет ее спасителем и освободителем.

Но даже если бы Россия освободилась другим путем, без его вмешательства, на что нет никаких надежд, — и тогда этот корпус правильно, в христианском духе и вере воспитанный и по последнему слову военной науки обученный, — станет ядром Русской Армии. Он внесет в нее любовь и уважение к создавшему его Сербскому Королю и его Армии.

AJ-74. 21/49-54

Подлинник, машинопись.

Источники и литература

Архив Југославије.

Базанов П. Н. Братство русской правды: самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. 419 с.

Дробязко С. И. и др. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. 352 с.

References

Arhiv Jugoslavije.

Bazanov, P. N. *Bratstvo ruskoj pravdy: samaia zagadochnaia organizatsiia Russkogo Zarubezh'ia*. Moscow: Posev, 2013, 419 s.

Drobiazko, S. I., et al. *Mezhdru Rossieĭ i Stalinym: Rossijskaia ěmigratsiia i Vtoraia mirovaia voĭna*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2004, 352 s.

Igor N. Selivanov
Kursk State University (Kursk)

From the history of the Russian emigration in the interwar period:
The letter of P. N. Krasnov to the Yugoslav King Aleksandar (July, 1930)

This article puts under scrutiny one of the episodes of the activities of the Russian general Petr Nikolaevich Krasnov (1869–1947). His personality still evokes contradictory evaluations even nowadays. Being Monarchist, in 1922 Krasnov puts into words the aim of his life in the future in the following way: to make it happen, that in his historical homeland once again a “Sovereign Crowned Ruler” appears, able to pacify the people and to put the things into order. To reach this goal, Krasnov supposed to use the resources of the White Emigration, among other those on the territory of Yugoslavia.

In summer 1930, Krasnov wrote a letter to the King of Yugoslavia Aleksandar, which he saw as the main candidate to “save” the Orthodox Russia. In the Archive of Yugoslavia the original of this document is kept. This publication represents its full text. In his epistle, Krasnov represents himself as a pronounced Russian patriot. The image of King Aleksandar for him is a reincarnation of the Russian Emperor Nicolas II who died from the hand of the Bolsheviks. Krasnov thought it was high time the Yugoslav sovereign, a Slav by origin, had paid the “debt” off, that his country had before the Russians who fought for Serbia in 1876–1878 and 1914–1917. On the basis of the materials available at the Archive of Yugoslavia, the reaction of Aleksandar to this letter by Krasnov remains unknown.

Keywords: *History of the Russian Emigration, the political thought of the Russian Emigration, antibolshevizm in Western Europe, Petr Krasnov, Aleksandar Karađorđević.*

УДК 9(94).930.253

ББК 63.3(2)6-6

Т. А. Джалилов
Российский государственный архив новейшей истории

(Москва, Россия)

Н. Ю. Пивоваров

Российский государственный архив новейшей истории,

Институт всеобщей истории РАН

(Москва, Россия)

**«Обстановка у них складывается такая,
что на т. Свободу... дают»: советское руководство
и урегулирование взаимоотношений с Чехословакией.
Май 1969 г.**

Публикуемый документ — часть рабочей записи Секретариата ЦК КПСС от 5 мая 1969 г. Рабочие записи такого рода начали вести сотрудники Общего отдела ЦК КПСС с конца 1965 г. В них, в отличие от протоколов, фиксировались выступления секретарей ЦК, что позволяет глубже проанализировать реакции высшего партийного руководства, понять их позиции по политической повестке дня. Особенностью публикуемого документа является то, что Секретариат ЦК не занимался важнейшими внешнеполитическими вопросами. Это была сфера ответственности Политбюро ЦК КПСС. Однако именно на заседании Секретариата ЦК Л. И. Брежнев поставил вопрос о приглашении в Москву Г. Гусака, сменившего в апреле 1969 г. А. Дубчека на посту первого секретаря ЦК компартии Чехословакии. Как следует из документа, Л. И. Брежнев пытался решить этот вопрос на заседании Политбюро, но потерпел неудачу. Однако и на Секретариате ЦК инициатива Л. И. Брежнева по приглашению Г. Гусака не была поддержана. Публикуемый документ не только раскрывает нам новые грани в механизмах принятия решений в ЦК КПСС, роли генерального секретаря в этом процессе, но и отражает острые дискуссии внутри советской власти о будущем мировой социалистической системы.

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01728 «Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х гг.: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства» (на базе Института всеобщей истории РАН).

Ключевые слова: *Пражская весна, августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии, советско-чехословацкие отношения, «нормализация» 1970-х годов в Чехословакии, Л. И. Брежнев, Густав Гусак.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.7.03

Пражская весна стала серьезным испытанием как для советского руководства, так и для мировой социалистической системы. Весной 1969 г. консервативный характер чехословацкой «нормализации» вовсе не был predetermined. Сменивший на посту Первого секретаря ЦК КПЧ (по итогам апрельского Пленума ЦК КПЧ) Александра Дубчека Густав Гусак был выходцем из среды словацких интеллектуалов, позиционировал себя последовательным сторонником «курса XX съезда», к тому же испытывавшим на себе тяжесть сталинских репрессий. Казалось, Гусак выполнит роль «чехословацкого Кадара»: демонстрируя полную лояльность Москве, поведет страну по пути дальнейших социально-экономических реформ. Однако для реализации подобного сценария требовалась безусловная поддержка советского руководства, так как в отличие от Я. Кадара чехословацкий лидер не имел достаточной опоры в партийном аппарате, состоявшем в значительной мере из двух групп влияния, одинаково враждебных Гусаку: потерпевших поражение сторонников Пражской весны (Й. Смрковский, Ч. Цисарж, З. Млынарж) и так и не сумевших взять ситуацию под свой контроль консерваторов (В. Биляк, Й. Ленарт, А. Индра, Д. Кольдер и др.).

Высшее советское политическое руководство внимательно следило за расстановкой сил в ЦК КПЧ, о чем свидетельствует публикуемая ниже рабочая запись Секретариата ЦК КПСС — один из самых закрытых документов аппарата ЦК КПСС. Особенность рабочих записей заключается в том, что, отражая повестку заседаний Секретариата ЦК, они одновременно позволяют нам увидеть гораздо больше «сухих» протоколов, а именно живую реакцию советских руководителей на рассматриваемые вопросы.

На первый взгляд, перед нами «проходной» вопрос о приглашении в СССР лидера «братской компартии». Однако в действительности документ отражает острые споры о будущем мировой системы социализма, коллективном руководстве, пределах личной власти генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Публикуемый документ свидетельствует о том, что генеральный секретарь ЦК КПСС стремился обеспечить необходимую помощь «чехословацкому партнеру». Вопрос о приглашении Гусака в Москву Брежнев первоначально выносит на Политбюро, после чего,

потерпев неудачу, предпринимает «обходной маневр»: стремясь добиться нужного ему решения, задействует вторую по рангу инстанцию ЦК КПСС — Секретариат ЦК КПСС. 5 мая 1969 г. в заседании Секретариата ЦК КПСС участвовало несколько членов Политбюро: наряду с Брежневым — М. А. Суслов, А. П. Кириленко, кандидаты в члены Политбюро П. Н. Демичев и Д. Ф. Устинов. И снова под надуманным предлогом — занятость советского руководства накануне международного Совещания коммунистических партий, запланированного на июнь — предложение Брежнева было отклонено. У «генсека» оказывались связанными руки.

Чем руководствовались секретари ЦК КПСС? Очевидно, вопрос не стоял о прекращении поддержки процесса «нормализации» в Чехословакии. Запланированные визиты в Прагу председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова и министра обороны СССР А. А. Гречко, о чем упоминалось в ходе заседания Секретариата, вскоре состоятся; более того, будет принят целый комплекс мер по экономической помощи Чехословакии, усилятся советское военное присутствие в ЧССР. В то же время «сделать ставку» в ходе нормализации исключительно на Гусака советское партийное руководство не решится. Предпочтение будет отдано одновременной поддержке лояльных Советскому Союзу, но враждующих друг с другом групп в ЦК КПЧ. Подобная политика, с одной стороны, оставляла Москве определенную «свободу маневра», но с другой — резко ограничивала возможности Первого секретаря ЦК КПЧ предпринимать неотложные меры. Принцип советского партийного аппарата *divide et impera* вошел в противоречие с запросами реальной политики, и даже лидеры двух стран (Брежнев и Гусак) оказались не в силах его преодолеть.

Из рабочей записки Секретариата ЦК КПСС от 5 мая 1969 г.

ЗАСЕДАНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС 5 мая 1969 года

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Присутствовали: т.т. Демичев, Капитонов, Катушев, Кириленко, Пономарев, Соломенцев, Суслов, Устинов.

БРЕЖНЕВ сообщает об информации т. Червоненко¹ и беседе с т. Гусаком² по телефону.

1 Червоненко С. В. (1915–2003) — в 1965–1973 гг. — Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Чехословакии.

2 Гусак Густав (1913–1991) — в 1969–1987 гг. Первый (Генеральный) секретарь ЦК КПЧ.

Тов. Червоненко сообщил, что на заседании Президиума ЦК КПЧ т. Гусак дал хорошую информацию о пребывании в СССР и участии делегации в специальной сессии СЭВ³. Он очень тепло отозвался о беседах, которые были проведены с представителями КПСС.

Т.т. Гусак и Свобода⁴ выдвинули вопрос о посещении с официальным визитом партийно-правительственной делегацией Чехословакии Советского Союза. Они имеют в виду сделать эту делегацию очень представительной во главе с т. Свободой. Нам надо обменяться мнениями, как нам быть. У нас очень напряженный майский план. Главное, конечно, подготовка к Совещанию коммунистических партий⁵.

Мы не сможем уделить достаточного внимания столь представительной делегации наших друзей из Чехословакии. Поэтому надо еще раз посоветоваться. Может быть, сейчас принять некоторые дополнительные меры для решения практических вопросов, которые ставили перед нами чехословацкие товарищи, а главные вопросы отнести на встречу с ними, и встречу такую провести после Совещания коммунистических партий.

Нам, очевидно, нужно подумать о вопросе заключения нового договора с Чехословакией. Может быть, следует выехать т. Гречко⁶, побеседовать с руководством Чехословакии, продумать некоторые вопросы о передислокации наших частей, продумать как-то вопрос об оживлении на новой основе этого вопроса. Может быть, следовало бы выехать т. Байбакову⁷, помочь им разобраться в экономических вопросах. Следует также продумать вопрос (поручить это, очевидно, нужно т. Демичеву) о выступлении некоторых наших маршалов Советского Союза в газетах Чехословакии. Статьи эти можно было бы посмотреть в ЦК предварительно.

Завтра приезжает к нам т. Ленарт⁸ с делегацией. Нам нужно хорошо встретить эту делегацию, поработать с ней. Они, когда говорят

3 XXIII (специальная) сессия СЭВ состоялась 23–25 апреля 1969 г. в Москве. В ходе сессии было принято решение о разработке Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ.

4 Свобода Людвик (1895–1979) — президент Чехословакии в 1968–1975 гг.

5 Международное Совещание коммунистических и рабочих партий состоялось в Москве 5–17 июня 1969 г.

6 Министр обороны СССР А. А. Гречко побывал в ЧССР в октябре 1969 г.

7 Председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков посетил ЧССР в конце мая 1969 г.

8 Ленарт Йозеф (1923–2004) — в 1969 г. кандидат в члены Президиума ЦК КПЧ. С 1963 по апрель 1968 г. премьер-министр ЧССР, в 1970–1989 гг. Первый секретарь ЦК КП Словакии.

о приезде партийно-правительственной делегации, указывают, что могли бы ограничиться 3–4 днями, но практически так не получится, да, очевидно, и не все еще вопросы созрели для того, чтобы они могли в беседах с нами и тем более в публичном выступлении поставить, а во время приезда официальной делегации такие выступления должны быть. Они сейчас, конечно, не смогут выступить так, как можно было бы ожидать. Они и сами говорят, что можно было бы организовать выступления в Москве, Ленинграде, Киеве. Словом, в приезде их делегации до пленума ЦК КПЧ есть много положительного, но и отрицательного. Отрицательное, главным образом, состоит в том, что у нас нет достаточного времени для приема такой представительной делегации.

КИРИЛЕНКО. Я бы не менял нашу точку зрения, которая была принята уже на заседании Политбюро, и предложено т. Брежневым принять делегацию Чехословакии после Совещания коммунистических партий. Очевидно, обстановка у них складывается такая, что на т. Свободу, да и на т. Гусака давят. Они хотят искусственно ускорять события, а это не в пользу дела.

Если нужно выехать т. Гречко, пусть выедет. Если нужно выехать т. Байбакову, тоже можно его направить.

Сейчас приезд чехословацкой делегации не нам, да и им, пожалуй, многого не даст. Они нового ничего не могут сказать. А самое главное, конечно, состоит в том, что нам нужно готовиться к международному Совещанию.

Может быть, как промежуточное предложение принять о поездке т. Громыко в связи с приглашением в прошлом году его в Чехословакию. Пусть он и съездит. Может, к нам пусть приедет т. Садовский⁹, скажем.

СУСЛОВ. Большого энтузиазма у всех нас нет в приеме этой делегации. Это значительно утяжелит наш календарь, который без того очень напряженный. Но, может быть, еще раз подумать о встрече с ними. Может быть, что-то и даст эта встреча им до пленума¹⁰.

УСТИНОВ. Может быть, следовало бы спросить предварительно их, что у них за вопросы к нам.

9 Садовский Штефан (1928–1984) — в мае 1969 г. — январе 1970 г. Первый секретарь ЦК КП Словакии.

10 На майском пленуме ЦК КПЧ 1969 г. были намечены меры по дальнейшему «исправлению» положения, а также приняты директивы развития партии в период до XIV съезда.

ПОНОМАРЕВ. Из сообщения видно, что т. Биляк¹¹ очень рьяно жмет на кадровые вопросы, но это, очевидно, правильно в целом. Пусть они сами пока разберутся во всех этих вопросах, и то, что нужно решить на Президиуме или на пленуме, пусть решают, и пусть это не выглядит внешне, что на них как-то давит Москва. А так получится, что они приедут к нам и возвратятся обратно прямо накануне пленума, и это будет выглядеть для всех очень прозрачно, что они приехали из Москвы и привезли директивы для пленума.

БРЕЖНЕВ. Не обидим ли мы их отказом? Это тоже немаловажный вопрос. Они говорят, что встречу хотели бы провести именно перед международным Совещанием, чтобы ответить на все вопросы и как бы упредить постановку чехословацкого вопроса на международном Совещании со стороны некоторых коммунистических партий. Словом, вопрос достаточно деликатный.

ДЕМИЧЕВ. Если они будут настаивать на приезде, не надо отказывать им. Они сейчас находятся на очень ответственном этапе. Они разрабатывают тактику, и им в этот момент нужно, конечно, оказать помощь, вдохновить их. И для т. Свободы это очень важно, потому что вокруг него очень много спекуляций. Это укрепит его положение. Нам нельзя упускать время.

БРЕЖНЕВ. Самое главное, нам не стоит делать какой-либо паузы в наших отношениях. Вот они сами сейчас выдвигают вопрос о заключении договора. Это очень хорошо. Нам надо к этому подготовиться.

СУСЛОВ. Если у них есть убедительные доводы для того, чтобы вести предметные беседы с нами, и это даст пользу, по их мнению, то, может быть, следует их принять на три дня с тем, чтобы в Ленинград выехал с ними т. Подгорный, в Киев — кто-то еще из членов Политбюро (там у нас есть т. Шелест), а т. Брежневу не обязательно ехать по стране с ними.

СОЛОМЕНЦЕВ. Я думаю, что приезд этой делегации нам и им выгоден.

БРЕЖНЕВ. У нас должен быть митинг, если они приедут. Надо готовиться выступить на этом митинге. Это тоже очень серьезный вопрос — как выступить, с чем выступить, как на это посмотрят сейчас другие наши друзья из социалистических стран. Очевидно, надо было бы посоветоваться и с ними.

¹¹ Биляк Васил (1917–2014) — в 1968–1988 гг. член Президиума (Политбюро) ЦК КПЧ.

(Далее тов. Брежнев консультируется по этому вопросу по телефону с т. Подгорным.)

Тов. Подгорный считает, что доводы, которые были приведены на прошлом заседании Политбюро, чтобы отложить приезд чехословацкой делегации на время после Совещания коммунистических партий, он считает правильными и не надо возвращаться к этому вопросу. Надо убедить и т. Гусака, и т. Свободу, что это будет со всех точек зрения полезно и им, и нам.

БРЕЖНЕВ. Есть тут, словом, доводы и за, и против. Может быть, следует заранее обговорить с ними то, чтобы объявить в печати, что они, скажем, во второй половине июня приедут к нам представительной делегацией. И это будет во всем мире воспринято хорошо, тем более, что сейчас т. Подгорный уезжает в Корею, через некоторое время т. Косыгин уезжает в Афганистан. Словом, очень напряженное время.

Наверное, всё-таки нам нужно будет согласиться с тем, чтобы переговорить с товарищами из Чехословакии о том, чтобы они отложили приезд. Если нет возражений, тогда поручить мне переговорить, а потом я вас проинформирую.

Предложение т. Брежнева принимается. [...] ¹²

РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 4. Л. 96–100. Машинопись. чистовой вариант рабочей записки, заверенной заведующим Общим отделом ЦК КПСС К. У. Черненко.

Источники и литература

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 44. Д. 4. Л. 96–101.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii, fond 4, opis' 44, delo 4, listy 96–101.

¹² Вопросы о рассмотрении пятилетнего плана и о приезде Н. Чаушеску в СССР не публикуются (см. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 4. Л. 101).

Teymur A. Dzhililov

Russian State Archive of Modern History (Moscow, Russia)

Nikita. Yu. Pivovarov

Russian State Archive of Modern History

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“There is such a situation that Comrade Svoboda is under pressure”.

The Soviet leadership and the settlement of relations with Czechoslovakia.

May 1969

The published document is a part of the working record of The Secretariat of the CPSU Central Committee on May 5, 1969. The employees of The Common Department of the CPSU Central Committee started writing such working records from the end of 1965. In contrast to the protocols, the working notes include speeches of the secretaries of the Central Committee, that allow to deeper analyze the reactions of the top party leadership, to understand their position regarding the political agenda. The peculiarity of the published document is that the Secretariat of the Central Committee did not deal with the most important foreign policy issues. It was the responsibility of the Politburo. However, it was at a meeting of the Secretariat of the Central Committee when Brezhnev raised the question of inviting G. Husák to Moscow. The latter replaced A. Dubček as the first Secretary of the Communist party of Czechoslovakia in April 1969. As follows from the document, Leonid Brezhnev tried to solve this issue at a meeting of the Politburo, but failed. However, even at the Secretariat of the Central Committee the Leonid Brezhnev's initiative at the invitation of G. Husák was not supported. The published document reveals to us not only new facets in the mechanisms of decision-making in the CPSU Central Committee, the role of the Secretary General in this process, but also reflects the acute discussions within the Soviet government about the future of the world socialist systems.

Keywords: *the Prague Spring, the August intervention of 1968 in Czechoslovakia, Soviet-Czechoslovak relations, the “normalization” of the 1970s in Czechoslovakia, L. I. Brezhnev, Gustáv Husák.*

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)

А. С. Добычина
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**«Болгария после Болгарии»: новая книга о влиянии болгарской
государственности на территории Молдавии и Валахии
(XIV — начало XVIII в.)**

Попов Т. Българското влияние върху държавните институции на Влахия и Молдова (XIV — началото на XVIII в.). — София: Пропелер, 2018. — 178 с.

В рецензии рассмотрена монография болгарского исследователя Т. Попова, в которой исследуется влияние государственных структур средневековой Болгарии на политические институты Молдавии и Валахии в XIV — начале XVIII в.

Ключевые слова: *болгарская, валашская и молдавская дипломатика, титулатура правителей, должностные лица, города.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.8.01

Книга болгарского историка Тервела Попова затрагивает важнейшую и слабо изученную в современной научной литературе проблематику государственных болгаро-валашских взаимовлияний. На протяжении почти всего XX в. сложная этническая ситуация на дунайском приграничье в период Средневековья и постоянная взаимосвязь судеб придунайских территорий и исторических болгарских земель порождали самые разнообразные гипотезы в рамках национально ориентированных румынской и болгарской историографических школ и бурной полемики между ее представителями¹. В результате болгаро-валашские отношения неизменно оставались на периферии интересов болгарской академической науки, чему немало способствовало и отсутствие тесного болгаро-румынского научного сотрудничества. Серьезным «камнем преткновения» на пути к взаимодействию по-прежнему остается доминирующая в румынской медиевистике

1 Подробнее см.: *Daskalov R.* Feud over the Middle Ages: Bulgarian-Romanian Historiographical Debates // *Entangled Histories of the Balkans.* Vol. 3. Leiden, 2015. P. 274–354.

концепция «влахо-болгарского» государства, основанного в конце XII в. «влахами» Асенями², в корне противоречащая устоявшемуся в болгарской историографии тезису о «возобновлении» собственной государственности представителями болгарской знати³.

Работа Т. Попова посвящена более позднему периоду Средневековья, однако отголоски болгаро-румынской полемики о том, кого стоит считать субъектом и объектом политического влияния, находят свое отражение в основной идее книги. Согласно автору, именно средневековое Болгарское царство служило моделью для создания государственных институтов в Дунайских княжествах: завоеванная османами Болгария как «держава духа» продолжала существовать в Молдавии и Валахии, так как обладала широкой автономией и возможностью частично сохранять болгарскую государственную традицию и культуру (с. 161–162).

Несмотря на констатацию османского, венгерского, польского, литовского, русского, сербского и греческого влияния, именно болгарский «след» в молдавском и валашском политических институтах Т. Попов считает наиболее ярким, приводя в качестве обоснования использование в дипломатике Дунайских княжеств болгарского языка или прямых болгарских заимствований и копирование болгарской титулатуры. Таким образом, молдавские и валашские политические образования предстают в роли «Болгарии после Болгарии» (по выражению болгарского историка П. Павлова, перефразировавшего во вступительной статье к книге знаменитую концепцию «Византия после Византии») (с. 9).

Болгарское влияние на политические институты молдавских и валашских земель рассмотрено в двух аспектах: первый связан с сопоставлением владетельских титулов и государственных должностей (с. 27–140), второй — с болгарским «следом» в топонимике Дунайских княжеств (с. 141–160). Отдельная глава посвящена обзору научной литературы по проблематике, значительную часть которого составляет румынская историография, включающая, что особенно ценно, работы последних лет (с. 18–26).

2 Например: *Madgearu A.* The Asanids. The political and military history of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden; Boston, 2017. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; vol. 41).

3 Например: *Николов Г.* Българите и Византийската империя (август — ноември 1185 г.) // Тангра: сборник в чест на 70-годишнината на академик Васил Гюзелев. София, 2006. С. 597–617.

Сопоставляя титулатуру болгарских правителей с молдавскими и валашскими господами на материалах дипломатики, эпиграфики, нумизматики, памятников церковнобогослужбной книжности и приписок к ним и отмечая существенное сходство, Т. Попов обращает внимание читателя на основное различие в формулах титулования. По утверждению автора, в то время как, за немногими исключениями, титулатура болгарских царей подчеркивает владение конкретным населением, народами, для молдавских и валашских господарей важность представляет владение страной (с. 33). Эта особенность, наряду с встречающейся во многих молдавских и валашских грамотах формулой «по Божьей милости» — буквальной калькой латинского «*Dei gratia*», — дает основание заключить, что речь идет о восприятии данной формулы либо напрямую из Венгрии, Польши или Литвы, либо опосредованно — через южнославянские земли (с. 30–31).

Признаки сильного болгарского влияния Т. Попов видит в употреблении молдавскими и валашскими господами титулов «великий господин/господарь» (равноценного, по мнению автора, титулу «великого царя», употребляемому правителями Второго Болгарского царства) и эпитетов «великий», «самодержавный», «благочестивый», «христолюбивый», что является своего рода «калькой» с болгарских именовании (в свою очередь, воспринятых болгарскими правителями из Византии) (с. 27, 34–46, 52–64). Любопытной представляется и помещенная в той же главе книги гипотеза автора, возводящая традиционное для молдавских и валашских господарей имя «Иоанн» в своего рода «титул», происхождение которого может быть связано с необходимостью легитимации власти первых господарей Дунайских княжеств путем апелляции к двум самым знаковым правителям Второго Болгарского царства — царю Калояну и Ивану Асеню II (с. 46–52).

Отдельная глава книги посвящена анализу болгарского влияния на структуру государственного аппарата Дунайских княжеств: боярский совет, канцелярию правителя и двор (с. 65–140). Особого внимания заслуживает разнообразие привлекаемых автором источников, включая средства изобразительного искусства (фрески средневековых болгарских храмов), с помощью которых он даже предпринимает попытку реконструировать внешний вид членов боярских советов Дунайских княжеств, сопоставляя болгарский материал со сведениями молдавских и валашских письменных памятников (с. 72–80).

В последней главе книги рассмотрено болгарское влияние на городские центры Дунайских княжеств, что выражено не только в топо-

нимике, но и восприятию религиозно-политической практики Второго Болгарского царства (с. 141–160). Так, автор приводит предание относительно города Крайова, согласно которому его основателями были не кто иные, как знаменитые братья Асени, первым делом воздвигнувшие в нем храм в честь великомученика Димитрия Солунского (с. 150–153). Не менее характерным примером можно считать и перенесение в XVII в. из Константинополя в молдавскую столицу Яссы мощей св. Петки-Параскевы, некогда известной как покровительница средневековой столицы Болгарии Тырново (с. 156–160).

В целом работа Т. Попова отличается новизной, стоит отметить и добросовестность историка по отношению к подбору источников и литературы. В то же время размытая структура глав и не всегда доведенная до логического завершения доказательность выводов делают основную концепцию исследования уязвимой. В частности, последняя глава книги о болгарском влиянии на формирование городских центров Дунайских княжеств носит полностью обособленный от остального повествования характер и кажется лишь опосредованно связанной с другими разделами монографии, претендуя на роль самостоятельного исследования. Однако, несмотря на все указанные нюансы, книга Т. Попова представляет несомненный интерес для специалистов и может послужить серьезной базой для дальнейших сопоставительных и более углубленных исследований данной проблематики.

Источники и литература

Николов Г. Българите и Византийската империя (август — ноември 1185 г.) // Тангра: сборник в чест на 70-годишнината на академик Васил Гюзелев / под ред. на Г. Николов, М. Каймакамова и др. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2006. С. 597–617.

Попов Т. Българското влияние върху държавните институции на Влахия и Молдова (XIV — началото на XVIII в.). София: Пропелер, 2018. 178 с.

Daskalov R. Feud over the Middle Ages: Bulgarian-Romanian Historiographical Debates // Entangled Histories of the Balkans / ed. by Z. Milutinović. Leiden: Brill, 2015. Vol. 3. P. 274–354.

Madgearu A. The Asanids. The political and military history of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden, Boston: Brill, 2017. 358 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; vol. 41).

References

Nikolov, G. “Bŭlgarite i Vizantiïskata imperiia (avgust — noemvri 1185 g.)” *Tangra: sbornik v chest na 70-godishninata na akademik Vasil Giuzelev*, pod red. na G. Nikolov, M. Kaïmakamova i dr., Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 2006, s. 597–617.

Popov, T. *Bŭlgarskoto vliianie vŭrkhu dŭrzhavnite institutsii na Vlakhiia i Moldova (XIV — nachaloto na XVIII v.)*. Sofia: Propeler, 2018, 178 s.

Daskalov, R. “Feud over the Middle Ages: Bulgarian-Romanian Historiographical Debates.” *Entangled Histories of the Balkans*, ed. by Z. Milutinović, vol. 3, Leiden: Brill, 2015, p. 274–354.

Madgearu, A. *The Asanids. The political and military history of the Second Bulgarian Empire (1185–1280)*. Leiden, Boston: Brill, 2017, East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450, vol. 41, 358 p.

Anastasia S. Dobychina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

«Bulgarie après Bulgarie»: A new book about the influence
of Bulgarian statehood on the Moldavian and Wallachian Lands
(14th — beginning of the 18th c.)

This is a review of the book of the Bulgarian historian T. Popov, in which the researcher explores the influence of Medieval Bulgarian political structures on Moldavian and Wallachian governmental institutions in the 14th–18th centuries.

Keywords: *Bulgarian, Moldavian and Wallachian diplomatics, Bulgarian, Moldavian and Wallachian titles of noblemen and rulers, officials of Moldavia and Wallachia, Moldavian and Wallachian towns.*

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(29=)

Ю. А. Борисёнок
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Белорусские земли в составе Российской империи (1772–1917): поиск новых научных подходов

Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. У. Унучак [і інш.]; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Беларуская навука, 2018. — 573 с.

В рецензии анализируются и обобщаются характерные для белорусской исторической науки 2010-х гг. попытки оформления новых научных концепций в отношении непростого периода пребывания белорусских земель в составе Российской империи (1772–1917). Представляют значительный интерес усилия современных белорусских историков по осмыслению особенностей государственного управления в белорусско-литовских губерниях, мероприятий властей по решению польского вопроса на различных этапах его развития, а также генезиса белорусского национального движения и динамики политической активности в регионе.

Ключевые слова: *имперская политика, белорусско-литовские земли, социально-политические процессы, белорусская историография, Институт истории НАН Беларуси.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.8.02

В 2018 г. Институтом истории НАН Беларуси был опубликован объемный обобщающий труд, посвященный общественно-политической жизни на белорусских землях 1772–1917 гг. и написанный усилиями представительного авторского коллектива из 17 белорусских историков. Монография продолжает традиции современного этапа развития белорусской исторической науки, рельефно обозначившиеся уже в 2010-е гг. и предполагающие интенсивный поиск новых исследовательских решений как для традиционного проблемного ряда, так и для сравнительно новых вопросов, возникающих при более детальной разработке особенностей социальной адаптации и политических ориентаций длительного, без малого 150-летнего периода пребывания

белорусских территорий в составе Российской империи, начавшегося в 1772 г. при Екатерине II с первого раздела Речи Посполитой.

Как представляется, новейшее обобщающее исследование уже на этапе замысла было призвано пойти дальше оценок, сформулированных в 2011 г. в первом томе подготовленного там же, в Институте истории НАН Беларуси, масштабного исследования по истории белорусской государственности¹. Как отмечает автор введения и заключения к книге А. В. Унучек, «на новом этапе развития исторической науки целесообразно вновь обратиться к анализу обозначенных проблем, используя новые методологические подходы, новые источники, переосмысливая реальный когнитивный потенциал уже известных, наполняя политические события звучанием с иной тональностью и свежей интерпретацией. Например, в контексте историко-антропологического подхода придать политическим реалиям так называемый «очеловеченный образ» через показ отношений, мотиваций общественно-политической активности либо пассивности населения белорусско-литовских губерний. Тем самым нарушить традиционную схему восприятия событий в регионе только как цепную реакцию и копию того, что происходило в центрах (Петербург, Вильно, Варшава), поднимая на поверхность специфику региональной политической жизни» (с. 60).

Знакомство с монографией несомненно убеждает в том, что реально наступил действительно новый этап развития исторических исследований в Республике Беларусь, на котором уже не только отцеплен вагон квазимарксистских штампов, но и невозможны работы, зримо отличавшие десятилетие 2000-х гг., примером чему служат разгромные по адресу самых разных точек зрения «Очерки новейшей историографии Беларуси» яркого представителя предыдущего поколения белорусских историков П. Т. Петрикова (1927–2007)². Перехлест эмоций сменился поиском новых научных подходов к имперскому периоду белорусской истории, что ощущается с первых страниц книги.

Уже во введении логично и одновременно сдержанно артикулируются заявленные новые подходы: «История Беларуси в период нахождения в составе Российской империи имеет два главных измерения: первое — политика российских властей относительно белорусско-литовских земель; второе — реакция общества этих земель на полити-

1 Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. Кн. 1 / А. А. Каваленя (і інш.). Мінск, 2011.

2 *Петриков П. Т.* Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов). Минск, 2007.

ку Российской империи. Главной целью российского правительства, которую оно стремилось достичь в своей политике, являлась интеграция белорусско-литовских губерний в общеимперский организм. Цель общества присоединенных земель была противоположной — сохранить свою самобытность, с тем чтобы в соответственный момент восстановить утраченное государство» (с. 3).

Целью исследования называется «системный анализ истории Беларуси конца XVIII — начала XX вв.» с акцентом на «вызревание условий для белорусской государственности», существенной новацией для белорусской историографии представляется и то, что «значительное внимание уделено анализу деятельности институтов самодержавия всех рангов, их идеологии и практической политике» (с. 4).

По-новому строится и хронология рассматриваемой обширной эпохи. 145 лет, на наш взгляд, логично разделены на три периода с выделением основного содержания: «1) конец XVIII в. — 1831 г. (период конфронтации между “старым” и “новым” строем жизни с преобладанием элементов общественного строя бывшей Речи Посполитой); 2) 1831 г. — начало революции 1905 г. (переходный период, который характеризовался стремлением правительства Российской империи к полной общественно-политической унификации белорусско-литовских земель с российскими); 3) 1905–1917 гг. (период преобладания элементов российской политической системы во внутренней жизни этих земель, а вместе с тем кризиса имперской идеи, консолидации национальных движений, вызревания идеи белорусской государственности)» (с. 5).

Авторы изначально ориентированы на строгую корректность формулировок. Вот один такой очень важный акцент: чтобы не поднимать вопрос о белорусском/литовском/польском Вильно применительно к исследуемой эпохе, употребляется термин «белорусско-литовские земли», объяснение его таково: «По-разному называлась и современная территория Республики Беларусь. На основе географического (а не этнического) критерия Витебская и Могилевская губернии назывались *белорусскими*, Минская (до второй половины XIX в.), Гродненская, Виленская (значительная часть которой входит в состав Республики Беларусь) — *литовскими*» (с. 5).

Принципиально отказываясь от акцентации на боевые действия во время войн и восстаний, коллектив авторов нацелен на анализ динамики настроения умов: «Весьма интересной является эволюция целей, что ставили перед собой различные поколения местной элиты. Если в первой половине XIX в. альфой и омегой было достижение политической независимости от России земель бывшей Речи Посполитой в границах

до 1772 г., то во второй половине XIX в., и особенно в начале XX в., политическое обособление от Российской империи уже рассматривалось как средство, при помощи которого должно состояться национально-культурное возрождение белорусского народа» (с. 4).

Обозначенные во введении масштабные задачи реализовываются на пространстве шести глав монографии. При этом даже первая из них, адресно посвященная историографии и источникам (с. 6–73), содержит и ряд любопытных концептуальных установок. В частности, утверждается, что в плане политики имперской унификации «комплексность и последовательность мероприятий на территории белорусско-литовского региона начали наблюдаться только во второй половине XIX в.» (с. 8). Представляется, что это весьма дискуссионная точка зрения; еще в 2000 г. А. И. Миллер в своей известной монографии об украинском вопросе в Российской империи убедительно доказал, что ни комплексности, ни последовательности в политике имперского центра по отношению к не менее опасным для стабильности монархической государственности XIX — начала XX в. проблемам фактически не просматривалось никогда³.

Известным исключением для белорусской ситуации были ситуативные (наследие восстания 1830–1831 гг.), но действительно комплексные и последовательные мероприятия властей по ликвидации унии, поддержанные верхушкой униатского духовенства и увенчавшиеся решениями Полоцкого собора 12 февраля 1839 г. В монографии эта тема излагается отдельно в 6-м параграфе гл. 3 (с. 285–301), и представленный там подход отличается уже упомянутой выше строгой корректностью. В частности, убедительно развенчивается популярный в польской эмиграции 1840-х гг. миф о преследованиях униатов со ссылкой на дело Макрены Мечиславской, которая летом 1848 оказалась в Познани, а в сентябре в Париже, — справедливо указано на отсутствие такой монашки в списках базилианок за 1836 г. (с. 299–300).

Итоговый вывод автора этого параграфа Е. Н. Филатовой также предельно логичен: «Полоцкий собор 1839 г. явился итогом политики правительства Российской империи. Основной удар этой политики пришелся на духовенство. Что касается верующих, то волнений с их стороны было зафиксировано немного, и притом происходили они при подстрекании прихожан духовенством. Для практически не-

3 Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

грамотного крепостного крестьянства все тонкости отличий между основными конфессиями территории оставались малоизвестными либо вовсе неизвестными. Для исполнения святых таинств и обрядов у них долгое время оставался всё тот же храм, тот же священник и те же молитвы» (с. 301).

Заметим, что значение мероприятий по ликвидации унии воспринималось верховной властью значительно шире чисто конфессионального аспекта. В этом плане чрезвычайно характерно личное письмо Николая I наследнику престола цесаревичу Александру Николаевичу от 26 февраля — 3 марта 1839 г., в котором император говорил о решениях Полоцкого собора патетическим тоном: «Считаю, что в последнем столетии вряд ли было что важнее для нашей матушки-России!»⁴ То есть непротестное в своей основе решение вопроса о переходе в православие восточнославянского крестьянства с «польского пограничья» империи было для императора значительнее итогов предоставивших империи обладание теми же крестьянами разделов Речи Посполитой и крупнее результатов русско-турецких войн и выше победы над Наполеоном.

Представляется, что на том, собственно, власти успокоились и в продолжение 75 лет после Полоцкого собора не предпринимали ни комплексных, ни системных мероприятий в отношении сельского белорусского населения. На ликвидации унии фактически закончилась и реальная русификация широких масс белорусов, при этом нужно учитывать, что и сам Полоцкий собор — это явление из разряда консервативной модернизации — «тот же храм» и т.д. Именно отсутствие масштабных мероприятий и тем более финансовых вложений по части «обрусения» белорусского аграрного пространства и позволило к 1880-м гг. появиться собственно белорусским проектам будущей государственности и развиваться на базе интеллигентов в первом поколении с сельскими корнями белорусскому общественному движению различных направлений вплоть до «Нашей нивы» и братьев Луцкевичей. На наш взгляд, в будущих работах историков на темы белорусского XIX в. необходимо разобраться не только в том, что удалось сделать в своей политике имперским властям (в монографии много важных подробностей на этот счет), но и в том, что самодержавие не осуществило, обозначив соответствующие намерения или вообще от них воздержавшись.

4 Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008. С. 336.

Анализ изложения гл. 2–6, составляющих основу работы, показывает, что изначально заявленный «системный анализ» проведен лишь на ряде действительно важных, узловых и редко попадавших в фокус предшествующих исследований белорусской историографии проблем «большого XIX века» на этих землях. Весьма характерно стремление исследователей идти своим путем, опираясь в написании текстов преимущественно на источники. В итоге, например, при обращении к польским сюжетам белорусской истории ни в разделе историографии, ни в основных главах монографии мы не встретим системообразующих работ, среди которых книги С. Кеневича, Е. Борейши, А. Новака, О. Латышонка, А. Хвальбы, Е. Зрады, В. А. Дьякова, И. С. Миллера, С. М. Фалькович и мн. др., а также крайне существенно изменивших российскую историографию польского XIX в. обобщающих работ Института славяноведения РАН, увидевшие свет в 2010 и 2016 гг.⁵ В данном исследовании мы, таким образом, встречаем не так уж и редкое ныне явление, когда поиск новых подходов в исторической науке сопровождается умалчиванием о подходах прежних, вплоть до вежливой забывчивости об их устарелости либо хотя бы частичной пригодности.

Сами же упомянутые узловые проблемы в большинстве своем отражены в работе ярко и по-исследовательски свежо. Остановимся подробнее на одной из них. Так, в гл. 2 (с. 74–184), посвященной государственно-правовому статусу белорусско-литовских земель, в 4-м параграфе (авторы Т. В. Гришкевич, А. П. Житко, С. А. Толмачева) подробно прослеживается причинно-следственная основа решений властей в Петербурге, осознанно затормозивших введение земства в белорусских губерниях вплоть до 1911 г. Политика в отношении одной из важнейших реформ Александра II, способной непосредственно повлиять на личные судьбы и вектор развития многомиллионного белорусского крестьянства, не менялась в течение более 40 лет, несмотря на обсуждения этого вопроса во властных коридорах. Очень уместно в этой связи мнение комитета министров, сформулированное уже в марте революционного 1905 г.: «Основная цель нашей политики в девяти западных губерниях должна оставаться неизменной и исходить из укрепления русского преимущества и ослабления здесь польского влияния» (с. 158). Под русским преимуществом имеется в

5 Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010; Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2016.

виду не преимущество этнических великороссов, а преимущество православное на основе триединства; весьма характерно, что у сменивших самодержавие большевиков та же цель, только очищенная от конфессиональной окраски и выкрашенная в цвета «коммунистической веры», прослеживается уже в 1920-е гг. при проведении политики белорусизации и украинизации.

Авторы параграфа весьма точно указывают, что решающим аргументом для невведения земств на белорусских землях было мнение М. Н. Муравьева, четко сформулированное еще в 1864 г., году окончания второго в XIX в. крупного восстания с участием местных шляхетских элит: «“Общее выборное начало, положенное в основание земских учреждений, поставило бы все хозяйственное управление в зависимость от враждебного нам, большей частью, дворянства, мелкой шляхты и городского сословия польского происхождения и римско-католического вероисповедания и тем самым подчинило бы и крестьянское сословие их влиянию, которым поляки [...] не преминули бы воспользоваться ко вреду нашему”. Именно поэтому Муравьев считал нецелесообразным в это время проводить земскую реформу в губерниях края, с чем согласился и Государственный совет» (с. 175–176).

В последующие почти полвека в политике самодержавия на белорусских землях усматривается почти что марксистский, экономический мотив. Властями руководил именно «инстинкт счетовода», когда они избрали вариант консервативной модернизации с вынужденной по причине отсутствия земских школ как более эффективного по сравнению с школами церковно-приходскими русификационного инструмента имитацией русификации в сфере образования. В «толщу народную» на белорусских землях Минской, Витебской и Могилевской губерний русский язык попадал вплоть до 1911 г. избирательно, в то время как за полвека (1861–1911) формат народолюбия в отношении белорусского крестьянина сменился, теперь преобладают уже не местные хлопоманы типа А. Г. Киркора, Е. Тышкевича, В. Дунина-Марцинкевича и их радикальное крыло, представленное К. Калиновским и др. повстанцами 1863–1864 гг., а благонамеренные и, что очень нравится самодержавию, антипольски настроенные этнографы, краеведы и родоначальники белорусской литературы на кириллице, их уже не утопишь «в ложке воды», хотя Янка Купала в полемике с крайне правыми в начале 1910-х гг. именно этого и опасался.

В результате вплоть до 1914 г. ментальная основа белорусского народного самосознания имперской политикой во всех ее областях была

затронута избирательно, нечасто, триединство великороссов, малороссов и белорусов воспринималось как естественный процесс. Отсутствие в течение полувека, начиная с 1864 г., конкуренции с польской триадой (со знаменами Белого орла, Погони и Михаила Архангела) не влекло за собой осознания властями необходимости дальнейших унификационных мероприятий. Сэкономив на земских структурах, имперские администраторы не испытывают на белорусских землях даже те сомнения, которые, как показал А. И. Миллер в упомянутой монографии 2000 г. по украинскому вопросу, приходилось испытывать, наблюдая полемику украинофилов с москвофилами.

В книге отчетливо представлены и явственно обозначившиеся для сельского общества белорусов вызовы, связанные со введением с 1911 г. земств в Минской, Витебской и Могилевской губерниях. Это и явный отход от прокрестьянского курса Муравьева 1864 г., когда отныне «правительство не отказывалось и от опоры на землевладельцев римско-католического вероисповедания и обеспечило им достаточно высокое представительство в земствах, а в “польской” курии — полное превосходство над крестьянами» (с. 180).

Не менее тревожной для устоявшихся традиций была ускоренная динамика развития земской системы народного просвещения. «В 1914 г. в Минской губернии было 1753 школы, в которых обучалось 100,4 тысячи человек. На 100 жителей губернии (без городов) приходилось 4,5 ученика, а в 1911 г. — только 2,94. Минское губернское земство планировало расширить сеть школ, поэтому оно уделяло большое внимание подготовке педагогических кадров для них. Оно ходатайствовало перед Министерством народного просвещения об открытии учительских семинарий в Бобруйске, Борисове, Пинске, а также в Минске — сельскохозяйственного института. В 1914 г. в Минске по инициативе земства был открыт учительский институт» (с. 182).

Скорый эффект от подобных преобразований сказался бы уже в ближайшей перспективе, если бы не катаклизмы, связанные с Первой мировой войной, а затем и с революционными событиями 1917 и последующих лет. В этой связи очень важен грамотный вывод, завершающий гл. 2: «Обычно реформы в крае проводились со значительным опозданием и в урезанном виде в сравнении с внутривосточными губерниями» (с. 184). Добавим, что это именно тот случай, когда от отсутствия и нединамичности реформ традиционное общество белорусов только выиграло, а темнота без особой иронии оказалась на перспективу другом белорусской молодежи в ситуации, когда имперская унификация во многом осталась лишь на бумаге.

В этом плане любопытны содержащиеся в монографии наблюдения над польской политикой Российской империи начиная с 1772 г. В гл. 3 (с. 185–344), к примеру, прямо не говорится о политике культурной полонизации Александра I, которая однозначно и достаточно глубоко проводилась в среде образованного общества белорусско-литовских земель. М. А. Соколова в анализе ситуации 1815–1830 гг. отмечает следующее: «Польский язык в определенной степени господствовал в общественной, образовательной и даже административной сферах, особенно в той части белорусско-литовских земель, где существовала развитая сеть учебных заведений. Так, в первой трети XIX в. в северо-западных губерниях было напечатано 16 книг на русском языке, что составляло 2% от общего числа изданий» (с. 245).

На этом фоне ценной представляется намеченная совместными усилиями авторов книги линия, позволяющая в известной степени абстрагироваться при изложении событий эпохи от польских по своей сути оппозиционных течений. Отказ от приоритетного взгляда на эпоху сквозь концепцию революционного демократизма при отрицании напроць этой опции в теории способен привести примерно к тем же результатам, что и характерная для советского времени точка зрения о «проклятом царизме» как не подлежащей более пристальному изучению проблеме. Но на практике весьма перспективным в исследовательском плане представляется вывод М. А. Соколовой со ссылкой на польскую исследовательницу А. Барщевскую-Крупку о том, что организации заговорщиков, отмеченные «политическим иррационализмом», неопределенными, хаотическими представлениями, существенно не влияли на политическую ситуацию на белорусских землях (с. 249–250).

Для дальнейших исследований «большого белорусского XIX столетия» в этой связи очень важны отсутствующие ныне исследования механизмов деполонизации в регионе в период 1830-х — 1870-х гг., в том числе роль в этом процессе двух крупных шляхетских восстаний, направленных против Российской империи. Как представляется, побочным продуктом именно состоявшейся и укоренившейся в образованных слоях не только православной, но и католической элиты края к началу 1880-х гг. в значительной степени объясняется и появление именно в это время (1883–1884 г., идейная линия круга нелегального издания «Гомон»), первых проектов белорусской государственности на федеративной основе. В историографическом разделе монографии справедливо указывается, что деятель белорусского национального

движения А. И. Луцкевич еще в межвоенные годы включал в этот круг и народовольца И. Гриневицкого, одну из главных фигур покушения на Александра II в марте 1881 г.: «В лице Гриневицкого мы имеем настоящего творца белорусского самостоятельно-федералистического направления, идеологию которого формулировал после его смерти “Томон”». Луцкевич подметил и отличие этих «новых людей» от прежних поколений радикально настроенных деятелей: «...у них есть уже вера в национальное возрождение белорусов — вера, которой не имел еще ни Чечот, ни, кажется, Калиновский» (с. 56).

Примеры присутствия в коллективной монографии Института истории НАН Беларуси действительно новых подходов к изучению непростого и противоречивого периода в истории белорусских земель можно предметно продолжать и далее, но и краткий обзор узловых моментов содержания книги однозначно указывает на то, что в белорусской историографии наметились весьма позитивные процессы по осмыслению истории «большого XIX века», способные привести к дальнейшему углублению и интенсификации этих направлений научного поиска.

Источники и литература

Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. Кн. 1 / А. А. Каваленя (і інш.). Мінск, 2011. 583 с.

Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772—1917 гг. / А. У. Унучак [і інш.]; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск: Беларуская навука, 2018. 573 с.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 776 с.

Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М.: РОССПЭН, 2008. 744 с.

Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов). Минск: Белорусская наука, 2007. 292 с.

Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. 583 с.

References

- Kavalenia, A. A., et al. *Historyia belaruskaj dziarzhaŭnastsi ŭ kantsy XVIII — pachatku XXI st.*, kn. 1. Minsk, 2011, 583 s.
- Mezh dvukh vosstaniĭ. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Otv. red. S. M. Fal'kovich, Moscow: Indrik, 2016, 776 s.
- Miller, A. I. *'Ukrainskiiĭ vopros' v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraia polovina XIX v.)*. Saint Petersburg: Aleteĭia, 2000, 260 s.
- Perepiska tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1838–1839*. Moscow: ROSSPĖN, 2008, 744 s.
- Petrikov, P. T. *Ocherki novešheĭ istoriografii Belarusi (1990-e — nachalo 2000-kh godov)*. Minsk: Belorusskaia nauka, 2007, 292 s.
- Pol'sha i Rossiia v pervoiĭ treti XIX v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830*. Otv. red. S. M. Fal'kovich, Moscow: Indrik, 2010, 583 s.
- Unuchak, A. U., et al. *Hramadska-palitychnae zhytstsiu ŭ Belarusi, 1772–1917 hh..* Ed. V. V. Danilovich [et al.], Nats. akad. navuk Belarusi, Insitut historyi, Minsk: Belaruskaja nauka, 2018, 573 s.

Yuriy A. Borisyonok

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The Belarusian territories in Russian Empire (1772–1917):
in search of new academic approaches

This review analyzes and generalizes the attempts to shape new academic conceptions specific for the Belarusian studies of history in the 2010s that take into consideration the non-unproblematic period when the Belarusian territories were absorbed by Russian Empire (1772–1917). Contemporary Belarusian historians make significant and very interesting efforts to reflect upon the specifics of state management in Belarusian and Lithuanian governorates, the events that the authorities organized to solve the Polish question on different stages, as well as the genesis of the Belarusian national movement and the dynamics of the political activity in the region.

Keywords: *imperial politics, Belarusian and Lithuanian territories, socio-political processes, Belarusian studies in history, the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus.*

Новые учебные пособия по русинскому языку

Magocsi P. R. Let's speak Lemko Rusyn. Бесідуйме по лемківскы. — New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2018. — 115 p.; Magocsi P. R. Let's speak Rusyn. Бесідуйме по русиньскы. — New York and Prešov: Carpatho-Rusyn Research Center; Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic, 2015. — 115 p.; Magocsi P. R. Let's speak Rusyn. Говорьме по русиньскы. — New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2017. — 115 p.

П. Р. Магочи является составителем новых разговорников трех вариантов русинского языка: закарпатского, лемковского и словацкого русинского. В книгах, предназначенных для англоговорящих пользователей, представлены основные темы для повседневного общения, в конце дается небольшой словарь и грамматический очерк.

Ключевые слова: *русинский язык, разговорник, норма, Карпаты.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.8.03

Книги Пола Роберта Магочи (Paul Robert Magocsi), профессора университета Торонто (Канада), посвящены основному направлению его научной деятельности — русинистике. Речь идет о разговорниках нескольких вариантов русинского языка: закарпатско-русинского¹, распространенного на Украине, вариантов русинского языка в Словакии² и лемковского русинского на территории Польши³. Все три книги составлены по единому образцу, имеют одинаковое тематическое наполнение. Кроме того, существует книга о четвертом варианте русинского языка — бачванском русинском языке на Балканах, изданная в 1987 г.,

1 *Magocsi P. R. Let's speak Rusyn. Говорьме по русиньскы. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2017. 115 p.*

2 *Magocsi P. R. Let's speak Rusyn. Бесідуйме по русиньскы. New York and Prešov: Carpatho-Rusyn Research Center; Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic, 2015. 115 p.*

3 *Magocsi P. R. Let's speak Lemko Rusyn. Бесідуйме по лемківскы. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2018. 115 p.*

однако она не является здесь предметом рассмотрения. Сам автор в предисловии ко всем трем изданиям говорит, что они предназначены для англоговорящих пользователей, которые хотят изучить язык своих предков и узнать больше о Карпатской Руси. Каждая книга состоит из 26 глав, 23 главы посвящены основным аспектам повседневной коммуникации (напр., погода (глава VI), в городе (глава XIV), школа и обучение (глава XVII), путешествия (глава XXI), здоровье (глава XXII) и т.д.). В заключительных главах приводятся грамматические сведения по склонению существительных, прилагательных, местоимений, спряжению глаголов, даны наиболее употребительные слова, предлоги с управлением, а также (что, несомненно, является достоинством) карты распространения данных идиомов (во всех изданиях с. 114–115).

Данные книги не являются первым изданием, все они выходили в свет раньше, о чем сообщает автор в предисловии: разговорник для словацкого варианта русинского языка появился впервые в 1976 г., для закарпатского варианта — в 1977 и для лемковского — в 2007 году. Рассматриваемые книги П. Р. Магочи дополнил, включив в них новую лингвистическую, политическую лексику и слова для обозначения технологических новинок. Появилась также новая глава о природных явлениях (во всех изданиях — глава XIX Nature — plants and animals).

Что касается выбора кодификационной нормы для каждого из обсуждаемых вариантов русинского языка, то автор сообщает следующие сведения. Разговорник лемковского русинского базируется на грамматике 2000 г. (к сожалению, ссылка на грамматику отсутствует, не указано также — какой диалект был взят за основу кодификации), лемковскую часть редактировали научные сотрудники Ягеллонского университета (Краков). Первое издание разговорника русинского языка в Словакии основывалось на говоре одного села (Vyšná Jablonka), тогда как в рецензируемом пособии был выбран вариант, принятый в Словакии в 2005 году (также не дана ссылка на издание). В соответствии с этим были внесены изменения в предыдущее пособие, в чем автору помогли сотрудники Прешовского университета (Словакия). Разговорник закарпатского варианта русинского языка, также, как и первое издание разговорника словацкого варианта, ранее базировался на говоре одного села (Підгірне, бывшее Волоське). Данное издание рецензировали научные сотрудники Джорджтаунского университета (США). В новой версии в качестве нормы был выбран учебник Надии Печоры для воскресных школ (следует также выразить сожаление, что и здесь не были приведены библиографические данные этого издания). Известно, что диалекты на территории Закарпатской области чрезвычайно разнообразны, фонетические процессы в них про-

текали по-разному, кроме того, много и лексических различий. Однако для закарпатского русинского языка дается только один вариант из ряда возможных. Например, *cat (male)* — *мацур*, *cat (female)* — *мачка*⁴, тогда как в Лингвистическом атласе украинских говоров Закарпатской области УССР приводится следующее ареальное распределение для данных лексем: на западе области распространено слово *коцур*, *мацур* — в центре, *кіт*, *кут*, *кїт*, *к'їт* — на востоке (Марамарош)⁵; *кітка*, *к'їтка*, *кутка* — известно также на востоке, тогда как *мачка* и *машка* — на западе и в центре⁶. Кроме того, в с. Синевир отмечено *кіт*, *мачка*⁷. Вопросительное местоимение приводится в форме *што*⁸, тогда как в говоре с. Синевир зафиксировано *шчо*⁹, а по данным лингвистического атласа наблюдается следующее распределение: форма *што* используется в центре и на западе области, *шчо* — на востоке (причем в Потисье эти формы конкурентные), *шо* — на востоке, а *ш'о* — на северо-западе¹⁰. В условном наклонении дается только вспомогательная частица *бы* (*я бы робыл*), однако имеются и другие способы образования¹¹.

Заметна и вариативность, что является следствием диалектного разнообразия вариантов русинского языка и демонстрирует, что рассматриваемые идиомы находятся в процессе становления нормы. Можно привести следующие примеры, в лемковском русинском: *donkey* — *осел/сомап*, *livestock* — *худоба/скотина*, *snake* — *гад/змия/долгий*, *worm* — *червак/хробак* (с. 70–71), *corn* — *тендерця/кукуруця* (с. 37), *floor* — *нідлога/дылины* (с. 31); в словацком русинском: *livestock* — *худоба/марга* (с. 70), *cattle* — *худоба/добыток* (с. 70), *bird* — *птах/нотя* (с. 70). Иногда даются пояснения использования форм (однако не так часто, как можно было бы пожелать): например, в приветствиях и прощаниях (с. 2 во всех изданиях).

Все примеры снабжены транскрипцией, которая приводится для удобства пользователей только на латинице (например, *yak sya klychete*

4 *Magosci P. R.* Let's speak Rusyn. Говорьме... Р. 70.

5 *Дзенделівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ужгород, 1958. Ч. I. Карта № 7.

6 Там же. Карта № 8.

7 *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001. С. 100.

8 Там же. С. 94.

9 Там же. С. 37.

10 *Дзенделівський Й. О.* Лінгвістичний атлас... Ужгород, 1960. Ч. II. Карта № 265.

11 *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора... С. 53.

(с. 4, закарпатский русинский), *yak suya zvete* (с. 4, лемковский русинский)), ударный гласный выделен полужирным (как в транскрипции, так и в оригинальной орфографии). Хотелось бы обратить внимание на иллюстрации, которые остроумно и весьма удачно вписаны в общий контекст тем разговорников. Однако не совсем понятно, почему автор дает только англо-русинскую часть словаря наиболее употребительных прилагательных и глаголов (разделы *Frequently Used Adjectives* и *Frequently Used Verbs*), а русинско-английская часть не приводится; на наш взгляд, двусторонний характер даже такого небольшого по объему словаря сделал бы его более функциональным для пользователей разговорника. Глаголы в словаре приводятся в форме НСВ и СВ. Очень часто для прилагательных и глаголов указаны синонимы, и не совсем понятно, как должен пользователь уметь их различать при употреблении, в лемковском русинском: *kind* — *гrecний / милий* (с. 97) *lucky* — *щестливий / выдарений* (с. 98), *find* — *найти, находити / дознавати ся, дознати ся* (с. 107). Судя по всему, автор не преследовал такие цели, важно было дать лишь самые основные сведения для тех, кто хочет познакомиться с вариантами русинского языка. Еще одно сомнение, которое возникает при знакомстве с данными разговорниками: можно ли их применять в реальной жизни (особенно тем пользователям, которые начинают «с нуля») в том варианте, который представлен, учитывая диалектную разобщенность. Есть в книгах и досадные опечатки: например, на стр. 76 в разговорнике закарпатского варианта русинского XXI тема по-английски названа *Travel*, тогда как по-русински дается название предыдущего раздела — *робота и професії* (в других изданиях в названии XXI главы подобной опечатки нет).

Нельзя сказать, что изданные разговорники являются научным изданием, они предназначены для первого знакомства со своими корнями тем, кто уже не говорит на языке своих предков и проживает в США и Канаде. Речь идет о символическом значении — дать понять потомкам русин за рубежом, что их язык может использоваться сегодня в разных функциональных сферах в кодифицированной форме. В этом, на наш взгляд, и состоит важнейшее значение изданных книг.

Источники и литература

Дзензелівський Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1958. Ч. 1. 294 с.; 1960. Ч. 2. 298 с.

Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: ИСЛ РАН, 2001. 232 с.

Magocsi P. R. Let's speak Lemko Rusyn. Besiduyme po lemkiivskyy. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2018. 115 p.

Magocsi P. R. Let's speak Rusyn. Besiduyme po rusyn'skyy. New York and Prešov: Carpatho-Rusyn Research Center; Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic, 2015. 115 p.

Magocsi P. R. Let's speak Rusyn. Govor'me po rusyn'skyy. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2017. 115 p.

References

Dzendzelivs'kyi, Ĭ. O. *Linhvistychnyi atlas ukrains'kykh narodnykh hovoriv Zakarpats'koï oblasti URSR (Leksyka)*. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi derzhavnyi universytet, ch. 1, 1958, 294 s.; ch. 2, 1960, 298 s.

Nikolaev, S. L., and Tolstaya, M. N. *Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora s grammaticheskim ocherkom i obraztsami tekstov*. M.: Institut slavianovedeniia RAN, 2001, 232 s.

Magocsi, P. R. *Let's speak Lemko Rusyn. Besiduyme po lemkiivskyy*. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2018, 115 p.

Magocsi, P. R. *Let's speak Rusyn. Besiduyme po rusin'skyy*. New York and Prešov: Carpatho-Rusyn Research Center; Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic, 2015, 115 p.

Magocsi, P. R. *Let's speak Rusyn. Govor'me po rusin'skyy*. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 2017, 115 p.

Gleb P. Pilipenko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

New phrasebooks on the Rusyn language

P. R. Magocsi is the author of new phrasebooks of three variants of the Rusyn language: Transcarpathian Rusyn, Lemko Rusyn and Slovak Rusyn. The books are intended for English-speaking users, the main topics for everyday communication as well as small dictionary and grammatical information are provided.

Keywords: *Rusyn language, phrasebook, language norm, the Carpathians.*

УДК 821.163.6
ББК 83.3(0)6

А. Г. Бодрова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Поэтика плюрализма: литература независимой Словении

Старикова Н. Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. — М.: Индрик, 2018. — 392 с. — (Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы).

В рецензии рассматривается труд Н. Н. Стариковой, посвященный новейшей словенской прозе и поэзии с момента обретения Словенией государственности (1991) до наших дней.

Ключевые слова: *словенская литература, национальная идентичность, Словения, СФРЮ, литературоведение.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.8.04

В монографии «Литература в социокультурном пространстве независимой Словении»¹ Н. Н. Старикова обратилась к новейшей словенской литературе — к прозе и поэзии, написанным на словенском языке после 1991 г. Именно в этом году Словения впервые в истории обрела государственную независимость, отделившись от Югославии. Автор исследует процессы, происходившие в национальной художественной словесности в тот период, когда менялись и границы государств Центральной и Юго-Восточной Европы, и политические системы. На богатом историческом и общественно-политическом фоне в книге рассматриваются различные явления словенского литературного поля (от плюрализма эстетических матриц до практики присуждения литературных премий и специфики литературного рынка).

Книга, бесспорно, заполняет лауну, существующую в российской словенистике, поскольку в ней впервые новейшая словенская литература представлена в социокультурном контексте. В 2014 г. под редакцией Н. Н. Стариковой на русском языке вышел в свет коллек-

¹ Далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в тексте рецензии в скобках с указанием страницы.

тивный труд «Словенская литература XX века»², написанный словенскими и российскими учеными, однако концепции этих двух книг заметно отличаются. В «Словенской литературе XX века» представлены в хронологическом порядке проза, поэзия и драматургия, а также литература эмиграции всего XX в., при этом не делается особого акцента на социальном и политическом контексте национальной литературы, не рассматривается также новейшая литературная продукция. Автор «Литературы в социокультурном пространстве независимой Словении», напротив, демонстрирует, что политические и культурные процессы находятся во взаимодействии, что не только политика оказывала влияние на литературу, но и словесность формировала политическую жизнь, стояла у истоков новой государственности. К примеру, литературный журнал «Нова ревия» стал площадкой для возникновения политической программы независимой Словении.

Книга состоит из Введения и Заключения, 8 глав, 3 приложений, 2 библиографий и именованного указателя. Данный труд содержит обширный и весьма разнообразный материал, представляющий многоуровневую структуру словенского литературного поля.

Глава I «Вместо преамбулы: поэтика инакомыслия (литературная ситуация в период социализма)» освещает специфику литературной жизни республики Словении в составе СФРЮ до ее распада. Н. Н. Старикова в живой манере знакомит читателей с творчеством Эдварда Коцбека, Доминика Смоле, Андрея Хинга, Лойзе Ковачича, Руди Шелиго, Томажа Шаламуна и многих других в историко-политическом контексте. В главе II «Парадоксы постмодернизма» не только рассматриваются многие произведения данного направления (Н. Н. Старикова прекрасно ориентируется как в источниках, так и в секундарной литературе), но и проанализирована политическая ситуация в стране в 80-е и 90-е гг., способствовавшая развитию постмодернизма (речь идет о подготовке «бархатной» революции и падении режима). Постмодернизм с присущим ему эстетическим плюрализмом, ризоматичностью и лудизмом оказался весьма востребованным в новых политических условиях. Особую ценность представляет изучение интертекстуальных связей в словенской литературе того периода. Поэту Милану Есиху, автору нескольких сборников сонетов, в духе постмодернистского пародийного диалога удалось обновить и преобразовать эту каноническую поэтическую форму, имеющую в словенской литературе устоявшуюся традицию (речь идет

2 Словенская литература XX века / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2014. 325 с. (Литература XX века).

о «Венке сонетов» 1834 г. Франце Прешерна, шедевре национальной литературы). Н. Н. Старикова не только исследует произведения, относящиеся к словенскому постмодернизму, но и рассматривает более широкий литературный фон. К примеру, обращается к рецепции новаторского романа Владимира Бартола «Аламут», написанного ещё в 1938 г., в котором, вероятно, впервые в мировой литературе на первом плане оказывается тема терроризма и его истоков. Данное произведение называют словенским вариантом «эковского романа» — в нем синтезированы «черты исторического, философского, психологического и любовного романов» (с. 75–77). Автор монографии справедливо замечает, что роман стал предтечей постмодернизма, поскольку в нем представлена «едва ли не первая попытка соединения элитарного искусства с массовой культурой» (с. 77). Именно на эпоху постмодернизма приходится массовое увлечение этим романом Бартола в Словении, его «второе рождение» (с. 75). Размышляет Н. Н. Старикова и о роли постмодернизма в развитии национальной словесности — он стал «катализатором процессов универсализации, высвобождая национальное художественное сознание от комплексов и стереотипов» (с. 86).

Несомненной концептуальной удачей является выбор трех персоналий для главы III «Творческая интеллигенция и “бархатная” революция: Д. Рупел, Т. Павчек, Т. Претнар». Каждый из этих культурных деятелей по-своему «вышел на арену жизни» (как говорил знаменитый писатель словенского модерна Иван Цанкар, активно занимавшийся политикой: «Я вышел не на арену литературы, а на арену жизни!»³). Дмитрий Рупел — политик и писатель, Тоне Павчек — поэт, переводчик и общественный деятель, Тоне Претнар — ученый, переводчик и просветитель. Все они стояли у истоков нового государства и непосредственно способствовали переменам. Их деятельность демонстрирует возможность активного участия культурной интеллигенции в жизни страны.

Глава IV «В поисках самоидентичности. “Транзитивные” 1990-е», как и все остальные главы книги, содержит обширные сведения и о культурно-исторической обстановке, и о многих литературных произведениях того периода. Н. Н. Старикова погружает читателя в атмосферу поиска новых идентичностей — национальной, региональной, культурной, политической и проч. — на примере произведений Драго Янчара, Игора Шкамперле, Яни Вирка, Фери Лаиншчека, Владо Жабота, Майи Новак.

3 *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Ljubljana, 1959. Zv. 10. S. 126.*

Название главы V «*Vox femini*. Нарративная модель “женского письма”» говорит само за себя, в ней представлено творчество многих словенских писательниц (упоминаются первые женщины-авторы XIX в. Фани Хаусман, Луиза Песьяк, Павлина Пайк, писательницы первой половины XX в. Зофка Кведер, Альма Карлин, Марица Надлишек-Бартол, Илка Ваште и более подробно исследуются произведения современных писательниц Брины Швигель-Мера, пишущей под псевдонимом Брина Свит, Марьеты Новак-Кайзер, Катарины Маринчич, Берты Боету Боета, Сузаны Тратник и др.). Подробно анализируется автобиографический роман Маруши Кресе «Страшно ли мне?» (2012), в котором особый интерес представляют собой повествовательные структуры, а именно смена мужского и женского «голосов», рассказывающих историю. В завершении Н. Н. Старикова обращается к произведениям словенских писателей Марко Сосича, Эвальда Флисара, Милана Деклевы и Винко Мёдерндорфера, пытающихся показать, по ее мнению, «женщину глазами женщины» (с. 180).

Кульминацией данной монографии, безусловно, является глава VI «Роман как отражение политических и социокультурных трансформаций — по следам “Югославской Атлантиды”». Так называемая «югоностальгия» охватила разные слои общества, стали не исключением и словенские писатели, некоторые в силу культурного окружения (Алеш Дебеляк, например, был прекрасно знаком со многими писателями из бывшей Югославии: Давидом Албахари, Александром Хемоном, Игором Штиксом), другие по причине своего происхождения (семья Горана Войновича родом из Боснии). При подробном анализе двух романов Войновича, посвященных переселенцам югославского происхождения, затрагивается весьма злободневная для словенского государства проблема, которая долгое время замалчивалась, — тема «вычеркнутых» (выходцев из республик бывшей Югославии, которые после провозглашения Словенией независимости потеряли гражданство, так как информация о них была стерта из базы МВД). Писатель Миха Маццини посвятил данной проблематике роман «Вычеркнутая» (2014).

Глава VII «Об особенностях национального поэтического сознания: от антологии “Песнь Орфея” к эпосу “Врата безвозвратности”» посвящена поэзии, имеющей в словенской культуре, как справедливо замечает автор монографии, особую модальность (долгое время у словенцев бытовал стереотип восприятия своей нации как «нации поэтов») (с. 224). Н. Н. Старикова демонстрирует возрождение интереса к

классической парадигме поэзии на двух ярких примерах — масштабном проекте по созданию антологии мировой поэзии «Песнь Орфея» в подборке 32 словенских поэтов разного поколения и на необычном для XXI в. явлении — эпосе в стихах. Эту включающую более 40 тысяч стихов эпическую трилогию «Врата Безвозвратности» впервые в истории словенской литературы создал поэт, переводчик и стиховед Борис А. Новак.

Последняя глава книги под номером VIII «Горизонты альтернатив: актуальные литературоведческие исследования» освещает новейшие релевантные работы по теории и истории национальной литературы, анализирует представленные в них концепции. Без этой главы картина социокультурного пространства словенской литературы была бы неполной, ведь критики и литературоведы являются значимыми агентами литературного поля.

Труд Н. Н. Стариковой необычайно информативен и по количеству сведений приближается к уровню энциклопедии. «Энциклопедичность» данному изданию придают библиография словенских романов 2009–2012 гг., избранная библиография исследовательской литературы, именной указатель, а также приложения. Первое приложение знакомит читателя с современными словенскими литературными журналами, чья деятельность во многом привела к созданию независимой Словении. Второе приложение освещает важную составляющую любой современной словесности — литературные фестивали. В третьем приложении можно почерпнуть богатую информацию о национальных литературных премиях. Бесспорно, автору монографии удалось составить наиболее полную (насколько это возможно) мозаику словенского литературного поля, с учетом многих его агентов. Однако при всём обилии информации, представленной и в основном тексте, и в приложениях, книга имеет продуманную структуру. Н. Н. Старикова раскрывает причинно-следственные связи литературного процесса Словении и излагает богатый материал в живой манере, приводя наглядные примеры.

Книга Н. Н. Стариковой, знакомящая читателя не только с культурой, но и с историей и общественно-политической жизнью Словении, носит междисциплинарный характер. Некоторые ее главы, содержащие анализ переводческой деятельности словенских авторов, находятся на стыке с переводоведением, другие посвящены истории литературоведения и социологии литературы. Появление данного труда, бесспорно, стало событием для российской словенистики и славистики.

Источники и литература

Словенская литература XX века / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2014. 325 с. (Литература XX века).

Старикова Н. Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 392 с. (Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы).

Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. 10. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1959. 605 s.

References

Cankar, I. *Izbrana dela*, 10 zv, zv. 10. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1959, 605 s.

Slovenskaika literatura XX veka. Otv. red. N. N. Starikova, Moscow: Indrik, 2014, Literatura XX veka, 325 s.,

Starikova, N. N. *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve nezavisimoj Slovenii.* Moscow: Indrik, 2018, Sovremennye literatury stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy, 392 s.

Anna G. Bodrova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Poetics of pluralism: The literature of independent Slovenia

The review deals with the monography of N. N. Starikova dedicated to the latest Slovenian prose and poetry since Slovenia gained statehood (1991) to the present day.

Keywords: *Slovenian literature, identity, Slovenia, Yugoslavia, translation studies, literary studies.*

УДК 811.161
ББК 82.3

Л. Н. Виноградова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Женские образы украинской мифологии

Буйських Ю.С. «Колись русалки по землі ходили...» Жіночі образи української міфології. — Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018. — 350 с.

Рецензируемый труд киевского этнолога Ю. С. Буйских (Буйських 2018) посвящен изучению женских мифологических образов украинской народной демонологии. В нем, с одной стороны, критикуются попытки современных «неомифологов» реконструировать древнеукраинский миф о богине-Берегине, а с другой — описываются реально зафиксированные массовые народные поверья о ведьмах, знахарках, русалках, мавках и других мифологических персонажах. Анализируемый полевой материал был собран самим автором в ходе недавних фольклорных экспедиций в разные регионы Украины. Ключевые слова: *славянская этнология, украинский фольклор, народная демонология, женские мифологические образы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.8.05

Основные научные интересы автора рецензируемой книги — украинского этнолога Ю.С. Буйских, сотрудницы Института искусствознания, фольклористики и этнологии им. М. Рыльского, — лежат в сфере славянской народной демонологии, ставшей в свое время предметом ее диссертационного исследования, а также в сфере актуальной народной религиозности. И то и другое научное направление рассматривается автором как объект социокультурной антропологии. Этот же аспект изучения сохраняется и в вышедшей из печати новой ее книге, опубликованной в жанре научно-популярного издания. Автор пишет, что обратиться к этому жанру ее побудила назревшая необходимость преодолеть академический снобизм ученых-гуманитариев, не принимающих участия в публичных дискуссиях с ново-явленными любителями старины, «мифотворцами», поклонниками очевидной фальшивки — «Велесовой книги», — которые предпринимают всё новые и новые смехотворные реконструкции дохристианского мировоззрения «древних украинцев». Их сомнительные в на-

учном смысле сочинения издаются тысячными тиражами и мгновенно распространяются в Интернете. Поэтому, как пишет Ю.С. Буйских, пришло время специалистов выступить на страницах популярных изданий, адресованных массовому читателю, с обстоятельной научной критикой печатной продукции современных «неоязычников». Основное внимание в книге уделяется кругу женских мифологических образов, поскольку именно они в наибольшей степени оказываются подверженными ложной романтизации и архаизации в трудах псевдоученых-мифологов и откровенных фальсификаторов.

Книга состоит из трех тематических блоков. Первый из них включает две главы: «Между этнографической действительностью и кабинетным вымыслом (Критические мысли об украинской мифологии)» и «Краткая история изучения мифологических представлений на территории Украины». Второй блок представлен большим разделом, озаглавленным «Женские образы украинской нижней мифологии», который посвящен анализу женских персонажей украинской демонологии: образам ведьмы, знахарки, бабы-повитухи, а также мифическим существам — мавкам, навкам, русалкам и проч. Третий раздел книги содержит иллюстративный полевой материал: аутентичные тексты быличек и поверий, собранных автором во время экспедиций в разные регионы Украины (период 2007–2014 гг.). Эта заключительная глава называется «Устные тексты, этика их записи и публикации». В приложении дается научный аппарат исследования: список сокращений; данные об архивных источниках, литература и предметный указатель.

Первый раздел рецензируемого труда полностью посвящен критике так называемого «архаического синдрома», овладевшего, по словам автора, современным украинским обществом, которое пытается докопаться до самых истоков своей национальной пракультуры, уходящей корнями в глубокую древность. В поисках этих исторических корней и этнической самоидентификации украинское общество избирает одним из своих национальных символов образ «Украинки-Берегини» — некой древней языческой богини, якобы оберегающей дом и семью и защищающей интересы народа. Автор анализирует исторически достоверные источники, содержащие упоминание этого имени (*Берегиня*), а также попытки исследователей сконструировать ее мифологический образ и приходит к заключению, что этот миф является продуктом чисто «кабинетной мифологии», не подкрепленной никакими надежными (ни письменными, ни устными народными) свидетельствами. Сближение его с русалками осуществлялось учеными XIX века произвольно и до сих пор не аргументировано никакими

убедительными доводами. Поиски сведений о Берегине в фольклоре и в этнографических свидетельствах оказались тщетными.

Далее автор излагает свою точку зрения по поводу невозможности в настоящее время вполне определенно разграничить признаки языческого и христианского в традиционной культуре, которая живет по законам своей особой, многослойной «народной религиозности». И это касается даже тех случаев, когда эти признаки осмысляются как противопоставленные. Например, колдовство, знахарство, магия и ересь, осуждаемые церковью, безосновательно причисляются некоторыми исследователями к явлениям языческого и раннехристианского слоя культуры. Другое дело, когда ученые-этнолингвисты реконструируют на основе конкретных диалектно-языковых данных и достоверных этнографических фактов отдельные элементы архаических представлений — такие исследования базируются на действительно надежных научных источниках. Таким образом, по мнению автора, народное христианство, с одной стороны, и низшая мифология, с другой, составляют в настоящее время нерасторжимое специфическое единство, и именно в таком ключе должна рассматриваться народная традиционная культура.

По сравнению с единичными скупыми письменными свидетельствами о Берегине (и о других высших славянских божествах) ярким контрастом выглядят включенные в книгу массовые, широко распространенные до сих пор среди украинского населения устные народные поверья о персонажах низшей мифологии, т. е. о вредоносных духах, постоянно вторгающихся в жизненное пространство человека. Этим демонологическим образам и посвящен центральный раздел рецензируемого труда. К числу его несомненных достоинств можно отнести то, что научный анализ осуществляется автором преимущественно на основе своего собственного, ранее не публиковавшегося полевого материала, собранного в недавнее время на территории украинского Полесья (Житомирская, Волынская, Ровенская, Киевская обл.), Прикарпатья (Ивано-Франковская, Хмельницкая, Черновицкая обл.) и других украинских областей (Херсонской, Одесской, Донецкой).

В первую группу таких женских персонажей автор включает магических специалистов, т. е. людей со сверхъестественными свойствами, называемых в народной традиции «знающими»; к их числу относятся: *знахарки*, *ворóжки*, *ведьмы*, *чаклунки*, *чародейки*, *шептухи*, *бабы-ликáрки* и др. Главной научной проблемой их описания и изучения, как правильно отмечено в книге, является хорошо известная специалистам трудность в разграничении этих образов

между собой. Из-за противоречивых народных свидетельств неясным остается вопрос о том, следует ли считать каждого из перечисленных «знающих» вариантами одного и того же персонажного типа (категория людей, которые владеют искусством вредоносной магии и одновременно способностью ее обезвредить) или каждый из них наделяется своими индивидуальными мифологическими характеристиками. Главным критерием такого разграничения автор считает народную трактовку происхождения свержзания у магических специалистов: получено ли оно «от черта» (от связи «знающего» с нечистой силой) или «от Бога». Вместе с тем автору так и не удается развести понятия, обозначенные в украинской терминологии лексемами *відьма* и *чаровниця*. Высказанный в книге тезис о том, что «представления о ведьмах и чаровницах часто сливаются в один образ, но на самом деле эти персонажи, хотя и стоят в одном семантическом ряду, не являются тождественными» (с. 143), остался не подкрепленным убедительной аргументацией, поскольку не были ясно обозначены признаки, отличающие ведьму от «чаровницы».

Вторую большую группу анализируемых в книге демонологических персонажей образуют мифические существа, генетически связанные с «заложными» покойниками. Они рассматриваются автором в трех тематически близких разделах: 1. Ходячие покойники (двоедушники, упыри, самоубийцы); 2. Души умерших некрещеными детей (*потерчата, страчкуки*) и 3. Демонические женщины (*мавки, русалки, лісова панна, повітруля, літавиця* и др.). Включение в структуру книги, посвященной женской мифологии, мужских образов («ходячий» покойник, упырь, змей летающий) никак не мотивируется автором. А упоминание мифологизированных образов умерших некрещеных детей можно объяснить, по-видимому, тем, что именно с ними связано происхождение почти всех перечисленных выше демонических женщин.

Образ русалки, по мнению исследователя, можно признать одним из самых распространенных на Украине, широко известных и в то же время одним из самых сложных для изучения, так как он содержит множество труднообъяснимых мифологических признаков, таких как: сезонность пребывания на земле, связь с растительностью, с водной стихией, с житным полем, с плодородием; загадочной выглядит функция вредоносного щекотания и т.п. В разных регионах Украины расходятся и представления о генезисе русалок: по одним поверьям, они происходят из девушек-утопленниц, по другим, ими становятся души умерших некрещеных младенцев. Среди устойчивых характеристик

этого персонажа до сих пор сохраняются поверья о следующих его действиях: на Русальной неделе русалки преследуют людей, оказавшихся вне дома; угрожают зачекотать до смерти работающих в поле; исполняют песни-приговоры типа: «Мене мати породила, нехрещену схоронила»; наказывают своих родителей, если те не поминают должным образом умерших детей; спасают от других русалок своего родственника-бортника, полезшего на Русальной неделе на дерево, и т.п. Таким образом, судя по массовым современным свидетельствам, несомненным, как пишет об этом автор книги, остается отношение носителей народной традиции к русалкам как к своим умершим родственникам. Этот вывод всецело подтверждается репрезентативными данными (более тысячи текстов) Полесского архива, хранящегося в Институте славяноведения РАН.

Преимущественно в карпатоукраинской традиции популярными являются женские мифологические персонажи типа мавки, навки, лесной панны, повитрули, литавицы, горной русалки и др., которые по набору основных признаков мало отличаются друг от друга. Их объединяют следующие мотивы: внешность молодых девушек привлекательной внешности, но тело «без спины», т. е. видны внутренние органы; связь с атмосферными процессами; способность летать по воздуху; сожитительство с сельскими парнями; ночное нападение на спящих людей и ряд др.

Наконец, третья группа женских персонажей украинской мифологии, рассмотренная в рецензируемой книге, — это персонифицированные образы: Доли, Смерти, духов болезней, а также дней недели (пятницы, среды, воскресенья). В ее состав автор включает — непонятно, на каком основании — народные представления о душе человека. Хотя определенные персонажные признаки действительно могут быть отмечены для этой мифологизированной субстанции (душа живого человека и самостоятельно действующая посмертная душа), этот образ всё же по всем своим признакам явно выпадает из группы типичных женских персонажей.

Хотя в предисловии говорится, что предпринятый в книге анализ женских мифологических персонажей осуществляется в основном на собственном полевым материале автора, однако образы Доли, Злыдней, персонифицированной Смерти и духов болезней рассматриваются в книге преимущественно по данным ранее опубликованных этнографических работ. Например, украинские сведения о Доле и Злыднях излагаются по трудам А. А. Потебни, П. И. Иванова, Н. Ф. Сумцова; о персонифицированной Смерти — по статье Р. Гузия, опублико-

ванной в «Народознавчих зошитах»; о духах болезней — по работам Д.М. Щербаковского и В. Гнатюка и т.п. Между тем о духах болезней и о персонификации смерти записано и опубликовано в настоящее время уже значительное количество новых сведений. См. хотя бы соответствующие украинские материалы в издании (НДП 2016: 524–600). Более основательный круг источников (в том числе архивных записей) послужил в рецензируемом труде базой для анализа образов Пятницы, Среды и «Недели» (т. е. воскресенья). Автор приходит к заключению, что в настоящее время мы являемся свидетелями процесса практически полного исчезновения свидетельств о мифологических образах Пятницы и Недели — как полноценных антропоморфных персонажей со своими устойчивыми функциями (с. 216). Что касается Пятницы, контролирующей правильные сроки выполнения прядильно-ткаческих работ, то такое заключение представляется мне поспешным. О достаточной степени сохранности (в памяти старшего поколения полешуков) традиционных представлений об этом персонаже свидетельствуют материалы упомянутого выше Полесского архива.

В итоговом заключении автор дает определение понятия «магико-мифологического дискурса», использованного в книге, и излагает позицию антрополога, которая отличается двойной оптикой: он старается взглянуть на мир глазами носителей определенной традиции и в то же время должен сохранять культурную дистанцию, чтобы не раствориться полностью в видении носителей культуры... (с. 218). Целый ряд подобных текстовых фрагментов этого раздела выглядят как повторы тезисов, сформулированных в свое время О.Б. Христофоровой по поводу «колдовского дискурса» в ее книге (Христофорова 2010: 11–12). Но, к сожалению, в рецензируемой книге при этих текстуальных совпадениях нет ссылок на это ранее опубликованное исследование. Возможно, подобное упущение произошло по вине издателей, старавшихся не перенасыщать текст научно-популярной книги множественными отсылками и библиографическими указаниями (в общем списке использованной литературы монография О.Б. Христофоровой упомянута).

Последний раздел книги содержит полевые записи автора, тематически связанные с общей проблематикой исследования. В него включены украинские рассказы о бабе-повитухе (4 текста), о знахарках и ведьмах (20 текстов), о мавках (3 сообщения), об умершей матери, ходившей кормить своего ребенка (2 текста), о русалках (8 текстов), о персонификациях пятницы, среды и «недели» (5 текстов), а также единичные записи о духах болезней и смерти.

Тот факт, что анализ женской персонажной системы был предпринят преимущественно на основе недавно собранного полевого материала, предоставляет автору возможность сделать ряд ценных наблюдений по поводу современного состояния украинской мифологической традиции. К их числу можно отнести, например, выводы о том, что в настоящее время на Украине редко встречаются поверья о волкулаках; практически не фиксируются рассказы о персонифицированных образах Доли и духов болезней; с трудом записываются представления о бабе-повитухе, о Пятнице и Неделе. Вместе с тем продолжает активно бытовать значительный по объему комплекс поверий о «знающих» людях и народных целителях; о русалках, мавках, душах умерших некрещеных детей. Практически в неизменных формах бытуют былички о «ходячих» покойниках; устойчиво сохраняется популярный сюжет об умершей матери, приходящей кормить грудного ребенка, и ряд др. Благодаря научно-популярному жанру издания книга представляет интерес не только для специалистов, но и для самого широкого круга читателей.

Источники и литература

Буйських 2018 — *Буйських Ю. С.* «Колись русалки по землі ходили...» Жіночі образи української міфології. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018. 350 с.

НДП 2016 — Народная демонология Полесья. Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 830 с.

Христофорова 2010 — *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: РГГУ, 2010. 432 с.

References

Buis'kykh, Iu. S. '*Kolys' rusalky po zemli khodyly...*' *Zpinochi obrazy ukrains'koi mifolohii*. Kharkiv: Klub simeinoho dozvillia, 2018, 350 s.

Narodnaia demonologiiia Poles'ia Publikatsiia tekstov v zapisiakh 80—90-kh godov XX veka, t. 3: Mifologizatsiia prirodneykh iavlenii i chelovecheskikh sostoianii. Sost. L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya, Moscow: LRC Publishing House, 2016, 830 s.

Khristoforova, O. B. *Kolduny i zhertyy: Antropologiiia koldovstva v sovremennoi Rossii*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010, 432 s.

Lyudmila N. Vinogradova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The female characters in the Ukrainian mythology

The book by the ethnologist Yu. S. Buyskikh from Kiev is dedicated to the study of female mythological characters in the Ukrainian folk demonology. On the one hand, it criticizes the attempts of the modern “neo-mythologists” to reconstruct the Old Ukrainian myth about the goddess *Berehynia*, and on the other, the registered mass folk beliefs on witches, female healers, rusalkas, mavkas, and other mythological characters. The analyzed field materials were gathered by the author in their recent folklore expeditions to different regions of Ukraine.

Keywords: *Slavic ethnology, Ukrainian folklore, folk demonology, female mythological characters.*

УДК 27
ББК 63.3(29=41)5/6+86.375

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Международная научная конференция
«Могилевская римско-католическая архиепархия:
свидетельства живой памяти (1783–1939 гг.)»

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.9.01

С 6 по 9 декабря 2018 г. в Санкт-Петербурге проходили торжества, посвященные 235-летию учреждения Могилевской римско-католической архиепархии. Их главным мероприятием стала международная научная конференция, которая состоялась благодаря совместным усилиям членов организационного комитета, представляющих приход св. Станислава, католическую высшую духовную семинарию «Мария — Царица Апостолов» и Государственный музей истории религии (ГМИР).

Организаторы конференции постарались обеспечить участникам не только возможность представить результаты своих исследований (сделать доклады и принять участие в их обсуждении), но и познакомиться с материальным культурным наследием, связанным с историей Могилевской римско-католической архиепархии, так как именно в Санкт-Петербурге — столице Российской империи — располагались резиденция могилевских митрополитов и различные центральные духовные, административные и образовательные учреждения могилевской архиепархии. Несмотря на традиционное этническое многообразие католической общины Санкт-Петербурга (и в целом Российской империи и Советского Союза), особое положение в ней принадлежит людям польского и белорусского происхождения. Поэтому естественно, что в прозвучавших на конференции докладах по истории Могилевской архиепархии важное место было отведено сюжетам, связанным с польской и белорусской проблематикой.

Торжественное открытие состоялось 7 декабря в здании ГМИР. Конференцию вел председатель ее оргкомитета настоятель прихода св. Станислава о. Христофор Пожарский. Перед началом собственно научной сессии прозвучали приветствия директора ГМИР Л. А. Мусиенко и ректора семинарии «Мария — Царица Апостолов» о. Константина Передерия. Канцлер курии Минско-Могилевской архиепархии о. Дмитрий Пухальский зачитал обращение архиепископа митрополита

Тадеуша Кондрусевича, белорусского иерарха, который долгие годы окормлял единоверцев в Российской Федерации. Участники конференции были также ознакомлены с поступившим в их адрес приветствием апостольского нунция в России архиепископа Челестино Мильоре. В заключение торжественного открытия состоялась премьера короткометражного документального фильма «Католики Санкт-Петербурга» (режиссер — доцент Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения М. М. Фатеев).

Первый научный доклад принадлежал *о. д-ру Яцеку Войде* (Папский факультет теологии в Варшаве, Польша), сосредоточившему свое внимание на булле *Onerosa* Папы Пия VI и ее распространении в Российской империи на рубеже XVIII и XIX вв. *В. В. Гайдась* (Московский педагогический государственный университет) выступил с презентацией «Белыничский католический монастырь и приход в XVIII–XIX вв.». *О. Д. Пухальский* осветил в своем докладе деятельность митрополита Могилевского Эдуарда фон Роппа (1851–1939). *С. М. Слоистов* (ИСл РАН) рассказал о некрополе римско-католического духовенства в Москве, затронув практические аспекты мемориальной работы. *Д-р Анна Мрочек* (Конгрегация сестер от ангелов, Варшава, Польша) посвятила выступление статусу митрополитов Могилевских, уделив особое внимание митрополиту Викентию Ключинскому. *Монс. д-р Юрий Стецкевич* (Калининград) в своем докладе подробно остановился на истории восстановления католической общины г. Калининграда в 1990-е гг., большинство членов которой являются переселенцами с территории Белоруссии и Литвы. Научный сотрудник Российского государственного исторического архива *А. Б. Богомолов* представил доклад «Получение полной свободы во всех аспектах религиозной деятельности для католической церкви после Февральской революции 1917 года». *О. Х. Пожарский* подробно осветил тему «Митрополит Станислав Сестренцевич-Богуш и его внучатый племянник — ксендз Станислав Парчевский». В заключение первого дня работы конференции состоялась обзорная экскурсия по залам ГМИР.

Заседание 8 декабря проходило в семинарии «Мария — Царица Апостолов», где, перед началом выступлений также была проведена экскурсия. С первым докладом конференционного дня выступил *к. и. н. М. Ю. Дронов* (ИСл РАН), остановившийся на контактах русских католиков со своими русинскими единоверцами в межвоенной Чехословакии. *Д. и. н. М. В. Шкаровский* (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга) выступил с докладом «Подвиг католических новомучеников Ленинграда в 1930-е гг.». *К. и. н. Е. В. Лавриненко* (Ви-

тебский государственный университет им. П. М. Машерова) поделилась результатами собственных изысканий о священниках и приходах в Восточной Белоруссии (на территории современной Витебской диоцезии) после 1917 г. О практических сложностях в деле увековечивания памяти о католических мучениках шла речь в очередном докладе о. Х. Пожарского «Реорганизация процесса Слуг Божиих в России». Были зачитаны также доклады *д-ра Ирены Водзяновской* (Люблинский католический университет им. Иоанна Павла II, Польша), которая подробно проанализировала педагогический коллектив Духовной академии и семинарии в Санкт-Петербурге в 1842–1918 гг., и *д-ра Анджея Граевского* из г. Катовице, посвятившего свое сообщение защите прав верующих в СССР во время понтификата папы Иоанна Павла II.

Несмотря на, казалось бы, узко конфессиональную ориентацию прошедшей конференции, благодаря составу участников ее организаторам удалось обеспечить заявленные в официальном названии и международность, и научность. Следует отметить прекрасную практическую организацию конференционных дней, обеспеченную, в первую очередь, усилиями о. Х. Пожарского и его прихожан. Образцовому соблюдению регламента могли бы позавидовать организаторы светских, в том числе академических, научных встреч.

Необходимо отметить, что участники конференции получили возможность также присутствовать на других мероприятиях юбилейных торжеств. Так, 6 декабря состоялась автобусная экскурсия «Католический Петербург», в рамках которой желающие посетили целый ряд достопримечательностей, имеющих отношение к истории католической общины города, а также побывали на выставке, посвященной 200-летию со дня рождения императора Александра II, в Российском государственном историческом архиве. Экскурсанты узнали много нового о судьбах петербургских поляков, литовцев, белорусов, немцев, французов и представителей других народов, сохранявших здесь веру предков. А 9 декабря, после благодарственной мессы в храме св. Станислава, епископа и мученика, состоялось открытие мемориальной доски, посвященной благодетелям этого возрожденного в 1997–2018 гг. прихода. Также был оглашен акт мученичества 23 католических священников из Сандормоха (Карелия), заключенных в соловецком Гулаге, и молитвенно помянуты имена 425 пастырей, увековеченных в Мемориале храма св. Станислава.

В ближайшее время из печати должен выйти сборник материалов прошедшей конференции.

Круглый стол «Взгляд на славянскую аксиологию»

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.9.02

21–22 октября 2018 г. в Софии в Институте болгарского языка им. профессора Любомира Андрейчина Болгарской академии наук проходил круглый стол «Взгляд на славянскую аксиологию», который собрал всех членов совместного трехстороннего российско-болгарско- словацкого проекта «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире». В научной встрече, организованной группой болгарских лингвистов во главе с Марией Китановой, приняли участие слависты, специализирующиеся в области истории славянских языков: текстологи, этнолингвисты, фольклористы, историки. Прозвучало 15 докладов, посвященных анализу этнокультурных ценностей на основе разных методов в диахронической и синхронной перспективе¹.

М. Цибранска-Костова (София) в докладе «Аксиосфера “отношения между родителями и детьми” в средневековом юридическом памятнике» на материале Номоканона Котелерия рассмотрела основные ценностные координаты, которыми руководствовались семьи с христианской идентичностью. Основными ценностями становятся послушание и уважение со стороны детей, а со стороны родителей — ответственность за будущее сыновей и дочерей, воспитание их в православной вере. Честь, безгреховность, послушание — основные семейные ценности в этом контексте. По мнению докладчицы, благодаря семейным установкам, воспитанию «в страхе Божиим» формируется общество со стабильными моральными правилами, очерчивающими «свое» пространство, особенно в условиях османского владычества. В дискуссии возник вопрос о том, как соотносятся письменные тексты с устными, фольклорными, особенно с пословицами, проклятиями и

Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA. Net.RUSCall 2018 (проект #472–LED–SW).

1 Тезисы опубликованы на сайте проекта www.slavicvalues.com.

благопожеланиями, поскольку в обеих формах встречаются родительские благословения и проклятия. Таким образом, уже в первом докладе обозначилась смычка между исследованиями аксиологической проблематики, которые выполняются на разном материале.

В докладе Э. Мирчевой (София) «Ценные сведения о болгарской истории в житии малоизвестного святого и древнеболгарская книжность» представление о ценности значительно расширилось. Текст о святом Властии Аморийском содержит важные сведения по болгарской истории и одновременно служит надежным источником для изучения старославянского языка, в чем и состоит его колоссальная ценность. Таким образом, исследовательница продемонстрировала полифункциональность понятия «ценность» и возможности его использования для характеристики самых разных явлений, в том числе и материалов для научного исследования. При обсуждении доклада высказывались идеи о ценности книг, особенно духовных, как таковых. Книга (Библия, Псалтырь) присутствует в «чемодане» (наборе нужных вещей) мигранта; духовные книги обязательно берут с собой старообрядцы при перемене места.

В. Мичева (София) посвятила свой доклад «Храбрость как ценность в средневековой книжности» динамике и лексическим обозначениям этого концепта. На материале текстов XI–XVII вв. исследовательница проанализировала семантическое развитие ключевых слов *мужество, доблесть, дерзость*. Доклад вызвал оживленную дискуссию об аксиологической неоднородности ряда слов, обозначающих храбрость. Так, *дерзкий* (болг. *дързък*) в русском и болгарском языках является и позитивной, и негативной характеристикой. Подобное совмещение оценочных характеристик освещалось и в последующих докладах, что подтверждает аксиологическую особенность почти любого концепта, допускающего переход к прямо противоположной оценке. Кроме того, встал вопрос о применимости данной лексики к женщинам — святым и мученицам, и был получен отрицательный ответ. Бесстрашие — это ценностная характеристика мужчин. Таким образом, участники конференции подошли к теме гендерной специализации иерархии ценностей.

Л. Габор (Братислава) выступил с докладом «Отражение семантики и функций ритуальных напитков славян в литературных источниках». Молодой исследователь анализировал сакральные функции и культурную семантику древнейших напитков славян и индоевропейцев в целом — воды, молока, меда, вина и пива. Основываясь на высокой частотности использования этих напитков в ритуалах (календарных, семейных и общественных — и потому выполняющих функцию

укрепления социума), автор пытался показать взаимозаменяемость упомянутых напитков в обрядности, символике и ценностном наполнении в традиционных представлениях славян. Сходные функции и семантика воды, меда, вина, пива и молока, заключил Л. Габор, и архетипичность темы жизни и смерти, в которых участвуют эти ритуальные напитки, дают возможность предполагать отражение в культурной памяти славян некоего протомифа. Доклад Л. Габора вызвал живое обсуждение и большое количество вопросов. Слушателям остался непонятным тезис о протомифе, к которому докладчик возводил нарративы о напитках, его содержание, возраст, ареал. Амбивалентность, о которой говорил докладчик по отношению к напиткам, свойственна всем без исключения элементам традиционной культуры, в связи с чем эту черту следует считать скорее регулярным свойством культурных знаков. Было высказано пожелание более тщательно учитывать контекст для используемых в исследовании поверий, слов и их употреблений — например, лексемы *pivo*.

К. Женюхова (Братислава) выступила с докладом «Аксиологический аспект наименований болезней в кириллическом рукописном лечебнике». Она кратко охарактеризовала рукописи конца XVIII в. «Врачи́ домашний» и «Помощникъ оу домѣвѣтѣ, газдѣвѣтѣ и междѣ людми...» М. Теодоровича и провела параллели аксиологического осмысления *здоровья* в традиционной духовной культуре и фольклоре, проанализировав пословицы, поверья, гадания и т.п. Все они подчеркивают ценность здоровья как главного витального человеческого блага, например: *Kto má zdravie, má všetko* [Кто здоров, тот имеет всё]; *zdravý ako buk / chren / lipa / orech / ryba / Rus / Turek* [здоров как бук / хрен / липа / орех / рыба / русский / турок]. Наоборот, болезнь оценивается как угроза жизни и зло (*Dlhá choroba — hotová smrt'* [Долгая болезнь — готовая смерть]). В рукописи приводятся советы не только по лечению, но и по сохранению здоровья, в том числе магические (ср. такие превентивные действия, как остричь всем домашним ногти на руках и ногах и сжечь, прибить красный лоскут над дверью); говорится, что сохранение здоровья — это обязанность человека, однако надо помнить, что от смерти нет лекарства. К. Женюхова отметила, что в большинстве своем приведенная в лечебнике терминология болезней общеславянская. Рассматривались мотивационные модели, имплицитно содержащие существенные оценочные компоненты, такие как *не-дугъ, не-мощь, не-здоровье*, а также болезненные состояния: *сверблячка, ламна, трасина, метана, вреды*. Интересны в аксиологическом аспекте названия болезней «демонологического происхождения»,

т. е. неизвестной этиологии, названия которых со временем стали осознаться и персонифицироваться как демоны болезней. Нередко названия болезней образованы, подобно названиям демонов, с помощью оптативных конструкций, например: *bodaj spala* «пусть бы она спала» (эпилепсия), *sčazla by* «чтоб она исчезла» (о раке). Подытоживая сказанное, К. Женьюхова отметила, что наименования человеческих болезней в лечебнике соотносятся с аксиологическими константами языковой картины мира, включающей не только обобщенные здоровье и болезнь, но и другие ценности, более конкретные («здоровая, красивая кожа»), а также антиценности, на языковом и ментальном уровне сближающие название недуга и демона. Важным представляется вывод докладчицы, что с аксиологической точки зрения соотношение оптимального физиологического и психологического состояния здоровья как одной из высших традиционных ценностей человека зависит от его поведения — рационального (применения народных лечебных средств, таких как травы, мази, полоскания и пр.) и иррационального (ритуальные запреты и в случае болезни — магического избавления от нее). Доклад вызвал искреннюю заинтересованность у коллег-этнолингвистов, задававших вопросы относительно терминологии и списка болезней и проводивших общеславянские параллели.

Л. Вильшинска (Братислава) в докладе «Монашеская жизнь на границе латинского и византийского славянства в контексте традиционных ценностей. Историко-культурный взгляд» поделилась размышлениями о ценностях в двух ключевых произведениях Иоанникия Ю. Базиловича: «Правила и оустановленїа монашескаа» и «Imago vitae monasticae». Они стали основой для распространенной на территории исторической Мукачевской епархии на рубеже XVIII–XIX вв. монашеской традиции, получившей название базилианской. Книги писались для регламентации ежедневной практической жизни монахов. Л. Вильшинска выделила ценности, которым должен был руководствоваться монах. Среди них коллективная жизнь с братьями — в противовес отшельничеству, отказу от жизни в обществе, и *нестяжание*. Связанными друг с другом в монашеской жизни оказываются и такие ценности, как *призвание*, *верность* и *скромность*. Правила монашеской жизни включают не только наличие веры, но и регламентацию пищи и питья (запрет на вкушение мяса, *пост* как важная ценность для монаха), правила поведения (например, сдержанность). С требованиями идеальной монашеской жизни связаны духовные ценности: *послушание*, *чистота*, *молитва* и, конечно, *труд*.

С. Вашичкова (Братислава) прочитала доклад «Традиционные ценности карпаторусов и их отражение в гомилетической традиции Мукачевской епархии в XVII–XVIII вв.». Именно в гомилетическом творчестве нашли отражение аспекты повседневной жизни христиан подкарпатского происхождения. На воскресных и праздничных проповедях священник говорит об актуальных для прихода явлениях и событиях, дает им оценку и предлагает верующим пример для подражания. Сборники гомилий оказываются практически единственным достоверным историческим материалом, документирующим отношение простого населения к тем или иным общественным событиям личного и национального масштаба. Заметки на полях и отклонения от основной темы в текстах поучений на Священное Писание подтверждают распространение общественной мысли о возникновении национального самосознания карпаторусов в XVII–XVIII вв. на территории бывшей Мукачевской епархии. Традиционные ценности докладчица рассматривала на материале кириллических рукописных памятников гомилетического жанра: Угрянского учительного евангелия, Учительного евангелия Климента Буковского, сборников поучений и толкований Штефана Глинки из Литмановой и др. В первую очередь это система ценностей, связанная с храмом. Церковь — это Божьи люди; крещение — второе рождение. Дурные люди приравниваются к плевелам, хорошие — к зернам, и ветер (= Святой Дух) отделяет одних от других. Храм — это христианская община, место общения с Богом, а не дом Бога. Вера приводит к добрым поступкам и в итоге к спасению. Среди основных ценностей — вера, надежда и любовь, причем любовь — первая и главная добродетель; это любовь к Богу, к человеку (выражающаяся в самопожертвовании) и к мудрости, любовь ко всему достойному и к самой Церкви. Испытания тоже имеют ценность, поскольку они даются для совершенствования и обращения человека к Богу, способствуют осознанию своих грехов и их исправлению ради попадания в Царствие небесное. В дискуссии обсуждали такие ценности, как красота и добро, которые соотносятся и с профанным, и с сакральным миром. Человеческая красота преходяща, только Божественное вечно; доброе — значит красивое.

П. Женьох (Братислава) как руководитель словацкой части исследовательского коллектива подытожил доклады своих коллег и прочитал доклад «Отражение этнокультурных процессов в паралитургической духовной культуре восточной церкви под Карпатами в XVIII в.». Он высказал мнение, что не богослужebные песнопения, а паралитургическая песня противостоит молитвенной рассудительности Запада

и выражает чувства человека, его мысли о жизни и мире. Паралитургическая песня как народно-религиозная песня соединяет библейские и исторические события с верой и имеет повествовательную и образовательную функции, функцию прославления Бога, но оказывает также эмоциональное воздействие на слушателей, объединяет поющих, и в этом она близка к богослужебным песнопениям. В паралитургических песнях отражается и укрепляется сознание принадлежности к местной культурно-исторической, конфессиональной, социальной и языковой среде. И в этом ценность самого жанра паралитургической песни. В докладе речь шла также о традиционных ценностях, которые воздействовали на народную религиозность, прежде всего таких, как верность обряду, традиция и культурная память. П. Женюх подробно рассказал о Мукачевской епархии, духовные тексты которой изучают словацкие участники проекта.

М. Китанова (София), руководитель болгарской группы участников проекта, прочитала доклад «Лексические экспликации концепта “семья” в традиционной болгарской культуре (аксиологические аспекты)». Исследовательница использует методику Люблинской этнолингвистической школы, привлекая лексикографический материал, анализируя коллокации лексем и данные специальных анкет. Для характеристики семьи актуальны бинарные оппозиции «свой — чужой», «близкое, безопасное — далекое, опасное». Семья как ценность в традиционной картине мира представляется идеальной — первый и единственный брак, обязательно наличие детей, желательно сыновей. Противопоставления такому образу — безбрачие, отсутствие детей в семье, ранняя смерть супругов — позволяют уточнить аксиологические аспекты семьи. В дискуссии отмечалось, что доклад М. Китановой, выполненный на современном языковом материале, интересным образом перекликается с вышеупомянутым выступлением М. Цибранской-Костовой, посвященным аксиологическим параметрам в отношениях родителей и детей на материале старославянских текстов. Ряд вопросов относился к уточнению сложной системы родства болгар и того места, которое занимают в ней арабско-турецкие заимствования. В современном болгарском языке, по мнению М. Китановой, уже доминируют «новые» ценности, и экспликации патриархальных взглядов (почитание свекра и свекрови, послушание молодой жены) не наблюдается. Интересно при этом, что анкеты о семье почти не упоминают о таком чувстве, как любовь, что вполне коррелирует с традиционным образом любви в семье — заботой, ответственностью и пр.

В докладе *И. А. Седаковой* (Москва) «Исследование традиционных и нетрадиционных ценностей русских и болгар: проблемы, подходы и методы» внимание акцентировалось на основных вопросах, возникающих в аксиологических исследованиях и, в частности, в работе по проекту. Прежде всего обсуждался сам термин «ценность» и его искусственность и рабочий характер применительно к анализу традиционной культуры. Этот термин, однако, прекрасно вписывается в современный дискурс. Именно здесь отражается динамика, заявленная в теме проекта, — современные ценности в постсоциалистическом обществе артикулируются публично; изменяется их перечень; традиционные ценности в современной «обработке» значительно меняют свое содержание и прагматические свойства (достоинство, талант, лидерство и др.), они «подаются» в совсем ином ракурсе (ср. рекламные тексты). Эта лексика зачастую не общеславянская — *вино, вода* — и не славянская — *любовь, семья*, а в основном заимствованная: *креативность*. Современная система ценностей построена вокруг *Я*; это индоктринируется и рекламными слоганами: *Я этого достойна, Моя яркая жизнь* и др. Теоретические положения иллюстрировались характеристикой ценностных концептов «старость» и «любовь», которые допускают амбивалентность, демонстрируют зависимость наполнения ценности от дискурса и контекста.

К. Мичева-Пейчева (София) в своем докладе «Аксиологические аспекты концепта “любовь”» продолжила тему, начатую *И. А. Седаковой*. Она исследовала концепт «любовь» на материале духовной литературы, где это чувство ассоциируется почти исключительно с любовью к Богу и в таком смысле является высшей ценностью. В дискуссии был затронут вопрос об отражении в рукописях любви между мужчиной и женщиной. Как сообщила докладчица, в текстах упоминается физиологическая любовь, она противопоставляется Божественной любви как греховная.

И. Кирилова (София) прочитала доклад «Онтологические метафоры, концептуализирующие душу как ценность в болгарских паремиях (в сопоставлении с концептами “ум” и “сердце”)». На богатом материале она показала корреляцию концептов «душа» и «ум» (рассуждение) и «душа» и «сердце» (эмоции) и определила основную метафорику этих ценностных концептов. Докладчица отметила важность концепта души в антропологической перспективе, поскольку слово *душа* в болгарском языке служит синонимом слова *человек* и регулярно используется в счетных конструкциях. Это слово встречается и в форме обращения; в данном языковом факте исследова-

тельница видит османское влияние (ср. параллельное использование турецкого по происхождению слова *джанъм* в идентичной функции). Доклад вызвал много вопросов у этнолингвистов, которые занимались сходными темами. М. М. Валенцова попросила уточнить, по каким источникам был собран корпус материалов, есть ли записи о том, где располагается душа у человека и каким образом она покидает тело в момент смерти. Эти вопросы очертили перспективу исследований концепта «душа» с расширением материалов и проблематики.

В совместном докладе *Е. С. Узенёвой* и *Е. И. Мельниковой* (Москва) «О традиционных и нетрадиционных ценностях в культуре болгар-мусульман» описывалась аксиологическая система разных конфессий и их синкретизм на Балканах. Исследовательницы обозначили факторы, влияющие на динамику ценностей помаков, проживающих в Родопах: возраст, пол, отношение к религии; описали процессы тяготения к «болгарскому», «православному» или «атеистичному» и к «турецкому», «мусульманскому». Докладчицы сделали акцент на самых важных событиях в праздничном календаре. Доклад вызвал особый интерес у болгарских лингвистов, которые отметили уникальность материалов, собранных в труднодоступных регионах Болгарии. Прозвучали вопросы о том, наблюдается ли в помакских селах процесс возвращения из эмиграции, является ли местный диалект ценностью и чем обусловлены процессы усиления или, наоборот, ослабления ислама в селах. По мнению докладчиц, с возрастом малая родина становится особой ценностью — и пожилые люди возвращаются домой. Однако сам диалект не является приоритетом в языковом обучении молодежи в связи с глобализацией, вхождением Болгарии в Европейский союз и облегчением перемещения. На местные исламские верования воздействуют ортодоксальные мусульмане из арабских стран, что значительно меняет форму религии, которую исповедуют в помакских селах на протяжении столетий.

М. М. Валенцова (Москва) в своем докладе «Традиционные ценности в славянской народной демонологии» показала, что народная демонология, по крайней мере в XIX–XX вв., насквозь проникнута аксиологическим осмыслением жизни человека и общества. Она как будто сама и есть иррациональное отражение, или результат, человеческого поведения — мыслей, слов, чувств, поступков. Былички и поверья повествуют о том, что леший заводит неправильно ведущего себя в лесу человека в чашу, а домовый лишает, по словам Л. Н. Виноградовой, «своего благорасположения и покровительства тех из членов семьи, кто часто затевает ссоры, сквернословит, проклиная

ет “черным словом” детей, обижает родителей». Умышленный вред передается взглядом, злыми мыслями (сглаз и порча). Оценочным является сам образ мифологического персонажа (прекрасные молодые девы: *вила, русалка* — или страшные и опасные *богинка, волколак, упырь*) и каждая составляющая традиционной картины мира, использованная в создании демонологических образов, включая время и место их появления. Более того, сам набор персонажей отдельной традиции отражает основные ценности данного общества, например такие, как достаток и согласие в доме (наличие в традиции образа антропоморфного *домового*), забота о детях (присутствие *богинки, перелесницы*), целостность урожая при буре, граде (образы *шаркана, алы, аджаи*), здоровье (известные всем традициям демоны болезней), богатство (демоны-обогатители *змок, рарашек*), человеческая жизнь и воздаяние за нее («чистый» и «нечистый» умерший, «ходячие» покойники) и т. п. Термин «ценность» может применяться к демонам условно — с учетом их регулирующей, воспитательной и наказательной функций в патриархальном социуме. В этом отношении тематически доклад М. М. Валенцовой смыкается с работой К. Женьюховой о болезнях. Исследовательницы планируют дальнейшую совместную работу по изучению ценностной характеристики концепта «здоровье» и аксиологических параметров демонов болезней.

Е. Н. Струганова (Москва) в своем докладе «Вода и огонь в болгарской культуре в свете аксиологии» анализировала концепты стихии природы с точки зрения их пользы или вреда для человека. Докладчица рассмотрела действия, совершаемые с водой, которые сопровождаются благопожеланием *да ти върви (като) по вода* [букв. ‘Пусть всё идет как по воде’]. Она представила таблицу, в которой указывались «положительные» и «отрицательные» характеристики воды. Распределение позитивного и негативного восприятия воды наглядно демонстрирует амбивалентность воды как ценности. Амбивалентен и огонь: в очаге он символизирует упорядоченность, уют, дом; пожар, болезни соотносятся с «чужим», губительным. Огонь, подобно воде, очищает (каждение жилища, больного, скота); огонь также уничтожает (пожар, молния). Таким образом, огонь и вода выступают и как ценности и антиценности сами по себе и являются символами витальных ценностей и антиценностей (жизни и смерти, здоровья и болезни).

Н. С. Гусев (Москва) в докладе предложил соционормативное понимание ценностей — как абстрактных идеальных представлений, создающих социальные нормы той или иной культуры и формирующих саму эту культуру. Однако набор базовых ценностей людей всег-

да приблизительно одинаков (в философии дискуссия идет главным образом об их типологии), меняется лишь наполнение и образ идеала. Например, представление об идеальном браке и семье за минувшие столетия кардинально и не единожды трансформировалось, но эти понятия не прекращали быть ценностью. При таком подходе дихотомия «традиционные / нетрадиционные ценности» превращается в условность. Н. С. Гусев предложил считать нетрадиционными ценностями те, что присущи новому поколению (как на основе общего консенсуса, так и в рамках субкультур), но противоречат базовым представлениям основной массы взрослого населения. Превращение нетрадиционных представлений о ценности в традиционные незаметно носителям культуры, поскольку ценности являются структурами большой длительности и их эволюция заметна лишь на больших временных промежутках и «со стороны». В вопросе изучения динамики традиционных и нетрадиционных ценностей южных славян следует обратиться к свидетельствам сторонних очевидцев — иностранных наблюдателей, и прежде всего — русских, которые в силу ряда причин лучше и глубже понимали болгар, сербов и черногорцев, а также оставили много свидетельств о жизни региона. Н. С. Гусев выделил четыре массовых «всплеска» описаний Балкан русскими за последнее столетие. Они были связаны с Балканскими войнами 1912–1913 годов, белой эмиграцией, Второй мировой войной и походом Красной армии через Балканы, а также с развитием туризма, блогосферы в конце XX — начале XXI в. Основываясь на данном подходе, Н. С. Гусев рассмотрел динамику ряда ценностей в болгарском обществе, в частности связанных с семьей и положением женщины, образованием и трудом.

В заключение исследователи подвели итоги плодотворной научной встречи. Они отметили, что во многом уяснили для себя наполнение термина «ценность», его специфику в разных текстах в разные периоды времени. На конференции удалось уточнить противопоставление традиционных ценностей нетрадиционным: последние характерны для новых поколений, которые отрицают ценностные ориентиры старших, а также для общества в целом после коренных идеологических, религиозных и прочих изменений. По материалам конференции в России будет издан сборник, а следующая научная встреча по аксиологии славян состоится в Братиславе в 2019 г.

Дискуссионный клуб литературоведов. Встречи 2018

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.9.03

В 2018 г. в качестве предмета обсуждения участниками Дискуссионного клуба литературоведов была выбрана тема «Поэтика визуального в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы». 24 апреля состоялось первое заседание клуба, 4 декабря — второе.

Встречу открыла *Н. В. Злыднева*, доктор искусствоведения, заведующая отделом истории культуры славянских народов ИСл РАН, выступив с докладом на тему «Поэзия символизма у Бранкузи versus живопись импрессионизма у Мандельштама: к проблеме интермедийности». Рассматривая произведения искусства как «текст», т. е. в качестве единого пространства смыслов, реализующих свои значения в рамках одного произведения, исследовательница анализирует родственные явления в скульптуре К. Бранкузи, вдохновленной поэзией символизма, и поэзии О. Мандельштама, посвященной импрессионистским картинам. Представив большой визуальный и текстовый материал, рассматриваемый в общем культурном контексте эпохи, *Н. В. Злыднева* продемонстрировала и проанализировала схожие типологические явления во взаимопроникновении поэзии и скульптуры, с одной стороны, и живописи и поэзии — с другой.

Следующий доклад «Место визуального кода в поэзии русского авангарда» *А. Н. Красовец*, кандидата филологических наук и научного сотрудника отдела истории культуры славянских народов ИСл РАН, был посвящен русским авангардистам, их стремлению средствами искусства выразить новое мировоззрение, их поискам универсальной художественной техники. Так, футуристы кардинально меняют концепцию книги: связь между текстом и визуальной составляющей, а также текстурой перестает быть иллюстративной, орнаментальной и становится конструктивной, структурной. Книга в русском футуризме 1910-х гг. синтезировала все опыты по созданию нового языка, которые проводились художниками в живописи и поэтами в словесном творчестве. Среди работ русских мастеров выделяются два типа книг: печатные сборники русских футуристов и так называемые «самописные»

издания. Последние представляют собой уникальную находку русских авангардистов, полностью отказавшихся от типографского набора и обратившихся к технике литографии. В докладе также была представлена эволюция визуальной составляющей поэтических сборников в 1920-е гг., а именно таких групп, как «экспрессионисты», ничевоки, биокосмисты, а также имажинисты и конструктивисты.

Н. Н. Старикова, доктор филологических наук, профессор, заведующая Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСЛ РАН, в докладе «*Ut pictura poesis*: визуально-графические эксперименты С. Косовела» рассмотрела поэтический цикл словенского поэта-авангардиста межвоенного периода Сречко Косовела «Интегралы» в рамках национального историко-культурного и литературного контекста. Косовел последние два года жизни активно экспериментировал с паралитературными художественными средствами, в результате чего на свет появились словесно-графические конструкции, названные автором «консами». Это авторская поэтическая форма, предназначенная не только для чтения, но и для визуального восприятия, составлена из символических аббревиатур, где используется игра со знаками, лозунгами, физическими терминами, математическими и химическими формулами, зеркально написанные строки, строки в виде геометрических фигур и коллажей. Консы свидетельствуют о том, что Косовел был знаком с теорией и практикой конструктивизма, привлекавшего его своей мотивированностью, возможностью повышать смысловую нагрузку строки (грузификация слова), поэтикой парадокса, «информационной плотностью» каждого сегмента стиха, «достоинством стиля», состоящего в том, чтобы «доставить возможно большее количество мыслей в возможно меньшем количестве слов».

Завершило первую встречу выступление *С. Таммор*, выпускницы ВГИКа (мастерская Р. Ибрагимбекова), на тему «Архитектура события: взгляд кинематографиста». Под архитектурой события она понимает набор инструментов и приемов, с помощью которых автор произведения ведет зрителя или читателя к главному — к мысли, образу, разговору о Духе. Докладчица проследила эволюцию способов художественного воссоздания или построения события от текста или фотографии до современного кинематографа, уделив особое внимание монтажу (как в фотографии и кино, так и в литературе).

Результатом первого обсуждения стал обмен мнениями о методах и подходах к изучению типологически сходных явлений, присущих разным видам искусства. Дискуссия была продолжена на втором заседании. Первой выступила *В. Я. Малкина*, кандидат филологиче-

ских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ, с докладом «Визуальное в лирическом стихотворении: постановка проблемы». В нем была сделана попытка опровергнуть распространенную точку зрения о том, что поэтический образ может быть лишь аллегорическим или метафорическим, но не визуальным. С учетом специфики лирики как рода литературы, в первую очередь ее субъектной структуры, В. Я. Малкина на примере произведений российских поэтов XX в. рассмотрела такие уровни анализа лирического стихотворения, как графический облик текста, композиционно-речевые формы (описание, экфрасис, сон), образ и сюжет.

Доклад «Экфрасис и поэтика фотографического в лирике» М. Д. Самаркиной, аспирантки кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ, затронул тему отсутствия исчерпывающего и универсального инструментария для анализа и классификации текстов, включающих в себя экфрасис. Она опирается на две теории, предлагающие решение данного вопроса: разработанную Эндрю Миллером теорию о «хронотопе фотографии» и предложенное В. Я. Малкиной выявление специфики фото-экфрасиса. Анализируя лирические тексты, в которых присутствует фотоэкфрасис, М. Д. Самаркина пытается определить специфику этого явления и найти методологию его адекватного исследования.

С. А. Кожина, младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСЛ РАН, в докладе «Семантика визуальных образов романа В. Парала “Мука образности”» представила принципы визуализации персонажей и пространства в произведении известного чешского писателя. Для творчества В. Парала характерна «телеграфичность» повествования: редуцирование описания до емких и коротких фраз. Одним из способов характеристики персонажей становится цвет: через семантику цвета выражены черты характера и качества — амбиции одних, скрытность или комичность других. С семантикой цвета тесно соотносится мотив переодевания: например, главный герой в стремлении занять высокое положение в обществе несколько «получает иное тело» путем смены одежды и ее цвета. Особую роль в романе играет пространственная дихотомия «верха» и «низа». При помощи такой дихотомии описываются карьерные взлеты и падения, путем буквального перемещения персонажей в пространстве вверх и вниз — их психологическое состояние, моменты саморефлексии. Такие глубокие и не всегда легко раскрываемые приемы сделали В. Парала одним из самых ярких чешских авторов второй половины XX в.

Доклад «“Фантастические твари“ в краткой прозе М. Павича (к проблеме визуального в литературе)» *Е. В. Шатко*, младшего научного сотрудника отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСл РАН, завершил заседание. Исследовательница проанализировала визуальные образы балканских и, шире, европейских мифологических существ, встречающиеся в прозе М. Павича: упоминая лишь несколько узнаваемых визуальных деталей, писатель четко указывает на то или иное существо, рассчитывая на знакомство читателя с мифологическими, религиозными и литературными образами «фантастических тварей». Такого рода визуальный знак предшествует конкретным событиям и дает герою (и читателю) своего рода подсказку дальнейшего развития сюжета.

Обе встречи Дискуссионного клуба литературоведов расширили представление участников о визуальном в литературе, прослушанные доклады вызвали живую дискуссию, в ходе которой появились новые вопросы и актуальные темы для обсуждения, обнаружилось неожиданное параллели в литературной парадигме стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

**Круглый стол «Литературно-критическая периодика
в странах Центральной и Юго-Восточной Европы XX–XXI вв.:
структура, типология, социокультурный контекст»**

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.9.04

11 декабря 2018 г. в Институте славяноведения РАН в рамках международной научно-практической конференции «Славянский вопрос: новые парадигмы мышления» состоялся круглый стол «Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы XX–XXI вв.: структура, типология, социокультурный контекст», посвященный месту и роли литературно-критических изданий в культурной и общественной жизни народов ЦЮВЕ. Помимо своей приоритетной задачи — фиксации актуального состояния литературного процесса, — такая периодика оказывает влияние на восприятие произведений реальными читателями, на формирование общественного мнения в целом, становясь связующим звеном между художественной литературой и обществом.

Выступления на круглом столе касались двух основных проблемно-тематических узлов: в сообщениях Н. Н. Стариковой, Л. Ф. Широковой, А. Г. Шешкен, Ю. П. Гусева, А. В. Семеновой, С. А. Кожинной был представлен вклад, который журналы и газеты внесли в социокультурную и политическую обстановку региона в XX в.; И. Е. Адельгейм, Е. В. Байдалова, М. А. Ламм, Е. В. Шатько, А. В. Усачева уделили внимание современному состоянию рынка литературно-критической периодики в странах ЦЮВЕ.

В своем докладе «“Журнальный зал” инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ» *Н. Н. Старикова* (ИСл РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова) дала характеристику оппозиционной литературно-критической периодики на словенском языке, выходявшей в 1950–1990-е гг. как в Республике Словении, так и за ее пределами, в местах проживания словенских диаспор — Италии, Австрии, Аргентине и США. Как отметила докладчица, критика социалистической идеологии, звучавшая на страницах таких изданий, как, например, «Беседа» / «Beseda» (1952–1957), «Нова ревия» / «Nova revija» (1982 — н. вр.),

«Залив» / «Zaliv» (1966–1990) и др., оказала существенное влияние на словенских граждан и способствовала росту протестных настроений в обществе. *А. Г. Шешкен* (МГУ имени М. В. Ломоносова, ИСл РАН) в докладе «Роль литературных журналов в формировании литературно-критической мысли Македонии» осветила особенности развития литературной критики 1945–1980-х гг. Докладчица отметила исключительную роль первого литературно-критического журнала на македонском языке «Нов ден» (1945–1950), уделив особое внимание проходившей на его страницах полемике по ключевым вопросам развития национального художественного слова. Отдельное место в докладе было отведено противостоянию середины 1950–1960-х гг., развернувшемуся между журналами «Современост» и «Разгledi» и сформировавшему облик литературной критики. *Л. Ф. Широкова* (ИСл РАН) в докладе «Словацкая литературная периодика времен “оттепели”: актуальность творческого наследия» продемонстрировала преемственность и актуальность идей, сформировавшихся в словацкой литературе в этот период. Особую роль в либерализации и гуманизации общественного сознания, по ее мнению, сыграли журналы «Културны живот» / «Kultúrny život», ставший после 1956 г. центром острых политических выступлений и литературных дискуссий, и «Млада творба» / «Mladá tvorba», способствовавший формированию нового поколения поэтов, прозаиков и критиков, известного позднее как «Поколение 56» или «Поколение “Младой творбы”». Особой роли журнала «Беселё» в культурной жизни Венгрии было посвящено выступление *Ю. П. Гусева* (ИСл РАН) «Журнал “Беселё” и его место в венгерском самиздате». Докладчик охарактеризовал журнал «Беселё» / «Beszélő» как наиболее значимое издание венгерской свободной мысли с 1981 г. до краха социалистической утопии. Журнал внес существенный вклад в разрушение коммунистической идеологии: в нем публиковались (чаще всего анонимно) статьи крупных экономистов, историков, философов. Благодаря своей популярности и, отчасти, общему ослаблению режима изданию удалось сохранить свои позиции: после 1990 г. оно стало легальным и прекратило свое активное существование лишь в 2013 г. В докладе «Журнал “Гриф” Александра Майковского и “скромные достижения кашубской музыки” первой трети XX в.» *А. В. Семенова* (ИСл РАН) охарактеризовала роль писателя А. Майковского и основанного им журнала «Гриф» / «Gryf» (1908–1934) в процессе формирования идей кашубской национальной идентичности. Докладчица отметила, что журнал, возникший в рядах кашубской интеллигенции, имел культурно-политическую направленность и стремился привлечь

внимание читателей к кашубскому региону. Деятельность А. Майковского и его журнала не только оказала влияние на литературу, но и затронула актуальные социальные вопросы. С. А. Кожина (ИСл РАН) в сообщении «“Revolver revue”: наследие самиздата и андеграунда в современной чешской литературной критике» осветила становление и развитие одного из самых ярких оппозиционных журналов Чехословакии 1980-х гг.: его авторы в своих художественных публикациях выражали настроения и идеи, затрагивающие различные сферы жизни, и сформировали новую платформу, на основе которой к середине 1970-х — началу 1980-х гг. был налажен постоянный выпуск печатной продукции. Механизмы, сложившиеся в кругах издателей «Revolver Revue», по мнению докладчицы, стали основой формирования «контркультуры» Чехословакии в 1970–1980-х гг.

Наблюдения за современным состоянием рынка литературно-критической периодики легли в основу доклада И. Е. Адельгейм (ИСл РАН) «“Идеального строя не существует”. Рынок литературно-критической периодики в постсоциалистической Польше», в котором была представлена характеристика развития периодики после 1989 г., испытавшей на себе все «плюсы» и «минусы» нового строя, изменений положения литературы в жизни общества. Адельгейм отметила, что разнообразию литературной жизни и расцвету рынка литературно-критических изданий способствовал перелом в политике Польши после 1989 г., а наступивший позднее кризис и резкий спад популярности периодических изданий объясняется не только экономическими, но также и социальными, культурными причинами (изменения вектора интересов общества, роли литературы в его жизни). Месту современного журнала «Критика» (основан в 1997 г.) в современной периодике Украины был посвящен доклад Е. В. Байдаловой (ИСл РАН) «Must-read украинской интеллектуальной элиты: журнал “Критика” как социокультурное явление». В журнале, ориентированном на широкий круг украинских интеллектуалов, публикуются эссе, публицистические статьи, рецензии и т.д., затрагивающие наиболее острые вопросы современного литературоведения и критики и по-своему отражающие состояние украинского общества. Особое внимание, по мнению докладчицы, уделяется полемическим вопросам, например проблеме формирования нового литературного канона, реформе правописания, рассмотрению украинской национальной идентичности, анализу перспектив феминистской идеологии и гендерных исследований. Состоянию современного рынка периодических изданий в Белоруссии было посвящено сообщение М. А. Ламм (ИСл РАН)

«Белорусская литературно-критическая периодика в XXI в.». В нем были рассмотрены основные различия двух противопоставленных друг другу художественно-эстетических платформ: государственной и негосударственной. Первая характеризуется опорой на советские образцы осмысления художественной литературы, что оказывает влияние на тематику представленных текстов (внимание к простому человеку, его чувствам и нравственному идеалу и т.д.), во время как вторая ориентирована на конструирование этническо-национальной мифологии (смещение вектора интересов в область социологии). В обзоре *Е. В. Шатко* (ИСл РАН) «Литературоведческие журналы Сербии с 1991 г. по 2018 г. Темы, дискуссии, развитие» был представлен широкий спектр литературно-критической периодики Сербии, освещены состояние и роль современных литературоведческих и, шире, филологических журналов, их направления и тематика, периодичность, специфика и институционность (САНУ, «Матица српска», филологический факультет Белградского университета, философский факультет университета в Нови-Саде и др.). *А. В. Усачёва* (ИСл РАН) в докладе «Литературно-критическая периодика в социокультурном контексте современной Румынии» продемонстрировала два основных вектора развития румынской публицистики. Первый представлен в первую очередь журналами «консервативной» направленности (например, «Ромыния Литерарэ» / «România Literară», с 1855 г.), второй — «либеральной» (например, «Обсерватор Културал» / «Observator Cultural», с 2000 г.). Одной из особенностей румынской читательской аудитории является, по наблюдениям докладчицы, дифференциация современного читателя Румынии по темам и интересам.

Доклады сопровождалась дискуссией, затронувшей в первую очередь вопросы корреляции развития рынка литературно-критической периодики и изменений в социокультурной жизни стран региона. Литературно-критическая периодика на протяжении всего своего существования является площадкой для выражения общественного мнения, отражает социальный уклад, состояние политической жизни государства. Исследования в этой области не только помогают проследить развитие литературного процесса, но и обладают значительным культурологическим потенциалом, что продемонстрировали представленные доклады.

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Бабулин Игорь Борисович — кандидат исторических наук, доцент Института прикладных технологий Российского университета транспорта (г. Москва). dalyell@mail.ru

Байдалова Екатерина Викторовна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. kuzmukk@mail.ru

Баринов Игорь Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Сектора анализа политических изменений и идентичности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН. barinovnoble@gmail.com

Бодрова Анна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. a.bodrova@spbu.ru

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. rodina2001@mail.ru

Валенцова Марина Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. mvalent@mail.ru

Великанов Владимир Сергеевич — кандидат экономических наук, сотрудник редакции журнала «Старый Цейхгауз» (г. Москва). gromoboy@mail.ru

Виноградова Людмила Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. lnv36@yandex.ru

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Гимадеев Тимур Владимирович — аспирант Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань). daigodumu@yandex.ru

Грищенко Александр Игоревич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института

славяноведения РАН, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. grishchenko@inbox.ru

Гура Александр Викторович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. avgura@mail.ru

Джалилов Теймур Агабаевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения и подготовки к публикации архивных документов Российского государственного архива новейшей истории. slavikal@yandex.ru

Добычина Анастасия Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. andobychina@gmail.com

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Кожина Светлана Анатольевна — младший научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. lana-039@mail.ru

Лабынцев Юрий Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru

Лунькова Наталья Александровна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. lunkova_n@mail.ru

Пивоваров Никита Юрьевич — кандидат исторических наук, главный специалист Отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов Российского государственного архива новейшей истории, старший научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН. pivovarov.hist@gmail.com

Пилипенко Глеб Петрович — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. glebpilipenko@mail.ru

Плотникова Анна Аркадьевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. annaplotn@mail.ru

Ридель Иван Петрович — аспирант Института славяноведения РАН. gask-konfer@ya.ru

- Рыбалка Андрей Александрович* — независимый исследователь (г. Пенза).
anrike@yandex.ru
- Седакова Ирина Александровна* — доктор филологических наук, зав. отделом типологии и сравнительного языкознания, руководитель Центра лингвокультурных исследований BALCANICA.
irina.a.sedakova@gmail.com
- Селиванов Игорь Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета. ivan13117@yandex.ru
- Слоистов Сергей Михайлович* — младший научный сотрудник отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. centrum821@rambler.ru
- Старикова Надежда Николаевна* — доктор филологических наук, зав. отделом современных славянских литератур стран Центральной и ЮгоВосточной Европы Института славяноведения РАН.
nstarikova@mail.ru
- Станков Николай Николаевич* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. stankov11@yandex.ru
- Стыкалин Александр Сергеевич* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.
zhurslav@mail.ru
- Теуш Ольга Анатольевна* — кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург). olga.teush@yandex.ru
- Тимиряев Денис Олегович* — соискатель кафедры российской истории и документоведения, ассистент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета.
denisolegovichtimiryayev@yandex.ru
- Хундерт Збигнев* — доктор истории, научный сотрудник музея «Королевский замок в Варшаве» (Польша). zb.hundert@gmail.com
- Чепелевская Татьяна Ивановна* — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. tatchep2014@yandex.ru
- Шатько Евгения Викторовна* — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. eshatko@gmail.com
- Широкова Людмила Федоровна* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела современных литератур Централь-

ной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.
shirocco@mail.ru

Щавинская Лариса Леонидовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru

Янчаркова Юлия — Ph.D., научный сотрудник Славянского института АН ЧР (г. Прага, Чешская Республика). jancarkova@slu.cas.cz

About the authors

- Adelgeym Irina Evgenyevna* — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru
- Babulin Igor Borisovich* — Candidate of History, associate professor, Institute for Applied Technologies, Russian University of Transport (Moscow). dalyell@mail.ru
- Barinov Igor Igorevich* — Candidate of History, research fellow, Section for Analysis of Political Change and Identity, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. barinovnoble@gmail.com
- Baydalova Ekaterina Viktorovna* — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kuzmukk@mail.ru
- Bodorva Anna Gennadyevna* — Candidate of Letters, associate professor, Chair of Slavic Philology, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. a.bodrova@spbu.ru
- Borisenok Yuriy Arkadyevich* — Candidate of History, associate professor, Chair of History of South and West Slavs, Department of History, Lomonosov Moscow State University. rodina2001@mail.ru
- Chepelevskaya Tatyana Ivanovna* — Candidate of Letters, associate professor, senior research fellow, Department of Cultural History of Slavic Peoples, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. tatchep2014@yandex.ru
- Dobychina Anastasia Sergeevna* — Candidate of History, research fellow Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andobychina@gmail.com
- Dronov Mikhail Yuryevich* — Candidate of History, research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru
- Dzhalilov Teymur Agabaevich* — Candidate of History, director of the Department of Study and Preparation for Publishing of Archival Documents, Russian State Archive of Modern History. slavikal@yandex.ru
- Ganin Andrey Vladislavovich* — Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru
- Gimadeev Timur Vladimirovich* — PhD student, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan). daigodumu@yandex.ru
- Grishchenko Alexander Igorevich* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; associate professor at the Chair for Russian

- Language, Moscow State Pedagogical University; associate professor at the Chair for Contemporary Russian Language, St. Tikhon's University for the Humanities. grishchenko@inbox.ru
- Gura Aleksandr Viktorovich* — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. avgura@mail.ru
- Hundert Zbigniew* — Doctor of History, research fellow of the museum “The State Castle in Warsaw” (Poland). zb.hundert@gmail.com
- Jančárková Julie* — Ph.D., research fellow, Institute of Slavonic Studies of the CAS (Prague). jancarkova@slu.cas.cz
- Kozhina Svetlana Anatol'evna* — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lana-0391@mail.ru
- Labyntsev Yuriy Andreevich* — Doctor of Letters, leading research fellow Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotbox.ru
- Lunkova Natalia Aleksandrovna* — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lunkova_n@mail.ru
- Pilipenko Gleb Petrovich* — Candidate of Letters, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru
- Pivovarov Nikita Yuryevich* — Candidate of History, leading specialist, Department of Study and Preparation for Publishing of Archival Documents, Russian State Archive of Modern History; senior research fellow, Laboratory for the Institutional History of Russia in the 20th century, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. pivovarov.hist@gmail.com
- Plotnikova Anna Arkadyevna* — Doctor of Letters, chief research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. annaplotn@mail.ru
- Riedel Ivan Petrovich* — PhD student, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. gask-konfer@ya.ru
- Rybalka Andrey Aleksandrovich* — independent researcher (Penza). anrike@yandex.ru
- Sedakova Irina Aleksandrovna* — Doctor of Letters, head of the Department of Typology and Comparative Linguistics, Director of the Center of Linguo-cultural Research BALCANICA. irina.a.sedakova@gmail.com
- Selivanov Igor Nikolaevich* — Doctor of History, professor, the chair of History, Kursk State University. ivan13117@yandex.ru

- Shatko Egenia Viktorovna* — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. eshatko@gmail.com
- Shchavinskaya Larisa Leonidovna* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru
- Shirokova Lyudmila Fedorovna* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. shirocco@mail.ru
- Sloistsov Sergey Mihaylovich* — junior research fellow, Department of East-European History after WWII, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. centrum821@rambler.ru
- Stankov Nikolaj Nikolaevich* — Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. stankov11@yandex.ru
- Starikova Nadezhda Nikolaevna* — Doctor of Letters, the head of the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru
- Stykalin Aleksandr Sergeevich* — Candidate of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru
- Teush Olga Anatolyevna* — Candidate of Letters, associate professor, Ural Federal University, Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg). olga.teuh@yandex.ru
- Timiryayev Denis Olegovich* — aspirant, Chair of Russian History and Record Management, an assistant of the Chair for History, Belgorod National State Research University. denisolegovichtimiryayev@yandex.ru
- Valentsova Marina Mikhaylovna* — Candidate of Letters, senior research fellow Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mvalent@mail.ru
- Velikanov Vladimir Sergeyeovich* — Candidate of Economical Sciences, an editorial board member of the journal “Staryy Ceykhgauz” (Moscow). gromoboy@mail.ru
- Vinogradova Lyudmila Nikolaevna* — Doctor of Letters, leading research fellow Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lnv36@yandex.ru

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2019

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале вводятся новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<http://inslav.ru/page/pravila-napravleniya-i-opublikovaniya-nauchnyh-statey-v-zhurnale-slavyanskiy-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
36,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

